

**Мемориал погибших в Норд-Осте.
Книга памяти

Nord-Ost.
Memorial Book Of Lost Hostages**

Составитель РОО «Норд-Ост»

**Москва
2011**

Читатель!

За текущими делами, за событиями сегодняшнего дня забывается трагедия одного из самых тяжёлых терактов современной России — захват заложников в театре во время мюзикла «Норд-Ост». Спасибо за то, что ты открыл эту книгу, что не равнодушен, что тебя волнуют судьбы людей.

Книга памяти — малая крупица того, что мы смогли сделать для 130 погибших на Дубровке 23-26 октября 2002 года, поскольку человек жив, пока о нём помнят. Здесь собраны воспоминания родственников, друзей, коллег и статьи неравнодушных журналистов.

От совсем юных до убелённых сединами стариков, весёлые, талантливые, увлечённые делом, мечтающие о карьере и достойно завершившие её — они были разные. Все эти люди живут в рассказах, опубликованных на страницах книги. Они продолжают жить в нашей памяти. Надеемся, что ты, читатель, увидишь их такими же.

«Дубровка поражала глубиной горя...

Надежды приходили и таяли, час от часа всё сильнее и сильнее сжималась пружина нервного напряжения — всё могло либо лопнуть с самыми непредсказуемыми результатами, в любую минуту, либо должна быть поставлена волевая точка... Нервы были на пределе, и время было на пределе... Признаюсь, для меня это было личное горе и личная трагедия...

Мне кажется, в те дни у меня самой внутри многое изменилось. И сегодня по прошествии девяти лет не проходит боль, а вместе с ней ещё острее проступает чувство вины за погибших, за страдания и слёзы заложников, их близких и родственников.

Просить прощения за то, что не спасли погибших, стало для меня нормой, когда захожу в храм. Как стало потребностью и сопереживание чувствам их родных и близких, чтобы люди, перенёсшие на себе весь этот ужас, не встречали на своём пути чиновничье равнодушие или просто людское непонимание.

Дубровка сегодня — это знак беды и всемоховского горя, но с этим горем, я уверена, надо жить, нести память о погибших, чтобы боль трагедии не притуплялась, а наоборот, приглашала к деятельной памяти.

Искренне рада, что написана эта книга, которая тоже станет памятью, будет спланивать родственников погибших, их друзей и близких. Она будет роднить всех честных и порядочных людей, всех, кто выбирает жизнь, любовь и добро — то, что бесценно и вечно».

Л.И. ШВЕЦОВА, заместитель Мэра Москвы по социальной политике

«Что для меня Норд-Ост?

Невыносимо тревожные дни... Это были дни небывалого единения всей страны. Это были святые дни, когда вся нация, независимо от убеждений и вероисповедания, молила о спасении ваших жизней, и я, в то время не зная никого из вас, как миллионы россиян спала лишь урывками, сутками следя за развернувшейся трагедией и моля: только бы не было штурма...

Ваши потери, ваша боль — это наши общие потери, наша общая боль. Мне кажется, вся страна хотела бы помочь вам, не оставить вас одних, в скорбные памятные дни все храмы служат траурные панихиды, и люди — я это наблюдаю каждый год — люди плачут о ваших любимых, о ваших детях и родителях как о своих. И вся страна переживает о том, что мы все не смогли вам помочь, защитить, прийти на помощь в самый критический момент и спасти всех!..

А теперь «Норд-Ост» ещё и эта книга... Это все вы, красивые и полные любви к жизни...

Каринна МОСКАЛЕНКО, адвокат потерпевших при теракте во время мюзикла «Норд-Ост»

«Мы живём в мире, где война давно является одним из основополагающих факторов бытия. К сожалению, наше общество никак не может этого понять. Осознание приходит лишь с очередным актом организованного насилия, но потом опять наступает расслабление. Такого не должно быть! Память павших от рук террористов стучится в наши сердца.

Нам, офицерам Группы «Альфа», не привыкать — начиная с 1980-х годов, мы не вылезаем из войн, локальных конфликтов и специальных операций. Однако то, что испытали в «Норд-Осте», навсегда осталось в наших душах как незаживающая рана... Спасать людей, оказавшихся в беде, уничтожать преступников — наша профессиональная задача, наш воинский долг.

Простите нас, мы сделали всё, что могли...»

от имени Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «АЛЬФА» Александр МИХАЙЛОВ, полковник запаса, в период кризиса в «Норд-Осте» — начальник отдела Управления «А» и Юрий ТОРШИН, полковник запаса, в период кризиса в «Норд-Осте» — начальник отдела Управления «А»

Норд-ост перестал быть ветром и курсом — это теперь имя одной из величайших трагедий нашей страны. Как мирно звучит: северо-восток. Как газопровод. Как тяжело и смертельно — норд-ост...

Хочется не просто вечной памяти погибшим, а эффективной, сильной памяти, которая не забудет героев-зрителей и героев-спецназовцев, не забудет наших Аню Политковскую и Рому Шлейнова, тащивших в зал воду...

Дмитрий МУРАТОВ, главный редактор «Новой газеты»

Трагедия коснулась не только граждан России. Весь мир следил за событиями в прямом эфире. В заложниках оказалось 912 человек из 22 государств: Австрии, Австралии, Армении, Азербайджана, Белоруссии, Болгарии, Великобритании, Грузии, Германии, Израиля, Латвии, Нидерландов, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, США, Туркмении, Украины, Франции, Швейцарии и Югославии.

В результате проведённого штурма погибли представители 7 государств: Австрии, Белоруссии, Казахстана, Нидерландов, России, США и Украины.

67 детей стали сиротами, лишившись своих отцов и матерей. Сотни людей получили отравление, перенесли психологический стресс, приобрели ряд серьёзных заболеваний или стали инвалидами.

Никто из руководства спецслужб и правоохранительных органов не понёс ответственности за теракт, за гибель людей.

Электронная версия книги находится на сайте
www.nord-ost.org.

В текстах сохранены авторские пунктуация, орфография и словообразование.

АЛЕКСАНДРОВ АЛЕКСЕЙ

Возраст — 23 года; Россия, г. Солнечногорск.

С Алексеем знакомы мы с раннего моего детства. Его мама, Людмила Алексеевна, была у меня воспитателем в саду. Он часто к ней приходил, в футбол вместе играли — так и познакомились.

Живём мы в соседних домах, и с пяти лет моей жизни дружим семьями. В гости к ним мы ходили по нескольку раз в неделю. Я, конечно, из-за Лёхи, потому что там, где стоило ему появиться, возникало веселье, интерес, стремление к какому-нибудь делу. На праздниках без его выступлений было не обойтись — и фокусы, и розыгрыши, и конкурсы. Он заряжал людей своей положительной энергией. Мне ещё не доводилось встретить более жизнелюбивого, жизнерадостного человека.

Он был внимателен ко всем окружающим, вежлив со старшими, с женщинами был галантен (меня ещё учил при входе помогать снимать верхнюю одежду и быть учтивым — и это когда было ему всего лишь 14 лет), всегда выручал и помогал людям. Он был очень трудолюбивым человеком. Помню, в школе вместо каникул работал по благоустройству города и всегда помогал маме по дому.

Маму свою Алексей очень любил. 8-го марта, в день её рождения, всегда что-нибудь дарил — если не покупал, то делал своими руками что-нибудь удивительное. Каждый праздник для него был настоящим — не для галочки, а от души. По многим своим качествам он и по сей день остаётся для меня таким человеком, с которого я беру пример.

В 15 лет поступил в училище по специальности повар-кондитер. Искренне полюбил своё дело, дома экспериментировал на кухне.

В 18 лет Алексей получил повестку из военкомата. Он был одним из немногих, кто хотел пойти в армию — отдать свой долг Родине, стать настоящим мужчиной, защитником Отечества (повторяю его слова). Очень переживал, когда возникли какие-то проблемы с его призывом.

Провожали его в армию, конечно, со слезами, а он был рад. Служил в ракетных войсках. Как мать его радовалась, когда получила видеокассету, где он — военный. Сидит с ребятами, такой весёлый, на гитаре играет, привет передаёт и, конечно, говорит, что всё нормально, и дембель не за горами.

Два года прошли незаметно. А какая радость встречи была! Алёша вернулся в день рожденья моей мамы — в гостях его семья, все вроде бы в сборе, звонок в дверь, открываю дверь, вижу цветы и прямо не верю глазам — Лёха стоит! Он всегда любил сюрпризы.

Началась новая послеармейская, взрослая, сознательная жизнь. Алексей поступил заочно в кулинарный техникум, устроился работать в ресторан. Мы с ним в то время вместе ездили, по пути было.

Он был открытым и притягивающим к себе человеком, запомнилось мне, что после первых дней знакомства в техникуме его сразу же пригласили на свадьбу.

Немного проработал — и уже всем коллективом они отдыхают у него на даче. Так прошло два с половиной года.

Это был человек, у которого было много планов и стремлений, и, самое главное, Алексей их реализовывал. И кто знает, чего бы он мог достичь, если бы всё сложилось иначе...

Я думаю, что не только в моём сердце, но и в сердцах всех тех людей, кто знал Лёшу, он остался светлым, добрым, отзывчивым человеком. Он всей душой любил жизнь и каждое её мгновение...

Сергей Савельев, друг

Я очень хотела родить второго сына, ждала его. Я благодарю Бога, что он послал мне такого человека. Мне никогда не было за него стыдно.

Он рос общительным, жизнерадостным, любил брата. Я сыновьям всегда говорила: «Брат братом силен». Муж мой умер рано, Алёше было год и восемь месяцев. Сыновья всегда мне помогали. Алёша мне говорил: «Мамочка, мне для тебя ничего не жалко». И сейчас помощь идёт от него.

Алексей хотел стать настоящим мужчиной и с радостью пошёл в армию. Отслужил благополучно. После армии работал поваром и учился в кулинарном колледже. Потом хотел поступить в Плехановский, изучить английский и быть поваром на кораблях, хотел поглядеть мир. А ещё он был заядлый рыбак, знал все водоёмы нашего района.

Больше всего Алёша хотел встретить хорошую девушку и создать семью. И его мечта сбылась. Он говорил: «Неужели бывают такие девушки!» После двух встреч пригласил Юлю на этот мюзикл...

Говорят, что перед смертью человек бывает счастлив. Он и ушёл во сне.

Людмила Александрова, мама

АЛЯКИН АЛЕКСАНДР

Возраст — 54 года; Россия, г. Москва.

Алякин Александр родился 31 июля 1948 года в Ульяновской области, окончил Московский мясо-молочный институт по специальности инженер-технолог молочной промышленности. Всю свою жизнь посвятил пищевой отрасли. Стал выдающимся специалистом, автором множества крупнейших проектов пищевых заводов по всей России и зарубежью. Был нежным и бесконечно заботливым сыном и братом, преданным другом, внимательным и любящим отцом и мужем.

В основном нас (меня и сестру), конечно, воспитывала мама. Но чувство отца рядом, мужчины в доме — это невозможно передать словами. Эти запахи, эти большие папины руки... Его кожаные перчатки, его рабочий дипломат. От него всегда так чудесно пахло одеколоном. А как

он машину водил! Никогда не забуду моменты, когда в пятницу вечером за окнами дачи раздавался гудок его «Москвича». И мы с сестрой наперегонки бежали к машине и засовывали свои носы во все пакеты всегда с одним и тем же вопросом: «Что вкусенького привезли?» А папа входил в дом в ароматном облаке арбуза или дыни, взъерошенный и весёлый...

Я была папиной любимицей, и мы с ним всегда с лёгкостью находили общий язык. Я слышала, что такое редко бывает между отцом и считающей себя взрослой дочерью. Папа всегда был сдержанным в эмоциях и объективным. В случае моего значимого успеха (например, поступление в институт), он просто говорил мне «Неплохо» или «Достойно» совершенно спокойным и ровным голосом. А у меня словно крылья вырастали от счастья. А какие игры у нас с ним были необыкновенные, нежные. Папа научил меня играть в шахматы и «Города», рисовал мои портреты фломастерами.

Последняя наша встреча произошла в новой квартире родителей, где он руководил заканчивающимся ремонтом. Папа почти 30 лет мечтал о том, чтобы у него в Москве была своя, отдельная квартира, и чтобы там всё было устроено так, как он считает «правильным».

В тот вечер у нас состоялся очень личный и долгий разговор. Наверное, даже самый серьёзный и откровенный за всю мою жизнь. Мы говорили буквально обо всём, делились друг с другом своими планами, высказывали мнение, даже немного спорили. Когда прощались в коридоре, я крепко-крепко его обняла, а по щекам почему-то потекли слёзы. Вот так мы простояли около 10 минут. Просто молча. Я была такая счастливая от того, что могу с ним так честно и откровенно говорить.

К «Норд-Осту» была широкомасштабная рекламная кампания. Каждый вечер на сцену будет садиться настоящий бомбардировщик: «Ничего себе!» — думала я про себя, уставившись на рекламный лист, приклеенный в вагоне метро. Тогда я даже вообразить себе не могла того, что спектакль, рекламный лист к которому был перед моими глазами, разделит всю мою жизнь на две половины...

Мы не знали, что он ТАМ...

24 октября в институте, в котором я училась (кстати, там же учились и родители, и моя сестра), из-за близости с театральным центром отменили занятия. Был пасмурный день, я приехала домой и легла спать.

О том, что папа в «Норд-Осте», мы узнали только 25 октября. Коллега сестры не выдержала и рассказала. Оказывается, папа не хотел нас волновать. Он созванивался только со своим партнёром по бизнесу и просил, чтобы нам ничего никто не рассказывал. У мамы большое сердце, а мы с сестрой, по его мнению, были слишком чувствительными. А мы были уверены в том, что он в командировке.

Мама сразу же поехала к театральному центру, а я пыталась дозвониться папе. Через какое-то время в трубке раздался незнакомый мужской голос с акцентом, он сказал мне, что папа немного выпил, устал, сейчас спит, а завтра придет домой. Ещё попросил меня не волноваться...

А завтра был штурм. Мама с сестрой ездили по больницам, а я, как младшая, была дома «на телефоне» и следила за новостями по телевизору. Часто

повторяли ролик с комментариями президента, среди общих слов я слышала только одну фразу «Мы не смогли спасти всех, пожалуйста, простите нас». От этих слов я каждый раз начинала плакать. Какие странные слова «простите нас», думала я про себя. Но всё равно я была уверена в том, что эти слова меня не коснутся.

К папиному приезду я решила испечь пирог, потому что, когда мама найдёт его, и он приедет из больницы, ему будет приятно. Он очень любил пироги, которые я пекла. Пирог не получился, а папу мы нашли в Боткинском морге. А потом всё было как у всех...

Ольга Алякина, дочь

АНИСИМОВА ЕЛЕНА

Возраст — 46 лет; Россия, г. Москва.

Окончила Московский государственный педагогический институт по специальности русский язык и литература.

Работала учителем 10 лет в средней школе, затем 14 лет обучала русскому языку иностранных курсантов в Военно-инженерной академии им. Куйбышева. Доцент.

Вспоминаем Лену постоянно, она у меня в памяти, когда ещё была маленькой. Моя мама занималась Ленулей, научила читать, водила по театрам. В пять лет она свободно читала книги. И с малых лет Лена

всё время играла в учительницу. Так выбор профессии для неё не был случайным. Вероятно, поэтому она и была неплохим учителем.

А какая Лена улыбочивая и весёлая, умела радоваться жизни, торопилась, наверное, боялась не успеть. Поэтому и все ученики, и друзья, которые общались с нею, получали положительные эмоции.

Дочкой она была идеальной. И мамой для мальчиков была хорошей. Серёжку Лена вообще зацеловывала. Некоторые говорили, что так с мальчиками нежно нельзя обходиться, а он вырос в ласкового хорошего-прехорошего парня. А что стоит выражение Егора: «Лишь бы у мамы было всё хорошо, тогда и у нас всё будет в порядке». На последнем дне рождения Лены, на даче — вечер, компания вся сидела в беседке, Егор пришёл с работы уже поздно. Все к нему — «Тост, тост скажи!» Он встал и говорит: «За лучшую в мире маму!»

Светлая тебе память, моя любимая девочка!

Альбина Георгиевна Иванникова, мама

Леночка! Дорогая! Умничка ты наша!

Мы помним тебя такой юной, такой молоденькой, когда после института ты пришла к нам в школу. Совсем как ученица-старшеклассница. Но с каким рвением, с каким желанием и упорством ты принялась за наше нелёгкое дело.

И всем стало понятно: школа это — твоё... А через два-три года ты была уже не просто учителем, а учителем-творцом.

Ты была талантливым педагогом и замечательным человеком. Твои ученики влюблялись в тебя, они даже играли с тобой в такую игру: «Королева и подданные». Подданные — и никакого послушания, безоговорочное подчинение... А подчинение-то не из долга, и уж тем более не из страха наказания... Послушание — из уважения, из любви.

Они боготворили тебя. И свято верили, что всё, чему ты их учишь — всё надо знать, понимать. Ты их учила грамоте и культуре, ты их учила доброму и светлому. И они несут по жизни свет и добро людям... Мы уверены, в сердцах твоих учеников ты навсегда. Как и в наших.

Ты умела каждого успокоить, помочь и советом, и делом, сердце у тебя было доброе, отзывчивое, душа — щедрая. Таких как ты, Леночка, забыть невозможно...

До сих пор не верим, что тебя нет с нами. Не верим! Хочется думать, что просто давно не виделись, а ты, Леночка, по-прежнему такая милая, такая симпатичная, такая жизнерадостная. В каждом из нас живёт, звучит твой неповторимый, такой нежный и обвораживающий голосок, твой заразительный и такой искренний смех.

Ты с нами. Постоянно с нами.

*А. С. Титова, Ю. Н. Сутырина, О. П. Галкина, Е. И. Поволоцкая
от имени коллектива школы № 1229*

Это было почти 40 лет назад. В 4а класс вошла девочка — косички-бараночки вокруг головы, серьёзный взгляд серых глаз — Лена Иванникова. Девочка оказалась славной, весёлой и большой выдумщицей. Мы вместе катались на санках с заснеженных горок на школьном дворе — на корточках, спиной, боком, даже стоя пытались, не вышло только, а потом бежали к ней домой, ели бабушкины пирожки и играли в школу. Лена точно знала, что будет учительницей русского языка и литературы, поэтому у неё был почти настоящий школьный журнал, толстый такой, со списком придуманного ею класса, и мы забавлялись, представляя учителей и наставляя на путь истинный наших шалунов.

Это было давно, и хорошо мы тогда дружили с Леной.

Вера Ильина, бывшая одноклассница

Не каждому человеку суждено в жизни встретить настоящую дружбу, которая — с детства и навсегда, до последнего вздоха. Дружбу, которая сначала связывает родителей, потом сближает детей, и, я надеюсь, продолжится во внуках. Дружбу, которой не страшны расстояния, семейные обстоятельства и перерывы в общении.

Мне в жизни очень повезло: Бог дал мне возможность обрести такую дружбу и встретиться с замечательным человеком — Леночкой Анисимовой. Эта встреча произошла почти 45 лет назад благодаря встрече наших родителей на отдыхе в солнечном Крыму. Встреча, которая давно стала доброй легендой в наших семьях, которая практически сразу и на долгие годы сделала всех

нас — бабушек, родителей и детей — по-настоящему и по-родственному близкими людьми.

Это было как озарение, когда совсем ещё недавно незнакомые люди вдруг обнаруживают глубокую общность взглядов, интересов и мироощущений. Как я сейчас понимаю, этот «электрический разряд» в детстве поразил и нас с Леной и что-то замкнул в наших душах. Это короткое замыкание в последующие годы позволяло нам одинаково чувствовать и сопереживать, понимать друг друга с полуслова после долгих разлук.

В детстве Леночка была очень эмоциональным ребёнком, весёлым и общительным. В те годы каждое лето мы с Леной вместе с бабушками жили на даче недалеко от Новосибирска на берегу Оби. Жили в одном дачном домике практически одной семьёй. От того времени в памяти сохранились ощущения беззаботного счастья и радости.

А потом пришла разлука. Маму Лены перевели в Москву, а мы оставались в Новосибирске. Встречи стали редкими, и детская дружба ослабела.

Тем более удивительно, что в зрелые годы к нам вновь пришло осознание необходимости общения, душевной взаимозависимости. Этому способствовало и близкое соседство: от Москвы до Нижнего Новгорода, где мы теперь живём, всего несколько часов пути. Мы, как раньше наши родители, стали дружить семьями. Стали дружны и наши дети. Встречались на отдыхе и по праздникам, а совместная встреча Нового года на долгие годы стала нашей доброй традицией.

В зрелые годы у Лены к детской непосредственности и эмоциональности добавились тонкая душевная организация, глубокая интеллигентность и эрудиция, обаяние и искромётный юмор. Её весёлость и страсть к жизни заводили нас всех и давали постоянную радость от общения. Гостеприимный дом на Чистых прудах стал нашим любимым местом встречи, вторым домом.

Казалось, что так будет всегда. Нет, что будет ещё лучше и радостней. Строились ближние и дальние совместные планы, жизнь и удача улыбались...

Почему жестокий рок сражает людей в момент их подъёма, в преддверии счастья, в радостную пору? За что эта чудовищная несправедливость?!

Тяжёлая, невосполнимая потеря. Потеря для всех нас. Для меня это потеря большей части души и жизни, которую невозможно исправить и восстановить.

Остаются только память о добром и надёжном друге, удивительном и прекрасном человеке, радость и счастье от того, что Леночка была с нами, и ужасные боль и горечь утраты.

Владимир Зубцовский, друг

Дорогая Леночка, Солнышко моё!

Ты встречала меня всегда с улыбкой и радушием, и не только меня: ты со всеми была одинаково приветлива и доброжелательна. Особенно вспоминаю наши встречи на даче. Меня всегда поражало твоё отношение к маме: любовь и дружба, постоянная забота и внимание. Всем бы такую доченьку! А твоя любовь и забота о мальчиках, они выросли в хороших парней! Маме было чем

гордиться. Твои знания, профессионализм отмечали все. От лучшего преподавателя в школе до доцента преподавателя в академии — это ли не высший класс! Скольких ребят ты подготовила в вузы — дала им путёвку в жизнь. До сих пор звонят желающие с тобой заниматься.

Память о тебе всегда будет в моём сердце.

Тётя Элла

Прошли года, но не исчезла боль утраты.

С портрета смотришь ты, чуть голову склоня.

От нас внезапно навсегда ушла ты,

Оставив всех, кто так любил тебя...

Неумолимо летит время, с каждым днём отдаляя нас от трагических событий в Театральном центре на Дубровке. В те страшные для всей страны дни погибла наша Лена.

Лена проработала на кафедре русского языка Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева около 15 лет. Она пришла в академию в возрасте чуть более тридцати. За плечами уже был опыт работы в средней школе, и специальность «русский язык как иностранный» стала для неё совершенно новой. Через некоторое время, очень быстро поняв, в чём состоят особенности этой специальности, Лена выработала свои собственные авторские методические приёмы.

Молодая, обаятельная, очень энергичная и талантливая, она никого вокруг себя не оставляла равнодушным. Мир вращался вокруг неё. Многие молодые преподаватели нашей кафедры учились преподавательскому мастерству у Лены. Руководство поручало ей работу в особенно трудных группах.

Лена обучала русскому языку иностранных слушателей из разных стран: Сирии, Эфиопии, Йемена, Алжира, Китая, ГДР и др. После распада СССР этот список пополнился обучаемыми из ближнего зарубежья: Армении, Грузии, Киргизии, Таджикистана и др.

Многие выпускники долго помнили свою преподавательницу и при случае передавали ей приветы, поздравления, сувениры.

В течение ряда лет Лена входила в состав приёмной комиссии Военно-инженерной академии по русскому языку. С сентября начиналось преподавание нашего предмета вчерашним абитуриентам. Лена была преподавателем по призванию, из года в год совершенствуя своё мастерство. Вспоминается такой случай. Российские курсанты прослушали курс нашей дисциплины, и, когда закончилось последнее занятие, они встали и аплодировали старшему преподавателю Е. Л. Анисимовой стоя. Леночку знали в академии и как одну из немногих женщин-автомобилистов.

После гибели Лены коллектив кафедры русского языка долго не мог привыкнуть, что её нет среди нас. Она унесла с собой что-то очень ценное и важное, то, что коллектив кафедры не смог восстановить до самого закрытия академии.

***Г. Кузьмина, бывшая заведующая кафедрой русского языка
Военно-инженерной академии***

Вспоминая наш класс, Лену, я вспоминаю не только её готовность всегда прийти на помощь, но и то, что особенно завораживало меня в ней — её смех. Когда смеялась она, невозможно было не рассмеяться в ответ, и многие проблемы после этого решались проще.

Мы, её одноклассники, скорбим вместе с её родными о такой потере, таком зажигательном, весёлом, жизнерадостном человеке, рядом с которым было легко и хорошо. Пусть земля будет ей пухом, пусть её черты воплотятся в её сыновьях.

Марина Мешковская, бывшая одноклассница

Я познакомилась с Еленой Леонидовной по телефону. Дело было летом 1989 года. Накануне своего вступительного экзамена по литературе на филологический факультет МГУ я обнаружила, что совершенно не знаю вопросов по программе литературы конца XX века, на тот момент современной советской литературы. У меня была замечательная преподавательница по литературе, но свой акцент она всё же делала на литературе XIX века. Современную советскую литературу — литературу соцреализма — она не считала классикой. Обнаружив пробелы в своих познаниях накануне важного экзамена, я обратилась к маме с просьбой посодействовать. Мама позвонила своей коллеге Елене Леонидовне, о которой я уже много слышала, и затем передала трубку мне. Уже не помню точно, сколько мы проговорили, час или полтора, но в конце нашего разговора у меня сложилось чёткое мнение, что все эти произведения я прочитала сама, причём прочитала вдумчиво — настолько хорошо Леночка объяснила мне содержание, проблемы и художественные особенности всех программных произведений. Я была потрясена тем, как быстро и чётко молодой преподаватель смогла изложить и донести до меня информацию, на изучение которой пришлось бы потратить долгое время.

Помню, в конце того телефонного разговора я пожаловалась Леночке, что боюсь на экзамене вопросов по Достоевскому, на что она мне сказала, что Достоевский — это один из её самых любимых писателей, и что все её ученики в школе любили и понимали творчество Фёдора Михайловича. «В начале урока я влетала в класс со словами «нас ждёт Достоевский», — рассказывала Леночка. И я себе сразу представила картину, как молодой, красивый, талантливый педагог стремительно входит в класс, в котором сразу же воцаряется тишина, и десятки горящих глаз готовы внимать словам своей любимой учительницы.

После этой телефонной консультации я постаралась представить себе, как могла бы выглядеть эта внутренне интересная женщина. Когда мы, наконец, встретились, мои впечатления превзошли все мои заочные ожидания. Стройная и молодая, стремительная и одухотворённая, весёлая и жизнерадостная, готовая дать консультацию в любое время дня и ночи — такой запомнилась она мне и, наверное, всем, кто её знал.

С того самого телефонного разговора и началась наша дружба. Вспоминаются чувства радости, праздника, которые охватывали меня при каждой встрече с Еленой Леонидовной. Мы не переставали хохотать. Леночка была актрисой, мастерски рассказывала, шутила. Она никогда не боялась посмеяться над собой и всегда с юмором и лёгкой самоиронией рассказывала о некоторых даже

не очень весёлых событиях своей жизни.

После знакомства с Еленой Леонидовной я стала называть её Леночкой. Когда бы я ей ни позвонила, даже если она была сильно занята, она всегда находила время для меня. С Леночкой можно было поделиться всем, и все проблемы после разговора с ней всегда казались незначительными. Наверное, помимо дара преподавателя, у неё был дар психолога или даже экстрасенса.

Казалось, наша дружба и общение продлятся всю жизнь.

Время постепенно стирает из памяти воспоминания о тех страшных днях октября 2002 года, когда вся страна с замиранием сердца следила за событиями в Театральном центре на Дубровке. Я помню, как, качая на руках своего новорождённого сына, я не могла отойти от телевизора, внимательно слушая все последние новости оттуда. Я была уверена, что всё кончится благополучно, что она обязательно вернётся и спустя некоторое время будет рассказывать нам о том, что это случилось именно с ней, потому что она всегда оказывалась в гуще самых значимых событий.

Я не хочу верить, что Леночки нет. Для меня она жива, только куда-то далеко уехала, поэтому я не могу с ней встретиться и пообщаться. Не прошло ни одного дня с тех пор, чтобы я не вспомнила о ней. Елена Леонидовна оставила неизгладимый след в моей душе и в душе каждого, кто имел счастье быть с ней знаком...

Ирина Рогоцкая (Кузьмина)

Дорогая Ленка!

Тебе не надо было умирать для того, чтобы почувствовать, как много людей обожает тебя.

Сейчас, когда ты далеко, я уверена, ты ощущаешь эту любовь.

Ты занимала большое место в моей жизни, мы являлись близкими друзьями с 1982 года.

Мы учительствовали в одной школе, наши «дачи» располагались в одном и том же месте — Монино, мы даже в одно и то же время принимали решение завести второго ребёнка. Твой Серёжа родился 13 октября 1984 года, а моя Надя родилась 30 ноября того же года.

Ты была первой, кому я позвонила из роддома и поделилась своей радостью.

Позднее, когда мы ездили в гости друг к другу, мы оставляли наших детей ползать по диванам, а сами могли говорить и говорить часами. Я до сих пор помню прекрасные тапочки, которые ты привезла из Чехословакии для моей двухлетней Нади.

Я помню тот день, когда наши матери остались с детьми в Монино и отпустили нас в кино. День был дождливый, мы мчались под зонтиками через картофельное поле с туфлями в руках и были совершенно счастливы.

Мы были нужны друг другу. Возможно, я была единственным человеком в Москве, кто не знал проблем с отключением горячей воды в июне. Почему? Да потому, что я всегда могла прийти к тебе помыться, у тебя всегда в это время была горячая вода.

Ты готовила свои знаменитые пельмени и угощала меня разными кулинарными изысками, которые были большой редкостью в то тяжёлое время.

Я не могу забыть нашу поездку в Ригу со старшеклассниками, как мы останавливались в доме отдыха и ходили на французскую комедию. Мы всё боялись, что потеряем кого-нибудь из ребятишек, и кинотеатр казался нам лучшим спасительным местом, а ты командовала: «Идут все!»

Когда фильм начался, мы осознали, какую большую ошибку совершили, потому что в кино было много сексуальных сцен, но было уже поздно. Зрители смеялись, и мы тоже умирали от смеха. Мы только на миг представили, что дети пошли бы на этот фильм вместе с родителями и сказали им: «Елена Леонидовна посоветовала нам посмотреть этот фильм». Я вспоминаю наши школьные чудачества, и, несмотря на то, что мы занимались со старшеклассниками, и все они должны были ходить на Подготовительные курсы, они не могли отказать, когда ты говорила: «Пожалуйста, ради меня повторите это ещё раз».

И они это делали снова и снова для тебя. Я уверена, ты была прекрасной отправной точкой в их жизни и мощной движущей силой. Мы настолько ладили с тобой, что никогда между нами не возникало никаких недомолвок. Я помню каждый день. Я по-прежнему ношу одежду и украшения, которые ты мне дарила, твой голос ещё звучит в моих ушах, я даже слышу твои интонации.

Я часто думаю: «А что бы сказала Ленка на это?»

Как несправедлива жизнь! Почти пять лет назад случилась огромная трагедия...

Твоя Таня Игнатенко, Лос-Анджелес, 2007 год

Вспоминаю историю нашей дружбы и удивляюсь: в ней нет ни одной ссоры, ни одного недоразумения. И это не потому, что об ушедших думаешь лучше, чем о живых — она как-то умела не обижать и не обижаться. Моя покойная мама с оттенком зависти и восхищения говорила: «Да, Лена — дипломат». Мне всегда казалось, что это не совсем лестная характеристика. А теперь я понимаю, что мама, в общем-то, была права. Особенный склад ума и такт позволяли нашей подруге избегать неприятных столкновений.

Один священник сказал мне о спасительной роли юмора в житейских, бытовых ситуациях: «Иначе можно озлобиться». Лена забавно умела в лицах представить ситуацию, её участников, и, главное, саму себя. Она не боялась показаться смешной. Вспоминаю её сияющие глаза, заразительный смех, быстрый голос. Умела она в неприятном видеть комическую сторону, обезоруживая таким образом зло.

Когда-то мы увлекались Дейлом Карнеги и его учением о том, как быть для всех приятным. Один из его советов — искренне интересуйтесь тем, что интересно вашему собеседнику, и тогда он ваш. У Лены этот интерес был абсолютно искренним. Ей всегда хотелось знать о том, как идут дела у наших родственников, сослуживцев, друзей, о которых она порой знала только понаслышке. Меня удивляла её память на обстоятельства жизни и характеры людей, знакомых ей лишь по рассказам.

Её жизнелюбие выражалось и в желании участвовать в жизни всех — сочувствием, радостью. Про таких людей говорят: «Лёгкий характер». Жизнь Лены не была лёгкой, но с ней всегда было легко. Это великий дар от Бога — талант радоваться жизни и радовать людей. Я верю, что страшные испытания

её последних дней закончились для неё легко, и она перешла в мир вечной радости, где её встретили как свою.

Елена Поминова, подруга и однокурсница Лены

«Светлый человечек». Эти слова в полной мере относятся к Лене.

Помню 1 сентября 1974 года, залитую солнцем аудиторию, нас, вчерашних школьников, а сегодня уже студенток 1-го курса. Оглядываюсь назад и вижу сияющие распахнутые глаза и открытую улыбку. Так мы и подружались. Всегда её улыбка, её смех будут сопровождать наши отношения в дальнейшем.

Она успевала и отлично учиться, и иметь много друзей, и быть замечательной дочкой и внучкой.

Мы любили «посекретничать»: Ленка была мудра и умела «пригасить» мои эмоции.

Она была отличной студенткой и стала высококлассным профессионалом. Сначала работа в школе, потом — кафедра русского языка в академии имени Куйбышева, и всегда — ученики, ученики, ученики.

Удивительный дар — отдавать себя людям: родным, друзьям, коллегам, ученикам. Все как будто заражались от неё положительной энергией. Пообщаешься с ней — и легче на душе, и силы прибавляются. А ведь у неё самой и печали, и усталость, и разочарования были. Но для других — всегда подтянута, улыбчива, искромётна.

Лена... Елена... Елена Леонидовна... Любимый учитель. Она учила так, что хотелось ей соответствовать.

О личном, душевном и духовном умолчу. Мне по-прежнему её очень не хватает. Очень!

Ирина Ильина, однокурсница

В институте мы дружили вчетвером: Лена Иванникова (Анисимова), Ира Ильина, Лена Поминова и Люда Артёменко. Наверное, такое не часто встречается — вчетвером. Но у нас как-то так само собой получилось, что с первых же дней учёбы мы сблизились и уже не разлучались, всегда были вместе. И ни разу за всё время не поссорились. Какие-то мелкие обиды друг на друга, конечно, случались, бывали и недоразумения, но интриги или затяжных ссор, прекращения отношений, как это бывает у девчонок, у нас не было. Сейчас я понимаю — во многом благодаря Лене, её уникальному лёгкому характеру, умению сглаживать углы, не обижаться, не заикливаться на мелочах, многое прощать. Когда-то Лена Поминова очень точно назвала её «добрым гением нашей четвёрки». В юности больше всего на свете хочется дружить, любить, быть понятым и нужным. Мы этому учились. А Ленка в свои 17–18 лет всё это уже умела. От рождения она была щедро наделена многими талантами.

Она всегда держалась скромно, в тени, казалась тихоней, незаметной — почти «никакой». А была личностью — яркой, самобытной, наделённой недюжинным умом, сильным темпераментом — и в то же время очень тонкой, мягкой, интеллигентной. Считалась и самоё себя считала некрасивой, но вдруг одной из первых на курсе вышла замуж, обратив тем самым на себя

всеобщее внимание. К ней пригляделись и увидели. Вспоминается очень многое, но какими-то отрывками — складно всё изложить трудно. Лично мне вспоминается Ленка разная. Кстати, такой, какой она была настоящей, наша подруга открывалась людям не сразу, а постепенно или неожиданно. Например, однажды я поймала на себе её пристальный, очень внимательный взгляд, а чуть позже она меня спросила, не случилось ли у меня чего. И тогда я поняла, какой она наблюдательный и чуткий человек. У меня тогда действительно на душе было нехорошо, но я это скрывала за шутками и напускной весёлостью и думала, что мне это удаётся. Но красавица! Окончательный её расцвет произошёл, по-моему, уже после окончания института, когда она пришла работать в школу. Тут развернулись все её таланты. Помню, как она живо, ярко, со свойственным ей юмором, заражая своим смехом, жизнерадостностью, рассказывала о школе, о детях, их родителях и учителях. «Ты представляешь,— говорила она с сияющими глазами,— меня все любят. Все!» И добавляла удивленно: «Надо же!» А как её было не любить? Она влюбляла в себя людей, поражала, к ней тянуло. Дети, я уверена, её обожали и почитали.

— Но вот у меня только что прошли уроки по Блоку,— сказала Лена,— и, знаешь, он им понравился: сдавали мне по 5–7 и 10 стихотворений наизусть.

— Как же тебе это удалось?

— Да никак. Просто когда был первый урок по Блоку, я встала перед классом и сказала: «Сейчас я вам прочитаю своего любимого поэта — А. А. Блока, а вы просто послушайте».

И прочитала наизусть подряд, без остановки, 40 стихотворений — всё, что знаю и люблю. Ну и после этого они тоже стали учить. Увлеклись даже: кто больше выучит.

Маленькой девочкой Лена мечтала быть учительницей. Только учительницей. И только русского языка и литературы. Всегда играла в школу. У неё были мифические ученики, их тетрадки с упражнениями, журнал с отметками. Она так увлекалась процессом проверки тетрадей и выставлением оценок, что в поле её учительской деятельности попадали и поздравительные открытки от подруг её мамы, Альбины Георгиевны. Лена их читала, исправляла ошибки и — главное — строго, а порой беспощадно оценивала. Например, ставила жирное «2», а в скобках добавляла: «Грязь!!!»

Где-то на втором курсе мы стали издавать свой рукописный журнал под ироничным названием «Синий чулок». Издавать — это, конечно, громко сказано — вышел всего один-единственный номер. «Синими чулками» мы называли себя, незамужних девиц, тайно мечтающих о замужестве, о счастливой семейной жизни, но пока терпящих на личном фронте неудачи или разочарования. «Ну и что? — рассуждали мы. — Пока у нас никого нет (женихов, мужей) — да, мы «синие чулки». Но мы очень дорожим друг другом и нашей дружбой». «Союз нерушимый» — так называли мы тогда свою страну, так думали и о себе. Что бы ни случилось, мы навсегда останемся вместе. О смерти тогда, конечно, никто из нас не помышлял. И вот первой ушла Лена. Её жизнь оказалась недолгой, оборвалась трагически. Трудно с этим мириться. Но как подумаешь, сколько всего доброго для людей успел

сделать этот чудесный человек, наша подруга!

Жалко, больно до сих пор, не верится, Ленки не хватает. Но всё равно нас четверо: наш союз — нерушимый. Убеждена: не разлучает смерть с любимыми и близкими, связь с ними не прекращается. И это знают все. Каждый, кого любила Лена, и кто любил её, подтвердит мои слова: не прошло ни дня с её кончины, чтобы хоть мельком, хоть на мгновение она не вспомнилась, не дала этим знать о себе: я здесь, с вами.

Дорогая наша Ленка! Ле-е-е-на! Вечная память тебе, вечный покой!

Людмила Артёменко, подруга и однокурсница Лены

Прошло пять лет. Все мы постарели, а Леночка осталась прежней. Все мы смертны, но невозможно представить, что её нет, что ушла так рано, вдруг, словно задуло свечку, а ведь была она такой яркой, тёплой, даже внешне самой улыбкой с искрящимися глазами.

Такой она осталась на портретах и в нашей памяти. То, что я пишу о Леночке — это не панегирик, а моё ощущение о ней как о человеке со всем, что дано человеку: характер, боль, радость, работа, проблемы, которые надо решать, любовь к родным, своё женское стремление к счастью и умение многое брать на себя в повседневной жизни.

Нельзя сказать, что прожила она свои недолгие годы легко. Всё, что было сделано — образование, семья, карьера — всё доставалось огромным трудолюбием, но делалось с радостью. От этого, наверное, тянулись к ней люди, а близким было так уютно рядом. Мы, друзья её мамы, знали, какой прекрасной была она внучкой, дочкой, матерью, как умела дружить, с какой доброжелательностью встречала входящих в их дом. Это было заложено в Леночку с детства любовью, которой её окружали бабушка и мама.

Для меня она была дочерью моей подруги. В нашей суете я не задумывалась над тем, что она делала ежедневно, как хватало сил, времени, чего достигала, какие успехи в работе. Это просто радовало за всех их. Другие, кто был рядом, знают лучше, но меня всегда поражала удивительная нерасторжимая связь с матерью. Это были одинаково молодые, очаровательные женщины-подруги. Обаятельные, радостно смеющиеся, тёплые, открытые к общению, с распахнутой улыбкой.

У Леночки это было потому, что она такая по рождению, воспитанию. А у мамы от присутствия такой дочери, и притом, что жизнь обеих преподносила всякие сюрпризы. Это душевное единение, Леночкино жизнелюбие словно влило силы, когда пришла беда, и помогло семье выстоять, выжить и жить, когда она ушла.

Невозможно без боли думать о том, что случилось, почему судьба распорядилась так, почему надо было оказаться там, почему так мучительно и вдруг оборвалась светлая жизнь. Эти трудные «почему» теперь останутся навсегда у тех, кто знал и любил Леночку.

Горько за всех, кто ушёл из «Норд-Оста», но своё остаётся самым горьким, и невозможность остановить конец, вернуть, чтобы было как было — это самое трудное, с чем надо жить после горя. Её удачно называли Еленой. Она была красивым человеком во всём в добрые и нелёгкие дни, честно решала свою

жизнь и достойно прожила время, отпущенное судьбой. Она умела быть счастливой и любить.

Забота о детях и маме в житейских ситуациях была так велика, что и теперь, верь не верь, но словно оттуда приходит помощь, и по-прежнему они живут под покровом этой заботы.

Прошло пять лет. Мальчишки стали мужчинами, есть профессия, должно быть будущее. Всё идёт так, как хотелось бы их маме: в работе, в учёбе, в поддержке Леночкиных друзей, в том, что бабушка остаётся стержнем семьи.

Я прошу простить меня, если кому-то покажется излишней моя «лиричность», но иначе мне, старому человеку, знавшему Леночку в добрую пору, писать невозможно, и всегда звучит в памяти её голос: «Здравствуйте, тётя Валечка!»

Когда я проезжаю мимо памятника у «страшного места» в Москве, всегда думаю, что и её душа улетела журавликом, а она остаётся в доме своём и встречает входящих светящимися глазами с портрета.

Светлой была, светлой и осталась.

Пять лет прошло, и так будет всегда.

Подруга А. Г. Иванниковой

Привет, дорогая наша Елена Прекрасная!..

Ну вот не поворачивается язык обращаться к Вам, как к ушедшей из этого мира, и всё тут... И пускай я тысячу раз говорил себе, что Вы завершили свой земной путь лишь для того, чтобы оказаться в мире гораздо более гуманном и несравненно менее жестоком, чем наш, но верится в то, что Вы ушли от нас навсегда с невыносимым трудом...

Вот уже пять лет прошло с того злосчастного дня, но память всё также остро воспроизводит перед глазами картины тех событий.

Помню, мы с верными однокашниками собирались на очередную ежегодную встречу с классом...

Да... наши традиционные встречи... Ведь это была именно Ваша идея и инициатива — собирать нас (если не ошибаюсь, Ваш первый выпускной класс) один раз в год. И собирать не где-нибудь (например, в той же школе), а у Вас дома, в старинном районе, недалеко от Курского... В квартире, казавшейся нам такой большой, встречавшей нас так радушно и гостеприимно, что каждый из нас, уверен, считал себя (хотя бы один раз в году) полноправным членом Вашей семьи... Наши встречи всегда проходили в такой тёплой, домашней, непринуждённой обстановке. Каждый приносил с собой какой-нибудь деликатес, немного спиртного, и главное, конечно, новости: про себя, свою жизнь, новости про ребят, которые не могли попасть на встречу... И так это было всегда приятно — осознавать, что, помимо твоего родительского, есть ещё на свете дом, в который можно было прийти, где тебе всегда были рады, и где всем было интересно слушать то, что происходило в последнее время в твоей жизни... Вы рассказывали, что позаимствовали опыт таких встреч у своей классной руководительницы... Вы даже как-то решились показать нам видео с одной из встреч Вашего класса. Вроде бы взрослые дяди и тётки...

Сели пить чай... И тут, после нескольких вспомнившихся случаев из того далёкого школьного времени, вдруг начали игриво, по-детски светиться глаза у этих дядь и тётъ!..

Так вот, собираясь как раз на очередную встречу с классом, я тогда от кого-то из одноклассников и услышал эту страшную весть: наша Елена сидит там, среди взятых в заложники зрителей «Норд-Оста»... Как гром среди ясного неба... Любые сообщения в теле- и радиозфире о развитии событий в «Норд-Осте» сразу перестали быть просто тревожными (как о посторонних людях, попавших в беду, хоть и живших рядом с тобой, в твоём городе, а стало быть, и сам ты мог теоретически оказаться на их месте). Но теперь, когда в этих сообщениях содержалась информация о близком тебе человеке, каждое из них стало ловиться жадно, с диким волнением, с додумыванием между строк. И с мольбой, и с надеждой, чтобы всё завершилось благополучно... А когда это, наконец, завершилось... Ещё была надежда, что Елена наша найдётся... И найдётся среди живых... Но... не случилось.

Вы всегда были очень ярким, светлым человеком. Жизнь так и бурлила вокруг Вас. Красивая, эффектная женщина и талантливый педагог. Вы всегда подходили нетривиально к урокам, всегда у Вас в запасе были какие-то дополнительные интересные добавления к сухому школьному материалу. К урокам русского Вы тоже подходили неформально, никогда не проводили уроков с потухшим взглядом. Всегда в уроке была какая-то изюминка, кульминация, особый нерв. Даже двоечников наших — и тех Вы всегда умели расположить к себе. Кого-то строгостью, кого-то, наоборот, личным обаянием — но заставляли учить наш великий и могучий... Эти сложносочинённые и сложноподчинённые предложения... А ударение в слове «позвонИт»?! Никто из нас уже никогда не забудет этих правил и исключений... Как не забудет никогда и Вас...

Вы приобщали нас к театру. Мы не только ходили с Вами в театры, но с Вашей помощью и сами ставили спектакли на школьной сцене. Одним словом, Вы были одним из очень немногих Лучиков Света в сером, монотонном царстве советской школьной системы...

И вот теперь Вас нет рядом с нами... Видимо, Господь призвал Вас под свои знамёна. Ибо кому, как не лучшим из лучших вставить под них, под Его знамёна!..

Помню, за год до «Норд-Оста» Вы с таким воодушевлением рассказывали нам о том, как побывали в Иерусалиме, на Святой Земле, как стояли у Стены Плача, прошли по пути Иисуса на Голгофу... Очень ярко и эмоционально рассказывали, было видно, что паломничество то оставило сильнейший след в Вашей душе...

Я не верю в то, что люди уходят навсегда. Я чувствую, что Вы по-прежнему рядом с нами, чувствую, как Вы с неба помогаете нам. Завтра у нас очередная встреча с классом. И нам всем очень больно, что уже пятый год подряд Вы не придёте на эту встречу. Мы рассказываем о Вас нашим жёнам и детям, и мы всегда будем о Вас вспоминать, любимая наша Елена Леонидовна.

Андрей Богуш, выпускник 81-й школы

АНТОНОВА ЛАРИСА

Возраст — 54 года; Россия, г. Клин.

Антонова (Назарова) Лариса Михайловна родилась 15 июня 1948 года в городе Реутов Балашихинского района Московской области. В 1955 году поступила в первый класс восьмилетней школы № 8 города Клин. В 1962 году вступила в члены ВЛКСМ. В 1963 году окончила 8 классов и поступила в школу № 1. В 1964 году перешла учиться в вечернюю школу № 1 и поступила работать фасовщицей в аптеку № 45. В 1966 году окончила 11 классов и поступила в Московский Энергетический техникум. В 1968 году вышла первый раз замуж, и в этом же году родилась дочь Наталья. В 1975 году устроилась работать на Клинский хладокомбинат. В 1977 году был расторгнут первый брак, а в 1978 году снова вышла замуж за Антонова Геннадия Александровича, с которым прожила до последнего момента...

...На то злополучное представление она пошла вместе с дочкой — Натальей. Наталья вернулась... Вернулась к семье, к детям, и это правильно. Дети не должны уходить из жизни раньше родителей.

...На тот момент я не испытывал горя большего, чем случилось. В голове ещё долго не могло уложиться, что мамы нет с нами... Нет так быстро, так нелепо. На протяжении полугода казалось, что вот-вот сейчас откроется дверь, она придёт, она вышла на время, а не навсегда.

Известно, горе одно не приходит. После длительных переживаний, после второго инфаркта за ней ушёл её муж— мой отец...

Денис Антонов, сын

АПШЕВА СВЕТЛАНА

Возраст — 38 лет; Россия, г. Москва.

26 октября 2002 года безвременно оборвалась жизнь этой 38-летней женщины, умной, красивой и обаятельной. Свои последние дни ей пришлось провести в ДК на улице Мельникова в Москве в числе заложников, захваченных террористами 23 октября.

Светлана Хасеновна Апшева совсем недавно стала сотрудником Российского Красного Креста, его главным бухгалтером. Но человеку с таким мягким, тёплым характером, с такими широкими профессиональными знаниями, с такой преданностью делу и не требовалось много времени, чтобы влиться в новый коллектив, занять в нём видное достойное место.

Родом из Нальчика, из семьи служащих, Светлана Хасеновна сначала

с отличием окончила учётно-экономический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета по специальности «Бухгалтерский учёт», потом ещё один факультет того же университета — стала и дипломированным юристом.

Переехав семнадцать лет назад в Москву, работала старшим бухгалтером в ЦК Всесоюзного общества «Знание», затем — финансовым директором, юристом-экономистом в ряде коммерческих предприятий. Работала и воспитывала дочь Жантину, 1986 года рождения.

Наши глубокие соболезнования дочери, родителям, всем родным и близким нашей сотрудницы, так трагически ушедшей из жизни.

*Коллектив Российского Красного Креста,
Журнал РОКК № 6 за 2002 год*

Светлана Апшева окончила экономический и юридический факультеты КБГУ. Работала в различных московских фирмах, а последние годы была главным бухгалтером Российского Комитета Красного Креста.

23 октября на мюзикл «Норд-Ост» должна была пойти дочь Светланы — студентка одного из московских вузов. Но в этот вечер девушке необходимо было быть в институте, и на спектакль пошли её мать и подруга Фатима Шакова.

Около 23 часов Жантине позвонили из Красного Креста и сообщили, что её мама находится среди заложников. Светлана звонила дочери несколько раз. Просила её не волноваться и не говорить о происшедшем родителям, живущим в Нальчике.

Светлана Апшева долгое время работала в совместной российско-германской фирме, среди учредителей которой было много жителей Чечни. Они связались с самыми известными представителями чеченской диаспоры в Москве, но захватившие театральный центр не стали их слушать. С представителями Российского Красного Креста террористы не хотели общаться. Попытку освободить Светлану предпринимали сотрудники представительства Международного Комитета Красного Креста в России, но тоже безуспешно.

Последний звонок из «Норд-Оста» раздался в квартире вечером 25 октября. Сначала в трубке послышался голос кого-то из террористов, затем Светлана снова просила дочь не беспокоиться: «Я люблю тебя и горжусь тобой!» Это были её последние слова.

По словам Жантины, она, её папа, сотрудники Красного Креста искали Светлану по всем больницам, звонили по всем телефонам: «Мне позвонил наш знакомый — полковник МВД — и сообщил ещё один телефон, по которому можно что-то узнать. Было трудно дозвониться, потом меня попросили описать, во что мама была одета. Я сказала. Через некоторое время нам сообщили, что сходная по описанию женщина находится в 11 морге, и можно приехать на опознание. В морг поехали папа и мамина подруга. В медицинском заключении, выданном в морге, в графе о причине смерти было написано: «Причина выясняется».

Вечером 28 октября тело Светланы Апшевой было доставлено в Нальчик рейсовым самолётом. 29 октября её похоронили на новом мусульманском кладбище на Стрелке.

«Газета Юга» от 31.10.2002 г.

БАРАНОВСКИЙ СЕРГЕЙ и НИКИШИН АНДРЕЙ

Возраст — 46 лет и 20 лет; Россия, г. Москва.

Лена и Серёжа прожили вместе только полтора года. Столько они оказались женаты. С Серёжей Лена познакомилась в 1969 году, в пионерском лагере. Им было по 14. С тех пор они дружили. Всю жизнь до гроба. Когда Лена вышла замуж за Володю Никишина, с которым как-то познакомилась в горах — Лена и Володя сумасшедшие горнолыжники — Серёжа

ей позвонил и сказал: «Поздравляю. Но всё равно когда-нибудь ты будешь моя, потому что я тебя очень люблю». Тогда им было уже по 21, и начиналась их, Серёжи и Лены, параллельная жизнь длиной в 18 лет.

...Лена родила Андрюшу и вся ушла в его воспитание. Серёжа окончил Институт военных переводчиков с английским и фарси и попал в Афганистан. Конец 70-х, как раз там началась война. И Серёжа пробыл на ней шесть лет, только с отпусками.

— Я не испытывала тогда к нему женской любви, — говорит Лена. — Просто — друг. Очень надёжный и верный. Я всегда могла рассчитывать на его поддержку. Он приезжал в Москву в отпуска, был вхож в нашу семью, помогал в том числе и Володе, когда у него были неприятности. Но всё это время Серёжа не женился. Иногда говорил, что ждёт, когда развалится моя семья, и что предан мне.

Лена работала в школе учительницей химии. Рос Андрюша. У него открылись способности к языкам и наукам, и уже с шестого-седьмого класса Лена и её мама помогали мальчику готовиться к поступлению в МГУ. Именно в Московский университет. Андрюша был очень фундаментальным человечком. Если увлекался минералогией, то это было так: дома создавались коллекции, покупалась куча книг, он изучал все названия камней по-латыни. «Как ты можешь?» — спрашивала Лена. «Мне это нравится, и поэтому я быстро запоминаю», — отвечал Андрюша.

— И вот у нас наступило трудное время. Андрюша готовился в университет, денег на дополнительные уроки совсем не было, Володя ничего не зарабатывал, выпивал. Как раз кто-то у него на стороне появился... Я всё понимала, но мне было не до того. И тут на первый план вышел Серёжа. Он был уже подполковником запаса и ушёл в бизнес. Он давал мне деньги на репетиторов для Андрюши. А Володя вёл себя так, будто его ничего не касается.

Наконец Андрюша поступил на химфак и пошёл к одному из профессоров посоветоваться, какую кафедру выбрать. Профессор спросил: «После

университета ты на Запад собираешься? Или здесь хочешь работать? В зависимости от этого и кафедру надо выбирать». Андрюша ответил: «Здесь останусь». Тогда профессор улыбнулся: «Я получаю 100 долларов». Андрюша вернулся домой и сказал Лене: «Настоящий учёный, ничего у него нет и ничего не надо, кроме науки. Я так же хочу». Андрюша выбрал кафедру высокомолекулярных соединений — то есть чистую науку. Такая специализация позволила бы ему выбрать фармакологию или заняться, например, клонированием...

Последнее время Андрюша мало занимался в университете. Лена его спрашивала: «Почему?» А он: «Я всё это уже знаю». Действительно, будучи глубоким и основательным человеком, он многое изучил, ещё готовясь в университет. И, уже будучи студентом, глубоко занялся английским и немецким. Ходил в филиал Института Гёте в Москве. А английский — с преподавателем. Два года подряд ездил в Англию, был в Ирландии. Язык давался легко, и он стал защищать свои работы в МГУ на английском, надеясь на серьёзную научную карьеру. Всё складывалось просто здорово.

Когда Андрюше исполнилось восемнадцать, Володя ушёл в другую семью. Это был очередной его роман, но терпение Лены лопнуло, и она сказала: «Хватит».

— Мы поговорили с Андрюшей, и он мне сказал: «Пусть уходит. Он к нам нехорошо относится».

Так наступило время Серёжи. Его помощь Лене, школьной учительнице, стала постоянной, он готов был на всё, чтобы её жизнь стала беззаботной, а Андрюшина — ещё более наполненной. Лена почувствовала себя защищённой — впервые после долгих лет, когда надо было тянуть воз самой.

— Конечно, я думала, что если в доме появится Серёжа, то Андрюше будет неудобно. И опять я сказала Андрюше откровенно: «Вот Серёжа, который меня любит». И Андрюша просто ответил: «Я знаю, потому что это знают все». Так мы поженились. Мне было очень страшно всё опять начинать... Но Андрюша дал «добро».

Первым делом Серёжа сказал Лене, что надо покупать квартиру — в её доме, который создавался для другой семьи, он, как мужчина, жить не имеет права. Тут как раз напротив дома стали ломать старую пятиэтажку и закладывать новый фундамент. И они решились там строить их новый дом. С нуля.

Начался счастливый период планов, проектов, идей... Был уговор, что, как только всё будет закончено, они устроят огромную шумную свадьбу и новоселье одновременно. У Серёжи — грузинские корни, и он не понимал, как отмечать семейные праздники в ресторане. Говорил: в новой квартире неделю будем гулять...

— Всё было приурочено к этой квартире. 22 октября мы привезли мебель в Андрюшину комнату, её собрали, в десять вечера мы пришли в этот наш дом, выпили, счастливые, по рюмочке, ребята, которые собирали мебель, выпили с нами и пожелали долгой жизни в новом доме. Наступило 23-е... Я сама взяла билеты на «Норд-Ост». Серёжка заехал за мной с работы. Я достала бутылочку винца, пожарила мяса, но Серёжа сказал: «Некогда.

Вернёмся после спектакля и посидим». Настроение было прекрасное. Никаких предчувствий, кроме ощущения счастья и начала новой жизни.

В антракте Серёжа пошёл покурить на улицу, а Лена с Андрюшей прохаживались в фойе. Немного понервничали — дали уже второй звонок, а Серёжа всё стоял на улице.

— Мы сидели в 4-м ряду, на лучших местах. Когда всё это началось, у нас с Андрюшей началась дикая трясучка. А Сергей окаменел и сразу сказал: «Нас спасать не будут». Я говорила ему, что так быть не может, Путин так облажался с «Курском», теперь будут спасать... А Серёжа повторял: «Нет, до нас никому нет дела». Прошла трясучка, и я не плакала. Успокаивала Андрюшу, а он мне: «Я не боюсь умирать». Серёжа повторял, что, когда всё закончится, сразу обвенчаемся. И не будем ждать никакого новоселья — сыграем свадьбу... Вообще не было никакого слюнтяйства. Чеченка подошла и направила на Андрюшу пистолет. Я попыталась заслонить его. А они мне не позволили... Сколько я ни пыталась посадить Андрюшу между нами с Серёжей, они мне говорили: «Ты должна сидеть между нами, мы тебя будем защищать». У Серёжки с собой были все документы — и офицерское удостоверение, конечно. Я ему предложила: «Давай их мне, я в сапог засуну, когда пустят в туалет». Он отказался: «Нет. Не буду порочить офицерское звание, все документы останутся со мной, что бы ни случилось».

Первым из них газ почувствовал Андрюша и сказал: «Пахнет чем-то сладким». Лена смочила платки. Сначала — Андрюше, дальше — Серёже, последней — себе. Всё, что помнит, как поднесла руку к лицу. Дальше — провал...

Позже Лена видела видеосъёмку в зале после штурма — там их с Серёжей уже нет, а Андрюша всё сидит. Один на 4-м ряду и в опустевшем зале. Сидит, запрокинув голову, — его не потащили, видимо, потому, что он был крупный — 195 рост. Тяжело.

Смерть же Никишина Андрея Владимировича была зафиксирована 26 октября в 8.20, в соседнем госпитале ветеранов войны и труда № 1, куда его принесли, согласно медицинским документам, уже в агонии в 7.40, то есть спустя два часа сорок минут после газовой атаки на зал с заложниками... От зала до госпиталя — двести шагов.

— Я очнулась только в больнице. Мне говорят: «Всё нормально, всё закончилось». Тогда я: «А где муж? Мои?» Мне: «Всех спасли».

И Лену повезли в реанимацию — спасать. Приходя там в себя, она совершенно не чувствовала беды...

— И вот ко мне в палату приходят две женщины. Одна из них спрашивает: «Что вы будете делать, если узнаете, что погибли оба?» И я вижу, как вторая дергает её за юбку... В этот момент открывается дверь и входит моя мама. Я только сказала: «Что? Оба?» И мама ответила: «Да, оба». Я окаменела. Практически не плакала. Такой ужас, что даже слёзы не способны его перекрыть.

Лена похоронила Андрюшу и Серёжу рядом, оставив место для себя.

Анна Политковская, «Новая газета» № 79 от 23.10.2003 г.

БЕЛОУСОВА ЛЮБОВЬ

Возраст — 28 лет; Россия, г. Пермь.

Родилась в Перми 30 апреля 1974 года.

Работала специалистом бюджетного отдела в ООО «Пермьнефтегазпереработка».

Это был шок... Сообщение утренних новостей о том, что захвачен Дворец на Дубровке само по себе привело в ужас... Люди шли отдохнуть, получить удовольствие от спектакля, а в результате... А в результате тебе говорят, что там находится близкий тебе человек, человек, с которым ты встречаешься каждый день, каждое утро, сидишь за соседним столом, говоришь по работе и болтаешь о повседневных делах, делишься своими проблемами, просишь совета или

помощи... И вот тогда начинаешь понимать, понимать, ЧТО это такое, понимать, насколько можно людей одним словом ранить, ранить... и погубить...

Любовь... Любовь Белоусова... В 27 лет думаешь всегда только о хорошем и приятном, вспоминаешь весёлые моменты прошлого и строишь планы на будущее... Влюбиться и выйти замуж, а потом сыночка и дочку родить, и быть всегда вместе, и никогда не расставаться... И чтобы мама и папа были здоровы и счастливы, помогать им по хозяйству, саду-огороду...

Стремление познать новое, самореализация и признание окружающих, постоянная работа над собой и учёба в университете на сложном факультете «Международный бизнес» требовали полной самоотдачи и самодисциплины — всё получалось у Любы. Она всё успевала — и выглядеть, как на обложке журнала, и учиться, и работать, и друзей не забывать.

Но судьба распорядилась иначе... Жизнь оборвалась, не успев начаться, и горе пришло в дом... Смерть любого человека тяжела для окружающих, но когда ТВОЙ ребёнок погибает от похода в театр — это абсурд... Это не укладывается в голове, и невозможно понять... Несправедливо, жестоко и... И теперь пустота...

Любы больше нет, Любы-Любашки-Любанчика... Она осталась в памяти, в памяти тех, кто её любил, кому она дорога и близка... и так есть, и так будет... пока мы живы, пока живёт наша память...

Белоусовы

В ЕЁ ВЗГЛЯДЕ БЫЛА КАКАЯ-ТО ГРУСТЬ

«Темп её жизни был очень быстрым», — вспоминает Любовь Белоусову начальник отдела инвестиционного планирования одного из пермских предприятий Лариса Селезнёва. Любовь и Лариса работали в одном кабинете. «С утра — на работу, а каждый вечер она ходила на учёбу: учила английский язык. И я просто не представляю, когда Люба успевала в парикмахерскую, магазины... В субботу тоже училась. Или ездила к родителям на дачу помогать по хозяйству». По словам Селезнёвой, Люба мечтала переехать в Москву, поэтому и изучала иностранный язык, обязательный для работы в столичных

компаниях. Талантов у девушки было не счесть, говорит Лариса: «По первому образованию Люба — технолог по приготовлению пищи. Я до сих пор помню её пирожки и булочки, которые она не просто стряпала, но и сама разрабатывала рецепты». «Любу привёл на завод папа, работавший тогда заместителем генерального директора по производству, — вспоминает бывшая начальница Раиса Руцкина. — Договорились так, что если дочь не справится с работой, то она сразу уйдёт. Но этого не произошло. Люба быстро освоилась в коллективе и стала незаменимой в своих вопросах. Часто оставалась здесь после того, как закончился рабочий день». В Москву Любовь Белоусова поехала на учебный семинар. «Я помню, как она принесла мне на подпись командировочные документы, — продолжает Раиса. — Выходя из кабинета, Люба обернулась, в её взгляде была какая-то грусть».

Михаил Данилович, газета «Пермские новости» от 24.10.2008 г.

БЕЛЯНЦЕВА ИННА

Возраст — 59 лет; Россия, г. Москва.

Белянцева (девичья фамилия Дмитрова) Инна Михайловна. Коренная москвичка. Родилась и жила на Ново-Басманной улице, дом 10 (сейчас в этом доме Арбитражный суд). С 1950 года училась в 618 средней школе г. Москвы. После окончания 7 классов поступила и окончила Московский техникум лёгкой промышленности.

Всю жизнь была очень общительной и верной подругой, с которой различные люди делились самыми личными радостями и горестями. Могла не только утешить, но и посоветовать.

С детства увлекалась классической художественной литературой и много лет занималась в студии художественного слова ЦДДЖ (Центральный дом детей железнодорожников).

С детства любила шить по своим лекалам и вышивать. Спустя много лет была портнихой Е. Н. Гоголевой — народной артистки СССР.

Свою жизнь Инна Михайловна посвятила воспитанию сына Павла, вместе с которым радовалась его успехам в учёбе, работе и выступлениям в бардовской группе.

23 октября 2002 г. в день рождения снохи (жены Павла) решила устроить культурную программу прибывшей из США Инне (в списке заложников Инна Анатольевна Белянцева).

Родные, близкие и друзья вспоминают Инну и не верят, что это всё произошло.

Константин Дмитров, брат

БОГАЧЁВА ЛЮДМИЛА

Возраст — 55 лет; Белоруссия, г. Минск.

12 августа ей исполнилось 55.

За судьбой Людмилы Борисовны скрупулёзно следили многие минчане. С особым трепетом надежды — её старшая сестра минчанка Инна Борисовна и бывшие коллеги с Минского экспериментального фурнитурного завода, где она работала инженером-конструктором с 23 сентября 1976 года.

Добрейшей души человек — так отзываются о ней коллеги, Людмила Борисовна не держала в сердце обиды, когда в марте с. г. попала под сокращение и, уволившись, в первых числах июня поехала в Москву к своим сыновьям.

Старший — Дмитрий Богачёв — один из руководителей того самого мюзикла «Норд-Ост», наверняка знаком многим по продюсерской работе проекта «Песни нашего века», средний сын Кирилл — музыкант оркестра российского президента, скрипач этого же мюзикла, самый младший — Алексей работает в Москве дизайнером и часто помогает братьям. Даже любимая внучка 10-летняя Полина, дочь старшего сына, также танцует в «Норд-Осте». По случайному совпадению, которых сейчас кажется слишком много, никто из детей в тот день на мюзикле не работал. «Зная сестру как необычайно доброго и искреннего человека, — говорит Инна Борисовна, — думаю, что она как преданная мать в тот день взяла всю беду на себя».

Знак беды, возможно, был уже: когда Людмила Борисовна уехала к сыновьям, с собой взяла и любимую собачку Тобу, которая вскоре убежала из дома. О смерти Людмилы Богачёвой пока не знает ещё один неравнодушный к её судьбе человек — старенькая мама.

Ещё в школьные годы Людмила Борисовна играла в спектаклях, самый известный из которых — «Красная Шапочка». Его вместе с однокашниками школьница Люда ставила в студии Минского Дома офицеров. Увы, финал того музыкального спектакля был счастливым, как, наверное, и в любой сказке, где побеждает добро. Поэтому нет ничего удивительного в том, что всем сыновьям их мама дала музыкальное образование. А сегодня — Минск прощается...

Юрий Святокум, «Вечерний Минск», 29.10.2002 г.

БОГДАНОВА ИРИНА

Возраст — 30 лет; Россия, г. Реутов, Московская область.

Ведущий специалист по охране прав детства Управы района Перово г. Москвы Богданова Ирина Викторовна трагически погибла на 31-м году жизни.

Ирина Викторовна окончила Московскую государственную академию прикладной биотехнологии по специальности инженер химик-технолог. Ирина с детства мечтала бороться с преступностью и свою трудовую деятельность начала в органах ОВД. 6 лет проработала в должности старшего инспектора подразделения по делам несовершеннолетних ОВД района Перово. Окончила службу в звании капитана милиции.

В отдел по работе с детьми и молодёжью и защите их прав Ирина Викторовна пришла в Управу Перово в марте 2001 года. Коллеги на работе помнят Ирину Викторовну как отзывчивого, доброжелательного, скромного человека, с душой подходившей к каждому порученному ей делу.

За небольшой период работы в Управе Ирина Викторовна сумела многое сделать, организовать новые взаимоотношения с детьми и их родителями, участвовала во всех районных мероприятиях. О ней помнят её родные, друзья, учителя и коллеги по работе.

Вспоминает учитель биологии школы № 1 Валентина Ивановна Кузнецова: «Все мы помним Иру — воспитанную, яркую, с бойцовским характером. Ира была хорошим организатором молодёжи, предлагала интересные идеи при подготовке диспутов и КВН. В школе Ирину избрали председателем Совета старшеклассников, и не ошиблись. Она была заводилой во всех важных делах и начинаниях. Ирочка была капитаном сборной школы по баскетболу, серебряным призёром Первенства Московской области по этому виду спорта, входила в сборную по баскетболу Реутова. Её тёплая приветливая улыбка всегда завоевывала доверие собеседника. Такой мы будем помнить её всегда... Пусть светом благодарной Памяти озаряется её имя».

«С Ирой мы учились вместе десять лет, — вспоминает Наталья Жукова. — Она всегда была не только хорошей и прилежной ученицей, но и верной подругой. В трудную минуту Ирина приходила на помощь, стараясь найти выход из любой сложной ситуации. Мы никогда не ссорились, как часто бывает между подругами. Просто для этого не было причин. Ирина девочка добрейшей души, не любила конфликтов. У неё всегда были хорошие отношения с учителями и одноклассниками. Ирина трепетно и тепло относилась к своим родным. Её заботило их здоровье и все их проблемы. Вместе с ними она радовалась и огорчалась, всегда старалась им помочь. До сих пор не хочется верить в её трагическую смерть».

«Ирина Богданова занималась в нашей детско-юношеской спортивной школе с 1981 по 1989 год, — рассказывает директор ДЮСШ, бывший тренер Ирины Надежда Чванова. — Ира занималась в группе девочек 1972 года

рождения. Была удивительно активной, способной и ответственной девочкой. Успевала буквально всё: хорошо учиться в школе и не пропускать тренировки в ДЮСШ. Не было человека, который не любил её. Очень открытая, она всегда была душой компании. Сплотила вокруг себя всю баскетбольную команду, в которой занималась до окончания школы. Пожалуй, самым замечательным качеством Ирины были её искренность и любовь ко всему живому. Девочка всегда пыталась помочь другим. На праздники и в дни рождения команда устраивала чаепития. Ирина приносила к столу приготовленную своими руками вкусную выпечку. Команда, в которой состояла Ирина, всегда показывала высокие спортивные результаты и была серебряным призёром Первенства Московской области по баскетболу среди девочек среднего возраста».

«Ирина была моей надеждой, моей радостью. У неё было большое будущее, но случилась трагедия», — рассказывает мама Раиса Александровна. — «Я до последнего верила, что моя дочь жива. Даже тогда, когда узнала правду. Все эти годы без неё я проживаю в страданиях, в муках и днём и ночью. Пусть светом благодарной памяти озаряется её Имя!»

Коллеги, подруги, педагоги, родственники

БОНДАРЕНКО ВАЛЕРИЙ

Возраст — 40 лет; Россия, г. Химки, Московская область.

26 октября 2002 года, будучи зрителем мюзикла «Норд-Ост», при освобождении заложников погиб наш единственный сын подполковник Бондаренко Валерий Викторович 1962 года рождения.

Ему было всего 40 лет, из них 23 года он посвятил службе в Вооружённых Силах России. Выбор стать офицером у него оформился ещё с детства. Он знал службу не по книгам, а реально, переезжая с родителями (отец — офицер России) из гарнизонов с холодным климатом севера в гарнизоны Средней Азии.

Своим трудолюбием, дисциплиной, ответственностью за порученный участок службы он заслуженно приобрёл авторитет и уважение у командования и подчинённого ему личного состава. В 20-летнем возрасте после окончания Рязанского высшего командного училища связи Валера стал заместителем командира роты. В 33 года он возглавил отдельную службу в гарнизоне, направленную на укрепление правопорядка, дисциплины и безопасности.

В полном расцвете сил жизнь Валерия оборвали так бессмысленно и быстро, не исчерпав все возможности её сохранить.

Прости, Валерочка, нас за то, что не смогли тебя уберечь. Ты всегда с нами... Многие друзья-сослуживцы Валерия, которых судьба разбросала по России,

не знают о гибели Валерия, так как о трагедии в «Норд-Осте» наши средства массовой информации говорят очень сдержанно и осторожно.

Спустя 5 лет со дня трагедии вопросов осталось больше, чем ответов.

Говорят, время лечит. Это неизлечимая рана... В условиях скорби, страдания и обиды мы находим утешение и радуемся успехам единственного внука Антона — студента юридического факультета РУДН, переживаем за его здоровье и, особенно, за его безопасность.

Нас поддерживают родные и близкие, выпускники школы № 8 города Химки, где обучался Валерий, друзья по училищу и службе в гарнизонах. Низкий поклон и благодарность за добрую память, сочувствие и сострадание. Ваше внимание и забота нам очень дороги.

*Виктор Григорьевич и Лариса Петровна Бондаренко, родители,
Антон Валерьевич Бондаренко, сын*

Я хорошо помню Валерия Викторовича, он много лет руководил в нашем гарнизоне в Ватутинках той службой, о которой говорится выше. Я также много лет прослужил в гарнизоне. Был потрясён его гибелью, он только что уволился в запас, такой молодой и полный сил. О нём можно говорить только хорошее, он был, что называется, «строг, но справедлив». Все сотрудники его очень ценили, я был свидетелем этого. Фотография сделана в его рабочем кабинете. Почему он оказался именно в тот вечер именно на том спектакле?

Светлая память, светлый был человек. Пусть сын будет достоин его.

Михаил Осока, коллега

БОРИСОВА ЕЛЕНА

Возраст — 40 лет; Россия, г. Москва.

Леночка родилась в Москве в 1962 году. Говорунья, весёлая любознательная девочка. В детстве её называли «аленьким цветочком», который, с годами всё больше и больше расцветая, превратился в прекрасную розу.

Заводила на всех школьных праздниках, она умела привлечь и родителей, и учителей, которые были одновременно и зрителями, и артистами, принимая участие в выступлениях ребят. Увлечённая натура, она всегда была окружена толпой одноклассников, а потом и поклонников, которых притягивали её обаяние, очаровательная улыбка, немного ироничная,

немного загадочная, настойчивый характер и весёлый нрав.

Лена успешно окончила Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. В институте решили не расставаться со способной и трудолюбивой студенткой и после окончания предложили Лене работу на кафедре. Ответственное и добросовестное отношение к работе, целеустремлённость

позволили ей в короткий срок «войти в тему», успевать при этом быть и мамой для своего сына, и нежной дочерью.

В девяностые годы во время перестройки она, лидер по природе, решила попробовать себя в новом качестве — вместе с мужем организовала собственную фирму. Первые результаты на новом поприще были успешными.казалось, что всё только начинается, что всё впереди...

События на Дубровке перечеркнули все планы и уничтожили будущее. Трагедия не пощадила и нашу семью. После трёхдневного плена и газовой камеры Лену привезли в одну из московских больниц. К несчастью, врачи оказались бессильными — спасти её они не смогли.

Не успев реализовать способности, не завершив своих начинаний, погибла красивая женщина, осиротел её сын, потеряла свою дочь и её мама.

Светлая память, дорогая Леночка. Мы помним.

Родственники

БОЧКОВ АЛЕКСЕЙ

Возраст — 25 лет; Россия, г. Москва.

Родился Алёша в заснеженном декабре 1976 года. Был долгожданным. С ним в наш дом вошло счастье. Через четыре года родилась дочка, Катюша. Лёша был необыкновенно добрым и заботливым, может, поэтому разница в возрасте не мешала детям, и они замечательно ладили. Мы как-то всё старались делать вместе — очень часто ходили в кино, много лет читали вслух книги, объездили все близкие от Москвы старинные русские города, много лет на Егорьевских болотах строили дачу. Там ребята наши и выросли.

С малых лет Алёша с удовольствием помогал отцу, которому по плечу любая мужская работа. И уже лет в двенадцать много умел делать сам, и помощником был замечательным. Вместе с отцом чинили любимый «Москвич» и другую малую технику, строили кирпичный дом, колодец, сажали деревья. Вокруг дачи была отличная рыбалка, а грибы росли просто повсюду. Так с 9 лет Лёша стал заядлым рыбаком и грибником, и это увлечение осталось навсегда. А нам на память остались удочки — телескопы и спиннинги. А ещё с 6 лет увлёкся шахматами, играл хорошо, во втором классе учил играть всех подряд, в школу шахматы носил, устраивал дома шахматные баталии. Потом играл редко, больше любил посидеть над шахматными задачами.

Друзей у него не очень много, но друзья были старинные — ещё с детского сада, начальной школы и дачного детства, может, поэтому эти ребята для нас остались очень близкими. Они вместе с нами искали Лёшу в том кошмаре. Они его и нашли.

И ещё был замечательный друг — Юра Катагощин. Талантливый, красивый,

самый, самый!!! Они с Лёшей в 10–11 классах были очень дружны, всегда вместе. Юра поступил на географический в МГУ и на первом же курсе тяжело заболел. Через год его не стало. Алёша очень близко переживал эту трагедию. Потом каждый год в Юрин день рождения собирал друзей одноклассников, и они несли цветы Юриной маме.

Окончил МАДИ, получил настоящую мужскую специальность — механик дорожно-строительных машин. Пригласили в крупную строительную компанию, а через три месяца уехал в командировку в Новороссийск на самую крупную в то время (в 1998 г.) российскую стройку Тенгиз-Новороссийск Каспийского трубопровода (КТК). Очень гордился этим, с азартом рассказывал о масштабах стройки, привозил много фотографий. Для Алёши это была замечательная школа жизни, где он был в одном строю с взрывниками, нефтяниками, опытными инженерами и механиками. Вернулся совсем взрослый человек, мужчина. За плечами уже опыт. Потом было много командировок в Сибирь, на Север, на Урал, на Сахалин, где начиналось освоение проекта Сахалин-2. За полгода до трагедии стал главным механиком компании. Переживал, что по рангу он теперь выше таких замечательных мужиков — механиков, которые его учили и помогали там, в Новороссийске. Главный механик компании, Юрий Алексеевич Золотов, на место которого и пришёл Лёша, как-то уже после похорон сказал, что 8 лет искал себе приемника, наконец, нашёл, и очень хотел познакомиться с семьёй, в которой вырос такой удивительный парень.

Была любимая девушка, но в мае 2002 г. они расстались. Алёша тяжело переживал разрыв, даже как-то замкнулся, но потом стал чаще встречаться с друзьями, к августу как-то вострепнулся, и однажды сказал мне: «А ты знаешь, мама, оказывается, есть такие хорошие девушки!» Но ещё лет в 17 обещал: «Женюсь рано, чтобы дети выросли, а я ещё буду молодым», да вот не сложилось, и внуков нам не подарил.

Очень любил фильм «Форест Гамп», а в последнем октябре своей жизни несколько раз посмотрел «Амели». Вместе с Катюшей смотрели все КВНЫ и все серии американских «Симпсонов», даже собаку называли именем главного героя — Барт.

Слов никогда не хватит, чтобы рассказать о тех чувствах, которые наполняют сердце, когда твой 4-летний сын тайком стирает пелёнки, «а то мама устала», когда 7-летний ребёнок, уходя в школу, греет суп, чтобы ты успела пообедать, прибежав на 10 минут на обед, когда 11–12-летний мальчик встаёт 8 марта в 6 утра и печёт для мамы и сестры торт, а потом собирает друзей, чтобы и они испекли торты своим мамам, когда уже взрослый сын возвращается со встреч с одноклассниками и шёпотом делится со мной своими впечатлениями от встречи, он один из всей семьи не отходит от тебя, когда тебе плохо. Уж такой он родной и славный, наш сын, наш Алёшенька.

У меня замечательный муж, чудесная дочка, две сестры, но такого необыкновенного тепла, как у сына, почему-то больше нет.

Каждый день я десятки раз думаю о нашем мальчике, таком добром, светлом, любимом, и очень нужном нам всем. Долго хотелось дождаться звонка в дверь, открыть её, а там мой Алёшка — высокий, статный, красивый... А ночью иногда просыпалась и пыталась поверить, что весь этот кошмар приснился.

Конечно, всё это знакомо многим и матерям, и отцам, ведь ходить на могилы к детям — это страдание навсегда. Мы с мужем ходим к нему часто, носим живые цветы, ставим свечки ... и пытаемся смириться.

Елена Николаевна Бочкова, мама

Среди нас, кучи сестрёнок, был единственный брат — Алексей. Как гордились мы, что в большой и очень дружной семье есть свой капитан!

На всех каникулах я приезжала к вам, родные наши и самые близкие Бочковы. Всегда очень тепло, дом полон искренней радости и любви. Как кадры фильма нашей жизни: маленький Лёша в Гаграх с тяжёлым дедовым гаечным ключом — уже механик!

Помню 1986 год, когда всё лето после аварии на Чернобыльской АЭС провели в Подмоскowie на даче. Вместе с братишкой Лёшкой мыли «Москвич», до поздней ночи болтали у костра, учились играть на гитаре и впервые сидели за рулем машины на Егорьевской дороге...

Потом уже студент, красивый, умный, наша надежда. Работа по призванию, настоящая, мужская — опора в семье.

Я смотрю на десятилетнего старшего сына и вижу черты его дяди... В нашей любви и памяти, в наших сыновьях — продолжение жизни любимого и единственного брата Алексея Бочкова.

Анюта, сестра

БУКЕР СЭНДИ АЛАН

Возраст — 49 лет; США, Оклахома-сити.

Прошло всего несколько минут после полуночи 28 декабря 1952 года в Албакерке, Нью-Мехико, когда Сэнди Алан осчастливил Джорджа и Джин своим прибытием на свет и стал маленьким хозяином большого дома. Однако молодые родители быстро осознали, что они должны контролировать ситуацию, а не этот маленький комочек с голубыми глазами и требовательной манерой поведения.

Отец Сэнди служил в ВВС, что позволило Сэнди посмотреть мир и познакомиться со многими людьми. После отставки отца семья поселилась в Мидвест Сити в штате Оклахома в 1968 году. Сэнди окончил школу в

Мидвест-Сити и посещал занятия в Роуз Стэйт колледже.

Сэнди проявил разнообразные таланты на трудовом поприще. Он был и шеф-поваром, и мойщиком бутылок в Мак-Дональдсе, и пекарем пончиков в Dunkin Do-Nuts, установщиком звуковых систем в Кокс Радио и Звуковых Системах, финансовым консультантом в компании Wadell & Reed. В конце концов он остановился на профессии инженера-электрика в Дженерал Моторс.

За 18 лет работы в Дженерал Моторс у него появилось много друзей. Также

Сэнди рискнул попробовать себя в работе на рынке недвижимости и приобрёл собственность для сдачи в аренду, основная часть которой находилась возле колледжа. Это занятие добавило ему прикладных талантов и помогло познакомиться со студентами всех возрастов и различного происхождения. Ему нравилось кататься на горных лыжах, но любимым видом отдыха было боевое искусство, особенно он преуспел в дзюдо.

Сэнди женился и был счастлив, когда родилась дочь Дебора — его гордость и радость. Он проводил по возможности каждую свободную минуту с нею, обучая дзюдо, катанию на лыжах и вождению машины. Его брак не сложился, и он провёл много лет один. По прошествии некоторого времени он захотел начать новую жизнь, наполненную счастьем и любовью. В 2002 году он с помощью друга начал переписку со Светланой Губаревой и её 13-летней дочерью Сашей. После многочисленных писем, телефонных звонков и встреч мечта о новой жизни стала реальностью. Светлана согласилась выйти за него замуж, и все трое решили начать новую жизнь в Америке, в городе Оклахома. Но у судьбы были другие планы.

Перед их отъездом из России они пошли посмотреть спектакль «Норд-Ост». Чеченские боевики заняли театр и держали зрителей в заложниках. Российские спецподразделения в попытке освободить заложников закачали в театр токсичный газ, и 130 человек погибли, включая Сэнди и Сашу, дочь его невесты.

Когда были опубликованы новости о чеченских террористах и гибели заложников, многие люди по всей Америке и даже из Тайваня выразили соболезнование семье Букеров. Многие газеты и телевизионные станции также проявили внимание и выразили своё сочувствие. Смерть Сэнди показала, что за 49 лет своей жизни он коснулся жизни многих людей, с некоторыми из них он провёл только несколько часов, но произвёл на них неизгладимое впечатление. Сочувствие и забота, проявленные обществом, были ошеломляющими и показали, каким человеком был Сэнди, его личные качества. Один человек написал, что ему было приятно познакомиться с Сэнди и провести с ним всего лишь несколько часов. Он сказал, что Сэнди был очень щедрым и уверенным в себе человеком с большим сердцем. Этот человек надеялся, что сумеет развить бесстрашие и мужественность Сэнди в собственном характере.

Коллега Сэнди рассказали нам, что Сэнди сделал электропроводку в его доме и ни за что не хотел брать плату за свою работу. Другие люди писали о его многочисленных чертах характера, и как все те, кто его знал, ценили их... Полный энергии, умный, с ним было легко разговаривать, любил посмеяться... даже над собой. Люди говорили, что он был добрым, заботливым, всегда готовым помочь незнакомым людям. С ним было легко работать, и он всегда поощрял других. Сэнди был христианином, любил свою семью и друзей. Господь забрал его 26 октября 2002 года. Его отец скончался раньше него. После Сэнди остались его мать Джин, его дочь Дебора, сестра Бани и брат Рики. А также единокровный брат Давид, племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры. Все, кто его знал, очень по нему скучают, он затронул очень многих своей добротой и щедростью.

Семья Букеров выражает свою благодарность и признательность всем тем, кто выразил своё соболезнование и заботу в связи с уходом Сэнди.

Джин Букер, мама

Три года назад зимой в Колорадо, в местечке Crested Butte, на горнолыжном курорте, ко мне подошёл мужчина из нашего Oklahoma City Ski Club: «Привет! I am Sandy Booker. Мне сказали, ты — русская! Правда?»

И у нас завязалась беседа. Про «железный занавес», президентов, русские традиции, культуру. Как здесь говорят, «easy going», Сэнди тут же расположил к себе. Оказалось, в своей жизни он интересовался многим. Прекрасный горнолыжник, хорошо владел дзюдо и несколько лет работал в Оклахома-Сити инструктором — учил подростков искусству самозащиты. Смолоду перепробовал множество профессий, был даже золотоискателем — gold digger. В пустынной Аризоне у него есть кусочек земли, где только колючки, камни и гремучие змеи — там и копал. 18 лет назад заинтересовался электроникой и на ней остановился. Работал на заводе Дженерал Моторс дежурным электриком — отвечал за работу конвейерных роботов. Увлекался компьютерами, собирал их.

На следующий год мы снова оказались вместе в автобусах, везущих фанатиков горных лыж на колорадские склоны. Катались группой, дожидаясь друга друга на крутых спусках. Сэнди всегда был ведущим — энергия в нём так и бурлила. Он птицей летал по буграм и бесстрашно забирался на «два чёрных бриллианта», two black diamonds — самые трудные трассы. Говорил — любит острые ощущения. В этот раз он меня спросил: «Ты мне поможешь с русским языком? Хочу его выучить». Но зачем — не сказал. Упомянул, что говорит по-испански и по-японски, знает немецкие фразы, французские. Языками тренирует свой ум. Сказал, что вообще любознательный. Ответила: «Хорошо, помогу!»

Сэнди позвонил через несколько месяцев, и мы начали заниматься. Русский язык он схватывал на лету и всё время искал аналогии в других языках, поминутно замечая: «А это слово созвучно с японским. А это — с испанским». Очень любил поговорить на разные темы и мог говорить часами. Кроме того, ему самому очень нравилось меня учить — компьютеру, местной жизни, даже политике. Постепенно мы стали друзьями и стали обмениваться уроками. Я ему — русский, он мне — «уроки американской жизни», информацию. Я поражалась его работоспособности, памяти и активности. Он постоянно себя совершенствовал. А язык изучал даже на работе — во время перерывов, и если выдавалась спокойная смена. Сказал, что интересуется русской литературой — читал Тургенева, Толстого и Солженицына. И любит музыку, особенно классическую.

Наши уроки были по выходным, так как Сэнди работал в вечернюю смену. Иногда он приезжал ко мне домой, иногда — я к нему. Жил он в старом районе города недалеко от центра. Его дом выглядит необычайно живописно: от земли до крыши увит зелёным кудрявым плющом и стоит меж громадных деревьев. Внутри только самое необходимое и полосатый кот по кличке «Тигр» — живой.

По субботам мы встречались на середине пути в его любимом кафе «Panera bread». Там у нас были уроки на «кофейную» тему, что ему страшно нравилось. Он любил громко выговаривать названия блюд по-русски. Иногда он приезжал туда с дочкой Деборой, тоненькой красивой девушкой-подростком, которая жила с мамой — бывшей женой Сэнди. По пятницам Сэнди забирал Дебору к себе — на выходные.

Помимо работы на заводе у него было и другое занятие. Он покупал и сдавал дома в аренду и поэтому постоянно находился в «стадии ремонта». Иногда

приезжал на урок весь перемазанный краской, в рабочей одежде.

На одном из уроков Сэнди признался, что хотел бы жениться на русской. Говорят, филиппинки и русские женщины — самые лучшие жёны на свете. Его привлекает Россия, и в знак уважения к будущей супруге он решил выучить язык её страны. Сказал, что переписывается с жительницей Крыма, которую ему представила жена его друга из соседнего штата, русская. Сэнди планировал поехать в Крым встретиться с возможной невестой, у которой были две дочери-близняшки 15-ти лет. Он мечтал о большой семье.

По возвращении с берегов Чёрного моря Сэнди сказал, что они поладили, и обратился в иммиграционную службу за визой невесты. Но в процессе дальнейшей переписки с крымчанкой выяснилось, что та по любому поводу обращается за советом к гадалке и показывает все письма Сэнди. Он задумался, а через несколько месяцев переменял своё решение.

Оклахома — город пустынный. Людей здесь можно встретить только в магазинах или на бензоколонке. Вечерний график работы Сэнди не позволял ему пойти в места, где была какая-то вероятность встретить будущую супругу. Кроме того, после основной работы он был постоянно занят со своими домами в аренде: что-то чинил, менял, ремонтировал. Оставался Интернет.

Я взяла с Сэнди слово представить мне свою следующую избранницу. Но через некоторое время он позвонил: «Слушай! Поиски на Интернете требуют столько времени! Может мне самому подать объявление в России? Не хочу обращаться в американские агентства». Я порекомендовала ему московскую газету «Из рук в руки», самую распространённую.

Результат превзошел все ожидания. В первую же неделю Сэнди получил более двухсот писем из «бывшего СССР», включая Латвию, Литву и Эстонию. Так он нашёл Светлану Губареву. А со временем выяснилось, что Сэнди сделал замечательный выбор.

Светлана работала инженером на большом заводе в Казахстане, в Караганде, и жила с дочерью Сашей 13-ти лет. В начале их переписки у неё были трудности с английским, у Сэнди — с русским. Но оба стремительно прогрессировали в занятиях и, кроме того, с самого начала пользовались программой-переводчиком на Интернете. Говорили, это доставляет им несказанное удовольствие, так как компьютер иногда смешно переводит. Писали друг другу каждый день. Сэнди восхищался Светланой, её умом, тактом, чувством юмора и дочкой Сашенькой, которая тоже учила английский и хорошо рисовала. За время переписки мы несколько раз говорили со Светланой по телефону, все трое сразу. В мае месяце этого года Сэнди собрался в Россию увидеть будущую жену «живьём». Они решили встретиться на середине пути — в Москве. Сэнди попросил Светлану приехать вместе с дочкой.

Сэнди вернулся в Оклахома-Сити счастливый. Интуиция его не подвела — все трое прекрасно поладили. Он сразу же принялся за оформление Светлане визы невесты. Надеялся, его новая семья приедет уже в этом году — к Рождеству. Был возбуждён, говорил, теперь будет работать ещё больше. «У меня будут две дочери, хочу заработать деньги на их образование!»

Это было в июне, и с тех пор я его почти не видела — только пару раз, когда он показывал свой очередной дом, который он ремонтирует. Перемазанный

в краске, штукатурке, потный, он ухитрялся во время работы упражняться в русском языке!

Мы перебрасывались редкими телефонными звонками и короткими E-mail. Я интересовалась, как идут дела с визой для Светланы. Сэнди отвечал, что всё ещё ждёт. Наш последний разговор был в конце сентября.

Одиннадцатого октября я улетела в отпуск. Там я и узнала о трагедии в Москве. Но я и предположить не могла, что среди заложников оказался Сэнди! Когда по возвращении друга из Нью-Йорка меня спросили, не мой ли это друг, я ответила: «Насколько я знаю, он в Москву пока не собирался. Это совпадение, имя и фамилия». Но на следующий день радио сообщило: «Sandy Booker from Oklahoma is one of Moscow hostages...» И тут я поняла: это он. Наверное, Светлана получила приглашение на интервью в Американское посольство, и он полетел поддержать её на собеседовании. Как я позже узнала, так оно и было...

Двадцать восьмого декабря у Сэнди день рождения. Ему бы исполнилось пятьдесят лет.

Людмила Шропшайр-Русакова, «Чайка» №22(38) от 15.11.2002 г.

БУРБАН ГРИГОРИЙ

Возраст — 39 лет; Украина, г. Одесса.

Григорий Бурбан — мой папа. Мы очень любили друг друга. Каждое лето мы отдыхали вместе. Это были замечательные дни, когда мы были вдвоём.

Мой папа хотел, чтобы я получил хорошее образование и стал хорошим компьютерщиком. Он был доволен и горд, когда я два года подряд выигрывал олимпиаду в Лос-Анджелесе. Он хотел, чтобы я вырос сильным и здоровым, занимался плаванием и теннисом. Мы любили играть в теннис вместе. Он всегда помогал мне решать мои проблемы. Несмотря на то, что папа часто бывал в командировках, он всегда приезжал на мой день рождения. Это были настоящие праздники. Папа обещал быть и на моем 15-летию. Теперь я знаю, что он не приедет никогда. Я потерял папу и лучшего друга.

Дмитрий Бурбан, сын (www.nordostjustice.org)

Наш сын исповедовал принцип «спешите делать добро», это была норма его жизни, его бизнес и его хобби. Он не умел отказывать. «Я попробую», — говорил он, когда к нему обращались за помощью, и, как правило, у него получалось.

Как и многие молодые люди этого времени, Гриша пытался найти свою «нишу», в его планах был «красивый бизнес», чтобы мир искусства стал доступнее многим, а люди — добрее... Не успел...

И ещё об одном: он был уверен, что всегда и обо всём можно договориться, считал это самым надёжным способом достижения цели: «Нет таких вещей, по

которым нельзя договориться, нужно только уметь и очень хотеть». И он умел. Возможно, поэтому Грише было одинаково комфортно и дома, и за рубежом. Из каждой поездки он привозил массу новых идей и новых друзей.

Сразу после трагедии в 2003 году мы получили такое письмо: «По материалам, размещённым на сайте www.nordostjustice.org, я написала стихи о Вашем сыне, которые и присылаю. Надеюсь, они являются достаточно точными».

*Как выразить всю боль словами,
Как рассказать о нём — о том,
Кто был — кого уж нету с нами, —
Хорошим сыном и отцом,
Кто был открыт и дружелюбен,
Кто, хоть работал день и ночь
Не покладая рук,— но людям
Кто был всегда готов помочь
И добрым словом, и на деле,
И вот — не дожил до седин...
И разом вдруг осиротели*

*Его родители и сын.
Слёз не сдержат, когда нахлынут
Воспоминания опять...
Как тяжко, как невыносимо,
Как невозможно передать:
Всё так же кружится планета,
И прежних дел привычный ход
Идёт — его лишь только нету...
Но вечно в памяти живёт.*

Тамара Файфель

В шоке от свалившегося на нас горя мы тогда не поблагодарили автора, сумевшего в нескольких строчках рассказать так много о нашем сыне, о его неукротимой энергии и стремлении помогать людям. Спасибо и низкий поклон автору. Извините, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

«Никогда» — это, наверное, самое страшное слово, с ним невозможно даже существовать...

Люба и Марк Бурбан, родители

Григорий Бурбан возглавлял в Одессе одну из крупных торговых фирм — корпорацию «Алгри».

В эти дни офис компании «Алгри» наполнен печалью и скорбью. У портрета Григория Бурбана многие сотрудники не могли сдержать слёз. Вспоминали необыкновенную доброту, чуткость и такт своего директора. Он приходил на помощь всем людям, какие бы должности в фирме они ни занимали, если с ними случалась беда. У одной из сотрудниц умер отец — и Григорий Маркович сразу предложил деньги на дорогу и похороны. Трагедия лишила парня отца — и снова рядом заботливый руководитель. Машина молодой сотрудницы попадает в аварию, разбивается, требуются немалые деньги, а ещё понимание в ГАИ — хлопоты берёт на себя Григорий Бурбан. Он спешил в этой жизни делать добро...

Сотрудники, те, кто давно знал Григория Бурбана, подчёркивают, что в его отношениях с другими присутствовала редкая для нашего тревожного и расчётливого времени бескорытность.

15 февраля 2003 года ему бы исполнилось всего сорок лет. Но он успел сделать немало. Григорий Бурбан вывел корпорацию «Алгри» в число успешных предприятий Одессы. Неизменно значительным был и вклад фирмы в городской бюджет, щедрой — благотворительная поддержка. Григорий Маркович был

активным членом Одесской иудейской религиозной общины Хабад «Шомрей Шабос», охотно делал пожертвования на её деятельность.

Еврейская община глубоко скорбит вместе со всеми, кто знал Григория Марковича Бурбана.

Газета «Еврейская Украина»

Это ужасно несправедливо, когда уходят такие светлые, порядочные и талантливые люди. Мы были соседями по даче. Я постарше, но всегда прислушивался к Гришиным советам, ибо он был мудр. Гриша всегда стремился помочь. «Это моя проблема!» — говорил он и делал для друзей всегда много больше, чем должен был, чем от него ждали.

Запомнилась ещё одна его фраза. Даже афоризм — «Ссорятся только дураки!»

Он умел разговаривать и умел договориться. Всюду, где он работал, был мир и уважение друг к другу.

Короче, Гриша был замечательным человеком! Как больно говорить слово «был»!

Александр Бирштейн, сосед

ВАСИЛЬЕВ КОНСТАНТИН

Возраст — 35 лет; Россия, г. Ейск.

Костю я знал с самого детства. Он родился 6 мая 1967 года. Мы жили в одном доме, в городе Сарове, когда он ещё назывался «Арзамас-16».

Костя крестился в зрелом возрасте. Я знаю, что это было сознательно. Мы росли во время советской власти, которое сейчас подвергается исторической переоценке. А в то время укладу нашей жизни была свойственна общинность. Во дворе было много детей. Дня не проходило, чтобы мы не собирались вместе и не устраивали игры. У Кости рано проявлялось чувство справедливости: если ребята ссорились — он выступал миротворцем. Когда стал взрослым, это в нём осталось.

Он стремился погасить любой конфликт.

В школе учились вместе. Он был отличником. Был у нас такой предмет «внеклассное чтение». Его не все любили. Но Костя со школьной скамьи увлекался чтением, в особенности книгами о Великой Отечественной войне. Он впитывал из них атмосферу подвига — того, чем, в итоге, завершился его жизненный путь.

После школы Константин поступил в одно военное училище, я в другое. В 1986 г., когда учились на втором курсе, встретились летом, во время отпуска. Костя, как каждый молодой человек, стремился стать сильным, чтобы защищать Родину. Я занимался в школьные годы борьбой, был хорошим спортсменом. А Костя мне говорит: «Знаешь, это всё ерунда. Вот есть такой Алексей

Алексеевич», — и начал на пальцах объяснять эту неизвестную мне школу. Как я понял, это было просто добро, спроецированное на ратное мастерство. Меня это заинтересовало.

Встречались редко, в основном в отпусках. Я его навещал в Иркутске, когда служил там. В последние годы встречались в Москве. Здесь проводились семинары, и он меня познакомил с Алексеем Алексеевичем.

Вспоминаю, как во время учёбы в четвёртом классе к нам пришла Наталья Яковлевна и пригласила заниматься в оркестре народных инструментов. Играли успешно. А потом она уехала куда-то в командировку. Оркестр остался без дирижёра. Как-то в школе был праздник. Собрались родители. И мы заявили: «Будем играть!» Инструменты нам раздали, мы заиграли «Ах вы сени, мои сени!» — и какая же это была какофония! Провалились, но были в центре внимания...

Костя был кадровым офицером. Его профессия — защищать Родину. При встречах с ним мы говорили не о том, как построить подразделение, как провести занятие. Речь шла о назначении офицера как защитника Отечества.

Костя был генератором жизни в любом кругу, куда попадал. Он притягивал к себе людей своими мыслями, болью за то, что происходит с Отчизной.

Вспоминаю, как его пригласили свидетелем на свадьбу, и он из далёкого Иркутска приехал за свой счёт в отпуск. Даже на свадьбе, после поздравления молодых, он призывал любить Родину.

В Сарове, в Иркутске, Чите, любом городе, где он провёл отрывок своей жизни — везде создавались маленькие общественные подразделения — клубы рукопашного боя. В этих клубах ребята занимаются на общественных началах. Интерес у них один — научиться защищать себя и ближнего во имя добра.

Помню, эти ребята летом приходили к Косте домой, собирались на реке, проводили занятия на лужайке. Мама у Кости была рыбачка, а папа к тому времени умер. Мы ловили рыбу, обсуждали разные вопросы — и каждый раз переходили к тому, в каком положении находится Россия, и что надо сделать, чтобы её защитить.

Надежда Степановна, Костина мама, пенсионерка, всю жизнь проработала за станком на военном предприятии. Её труд был отмечен правительственными наградами. Это отношение родителей к труду наложило определённый отпечаток на Костю.

У него осталась дочь Анастасия, 15 лет. Очень похожа на отца. Отличница, спортсменка. Костя очень гордился ею.

Любил переписываться. Мы часто писали письма, когда были далеко друг от друга. Он надписывал конверт: «Русь великая, Саров могучий», а дальше адрес — и письмо доходило. Получишь — и сразу настроение поднимается.

Он покупал на улицах книги, которые продавали работники библиотек, в том числе православные издания. Очень хотелось бы, чтобы дело, которое начал Костя, продолжилось. Пусть это будет «библиотека Константина Васильева» или называется как-нибудь иначе. Но она должна нести именно ту нагрузку, которую он вложил.

Андрей Михайлович Душенко, офицер

Тяга к народному творчеству у Кости осталась на всю жизнь. Уже взрослым, окончив Академию и будучи подполковником, он восклицал: «Мне так хочется научиться играть на балалайке!» Это притом, что он уже освоил гармонь и на вечеринках мог подобрать любую песню. У него был очень хороший музыкальный слух.

Судьба нас с Костей развела. Но я хорошо его помню, его руки, его пронзительные голубые глаза. Он был въедлив в хорошем смысле: чем бы ни занимался — занимался серьёзно. С ним было легко общаться, он был доступен, но при этом очень глубок. У него постоянно шла скрупулёзная внутренняя работа над собой.

Характер в нём был виден с детства. С годами стал проявляться настоящий русский мужской дух. В Косте была огромная внутренняя сила. С ним, одним из немногих людей, я не боялась быть собой. Не боялась показаться глупой, смешной, наивной. Могла плакать, рыдать, смеяться. Общаясь с ним, я чувствовала, что становлюсь сильной.

У нас с Костей был перерыв в общении. После школы встретились, когда он был уже взрослым, заканчивал военное училище. Встреча с ним произошла на одном мероприятии, в Сарове, где я тоже жила и работала. Наблюдая за Костей, я бы сказала, что он сформировался как необычная личность.

В нём развился глубокий интерес к Православию, к русским истокам. Как он любил Россию, так переживал за неё! Он ощущал себя неотрывной её частью. Он говорил о России, о её предназначении — и это воспринималось как что-то очень значимое. Он внёс свою лепту в огромное понятие «Россия». Он был очень важной её составляющей.

С ним нельзя было общаться на бытовом уровне. Он нёс в себе что-то большее. Убеждена, что все, кто знал Костю, и теперь ощущают его присутствие рядом. Так получается, что начинаешь сверять время по Косте.

В Косте было столько искренности, доброты! Он в любое время дня и ночи готов был прийти на помощь. На этого человека всегда можно было положиться.

Костя был очень разумным: всё-таки за его плечами три высших образования, и все с отличием. Он много читал, был в курсе экономических и политических проблем России. Всеми знаниями, которые он получал, накапливал в себе, обязательно делился. Константин был абсолютным патриотом. Он считал, что хорошо перенимать опыт Запада, но нельзя терять огромный потенциал — человеческий, природный, научный — которым обладает Россия. Он был убежден, что если всё то, чем владеет Россия, развивать и внедрять — она станет великой и могучей страной. Константин был православным человеком, общался с батюшками, читал духовную литературу. Он считал, что самое главное — правильно воспитывать подрастающее поколение. Мы богаты своими традициями и своей историей. На них надо воспитывать детей, создавать книги и кинофильмы.

Наталья Яковлевна Липакина, педагог

Костя был очень жизнерадостным человеком. Имел большие организаторские способности. В Иркутске, Чите создавал спортклубы. Участвовал во всех театрализованных представлениях. Умел насмешить. К нему всегда тянулись

окружающие. Всегда говорил мне, Насте, что с каждым человеком нужно находить общий язык, уметь понять и выслушать. Нужно помогать и поддерживать друг друга, только тогда Россия поднимется. Насте писал: «Почитай свою Родину, своих родителей. Живи по законам божьим». Любовь к России и толкнула его заниматься системой рукопашного боя и выживания, он не признавал заграничные единоборства. На 5 курсе он принимал участие в съёмках секретного документального фильма для спецслужб про эту систему выживания в лесах под Краснодаром.

Наталья Прилюк (Васильева), жена

PS. В храме Святителя Николая в Подкопаях, настоятелем которого является иеромонах о. Савва (Молчанов), собрались близкие друзья и товарищи Константина Васильева, которые рассказали ребятам о Константине и торжественно передали в дар Военно-патриотической дружине библиотеку Константина.

На сегодняшний день Военно-патриотическая дружина храма Свт. Николая в Подкопаях носит имя нашего соотечественника, героя — Константина Ивановича Васильева, человека, не пожалевшего жизни «за други своя».

*(по материалам статьи Марины Васильевой
«Жизнь и подвиг русского воина» 2003 г.)*

ВЛАХ ГЕННАДИЙ

Возраст — 39 лет; Россия, г. Москва.

Мы с Геной во дворе в 1984 году познакомились,— рассказала мне Галина Влах. — Тогда же и поженились. Через год Роман родился. Имя ему отец дал. Но через три года мы развелись. Как говорится, не сошлись характерами.

Сразу после развода автокрановщик Влах уехал в Армению восстанавливать разрушенные землетрясением города Спитак и Ленинакан. Восстанавливал он три года. За это в 1991 году был награждён правительством Москвы часами и легковым автомобилем. Лично Юрий Лужков, тогда ещё заместитель мэра, вручил Влаху справку на получение «Жигулей»

в техцентре на Варшавке. Но Геннадий от машины отказался. По словам его жены, Геннадий считал, что такие же награды должны были получить и его товарищи, разгребавшие завалы армянских городов. А им машин не дали — только грамоты.

Деньги, заработанные в Армении, Влах регулярно пересылал сыну. Ему же шли и деньги за квартиру, которую он сдавал в последнее время. Сам жил у приятелей. Не пил, не курил, занимался спортом. Здоровье было отменное.

24 октября 2002 года, как рассказала Галина Влах, Геннадий позвонил

ей во второй половине дня и спросил, где сын. Галина ответила, что Роман во дворе с друзьями.

Последним, кто разговаривал с Геннадием, был его друг Алексей Ландышев:

— Он позвонил около 10 вечера, и мы поговорили о ремонте моей квартиры. Ничего особенного я в его голосе не заметил. Потом я уже подумал, что это всё случилось из-за телевизора. Они же по всем программам Дубровку круглосточно гоняли. Вот он и решил, что сын там, и его надо спасать. А как ещё?

По показаниям свидетелей, 25 октября в 23.22 Геннадий Влах появился в театре. Минут через пятьдесят боевики его расстреляли. Геннадий Влах стал одним из двух человек, убитых террористами. Второй была 26-летняя Ольга Романова, консультант отдела духов парфюмерного магазина «Л'Этуаль». Девушка пошла уговаривать террористов отпустить заложников. Она жила рядом с театральным центром и с детства знала все местные переулки и проходы. Не исключено, что она и помогла Влаху пробраться в бывший ДК ГПЗ через все оцепления.

Галина Влах искала мужа около месяца по больницам и моргам. А потом искать перестала: «Он часто уезжал и не говорил куда».

5 июня Роману Влаху позвонили домой. Звонивший представился следователем и пригласил в «комиссию по Дубровке» как свидетеля. Роман рассказал о звонке матери, и через три дня, получив официальную повестку, они пошли в Балакирев переулок, где расположилась комиссия. Пришли Влахи в 10 утра. А ушли через 9 часов. Сначала они ответили на все вопросы следователя: кто такие, откуда у них такая фамилия, есть ли ещё какие-нибудь документы кроме паспортов, подтверждающие, что они Влахи.

А когда Роман вышел попить воды, следователь тихо спросил у Галины, как она относится к фотографиям трупов. «Да никак,— ответила она.— Их каждый день по телевизору показывают».

Тогда следователь положил перед ней два цветных снимка, анфас и в профиль. Галина узнала бывшего мужа, а 17-летний Роман — отца. Оpozнание состоялось.

Когда пришли в себя, спросили у следователя, где тело.

— Тела нет. Кремировано. А как и где забрать прах... Дайте нам три дня.

Следователь вручил Роману постановление, из которого следовало, что он является потерпевшим, и направил Влахов на Старый Арбат, в Центр социальной защиты — за деньгами на похороны. Там у Романа попросили показать свидетельство о смерти отца. За ним Влахи вернулись в Балакирев переулок. «А вы выписку в жэке, из домовой книги возьмите», — посоветовали следователи, вручив им медицинское свидетельство, из которого следовало, что причиной смерти «гр. Влаха является шок, кровопотеря, ушибы, переломы и многочисленные огнестрельные ранения». Свидетельство было датировано 26 октября 2002 года.

Получив выписку, Влахи отправились в загс Хорошевского района. Там вместо свидетельства о смерти выдали справку в собес для получения компенсации расходов на похороны. В собесе в денежной компенсации отказали: «Деньги можем выдать только после похоронного ритуала. А вы никого не хоронили,

у вас даже гроба нет!» В Центре соцзащиты денег тоже не дали. Влахи опять поехали в комиссию. «Езжайте-ка на кладбище,— сказали им там,— узнайте, что им из бумаг для похорон нужно. Мы вам поможем».

И Влахи поехали на Химкинское кладбище, где с них потребовали справку о кремации. Чтобы её получить, пришлось снова ехать в комиссию по Дубровке. По словам Галины Влах, в Балакирев переулок она уже может добраться из разных концов Москвы с закрытыми глазами.

Но в конце концов компенсацию за убитого боевиками Геннадия Влаха в размере 100 тыс. рублей Роман Влах всё-таки получил и сейчас оформляет себе пенсию по потере кормильца.

30 июня директор Химкинского кладбища разрешил захоронить урну с прахом Влаха в могиле его матери.

Геннадия Влаха заочно отпели в храме Сергия Радонежского, что в Бибиреве. Отпев, отец Сергей освятил горсть земли: «Это на могилку высыпьте». С тем родственники Влаха и разошлись, чтобы встретиться уже на следующий день на 39-м участке Химкинского кладбища, где похоронена его мать.

В понедельник, когда у могилы собрались родственники Геннадия, там уже были установлены его фотография в траурной рамке и табличка с его именем и последним номером — 1464. Тёща Геннадия Галина Петровна показывала семейные фотографии: вот он родился, вот в первый класс пошёл, свадебные, с сыном, с друзьями...

Когда выяснилось, что родственники Влаха хоронят даже не урну, а коричневую керамическую вазу, купленную за 350 руб., корреспондент «Ъ» поинтересовался, что в ней.

— Прах нам не отдали. И даже не сказали, где он,— тихо сказала вдова Галина.— Не пустую же хоронить. Вот мы с мамой и решили его футболку туда положить. Он ведь в футбол любил играть. А ещё пачку чая положили и две конфетки — суфле и шоколадную. А сигареты решили не класть. Чай он любил пить с конфетами, а курить хотел бросить.

Тут подошёл могильщик с лопатой. Он залез в цветник и стал копать. Когда лопата ударилась о что-то твёрдое, землекоп оживился: «Там что, склеп?» Но дворовый приятель Влаха успокоил рабочего: «Здесь дорожка когда-то была. Вот камень и остался случайно».

Могилка для урны была вырыта на глубину штыка лопаты. Урну обмотали скотчем и положили на дно. Затем все по очереди посыпали на неё освящённой землей, и могильщик, закидав её глиной и специально купленным чернозёмом, отошёл в сторону.

Тем временем прощание закончилось. Обломанные гвоздики поместили в банку с водой и поставили на могилку, как бы в изголовье. А вокруг понатыкали искусственные цветы. «Настоящие цветы мы ему осенью посадим»,— сказала тёща.

В этот момент с другого конца кладбища послышался гимн и три ружейных залпа. «Это военного хоронят, на 78-м участке,— сказал могильщик.— Его на Кавказе убили».

Сергей Тополь, «Коммерсант» 07-07-2003 и 29-07-2003

ВОЙНОВА ТАМАРА

Возраст — 56 лет; Россия, г. Москва.

Тамара несколько лет работала редактором районной газеты «Богородское», где снискала себе большую славу. Газета выходит раз в месяц на 8 страницах в цветном изображении тиражом 20 тыс. экземпляров. Редакция состояла из одной Тамары. Работники управы Богородского района, с кем мне пришлось говорить, рассказали о большом авторитете, который приобрели газета и её редактор. Они приводили много конкретных примеров её чуткости, настойчивости в достижении целей, инициативы. Газета получала много писем, и Тамара нередко приходила к читателям

домой, чтобы выяснить существо их жалоб, а затем добивалась у властей действенности.

Многие удивлялись её неиссякаемой энергии. Она повторила то, что делала в «Ставрополке», — разыскала в районе всех сынов полков в период Великой Отечественной войны, собрала их вместе и добилась, чтобы руководство района отдало им самые высокие почести. Тамара часто посещала школы, беседовала с детьми, предложила педагогам много интересных мероприятий по патриотическому воспитанию школьников.

Рассказали один необычный случай, как Тамара помогла бомжу, бывшему солдату, воевавшему в Афганистане, который провёл несколько лет в плену в качестве раба. С помощью Тамары он смог вернуться домой на Камчатку, где его давно считали погибшим. И вот случился парадокс: оказав такую неоценимую помощь бывшему пленнику, Тамара неожиданно сама попала в плен и приняла не менее страшные муки, чем тот солдат в Афганистане.

Её подруга рассказала, что Тамара из театрального зала трижды звонила ей по мобильному телефону. В первом разговоре ещё звучали нотки оптимизма, надежда на то, что заложники будут освобождены. Второй разговор был другим — она отрывистыми фразами обрисовала ад, в котором пребывала с тысячей других обречённых людей: голод, жажда, духота, жуткие запахи, идущие от оркестровой ямы, превращённой в открытый туалет... И особенно — страшная издевательская экзекуция террористов. Они командовали — ложиться, так как будут взрывать театр. Все заложники падали на пол, считали последние секунды своей жизни... А затем бандиты давали отбой. Через некоторое время снова повторялась та же команда.

Трудно себе представить, что пережили эти люди. Самым страшным был последний её звонок подруге. Видимо, это произошло тогда, когда зал уже заполнялся газом. Тамара просила подругу взять в её квартире деньги, похоронить её на Ховринском кладбище рядом с матерью, даже сказала, в какую одежду её одеть...

Подруга полагает, что из театра её вынесли уже мёртвой и отправили прямо в морг. Но вот в какой — было неизвестно, ведь документов при ней не было. В администрации района создали несколько групп по поиску Тамары. Они в течение пяти дней ходили по больницам, где были заложники, по моргам, пока не опознали Тамару в последнем из них...

...Новое Ховринское кладбище разместилось в селе Бородино. В кладбищенской церкви состоялось отпевание, а затем погребение. На митинге выступили глава района А. Ручкин и ещё несколько человек. Все они очень тепло говорили о Тамаре как о честном человеке и замечательном журналисте. На её могиле вырос целый холм цветов...

*Андрей Попутько, бывший редактор «Ставропольской правды»,
«Ставропольская правда» от 04.12.2002 г.*

Она была как дочь полка. Сначала в «Молодом ленинце», потом — в «Ставрополке». Её отец — собственный корреспондент «Комсомольской правды» по Северному Кавказу Владимир Войнов — погиб в автокатастрофе. Коллеги всяческой заботой окружили его дочь Тамару. Как губка впитывала она уроки мастерства ведущих журналистов краевых газет. И не только за красоту и обаятельность, а чисто по деловым качествам вскоре оказалась в штате «Ставропольской правды».

Её творческая палитра была столь многокрасочной, а тематика публикаций столь обширной, что вскоре она сама становится мэтром. Больше всего ей удавались материалы о культуре и искусстве, литературе и художественном творчестве. Поиск незатасканных тем, людей необыкновенной судьбы не прошли мимо взора московских изданий, переманивших-таки в столицу молодую талантливую журналистку.

Так мы попрощались с Тамарой первый раз. А сегодня прощаемся навсегда. Как заядлая театралка, не пропускавшая ни одной премьеры ни в Ставрополе, ни в Москве, она, конечно же, не могла не побывать на мюзикле «Норд-Ост». И хотя спектакль должен был показываться ещё два года, она выбрала для похода в театр 23 октября.

Полным шоком для всего коллектива нашей газеты стало её имя в числе жертв террористического акта. Все, кто знал Тамару Войнову, в полном оцепенении встретили весть о её гибели. В это трудно поверить, с этим невозможно смириться. Она теперь навсегда останется в нашей памяти такой же молодой и красивой, какой в своё время уезжала из Ставрополя. А московская трагедия, ставшая общероссийской бедой, теперь своим чёрным крылом коснулась каждого журналиста «Ставрополки».

Группа друзей, «Ставропольская правда» от 02.11.2002 г.

Её жизнь оборвалась в той самой трагедии на Дубровке, которая потрясла всю страну. За хорошую работу Тамара, как звали её мы, получила премию от одной из московских префектур — бесплатный билет на мюзикл «Норд-Ост»...

Она была сильным и благородным человеком. Истинная журналистка, дочь известного журналиста, собственного корреспондента

«Комсомольской правды», погибшего в автомобильной катастрофе при исполнении служебных обязанностей. Работала в «Ставропольской правде», «Социалистической индустрии», «Вечерней Москве», была одним из руководителей издательства «Воскресенье», издавала различные газеты и журналы. Когда разрабатывалась новая версия нашего журнала, Тамара, не умеющая ничего делать вполсилы, и в это дело вкладывала душу, став в одном лице — и административным директором, и ведущим редактором, и ведущим автором.

Жизнь её за пределами профессии складывалась непросто. Замечательная дочь, она многие годы, жертвуя тем, что называется «личная жизнь», изо дня в день заботилась о пожилой больной матери, которую ей было суждено пережить менее чем на год. Тамара никогда не жаловалась на судьбу. Более того, своим жизнелюбием и невероятной энергией она, потомственная ставропольская казачка, зажигала верой и надеждой всех, кто оказывался рядом. Не было человека, которого бы она не поддержала в трудную для него минуту всем, что было в её силах.

Такой мы запомним её.

Коллеги. Журнал РОКК № 6 за 2002 год

ВОЛКОВ АЛЕКСАНДР

Возраст — 65 лет; Россия, г. Москва.

2 апреля моему Сашеньке было бы 70! Да, всего 70 лет! Он был молод, да, молод и душой, и телом: красивый, умный, сильный, весёлый, непосредственный и любознательный, как мальчишка. Он никогда не переставал учиться, жадно жил и строил планы...

В свои 65 (в год трагедии) он помимо работы директором хора Московского музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко и работы музыкальным супервизором мюзикла «Норд-Ост» работал тренером в клубе «Геракл». У него не было спортивного образования, но в клубе из всех тренеров выбрали его, очень уважали и любили ученики.

У Сашеньки был дан по каратэ, которым начал заниматься в 45 лет! Сашенька мог вставать в 6 часов (при своей загрузке) и идти в школу заниматься с детишками каратэ безвозмездно. «А кто же, как не я!» — говорил Сашенька.

Он всегда был моложе своих лет — спортивный, сильный, красивый с лучистыми глазами, необыкновенно доброжелательный к людям, интеллигентный человек. А как он любил молодых! Всегда старался выслушать, поддержать, помочь и словом, и делом — молодёжь всегда была около него.

Тогда из «Норд-Оста» он позвонил: «Нужно спасти детей! Слышишь — СПАСАТЬ ДЕТЕЙ!» Сашенька был неверующий человек, но жил по чисто христианскому закону — твори добро!

Но, конечно, главным в его жизни была музыка. Он окончил Московскую государственную консерваторию как дирижёр хора по классу профессора В. Ф. Балашова и факультативно класс органа у великого Л. И. Ройзмана. К сожалению, не получилось стать органистом — тогда в нашей стране ещё мало было этих замечательных инструментов. А остаться в Венгрии, где ему предлагали работу органиста, он не смог.

Сашенька работал в музыкальных театрах России главным хормейстером. Его уважали и любили артисты, а в театре это бывает так редко. У него была мечта — посвятить «Реквием» Дж. Верди своим родителям. Саша поставил его в театре оперы и балета г. Уфы с дирижёром В. Платоновым.

Мы прожили вместе 35 лет. Сашенька был моим мужем, моим самым верным другом, моей любовью и опорой. Мы всю жизнь вместе работали, никогда не расставались, ценили каждую минуту, что были вместе. Мы никогда не ссорились, и за всю жизнь я не слышала ни одного даже просто громкого или резкого слова. Сашенька был замечательным отцом нашей дочери Катюши, самым близким ей человеком. Мне иногда казалось, что она дышать без него не может — такая у них была душевная связь.

А как Сашенька был счастлив, когда в 2001 г. родился долгожданный внук Данилка! У Сашеньки были золотые руки — многое умел делать своими руками, точнее — не знаю, чего он не умел. Саша хотел научить своего внука всему, что умел, хотел вырастить настоящего мужчину. Сколько было у него планов в жизни! Им не суждено осуществиться никогда...

Мне как-то задали вопрос: «Какой у Вас был самый счастливый день в вашей совместной жизни?» Я не задумываясь ответила — КАЖДЫЙ день, прожитый с моим мужем! Спасибо за это тебе, мой любимый Сашенька — счастье всей моей жизни!

Мы не расстаёмся и сейчас! Он всегда с нами! Его замечательная улыбка, тихий и нежный голос, его доброта и ЛЮБОВЬ!

Марина Лепилина, жена

В октябре 2002 г. мы простились с Александром Георгиевичем Волковым — директором хорового ансамбля Московского музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Хоровой ансамбль потерял замечательного человека. Люди, которые знали Александра Георгиевича, восхищались его добротой, порядочностью, честностью. Для многих из нас он был настоящим другом.

Александр Георгиевич был профессиональным музыкантом, долгое время работал во многих театрах страны в качестве главного хормейстера и дирижёра.

К нам в коллектив он пришёл сравнительно недавно. Став директором хорового ансамбля, быстро нашёл с артистами общий язык, за что пользовался большим уважением.

Всегда приветливый, подтянутый, с улыбкой на лице он встречал своих артистов. Хор — это сложный механизм, являющийся одним из главных действующих лиц в опере, коллектив с людьми разных судеб, к каждому из которых нужен особенный подход. Александр Георгиевич умел входить

в положение каждого из артистов хора, переживал за них, поддерживал во всех вопросах, помогал и словом, и делом, за что его уважали и любили. Мог посмеяться и пошутить, в тоже время мог быть и в меру строгим. В хоре между собой его ласково звали «папа Волков», или просто «Георгич». И то, что его так звали, говорит о многом.

Он был светлым человеком. Дай Бог, чтобы таких людей, как Александр Георгиевич, было как можно больше.

Светлая ему память.

Александр Рыбнов, хормейстер театра

Мы познакомились в 1987 году, когда он с семьёй переехал в г. Новоуральск. Саша, Марина и Катюша. Весёлые и жизнерадостные, они как-то незаметно стали для нас очень близкими и родными людьми.

Саша был как будто из другого измерения. Измерения, где нет места ненависти и злобе. У него было огромное, доброе сердце и бесконечная душа... Душа, открытая для всех.

Он безумно любил жизнь, которая светилась в его глазах. И он делился ею со всеми, от всего сердца. Талантливый и изящный, интеллигентный и добрый, внимательный и нежный...

Прошли годы, и жизнь развела нас по разным городам. Саша с семьёй уехал в Москву. Но мы никогда не теряли связь друг с другом. Безумно радовались каждым нашим новым встречам. И вот в октябре 2002 года мы потеряли Сашу. Потеряли навсегда.

Поверить в это было трудно. Почему? За что?..

Случившаяся трагедия оставила много вопросов. Можно пытаться найти на них ответы, искать виновных и «учитывать на будущее». «Учитывать» ценой жизни людей, которые просто хотели жить...

...Мы знаем, Саша оставил свою искру на Земле. Она осталась в тех, кто его знал, кто был с ним рядом. Благодаря таким людям, как Саша, Земля становится добрее. Мы бесконечно благодарны судьбе за то, что она свела нас с Сашей и его семьёй. Человеком, которого мы будем помнить всегда...

Семья Додоновых, г. Екатеринбург

ВОЛКОВА ЕЛЕНА

Возраст — 22 года; Россия, г. Истра.

Лена — наш первый ребёнок. В 1980 году мы с мужем закончили химфак МГУ им. М. В. Ломоносова, а осенью 22 октября родилась наша Леночка. Муж как раз поступил в аспирантуру. Мне очень хотелось дочку — и вот она родилась. Сколько было счастья! Все матери считают, что их дети самые-самые, так считала и я. Ещё в раннем возрасте у Лены проявился характер. Как-то я поставила её в угол, и она простояла там несколько часов, заявив, что прощения просить не будет, потому что не умеет. Читать Лена научилась в 5 лет. В 7 лет она уже прочла «Волшебник Изумрудного города». Это была тогда её любимая книга, кото-

рую Лена перечитывала много раз.

Училась Леночка на одни пятёрки, участвовала во всевозможных олимпиадах и занимала призовые места. С 8 класса училась в физико-математическом классе на базе МАИ. Школу окончила с золотой медалью, в МАИ поступила без экзаменов, так как весной 1997 года заняла 1-е место в олимпиаде МАИ. В МАИ училась на 3-м факультете (АСУ) на программиста. Учиться было трудно. Жили мы тогда небогато (как и все вокруг нас), но Лена никогда не жаловалась. Леночка была очень вдумчивым, серьёзным, целеустремлённым и очень трудолюбивым человеком. Каждое лето мы ездили к бабушке в деревню в Ставропольский край, и Лена умела делать всё: полоть, стирать, готовить, даже коров доила.

Мы с мужем всегда гордились Леной. Леночка была всесторонне одарённым человеком, не только хорошо разбиралась в физике, математике, программировании, но и писала стихи, рисовала, вышивала. Превосходно знала русский и английский языки, литературу. А ещё была красавицей.

В тот год 22 октября Лене исполнилось 22 года. Мы ещё шутили в семье, что такое бывает лишь раз в жизни: 21 октября — 21 год, 22 октября — 22 года.

Мы в семейном кругу отметили Ленин день рождения (со своей студенческой группой и друзьями Лена собиралась отметить в субботу 26 октября), 23 октября Лена с двумя школьными подругами пошла на мюзикл «Норд-Ост» (ряд 10, место 22 — балкон). К счастью, подруги остались живы. Этот мюзикл Лена смотрела 23 июня 2002 года. Ей очень понравилось, и Лена сказала: «Мама, ты должна непременно его посмотреть». Но у меня как-то не складывалось по времени. И Лена решила пойти с подругами. Мы живём в Подмосковье, в городе Истра. Я и работала в Истре, а 23 мне нужно было ехать по делам в Москву. Я могла бы задержаться в Москве подольше, но какое-то беспокойство гнало меня домой. Я приехала домой как раз тогда, когда Лена собиралась в театр, я видела, как она одевалась, красилась, в общем, обычные девчоночьи приготовления. После мюзикла Лена должна была остаться ночевать у подруги в Москве. Я смотрела в окно, как Лена шла на электричку. Если бы я тогда знала, что в последний раз вижу её живой! Вечером мы с мужем легли спать, ничего

не подозревая, а потом нас разбудил звонок мамы одной из подруг Лены: «Включайте телевизор, наших детей взяли в заложники». И начался этот ад...

В пятницу 25 октября после целого дня, проведённого в ПТУ, мы вернулись домой (у нас ещё одна дочь, ей тогда было 12 лет, и оставлять её на всю ночь одну мы не могли), и тут позвонила бабушка одной из подруг, сказала, что наших девочек освободили, и что с ними сейчас беседуют, и скоро их отпустят домой. В Москве оставались родители двух Лениных подруг, они сказали, что нам ехать в Москву не нужно. Из Истры выслали машину, чтобы привезти наших девочек. Всю ночь мы ждали, а утром узнали о штурме. О газе мы тогда ещё ничего не знали. Но зато узнали, что наших девочек никто не освобождал, и зачем нужно было так жестоко нас обманывать, я до сих пор не знаю. Всю субботу муж разъезжал по больницам Москвы, а я сидела на телефоне. Звонили все наши друзья, все друзья Лены. Нашлись обе Ленины подруги в разных больницах, а где Лена, мы так и не узнали. Весь день воскресенье 27 октября мы провели в ПТУ в ожидании информации. Ездить самим целый день по моргам и опознавать наших близких, как предлагали нам чиновники, мы не стали. Мы верили, что Лена жива. Наконец, к вечеру вывесили списки пострадавших, находящихся в больницах, и Лены среди них не было. Потом нас, не нашедших своих близких, собирали 2 раза в круг и зачитывали нам списки опознанных погибших. Лены тоже не было в этих списках. А потом уже ночью привезли альбомы фотографий, сделанных в моргах Москвы. Там мы нашли Лену. Леночка на фотографии как будто спала, лицо такое умиротворённое, красивое. Нам потом в морге сказали, что она умерла в 13-й больнице 26 октября. Леночку так и не разбудили. Хоронили её 1 ноября на закрытом городском кладбище, на аллее, где похоронены герои Великой Отечественной войны. Все хлопоты и расходы взяла на себя администрация нашего города. Да мне кажется, никто в нашем городе не остался равнодушным к нашему горю. Спасибо всем, кто разделил наше горе, кто облегчил нам эту ношу невыносимого страдания.

Каждый год в день рождения Лены собираются её друзья, одногруппники, наши друзья. Мы говорим о Лене, как о живой, и мне кажется, что она среди нас и слышит нас.

Уже после похорон нам передали через милицию Ленин пиджак, в котором на визитке мужа Леночка написала нам записку. Вот она:

«Мамочка, папочка, Наташенька!

Я вас всех очень люблю. Я только об этом сейчас и думаю. А ещё обо всех своих друзьях. Я обязательно должна это сказать, ведь вполне возможно, мы больше не увидимся.

Навсегда ваша Лена».

Татьяна Волкова, мама

ВОРОПАЕВА ТАТЬЯНА

Возраст — 49 лет; Россия, г. Москва.

Моя мама, Татьяна Николаевна Воропаева, родилась в Москве, на Преображенке, 25 марта 1953 года. Ей было 22 года, когда она окончила вечернее отделение Московского института народного хозяйства им. Плеханова. Ещё во время учёбы она начала работать лаборантом в НИИ ИРЕА, занимавшемся чистыми химическими реактивами и веществами.

У мамы было много друзей. Коллеги и однокурсники любили её жизнерадостный, светлый характер, её отзывчивость, доброжелательность, нежную и спокойную женственность. Лучшие школьные и институтские подруги продолжали тесно общаться

с ней в течение всей жизни.

После окончания института мама осталась работать в ИРЕА экономистом. Там же она встретила своего будущего мужа Евгения, моего отца. Они поженились 11 сентября 1976 года, и через год родилась я — их единственная дочь.

Семья стала для мамы делом всей её жизни, которому она посвятила себя целиком. Я, папа, две бабушки и дедушка — все мы стали объектами её любви и неустанной заботы. В тяжёлые для страны 90-е мама ушла с любимой работы и перешла в строительно-монтажное управление, чтобы у семьи было больше денег, больше возможностей.

Мы с мамой всегда были лучшими подругами, делились всеми радостями и огорчениями. Вместе катались на лыжах и велосипедах, вместе отдыхали на море и на подмосковных базах отдыха. Мама не могла расстаться со мной даже на несколько дней. Тем не менее, она была очень рада, когда я встретила любимого человека и вышла за него замуж.

Мама стала совсем нетипичной тёщей — деликатной, понимающей, приветливой. К сожалению, наше общее семейное счастье длилось недолго.

На мюзикл 23 октября мы попали не случайно. К нам в гости приехала молодая родственница с Украины, моя троюродная сестра, и мама, как и следовало ожидать, гостеприимно спланировала для неё «культурную программу» — прогулки по центру Москвы, рестораны, и, конечно, театры — Ленком и Большой. Попал в список и мюзикл «Норд-Ост».

Мама очень поддерживала нас с сестрой все эти страшные дни в зале ДК. Вместе нам было проще пережить этот страх и сохранить надежду на спасение. Увы, очнувшись в реанимации 13-ой больницы, я вскоре узнала от убитого горем мужа, что маму живой я больше никогда не увижу...

Светлана Сурова, дочь

ГЕРАСИМОВ АРКАДИЙ

Возраст — 23 года; Россия, г. Москва.

Аркадий учился в колледже, после окончания которого получил образование в финансовой академии и работал экономистом в одной из полугосударственных компаний.

Всю свою короткую жизнь он был удивительно добрым и добродушным человеком, постоянно стремящимся помочь любым окружавшим его людям. Уже в колледже и после его окончания он со своими друзьями встречался с ребятами из младших классов, ходил с ними в походы, на байдарках. Проводили вечера у костра. Педагоги и друзья Аркадия говорят, что трудно переоценить его влияние на воспитание

ребят. На работе его оценили как добросовестного и умелого специалиста, которого за короткое время работы повысили в должности.

Он и на «Норд-Ост» пошёл второй раз только для того, чтобы показать понравившийся ему мюзикл своим друзьям и любимому преподавателю.

Потеря такого человека и других не менее значимых для нашей страны людей не должна пройти незамеченной.

PS . Зрители в «Норд-Осте» погибли по вине непрофессионального отношения к своим обязанностям конкретных лиц, занимающих должности в государственных структурах и обязанных защищать жизнь, здоровье и свободу налогоплательщиков.

По законам нашей страны лицо, совершившее преступление или способствующее совершению преступления, или не оказавшее своевременную помощь жертвам несчастного случая или преступления, должно понести наказание.
КОГДА?

А. Герасимов, отец

В 2002–2003 годах те, кто учил Аркадия, кто учился с ним в одном колледже, создали альбом «Про нашего Аркадия». Ниже представлена лишь незначительная часть материалов. На сайте московской школы № 1314 можно ознакомиться с полным содержанием альбома.

1992 год. Первый раз в 8 класс... Вместе со своими учениками я впервые переступила порог колледжа. Они такие разные!

Аркадий сразу обратил на себя внимание: маленький, взъерошенный, с очаровательной добродушной улыбкой, он никак не мог усидеть на месте. Оказалось, что это проблема — высидеть целую пару (1,5 часа). И тогда мы с ним решили, что, когда он устанет, мы будем прохаживаться по коридору, чтобы он передохнул и мог дальше работать. Он выходил из класса, мы делали пару проходов из конца в конец коридора, и он возвращался на урок. Ему это помогало сосредоточиться. Правда, ко второму полугодю в этих «прогулках»

отпала необходимость, он постепенно привык к 1,5 часовым урокам, но это почему-то запомнилось...

Он удивительным образом умел расположить к себе. Почему-то сразу оказался в числе «любимых». Хотя это не педагогично, но я не скрывала своих симпатий. Он стремился быть везде, во всём участвовать, всё ему было интересно. И самое главное: он не боялся задавать вопросы, он во всём хотел разобраться.

Мой любимый Заяц... Когда и почему я его так назвала — уже не помню. Но это сочетание стало для меня и для него привычным и родным уже тогда. И в классе его называли Зайцем. Говорят, что клички — это плохо, что у человека есть имя. Наверное, это правильно, но Аркашка не обижался на Зайца. В нём было что-то «белое и пушистое» в его отношении к людям, и это притягивало к нему, как магнитом.

1993 год. Первый серьёзный поступок взрослого человека... Вы когда-нибудь пробовали в 14 лет объяснить взрослому учителю, что он не прав? А сделать это от имени всего класса у вас хватило бы мужества? Честно скажу: у меня бы не хватило... А Аркашка смог! Никто из сильных отличников не решился, только он — милый Заяц. Тогда я впервые поняла, что этот человек не предаст в трудную минуту, что он готов быть опорой.

1994–1995 годы. Запомнились многими походами. Насыщенное лето — первые пробы байдарок. Первые неудачи и огромное желание — научиться управлять этой лодкой! Уже тогда в походах проявилось ценнейшее качество Аркашки — он вставал раньше всех и разводил костёр... Кто ходил в поход, тот знает, как трудно утром вылезать из тёплого спальника, выходить из палатки по росе. И тем дороже то тепло, которое даёт костёр, разведённый Другом. Заяц всегда готов был поделиться теплом: накинет на плечи свою курточку... скажет пару тёплых слов в трудную минуту... просто улыбнётся...

1996 год. Выпускной класс... Помню ощущение того, что мне нечего делать на работе... Если не считать бумажной писанины, то как куратор я почти ничего не делала. Ребята были взрослыми, знали, что и как надо делать, им был не нужен куратор! И я очень отчётливо помню, как мне страшно было от одной мысли, что наступит день расставания, и больше я их не увижу, они уйдут...

В 11 классе был «свободный день», когда не было уроков в расписании, но когда ребята могли приехать в гости ко мне домой и попить чаю на кухне... Вот тут-то и происходила основная работа, как я теперь понимаю. Эти «кураторские пятницы» были расписаны далеко вперёд. Приезжали группами и по одному, но обязательно с каким-то «больным» вопросом. Заяц был готов жить на кухне в Перово! Ему всё было интересно и важно, но он тактично спрашивал всегда, а не будет ли он лишним при разговоре (особенно если предполагался разговор на двоих). Тогда он просто приезжал позднее, когда было можно. И его первым вопросом всегда был: «Ну, как тут у Вас дела? Может, помочь надо?»

Самым грустным праздником был выпускной вечер... Если тебе кто-то дорог, то ты боишься его потерять. Я не знаю, как так получилось, но я боялась их всех потерять! Они стали родными. Хотя понимала (умом), что у них начинается новый этап в жизни, не менее интересный, что у них появятся новые друзья, что постепенно они уйдут... Но так не хотелось их отпускать!

Всё лето, пока они сдавали экзамены, я была «привязана» к телефону: ждала оценок и итогов зачисления. Особенно переживала за мальчишек: им грозила армия. И вот лето заканчивается, все 19 гениев стали студентами, подтвердив свою гениальность. Это был самый лучший подарок Куратору.

Август... Лефортово... Стадион... Мы с Ириной Евгеньевной стреляем и никого не ожидаем увидеть. Вдруг появляется Аркадий, радостно улыбающийся и явно что-то замышляющий. Он торжественным голосом объявляет, что ему надоело отсутствие у куратора Дня Рождения, и он назначает его на сегодня! По этому поводу он дарит мне в подарок очаровательного мышонка с сердечком и предлагает отметить этот день. Восторженный писк двух Ирин, сбор вещей и тут... Приезжает Андрей на своём «Запорожце», чтобы отвезти нас домой. Это уже просто из области фантастики: мы всей компанией едем в Перово и устраиваем Настоящий Праздник! Это было 20 августа... С тех пор у меня вновь есть день рождения, который приносит мне радость. И это только благодаря Зайцу.

31 августа накануне нового учебного года. Когда в классе всё было прибрано и вымыто к 1 сентября, вдруг слёзы навернулись на глаза: как же так я завтра приду в класс и не увижу улыбающегося Зайца? Я не знаю, как такое может быть! Я не хочу этого!!!

1 сентября 1996 года, 8 часов 30 минут утра. Я с кислой миной прихожу в колледж, резиново улыбаюсь встречным, поднимаюсь на 4 этаж, захожу в класс и... **НА ПЕРВОЙ ПАРТЕ СИДИТ ЗАЯЦ С ОГРОМНЫМ БУКЕТОМ ЦВЕТОВ И УЛЫБАЕТСЯ!!!**

Он умел дарить людям праздники... Он их творил из будней легко и от чистого сердца, поэтому они всегда получались светлыми и радостными.

После колледжа.

Они не ушли! Они остались со мной, делясь своими радостями и печалью. Они помогали мне растить следующий класс! Особенно эти слова относятся к «любимой троице» — Аркадию, Андрею и Косте. Постепенно из выпускников они стали моими настоящими Друзьями. Они всегда были вместе со мной в трудную минуту. И здесь невозможно выделить кого-то одного: это была неделимая троица. Они дополняли друг друга так, что казались единым целым организмом. И если вдруг почему-то кого-то не было, то его отсутствие ощущалось очень остро. Тяжело было нам всем, когда Костя был в армии. И каждое его увольнение было для нас праздником.

Но при этом каждый из них был самостоятельной Личностью.

У Аркашки было удивительно развито «видение другого человека». Ему не надо было объяснять, что мне сейчас тяжело. Он видел это даже тогда, когда я старалась скрыть свою слабость от посторонних глаз. Как-то незаметно он оказывался рядом и делал то, что в данный момент было необходимо. И потом так же незаметно исчезал, как будто ничего не произошло. Ему можно было поручить самые деликатные просьбы, понимая, что он интуитивно сделает всё так, как надо, и лучше других.

Заяц стал не только моим другом, но и другом моей семьи. Он после института забирал Ольгу из школы на Курской и отвозил её домой в Перово в дни, когда я дежурила по колледжу и не могла этого сделать сама. Согласитесь,

не всякий на такое пойдёт. Так у него появился свой ключ от нашей квартиры. И я была спокойна, зная, что с дочерью всё будет в порядке. Если надо было копать картошку — Заяц готов помочь; надо собирать яблоки — и тут тоже он с рюкзаком и сумками.

Этой осенью, когда я с классом задумывала традиционный поход на пару дней по Подмоскovie, и задала вопрос «Кто пойдёт в лес?», то услышала от Настюшки встречный вопрос: «А Заяц пойдёт? Тогда я тоже пойду!» Мы не пошли в поход из-за лесных пожаров. Но оказалось, что Аркадий любим и дорог в моём нынешнем классе, несмотря на уже заметную разницу в возрасте. Его продолжали волновать вопросы, связанные с жизнью колледжа, он хотел сохранить тот Дух Колледжа, в котором вырос сам. Он вряд ли осознавал, что Дух Колледжа жил в тех людях, которые тогда работали. Но он сам настолько им «пропитался», что теперь этот Дух жил в нём самом. Вокруг него всегда было тепло и светло. Когда Заяц приходил в колледж и, улыбаясь, проходил по коридору, то у многих поднималось настроение.

...Когда мы сидели в зале ДК, то не было страшно, потому что мы были вместе. Заяц как всегда шутил и старался поддержать народ. Было очевидно, что всё очень серьёзно. И я думала, что если суждено нам здесь закончить свой земной путь, то мы уйдем из жизни все вместе. Это было страшно, но спорить с судьбой не в наших силах. А если всё благополучно закончится, то мы все вместе выберемся отсюда и будем лишь вспоминать этот кошмарный сон.

Но судьба распорядилась иначе... так, как я себе не могла представить в самом ужасном кошмаре...

ПО-ЧЕ-МУ??? ЗА ЧТО???

Как сказали мне в монастыре, он оказался самым достойным из нас всех, раз Господь призвал его. А нам надо пересмотреть свою жизнь, чтобы тоже быть достойными. И этот кошмар — нам знак того, что мы ещё не сделали того главного, что должны сделать в этой жизни...

Чернина Ирина Вячеславовна, куратор

Зайца я знаю очень давно, наверное, как себя помню. Он всегда был нашим другом. И только теперь я понимаю, что не каждому человеку мама доверила бы забирать меня из детского сада. Мне всегда нравилось, что за мной приходили не только мама или папа, как за другими детьми. За мной приезжали Дрюша, Заяц, Шурик (Саша Рябова) и Крокодил (Костя) на машине! Были иногда и другие ребята, но редко. Крокодил очень серьёзный. Он молчаливый, и я его сначала побаивалась (ведь крокодилом просто так не назовут), но он мне нравился. А Зайца я сразу не боялась. Он такой добрый, такой весёлый и всё время рассказывал что-нибудь смешное. Я их всех звала папами. И в группе, когда дети спрашивали, кто эти люди, которые за мной приходят, я объясняла, что они все мои папы! У ребёнка не может быть столько пап — пытались мне доказать подружки. А я их убеждала, что может! И Заяц был самым добрым. Всегда, когда я видела Зайца, он улыбался, и мне становилось тоже весело, несмотря на то, что за 5 минут до его прихода мне было грустно.

Помню, как летом мама с Ириной Евгеньевной ездили стрелять в Лефортово. Если честно, то мне было скучно с ними. Им интересно, а мне хотелось

убежать куда-нибудь, но мама мне не разрешала никуда уходить. Когда приехал Заяц, я очень обрадовалась, так как понимала, что больше скучать мне не придётся. Он рассказывал мне разные смешные истории, анекдоты, и время пробежало незаметно. В конце тренировки вдруг он просил, чтобы ему тоже дали пострелять. Я совсем было расстроилась. Думала, что теперь они все про меня забудут. Однако это было очень весело. Он так забавно комментировал свои ощущения при натягивании лука, что я от души смеялась. А потом мы все вместе поехали к нам домой. Заяц гордо нёс два лука на плечах, хотя они довольно-таки тяжёлые. И мама называла его оруженосцем.

Если к маме приезжали её выпускники, то они все, как правило, разговаривали с ней. И только Заяц обязательно заглядывал в мою комнату и иногда даже играл со мной. На день рождения дедушка подарил мне большого крокодила. Я назвала его Коськой (в честь одного из своих пап), и радостно хвасталась всем проходящим. Это и правда замечательный крокодил! Когда Аркадий его увидел, он пришёл в полный восторг! Мне так нравилось, как он с ним играл и смеялся, совсем как маленький. Он разевал его пасть, щёлкал зубами и рычал, но было совсем не страшно, а наоборот, очень весело и интересно.

В октябре 2002 года, когда мы пошли на «Норд-Ост» большой компанией, все места были на одном ряду. Я решила сесть с Зайцем, потому что с ним всегда весело. Он уже смотрел этот спектакль и мог рассказать мне то, что непонятно. Так и получилось, что мы с мамой оказались на разных концах нашей компании. Постановка была замечательная! Такие весёлые песни, танцы.

Когда в начале второго действия начали стрелять, я со страху прижалась к Аркаше и вцепилась в его руку. Он обнял меня и сказал: «Не бойся, Птичка, я с тобой, всё будет хорошо». Но мне всё равно было страшно, потому что я никогда раньше не слышала настоящей автоматной стрельбы. Так, обнявшись, мы сидели до тех пор, пока террористы не объявили, что готовы отпустить детей. Я не хотела уходить, спросила его: «Может, мне остаться?» Но он отправил меня к маме. Я пробралась к ней, села на колени, обняла её за шею и сказала, что не пойду, что мне страшно. Но мама каким-то строгим голосом сказала: «Иди!» и буквально вытолкнула меня. Когда я спускалась по ступеням к сцене, то заметила, что у женщин в чёрном были страшные глаза. Нас строем выводили из зала, и в это время в голове пронеслось: «Не бойся, Птичка, я с тобой, всё будет хорошо».

Нас вывели на улицу, не отдав куртки. Было холодно, но я этого не замечала. По щекам катились слёзы, я думала о тех, кто остался в зале. Нас встретил милиционер, посадил в милицейский фургон, чтобы мы не замёрзли. Некоторые дети плакали. Старшие пытались успокоить и как-то поддержать младших. Через какое-то время дверь машины приоткрылась, и в проёме показалась голова Вовки Хотеевкова. Я вышла к нему. Он спросил: «Кто там в зале, кроме ЧИВа?» Я всех перечислила. Он сказал, что меня с ним не отпустят, т. к. детей отдают только родственникам. Тогда Вовка стал звонить моему папе, а меня отправил в машину, чтобы я не замёрзла. Через какое-то время он опять заглянул в машину и сказал, что папа выехал за мной. Вскоре приехали разные корреспонденты с камерами и фотоаппаратами. Один из них дал нам листок бумаги и попросил записать свои имена и фамилии, а другой в это время

снимал нас на камеру. Потом пришёл водитель, сел в машину и куда-то повёз нас. Выгрузили нас в какой-то школе, где мы должны были дожидаться родителей. Почти за всеми уже приехали, а моего папы всё не было. Наконец, я его увидела и очень обрадовалась. Он обнял меня, и я чуть не расплакалась, т. к. вспомнила о маме и ребятах, которые остались там. После этого меня допрашивал следователь. А потом нас забрали Ирина Евгеньевна с Костей и отвезли всех домой.

Дома мы смотрели телевизор. На все уговоры идти спать я отвечала, что не смогу заснуть. Но вскоре папа всё же отправил меня спать. На следующий день ко мне домой приехали Катя (моя подруга) и Сергей Леонидович. Они рассказали, что весь колледж переживает за наших ребят и за маму. Катя меня успокаивала, а я ей рассказала, как страшно там было, и как Аркаша мне сказал: «Не бойся, Птичка, я с тобой, всё будет хорошо». На следующий день вместо Кати приехала Соня, чтобы как-то поддержать меня, и осталась у меня ночевать.

На следующее утро мы с Соней проснулись оттого, что Саня заглянул к нам в комнату и сообщил: «Здание взяли штурмом!» Мы побежали на кухню к телевизору смотреть новости.

Потом мы обзванивали больницы. Первой нашли маму. На душе стало немного легче. Потом нашли Андрея. И я почти успокоилась, уверенная, что вот-вот и Аркадий найдётся. Я же помню, что он мне сказал: «Не бойся, Птичка, я с тобой, всё будет хорошо».

На следующий день мама вернулась домой. Я очень обрадовалась, но мы все были сосредоточены на поисках Аркаши. Братья не отходили от телефона, кому-то отзванивали, передавая информацию. Список больниц уменьшался, но его почему-то не находили...

Я долго не могла поверить, что его больше нет... Даже когда его хоронили, не верилось, что это правда. Мне казалось, что он просто спит, ведь он обещал, что всё будет ХОРОШО...

Этим летом мне и другим детям, бывшим в «Норд-Осте», досталась поездка в Грецию. Аркаша когда-то мне рассказывал, как он жил в Греции, когда был маленький. Ему там очень нравилось. И я часто его там вспоминала. Мне очень хотелось, чтобы он был рядом со мной, с ним обязательно было бы очень весело...

Ольга Чернина, ученица 9 класса

Мой друг сидит на парте и болтает ногами... Я ещё не знаю, что его зовут Аркадий, что все его будут звать Заяц, что это самый мой близкий друг, это всё я узнаю потом, просто сейчас первое сентября, и мы оба пришли учиться в колледж.

Мой друг изучает карту, смотрит на компас... Мы всем классом сидим в болоте. Это наш первый поход, ДБ знает, что мог бы выбрать путь попроще, но дорогу выбирает Заяц.

Мой друг рисует... Рисует человечков, монстриков, зайцев... Ему нет дела до того, что идёт семинар по пониманию лекций Громыко — всё равно их никто не понимает.

Мой друг рубит дрова... Он очень любит рубить дрова, он делает это для

развлечения, для отдыха, для зарядки, для разрядки... Он делает это, чтобы было тепло, чтобы все могли согреться, чтобы было уютно.

Мой друг поёт... Он поёт громко и с удовольствием, он умеет подпевать даже те песни, слова которых не знает. Я люблю петь с ним вместе.

Мой друг открывает «Шампанское»... он не умеет это делать, никто из нас не умеет открывать «Шампанское» — мы только знаем, что пробка должна вылететь, а вино, по возможности, остаться в бутылке или в бокалах, мы — выпускники: у нас выпускной вечер, нам весело.

Мой друг чинит машину... мы любим чинить машины, нам нравится разбирать и собирать разные механизмы, мы всего-навсего мальчишки. В нашей компании нет ни одной машины, которую бы не чинил Заяц.

Мой друг собирает рюкзак... Он ходит в походы в большой компании, в маленькой компании, в компании близких друзей, иногда даже один. Он любит ходить пешком, на байдарке, на машине, в Подмосковье, на Кавказ, в Карелию. Мы собираемся сходить на Алтай на катамаране.

Мой друг пьёт пиво... Только с Зайцем мы встречаемся попить пива. Вдруг понимаешь, что давно не виделись, что есть свободный вечер, что хочется поговорить... Он сидит напротив меня с кружкой, мы разговариваем... разговор идёт ни о чем — о погоде, о машинах, о работе, о походах, но на душе тепло и спокойно.

Мой друг работает... Вообще-то, он делает мою работу. Иногда он заходит ко мне на работу и помогает мне, когда у меня совсем завал. Ему нравится то, чем я занимаюсь, в глубине души я горжусь этим.

Мой друг смеётся... Он смеётся легко и радостно. Он находит в интернете шутки и приколы и рассылает всем друзьям и знакомым, чтобы они тоже посмеялись. Он находит повод для шутки даже в самых тяжёлых ситуациях. Я видел его и грустным, и усталым, но никогда чувство юмора не изменяло ему. Иногда мне вспоминается картинка из какого-то нашего похода — он идёт по свежеснеженному снегу, прорубаясь через густые ветки, уверенно и твёрдо. Мы привыкли преодолевать трудности.

Он погиб, и мне нечего этому противопоставить.

Андрей Чуличков, выпускник 1996 года

Я не верю, что Аркадий ушёл от нас!

Он всегда был с нами, есть и будет!

Помню, когда Аркаша с ребятами своего класса водили нас в поход. Наш первый поход, тогда ещё маленьких и ничего не понимающих восьмиклассников. Был он одет в военную форму с огромным, как мне тогда казалось, рюкзаком. Он шёл, такой большой и уверенный, впереди, вселяя в нас уверенность. В нас, ещё толком не знакомых друг с другом. Уверенности прибавлялось с каждым шагом этого большого человека! По дороге он подтолкнул заглохшую машину, шутя и весело, как умел только он! И я понял, что точно всё будет здорово. Здорово и весело потому, что в его сердце хватит тепла и доброты на всех нас — и даже на незнакомых с ним в тот момент людей!

Его всегда было много. Много, как солнца летним днём! Его общество грело всех вокруг него. Мы грелись в его лучах! Где бы он ни появился, всегда там

появлялось веселье и чувство неподдельного счастья, смешанного с благодарностью судьбе за знакомство с таким солнцем, как Аркадий! Мы как-то ездили на авиашоу. Так получилось, что в последний момент все отказались, и я ехал на место встречи с ощущением испорченного праздника. Там под колонной я нашёл Аркашу, читавшего книжку. Он сказал, что мы получим удовольствие и без кучи народу. Так и получилось... Мы провели совершенно незабываемый день, полный ярких эмоций и чувства разноцветного карнавала красок, которые были бы невозможны без этого человека, олицетворившего собой этот день!

Он очень хороший ДРУГ! Что бы ни случилось, он всегда примчится на помощь и сделает всё, что от него зависит, для решения проблем. Причём сделает это с присущей только ему иронией, задором и настоящим азартом. Так, что даже иногда кажется, что это именно его проблема, а не чья бы то ни было! Так умеет только он.

Он дарил нам искорки своей гигантской души. Искорки себя, которые попадали к нам в сердца и начинали прорастать деревом. Деревом благодарности от нас ему.

Владимир Хотеевков, выпускник 2000 года

ПРО ЗАЙЦА

Я так долго собиралась... И вот теперь не знаю, что написать... Как я могу писать в прошедшем времени о человеке, который существует для меня до сих пор? Поэтому пусть простят меня все, кто считает, что я не права, я буду писать в настоящем!

Прежде всего, Аркадий для меня вовсе не Аркадий, а ЗАЯЦ! Он из тех людей, которые могут приехать в гости просто после звонка с вопросом: «А можно я приеду?» Как правило, я не вижу оснований сказать ему «нет», хотя в последнее время мы видимся редко.

Какой он, Заяц? Он умеет найти подход к любому человеку, любит делать подарки не по поводу, а просто так, потому что сегодня хорошая погода.

Не знаю, как рассказать о человеке вообще. Ведь это целый мир. Что мне вспоминается про Заяца?.. Он был первым выпускником в колледже, с которым я познакомилась 1 сентября. И, наверное, стал тем, кто связал 1 и 2 кураторские выпуски. Не знаю, был ли хотя бы один поход без него... Это как-то сложно представить... Но даже если такое случалось, полагаю, он был с нами всей душой.

Пытаюсь вспомнить какие-то конкретные случаи... Вспоминаются, в основном, смешные. Когда мы готовили Посвящение позапрошлomu 11 классу, Заяц вылил на меня кипяток для «нудликов». Но вместо того, чтобы заплакать от боли, я начала смеяться как сумасшедшая. Мы посмеялись все вместе. А Заяц через некоторое время рассказал, что попробовал проделать тоже самое с другими людьми, но эффект не повторялся. Он расстроился, потому что думал, что нашёл идеальный способ рассмешить человека.

Моя любимая походная история о том, как Заяц и Алла Алексеевна часа в три ночи искали в маленькой (3-х местной) палатке «Фестал». Сначала они разбудили меня, потом перевернули всё вверх дном, а потом никак не могли уснуть, потому что таблетки стояли у них поперёк горла.

А ещё была такая песенка Ивасей, немного переделанная, чтобы лучше соответствовала реальности: «Ах, Аркадий Андреевич в полосочку...»

Мне кажется, что у меня дома есть куча вещей, так или иначе связанных с Зайцем. Они равномерно расползлись по всей квартире, и сейчас сложно сказать, были ли они подарены или одолжены...

Не знаю как закончить, ведь истории можно рассказывать часами, а от того, что я пытаюсь их напечатать, они теряют своё очарование...

P.S.

*Я знаю, что к стулу ещё не прирос,
И жизнью не загнан в занюханный угол,
И бросить дела для меня не вопрос,
Вот только немножко со временем туго...*

Наташа Васильева, выпускница 2000 года

АРКАДИЙ?

Сначала я не знала его лично. Но это такой человек, с которым не нужно знакомиться. Привыкать и что-то о нём узнавать. Я увидела его и не заметила, как это вышло, но как будто мы уже общались целую вечность.

Заяц, Солнце?

Ближе я узнала его уже позже. Уже после того, как он окончил учиться и нашёл работу. Он ещё пришёл тогда такой солидный, в пиджаке, в пальто... Он теперь совсем как взрослый, работает. Я испугалась: вдруг с изменившимся стилем одежды он и сам поменялся? Но нет, он остался таким же, и таким его полюбили его сослуживцы, не смогли изменить его.

Аркаша?

Именно со мной он первый раз ходил на «Норд-Ост». И нам так понравилось! Так красиво, такой замечательный вечер.

Как же было — потом — страшно... Как жутко.

Но мы прошли через это. Этого не может быть, ведь он всегда, всегда с нами. Очень многим людям он помогал, был готов сделать всё, чтобы человеку стало лучше... Мы должны жить дальше, ведь он так хотел, чтобы у всех всё было хорошо.

Вот уже, кажется, прошло всё, но звонит Алёна Нефёдова и говорит, что ЧИВ нужна помощь. Тексты всех знакомых и не совсем знакомых людей, куча фотографий, листочки с рукописными текстами, боже... Не думала, что будет так тяжело... Просидев в колледже с Женей Морозом полдня, мы не сделали и половины, а дома, когда одна... Все эти люди... Как же их много, как все они его любят!

Извините их и меня за возможные глупые ошибки. Тяжело писать. В сотый раз преодолевая желание заплакать, стараюсь улыбнуться. Ведь он так любил, когда люди вокруг улыбаются, и всегда улыбался сам.

Лена Краснова, выпускница 2000 года

ГОНЧАРЕНКО ЖАННА

Возраст — 32 года; Россия, г. Подольск.

В нашей компании появилась вакансия секретаря, и мы приглашали на собеседование кандидатов.

Когда ОНА вошла, поздоровалась и улыбнулась, у нас возникло чувство, что мы давно знакомы. Её простые и искренние ответы, приветливость, вежливость побудили нас остановить свой выбор именно на ней. Так мы первый раз увидели Жанну.

Жанна была целеустремлённым, терпеливым, доброжелательным человеком — это позволило ей быстро освоить профессию и снискать уважение коллег и партнёров.

Ответственное и добросовестное отношение к работе, хорошая обучаемость позволили ей в короткий срок получить должность операциониста, потом менеджера, а затем возглавить отдел оптовых продаж.

Работать с ней было надёжно: она не оставляла незавершённых дел, щедро делилась своими знаниями и умением с коллегами, что позволяло повышать квалификацию сотрудников и сплачивать коллектив. Она первая предлагала своё участие и помощь, если случались сложные ситуации.

Даже отказать клиенту она умела так, что он принимал это как объективную необходимость и соглашался с её аргументированным предложением.

Когда мы узнали о захвате заложников, среди которых была и Жанна, мы очень переживали, но до последнего мгновения верили, что с Жанной не может случиться ничего плохого. Таких людей, как Жанна, немного. Их можно сравнить с тёплым весенним солнцем — его ждёшь с нетерпением и надеждой, радуешься каждой встрече и стремишься их продлить.

Мы получили нескончаемое количество писем, телеграмм, стихов с соболезнованиями об утрате со всех уголков страны. Память о Жанне и сегодня живёт в наших сердцах. У нас в отделе продаж стоит фотография Жанны, где она на своём первом рабочем месте в нашей компании в должности секретаря. Именно эта вакансия подарила нам встречу с Жанной.

Ежегодно собираясь в день её гибели, мы реально понимаем глубину нашей потери и осознаём, как нам повезло, что мы знали Жанну, работали рядом и вместе с ней.

Коллеги

ГОРОХОЛИНСКАЯ ЮЛИЯ

Возраст — 33 года; Россия, г. Москва.

Дочь моя, Горохолинская Юлия Евгеньевна, родилась 5 января 1969 года в г. Дмитрове. У неё было обычное детство — ясли, садик, школа. Юля окончила 8 классов, одновременно детскую художественную школу. После школы она окончила художественное училище.

Юля с детства занималась спортом — лёгкая атлетика, лыжи, коньки. Я брала туристические путёвки, и мы вместе путешествовали. Юля даже умудрилась получить значок «Турист СССР», перейдя Кавказский хребет через Клухорский перевал. Став взрослой, она продолжала путешествовать — побывала во Франции, Испании, Италии и даже Китае.

Дочь была доброй, отзывчивой, мне всегда помогала. На мой звонок летела на своей машине в Дмитров.

Юля вышла замуж за Горохолинского Сергея Александровича. Её сыну было 7 лет, когда она погибла, сейчас уже 13 лет. Муж дочери тоже был заложником, но, слава богу, выжил.

Проходят годы, но боль потери остаётся. Царство тебе небесное, моя дорогая доченька!

Чеповская Нина Ивановна, мама

Горохолинская Юлия Евгеньевна родилась 05 января 1969 года в городе Дмитров. По окончании средней школы поступила и окончила художественное училище в г. Вербилки Московской области и получила специальность художника росписи по фарфору. Юля вышла замуж в 1992 году, а в 1995 году родила сына Сашу. Когда она погибла, сыну было всего 7 лет, он только пошёл в 1 класс. Юлечка была очень любознательным и пытливым человеком. Она окончила школу ландшафтных дизайнеров и имела по этой специальности интересные заказы, к которым относилась очень серьёзно, творчески, с полной самоотдачей, а также курсы программистов и помогала в работе мужу. Она очень любила путешествовать и побывала со своей семьёй во многих странах мира.

Юля была интересной, хрупкой женщиной, прилично играла на гитаре и хорошо пела. Она была заботливой, хорошей мамой для своего сына.

Юлечка была нежной и заботливой дочерью и помогала своей больной маме, которая и сейчас живёт в Дмитрове. Очень жаль, что такой способный и талантливый человек ушёл из жизни так рано, в 33 года, так много не успев сделать. Не успела полностью реализовать свои способности, не успела воспитать своего сына, которому сейчас уже 13 лет, и он успешно учится в 7 классе школы с углубленным изучением иностранных языков, не увидела своих внуков. Но, наверное, правильно говорят — господь забирает лучших.

Мы, родственники, скорбим и помним тебя. Царство тебе небесное и вечный покой.

Родные

ГРИБКОВ ДЕНИС

Возраст — 30 лет; Россия, г. Москва.

Денис родился 28 июля 1972 года. Его детство прошло в Бибирево — просторном, зелёном районе, есть где мальчишкам «развернуться». Денис летом целый день с друзьями мог «пропадать» во дворе, но мамин «дальнобойный» голос, который любили передразнивать одноклассники, находил его и в укромных уголках: «Дениса, не уходи!» Денису это не нравилось, он старался быть независимым. Впрочем, к 11 вечера он всегда был дома. «Диня моя» — ласково называла его мама.

Отличник по всем предметам, Денис очень огорчился, получив «четвёрку». На родительских собраниях классному руководителю и сказать нечего — «умница» да и только. Однако мама на всякий случай спуску ему не давала.

Хотя и «очкарик», но на фото школьных времён всегда «в первых рядах», всегда в куче друзей. Частенько мальчишки гурьбой вваливались к другу в гости. «Мама, мы пришли!» — сообщал Денис. Звал к столу шуткой: «Чай, кофе, наркотики, оружие?» Начинались игры, возня, в которых участвовал и отец, если дело было в выходной день или вечером. Вечерами часто играл в шахматы с отцом, а в выходные всей семьёй ходили в кино.

Книги на полке тоже не залёживались — Денис «глотал» и классиков, и научно-популярную литературу, и исторические книги.

Мама нередко работала и по субботам. Но если оказывалась в выходные дома, отец и сын не давали ей «киснуть» в домашних заботах: «Всё сделаем сами!»

Денис сам научился рисовать (больше всего любил карандаш— графику) и вышивать, увлекался аквариумистикой, выжигал картины на фанере. Одну из них посвятил маме на 8-е марта — большой лист полметра на полметра делал тайно, чтобы мама до срока не увидела. Приходила зима — вставал на лыжи и коньки. Когда подрос, научился играть на гитаре. Дома звучали не только Владимир Высоцкий, «Машина времени», Юрий Лоза и шансон, но и классическая музыка.

Дружная семья Дениса не всегда могла проводить отпуска вместе. В Анапу, к морю, Денис ездил с мамой как «телохранитель». Там и научился плавать. Но чаще всего летом семьёй выезжали в отпуск с палаткой в лес, в Калининскую область.

Денис, душа компании в школе и во дворе, не любил пионерские лагеря. «Мам, забери меня обратно!» — просился уже через неделю. На «продлёнку» в школе ходил лишь один день: «Лучше дома меня запри!»

Так получилось, что на выпускные годы отец и мать уехали работать по контракту в Монголию. Денис это время жил с бабушкой, и важные решения в жизни ему пришлось принимать самому. Он поступил в энергетический техникум. В новой замечательной компании увлёкся горными лыжами

и спелеологией. «Диня» стал «Петровичем». Увлёкся стеклодувным делом, работал на заводе «Аргон» в Медведково. Однажды принёс домой тюльпаны, сделанные своими руками.

Несмотря на сильную близорукость (8 диоптрий), Денис хотел служить в армии. Он даже сделал операцию в клинике Фёдорова. Один глаз стал видеть много лучше, но Денис всё равно получил «белый билет», и это его очень расстроило.

Денис был близко знаком с Владиславом Листьевым. С Владом было немало переговорено, не один ящик пива поделён по-братски. Как-то Влад, зная любовь Дениса к музыке, подарил ему музыкальный центр. Гибель Влада была большим личным горем для Дениса.

Когда в августе 1991 года случился путч, Денис рвался на защиту «Белого Дома», но мама легла на пороге: «Не пущу!»

...Денис погиб, но светлая память о нём навсегда останется в сердцах родственников и друзей.

Рауза Грибкова, мама.

ГРИШИН АЛЕКСЕЙ

Возраст — 52 года; Россия, г. Москва.

В результате злодейского террористического акта в Доме культуры на улице Мельникова погиб представитель самой мирной профессии, наш товарищ — строитель, первый заместитель руководителя Управления координации ресурсного обеспечения городских строительных программ.

Вся трудовая биография Алексея Дмитриевича была неразрывно связана с московским строительством. А. Д. Гришин родился 27 марта 1955 года. Свой трудовой путь он начал в 1978 году с должности инженера отдела металлов Главмоспромстроя при Мосгорисполкоме, куда он пришёл после окончания Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова и службы в Вооружённых Силах СССР. В 1988 году А. Д. Гришин был назначен начальником отдела металлов, труб и металлоконструкций Главстройснаба Московского строительного комитета. С 1996 года его трудовая деятельность была связана с ГУП «Мосстройресурс», где он работал начальником отдела разработки, реализации и развития программ ресурсного обеспечения городских строительных программ, заместителем, а затем первым заместителем руководителя Управления.

А. Д. Гришина всегда отличали высокий интеллект и профессионализм, глубокое знание вопросов материально-технического снабжения в строительстве, творческий подход к работе, блестящие деловые и человеческие качества, исключительное обаяние, благодаря которым он снискал глубокое уважение

и авторитет среди московских строителей и поставщиков материальных ресурсов.

Светлая память об Алексее Дмитриевиче Гришине навсегда останется в наших сердцах.

*Коллектив Комплекса архитектуры, строительства, развития
и реконструкции города Коллектив ГУП «Мосстройресурс»*

ДИВИН АНДРЕЙ

Возраст — 21 год; Россия, г. Москва.

Андрей погиб в то время, когда жизнь казалась ему прекрасной. Успехи в учёбе (он учился на 4 курсе МИФИ), с упоением занимался айкидо, где нашёл себе много друзей и единомышленников.

Андрей очень много читал, изучал психологию, старался выработать в себе такие качества, чтобы он мог свободно общаться со всеми людьми, готовил себя к хорошей семейной жизни. Как-то он мне сказал: «Мама, я должен много знать, чтобы я мог ответить на любой вопрос своего ребёнка».

Когда он учился в школе, ребята часто подтрунивали над ним, хотя он не был слабеньким. Однажды я сказала ему, чтобы он дал сдачи, на что он ответил: «Мама, а вдруг я сломаю ему руку?»

Он в детстве очень мучился тем, что не мог найти в школе друзей, поэтому, подрастая, стал много читать о взаимоотношениях между людьми. Если его просили о помощи, он всегда спешил помочь.

Когда после школы поступил в лицей при МИФИ, отношения его с одноклассниками стали улучшаться. Он организовывал покупку цветов на праздники, относился к девочкам очень внимательно. Учился он хорошо, поэтому участвовал в олимпиадах по математике и физике, получал дипломы, в МИФИ был принят без экзаменов.

Так постепенно всё у Андрюши стало складываться благополучно. Особенно был счастлив Андрей, когда стал заниматься айкидо. У них был чудесный коллектив, там был у него второй дом. Его учитель Дэвид говорил, что он не видел ещё таких ребят, чтобы за 2 года могли достичь таких результатов. Ведь эта борьба требует не столько силы, сколько ума. В этой группе Андрей познакомился со многими замечательными людьми. Занимался с ним вместе Владимир Соловьёв (ведущий программы «К барьеру»).

Начал тренировать айкидо детей 10–12 лет. Домой приходил такой счастливый, говорил: «Какие они чудные». Все его мысли и планы были заняты айкидо. Он с уважением относился к своим учителям Дэвиду и Оксане.

Он хотел познать в жизни всё: от человеческих отношений до кулинарии,

очень любил ритуал чаепития, пробовал много разных сортов чая от зелёного до чёрного, объяснял, как лучше смешивать, разливать.

И вот на пике счастья его не стало.

На похороны Андрюши пришло около 150 человек. Я смотрела на него и говорила ему: «Ты прожил всего 21 год, а сколько людей пришли тебя проводить в последний путь». Были даже друзья из Германии.

Многое о нём я узнала после его смерти. Действительно, родители не всё знают о своих детях. Заботы, работа — как мало времени мы проводим вместе, как мало мы открываем душу друг другу и потом об этом жалеем, когда уже ничего нельзя вернуть.

Самое тяжёлое испытание обрушилось на нашу семью — это потерять ребёнка и брата.

Никому не ведомо, что ждёт нас дальше, но надо верить, что будет жизнь и после смерти.

Мама, папа, сестра

С Андреем мы познакомились на даче. Тогда нам было по пять лет. С тех пор в течение одиннадцати лет каждое лето проводили вместе.

С этим временем связано много забавных случаев. Например, однажды, после череды сильнейших дождей, когда сточные канавы были переполнены водой, мы решили попускать кораблики, причём в качестве «корабликов» решили использовать свои ботинки! Мы пускали ботинки через трубу, которая проходила под дорогой. Мой ботинок выловить удалось, а вот ботинок Андрея утонул. Пришлось ему босиком возвращаться домой, а через месяц пропажа нашлась, примерно в километре от того места.

В другой раз, катаясь на велосипедах, решили на большой скорости проехать по луже, которая, как потом выяснилось, оказалась глубокой. Я оказался немного проворней Андрея и успел вовремя соскочить с велосипеда, а вот Андрей не успел... Подобных случаев было предостаточно, но время идёт, и уже многое стёрлось из памяти.

Андрюха был отличным парнем! Весёлый, заводной, он всегда готов был прийти на помощь в трудную минуту. Правда, в последнее время мы достаточно редко виделись. Общались в основном по телефону. Наверное, из-за того, что жили достаточно далеко друг от друга, да и возраст всё-таки — разные интересы и т. д. Я сейчас жалею об этом.

Действительно по-настоящему начинаешь понимать, насколько был дорог человек, только когда его теряешь. Начинаешь жалеть о том, что много чего не успели сделать, редко виделись...

О том, что Андрея не стало, узнал неожиданно, когда возвращался домой. Первое ощущение — шок. Сложно было поверить в то, что человека, с которым связаны лучшие годы детства, больше нет...

Андрей навсегда останется в моей памяти...

Антон Кисин

Некоторое время назад ко мне в додзё пришёл молодой человек и сказал: «Сэнсэй, я прочитал много книг об айкидо и особенно о Мастере Годзо Сиоде,

могу ли я стать Вашим учеником?» С этого дня практически каждый день Андрей тренировался со мной.

Несколько месяцев назад Андрей сказал: «Сэнсэй, я хотел бы стать Вашим дэси (личным учеником), я понимаю, что я не смогу стать настоящим дэси, но я буду делать всё, что смогу».

Андрей очень старался стать настоящим дэси и Ёсинкан айкидокой, он постоянно был рядом со мной, стараясь помогать мне во всём. Каждое утро, когда я приезжал в додзё на тренировку, он всегда ждал меня, чтобы помочь донести сумки от машины до зала. Однажды он сказал мне с гордостью: «Сэнсэй, я научился по книгам складывать хакама, теперь я могу красиво складывать Ваши хакама». Во время недавнего семинара с Кантё сэнсэем Иноуэ в Москве во время каждого перерыва для отдыха или обеда Андрей всегда стоял рядом со входом в комнату, где отдыхал Кантё. Когда один раз я предложил ему пойти пообедать, Андрей ответил, что он не может, потому что «или Вам, сэнсэй, или Кантё может понадобится что-нибудь, к тому же я должен научиться у сэнсэя Нагано, как быть настоящим дэси».

Печально, что Андрей, его мать и отец были зрителями мюзикла «Норд-Ост» в тот самый день, когда театральный центр подвергся атаке террористов. Андрей умер, и был похоронен в субботу 2-го ноября 2002 года. Все ученики Мисогикан пришли попрощаться с этим молодым айкидокой, который вдохновлял всех нас.

Андрей мечтал получить чёрный пояс Ёсинкан Айкидо, технически он уже достиг этого уровня и должен был сдать экзамен в начале следующего года. Перед тем как его гроб был закрыт, когда мы прощались с Андреем, я посмертно присвоил ему 1-ый дан и, с разрешения его матери, положил свой чёрный пояс рядом с ним от имени всех, кто любит айкидо.

Дэвид Эйр, Мисогикан Москва, Россия

ЕВЛАМПИЕВА ВАЛЕНТИНА

Возраст — 64 года; Россия, г. Москва.

Родилась 30 января 1938 года. Тяжёлое военное и послевоенное детство только усилило тягу к жизни. Мама была абсолютом жизни, ей было всё радостно и интересно до самого её последнего дня.

Окончив школу в с. Петровское Московской области, она уехала в г. Стерлитамак в Башкирии. Проучилась там некоторое время в техникуме и вернулась в Москву. Поступила в политех и одновременно устроилась на работу на завод «Каучук», где и проработала до пенсии.

Мама была невероятно жизнерадостным человеком, увлекающимся и увлекающим за собой. Я до сих пор помню её занятия в хоре. У неё был очень приятный и сильный альт.

Она пела в русском народном хоре Дома культуры «Каучук», и мы даже ездили на их выступления. Волшебное голубое платье с серебряным шитьём навсегда останется в моей памяти как что-то близкое к сказке.

Мама очень любила искусство во всех его проявлениях, особенно музыку и театр. Она не могла не посетить прекрасный мюзикл «Норд-Ост», который на тот момент являлся почти новаторским жанром для российских зрителей.

Известие о захвате заложников застало нас, как и всех, врасплох. Когда мне сообщили об этом, то я просто бросила трубку. «Какая-то ерунда», — подумала я. Потом включила телевизор и поняла, что на этот раз «не пронесло». Я помчалась к сестре, которая жила рядом с мамой. Так получилось, что почти все родственники в тот момент собрались вместе, а заложникам дали возможность позвонить. Мама не ошиблась, куда именно сделать единственный звонок... Мы включили аппарат на громкую связь... Мы тогда не верили, не имели права верить, что слышим её голос в последний раз...

Наши родители пошли на спектакль вместе. Они почти везде ходили вместе все эти 42 года. Это не считая школьных лет, которые они провели в одном классе... Спасибо врачам, папу спасли и вывели. Мама так и не вышла из комы...

Несмотря на то, что прошло около десяти лет между тем, как она ушла с завода «Каучук», и её последним днём, проводить в последний путь пришли многие её коллеги. Всё-таки за 40 лет можно составить о себе репутацию... Либо она есть, либо её нет. У мамы была...

Прошло уже 6 лет, но горечь утраты по-прежнему не ослабевает. Мы помним маму и скорбим о ней. Даже внучка, которая родилась через 6 месяцев после её гибели, знает бабушку Валю, знает, что она была очень добрая и красивая.

Мамочка, нам очень тебя не хватает, но мы очень надеемся и верим, а может, даже и знаем, что ты и сейчас заботишься о нас, насколько это в твоих силах. Мы все помним о тебе, никогда не забываем... Твои розы на даче цветут ещё лучше прежнего, и мы надеемся, что это ты передаёшь нам такой красивый и тёплый привет из мира, который, мы надеемся, стал для тебя лучшим...

Твоя семья: муж Виктор, дочери Оля и Юлия, сестра Людмила, внуки Максим, Костя, Ксюша, а теперь ещё и правнук Димочка

ЕЛИСЕЕВА КЛАРА

Возраст — 78 лет; Россия, г. Москва.

Клара Михайловна была учителем почти полвека. Сколько у неё было учеников, теперь не узнать, но несомненно, их более тысячи, что по количеству — батальон или армия, какие существуют в небольших государствах Европы. Любовью и преданностью к своей профессии она заразила многих своих питомцев, передала «эстафетную палочку» — они продолжают её дело.

В классе Клара Михайловна умела находить баланс между требовательностью к знаниям учеников и трогательной теплотой, уважением к ним как к личностям. Это создавало особый климат в отношениях учителя

и учеников. «Строгая, но справедливая» — и потому пропускать или «казнить» на её уроках считалось у ребят недостойным делом.

Клара Михайловна не ограничивалась рамками школьной программы — её главным предметом была жизнь. Рассказывая о вечных ценностях, она стремилась в своих питомцах пробудить «чувства добрые», уметь отстаивать свои убеждения, быть равнодушным к несправедливости, переживаниям других — всему, что делает человека духовно богаче, нравственно чище, человечнее.

Профессиональная память позволяла ей помнить своих учеников, для каждого из них был зарезервирован маленький уголок в её большом и добром сердце. Клара Михайловна была «семейным» учителем, нередко её учениками бывали два, а иногда и три поколения одной семьи. Её питомцы, выпорхнув из школы, вновь возвращались в новом статусе — став мамами и папами, приводили своих детей, а затем, как бабушки и дедушки — уже и внуков. В таких семьях она была своя, родная, с ней обсуждали вопрос «кем быть», делились планами на будущее. В маленькой квартире Клары Михайловны было всегда уютно и тепло. Её воспитанники знали, что для них всегда открыты двери, что их там ждут и будут рады: устраивали мини-встречи одноклассников, вечера семейных воспоминаний, если и родители, и дети были её учениками.

«Место встречи» — так называли её дом, который как магнит притягивал разлетевшихся по всему миру воспитанников Клары Михайловны. Одни спешили порадовать её событиями в семье, другие — рассказать о своих достижениях, успехах в работе, посоветоваться о проблемах с детьми или поделиться впечатлениями о театральных премьерах, выставках.

Казалось, что так будет всегда, ведь «место встречи изменить нельзя»... 26 октября 2002 года гостеприимный дом «место встречи» осиротел — во время газовой атаки на Дубровке Клара Михайловна погибла. Её бывшая ученица Эмилия Предова-Узунова, гражданка Австрии, прилетев в Москву, по традиции навестила свою учительницу и пригласила на мюзикл «Норд-Ост» по роману Вениамина Каверина «Два капитана». Романтическая повесть закончилась на Дубровке чудовишной трагедией — 57 часов ада и последующий штурм

с газовой атакой. Из театра и Клара Михайловна, и Эмилия не вернулись.

У нас, учеников Клары Михайловны, судьбы разные: одни стали врачами и инженерами, другие — учителями и музыкантами, специалистами иных профессий. Мы разные по возрасту и способностям, по увлечениям и успехам, но всех нас объединяет чувство благодарности Кларе Михайловне, сумевшей заложить в нас прочный фундамент из добра и справедливости, преданности и порядочности, настойчивости, умения «бороться и не сдаваться!»

Низкий поклон, дорогая Клара Михайловна. Мы помним...

Ваши ученики

ЖАБОТИНСКИЙ ЮРИЙ

Возраст — 48 лет; Россия, г. Рыбинск.

Юра был умным и одарённым человеком. Он окончил школу с золотой медалью, Рыбинский авиатехнологический институт с красным дипломом. В 25 лет легко защитил кандидатскую диссертацию по робототехнике в Ленинградском институте авиационного приборостроения. Будучи преподавателем РАТИ, создал студенческое конструкторское бюро «Робототехника», где на основе договоров с предприятиями готовил студентов к дипломной работе, а затем и к дальнейшей научной деятельности. В 35 лет защитил докторскую диссертацию. Был автором 30 изобретений, 3-х монографий и множества статей.

В трудные 90-е годы, когда предприятия были на картотеках, занялся предпринимательской деятельностью. Широта мышления, талант организатора и руководителя позволили ему создать холдинг «Волстар», включающий в себя несколько разнопрофильных фирм. Став председателем совета директоров находящегося на грани банкротства ОАО НПФ «Старт», спас предприятие, наладил его работу. Он не только генерировал идеи, но и умело воплощал их в жизнь. Работая в Москве в ИАПО, радовался, что наконец-то пригодились и его научно-технические знания, и его предпринимательский опыт.

Несмотря на постоянную занятость, Юра находил время для занятий спортом и никогда не жаловался на своё здоровье. Играл в большой теннис, летом ходил в походы на байдарке, зимой катался на горных лыжах. В начале октября 2002 года в Египте освоил дайвинг, собирался заниматься им и дальше. Очень любил отдых на своей даче, сауну. Привёз с берега Рыбинского моря груды камней, накопил книг о работе с камнем — собирался выложить забор (бордюры для цветов уже сделал раньше), но не успел.

Юра был светлым и доброжелательным человеком, всегда готовым прийти на помощь. В судьбах людей, встречавшихся ему по жизни, он принимал активное участие. Многим своим ученикам и сотрудникам дал путёвки в жизнь, помог организовать их дела.

Высоко ценил дружбу и любил свою семью. Дочку Олю обожал, а когда она родила сына Николашку, был на вершине счастья. Весь светился и очень гордился, что стал дедушкой.

С ним всегда было легко и хорошо. Он всегда улыбался и шутил. И даже в зале «Норд-Оста», когда я попросила у него прощения за эти билеты, он ответил шуткой: «Ну что ты, Тата, надо радоваться. Когда бы я ещё три дня просидел у твоей ноги?»

С нами рядом сидели две девочки-старшеклассницы (слава богу, в числе умерших в книге памяти я их не нашла). У одной из них был роман Горького «Мать». Юра читал его. Когда нервы у девочек сдали, и они начали плакать, он переключил их внимание на книгу. Ухитрился увязать события в зале с теми событиями, призвал их к мужеству. Пошутил, что он их удочеряет и не даст в обиду. И девочки заулыбались, а одна сказала, что теперь с интересом прочтёт эту книгу.

Вот таким он был, мой любимый муж. Таким он есть и будет в моём сердце и в памяти.

Татьяна Жаботинская, жена

ЖИРОВА НАТАЛЬЯ

Возраст — 39 лет; Нидерланды

Наташа Жирова (девичья фамилия Бучак) родилась 07.06.1963 г. в закрытом сибирском городке Томск-7, ныне Северск, в пригороде г. Томска.

Восемь лет спустя вся сибирская семья Натальи (её родители, бабушка и дедушка), после увольнения дедушки из армии, решила переехать на Донбасс, в город Ворошиловград.

Обычное детство обычного советского ребёнка. Школа, музыкальная школа (игра на фортепьяно), спортивная школа олимпийского резерва (специализация — лёгкая атлетика, КМС в беге с барьерами на 400 м). Пионерские и спортивные лагеря, совместная учёба с будущими известными спортсменами (футболистами и легкоатлетами), общение с друзьями и подругами во дворе превратили Наталью в общительную, весёлую и целеустремлённую девушку. Обычное для того времени увлечение литературой и поэзией заложили в ней фундамент романтики, на котором в дальнейшем было построено её женское счастье.

Именно такой — безумно обаятельной, весёлой и романтической — я встретил её на День Святого Валентина (14 февраля) в 1982 году... Она ждала и дождалась меня из армии, стала моей женой, родила двух замечательных детей и по-женски трепетно и самозабвенно наполнила счастьем нашу семейную жизнь.

К моему великому удивлению, у неё хватило сил и времени, без отрыва от семьи, окончить университет, выучить иностранный язык и реализовать себя в качестве успешного инженера-конструктора крупной американской

строительной компании. В свои 39 лет она была счастлива и полна сил, чтобы делать счастливыми других.

Увы... Холодным утром 26 октября 2002 года офицеры спецназа (или не оказавшие своевременную помощь врачи) после проведения спецоперации по освобождению заложников из театра на Дубровке не смогли спасти её жизнь и лишили детского счастья её детей.

Олег Жиров, муж

ЖУЛЁВ ВЛАДИМИР

Возраст — 46 лет; Россия, г. Москва.

Родился 23 октября 1956 года в г. Раменское Московской области. Там же начал заниматься на виолончели в ДШМ. Учился в Музыкальном училище в Пушкино, затем в институте имени Гнесиных (класс А. Я. Георгиана). После окончания института (1981) служил в армии. Работал в Оперной студии института имени Гнесиных, в симфонических оркестрах п/у Рождественского, Альмейды, в ансамбле Моисеева и других коллективах. Некоторое время работал в Императорском симфоническом оркестре в Марокко. В течение трёх лет играл в Московском

ансамбле виолончелей под руководством Владимира Тонхи.

С Володей я познакомилась в нашей Оперной студии, в 1985 году. Он старше меня на семь лет. Мы сидели за одним пультом. Я была студенткой второго курса, он уже окончил институт, вернулся из армии. Полгода спустя после знакомства Володя сделал мне предложение, а через год родилась наша дочь Ксюша, которая на него очень похожа.

Наступил момент, когда мы решили себя попробовать в других коллективах. Первый же серьёзный конкурс, который мы играли, был в оркестр Рождественского. Володю взяли, меня похлопали по плечу, сказали, что всё замечательно, но в семье должен зарабатывать мужчина. Началась его серьёзная работа, гастроли. Были и другие коллективы, и в конце концов Володя постоянно стал работать в ансамбле Моисеева — музыканты там загружены меньше, есть возможность играть где-то ещё, куда приглашают. Когда образовался ансамбль виолончелей Владимира Тонхи, Володя вскоре к нему присоединился — мы работали вместе, много гастролеровали, играли новые сочинения, в том числе специально написанные для нашего состава, например, «Кватернион» Губайдуллиной. В этом же квартете периодически играли и Миша Шумский, и Женя Кочат, так что в «Норд-Осте» у нас получилась группа, в которой мы все хорошо друг друга знали. К тому же Театральный центр на Дубровке — это рядом с нашим домом. Конечно, сначала нас мюзикл интересовал больше с коммерческой точки зрения, потом втянулись — там была очень хорошая атмосфера.

Двадцать третьего октября у Володи был день рождения. Он пошёл в «Норд-

Ост», я дома готовилась к его приходу. Телевизор был выключен. Мне позвонили родители моих учеников — они испугались, что я там, и первые их слова были: «Слава богу, что Вы дома!» Я побежала включать телевизор, и через пять минут мне позвонил Володя по мобильному телефону Жени Кочата — они прятались в артистических, в подвале. Второй звонок был из зала — он сказал, что всё минируют, надо идти на всякие уступки, не дай Бог что — «всем нам тогда крышка». Это его слова. Володя просил меня, если что, позаботиться о его матери. Следующий звонок был через полтора суток, он говорил, что надо идти на митинг, делать то, что требовали террористы. Мы, естественно, это делали. Мне звонили из каких-то официальных инстанций, уговаривали никуда не ходить, убеждали, что это провокация. Митинг так и не был санкционирован. Мы целые сутки пытались его устроить, всё это — под постоянным проливным дождём...

Володя человек находчивый, не теряющий самообладания в сложных ситуациях, и я была уверена, что эмоционального срыва у него не произойдёт. Я знала, что он сидит в первых рядах, со всеми оркестрантами. За двадцать минут до подачи газа его видели живым. Я надеялась, что Володя в числе живых. Три дня искала его, была вся эта беготня по больницам, бесконечные звонки...

Он попал в морг с места происшествия, вместе с чеченцами. Туда же попал и наш Антон Кобозев. Лично опознать нам их не дали, только показали фотографии и личные вещи. Судя по фотографии, мне ясно, что Володя приходил в себя. У него лицо не было спокойным, как у Антона, у Жени Кочата. Было явно выражение удущья — когда человеку вовремя не оказали помощь.

Забыть это невозможно...

Володя был человек, с одной стороны, обыкновенный, с другой — редкий. Он очень хорошо понимал мои проблемы, можно сказать, как взрослый человек терпеливо меня воспитывал. Мне не хватает его как творческого человека: мы много вместе играли, музицировали, советовались. Мне его будет не хватать, наверное, очень долго. Всё дальнейшее в жизни будет происходить в сравнении с ним...

Елена Жулёва, жена (из журнала «Филармоник» № 4 2002 г.)

ЗАБАЛУЕВ АЛЕКСАНДР

Возраст — 16 лет; Россия, г. Москва.

Саня, обычный парень из обычной семьи. Сын, брат, друг, парень.

Жаль, что в этот роковой час он оказался там, где жизнь его оборвалась. На его месте мог оказаться любой, но в красном кресле 5 ряда сидел именно он. Жизнь кипела в 319-й московской школе. Общение так и захлёстывало его. Саня был любим и уважаем ребятами. Саша ходил в тренажёрный зал, вёл здоровый образ жизни, не курил.

Был добрым и заботливым человеком, всегда понимал и помогал, если имел возможность. Однажды приобрёл небольшого друга, с шерстью и добрым взглядом. Кокос. Так его назвал. Стаффорд был ещё маленьким щенком, когда он потерял хозяина. Многие ребята, знавшие Саню, отзываются о нём как об открытом, весёлом и душевном человеке. Саня доставлял радость окружающим людям. Откровенная улыбка сводила девушек с ума, а искренность и душевность не оставляли шансов не любить этого парня. В свои 16 он уже был компетентным и ответственным молодым человеком, имел конкретные цели и стремился их достичь. Но не успел. Он не дожид до тех моментов, когда приходит радость окончания школы и первые шаги взрослой жизни.

Всего полгода — и он стоял бы в актовом зале с лентой «Выпускник» через плечо и пел бы, прощаясь со школой. Но этого не случилось, не довелось.

Воспоминания о нём как о человеке, дарующем радость людям, навеивают улыбку. Мысли о том, в каких муках он провёл последние дни, часы, минуты и секунды жизни, вызывают слёзы на глазах. И не было шанса даже попрощаться.

Анна Забалуева

ЗАКАРЯН МЯСНИК

Возраст — 43 года; Россия, г. Москва.

Закарян Мясник Худиевич родился в г. Ереван. После учёбы его забрали в армию. Когда Мясник вернулся из армии, его отец купил любимому сыну машину. Вскоре, отпросившись у родителей, уехал в Москву. Сначала Мясник работал дворником в детском саду, расчищал снег зимой. Работа отнимала много сил, но он помогал родителям. Это было не только из чувства долга, но и из-за его любви к ним.

Прошло много времени, и в один прекрасный день мы познакомились. Этот человек — самый лучший в мире, он доказал свою преданность своей семье. Когда родился сын, он просто летал от счастья.

Он делал буквально всё для своей семьи, как в сказке. Он был очень хорошим отцом для ребёнка и отличным мужем. Многие люди даже не знают, о чём речь. Этот человек был весёлым, добрым, отзывчивым, понимающим и любящим. По возможности он помогал нуждающимся, всегда выручал тех, кто попадал в беду. Забирают на тот свет самых лучших. Вот так и случилось, что забрали любящего отца и мужа. От терактов страдают ни в чём не повинные люди. Это обычные граждане, которые в один миг оказались не там. Для моей семьи он ГЕРОЙ.

Я просто мечтаю, чтобы таких людей, каким был Миша, было как можно больше.

Елена Пискунова, жена

ЗАХАРОВ ПАВЕЛ

Возраст — 23 года; Россия, г. Москва.

Наш Павел родился 28 апреля 1979 года в прекрасный весенний день. Этот день был по-настоящему счастливым для родителей, сын родился в день рождения мамы.

Наш Павел был очень добрым и отзывчивым человеком. Он очень любил жизнь, любил своего младшего брата, бабушку, своих родителей. Павел с отличием окончил школу, институт, всегда помогал своим однокурсникам. Он мог бы стать хорошим специалистом.

Но его жизнь слишком рано оборвалась, и не по его воле, а по воле жестоких людей, которых, мы думаем, осудит Господь Бог, ибо на земле им прощения нет...

Самое страшное в жизни — это потеря близких людей, вдвойне страшнее — потерять своих детей.

Наш сын погиб на Дубровке, погиб от рук террористов, он был ранен в голову и почти три часа истекал кровью, пока его не вынесли из зала, и отправили в госпиталь. Там он перенёс операцию, но, к сожалению, нашего сына не смогли спасти...

Мы говорим тебе, сынок, «прости», но не говорим «прощай», потому что ты всегда рядом с нами.

Родители

ЗАЯЦКАЯ НАТАЛЬЯ

Возраст — 49 лет; Россия, г. Москва.

Наталья Валентиновна Заяцкая была бухгалтером. 23 октября она вместе с другом пошла на мюзикл «Норд-Ост». Она умерла 24 ноября — спустя месяц после штурма. Официальный представитель Комитета здравоохранения Москвы сообщил, что причина смерти 49-летней Натальи Заяцкой — «гематома мозжечка мозга», причиной которой, скорее всего, стал сильный удар по голове. По его словам, «женщина находилась в очень тяжёлом состоянии и днём скончалась в НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Врачи долго боролись за её жизнь, но, к сожалению, сделать ничего было нельзя».

Наталью похоронили 26.11.2002 на Хованском кладбище. Ровно в 16.00 подъехал автобус фирмы «Ритуал». Сначала выносили венки. Их было очень много: «Наташеньке от любимого», «Наташе от сослуживцев», «Вечная память»... Потом вынесли простой деревянный гроб, ничем не обтянутый

и ещё пахнувший столярной мастерской. Траурная процессия прошла по осенней аллее кладбища к могиле.

— Она была моей тётёй,— тихий голос молодого человека был едва слышен из-за непрерывного карканья ворон.— Когда в моей жизни случилась очень большая проблема, я позвонил и попросил помощи. Тётя помогла мне, и я ей очень благодарен. А тогда я не сказал ей спасибо. Думал, зайду к ней как-нибудь, куплю подарок, попьём чаю. А тут этот теракт и газ...

Молодой человек по мёрзлой земле сделал несколько шагов и положил к ногам покойной гвоздики.

— Когда сегодня Наталью отпевали в церкви, батюшка сказал: «Пусть Господь простит ей всё и примет в своё царство».— Одна из подруг покойной вытерла платком наворачнувшиеся слёзы.— Это не он должен прощать её, это она должна простить всех нас за то, что не смогли её спасти. Прости нас, Наталья.

По материалам СМИ

ИВАНОВА ЛЮБОВЬ

Возраст — 53 года; Россия, п. Кубинка.

Иванова Любовь Николаевна родилась 13 апреля 1949 года в посёлке Кубинка Одинцовского района Московской области.

Отец — Иванов Николай Васильевич, крестьянин; мать — Иванова Анна Матвеевна, домохозяйка.

С 1956 по 1966 год училась в Кубинской железнодорожной школе № 129.

С 1967 по 1984 год работала во Всесоюзной конторе Трансторгснаб Главурса МПС в должностях рабочего склада, старшего кладовщика, экономиста.

С 02.04.1984 года до даты гибели Иванова Л. Н. работала в Службе материально-технического снабжения ГУП «Московский метрополитен» в отделе материалов в должности экономиста.

В 1987 году с отличием окончила Всесоюзный заочный техникум железнодорожного транспорта по специальности «бухгалтерский учёт».

Любовь Николаевна пришла к нам в отдел в 1984 году. До этого она работала на железной дороге.

Так сложилась её жизнь, что Люба не встретила настоящего мужчину, поэтому вся её кипучая деятельность была направлена на работу. Она занималась обеспечением Московского метрополитена горюче-смазочными материалами.

У Любы с сотрудниками отдела установились хорошие, дружеские отношения — характер у неё был хоть и взрывной, но отходчивый. На работе она была очень серьёзной, вдумчивой, целеустремлённой. Её нельзя было остановить на полпути — Люба шла до конца и, как правило, добивалась

желаемого, когда была необходимость. Зато на отдыхе её было не узнать — она становилась весёлой, общительной, всегда интересовалась всем новым: посещала музеи, выставки, много путешествовала (в «совковом» времени было и хорошее).

Люба очень любила театр. Мы собирались посмотреть спектакль «Норд-Ост» целый год. Ей хотелось увидеть «настоящий» самолёт в театре, который мы так и не увидели. Нам предложили билеты на этот спектакль на 22 октября, но Люба была записана в парикмахерскую и никак не могла отменить этот визит — и в этом была вся Иванова. Если она кому-то обещала встретиться или куда-то была записана, ничто не могло заставить изменить решение. Я иногда думаю, что эта черта её характера сыграла с ней злую шутку — мы оказались в заложниках.

Я очень переживала, зная её сложный характер, но Люба вела себя очень стойко, осторожно, без истерик, что для неё было очень непросто. Надо сказать, что люди, с которыми мы провели на бельэтаже эти три ужасных дня, вели себя очень мужественно, никаких истерик.

Люба очень любила жизнь, об этом она сказала утром 26 октября 2002 года, накануне штурма, о котором мы не знали. Мы поговорили, поплакали, попрощались, думая о том, что это конец...

Когда наши сотрудники узнали, что мы попали на Дубровку, все очень переживали: не отходили от телевизоров, обзванивали больницы, морги и почему-то переживали больше за неё, а не за меня, потому что у Любы были проблемы с носоглоткой.

Мне повезло больше. Лишний раз понимаешь, что все мы ходим под богом, и каждому уготовано то, что случается, и судьба наша предрешена.

В. В. Конченкова, подруга и коллега

Люба родилась в крестьянской трудолюбивой хлебосольной семье. Поэтому если работала, то с полной отдачей, если что-то праздновала, то «пир горой». Воистину широкая русская душа!

Любаша росла младшим — пятым — ребёнком в семье. Конечно, все её баловали. Между ней и Надеждой — старшей сестрой — почти двадцать лет разницы, так как мама родила её в 44 года. В жизни так получилось, что Надежда и Любаша не вышли замуж. Обе одинокие, очень дружные, заботились друг о друге и обо всей семье.

Люба старалась всё делать «как следует»: хорошо училась, добросовестно работала. Если чего-то хотела, то целеустремлённо всего добивалась. Любила путешествовать.

Мы искали её среди живых, а нашли в морге. Похоронили на родине — на Кубинском кладбище в Московской области.

Иванова Надежда и Татьяна, сестры

Люба... Любаша... Так мы её называли. Не верится до сих пор, что её нет с нами, такой замечательной, немного взбалмошной. И когда Любаша приходит ко мне во сне, я спрашиваю: «Ты вернулась? Ты с нами?» Просыпаюсь и не понимаю, что это было.

Она для меня была как вторая мама: заботливая, жизнерадостная, понимающая.

Почему так рано ты ушла от нас? Мы тебя никогда не забудем.
Светлая память... Вечная память...

Русанова Ольга, племянница

ИВАНОВА ОЛЬГА

Возраст — 34 года; Россия, г. Москва.

Ольга Германовна Иванова была необыкновенно светлым и открытым человеком. Работая в социальном отделе управы района Вешняки, она ежедневно сталкивалась с проблемами и заботами людей с ограниченными физическими возможностями, многодетных семей, да и просто людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. И каждому она протягивала руку помощи, никогда не оставалась равнодушной к чужой беде и боли.

Ольга очень любила детей. Для своих дочерей она была самой любимой мамочкой на свете. Старшая тринадцатилетняя Анюта была с ней на Дубровке. Но как только появилась первая возможность на спасение, Ольга буквально вытолкнула девочку в стайку перепуганных детишек, которых соизволили отпустить террористы, тем самым спасая ей жизнь. Да и потом, используя возможность на пару звонков по мобильному маме, Ольга, рискуя собой, переживала только о детях, просила успокоить и позаботиться о них, пока мама не вернётся.

Близко к сердцу Ольга принимала не только печали своих дочерей. Она никогда не могла оставаться равнодушной к беде маленького человечка, даже если помощь была нужна совсем чужому ребёнку. Когда поздней осенью под платформой Выхино около замёрзшей бездомной женщины нашли двух чудом выживших малышей, оказавшихся братом и сестрой — детьми умершей, как выяснилось позже, приехавшей в Москву из Ульяновска, Ольга не осталась равнодушно в стороне, хотя решение этого вопроса не было её обязанностью. Она навещала детей и возила им гостинцы и игрушки, пока они находились в больнице в Москве, а потом, не доверив никому, повезла сама малышей на поезде в Ульяновск для оформления в детский дом. Расставаясь, Ольга не сдерживала слёз и долго не могла уйти от детей, обвивших её своими ручками, думая про себя, что отдала бы всё на свете, чтобы не видеть детского горя.

Когда хоронили Олю, попрощаться с нею пришло столько людей, не оставшихся равнодушными к этой трагедии, что казалось, будто бы человеческое море скорбит и плачет об этом светлом человеке. А она смотрела на нас с фотографии, улыбаясь, красивая и молодая — уже навечно!

Коллеги

ИПАТОВА ЕЛЕНА

Возраст — 19 лет; Россия, г. Североонежск.

Лена родилась 19 июля 1983 года в г. Онега Архангельской области. Она всегда была любознательным, искренним, отзывчивым ребёнком, всегда заботилась о младшем брате, помогала матери и бабушке. В школе была душой класса, хорошо училась и мечтала поступить в вуз в Москве.

В 2000 году её мечта частично сбылась, она сдала вступительные экзамены в Московский государственный горный университет, и была принята на заочное отделение. В течение 1-го курса Лена жила и работала в пос. Североонежск, успешно сдавала экзамены.

Но летом всё же решила, что это не её путь, и поступила в Московский авиационный институт, теперь уже на дневное отделение.

Лена и здесь прекрасно училась, была старостой группы, помогала одногруппникам. Не желая обременять родителей, Лена устроилась на две работы, так как стипендии, естественно, не хватало.

Когда Лена училась на 2-ом курсе, она нашла новую работу, в «Норд-Осте»... Но я этого не знала. 23 октября 2002 года, когда случилась эта страшная трагедия, ничто не предвещало семейного горя. 24 октября раздался звонок от сестры, Лениной мамы, и только тогда я узнала, что наша Леночка оказалась в заложниках...

До сих пор не верится, что любимой племянницы нет... Она всегда была и будет с нами... Светлая, добрая, любящая... Единственная.

Любовь Михайловна, тётя

КАРПОВ АЛЕКСАНДР

Возраст — 31 год; Россия, г. Москва.

*Тем, кто хочет уйти от ответа!
И разбиться о стылую твердь,
И упасть, и застыть. Умереть
И закончиться с песнями лета.*

А. Карпов

Жил да был такой парень — Александр Карпов.

Учился на геофаке МГПИ, откуда вынес хороший английский, уникальные знания по геральдике и любовь к «битлам», Ирландии, языкам, фолку и Толкиену.

Что-то пописывал в стол, пробовал сам играть — выходил на Арбат и пел на английском под гитару и гармошку на хомуте.

Мечтал, что когда-нибудь у него будет своя группа.

В начале 1995 года начала создаваться наша творческая ассоциация — под лозунгом «Если мы сами себе не поможем, то это никто не сделает». Было решено собрать в одну обойму всех наших поющих-играющих знакомых — и забаббахать большой фестиваль из никому не известных имён. Вот тогда кто-то из нас и вспомнил про Шурика в первый раз и позвонил ему — и он радостно отозвался, поскольку тыркаться в одиночестве его уже изрядно задолбало.

Фестиваль прошёл с должным шумом, и мы все стали «32-м Августа». Мы не ограничились одним фестивалем и тут же устроили целую волну концертов наших ассоциантов. У Карпова к тому моменту было уже немало хороших песен, и он их везде исполнял.

В первую очередь это «Сказ» — с которого начиналось его любое выступление, это такая песня-приветствие и визитная карточка. Затем ядовитая «Размышления рокера в гостях у КСПшников» — за которую его уже готовы были любить и те, и другие. Шурик сам часто с юмором рассказывал о своих ранних злоключениях: когда он принимался на слётах петь «битлов» и ирландский фолк, его гнали с позором ревнители жанра; а когда среди знакомых рокеров он пробовал исполнить что-то своё, его стыдили за «КСПшные интонации». Наполучав пинков отовсюду, Карпову было более чем комфортно в ассоциации, которая гордилась непохожестью своих участников и старательно размывала все границы жанра авторской песни, которые только видела.

Это щемящий и прекрасный «Балкон над парком» — элегия-зарисовка. И наконец, это песня-скороговорка «Волнорез» — «тест на трезвость»: она становилась знаменитой моментально — ещё до исполнения её последних строчек. После каждого концерта люди подходили к Карпову с просьбой продиктовать слова.

С 1996 года у нас началась активная концертная жизнь: мы ездили на все фестивали, участвовали во всех конкурсах, выступали везде, где только можно. Тогда же понемногу сложился и «дуэт» Белый—Карпов. Назвать это полноценным дуэтом у нас язык не поворачивался, поскольку слово это предполагает не простое подпевание и подыгрывание, а нечто большее, требующее осмысления и отдельной совместной работы. Нам же было весело и лениво — и каждый успешный концерт у нас был просто очередной репетицией. Пели мы вперемежку и мои, и его песни, подыгрывая и подпевая друг другу, где душа просила. Многие песни затем так и сложились окончательно — со вторыми гитарными партиями и подпевками.

Одновременно Шурик сочинял новые вещи, возился с ассоциацией и работал в разнообразнейших местах: продавал зонтики, был координатором в еврейском центре культуры, переводил женские романы, работал переводчиком на нефтяных месторождениях в Туркмении... Самые знаменитые его песни относятся к этому периоду.

«Долгая дорога в Дублин» — ещё одна визитная карточка, объясняющая, что такое для автора Ирландия. Её до сих пор исполняют на многих фестивалях — как мастера, так и конкурсанты — и любят за редкостную радость бытия, растворённую в песне.

«Бочка пива» — натуральная ирландская пивная песня, чтобы плясать с кружками, расплёскивая пенное пиво.

Грустная и светлая «Питерская» («А у нас так не бывает...») — одна из лучших

песен о Питере, которую я слышал.

Длиннющая негритянская «Макумба», которая доводила людей в зале до истерики. «Письмо молодого чернокожего юноши своему далёкому советскому другу по переписке» — её полное название.

Душа любой компании и чудесный рассказчик, Карпов стал в какой-то момент записывать свои байки, наблюдения и хохмы. Я же, вызвавшийся сделать ему сайт, через небольшое время понял, что рискую оказаться полностью заваленным под его текстами, — но не разместить что-то было совершенно невозможно. Оно того стоило. Это статьи, эссе, шутки, пьесы в стихах, сказки, повести, палиндромы, лимерики, митьковские фолианты и огромное количество рисунков, шаржей, карикатур и иллюстраций к своим текстам.

Около 2001 года старая мечта Карпова исполнилась — он нашёл свою группу. Точнее, она сама его нашла — это была группа «Руадан», тогда ещё мало кому известная. Играли они ирландский фолк и отчаянно нуждались в руководителе. Вместе с Шуриком началась у них новая полоса в жизни — пошли концерты, проекты и записи.

В 2002 году Карпов съездил в свою любимую Казань, где собрал друзей-музыкантов и записал свой единственный студийный альбом «Дорога в Дублин».

Летом того же года ему каким-то волшебным образом пришёл заказ на перевод московского значения — а именно на мюзикл «Чикаго», который Филипп Киркоров собрался поставить в Театре эстрады. Шурик выключился из жизни почти на всё лето, сидел сиднем дома, иногда звонил и рассказывал о тонкостях чикагского акцента. Когда же мюзикл состоялся, гордости его не было предела — Карпов всех звал по несколько раз на первые показы и ходил гоголем.

В октябре 2002 года Шурик созрел добраться до «Норд-Оста», о котором ему жужжали все, кому не лень. После долгих несостыковок по времени он ухватил пару каких-то последних билетов, и вместе с женой Светой они отправились посмотреть на работу «Ивасей». Было это 23 октября.

Что произошло дальше — известно всем: террористы, душный зал, автоматные очереди над головой и загадочный газ, выключающий людей из жизни, кого — на время, кого — навсегда.

После трёх дней безумных поисков Шурика нашли. Света осталась жива.

Понятное дело, что никто долго не понимал и не верил, как такое может быть. Казалось, всё теперь будет по-другому, бесцветнее и бессмысленнее. Я упёрся рогом и стал собирать книгу.

Через полтора года в марте 2004 она вышла — и мы её катали с концертами памяти по всем городам, где выступал когда-то Карпов, возили на Грушу. Сейчас, правда, она уже кончилась, и допечатки не планируются. Смонтировали фильм про Карпова — из сохранившихся записей, собрали ещё несколько новых альбомов.

Сайт Александра О'Карпова (так он сам себя любил называть — на ирландский манер) — <http://karпов.hole.ru>.

Игорь Белый, бард, друг Александра Карпова.

Примите мои сердечные соболезнования и искреннее сочувствие по поводу

трагической смерти Александра.

Мне не довелось знать Александра лично, но моя жена Лиса и я, как и многие другие американцы, живущие в Москве, посетили мюзикл «Чикаго» и были восхищены великолепным переводом на русский язык этого известного шоу. Александр был не только талантливым переводчиком и знатоком английского языка, но и тонким ценителем музыки и искусства.

Я надеюсь, что в это тяжёлое для вашей семьи и друзей время утешением станет понимание того, как много радости и добра принесло людям творчество Александра.

Наше посольство глубоко скорбит и молится вместе с вами.

Искренне ваши, Александр Вершбоу, посол США в России.

С Сашей чудовищная история произошла. Я часто об этом думаю, если честно. И если бы я не была такой прагматичной и даже циничной иногда, то задумывалась бы ещё чаще, пытаюсь понять, почему же это произошло с ним. Понять это невозможно, да и поверить трудно. Но история нашего короткого знакомства действительно была странная. И судьбоносная для него, к сожалению.

Там вообще всё странно получилось. Я ехала в машине и по радио услышала интервью Киркорова о том, что он собирается ставить мюзикл «Чикаго». Я этот мюзикл обожаю, тут же ему позвонила, и мы решили, что, учитывая сложный текст и юмор в нём, тут не обойтись только авторами Филиппа, нужен хороший переводчик, да не просто, а с навыками поэтического переосмысления текста. Поговорить с Сашей предложил Лёня Каганов, который его хорошо знал и ценил, а сам тогда был одним из авторов «ОСП-студии».

Практики переводов мюзиклов тогда ещё не было такой обширной, и я подумала, почему бы не поговорить с Сашей, и позвонила ему. Он, помню, ужасно удивился. Сидел, говорит, на работе, переводил какое-то техническое описание какого-то прибора, пытаюсь найти в этом процессе что-то юмористическое, и тут я позвонила. Он потом рассказывал, что даже долго не мог понять, кто звонит, зачем, и что, собственно, от него хотят. А когда я ему сказала, что ему вечером Киркоров наберёт, он вообще обалдел, по-моему.

В общем, озадачили мы его по полной, долго он в происходящее верил с трудом. А когда поверил, то, по-моему, понял, что это абсолютно его история, та, к которой он всей душой и помыслами расположен, которая ему приятна и интересна. И начали они работу, уже больше с Филиппом, я не очень-то вмешивалась. Потом только, когда мы сидели и правили окончательный вариант, выбирая из двух — Сашиного и авторов Филиппа — я всё, помню, приятно удивлялась его формулировкам, многое было очень точным, и всё абсолютно — ритмичным, музыкальным, тонким, с сохранёнными правильными интонациями и каламбурами. В общем, приятное ощущение оставалось от текста, и явный чувствовался потенциал, и интерес к процессу, и желание работать. Я тогда даже не знала толком, что он и песни пишет, и переводит, и поёт...

Потом была премьера, и мы встретились с Сашей и со Светой, и порадовались причудливым изгибам судьбы... Ну а дальше судьба изогнулась так, что мы заглянули в её змеиные глаза.

Мы с Мишей ходили на «Норд-Ост» где-то за неделю до захвата. Очень нам

понравилось, возможно, уж не помню сейчас, это даже я и могла посоветовать Саше посмотреть этот мюзикл, потому что очевидно было, что тема какого-то творчества ему просто необходима, назрела и очень его притягивает. Он сказал, что обязательно пойдёт. Больше мы с ним не разговаривали.

Он бы мог быть очень востребованным автором. Я часто думаю об этом. Это всё, что я могу.

Татьяна Лазарева, телеведущая.

Александр Карпов не случайно оказался среди заложников «Норд-Оста». Он был переводчиком другого знаменитого мюзикла — «Чикаго», продюсерами которого являются Алла Пугачёва и Филипп Киркоров. Его тянуло к этому жанру — масштабному и массовому. Как же ему было не увидеть работу коллег!..

С Сашиными родителями я познакомился у ворот клинической больницы № 13, среди родственников пострадавших. Они уже знали, что в больнице находится Светлана, жена Саши. А Сашу не могли найти. Вечером я позвонил по мобильному телефону Сашиному отцу — Сергею Николаевичу.

— Саша погиб,— ответил он отрешённым голосом.— Он был в морге Боткинской больницы.

Вчера утром в редакцию позвонила Сашина мама, Татьяна Ивановна: «Вы хотели узнать о Саше? Приходите». Вечером я побывал у Карповых дома.

— Светлана сказала,— говорит Татьяна Ивановна,— что Саша держал себя очень спокойно и очень достойно. До последней минуты они ждали и надеялись на помощь. Верили, естественно, что останутся живые. До последней минуты держали друг друга за руку и вместе уснули. Только Света проснулась, а Саша нет...

Его вынесли одним из последних. Может быть потому, что он был такой большой...

Возле лифта в подъезде их дома висит плакат с фотографией Саши. Друзья-барды написали на нём: «Автор и исполнитель песен, писатель-юморист, солист ансамбля кельтской музыки». Саша написал сотни песен, юмористических эссе. Он был великолепным переводчиком, переводил всё — от любовных романов, детективов и рок-оперы «Иисус Христос» до научных статей.

Сашу в детстве считали вундеркиндом.

— Он необычайно рано научился читать, и врачи посоветовали прятать от него книги, особенно серьёзную литературу с научным уклоном, чтобы раннее чтение не повлияло на его психику,— вспоминает Татьяна Ивановна.

Саша написал по этому поводу юмореску, назвав её «Сказ о том, как из Карпова вундеркинд не вышел».

У него была ещё масса необязательных талантов. К примеру, как говорят друзья, он мгновенно мог выговорить целую фразу наоборот. Всё это было тренировкой, стремлением обуздать и подчинить слово, чтобы строки бежали легко и плавно.

Он подошёл к главному делу своей жизни — но сделал лишь первый шаг.

— Когда я подбирал переводчика для «Чикаго», и Таня Лазарева из «ОСП-студии» привела ко мне Сашу,— говорит Филипп Киркоров,— то меня удивило, что он не стал выдвигать никаких финансовых требований, а заговорил сразу о работе. Для меня человеческий фактор на первом месте. И я сразу понял, что смогу с Сашей работать, что это удивительный человек. Он был большой ребёнок, его полюбили все, кто работал над «Чикаго». А американцы его зауважали. Дело в том, что в «Чикаго» было много сленговых выражений, и Саша их великолепно адаптировал. Когда возникали спорные моменты, он не спал по ночам, но уже к утру приносил столь удобные, легко поющиеся фразы, что, казалось, они были посланы ему самим Богом. То, что мюзикл дошёл до зрителя, на сто процентов Сашина заслуга. И мы планировали работать с Сашей дальше, хотели предложить ему для перевода известный бродвейский мюзикл «Виктор Виктория».

— Знала ли Пугачёва о том, что и Саша находится среди заложников, когда шла в «Норд-Ост»?

— Да, фамилия Саши была среди тех, за кого Алла Борисовна хотела просить. Но разговора не получилось.

— Вы знаете,— продолжает Филипп,— он мне незадолго до своей трагической гибели прислал странное письмо по электронной почте. Там был рисунок, на котором Саша лежит на софе с закрытыми глазами, руки поджав под голову и свернувшись калачиком. И очень грустное эссе, как будто он что-то нехорошее предчувствует. Я собирался ему послать ответ: «Сашку, что с тобой? Нам ещё вместе работать!» Но закрутился, отложил, как всегда, на потом... Мы в шоке от случившегося.

У Саши ещё два брата — Николай и Иван. В семье его называют «Брат-1».

«Подхожу к своему подъезду,— писал Саша в одном из своих мини-рассказов.— Ключи забыл. Звоню по домофону. Неожиданно раздаётся голос брата: «Здравствуйте! Извините, пожалуйста, но, к сожалению, в настоящий момент никто не может открыть вам дверь. Оставьте ваше сообщение...»

Такое ощущение, что он ещё подойдёт к подъезду и обязательно оставит сообщение...

Друзья-барды купили для Светланы мобильник, в который внесли все свои телефоны — 300 номеров.

«Память в записях и фотографиях,— написали они на плакате.— Память в струнах наших гитар. Память — в наших сердцах...»

Сайт А. Карнова. ВЫРЕЗКИ ИЗ ГАЗЕТ. Кучка 10 (орфография сохранена!)

КИРИЧЕНКО СВЕТЛАНА

Возраст — 52 года; Россия, г. Москва.

Светлана Витальевна родилась 8 апреля 1950 г. и в этой жизни была умной и энергичной, а в свои 52 — ещё и изящной красивой женщиной.

Проклятая судьба распорядилась, чтобы сослуживцы по работе уговорили её пойти на роковой спектакль «Норд-Ост». Она не хотела, а когда по пути на Дубровку они случайно проехали нужную станцию метро, предложила выбросить билеты и уехать. Но её уговорили...

Сильный человек — она внушала заложникам уверенность в благополучном исходе, успокаивала их, вела переговоры с террористами, убедила их взять номерки и принести мёрзнувшим заложникам пальто из гардероба, у неё хранились запасы воды.

Когда в зал начал поступать газ, она, инженер-химик, поняла в чём дело, и что нужно делать. Она начала рвать платки на повязки, смачивать их водой и раздавать окружающим, объясняя, что ими надо закрыть рот и нос. За 5–6 минут, пока была на ногах, успела сделать этих повязок несколько десятков. Из-за этого усиленно двигалась, а двигающемуся человеку нужно больше воздуха, чем сидящему. Но этот воздух был с ядом. Вокруг неё все выжили, а её врачам спасти не удалось...

Похоронена на Хованском кладбище Москвы 30 октября.

Светлана! Там, где ты сейчас, пожелай нам твоего мужества!

Мы не забудем тебя, мы гордимся, что ты была нашим товарищем. До свидания!

Коллеги

Руководство и профсоюзный комитет Министерства энергетики Российской Федерации с глубоким прискорбием извещают, что в результате террористического акта в Театральном центре на Дубровке в Москве трагически погибла главный специалист Управления делами Кириченко Светлана Витальевна.

Светлана Витальевна Кириченко после окончания института нефтяной и газовой промышленности им. И. М. Губкина более 20 лет проработала в системе нефтепродуктообеспечения: Главнефтеснабе РСФСР, Госкомнефтепродуктов РСФСР, ГК «Роснефтепродукт».

С 1992 года Светлана Витальевна работала в Минэнерго России и отраслевых структурах управления.

С января 2001 года с большой самоотдачей трудилась в Управлении делами Минэнерго России.

Высокие человеческие качества и профессионализм Светланы Витальевны Кириченко снискали ей уважение и авторитет в коллективе Управления делами и центрального аппарата Министерства.

В последние часы жизни Светлана Витальевна проявила свои лучшие качества, мужественно перенося трагические события, находила в себе силы поддерживать оказавшихся рядом как близких, так и незнакомых людей.

Светлая память о Светлане Витальевне Кириченко навсегда останется с нами.

*Руководство и профсоюзный комитет Министерства энергетики
Российской Федерации*

КИРЬЯНОВА НАТАЛИЯ

Возраст — 70 лет; Россия, г. Москва.

Отец Наташи был редактором ряда молодёжных и центральных изданий, родился в многочисленной крестьянской семье, он рано ушёл из жизни от полученных военных травм. Наташе было тогда всего 16 лет. Её мама — удивительная женщина с лучезарным взглядом — родилась в царской ссылке, несмотря на тяготы, сохранила в течение всей своей жизни искренний оптимизм, подлинную любовь к окружающим. Наташа унаследовала от матери эти замечательные черты.

Ещё в школьные годы Наташа начала активно заниматься волейболом в юношеской школе под руководством выдающихся спортсменов того времени. Физические данные невысокой девочки не отвечали требованию волейбола — сказывались и условия эвакуации, и лишения послевоенной жизни. Однако Наташа проявила упорство, настойчивость в достижении цели. Эти качества вместе с прирождённым умом позволили ей решать впоследствии любые задачи.

Скоро она стала играть в основном составе юношеской команды ЦС «Динамо», участвовала в играх на Первенство Москвы и во всесоюзных соревнованиях. В 1950 году Наташа с золотой медалью окончила одну из престижных московских школ. Вместе с нею учились дети руководства страны, знакомство с которыми в дальнейшем позволило Наташе помочь восстановить справедливость в отношении многих друзей.

Куда пойти учиться дальше? Её как надёжного волейбольного нападающего, а также отличного игрока в баскетбол, приглашает спортклуб МГУ. Есть и другие престижные институты — например, МАИ. И хотя она была склонна к науке, перевешивает другое — она играет за ЦС «Наука», которое тесно связано со спортклубом МАИ. Как золотой медалист она после собеседования, без сдачи конкурсных экзаменов, была зачислена на самолётостроительный факультет. Начался новый этап жизненного пути Наташи Щербаковой.

Первое сентября 1950 года. Производственные мастерские Московского авиационного института, где будущие главные конструкторы, ведущие

создатели авиационной техники второй половины прошлого века с молотками и зубилами в руках стёсывают далёкие от авиадеталей чугунные кубики. Вдруг слышу голос симпатичной девушки с соседнего верстака: «Завяжите мне халатик на спине, пожалуйста... А теперь, давайте, я вам завяжу». Так завязалась наша дружба, перешедшая в любовь и рождение семьи через три года. В 2003 году должна была состояться наша золотая свадьба...

В эти годы авиационная специальность являлась одной из самых престижных, высокооплачиваемой, куда стремились попасть многие, но учились только наиболее подготовленные и одарённые. На первых порах новой студентке было тяжело, так как часто приходилось прерывать учёбу из-за участия в спортивных соревнованиях самого высокого уровня. Помогли друзья, которыми Наташа очень быстро обзавелась, и которые поддержали её в «борьбе» с деканатом. В эти годы спорт был очень популярен, на футбольных матчах стадионы были всегда переполнены, лидеры спорта были национальными героями. В спортзал МАИ во время баскетбольных и волейбольных игр среди факультетов зрители набивались, буквально, как сельди в бочке. Слышались реплики: «Наташа, врежь моторягам!» И Наташа — любимица зала — забивала голы в центр площадки. Межинститутские спортивные встречи были как праздники, а когда Наташа делала игру в сложном поединке, зал ликовал.

...Практикант Кирьянов смотрит на своего добровольного помощника — жену в красном свитере с оленями, чемпиона Союза, любимицу курса. Зачем вовлек её в это мероприятие? Наташа эти переживания не разделяет: «Мы — товарищи, мало ли чем приходится заниматься, давай, начинай работать, время идёт, надо ещё успеть на последний сеанс на новую картину». Это проявление чувства товарищества, готовность подставить своё плечо, помочь окружающим, причём бескорыстно, откликнуться на призыв о помощи — всё это часть её натуры, которой Наташа не изменяла в течение всей своей жизни.

После нескольких вечеров работа была завершена. Бригадир участка осмотрел склёпанные панели, одобрил качество, потом как-то заёрзал, закручинился... Оказывается, наряд на работу и оплату оформить он не удосужился, но из сложного положения, однако, вышел, достав из кармана мятую бумажку. Ладно, бывает и так...

Учёба шла своим чередом, прерываемая периодами особого состояния — экзаменационными сессиями. Для меня и Наташи это не только разбор лекционного материала, сам экзамен, но и возможность после экзамена группой пойти куда-нибудь вместе либо искупаться, либо посетить шашлычную зимой, либо пробежаться на лыжах в соседнем парке, всё это с шутками, подковырками, весельем.

Однажды на факультете Наташа прочитала объявление об организации на кафедре «Конструкции самолётов» бюро по проектированию планера. Приглашались студенты факультета, гарантировался заработок. Студентка Кирьянова этим предложением очень заинтересовалась. Мы оба числились примерными студентами и вскоре были включены в штаты планерного КБ. Во главе коллектива стоял Б. Н. Шереметьев, в то время известный своими

планерами, высокоинтеллектуальный человек с утонченными манерами поведения. Коллектив был небольшим, сугубо мужским. Наталии поручили разработать проводку управления планера «Ш-2», и это явилось её первым приобщением к Миру авиации, знакомством с её творцами, духом и традициями.

Через много лет подобная работа по конструкции управления МКС «Буран» будет заключительной в деятельности «Почётного авиастроителя» Кирьяновой Н.В. Именно ей, начальнику отдела конструкторских разработок, генеральный конструктор МКС «Буран» Лозино-Лозинский Г. Е. поручил проектирование вертикального оперения «Бурана», обклейку киля теплозащитным покрытием, проведение огромного объёма испытаний объекта в условиях космоса.

Большой опыт Наталии Викторовны, умение принимать сложные решения, умение руководить коллективом, тесно работать со смежниками и отраслевыми институтами явились существенным вкладом в дело создания МКС «Буран».

Более сорока лет проработала Наталия Кирьянова в этом большом коллективе. Она была награждена высокими наградами, в том числе удостоена редкого звания «Почётный авиастроитель СССР».

Лев Кирьянов, муж

Наташа Кирьянова (до замужества Щербакова) отличалась на нашем курсе спортивной выправкой, самостоятельностью мышления и полным отсутствием пижонства, что было свойственно коренным москвичам-студентам, особенно жителям центра города. На факультете было не так уж много девушек, спортсменок тем более, и в этих условиях волейболистке из ЦС «Динамо» вполне допустимо было бы задрать нос. Но этого не произошло, и Наташа те годы, что занималась в МАИ спортом (до 4-го курса), была опорой команды. Об этом я могу чётко судить, так как в то время имел отношение к спорту на факультете.

Впрочем, я хотел вспомнить и не только об этом.

Это был очень серьёзный человек, который мог сконцентрировать свою волю и выбрать оптимальное решение задачи, к какой бы отрасли она не относилась. Вот два эпизода, рассказанные ей самой. Во время загородной поездки в поезде Наташе на голову свалилась тяжёлая деталь. Результат — сотрясение мозга, временный запрет врачей на продолжение учёбы. Но она продолжала успешно заниматься, преодолев последствия травмы.

Другой случай, похожий на студенческую байку: во время экзамена (не помню точно, но это было на 1-ом или 2-ом курсе) все сидят за партами, перед кафедрой, готовятся отвечать. А на расстоянии 4–5 метров висит плакат, на котором мелким шрифтом есть ответ на заданный вопрос по билету. Подойти нельзя, и Наташа, сидя за партой, смогла, сосредоточившись, прочитать текст и грамотно ответить. Правда, потом (как говорила) несколько дней болела голова от перенапряжения.

И то, что она спокойно, вдумчиво выбрала себе такого же спокойного, уравновешенного спутника жизни, как Лев, говорит в её пользу. И последнее моё воспоминание.

Сбор денег на предстоящую встречу курса в апреле 2000 года. Станция метро, вестибюль. И через весь вестибюль к кучке маевцев бежит радостная Наташа Кирьянова, радостная от того, что увидит тех, с кем когда-то училась. И горько от того, что её уже нет.

Пусть же память о ней остаётся с нами.

Дмитрий Лебединский, сокурсник

КИСЕЛЁВ АНАТОЛИЙ

Возраст — 48 лет; Россия, г. Москва.

...Она подходила, показывала фотографию, спрашивала: «Ну скажите, мог такой человек погибнуть?..». На фотографии статный красавец, гораздо моложе своих 48, похожий на американского киногероя, — смесь Тома Круза, Кевина Кэстнера и Гарри Купера.

Она говорила: «Он был необыкновенный, вот Вы почитайте его тексты — и увидите...» Немало женщин о любимых, особенно погибших, говорят: необыкновенный. Прочтя написанное, и прежде всего главный труд его жизни — «Эквитологию», могу повторить вслед за Людмилой Киселёвой: он был необыкновенный.

Просто красивый мальчишка, потом студент (сперва высшей мореходки во Владивостоке — имени Невельского, после в Питере — имени Макарова), потом штурман, ходивший в рейсы по всем морям-океанам; потом научный сотрудник института СоюзморНИИпроект. Изобретатель, охотник, рыбак, художник, вовлечённый в знаменитые социо-психологические игры философа Георгия Щедровицкого, Анатолий Киселёв увлёкся философией, досконально изучил Гегеля, Бэкона, Локка, Маркса, других зарубежных светил, отечественных Мераба Мамардашвили и Эвальда Ильенкова (на работе у него было прозвище Гегельянец, а дома его звали «ходячая энциклопедия») и — написал книгу «Эквитология».

Эквитология (слово, изобретённое Киселёвым от латинского *aequitas* — равномерность, соразмерность, пропорция, равенство перед законом) — исследование симметрии социальной системы как подсистемы физики. Долгие плавания, долгие часы наедине с природой на охоте и на рыбалке и такие же часы за столом выключали из суеты, позволяя уму (умозрение — его любимое понятие) взглянуть на вещи не предвзято, не стандартно, а почти по-детски свежо, доискиваясь до истины, которая может показаться шокирующей, и быть воспринята далеко не сразу.

«Увы, ничто не смогло спасти Джордано Бруно от судилища властей и толпы, когда тот апеллировал к умозрению, а толпа, тыча пальцем в полуденное светило и крутя пальцем вокруг виска, подкидывала хворост в его костёр. Очевидность в умах малообразованной толпы одержала

победу над умозрением, но насилие над инакомыслием свидетельствовало о поражении» (здесь и далее цитирую «Эквитологию»).

Не один час проговорили мы с Людмилой Александровной...

— Несмотря на то, что мы прожили 30 лет, я всё время любовалась им.

— Что-то чувствовали?

— Нет, просто смотрела.

— Почему он пошёл на «Норд-Ост» один?

— Вы так решили, потому что я говорю только о нём?.. Нет, мы были вместе. Но я почему-то выжила.

— Вы часто бывали в театре?

— Нечасто, потому что он почти каждую свободную субботу уезжал на охоту — такая страсть, не могу передать, посмотрите на книжные полки: книги по охоте, оружию... Я оставалась одна. Мальчики уже взрослые — одному 30, другому 28, живут отдельно. Чтобы не обижать меня, он и согласился посмотреть этот мюзикл...

— А Вы на охоту с ним не ездили?

— Крайне редко. Он бывал счастлив: и когда уезжал, и когда возвращался. Собирается на охоту — всё у него лучшее: и жена, и дети, и снаряжение. Возвращается, рассказывает: «Сажу в засидке, поворачиваю голову — мышка, глаза-бусинки, смотрит, не отрываясь, тепло, снежок...» А тепло, потому что ноги в камусах. Сам шил из меха лося. Выдывал шкуру и шил. Мясо всегда было в доме, даже когда мы бедствовали, как все. Он прекрасно его готовил. Он и кофты мне тогда шил. А детям сколько перешил — и брюк, и курток! Всё он умел. Он умел быть счастливым... Места себе не нахожу, что уговорила его пойти... Билетёрша ещё говорит: «У меня только 22-й ряд». Я спрашиваю: «Это не последний?» Она говорит: «Я не знаю». Я говорю: «Не хотелось бы последний». Оказалось, последний.

Маркс и объяснение в любви

Движение его мысли было таково: есть естественные науки и есть общественные, а почему, собственно, они отделены друг от друга, разве не действуют в тех и других одни принципы? Отталкиваясь от природных законов, он задумался над новыми общественными законами, полагая, что предыдущая наука допустила ряд оплошностей. И в первую голову допустил Маркс.

Вслед за уникальными Мамардашвили и Ильенковым он изучит Маркса от корки до корки.

«Теперь я представляю, что значит прочесть «Капитал». Но чтобы такое написать?! Поистине нужно быть Человечищем».

Эта оценка не помешает ему найти ошибку в тезисах автора «Капитала» и показать, почему советская цивилизация, строя себя по Марксу, зашла в тупик. Он сам, по его убеждению, вышел на верную дорогу. Нарисовав путь денег и введя новые понятия вместо Марксовых (скажем, Ценности, а не Стоимости, с иным значением, нежели у великого немца), он открыл не только Закон сохранения ценности, но и Закон движения прибыли.

«Сегодня учёные-экономисты, конечно, гадают на кофейной гуще. Не зная закона движения прибыли и того, что же это за явление, и чем оно

вызвано, они прибегают к теории вероятностей, что, по сути, есть то же бросание монеты наугад. Практическая ценность такого метода хорошо известна, так что современные бизнесмены чаще обращаются за предсказаниями к гадалкам-цыганкам, астрологам, хиромантам и прочей ясновидящей публике, чем к удостоенным академических званий экономистам...»

Заглянув в далёкую историю, он находит в ней не только рабов и свободных людей, но и богатых рабов и бедных свободных людей — пролетариев. Всемирная цивилизация пошла, по его мнению, по пути, выгодному элите: освободила людей от рабства в пользу найма, ибо это давало возможность экономить на оплате жизненных средств. Таким образом возникала прибыль. Суть прибыли проста: нам недоплачивают наши работодатели и за этот счёт богатеют.

«Но абсолютно все свободные наёмные трудящиеся являются сегодня филантропами и занимаются благотворительностью, вкладывая в производство себя и свои жизненные средства и получая лишь частичную компенсацию, обогащая этим своих нанимателей».

— Как вы познакомились?

— Я окончила медучилище, работала медсестрой и поехала за туманом, в полном смысле слова, в Саянскую биологическую экспедицию. Приехала, села на берегу горной реки и просидела часа два — оторваться не могла. Сказочная долина. Ну а потом мальчики пришли. Я работала с энтомологами, они — с зоологами: школьники, подрабатывали летом. Мне было 25. А он просто 16-летний мальчик, окончивший 9-й класс. Я уже побывала замужем и была разведена. Всегда думаю: какое счастье, что так случилось... А потом приятельница, пригласившая меня, — она уже оканчивала биофак МГУ — поехала в Зейскую экспедицию и пишет мне: «Ты будешь последней дурочкой, если не побываешь на Байкале — он рядом». Собралась целая компания. И распалась. Остались он и я. А у меня строгая начальница, и она говорит, надо спросить у его родителей. Я сказала ему. Он нахмурился: я такие вещи сам решаю. Я побоялась послушаться начальницу и купила себе авиабилет на Москву. И вдруг получаю телеграмму от этой самой приятельницы: жду тебя в Иркутске в три часа на Главпочтамте. Отправляюсь в посёлок, откуда автобусы ходили на Абакан, чтобы там поменять билет на Иркутск. Вижу: идёт Толя. «Ты куда, можно, я с тобой?» В итоге поездом поехали в Иркутск. Вместе. Приятельницу не нашли, она познакомилась с двумя молодыми мужчинами и уехала на остров Ольхон, потом за одного вышла замуж.

— И что на Байкале?

— Байкал — это было как в кино. Но мне всё было неловко. Что у нас один спальный мешок. Что нет палатки. Нет продуктов, в лавке одна ржавая селёдка и вермишель. Он нашёл грот, и мы в гроте спали. Роман начался, когда в Москве я получила первое письмо.

— Объяснение в любви?

— Да, но совсем особенное. Оно меня поразило. После письма что-то случилось.

— Что же дальше?

— Я собиралась в экспедицию, была ещё зима, с тех пор мне всегда кажется,

что в какой-то один зимний день уже пахнет весной. Мы встречаемся — и начинается бурная любовь. А он всего лишь оканчивает 10-й класс, и ему надо ехать во Владивосток сдавать экзамены. Я хочу к нему, но получаю от мамы письмо: «Люда, оставь эту затею». И потом, все были против: моя мама, его. Его мама приезжала ко мне вместе с его сестрёнкой уговаривать, чтобы я его оставила. Всё это было ужасно. Но это после. А тут, когда он уехал, я дошла до какого-то сумасшествия. Мне всё казалось, что он везде, за каждым поворотом, за каждой ёлкой, за речкой. И когда он умер — то же самое было... Я думала, мы проживём года два и разойдёмся. А прожили всю жизнь.

Римское правило и смерть

О значении того, к чему пришёл, сам Анатолий Киселёв пишет так:

«...Закон сохранения ценности и понимание явления прибыли оказываются весьма актуальными знаниями...»

Практическим смыслом его теории, полагал он, должны воспользоваться как государство и его предприятия, так и отдельный предприниматель, и нанятый им работник.

«Да и как отличить законное требование государства платить налоги от государственного вымогательства и рэкета? Как определить тот предельный размер налогов и податей, превышение которых давало бы подвластному населению право на мятеж и свержение властей, представляющих национальную угрозу? Только на основе знания Закона о сохранении ценности!»

Выведенное им Римское правило позволяет рассчитать «справедливую» прибыль капиталистических предприятий, что поможет предотвратить неизбежные при ином раскладе возмущения масс, и прийти к настоящему социальному миру и благополучию всех граждан. Это правило, как и все формулы, он выводит математически. В математике я не сильна. Но меня заворожили литературный классический слог, ясность понимания и изложения, многознание, любовь к парадоксальному мышлению, которое тренирует мозг. Как известно, красота мысли есть один из признаков её истинности. Так или иначе всё говорило о том, что передо мной человек незаурядный.

Да нет его передо мной...

Его вообще больше нет.

...Бессмертие, считал он, обеспечивают творческий гений и культура — явления, необходимейшие для человечества:

«Отнимите из человеческой памяти все изобретения, все представления, литературные образы, стихи и сам язык, всё, что создано творчеством людей, — и мы получим несколько миллиардов совершенно одинаковых зверей, которые быстро пожрут друг друга, уменьшив свою численность до доисторической».

— Сидя в зале, вы боялись смерти?

— Особенно страшно было два раза. Один — когда они на сцене поставили два стула и стали монтировать взрывные устройства на спинки стульев, а позже кто-то из них принёс канистру и поставил на стул. И второй — когда они стали устанавливать эту бомбу в зале, рядах в пяти от нас. Тогда меня начало трясти. Я думаю, как себя успокоить, посмотрела на зал и говорю: «Толь, мы всё-таки уже немножко пожили, а смотри, сколько молодых...»

— А он боялся?

— А я не знаю. Он всегда говорил, что ничего страшнее смерти нет. В 95-м году он поехал в командировку в Измаил, пришёл на судно договариваться о перевозке груза, там сидела какая-то женщина, и капитан говорит: «Она — жена матроса, мы всегда спрашиваем у неё, что будет, послушай её». И вдруг она сама взяла его за руку и начала быстро-быстро говорить. Ему стало интересно. И он спросил: «А что со мной произошло 11 октября 94-го года?» Она говорит: «А вы встретились с НЛЮ, но вы же очень плохо себя повели, агрессивно, в следующий раз попросите что-нибудь у них». А он действительно на охоте встретился с летающей тарелкой. Она вылетела из леса и была настолько близко, что у него возникло состояние шока. И первое, что он сделал — инстинктивно вскинул ружье.

— Это всё, что она ему сказала?

— Нет, не всё. Она сказала, что жить ему осталось очень мало. Он приехал, рассказал мне, я начала рыдать, говорю: «А сколько — десять лет?» Он говорит: «Ну прямо, размечталась». И так и не сказал...

— Когда пошёл газ, вы потеряли сознание?

— Я возвращалась из туалета, когда увидела, что зал спит. И какой-то голубой дымок над залом. Я решила, что мы горим, намочила шаль и шарф, шарф протянула Толе, он взял как-то вяло, не открывая глаз... и потом я уже ничего не помню. Я очнулась только в Склифосовского...

Ольга Кучкина, «Новая газета»

КОБОЗЕВ АНТОН

Возраст — 28 лет; Россия, г. Москва.

Родился 14 марта 1974 года. Старший ребёнок в многодетной семье. Окончил Музыкальное училище Октябрьской революции и Институт имени Гнесиных. Работал в театре «Новая Опера», окончил аспирантуру Уральской консерватории как дирижёр. Два года был женат. Сыну Владиславу было год и один месяц.

Наши родители знакомы уже давно. Мои мама и папа узнали Антона, когда ему было 15 лет. А мы с ним начали общаться три года назад, я ещё в школе училась. Он старше меня на 9 лет. Через год мы поженились, 12 ноября. До двух лет немного не дожили...

Сын Владик родился 1 октября 2001 года. Антон очень радовался, что у него первый ребёнок — сын. Мы ещё хотели детей. Я тоже в семье старшая, у меня 6 сестёр и брат.

Когда всё началось, мне сразу не сказали — я укачивала ребёнка. Моя сестра Наташа смотрела телевизор, прибежала к родителям и сказала, что «Норд-Ост» захватили. Мама с папой решили пока мне не говорить. Звонили ему — телефон не отвечал. Около десяти позвонил сам, когда они сидели в подвале. В половине одиннадцатого я вышла к родителям, и Олечка, моя младшая самая, говорит: «Бедный Антон, бедный Антон...» Я не могу понять — почему он бедный?.. Он позвонил, просил помолиться, чтобы всё хорошо кончилось... Сказал, что у них всё минируют, но это ерунда. Старался нас успокоить, чтобы мы не волновались. Он звонил несколько раз. В четверг вечером звонил, говорил очень упавшим голосом — было непонятно, то ли над ним стоят с автоматом, то ли ему очень тяжело. В пятницу в 5 утра звонил, говорил очень бодро. Сказал маме, что завтра будут взрывать. Просил телефон священника. Мама меня позвала к телефону. Он мне говорит: «Лиз, не волнуйся, это очень надолго».

Когда он уходил из дома, я подумала — а вдруг я его вижу в последний раз? Провожала его, смотрела из окна, позвонила ему на мобильный, сказала: «Я тебя люблю». И он мне тоже сказал «я тебя люблю» — я это ещё в окно видела, что он со мной разговаривает.

Антон очень добрый, отзывчивый по характеру человек. Все к нему хорошо относились. Мы жили все вместе, с моими родителями — всё-таки большая семья. Но он в неё влился, стал для них сыном. Его друг перед свадьбой говорил, исходя, видимо, из собственного опыта: «Как же вы будете там жить все вместе, с родителями? Это же невозможно!» Антон ему ответил: «Ты знаешь, я привык терпимо относиться к людям». У нас и конфликтов-то не было — так, мелочи. Он очень любил Владика. В последний день у него всё утро было свободное, и он с ним играл, занимался. Накануне ему Владик впервые сказал «папа» — всего один раз.

В «Норд-Осте» Антон не был на постоянной работе. Он замещал флейтистку — она поехала на гастроли в Италию, даже предлагала ехать ему

вместо неё, потому что в «Норд-Осте» условия были выгоднее. Антон не хотел на целый месяц уезжать. Но он специально ничего не решал — как всё будет, так и будет. Ситуация так разрешилась, что она уехала, а он стал работать в «Норд-Осте» каждый день. Договорился в театре, чтобы его подменяли. В тот вечер должен был играть другой флейтист, но Антон накануне не смог до него дозвониться, пошёл сам.

Одна девушка, из тех, кто там сидел, сказала мне, что Антон находился в оцепенении. Они его пытались развлечь, позвать, а он даже голову не поворачивал — он, будто бы, потерял волю к жизни! Просто удивительно... Он молился, весь углубился в молитву, чтоб спасти свою жизнь, а в первую очередь — свою душу! В то, что у него не было воли к жизни — я в это никогда не поверю, потому что он звонил бодрый, хотел остаться в живых.

У Антона была аллергия астматического характера. Общий наркоз ему никогда не делали, а этот газ вроде наркоза, как я понимаю. Две девушки, которые сидели рядом с ним — обе живы. Для меня этот случай — только укрепление в вере. Но я хотела бы знать, как всё это произошло, от чего он умер. Об этом надо рассказывать. Люди, общество должны узнать, как было на самом деле — потому что слишком много сейчас на всём этом спекуляции, вранья. Люди должны знать максимально всё, что возможно.

Я теперь знаю, что переход из одного мира в другой — это очень близко... И никому не известно, когда это с ним случится. Антон умер — но я не могу сказать, что у меня нет мужа. У меня есть муж, и я его люблю. Я чувствую его присутствие всё время.

Елизавета Кобозева, жена (из журнала «Филармоник» № 4 2002 г.)

КОГОС АЛЛА

Возраст — 64 года; Россия, г. Белгород.

Родилась в Москве в 1937 году. Окончила 1-ый Московский медицинский институт им. Сеченова. В 1960 году переехала в город Белгород вместе с мужем — Иосифом Григорьевичем Когосом, выпускником Московского института инженеров транспорта.

Вся трудовая деятельность А. Я. Когос связана с одним предприятием — Белгородским заводом лимонной кислоты (впоследствии ЗАО «Цитробел»), где она более чем сорок лет (вплоть до трагических событий 2002 года), возглавляла одно из основных производственных направлений.

Высокий профессионализм, компетентность, ответственность Аллы Яковлевны отмечены многими поощрениями, в том числе правительственными наградами, медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда». Она была опытным и грамотным специалистом своего дела, человеком широкого кругозора и разносторонних

интересов. Её отличали образованность, интеллигентность, высокая внутренняя культура и уважение к людям.

Я всегда гордился тем, что мама — москвичка. Она оставалась ею всю жизнь, несмотря на то, что более сорока лет прожила в Белгороде. Москва с неповторимым социумом и культурой, сформировала её внутренний мир, её неиссякаемый интерес к жизни во всех проявлениях. В Москве оставались жить её близкие люди — мама, брат с женой и двумя племянниками, много родственников и друзей. Связанная этой незримой нитью, мама использовала любую возможность, чтобы встретиться с ними и, конечно, со своим любимым городом, который, казалось, вдыхал в неё особые жизненные силы...

Мама была производственником, инженером-химиком, но при этом очень проникновенно чувствовала и понимала искусство. Она любила театр, почти профессионально отличая тончайшие нюансы сценического действия, много читала, и каким-то удивительным образом при всей её занятости всегда знала многое о том, что происходило в стране и за рубежом, вообще, в нашем человеческом мире...

Мама была очень музыкальна от природы (я благодарен судьбе, что унаследовал от неё эту данность!), но никогда не пела громко, застольно, а лишь еле слышно напевала, занимаясь другими делами...

Вместе с папой они уютно обустроили свою квартиру, которая навсегда останется в моей памяти тем единственным местом на земле, где я чувствовал себя полностью защищённым...

Мама была сдержана, спокойно и взвешенно принимала решения, и эта её уверенность передавалась тем, кто был рядом. Я не помню её суетящейся и слабой ни в каких моментах жизни. Когда умер папа, она попросила оставить его на ночь дома, и до утра говорила с ним обо всём, что не вместились в их долгие совместные годы... Мама была очень обаятельна, красива и до последних дней сохранила неподвластную возрасту привлекательность. Я никогда не видел одетой наспех, она всегда и во всём была очень аккуратна и собрана. С годами она сумела сохранить чувство современности. Со мной и моими сверстниками она умела общаться на равных. Мои дни рождения мы часто вместе праздновали на природе, и эти майские загородные поездки сегодня вспоминаются мне, как одни из самых счастливых моментов жизни...

Мама сравнительно поздно стала бабушкой, и рождение долгожданного внука Костеньки, названного так в честь моего отца, стало для неё событием судьбоносным. С ним были связаны новые жизненные планы, мечты, надежды. Шла жизнь, и многое счастливо реализовывалось. Костик блестяще учился, занимался спортом, и очередной нашей мечтой стала Москва. Надеялись, что когда Костя поступит в один из вузов столицы, бабушка вернётся в Москву и будет жить вместе с ним! Каким интересным и радостным представлялось это реальное близкое будущее! Но маме не суждено было порадоваться победам внука в престижных физико-математических олимпиадах, увидеть Костю на выпускном вечере, испытать гордость за его золотую медаль и успешное поступление в МИФИ — один из сложнейших вузов страны. Вместе с внуком они не успели сделать ещё очень многое, что хотели и могли бы сделать друг для друга...

В тех роковых событиях было много мистического. Когда мама была в Москве, в её кабинете на окне нашли мёртвую птицу... А ещё я до сих пор со щемящим чувством вспоминаю тот вечер перед бедой, когда по какому-то стечению обстоятельств в доме у маминого брата Миши собралась вся наша семья. Я улетаю в эти дни в командировку в Германию, и мы встретились, не сговариваясь, словно небесные силы хотели дать нам возможность побыть вместе в последний раз. Какой это был удивительный домашний праздник! Как нам было тепло и весело друг с другом! Радости добавил подарок маминого племянника Яши — два билета на знаменитый мюзикл «Норд-Ост», посмотреть который мама собиралась вместе с племянником Алёшей. Если бы знать тогда, что именно эта нечаянная радость обернётся для всех нас такой невосполнимой потерей...

Я узнал о событиях на Дубровке, когда позвонил Мише в Москву. Он сказал: «Во время спектакля террористы захватили заложников. Там мама и Алёша...» Я понял, какая пришла беда... Вернувшись из Германии сразу поехал туда, где собрались родственники заложников, сотни таких же, как мы — потерянных, страдающих, молящих. Ловили каждое слово, каждую информацию. Первые списки вдохнули надежду, которая оправдалась — Алексей жив! Но маминого имени ни в этом, ни в других списках так и не появилось... Мы не хотели мириться со страшной мыслью даже тогда, когда нам вместе с другими родственниками ненайденных заложников предстояло опознать их по фотографиям...

Плакать не было сил, просто закончилась одна жизнь и начиналась другая — без мамы...

Григорий Когос, сын

Несколько раз в году в нашей московской квартире раздавался какой-то необычно-нетерпеливый звонок, и в дверь торопливо почти вбегала радостная, с улыбкой на красивом лице Аллочка Когос.

Это подруга Милы ещё со школьных лет. Жили мы тогда в соседних домах, девочки дружили, росли вместе, выросли, и расстаться им пришлось только тогда, когда Аллочка вышла замуж и уехала к мужу в Белгород.

Но её всегда тянуло в Москву. Здесь жила её мама, её брат с семьёй. И Мила.

— Такой подруги как ты, Милочка,— говорила Алла,— у меня в Белгороде нет и не будет... И нет у нас таких театров, как в Москве,— сожалела она.

Но со временем Белгород становился ей всё ближе. Она пользовалась авторитетом на заводе — её уважали как дельного инженера. В этом городе у неё вырос сын, обзавёлся семьёй, подарил ей внука, и молодая бабушка не скрывала своей восторженной любви к малышу.

Всё было хорошо и ладилось в её семье. В какую-то свою круглую дату Аллочка устроила пышный приём, потому что пригласила самых дорогих гостей из Москвы — свою маму, Милу, тётю, и они все приехали, осчастливив именинницу своим присутствием. Да и гости были рады встрече, приёму, уютной квартире, сияющей, нарядной, красивой хозяйке. Муж Алочки тоже всячески подчёркивал радость от приёма. Но жизнь не всегда состоит из одних праздников. Грянула беда. Обширный инфаркт — и Костя, муж Алочки, на несколько лет, своих последних лет, остался инвалидом.

Тяжёлое это было время. Но и тогда, оставляя мужа на попечении невестки, Аллочка вырывалась в Москву к матери. И даже в эти короткие наезды обязательно раздавался её звонок и в нашу квартиру.

...Смерть мужа Аллочка переносила тяжело, но мужественно. Она ещё больше загружала себя работой, много времени проводила с внуком, а главное — на все праздничные дни и в отпуск всегда приезжала в Москву.

Мне надо было ещё вначале, знакомя читателя с Аллочкой, сказать о её исключительной любви к театру. Появляясь в Москве, она первым делом расспрашивала Милу о стоящих премьерах, и её сумочка неизменно заполнялась театральными билетами. Часто подруги ходили в театр вместе, но наш отъезд лишил её такой партнёрши, а главное — общения с таким другом, каким была для неё Мила. Аллочка очень скучала и часто звонила моей старшей дочери в Уфу, чтобы разузнать о нашей жизни на новом месте, жаловалась, что тоскует, да и нам было грустно от таких далёких приветов.

...Незаметно отсчитывалось время. Менялась жизнь. Менялся мир. Гремели взрывы в Израиле, в московском метро. Потрясло всю планету злодеяние в Нью-Йорке 11 сентября. Но такого, чтобы террористы захватили сотни мирных зрителей в московском театре на Дубровке, где шёл нашумевший мюзикл «Норд-Ост», — такого невообразимого зверства мир ещё не знал.

Мы здесь, в Америке, слёзно переживали за своих земляков в Москве. Какое же горе свалилось на семьи тех, чьи родные были в тот вечер в театре на Дубровке и не вернулись домой...

24 ноября 2002 года Мила позвонила в Белгород, чтобы поздравить подругу с днём рождения. Но дома её не застала. И решив, что она в Москве, позвонила брату.

...И тут из другой комнаты я услышала жуткий крик и рыдания Милы: она узнала, что в той страшной трагедии в театре на Дубровке среди 130 погибших от газа зрителей была и её любимая подруга, наша Аллочка Когос из Белгорода.

...Весь Белгород хоронил Аллочку. А мы здесь до сих пор не можем поверить, что нет уже на Земле этой милой женщины, нашего доброго, хорошего друга.

Лёля Хайкина, из книги «Мимолётные встречи»

КОНОНОВА ГАЛИНА

Возраст — 52 года; Россия, г. Москва.

Моя мама, Кононова Галина Васильевна, родилась 5 февраля 1950 г. в деревне Костьково, Новгородской области, в простой семье. Окончила 11 классов средней школы, после чего была учёба в техникуме, и с 1974 года в Новгородском государственном педагогическом институте.

После окончания института мама получила специальность учителя математики средней школы. Вышла замуж, переехала жить в Москву, а потом, в 1985 году, родился я (Кононов Владимир Владимирович).

Некоторое время мама работала по специальности — преподавала в школах математику, затем пришла на завод «Красный богатырь», а после его расформирования ушла в Управление коммунального хозяйства. В конце 90-х её пригласили на работу в Управу района Богородское, где мама и проработала последний период своей жизни.

Мама всегда была высококвалифицированным и ответственным сотрудником, её ценили и уважали за отзывчивость и доброту коллеги по работе, соседи и друзья. В любой момент она могла дать ценный совет и прийти на помощь. К чему бы мама ни приложила руки, всё выходило настоящей изюминкой, будь то рукоделие или кулинария.

А для меня она была самым близким и надёжным человеком, которому я мог рассказать обо всём, который меня всегда понимал. Прошло уже почти 6 лет, как её не стало, а мне до сих пор не верится, ведь она всегда рядом...

Владимир Кононов, сын

КОРАБЛЁВ ВЛАДИМИР

Возраст — 55 лет; Россия, г. Москва.

Родился в 1947 году. Окончил несколько военных академий. Работал в ряде африканских стран, в том числе в 1983–1987 гг. военным атташе Посольства СССР в Республике Мали. В 1991–1997 гг. — военный атташе России во Франции. 1999–2002 гг. — военный советник России при ОБСЕ в Вене. Награждён многими орденами и медалями, в том числе орденом «За службу в Вооружённых силах». Русская Православная церковь также наградила его орденом «Даниила Московского» за работу по возрождению Церкви в Париже.

Печальная весть о гибели Володи Кораблёва вместе с дочерью Наташей в Театральном центре на Дубровке

в ходе его штурма потрясла всех нас, кто знал и любил этого интеллигентного, образованного и хлебосольного русского человека.

Мне довелось работать с ним и в Африке, и во Франции. Этот очень открытый, несмотря на все свои особые обязанности, и приветливый офицер совершенно разрушал хрестоматийный образ чванливого и недоступного советско-российского дипломата на ответственном посту и, тем более, образ военного из анекдотов советской эпохи.

Володя владел, минимум, пятью языками, был очень начитан, хорошо разбирался в искусстве, умел встречать и принимать людей не «по одежке». Поэтому и к нему тянулись люди без всякой корысти, ища только интересного и приятного человеческого общения.

Володя был верующим офицером. Его хорошо знали в приходе Русской Православной церкви Святой Троицы и Святых Новомучеников и Исповедников Российских в парижском пригороде Ванве. Он внёс свой безусловный вклад в укрепление авторитета этого Храма и его прихода.

Володю и бывшего настоятеля этой церкви отца Александра связывала большая человеческая дружба. Вместе с Владимиром Борисовичем на спектакле «Норд-Ост» были его супруга Лена и дочь Наташа. Живой после штурма театра в одной из больниц Москвы сын Кораблёвых Данила обнаружил только Лену. Незадолго до этого семья уже перенесла трагедию: чудовищно жестоким образом погибли невестка Володи и его маленький внук.

У полковника Кораблёва осталось много друзей в Париже и во Франции в целом. Обращаюсь к тем из них, кто, возможно, прочтёт эти строки. Помянем нашего друга и его дочь, погибших как мученики. Мы потеряли Володю, который украшал и облагораживал это, не такое уж симпатичное, бытие, где человек, прошедший бойню горячих точек в Африке, может потерять жизнь в столичном театре.

Виктор Онушко, Парижский курьер № 5

КОРАБЛЁВА НАТАЛЬЯ

Возраст — 26 лет; Россия, г. Москва.

Доченька моя родненькая!

Нежная и хрупкая, она давала мне силы и уверенность в любых горьких и сложных житейских ситуациях.

Так много талантов ей было отпущено судьбой: изостудия и фигурное катание, музыкальная школа и студия танцев, французский язык, как второй родной: с преподавателем-француженкой, во французской спецшколе, потом в лицее при Инязе, в Альянс Франсэз в Париже. Английский, испанский и немецкий языки. Стажировка в Лондоне.

Учась в Сорбонне, Натуся иногда приходила

с занятий и сообщала, что опять пришлось демонстрировать российский паспорт, доказывая, что она не француженка, а русская.

Известный во Франции российский художник Георгий Шишкин писал её портреты. Назвав серию «Женская нежность», он выставлял свои полотна в галереях Версаля, Монако, где мы с гордостью любовались доченькой.

В ОАЭ Натусин портрет в старо-русском головном уборе, названный «Град Китеж», открывал выставку и был продан после её окончания. На вырученные деньги художник купил маленькую квартирку в Париже на берегу Сены.

Продолжая учёбу в Университете дружбы народов, дочка успешно работала в представительстве швейцарской фирмы. За отличную дипломную работу, занявшую почётное место в конкурсе, Натуся была награждена бесплатной учёбой в магистратуре и получила диплом магистра летом... за три месяца до «Норд-Оста». Её досье было послано на конкурс международных чиновников в Юнеско в Женеву. Всё было впереди...

Счастливая невеста швейцарского бизнесмена... Они познакомились на ступенях храма Христа Спасителя, где должна была для него состояться экскурсия, переводить которую пригласили Натусю. «И молния пронзила нас», — всё повторял он, бродя со мной по их любимым местам в Москве ПОСЛЕ...

На её 25-летний юбилей жених организовал поездку в Бразилию, чтобы праздновать день рождения Любимой несколько раз, пересекая часовые пояса. Казалось, счастье было впереди...

А в её 26 лет Эрик, горько рыдая у гроба и не стыдясь мужских слёз, надел на тонкий пальчик обручальное колечко, прощаясь перед последней дорогой в Вечность!

«Солнышко» — звали мы Натусю в семье. «Кораблик» — звали её друзья.

Уплыл мой Солнечный Кораблик НАВСЕГДА — какое страшное слово!

Ужасная тоска, которая никак не хочет переходить в светлую печаль...

Елена Кораблёва, мама

КОЧАТ ЕВГЕНИЙ

Возраст — 35 лет; Россия, г. Москва.

Родился 2 июля 1967 года в г. Кривой Рог. Мама — учительница музыки. Окончил музыкальное училище в г. Черновцы. Служил в Советской Армии, в Нагорном Карабахе (1987-1989). Затем поступил в Институт имени Гнесиных в класс Владимира Тонхи. В классе квартета занимался у Валентина Берлинского.

После окончания института работал концертмейстером группы виолончелей в камерном оркестре «Времена года», помощником концертмейстера в оркестре «Российская камерата», в оркестре Баховского центра.

Александра Чаплыгина, жена Евгения, — скрипачка, часто работала вместе с ним. И двадцать третьего октября тоже было так.

Из журнала «Филармоник» № 4, 2002 г.

Наверное, это уже становится закономерностью, что судьба не балует своих талантливых детей. Но когда злой рок заносит руку над жизнью таких ярких личностей, каким был Женя — это уже чересчур...

Женя был одним из самых ярких моих учеников. То, что сделал этот парнишка за четыре года обучения, не поддаётся никакой характеристике. Вырасти из неумелого, зажатого, закомплексованного ребёнка в личность творческую, думающую... А ведь ему ох как нелегко всё давалось в этой жизни. Рос он в учительской семье с братом, мама их воспитывала сама. Но она отдала ему всю свою любовь, вложила в него всю душу (маму тоже забрал за собой «Норд-Ост» вскоре после гибели сына)...

Помню, когда на четвёртом курсе училища мы поехали на прослушивание во Львовскую консерваторию к профессору Колесе и назвали репертуар, привезённый для показа, нас восприняли очень скептически. Но когда отыграли, иронию вытеснило удивление. Вот тогда она порекомендовала ему ехать поступать в Москву. Но уже тогда злая рука судьбы была занесена над ним — надо было уходить в армию. Председатель государственной комиссии, который принимал выпускные экзамены в училище, ходил в военкомат за отсрочкой — но тщетно.

А служить он попадает ни мало ни много, а сразу в горячую точку — в Нагорный Карабах. Эти два года своей службы он не любил вспоминать. В письмах был очень лаконичным, и только намного позже обмолвился, что был ранен в ногу. И что значила для музыканта двухлетняя служба в артиллерийском полку! Это была первая отметина, которую оставил Кавказ в его жизни, другая, в «Норд-Осте» — оказалась смертельной...

Как тяжело было ему садиться после армии за инструмент, могут понять только музыканты. Но уже через год Женя становится студентом Гнесинки. Далее — блестящие успехи. Женя считался одним из лучших молодых виолончелистов Москвы. Мы с ним постоянно встречались во время его приездов домой в Черновцы.

Это уже был успешный молодой человек, у которого было любимое дело, любимая жена, тоже музыкант, которая прошла вместе с ним все круги ада на Дубровке, и, вопреки всему, выжила. Он с большим интересом рассказывал о своей работе, и, в частности, об оркестре мюзикла, о жёстком конкурсном отборе, который он прошёл, чтобы попасть туда. Лучше бы он не прошёл тот конкурс.

Сейчас, вспоминая его последний приезд домой, наши задушевные разговоры, я анализирую и вижу, что Женя как будто бы обрезал все концы, доводил до окончания все дела — подарил училищу свою фонотеку, библиотеку, которую собирала семья годами, успел даже перевезти маму поближе к старшему сыну в Вышгород под Киевом.

Это был увлечённый человек, и круг его увлечений был очень широким. Любил он горы и всегда во время своих приездов домой выбирался в Карпаты,

брал с собой жену Сашу, сам ходил на Говерлу. Он подарил мне альбом своих фотографий, которые привозил из этих походов. Это взгляд человека, умеющего видеть в этой жизни прекрасное.

Вот таким он остался в памяти нашей семьи, для которой был очень близким человеком — высоким, красивым, всегда улыбающимся. Но больше не приедет, не позвонит.

Кадюк Игорь, преподаватель Евгения Кочата по классу виолончели

«В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

У Евгения Дмитриевича так всё и было: и лицо, и душа, и достоинство... ВСЁ! Светлая, яркая личность с невероятной харизмой и чувством юмора, он излучал тепло и энергию, которые как магнит притягивали к нему музыкантов. Его коммуникабельность и оптимизм, увлечённость создавали в оркестре атмосферу уверенности и надёжности: с ним было всегда комфортно. Оркестр — сложный организм, у каждого исполнителя своя функция, обеспечивающая его жизнедеятельность. Евгений Дмитриевич был душой оркестра: ему великолепно удавалось сочетать терпимость и требовательность на репетициях с трогательной заботой и добротой к своим коллегам.

Мир музыки был его средой обитания, его кислородом. Он дышал ею, воспринимая её как волшебный подарок природы, которым старался поделиться со слушателями. «Талант от Бога» — это о Евгении Дмитриевиче. Исполнение им сольных партий в концертах завораживало, виртуозность его игры вызывала неповторимое наслаждение. С первыми звуками музыки происходило единение исполнителя и слушателей, исчезали расстояния, стирались границы между сценой и концертным залом — зрители мгновенно погружались в чудесную страну, где «волшебная виолончель то надрывно-весело, то тревожно-нежно» рассказывала о красоте и радости жизни, о вечных истинах — любви, сострадании, самопожертвовании.

Музыкальная одарённость Евгения Дмитриевича не ограничивалась талантливым исполнением известных произведений, он создавал свои аранжировки, сделал несколько интересных инструментальных обработок джазовых произведений. Женя мечтал о собственном квартете, готовил репертуар...

26 октября 2002 года стал траурным днём для нашего оркестра «Времена года». В этот день мы осиротели: в самом начале пути оборвалась жизнь Евгения Дмитриевича, надёжного друга, с которым можно «в разведку», и прекрасного музыканта, который щедро дарил слушателям «чудесные мгновения видений чистой красоты».

Низкий поклон Вам, Евгений Дмитриевич... Светлая память Светлому Человеку! Мы помним!

Коллеги, оркестр «Времена года»

Женя учился у меня по музыкальной литературе и был любимым учеником. Обо всём имел собственное мнение, с ним было не всегда легко, но всегда интересно. Высокий, красивый, умный, ироничный — он был на своём курсе лидером. Его уважали за порядочность, честность, целеустремлённость

в профессии; в нём ощущалось внутреннее достоинство.

На госэкзамене сыграл блестяще. Казалось, он — баловень судьбы. Но всё оказалось иначе. Судьба словно всё время испытывала его. Так было в армии, так было и после. Из армии он писал мне письма, я отвечала. Он никогда не жаловался, и я случайно, гораздо позже, узнала, какие ужасы пришлось ему пережить солдатом в «горячих точках».

Женя всегда оказывался в центре событий — культурных, исторических. Мы все радовались за него, когда он поступил в Гнесинку, гордились его успехами. Когда Женя приезжал в Черновцы, он обязательно приходил ко мне, и мы часами беседовали. Он был прекрасным рассказчиком, глубоким, настоящим музыкантом. В нём была жизненная мудрость, и мне иногда даже казалось, что он старше меня. Привозил он «на смотрины» свою жену Сашеньку; и так трогательно они смотрелись рядом: маленькая, хрупкая Саша и сильный, высокий Женька... Вот так же рядом сидели они в тот последний день его жизни в «Норд-Осте»...

У меня остались подарки Жени: несколько книг по искусству, пластинки, а главное — кассета с записью концерта струнного квартета, созданного Женей, которым он гордился, в котором играла и Сашенька. На пианино у меня стоит фотография Жени, с которой он смотрит, как всегда, с лёгкой иронией.

Мне его очень не хватает.

Ирина Медриш, преподаватель Черновицкого училища искусств

КУЗНЕЦОВА СВЕТЛАНА

Возраст — 36 лет; Россия, г. Пермь.

Родилась в п. Полазна 3 апреля 1966 года. Работала начальником отдела в экономической службе предприятия ЗАО «Лукойл-Пермь».

Изменяла мир вокруг себя

Светлана Кузнецова, погибшая шесть лет назад, последние годы работала в Перми. Девушка часто удивляла своих коллег. «Настаёт время обеда, — вспоминает начальник планово-экономического отдела другого пермского предприятия Елена Овсенникова, — Света срывается с места и летит по своим делам, которые запланировала сделать в обеденный

перерыв. Она могла остаться здесь и после конца рабочего дня — но всё, что наметила сделать, выполняла». «Нечасто такое бывает, что в людях сочетаются и профессионализм, нацеленность на карьеру, и доброе отношение к людям. Но Света была именно такой, — продолжает другая её бывшая коллега Наталья Марьина. — Она дарила нам на дни рождения воротнички и салфетки, которые вязала сама. К сожалению, Света не успела создать семью. Она очень этого хотела...» «Она любила жить, была из тех людей, которые зубами вгрызаются

в жизнь — и переделывают мир вокруг себя», — добавляет другая «сослуживица» Татьяна Бочкарёва. «К тому моменту, как Светлана уехала в Москву, она успела получить водительские права, обустроить квартиру в Перми, учила английский язык», — вспоминает Елена Овсенникова. В выходной перед поездкой в столицу (тоже на учебный семинар) Светлана вышла на работу — хотела закончить все дела. А саму командировку оформила аж за месяц: «Настолько хотела ехать, — вспоминают коллеги. — Говорила, что наконец-то немного отдохнёт».

Михаил Данилович, из газеты «Пермские новости» от 24.10.2008 г.

КУЗЬМЕНКОВ СЕРГЕЙ

Возраст — 47 лет; Россия, г. Москва.

Окончил кафедру элементарных частиц в 1978 году.

Диплом Сергей делал в ОИЯИ, в лаборатории нейтронной физики на тему, связанную с биофизикой.

Родом он из села Каспля Смоленской области.

На физфак поступил по окончании знаменитого 18-го «колмогоровского» интерната.

Серёжа Кузьменков был моим однокурсником. Первые два с половиной года мы учились на разных потоках, в разных группах. Он был на первом потоке, кажется в 13 (затем 23, 33) группе. После получения общей подготовки мы выбрали одну специализацию — оказа-

лись на кафедре физики элементарных частиц, которую возглавлял, не побоюсь этого слова, легендарный академик Бруно Понтекорво (Бруно Максимович, как у нас его называли). Воспетый Высоцким, ученик Энрико Ферми, прожив к тому времени в Советском Союзе более четверти века, он говорил по-русски с сильнейшим итальянским акцентом, научные термины произносил на международном языке физиков — английском, и был, как истинно великий человек, прост в общении, доступен, обладал великолепным чувством юмора.

Наша кафедра вместе с кафедрой теоретической ядерной физики, возглавляемой академиком Д. И. Блохинцевым, базировалась в Дубне, где в известном Объединённом институте ядерных исследований (ОИЯИ) мы последние два года обучения (с середины четвёртого курса) постигали азы научной работы. Если остальные наши сокурсники, обучающиеся на кафедрах, базирующихся в Москве, реже пересекались на старших курсах, поскольку готовили дипломные работы в различных научно-исследовательских учреждениях, то мы по вечерам собирались вместе в дубненском общежитии, в котором жили все, даже москвичи. И эти дубненские времена очень тепло вспоминаются до сих пор, хотя прошло уже три десятка лет.

К сожалению, с Серёжей Кузьменковым с той славной поры мне не довелось увидеться. Встречались вскоре после окончания как-то, а больше — нет. Он был на двадцатилетии нашего выпуска, куда мне не удалось попасть.

А на двадцатипятилети, где был я, мы поминали его, не чокаясь — прошло всего три с небольшим месяца после того трагического октября.

Довольно сильно изменился внешне, но остался таким же светлым, юморным, остроумным «Батей» (это прозвище он получил ещё на младших курсах, очевидно, по контрасту со своим мальчишеским видом, да и по возрасту он был одним из младших на курсе, кажется).

Николай Шалыгин, однокурсник

КУНОВА СВЕТЛАНА

Возраст — 34 года; Россия, г. Москва.

Родилась 15 февраля 1968 г. в г. Москва. В 1985 г. окончила с отличием среднюю школу № 6. Помимо общеобразовательной школы окончила также музыкальную школу по классу скрипки. В том же году поступила в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. За время обучения в институте занималась научной работой под руководством кандидата технических наук доцента кафедры электрохимических производств Цупак Т. Е. За отличную учёбу в институте была награждена поездкой в Венгрию в 1989 году. И окончила с отличием данный институт в 1991 году по специальности электрик-химик.

После учёбы в институте была направлена на работу на телевизионный завод ТЭМП. В том же году вышла замуж, и 26 марта 1992 у неё родилась дочь Кунова Наталья. После выхода из декрета устроилась на работу старшим консультантом в один из модных бутиков г. Москвы «Интероптика» и работала в нём до гибели, до того самого страшного дня 23 октября 2002 года.

Надо сказать, что к воспитанию дочери Светлана подходила очень творчески, помимо того, что она была замечательной матерью, она была для Наташи и как подруга, старшая сестра и посвящала ей всё своё свободное время. Светлана с дочерью много бывали за границей — и на отдыхе, и ездили вместе с танцевальным коллективом, в котором выступала Наталья. Светлана привила дочери не только изящный вкус настоящей модницы, но и приобщала её к культуре, брала с собой и в театры, и на концерты, на всевозможные выставки в картинные галереи, всё это стало основой для дальнейшего развития 10-летней девочки (именно столько было ей лет, когда погибла Светлана). Кто бы мог подумать, что из одного такого похода в театр на мюзикл она больше никогда не вернётся.

У нас большая семья, и Светлана в прямом смысле была одним из самых светлых, чистых и добрых людей, таких, про которых говорят: «Человек большого Сердца, большой Души». Не было такого человека, которому она не хотела бы помочь или откликнуться на его беду, со всеми очень добра и приветлива, всё, за что бы она не бралась, получалось у неё на «отлично». Какие бы трудности

не случались в её жизни, она умела их преодолевать, переживать и идти дальше, вперёд, не оглядываясь назад.

Помимо этого Светлана была очень красивой, эффектной, элегантной женщиной. Умела модно и красиво одеваться, любила и умела выбирать предметы роскоши и интерьера. С любовью обустривала свой дом и ещё нам всем подсказывала, была настоящим дизайнером. Была впереди нас всех всегда и вела за собой. На неё хотелось равняться и быть такой же, как она. Но, увы, видимо такие люди рождаются редко, а умирают, как ни странно, очень рано. Не досказав всего, что хотели, не доделав всего, что задумали, не получив от жизни всей её красоты и радости, так внезапно обрываются жизни лучших из нас...

Эти дни стали самыми чёрными и страшными для всей нашей семьи. Казалось бы, ничто не предвещало беды, но нет, знаки всё-таки были. За несколько дней до трагедии Свете приснился необычный сон, о котором она никому не рассказала, но после него обзвонила всех своих знакомых и поинтересовалась, не произошло ли с ними ничего плохого. Она тогда и предположить-то не могла, что это плохое произойдёт не с кем-то, а с ней. Второй знак, на который она не обратила внимания в тот день, это нежелание дочери идти на «Норд-Ост», Наташа всячески упиралась и уговаривала Светлану не ходить. Но та отказалась, уж очень ей хотелось отвести любимую доченьку на этот мюзикл.

В тот день Светлана вместе с дочерью оказались заложниками чеченских террористов на Дубровке. Наташе чудом удалось спастись. Когда стали выпускать детей иностранцев, Светлана передала ей мобильный телефон и сказала, чтоб та вышла вместе с другими детьми. Чеченская женщина-шахидка дала ей возможность пройти в коридор, по которому дочь и вышла на улицу, совсем раздетая, без верхней одежды, в одной кофточке. Вместе с ней по коридору шёл мальчик, мама которого, к сожалению, тоже погибла. Потом позвонила домой бабушке с дедушкой, и её забрали от здания театра на Дубровке.

Говорят, что время лечит, но такую рану залечить просто невозможно. Прошло уже 6 лет со дня гибели, такой глупой и нелепой гибели нашей Светы, но вспоминать о ней мы не перестаём никогда. Растёт её дочь Наталья, дочь, которой она отдала всю себя, и которая взяла от матери только самое хорошее. Да, ей сегодня уже 16 лет, и последние 6 из них она живёт без МАМЫ! Насколько мамы не хватает, знает только сама Наташа, но держится и растёт хорошей девочкой, на радость бабушке и дедушке. Учится на «отлично», занимается в музыкальной, английской и художественной школах, занимается танцами. Мы благодарим Бога, что он не забрал её вместе со Светой, что Наташа с нами, а значит, и эта Светина частичка живёт среди нас, радует нас и даёт сил жить дальше. Думаю, и Света, если бы была жива, очень ею гордилась.

Екатерина Бугакова, племянница

КУРБАТОВА КРИСТИНА

Возраст — 13 лет; Россия, г. Москва.

Прошло больше года, как наша семья живёт без Кристины... Раньше я и представить себе не могла — мы БЕЗ Кристины. Хотя и жизнью это не назовёшь. Это год ВЕЧНОГО кошмара! Папа пытается найти правду, пишет письма в прокуратуру, а мама плачет...

Я в «Норд-Осте» потеряла не просто сестру, я потеряла больше — милую, светлую, дорогую частичку моего сердца. Всё ушло вместе с ней.

Когда мы росли, мама всегда говорила: «Живите дружно, ведь мы с папой не вечные, а вам идти по жизни рука об руку, вместе», а теперь?

ЧТО ТЕПЕРЬ??

У Кристины всегда было много друзей, все её любили, и она отвечала взаимной, приветливой улыбкой, никогда не сходящей с её милого личика. У неё была удивительная способность жить в мире со всеми и с собой в том числе. С Кристиной было легко общаться не только сверстникам, но и моим друзьям, которые были намного старше её.

Она могла, как многие подростки, часами проводить свободное время у компьютера, читать книги, но вот только свободного времени ей всегда не хватало. Такое ощущение, что она торопилась жить, будто заранее зная или предчувствуя, что что-то не успеет. Ей было всего 13 лет! Из которых 1,5 года она подарила мюзиклу «Норд-Ост». За полгода до премьеры успешно прошла 3 отборочных тура и получила роль Кати-школьницы, чем очень была горда и довольна. Совсем по-детски была счастлива, когда ей сообщили, что будет играть на премьере спектакля. Я и родители волновались, но она отыграла свою роль замечательно, и весь год «прожила» на сцене «Норд-Оста». Нам даже иногда казалось, что это не Кристина, а Катя Татарина, главная героиня романа Каверина «Два капитана», в которую она перевоплощалась каждый вечер на сцене. Даже Новый 2002 год наша семья встретила в «Норд-Осте», как хотела Кристина, так как считала его своим вторым домом, а всю актёрскую труппу своей второй семьёй.

За три дня до захвата «Норд-Ост» отмечал годовщину премьеры. Это был настоящий праздник: смех, радость, музыка, веселье. Кристина была счастлива, и мы рядом с ней. Мы всегда были вместе, и многие люди говорили, что у нас очень дружная, счастливая семья. Но за счастье надо платить, и цена оказалась безмерно высока.

23 октября 2002 года перечеркнуло ВСЁ! И прошлое, и настоящее...

О чём она думала, сидя там, в зале, эти дни? Наверное, верила, ждала, надеялась. Её друзья, которые были вместе с ней в зале, рассказывали, что когда пустили газ, Кристина рвала зубами юбку (из реквизита) и эти клочки в первую очередь передавала детям, чтобы они могли спастись. Иначе моя сестра поступить и не могла.

Очень больно осознавать, что её не спасли. Она лишилась главного права,

права на жизнь. Во имя чего, в угоду кому, ЗАЧЕМ??? Ответы на эти вопросы и пытаются найти сейчас мои родители... А в нашем доме навсегда поселилась беда... Но я благодарна судьбе за то, что Кристина была в моей жизни, а память и воспоминания отобразить никто не в силах...

*Дождь за окном плачет,
Слёзы по стёклам стекают.
Сердце верить не хочет,
Что жизнь так жестока бывает.
Мир наш кровав и ужасен-
Детские смерти – так страшно!!!*

*Господи! Смилостивься...
И храни их всех, оставшихся!
Боже! Прошу – дай им сил
Бороться и не сдаваться.
Пусть будет прекрасен их мир,
в рай ушедших
И с нами оставшихся...*

Анастасия Курбатова, сестра (www.nordostjustice.org)

КУРИЛЕНКО АРСЕНИЙ

Возраст – 13 лет; Россия, г. Москва.

Арсений. Это мой сын. Это мой сын, о котором я не хочу говорить в прошедшем времени...

Жарким июньским днём 15 числа 1989 года ты появился на свет. Большой – 4 кг 50 г! Серьёзный – сдвинутые брови. Вылитый дедушка, мой папа – Заславский Игорь.

Какое это счастье – вставать в 5 утра, повязывать на голову белый больничный платок, тщательно пряча под него волосы, мыть грудь и ждать, когда принесут моё маленькое чудо на кормление! Ты уже знаешь, что я – твоя мама, мама, которая тебя любит больше

всех на свете, мама, которая будет вкладывать в тебя всю свою душу, все свои силы, мама, которая никогда не даст тебя в обиду. Ты под моим крылом, под моей защитой!

Помнишь, как ты вышел впервые на сцену? Тебе четыре года, спектакль «Гамбринус» в театре «У Никитских ворот», сцена «еврейского погрома». Сцена страшная, и ты ужасно испугался и сказал, что больше играть не будешь. Потом, всё обдумав, сам решил, что всё-таки справишься с волнением и страхом, и всё получилось. У тебя вообще всегда всё получалось: и дружить со всеми, с мальчишками и девчонками, с большими и маленькими, попадая в любой коллектив, никем не пренебрегая и не делая различий между людьми.

Получилось самому, без посторонней помощи, попасть в коллектив мюзикла «Норд-Ост», получилось на удивление врача-фониатора из Боткинской больницы без операционного вмешательства избавиться от узлов на связках, а потом сыграть главную детскую роль в мюзикле, роль Сани Григорьева в детстве. Да как сыграть! Я сказала тебе после спектакля, что горжусь тобой!

Я так рада, что успела сказать тебе это. А твой папа ушёл после спектакля, не сказав ни слова, потому что слов не было. Он был просто ошеломлён, он не ожидал такого. Он тоже тобой гордится, дорогой мой сынок!

У тебя всё получалось, только вот не получилось остаться в живых, выйти из этого плена, который сковал твоё тело и удерживал тебя там в заложниках. Только вот душу-то пленить нельзя, это невозможно, она — сама Свобода, сама Любовь, и вырвалась она, высвободилась твоя душа, мой дорогой, любимый, ни в чём не повинный мой ребёнок.

Ушли вы вместе с Кристиной из этого мира, где ваша жизнь оказалась разменной монетой для тех, кто в этом страшном «спектакле» преследовал свои интересы, ушли из мира, где самое ценное, что только может быть в жизни — сама Жизнь, дарованная Богом — обесценена и уничтожена.

Кристина — та девочка, о которой ты рассказывал мне в последнее время, которой привёз в подарок серёжки, но не решился их подарить без повода, оставив сюрприз на День её Рождения... Все чаяния, надежды, мечты, вся жизнь... позади.

И я горько плачу, и слёзы застилают глаза, и ком в горле, но я знаю — смерти нет, потому что нельзя убить то, что так прекрасно, так любимо, так дорого и бесценно!

Виктория Заславская, мама

Тишина... Террористы замерли на своих местах. Женщине дают валерьянку... Рядом с ней сидел мальчик тринадцати лет. Это и был мой друг Сенька. Арсений Куриленко. Он жил недалеко от меня, напротив моей школы № 1947. В компании Арсений был самым известным весельчаком, и по улицам он ходил своеобразной походкой — пританцовывая и щёлкая пальцами. Он всегда что-то напевал себе под нос. Видя его, я понимал, что Арсений просто очень любит музыку. Он и сам так отвечал.

Но там, в зале, его об этом не спрашивали. Арсений вёл себя очень спокойно и держал за руку её, ведь именно на её игру он пришёл сегодня посмотреть. В тот день 23 октября Сенька не должен был петь (он был артистом труппы). Кристина сидела так же, как и он, только порой дергалась, возможно, от голода и холода.

Они там уже второй день, а я — я дома и ничего не знаю. Был бы я там... И что? Что я могу?

Второй день без еды, воды и человеческих условий. Террористы разрешили съёмочной группе НТВ взять у себя интервью. Сказали, что все дети живы. Но я не знал, что мой друг сидит там...

Третий день. Я просыпаюсь и слышу, что всех заложников освободили. Умерло всего два человека. Показывают видеоматериалы освобождения заложников. Два человека, как же...

И тут — гром средь ясного неба. Показывают фотографию мальчика. Мама говорит: «Посмотри на экран. Ты знаешь этого мальчика? Вроде телефон нашего района».

Я обомлел. Сенька...

Нет ни среди мёртвых, ни среди живых.

Два дня в неведении. И тут трагедия, которая была далеко от меня,

приблизилась ко мне в упор. На второй день сообщили: умер... Точнее, погиб... Тут же звонки. И правда, погиб... Не может быть! Самый весёлый человек, которого я знал, самый жизнерадостный человек... погиб...

Не будь его там, сейчас бы он играл со мной в футбол, как месяц назад, а теперь не к кому обратиться за мячиком, и дельный совет если кто и даст, то какой-нибудь зануда.

В жизни мне встретится ещё много друзей, но такого друга, как он, у меня не будет!

Эмин Мамшинов, друг

ЛАВРОВ ДМИТРИЙ

Возраст — 31 год; Россия, г. Жуковский.

Лавров Дмитрий Николаевич родился 24 апреля 1971 г. в г. Жуковский в семье служащих. Отец работал инженером в Центральном аэро-гидродинамическом институте (ЦАГИ), мать — техником-радиостом в Лётно-исследовательском институте (ЛИИ). Под эти институты под Москвой был построен город, ставший центром авиационной науки России, но, в силу секретности в советское время, мало известный даже москвичам.

Как многие советские ребяташки, Дима посещал детский сад, а после семи лет пошёл в школу. Рос он смыслённым и любознательным ребёнком, с шести лет стал заниматься спортом в секции фигурного катания.

В начальных классах ничем особым не выделялся — хорошо учился, был трудолюбив и для своего возраста самостоятелен. У Димы были общепринятые домашние обязанности, и он их старательно выполнял. В этот период начал проявляться интерес к технике. Сначала это были сложные электро-механические игрушки, машины, подводная лодка, железная дорога, затем сборные модели самолётов, танков, автомобилей. В средних классах Дима сделал свой первый детекторный радиоприёмник. Он любил мастерить всё своими руками и самому добираться до сути вещей, поэтому читал много журналов по технике. В школе любимыми предметами у него были физика и математика. Учась в старших классах, Дима решил, что после окончания школы будет поступать в вуз. Уверенность ему придавали победы в школьных физико-математических олимпиадах, проводимых в городе, и ещё учёба на подготовительных курсах при МФТИ. Любовь к чтению помогала усваивать массу информации, но при этом Дима не был классическим «ботаником». Он был молод, любил погонять на мотоцикле, послушать музыку, потренироваться в появившихся в то время «качалках». При этом Дима продолжал заниматься фигурным катанием на коньках и выполнил норматив «кандидат в мастера спорта».

Получив аттестат об окончании школы, Дима подал документы для сдачи экзаменов в МГУ и в МФТИ. Успешно сдав экзамены в оба института, он выбрал

МФТИ. Филиал этого института — ФАЛТ — работал в его родном городе и готовил научных специалистов для авиационных НИИ. Стать студентом МФТИ значило сделать первый шаг на пути в науку. Выпускники ФАЛТа в советское время всегда ценились за уровень их подготовки, потому что из стен института выходили молодые учёные. Шесть лет учёбы прошли быстро, но когда Дима получил диплом, в стране произошли перемены, резко поменявшие его жизнь. Государству уже было не до науки. В стране полным ходом шла «перестройка», и надо было выбирать: надеяться на помощь государства или, опираясь на свои силы, самому создавать своё будущее. Дима выбрал последнее. Он стал работать в руководстве небольшой строительной компании, созданной его друзьями-однокурсниками по институту.

Работать и вновь учиться приходилось много. Новая профессия, общение с незнакомыми людьми, управление починёнными требовали новых знаний. Дима постепенно познавал новый мир, мир бизнеса. В 1994 году Дима женился, и уже через год в молодой семье Димы и Оксаны родилась прелестная дочка Настенька. Жизнь молодых входила в новое русло. Впереди были семь лет счастливой жизни с её заботами о маленькой дочке, семейными радостями и надеждами на ещё лучшее будущее. Они мечтали о новой квартире, где может появиться ещё один малыш. Это не были просто мечтания, Дима вскоре перешёл работать в компанию по производству пластиковых окон «Новые окна Аттик», где стал заниматься финансовыми вопросами фирмы. Проработав на этой фирме чуть более трёх лет, он стал одним из её директоров. На работе для всех он был Дмитрий Николаевич, но величали его по отчеству не за его положение, а за личные качества. Генеральный директор фирмы Александр Оноприенко, выразив мнение сотрудников, сказал о Диме:

«В нём всё было сбалансировано, он никогда не впадал в состояние уныния и поражал всех своим позитивным началом. В общении с друзьями Дима вносил всегда хороший настрой, оживление, интерес, весёлый темперамент. Дима был потрясающим человеком, рядом с которым хотелось жить. Добрый, весёлый, жизнерадостный и никогда — злой. Дима, к тебе всегда тянулись, потому что в тебе есть стержень, который вовлекает других людей в счастливую орбиту твоей жизни. Ты умел дарить кусочек счастья тем, кто был рядом с тобой. Ты замечательный коллега, товарищ по работе, руководитель. Делая огромный вклад в наше общее дело, болея за него всей душой, ты помогал всем, учил нас и подавал пример, поддерживая в трудные минуты. Ты умел любить и быть любимым. Безумно жаль, когда осколки зла попадают в лучших из нас. Человек жив, пока жива память о нём. Ты будешь жить долго, тебя просто невозможно забыть».

Эти слова были произнесены в скорбные минуты прощания с Димой. 23 октября 2002 года Дима с женой Оксаной поехали в Москву посмотреть мюзикл «Норд-Ост», оставив дочку у его родителей. Вечером в антракте Дима позвонил маме, с восторгом рассказал об увиденном, предложил купить родителям билеты на спектакль и предупредил, что домой вернутся поздно. А через несколько минут по телевизору прошло экстренное сообщение о захвате заложников на Дубровке. В первый момент Лавровы-старшие, услышав это сообщение, надеялись, что оно никак не связано с их детьми. Но когда позвонила Оксана, страшное стало реальностью. Время остановилось, потянулись часы ожидания. Дима с Оксаной

сидели в 14 ряду, затем террористы согнали их в центр зала рядом с 50-ти килограммовой бомбой. Ребята держались стойко, никаких истерик, периодически посылали SMS-ки, в которых сообщали, что всё будет хорошо, чтобы родители не волновались. Затем связь оборвалась. Что происходило в зале, и что им пришлось испытать, осталось секретом, так как достоверная информация родственникам заложников от властей не доводилась. Неизвестным осталось и время, когда при штурме театрального центра в зал пустили газ. По рассказам Оксаны, газ они увидеть успели, но в следующее мгновение сначала Дима, затем она потеряли сознание. Оксана очнулась в 13 больнице, а о Диме никто ничего не знал. Два дня, пока не вывесили списки всех спасённых, у родителей жила надежда, что Дима жив. Друзья Димы сутки скрывали от них и Оксаны трагическую весть.

26 октября в 7 часов 20 минут экипаж скорой помощи принял молодого человека без признаков жизни у театрального центра и после констатации смерти передал его в Люблинский морг. По паспорту и водительским правам, обнаруженным в кармане пиджака, установили, что это Лавров Дмитрий Николаевич.

Жизнь Димы оборвалась в самом её расцвете — он прожил 31 год 6 месяцев 1 день. Похоронен на кладбище г. Жуковского в д. Островцы.

Родители

ЛАВРОВА ИРИНА

Возраст — 21 год; Россия, г. Москва.

Родилась 28 июня 1981 года в г. Москве.

В 1998 году окончила школу с отличием. Через год поступила во 2-й Медицинский институт (РГМУ). Когда всё случилось, она училась на четвёртом курсе. Из неё должен был получиться врач от бога — настолько Ирина была предана выбранной профессии. Когда мы её называли «наш доктор», она говорила: «Я ещё не доктор, а только докторёнок». Мне всегда было очень легко с ней. И в трудные для нашей семьи дни она была мне опорой, несмотря на свои 16 лет.

Когда по телевизору передали это страшное сообщение, я даже не могла подумать, что с ней может случиться что-то плохое. Она была там с друзьями и с любимым человеком, с которым в скором будущем собиралась соединить свою жизнь. Он оберегал её, как мог, и потом винил себя, что не смог спасти её. Три дня поисков завершились в морге. Я плохо помню, что происходило дальше. Помню только, что на похороны пришло очень много народу. Там были и однокурсники, и одноклассники. И здесь я увидела, скольким людям Ира была безразлична. Все её очень любили, доверяли свои секреты и переживания, и для каждого она могла найти нужное слово. Существует теория, что люди, покинувшие этот мир, переселяются в параллельный, где осуществляются все их желания, которые не осуществились здесь.

И мне очень хочется в это верить. Очень хочется, чтобы в том, другом мире, она была счастлива и совершила всё то, что не успела здесь. Всё доброе и светлое, какой и была её душа.

Алла Лаврова, мама

Ира была удивительным человеком, интересным, увлечённым и очень хорошим другом. Она всегда знала, чего хочет, имела чёткие принципы и никогда от них не отступала. К примеру, она хотела быть хорошим, даже, наверное, не просто хорошим, а лучшим врачом, насколько это возможно. И терпеливо, упрямо шла к этой цели. Она хотела иметь хорошую семью, и сразу, с первой встречи, разглядела того самого человека, с которым могла быть счастлива. «Я умею выбирать друзей раз и на всю жизнь», — она и правда умела как-то с одного только взгляда узнать близкого по духу и взглядам человека, единомышленника. Она была преданным другом. С первого дня нашего знакомства она взяла надо мной «шефство», может быть, потому что была чуть старше, а скорее, потому что всегда пыталась заботиться обо всех. О своих родных она всегда отзывалась очень тепло, оберегала свою маму, для которой осталась единственной опорой, задумывалась о будущем младшей сестры и здоровье бабушки. И я думаю, со временем она бы стала главой семьи, позволив маме заниматься только собой. Иногда она ошибалась, но всегда оставалась человеком любящим и любимым.

Наташа Шуйкова, подруга

ЛЕТЯГО АЛЕКСАНДРА

Возраст — 13 лет; Казахстан, г. Караганда.

Счастье — понятие философское, и в каждой семье СЧАСТЬЕ своё. Счастьем в нашей семье была САШЕНЬКА.

Саша родилась 16 июля 1989 года в городе Караганде в Казахстане.

Мы все с нетерпением ждали её рождения. Нас наполняло чувство радости и гордости, которое приходит с рождением нового человека на Земле. В нашей семье началось новое время, время роста и взросления Сашеньки.

Мы радовались её первому зубику, первому шагу, первому слову. Нас охватило чувство гордости, когда

Саша в свои три года выучила алфавит и прочитала первые слова.

С раннего возраста это был очень жизнелюбивый и жизнерадостный ребёнок. Ей всё было интересно. Сначала она любила, чтобы ей бесконечно читали книги, а потом сама стала много читать. Особенно она любила читать книги по истории и о путешествиях. Саша могла с вдохновением рассказывать о странах и городах, о музеях, ей нравилась музыка, театр, живопись. Было очень интересно с ней обсуждать её новые познания. Через призму Сашиного

восприятия всё вроде бы известное становилось таким ярким, таким незабываемым, таким новым. Мы наслаждались жизнью рядом с ней.

Она сочиняла рассказы, писала стихи, придумывала игры. И ещё её страстью был компьютер.

С виду хрупкая, нежная девочка, она просто обожала кататься на велосипеде, роликовых коньках и на скейтборде. На велосипеде со взрослыми она объездила окрестности города. Она всех увлекала своей любовью к природе, ей очень нравилось ездить на дачу. И, конечно, у неё была удивительная любовь к животным, особенно она любила кошек, собак и лошадей.

Но самая удивительная любовь у Саши была к людям. В свои 13 лет она была уже сильной сложившейся личностью, которая не была равнодушной и умела нести ответственность не только за себя. Из интервью одноклассников: «У Саши было много друзей, и она ни с кем никогда не ссорилась. Мы называли её «адвокатом». Для решения конфликтов не только в нашем классе, но и в других классах, пользовались её советом и даже решением. Она умела правильно разрешить любую проблему. За это её очень уважали в школе».

И, конечно, нельзя не сказать о её любви к родителям и близким. Она всех любила как-то особенно — так нежно, и при этом очень, очень сильно. Она была нам всем и ребёнком, и другом. Всем находила тёплое слово и очень хотела заботиться о нас всех в нашей старости. Мы были очень счастливы с ней.

Теперь нас лишили счастья. У нас отняли нашу Сашу. Теперь у нас осталась боль утраты и ПАМЯТЬ об этой удивительно светлой тринадцатилетней девочке.

Кто ответит за это??

А никто и не хочет отвечать!

Роза Иценко, тётя

Начинала несколько раз писать о Саше, но никак не получалось. Начинаю вспоминать — наворачиваются слёзы...

Вспоминаю, как Роза приехала к нам домой с Сашенькой. Почему-то Саша не хотела фотографироваться, зато нас фоткала с удовольствием. Пока мы возились на кухне, она вволю наигралась с животными, качалась на качелях. Она всегда была беспроblemным ребёнком, не требовала особого внимания, умела сама найти занятие по душе. Оба Коли любили с нею повозиться, показать приёмчики борьбы, просто поболтать. Кота Кузю она затаскала до его умопомрачения, а собака Джерри позволяла делать с ней всё, что угодно, чем Сашуня и воспользовалась. Мы посадили Джерри на цепь, боялись за ребёнка, но, как оказалось, совершенно напрасно. Саша на собаке и сидела, и лежала, а Джери всё это терпела и даже не уронила её цепью (как неоднократно поступала со мной).

Саша часто стоит у меня перед глазами. Особенно тот случай, когда мы приехали к вам домой, чтобы забрать всякие банки-склянки в подвал. Тогда у вас уже была кошка Дашка, которая с удовольствием прыгала по приготовленным мешкам, а Саша висела на перекладине в дверях. Коля над ней подшучивал — какая она белокожая, голубоглазая, длинноволосая. Спрашивал, дружит с мальчиками или нет. А когда в 2002 году Саша постриглась,

мы все сокрушались, зачем она отрезала такие красивые длинные волосы. Потом пришли к мнению, что и так вроде ничего, но раньше было лучше.

А как боялись за Сашу, что она простудится, и не пошли в аквапарк? Это было 29 августа 2002 года, как раз перед школой. В тот день мы пошли в «Алладин» — Роза с Сашей и я с крестницей Юлькой. Мы по секрету от Юлиной мамы устроили «праздник живота». Получилось здорово — и девчонкам было интересно, и мы посидели хорошо. А уж чего только они ни пробовали! И салатки, и жареную картошку, и тортики, и напитки...

Юлька очень сильно плакала, когда узнала, что Сашеньки больше нет...

Я часто задумываюсь, что было бы, если... Наверное, лучше не думать.

Галина, подруга мамы

Мы сидели с Сашей за одной партой. И в школу ходили одной дорогой. Она была очень жизнерадостной и весёлой девчонкой. Когда я только пришла в новую школу, она одна из первых приняла меня в своё окружение, помогала мне влиться в коллектив. Она была скромной девочкой с огромной душой. Она была моей первой подругой в новой школе. Она была великолепным человеком, всегда помогала другим. Она навсегда останется в моей памяти светлой и весёлой.

Алданыш Мамалинова, одноклассница

ЛИТВИНОВЫ БОРИС И ГАЛИНА

Возраст — 55 лет и 47 лет; Россия, г. Орехово-Зуево.

Боричка — это ангел во плоти! Человек необыкновенной душевной и физической красоты. Очень редко бывает, чтобы в человеке сочеталось такое огромное количество положительных качеств. Он мог сделать ВСЁ! Единственным помощником и вдохновителем во всех делах и замыслах всегда была Галя. Боря сам, своими руками построил большой двухэтажный дом. У Бори

были золотые руки. А какие ремонты он сделал нам (подругам)! Можно много и бесконечно говорить об их семье! Как они любили гостей! Какие столы накрывала Галя по поводу всяких семейных торжеств, и даже когда просто забежали на минуточку, а получалось надолго.

София Славутская, сотрудница

ЛИТВИНОВ КОНСТАНТИН

Возраст — 50 лет; Россия, г. Москва.

Митинское кладбище оказалось первым в числе погостов, которые примут в свою землю многочисленных жертв террористического акта. Вчера [29.10.2002] здесь состоялись похороны Константина Литвинова — полковника, командира одной из воинских частей в Москве. Человек, который всю жизнь отдал армии, погиб на необъявленной войне в центре столицы.

— Это был настоящий полковник: умный, мужественный, деловой, заботливый и одновременно требовательный командир,— говорят о нём сослуживцы,— очень любил спорт и музыку. В тот злополучный вечер пошёл

на мюзикл с несколькими своими товарищами. Те вроде как живы, а его вынесли из ДК уже без пульса.

Первые похороны выглядели весьма торжественно. Несколько автобусов с провожающими в последний путь родными и товарищами, вереница легковых автомобилей, почётный караул, военный оркестр. Перед гробом несли подушечки с медалями покойного, а после того, как гроб опустили в землю, прогремел троекратный салют.

Литвинова провожали в последний путь жена Вера Андреевна и двое уже взрослых сыновей, Максим и Денис. Все они держались очень мужественно — не плакали и не кричали. Жена, похоже, до последнего не могла осознать, что мужа уже нет в живых. Всё время похорон она лишь нервно перебирала пальцами сцепленных рук и расплакалась лишь когда пришло время прощального поцелуя.

— Все эти дни, пока террористы удерживали людей в ДК, от Константина не было никаких известий,— рассказывает близкий друг семьи Литвиновых Нина. — Как оказалось, он в тот вечер оставил свой мобильный телефон на работе. Мы все сходили с ума от волнения, разыскивали, как могли — обзвонили все упомянутые для родственников заложников номера телефонов, обошли больницы и морги. Наконец, младший сын Денис позвонил в 29-ю больницу и поехал в расположенный на её территории 6-й морг. Там, среди компьютерных портретов неопознанных тел, которые ему продемонстрировали, он узнал отца. Лишь после этого ему для окончательного опознания вывезли тело.

В медицинском свидетельстве, выданном семье Литвиновых, значится: «причина смерти не установлена». Вскрытие было сделано по всем правилам, но заключение судебно-медицинской экспертизы членам семьи до сих пор неизвестно.

Литвиновы уже лет восемь живут в Митино, поэтому для похорон и выбрали ближайшее к дому место захоронения. Как сообщили «МК» в администрации кладбища, заявка на подготовку могилы поступила к ним лишь накануне вечером, однако сотрудники погоста сработали оперативно — уже к полудню на престижном участке, прямо возле входа, была выкопана могила, её обложили свежими еловыми ветками и выстлали красно-чёрной траурной тканью.

Все расходы взял на себя город.

Заготовили также временную беломраморную мемориальную доску, на которой указаны фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти. Оказалось, что Литвинову в нынешнем июле исполнилось пятьдесят лет.

«Московский комсомолец», 2002 год

МАГЕРЛАМОВ ОЛЕГ

Возраст — 36 лет; Россия, г. Краснодар.

Окончил Кубанский медицинский институт. Кандидат медицинских наук. Работал ординатором отделения эндоскопической гинекологии горбольницы № 2 Краснодара. Талантливый хирург, блестящий специалист в области эндоскопической гинекологии, подаривший здоровье тысячам женщин Кубани.

Награждён Орденом мужества посмертно.

Олег (или как все старшие называли его Олежек) рос в семье единственным ребёнком. Сестра Саша родилась уже в 1987 году, когда он учился на 3-м курсе медицинского института. И хотя в этом черноволосом мальчишке все души не чаяли, он вовсе не вырос избалованным. Напротив, ещё в детстве очень чётко определились такие черты его характера, как открытость, доброта, неконфликтность.

Учёба в школе давалась ему легко, как и всё в жизни. Так казалось всегда. Таким уж он был, что о трудностях не любил рассказывать, не любил жаловаться. Зато если что-то получалось, то обязательно делился радостью со всеми, очень талантливо и красочно описывая события. Возможно, поэтому и слыл всегда счастливчиком и везунчиком. Но везенье это приходилось зарабатывать. Олег не был зубрилкой, но обладал удивительной способностью концентрировать усилия и внимание. За несколько дней до экзамена прекращались все друзья, прогулки, увлечения. Оставался только секретер и запертая комната. Эдакое самозаточение, когда усваивалась вся необходимая информация. Экзамены сдавались отлично, и ничто, и никто не мог больше мешать наслаждаться жизнью.

Учёба в школе давалась ему легко, как и всё в жизни. Так казалось всегда. Таким уж он был, что о трудностях не любил рассказывать, не любил жаловаться. Зато если что-то получалось, то обязательно делился радостью со всеми, очень талантливо и красочно описывая события. Возможно, поэтому и слыл всегда счастливчиком и везунчиком. Но везенье это приходилось зарабатывать. Олег не был зубрилкой, но обладал удивительной способностью концентрировать усилия и внимание. За несколько дней до экзамена прекращались все друзья, прогулки, увлечения. Оставался только секретер и запертая комната. Эдакое самозаточение, когда усваивалась вся необходимая информация. Экзамены сдавались отлично, и ничто, и никто не мог больше мешать наслаждаться жизнью.

А жизнь ведь была так прекрасна! В ней так много увлекало. Были и рок-музыка, и восточные единоборства, и гандбол, и чтение книг. Всё, что ему нравилось, было самым лучшим, самым потрясающим, самым восхитительным. Его увлечённость была страшно заразной. Рядом с ним всегда было интересно и необычно. Поэтому и друзей рядом с ним было всегда очень много: и дома, и в школе, и в деревне у бабушки, и потом в институте, и вообще в жизни. Ему совсем не нужно было завоевывать лидерство в компании, просто без него в компании становилось неинтересно и скучно.

Друзья его любили, да и продолжают любить до сих пор. У меня создаётся впечатление, что основной его потребностью было желание делить радость с близкими людьми. Придя в гости к Магерламовым, почти всегда можно

было встретить кого-нибудь из друзей. Ведь их было очень много. С удивительной лёгкостью Олег завоёвывал сердца людей, и они становились его друзьями на долгие годы. А ведь ещё он дарил и саму жизнь. И не только двум своим детям — Даше и Олежке, которые так похожи на него: Даша — добротой и неконфликтностью, Олежек — внешностью и быстротой ума. Олег помогал женщинам, страдающим бесплодием, получить от Господа самый большой на свете подарок — стать мамой. Он избрал своей профессией гинекологию и был просто прекрасным врачом и великолепным хирургом. Именно глядя на своего дядю, я решил стать врачом.

Ещё студентом мединститута меня очень впечатлила методика эндохирургических оперативных вмешательств в исполнении Олега. Это было действительно впечатляюще и красиво, и даже в некоторой степени легко. Насколько это «легко», и сколько таланта и работы стоит за этой лёгкостью, я понял только тогда, когда сам стал оперировать. А у Олега всегда всё было легко и красиво. Его пациентки души в нём не чаяли. Да и как можно не влюбиться в высокого черноволосого красавца-доктора, который всех своих «девочек, красавиц, курочек и т. п.» окружал заботой, вниманием, всегда излучал позитивный настрой и внушал уверенность в избавлении от болезни.

Оперировал он много. Операции бывали изматывающими не только физически, но и морально. Однако Олег всегда был бодр, остроумен, внимателен. Он был способен (лично я считаю эту способность просто уникальной) всегда замечать у коллег (безусловно, женщин) изменения причёски и фигуры, новые украшения и вещи, высказываться по этому поводу: если нравилось — восхищённо, если нет — очень весело и совсем не обидно. До сих пор (а прошло уже почти пять лет) весь коллектив очень скучает по Олегу, его фотографии висят и в дежурке, и в ординаторской, и на посту медицинской сестры. Возле этих фотографий часто, а в день его смерти — всегда, стоят живые цветы.

Олег прожил короткую, но яркую и полноценную жизнь. Какой-то знаковый смысл теперь имеет его кипучая жизненная энергия, его деятельная натура, его широта интересов и увлечённость. Он как будто бы боялся не успеть, не доделать что-то важное... Однако успел он много. Олег вернул здоровье многим больным, внёс свой вклад в развитие медицинской науки, защитив кандидатскую диссертацию, даже находясь в зале «Норд-Оста», он продолжал, как и чем мог, помогать заложникам, за что и был награждён Орденом Мужества посмертно.

В тяжёлые дни «Норд-Оста» дом был полон людей. И хотя все страшно волновались и переживали, держались бодро, успокаивая жену Олега — Инну. Почему-то все не просто надеялись, а были твёрдо уверены, что он выживет, что с ним ничего не случится. Это ужасно, но первую новость из достоверных источников после штурма мы получили не просто обнадеживающую, а недвусмысленно радостную — Олежек жив и находится в больнице. Все просто ликовали. Инна и ещё два близких друга Олега тут же вылетели в Москву. Начались поиски. Олега не было ни в одной, ни в другой, ни в третьей больнице... Потом один за другим были морги, в одном из которых его и нашли. Невыносимо тяжёлое испытание для хрупкой и по-детски беззащитной Инночки, больного отца, всех родных и друзей. Ведь мы его уже обрели... Каждый думал о том, как он обнимет Олежека, что скажет ему, чья шутка будет самой смешной и удачной. А все бы

обязательно смеялись и, любя, подначивали его, потому что он так любил хорошую шутку и сам обладал великолепным чувством юмора. А может быть, после всего пережитого ему было бы не до улыбок... Теперь нам всем этого не узнать.

Теперь остались только воспоминания. У каждого свои. У каждого своя частица тепла и света, которыми Олег так щедро одарил при жизни.

Всем друзьям, а особенно родным, очень не хватает Олега. Мне казалось, что год от года будет легче, но боль остаётся. Успокаивает только вера в то, что мы всё равно встретимся, а ради встречи с таким любимым нами человеком как Олег можно немного и потерпеть.

Алексей Жуйко, племянник

В 1994 году я лечилась у Олега Аламдаровича. Мне было 19 лет. Олег Аламдарович из Тимашевска, поэтому все, кто знал его или его отца, всегда обращались к нему за помощью. Моя мама не оказалась исключением. Вы знаете, говорят «Врач от бога» — это про Олега Аламдаровича. Все, кто лежал в его палате, его просто обожали. Всегда с улыбкой, весёлый, энергичный. Всем всё объяснит, успокоит. А сколько женщин стали благодаря ему матерями — не пересчитать!

В 1996 году во время беременности я опять пришла к нему. Олег Аламдарович всегда был рад, когда кто-то из его пациенток вновь обращался к нему. Он сразу вспомнил мой диагноз. Сделал УЗИ, дал необходимые советы, и мы договорились, что недели за 2 до родов я к нему приду, но я не успела (договорились на субботу, а в четверг я родила). После этого я его не видела, слышала от других, что он по-прежнему работает.

Когда узнала, что среди заложников были врачи, помогавшие другим, сразу поняла, что это был он — по-другому он бы не смог.

Хочется узнать о последних часах его жизни.

Наталья З., г. Тимашевск

МАЛЕНКО НАТАЛЬЯ

Возраст — 20 лет; Россия, г. Москва.

Я познакомился с Наташей Маленко в бытность мою фотографом. Познакомился так, как я поступаю редко — в метро... Познакомился не из романтических соображений, а потому что она выглядела как идеальная модель. Не в том смысле, что была красива (а она была), а в том, что у неё было очень подходящее для фотографирования лицо. Потом оказалось, что она ещё и балерина — культура тела непередаваемо помогала нам в нашей работе.

Есть мнение, что красивые девушки, особенно блондинки, неумны. Я не думаю, что это так, тем более что Наташа была действительно умной, креативной девушкой с хорошей фантазией. Удивительно, что это в ней сочеталось с высокой работоспособностью,

ответственностью, и, что уж совсем фантастично, с хорошим, мягким и дружелюбным характером. Не могу припомнить, чтобы мы с ней ссорились по какому-нибудь поводу. Спорили — бывало (кстати, тоже показатель, с пустым человеком спорить было бы не о чем), но ни разу не конфликтовали ни по какому поводу.

Планы у Наташи были большие... К некоторым из них я относился скептически, но должен признать, что Наташа усердно добивалась поставленных целей. Мы планировали большой проект, мы хотели представить её Дэвиду Хэмилтону, она сама собиралась петь (у неё и голос был)... Все вы знаете, что помешало этим планам.

Я долго не мог поверить в смерть Наташи. Я понимаю, это звучит банально, но в реальности это именно так и выглядит. Всякий раз, когда возникала мысль, кого бы позвать на съёмку, вспоминалась Наташа. И только секундами позже я соображал, что её больше нет. Я постоянно порывался ей позвонить. Временами в мозгу мелькала мысль — а что-то Наташа давно не звонила... И затем — недоумение по поводу такой злой несправедливости судьбы.

Именно поэтому я не звонил её мамушке, хотя понимал, что она нуждается в поддержке. Ну не мог принять Наташину смерть...

Сейчас прошло время, но всё равно я вспоминаю Наташу очень часто. С ностальгией и благодарностью за то замечательное время, в которое мы работали вместе.

Александр Лебедев

Натуля! Самый родной и дорогой мой человек!

Когда ты была жива, я жила одной тобой, твоими радостями, успехами, печалью. Я и теперь живу тобой, точнее, воспоминаниями о тебе, потому что моя жизнь без тебя потеряла всякий смысл.

Ты для меня до сих пор самая красивая девочка, с кукольной фигуркой, не по годам умная и талантливая, всегда весёлая и жизнерадостная, душевная и общительная, выносливая и трудолюбивая. Передо мной и сейчас ты: то — поющая, то — играющая на гитаре, то — танцующая перед зеркалом...

Наташа любила балет и любила сцену, без них не представляла своей жизни. С 5 до 12 лет она занималась хореографией у заслуженной артистки Польской Народной Республики Васильевой Т. И., потом тренировалась в школе Дункан, занималась вокалом.

Круг интересов Наташи был широк: она занималась каратэ (имела жёлтый пояс), окончила трёхгодичные курсы английского языка. По окончании средней школы поступила в педагогический университет, выбрав специальность «коррекционная педагогика и специальная психология». Она планировала получить и 2-е высшее образование — экономическое.

Наташа всегда рассказывала мне о себе, о своих друзьях. Часто мы смеялись до слёз над её историями — так живо, весело и в лицах она их рассказывала. Теперь же из моих глаз ручьями льются слёзы. Я, наверное, и смеялась последний раз, когда она была жива...

Соседи называли её «принцессой», а учителя «светлой девочкой». Последний год своей жизни Наташенька училась на 4-м курсе и работала в группах «Русские» и «J.ей Power». Выступала с концертами на лучших сценах Москвы,

в том числе и в Кремле. В шоу-бизнесе Наташа была востребована. За короткий срок снялась в трёх клипах, вышел альбом с песнями группы «J.Жей Power» с её участием, и 2-й альбом «XXXL танцевальный» с её фотографиями на обложке. Всё это было до того трагического дня в «Норд-Осте»...

Наташа любила жизнь, спешила жить, хотела сделать очень многое. В одном из интервью журналистам на вопрос ведущего, какое самое большое желание у каждого участника группы, Наташа ответила: «Хочу жить долго и быть вечно молодой!» Но её жизнь неожиданно и трагически оборвалась. Она не успела выполнить свои грандиозные планы и на десятую часть...

Однажды Наташа сказала своему молодому человеку Диме: «Если я умру молодой, пусть меня похоронят в свадебном платье, как невесту Бога». Мы с мужем и Димой исполнили её волю...

После того, как Наташи не стало, её друзья и знакомые звонили нам в течение года и были шокированы, сопереживали нам, узнав, что случилось...

Натуля! Я очень по тебе тоскую, самое сильное моё желание — обнять и поцеловать тебя и не выпускать из своих объятий. Ты навсегда осталась для меня самой лучшей и любимой дочерью и подружкой!

Царство тебе небесное, моя самая ласковая и нежная, яркая и прекрасная, единственная моя доченька!

Твоя мамулька (так ты меня называла) Маленко Валентина Николаевна.

26-е октября 2002 года впечаталось в память навсегда. Точнее, все эти дни с 23 по 26. В универе у нас была большая группа, нас объединили и получилось 50 человек. 2002 год, мы студенты 4-го курса, у каждого уже своя жизнь, заботы, у кого-то дети.

С нами училась очень яркая, весёлая и открытая девушка — Наталья Маленко. Когда мы поступали, сидели на экзамене вместе, подружились. Её очень интересовала жизнь, в таком понятии как ЖИЗНЬ. К 4-му курсу она уже начала работать, что совсем не мешало её успешной учёбе.

Я помню, как она пришла счастливая 23-го и сказала: «Вот наконец-то у меня получится сходить на «Норд-Ост»! Я так хотела!» Мы порадовались. Мы не верили в то, что произошло — ни в этот день, ни на следующий. Тогда думали, вот придёт Наташка, расскажет, что там было...

Наташка не пришла. Она погибла после штурма. Неделю провела в реанимации, пришла в себя на пару часов, успела улыбнуться маме и ушла... Врачи говорили тогда что-то о том, что она аллергик...

А дальше — её пожилым родителям не на что было хоронить свою единственную, любимую дочь. Тогда мы все вместе собрали необходимую сумму и похоронили её. Это, пожалуй, единственный раз, когда мы собрались все вместе вне стен универа.

Помню, как на кладбище жались друг к другу, как овцы... в каком-то шоке. В глазах у всех было написано большими буквами «ЭТОГО НЕ МОГЛО С НЕЙ СЛУЧИТЬСЯ».

Помню, как за несколько дней до нашей последней встречи она меня расспрашивала о ребёнке. О том, как у меня получается совмещать учёбу с воспитанием дочери. Вообще о многом тогда говорили. А она в конце разговора так

тихо сказала: «Знаешь, а мне кажется, что я никогда не выйду замуж, и у меня никогда не будет детей»... Врезалось в память.

Ей было всего 20 лет. Удивительной яркости был человек. Такие люди живут с девизом «Спешите жить»...

До сих пор мне кажется, что просто мы закончили учёбу и разбежались каждый по своим делам, и что она живёт где-то на юге Москвы, так же ярко... просто у всех дела. Помню. Думаю, она присматривает там за нами с какой-нибудь звезды. И обязательно улыбается, да...

Александра, однокурсница

Наташа была удивительной... Такие люди никогда не забываются, даже если они просто промелькнули в нашей жизни.

На неё было можно было просто смотреть издали, наблюдать, не отрываясь. Там, где была она, все глаза были направлены на неё. Я училась с ней в одной группе, мы не были близкими подругами, просто общались, но примерно за год до трагедии подружились. Много разговаривали. Помню, как вместе ездили в какой-то продюсерский центр на прослушивание, она меня попросила вместе съездить, за компанию. Знаю, что там проходит череда девочек, изо дня в день, но своей песней, даже куплетом (так как сразу было понятно, что голос есть), искромётным танцем она зацепила продюсеров, и они пригласили её для дальнейшего сотрудничества.

Ещё яркое воспоминание — Наташа играет на гитаре, поёт, кажется, Земфиру, сидя на коридорной университетской батарее... Мы с девчонками, человек 15, её тихо слушаем...

Тот день помню отчётливо... Сижу, жду начала занятий... Влетает в коридор Наташа, как всегда в хорошем настроении, с улыбкой. Начинает рассказывать, что идёт с приятелями на мюзикл. Приглашает меня. «Пойдём, будет интересно». «Нет, — говорю, — не люблю мюзиклы». Это был наш последний разговор...

Когда я узнала, что случилось, до последнего молилась о Наташе, чтобы она выкарабкалась. В последнее время она сидела на диете, и, видимо, из-за этого ослабленный организм не смог бороться за жизнь...

Жуткие воспоминания с похорон... Огромное количество молодых девушек, парней, рыдающих вокруг гроба молоденькой красавицы в белом платье... Море цветов... Это страшно.

К сожалению, у меня нет Наташиных фотографий. Довольно много фото университетских времен, но ни одной с Наташей нет. Осталась лишь обложка её кассеты как напоминание о красоте, таланте, характере и том, чего бы могла достичь эта девушка, не случись бы всего этого...

Ольга, однокурсница

С Наташей я познакомилась ещё в школьные годы... Перешла в педагогический класс в октябре 98 года, где она училась с самого начала учебного года. Помню тот день, как попала в чужой класс, и она сразу же подошла и начала общаться. Потом вместе готовились к поступлению в вуз, ходили на курсы, волновались перед вступительными экзаменами! Она всегда была готова помочь и словом, и делом, была необыкновенно добрым и сердечным человечком!.. Кроме того,

безумно красивая, яркая, весёлая... До сих пор очень чётко вспоминаю её лицо, улыбку, смех... Она мне часто снится!..

У Наташки всегда было море поклонников, ухажёров, друзей... Вспоминаю, как мы стояли на крыльце нашего МПГУ на перемене, и к нам подошли совершенно незнакомые ребята, разговорились. Один из них не мог оторвать глаз от Наташи и потом сказал ей — ты безумно похожа на Шерон Стоун. Мы смеялись в ответ, Ш. Стоун была любимой актрисой Наташи...

Помню тот злосчастный день... Наташа пришла в университет с красивой укладкой, в белой кофте, такая светлая, весёлая... Помню, как на первом этаже она уходила, а я стояла и смотрела ей вслед. Ещё тогда подумала, почему я так долго смотрю на неё?.. Оказалось, что это был последний раз...

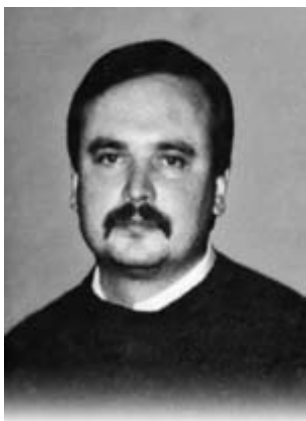
А дальше напряжённые три дня, которые они были в плену, и долгие дни ожиданий, когда она попала в больницу, что она выкарабкается и поправится... Но чуда не случилось...

Похороны, слёзы, боль... навсегда останутся в памяти!.. До сих пор не верится, что такое могло произойти с ней!..

Теперь хожу к ней на кладбище, комок к горлу, когда видишь, как молодая, красивая девчонка улыбается тебе с чёрного камня!..

Наташенька, мы до сих пор тебя очень любим и помним!!! Царство тебе небесное! Мы будем молиться за тебя...

Аня, одноклассница

МАРТЫНОВ ВИКТОР

Возраст — 39 лет; Россия, г. Москва.

Родился 1 ноября 1963 года. Младший сын в многодетной рабочей семье. Начал заниматься в музыкальной школе в родном городе, затем окончил Музыкальное училище при Московской консерватории и Московскую консерваторию (1989 год, класс В. В. Петрова). Работал в симфонических оркестрах под управлением Владимира Понькина, Вероники Дударовой, симфоническом оркестре Министерства обороны и других коллективах. Последний год работал только в «Норд-Осте» на должности первого кларнетиста.

Какой он был музыкант, наверное, могут лучше рассказать сами музыканты. Он сам говорил так: «Играем любую музыку в любом состоянии». Я могу только сказать, что он был прекрасный муж, замечательный отец. Сына нашего Никиту воспитал прекрасно. Жил ради семьи, помогал во всём, старался освободить от всего, что только можно — несмотря на то, что я не работала. Он мне дал возможность спокойно заниматься ребёнком, быть дома. Весёлый, обаятельный человек, душа компании. Обожал петь. Всё время подшучивал. Стоило ему появиться — начинались улыбки, веселье. Детей во дворе собирал вокруг себя, играл с ними в баскетбол, футбол. Как Никита

на улицу — они сразу к нему: «Никит, папа твой выйдет?»

24 сентября исполнилось 19 лет нашей совместной жизни. А у мальчика нашего 26 октября был день рождения. Так что умер он в день рождения сына, а похоронили его 1 ноября — в его собственный день рождения. Такое вот стечение обстоятельств.

О том, что происходит в «Норд-Осте», первой узнала наша ближайшая подруга Марина. Позвонила нам, но ничего не сказала, пыталась что-то выяснить какими-то намёками. «Папа звонил?» — а нам папа всегда звонил в антракте. «Звонил в половине девятого, сказал, что всё нормально». Ну, раз всё нормально, она подумала, что, наверное, что-то не так поняла. А потом Никите позвонил его друг. И уже около часа позвонил сам Виктор, сказал 2 слова сыну, мне сказал, что всё очень серьёзно, и что они просят не штурмовать... Но голос был спокойный, как всегда, — как будто хотел успокоить: ничего страшного, мы выберемся из этой ситуации. Потом позвонил в 12 дня. Тоже голос был спокойный. Сказал, что всё нормально, что они там поели, и что единственная просьба — чтобы не было штурма, потому что минируют всё — стены, стулья... И последний раз позвонил 25 октября в 5.22 утром. Сказал, что не может долго разговаривать, садятся батарейки, просил не волноваться. Голос уже был жуткий. Не волнуйтесь, всё в порядке — другого не мог сказать. Но по голосу было ясно, что ему там очень плохо. И всё. Можно себе представить, в каком состоянии был Никита. Он был готов лететь туда, бежать на этих террористов... Марина долго уговаривала не ехать, там стоит оцепление, в такой панике можно надеть всё что угодно, и папе будет спокойнее, если он будет звонить домой и знать, что мы дома.

Мне потом сказали, что он сидел прямо в центре зала перед этой огромной бомбой. Говорили, что он всех подбадривал, чтобы держались, сохраняли спокойствие. Зная его — по-другому быть и не могло...

После штурма мы надеялись до последнего. Даже не было мысли начать поиски в морге, боялись об этом говорить. До сих пор не верится — как будто уехал на гастроли, как он часто уезжал.

Очень многие музыканты его знали, они нам звонили — телефон не умолкал, спасибо им. Теперь это наша боль, и мы с ней будем жить очень долго.

Невозможно поверить, что такое страшное событие случилось у нас в Москве. У меня столько вопросов — и на них никто не может дать ответ! Почему всё это произошло?! Выносили его мёртвого или живого? Оказывали ему помощь или нет? От чего он умер? Мы этого не узнаем никогда!

Я просто не представляю, как мне жить теперь. Мы были за ним. Он работал и жил для нас. Делал всё, что только можно. Вот почему он только не пришёл? Остался там — и всё...

Надежда Мартынова, жена (из журнала «Филармоник» №4 2002 г.)

МЕДВЕДЕВ ВАДИМ

Возраст — 38 лет; Россия, ст. Болшево МО.

Вадик Медведев проучился с нами сравнительно недолго. В нашу школу он перешёл, когда мы были старшеклассниками. Но есть такие люди, которых всегда «очень много». Они как будто заполняют собой вакуум общения, могут пошутить, когда это нужно, приструнить, если кто-то разбушевался, сострить и разрядить ситуацию. Вадик был именно таким. Не поверите, но когда мы стали считать, а сколько же он проучился с нами, то сделать этого не смогли. Казалось, что это было всегда.

Его заразительный смех, его гитара, песни, его модные подтяжки. Вадик был «настоящим» в том смысле, что никогда не скрывал своих взглядов, симпатий и антипатий. Пока мы учились в школе, то никогда не задумывались, какой же дружный наш класс. Осознали это, когда учёба завершилась.

Как-то после школы мы на несколько дней поехали в Крым. Спонтанно собралось несколько одноклассников, купили билеты — и вперёд. Жить решили у знакомых, как «дикари». В те годы с продуктами было неважно, и чтобы не голодать, мы договорились, что каждый из нас утром будет ходить в магазин и покупать молочные продукты — молоко, кефир, сметану, ряженку. Именно этим в 80-е годы славился Крым — свежие молочные продукты в стеклянных баночках и бутылках, которые почему-то не продавались в Москве. Естественно, что «дежурить» никто не любил — ведь вместо того, чтобы лежать на пляже, нужно было часами стоять в очереди. Когда наступала пора заступать на «вахту» Вадика, то это напоминало настоящий спектакль.

Он появлялся на пляже, обвешанный сумками, с криками: «А вот молоко! Кому сметану?» Толпы отдыхающих устремлялись к нему, прихватив с собой кошельки, а мы бежали с ними наперегонки и, извинившись, говорили, что мальчик просто пошутил. Тем не менее, со стороны всё это выглядело очень забавно, хотя и повторялось многократно.

А ещё Вадик очень любил фотографироваться на фоне иномарок, собирал коллекцию «Я и...» В то время иностранные машины были относительной редкостью в Москве.

Любил он петь под гитару. И однажды в шутку предложил даже создать свой ансамбль — кто-то на пианино, он — на гитаре, барабанщика, мол, найдём...

Он обожал свою жену, своих детей. На всех наших встречах выпускников показывал семейные фотографии. Семья была предметом гордости. После «Норд-Оста» фотографии Вадика показывали друг другу мы. Не сговариваясь, принесли эти чёрно-белые снимки и молча рассматривали...

И всё же не верится, что его больше нет, потому что его смех, его голос в телефонной трубке с дежурным вопросом: «Ну что, когда собираемся?» до сих пор так ясно звучит. А пока люди помнят, то, верится, что жизнь продолжается...

Одноклассники

Мне довелось знать Вадима с 1 курса военного училища. Учились вместе с ним в одной учебной группе и строевом отделении. В 1986 году после окончания училища по распределению попали в военный научно-исследовательский институт. И надо так судьбе распорядиться, что опять оказались вместе: в одном отделе и лаборатории, и даже в одной комнате в общежитии. Даже пришлось поспособствовать его женитьбе.

Мы с ним совершенно разные: он эмоциональный, а я спокойный. Одним словом, огонь и лёд в одном флаконе. Естественно, получалось, что мы друг над другом подтрунивали. По его инициативе мы завели в комнате книгу жалоб и предложений, в которой любой желающий мог написать всё что угодно. Чаше там были наши записи. Если у кого-то из нас было плохое настроение, или был чем-то или кем-то недоволен, то делалась запись в книге с объяснением причин. Другой мог написать по этому поводу что-нибудь ободряющее, вставить «шпильку» или сделать какое-нибудь предложение. Это было достаточно интересно для психологической разгрузки. Об этой чудо-тетрадке ходили легенды среди наших друзей и знакомых.

Конечно, мы были большими детьми, и нам многое прощали. На службе Вадим всегда оставался душой компании, потому что мог спеть или рассказать что-нибудь интересное. Поэтому имел достаточно много друзей и приятелей.

Даже когда нужно было сдавать программы заказчику и приходилось ездить в ночные командировки (с 8 вечера до 8 утра), потратив 2,5 часа только на дорогу в один конец, он мог развеселить какой-нибудь шуткой. Например, запрограммировал на большой ЭВМ мультфильмы со стихами. И запускал периодически для поднятия настроения.

Был хорошим семьянином и отцом. Так как в 90-х годах офицерам стали платить значительно меньше, чем в советские времена, приходилось работать жёнам. Вадим старался к приезду жены вместе с детьми вести домашнее хозяйство. Научил сыновей быть самостоятельными, помогать маме. Сейчас это очень пригодилось, так как им приходится быть самостоятельными.

При каждой встрече с однокашниками мы всегда вспоминаем Вадима. Первый тост мы произносим за него.

Владимир Журавель, сокурсник

Когда точно они решили меня побить, я уже и не вспомню. Судя по тому, что это произошло в первом семестре первого курса, наши взгляды на мироустройство существенно отличались. Ну нет, конечно, и они, и я ни минуты не сомневались в том, что, например, человек произошёл от обезьяны, что рано или поздно все мы придём к победе коммунистического труда или в том, что учение Маркса всесильно просто лишь потому, что оно верно. Иначе все мы не учились бы в Харьковском Высшем Военном Командно-Инженерном училище ракетных войск в далёком 1981 году.

Вот только наши музыкальные пристрастия отличались настолько, что единственным способом выяснить, кто же всё-таки лучше — «Машина Времени» или Адриано Челентано, можно было лишь в честном поединке. Поскольку более любителей итальянской эстрады не нашлось, мне пришлось отстаивать

свои взгляды в гордом одиночестве. Правда, был среди нас один мне сочувствующий — Саша Метелев, но поскольку он твёрдостью музыкальных убеждений не отличался, да и в развернувшихся далее событиях прямого участия не принимал, то полководец армии моего противника Вадик Медведев решил, что побить следует лишь меня одного.

К тому времени Вадька располагал небольшой, но дисциплинированной и хорошо обученной армией, состоявшей из верного Димона Валеева, не по годам мудрого Витьки Масалова и примкнувшего к ним на правах временного союзника мечущегося в постоянном музыкальном поиске Шуры Ольховика. Временным Шура был потому, что, в общем-то, на ансамбль «Машина Времени» и певца Челентано ему было наплевать, но подраться хотелось, особенно в составе отряда, превосходящего противника по численности.

Неприменно следует добавить, что боевой дух Вадькиного войска, поднявшегося на защиту поруганной чести любимой группы, был весьма высок, и имей я сопоставимую армию, сражение могло бы произойти нешуточное. А не произойти оно просто не могло — уж больно глубоки были терзавшие нас противоречия, взошедшие на благодатной почве юношеского максимализма. Подумать только: я осмелился писать гадкие стишки и прозу, порочившие весь обожаемый Вадькой музыкальный коллектив в целом и каждого из его членов в отдельности. Разумеется, более всех доставалось заслуженному ныне бунтарю, кулинару и ныряльщику, но остальным тоже перепадало. Хотя, уверен, ни одна живая душа из состава «Машины Времени» той эпохи ни сном, ни духом не ведала о бурливших среди нас страстях. Как, впрочем, и далёкий А. Челентано, который, как мне теперь кажется, и не подозревал, что его творчество могло бы стать причиной конфликта военнослужащих Красной Армии в советском городе Харькове, местоположение которого он наверняка даже и не знал.

Итак, совет в Филях (вернее, в каптёрке) состоялся, день сражения был назначен, и принято решение предложить мне либо опровергнуть собственную ересь, либо отстаивать свою и Адрианину честь в честном поединке. С этим и явился посланный парламентом Витёк, беззлобным тоном сообщивший, что сейчас меня будут бить. Шура Ольховик наблюдал за моей реакцией, стоя чуть поодаль и теребя в руках несвежий носовой платок. Дать слабину и отказаться от перспективы быть побитым означало покрыть себя несмываемым позором на все пять лет предстоящей учёбы. И я уныло поплёлся за Витьком. Было, честно говоря, не по себе.

Увидев лица встретивших меня на ристалище Вадьки и Димона, я понял, что и они тоже ввиду своей добропорядочности не особенно рады перспективе противостояния вчетвером против одного, однако отпускать меня без хотя бы пары тумачков означало бы проявить несвойственное настоящим мужчинам малодушие. Повисла пауза. Кому-то определённо надо было начинать первым, но пятеро воспитанных мальчиков из хороших семей стояли друг напротив друга, не решаясь подраться.

Не помню, кто всё-таки начал первым и не знаю, чем могла бы закончиться битва, если бы не заставшие нас в самом её начале сокурсники, однако я всё-таки могу утверждать, что моё близкое знакомство с Вадькой

Медведевым состоялось именно в тот момент и было действительно довольно близким — пару ударов мы успели друг другу нанести. Теперь мне кажется, что не будь этого сражения — и неизвестно, сложились бы наши отношения в долгую дружбу или нет.

А ещё я помню, что за годы, прошедшие с того дня, мы успели переговорить обо всём, о чём только можно переговорить. И только двух тем, проявляя толерантность, не касались более: творчества «Машины Времени» и творчества Адриано Челентано.

Дмитрий Борисов, сокурсник и друг

МИЛОВИДОВА НИНА

Возраст — 14 лет; Россия, г. Москва.

Нина — наш первенец, опора и подруга матери. Общие интересы, общие вещи — их даже путали соседи. Когда родился брат Максим, стала для него второй мамой. Он так и называл их — маму «МА-МА», а Ниночку — «МА» ...

Ниночка училась в математическом классе хорошей московской школы, ходила в музыкальную школу. Вместе с хором она объездила всю Европу — хор детской школы искусств им. Мамонтова участвовал во многих конкурсах. Иной раз жаловалась, что и погулять некогда...

Ниночка никогда не была «оранжерейным цветком». Летом она ходила в походы — спускалась в пещеры и сплавлялась на байдарке по порогам, участвовала в туристических слётах. Зимой Нина каталась на горных лыжах и занималась плаванием. Она и в ТОТ ДЕНЬ на мюзикл пришла сразу после бассейна.

Наши дети росли самостоятельными, мы им доверяли. Когда мать лежала в больнице после ожога, в 9 лет на плечи Нины легло бремя маленькой хозяйки большого дома. Она не запустила учёбу, успевала по хозяйству, помогала младшей сестре. Поэтому, оставив девочек присматривать за двухлетним братом, мы с женой посмотрели мюзикл раньше. А 23 октября отправили дочерей посмотреть сказку о России — мюзикл «Норд-Ост». Накануне Нина дочитала книгу Каверина «Два капитана» и была готова пояснить сестре моменты истории, отражённые в спектакле.

На беду Ниночка рано повзрослела, выглядела старше своих 14 лет. После захвата, когда террористы приняли решение освободить детей, она вывела (и тем спасла) младшую сестру, но её саму террористы оставили в зале...

Нина не успела узнать, что у неё скоро будет ещё одна младшая сестра — Надежда. Сыну мы объяснили, что Ниночка, его «МА», работает звездочкой на небе. Он поверил — ведь она так часто по несколько дней отсутствовала дома: концерты, конкурсы, экскурсии вместе с классом... Нам кажется, что она где-то рядом, поддерживает нас.

Она ещё ничего не успела создать, совершить, полюбить — она лишь готовилась... Возможно, её дарования не нашли бы почву, не расцвели. Но в чём мы уверены — она могла стать **НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ** и **ХОРОШЕЙ МАМОЙ**.

Разве этого мало?

Ольга и Дмитрий Миловидовы, родители

МИТИН МАКСИМ

Возраст — 20 лет; Россия, г. Чебоксары.

Максим родился 9 февраля 1982 года в городе Чебоксары. Рос хорошо развитым и послушным мальчиком. Он никогда не плакал, даже не капризничал. В школе учился на «четыре» и «пять», неоднократно участвовал в олимпиадах по различным предметам, занимал призовые места, награждался грамотами и призами. После окончания 8 класса на конкурсной основе (25 человек на место) поступил в Республиканский чувашско-турецкий лицей. Учился с большим удовольствием, проявлял особый интерес к изучению языков.

Кроме того, Максим окончил музыкальную школу (фортепьяно и аккордеон), хорошо пел, участвовал в спектаклях, где был задействован в главных ролях, занимался в танцевальном ансамбле «Азамат». Он любил шахматы, увлекался спортом. В 14 лет Максим по методу П. Иванова начал ежедневно обливаться холодной водой.

После окончания лицея Максим подал документы сразу в три вуза: в Чувашский Госуниверситет — факультет иностранных языков, Академию ФСБ, Военный университет г. Москва. Во все университеты он был принят, но выбрал последний вуз, так как очень хотел изучать восточные языки.

Здесь ему не было равных, он намного опережал своих однокурсников. Преподаватель иностранных языков, владеющий 14 языками, говорил, что хотел уйти из университета, но, познакомившись с Максимом, остался. Он занимался с курсантом индивидуально, чтобы юноша не потерял интерес к учёбе. Таких одарённых учеников, по словам преподавателя, у него ещё не было. А преподаватель английского языка Военного университета называла его «инопланетянином». Её поражали и характер Максима (добрый, отзывчивый), и его разносторонние интересы, ведь он увлекался и книгами, и театром, и спортом. «В наше время такие молодые люди — большая редкость», — говорила преподаватель.

Круг интересов Максима был, действительно, необычайно широк. Он с большим удовольствием ходил в театры, музеи, посещал выставки автомобилей. Все марки машин и их характеристики он знал наизусть, как таблицу умножения. С 3 курса Максим стал заниматься переводами. Вёл дружескую переписку с девушками из Греции, Тринидад и Тобаго. Наверное, они до сих пор не знают, почему он перестал им писать.

В последний раз домой в Чебоксары Максим приехал на каникулы летом 2002 года. Родителям он показался физически возмужавшим. Молодой человек поделился тогда с близкими своими планами: сказал, что в следующий отпуск поедет в Грецию, а потом в другую страну. И так каждый год — очень хотел посмотреть мир. Максим очень спешил жить, как будто хотел всё успеть, объять необъятное. Максим ни разу никого не обидел, даже словом. Наоборот, он всем старался помочь. О таких говорят: «Светлый, открытый человек» — от него исходила только положительная энергия...

23 октября 2002 года Максим за успехи в учёбе был поощрён билетом на мюзикл «Норд-Ост» в Театральном центре на Дубровке. В начале второго акта произошёл захват заложников. Рядом с Максимом в соседнем кресле находилась Ксения Ломина. О его последних днях и часах жизни известно со слов этой женщины: «Максим вёл себя как настоящий мужчина. Держался спокойно, уверенно, проявил крепкую выдержку. Он поддерживал людей, сидевших рядом, не позволял им падать духом. Разгадывал кроссворды, продемонстрировал незаурядные знания. Рядом были дети. Чтобы получить еду и воду у боевиков, нужно было поднять руку и попросить. Дети боялись обращаться к захватчикам. Максим делал это для них. Я очень боялась, что боевики нас взорвут, и поделилась своими переживаниями с Максимом. На что он ответил: «Лишь бы инвалидом не остаться...» У меня был сотовый телефон, и я предложила Максиму позвонить домой, к родителям. Но он отказался — не хотел расстраивать».

Максим Митин мог уйти из зрительного зала, ведь боевики выпускали иностранцев и мусульман. Он, в совершенстве владеющий английским и турецким языками, мог представиться таковым. Но Максим остался, не хотел бросать людей, которые были с ним рядом в зрительном зале. За эти дни они сдружились, поддерживали друг друга, как могли. И, видимо, он решил, что уйти от своих товарищей по несчастью будет с его стороны предательством.

Вера Фомилина, из газеты «Чебоксарские новости»

МИТРОФАНОВ АЛЕКСЕЙ

Возраст — 29 лет; Россия, г. Москва.

Родился 02 декабря 1972 года в г. Москве. Родители: отец — доцент МАИ, к. т. н., мать — инженер-экономист. Второй ребёнок в семье.

Окончил Московский авиационный институт (МАИ), получил квалификацию инженера-механика по авиационным двигателям.

Вместе с женой Бессоновой Анной воспитывали двух детей: сына Павла (1998 г.р.) и дочь Татьяну (2002 г.р.).

Алексей рос разносторонним ребёнком. Уже с 8 лет параллельно с занятиями в школе он начал учиться музыке при Доме Культуры МАИ. По примеру отца

Алёша выбрал аккордеон. Через шесть лет он получил свидетельство

об окончании музыкальной школы. Освоив аккордеон, Лёша научился играть на гитаре.

С пятого класса к школьным и музыкальным занятиям добавилось увлечение спортом. Алёша начал заниматься в секции гандбола при спортивном клубе МАИ. Тренера привлекло не только его желание, настойчивость, физические данные, но и то, что Алёша был левша. Оказалось, это ценится в спорте.

Алёша с детства увлекался рыбалкой, овладел различными видами ловли, в том числе зимним.

В семье был автомобиль «Победа». Как все мальчишки, Лёша любил технику, и уже в 9 лет научился водить автомобиль. Это увлечение стало практически его второй профессией и привело в МАИ.

Как все «маёвцы», он интересовался всем, что связано с полётами. После института Алексей некоторое время летал на самолётах, проходивших лётные испытания в ЛИИ (лётно-испытательном институте) г. Жуковский. Полный восторг он испытал от полёта на самолёте ЯК-18АТ на аэродроме МАИ под Волоколамском. Алексей в совершенстве знал устройство автомашин. Друзья и знакомые высоко ценили его знания, поэтому часто приглашали в качестве «эксперта» — почти ни одна покупка машины не обходилась без его советов.

Алексей был немногословен, но с чувством юмора. Он был душой компании, умел и любил рассказывать байки и анекдоты.

В 1994 году он познакомился со своей будущей женой. Вскоре они поженились. По желанию Анны Алексей принял крещение, а чуть позже они обвенчались. Вскоре у них родился сын, а потом дочь.

Незадолго до трагедии отец Алексея со старшим внуком и его друзьями посмотрел мюзикл «Норд-Ост». Особое впечатление на них произвёл эпизод с появлением на сцене самолёта. Отец всем рассказывал о спектакле, и Алексея это заинтересовало. Возможно, этот интерес и привёл его, неактивного театрала, на спектакль в тот роковой день.

Жена потеряла мужа, осиротели дети. Родители-пенсионеры потеряли сына, а «страшнее нет беды на свете, чем хоронить своих детей».

Анатолий Алексеевич и Галина Ивановна Митрофановы, родители

МИХАЙЛОВ МАКСИМ

Возраст — 35 лет; Россия, г. Калининград.

В свои 35 лет Максим успел очень много. В Калининграде его знают как талантливого актёра, музыканта и радиожурналиста.

С раннего детства он играл в Литературном театре, которым вот уже 30 лет руководит его отец — Альберт Сергеевич Михайлов. Позже Максим писал стихи и песни для репертуара театра. Целое поколение калининградцев выросло на его радиoproграммах. В нашем городе он вообще был личностью заметной: вместе с друзьями

написал целый ряд песен. Например, гимн калининградской футбольной команды. В 98 году Максим Михайлов возглавил FM радиостанцию «Балтийская волна», где мы и познакомились (я работала журналистом службы информации).

В сентябре 2001 года у нас родился сын Максимка, названный в честь отца. Помню, как в роддоме кормила малыша, а по телевизору, в новостях, показывали страшные кадры разрушения нью-йоркских башен-близнецов. Как фильм-катастрофа... Тогда ещё подумала, в какой страшный мир пришёл мой маленький сынишка! Если бы знать тогда, что терроризм совсем скоро придёт и в наш дом.

В Москву мы приехали накануне, 22 октября: Максим — в командировку, а мы со старшим сыном — посмотреть столицу. Поездка была как раз накануне осенних каникул в школе. 23 октября мы целый день гуляли по Москве: посетили 2 музея, Красную площадь, Кремль. Билеты на мюзикл купили в метро. Времени до начала оставалось мало, поэтому успели отвезти сына в гостиницу, а сами поехали искать ДК. Последующие 3 дня я благодарю бога, что оставила сына в гостинице. Вечером, после захвата, сына из гостиницы забрали дальние родственники из Подмосковья.

2 дня и 3 ночи в зале «Норд-Оста» были самыми длинными в нашей жизни. Думали о детях, родителях и друзьях...

Штурма я не помню. Была частичная потеря памяти. О смерти мужа узнала в самолёте из газет по дороге домой... Родные хотели сообщить мне страшную весть в кругу семьи.

Прошло 2,5 года, но вопросов, почему и как это случилось с нами, от чего погиб мой муж, не становится меньше. Как и у всех заложников «Норд-Оста» в заключении о смерти — прочерк о её причине.

Последний год жизни Максима Михайлова был одним из самых удачных в его жизни. Осуществились две его заветные мечты: родился сын и вышла в эфир частная радиостанция, которую он возглавил. Но так много осталось незаконченным!

Алёна Михайлова, жена (www.nordostjustice.org)

«Мой главный недостаток — я чересчур справедливый», — сказал Максим Альбертович на первом собрании нашей радиостанции, сразу после назначения его генеральным директором. И этот «недостаток» на протяжении нескольких лет потом отпечатывался кожаным ремнём на заднице каждого, кому выпало счастье работать с НИМ.

Мы не были друзьями в прямом смысле этого слова, нас связывала работа. Но не на таком сухом уровне простых рабочих взаимоотношений, а скорее какое-то творческое духовное родство. Он был моим творческим наставником, который что-то там разглядел в 16-летнем мальчике и пытался это что-то развивать. Мне совсем не хочется писать что-то грустное и пафосное, утопать в слезах от воспоминаний и цитировать идиотские фразы типа «смерть вырвала из наших рядов». Потому что Макс Альбертович был бы первым, кто меня прибил бы за всё это. Просто скажу, что часть его осталась в каждом, кто с ним работал и общался. Даже иногда, громко реагируя на чью-то тупость ядрёным словом, я узнаю в себе именно его.

Сергей, коллега

МОЛОФЕЕВ АЛЕКСЕЙ

Возраст — 21 год; Россия, г. Воронеж.

26 октября 2002 года на 22-м году жизни трагически погиб лейтенант внутренней службы, слушатель нашего курса Молофеев Алексей Сергеевич, который стал ещё одной жертвой террористического акта в Театральном центре (шарикоподшипникового завода).

Молофеев Алексей Сергеевич родился в городе Воронеже. В 1998 году на «отлично» окончил общеобразовательную школу г. Воронежа. В 2001 году окончил Воронежское пожарно-техническое училище с отличием, где характеризовался только с положительной

стороны. В период обучения в ВПТУ Молофеев А. С. неоднократно поощрялся руководством училища за успехи в учёбе и активное участие в жизни училища. После окончания работал начальником караула ПЧ-22 ОПО-5 УГПС ГУВД Воронежской области.

Поступив в 2001 году в Академию ГПС, лейтенант внутренней службы Молофеев Алексей Сергеевич зарекомендовал себя только с положительной стороны. Успешно и своевременно справлялся с графиком учебного процесса, отлично сдавая экзамены и зачёты. За достижения наилучших результатов в учёбе и выполнение служебных обязанностей был награждён стипендией имени Максимчука В. М.

Совместно с однокурсниками безупречно нёс службу во внутренних нарядах по Академии, неоднократно участвовал в обеспечении охраны общественного порядка в городе Москве.

По характеру был скромнен, общителен, доброжелателен, инициативен. Умел прийти на помощь в любую минуту. Всегда был вежлив, тактичен, отзывчив, обязателен, пунктуален. Участвовал в жизни курса, был душой коллектива.

Коллектив факультета, однокурсники, друзья

Мы познакомились летом 1999 года на роликовой трассе, говорили о кризисе современного искусства, по-молодёжному трепались о спорте и роликах. Он непринуждённо, легко выстраивал разговор в манере интеллектуального юмора, совершенно не заносчиво и не наигранно, но со знанием дела. Помню, мне показалось, что он не «воронежский», уж очень он выделялся среди местных посредственностей...

Мы подружились и стали кататься в одной компании. Знаю, что многие скажут: «21 век — дружбы между парнем и девушкой не бывает», да я и сама так думала до встречи с ним... Теперь я с невероятной теплотой вспоминаю, как он выстроил наши отношения, так может только настоящий мужчина.

Лёшка всегда был необыкновенно опрятен, по-военному подтянут, эрудирован, про таких говорят «душа компании», мог поддержать любую тему. С Лёшкой всегда было чувство абсолютной безопасности, защищённости,

душевного и психологического комфорта. Сильный, ответственный, самостоятельный, целеустремлённый и при этом нежный, чуткий и заботливый... Рядом с ним мир казался не таким испорченным, было какое-то необъяснимое чувство умиротворённости, покоя и надежды на будущее, лучшее будущее... Находясь в компании с ним, меня часто посещала одна и та же мысль — «какая счастливая мать, имеющая такого сына..., как повезло девушке, которую он любит..., каким прекрасным мужем и отцом он будет...»

Он познакомил нас с моим будущим мужем. Сегодня у нас подрастает дочка, и, видит Бог, я не знаю, как буду объяснять ей, почему о настоящих мужчинах теперь можно только прочитать.

Юлия Силина, г. Воронеж

Алексей остаётся для меня и, думаю, для многих из тех, кто его знал, необыкновенно светлым и чистым человеком. Он обладал довольно редким по нынешним временам качеством — он умел быть Настоящим Другом. Его открытость и искренность, его отзывчивость и понимание очень располагали к общению с ним. Если у кого-то из его друзей случались трудности или неприятности, Алексей всегда оказывал со своей стороны посильную помощь. Было видно, что Лёшка умел ценить своих друзей и, действительно, дорожил ими.

Кроме того, Алексей запомнился мне как очень жизнерадостный человек. Он буквально заряжал своей жизнерадостностью, позитивом. Рядом с ним на самом деле казалось, что неразрешимых проблем нет, и даже самые большие сложности казались не такими уж и большими. Лёшка любил жизнь и старался сделать её лучше, чище, красивее, насыщеннее... И это проявлялось во всём — в его увлечениях спортом, в одежде, в отношениях с людьми, в учёбе. Ничто по-настоящему красивое и эстетичное не могло остаться им незамеченным.

Конечно, та гармония, которую Лёшка стремился привнести в жизнь, являлась отражением его богатого внутреннего мира. Несмотря на его молодой возраст, у него есть чему поучиться — целеустремлённости, требовательности к себе, высоким нравственным стандартам (как бы старомодно это ни звучало)... Те уроки, которые я вынес из общения с ним, до сих пор помогают мне ориентироваться в жизни. Спасибо тебе, Лёшка. Ты навсегда останешься с нами.

Алексей Демин, Воронеж.

До сих пор помню момент нашей с Лёшкой встречи — Лёшка с другом с охапкой рекламных листовок настойчиво мне внушали, что всё, что мне нужно для полного счастья — так это купить товар с листовок, при этом они оглушительно хохотали... Так я познакомилась с одним из самых ярких людей в моей жизни.

О нём можно было бы написать книгу «Повесть о настоящем человеке», потому что он прямо соответствовал этому званию.

Он был человеком замечательным во всех отношениях...

Это был человек, который всегда всего добивался. Сам поступил в институт в Москве, работал после учёбы, хотел открыть своё дело...

Я редко видела сыновей, которые бы так заботились о своих матерях, не на словах, а на деле — совершая сотню разных поступков, на которые многие не находят времени ...

Для своих друзей он был человек-солнышко, любимец нашей роллерной компании, в компании которого мы провели немало времени. Открытый, честный, сильный духом человек, он навсегда останется моим лучшим другом...

Галина Коваль, Воронеж

МОРЕВ ИГОРЬ

Возраст 39 лет; Россия, г. Москва.

Родился 22 августа 1963 года в Москве. На скрипке начал заниматься в ДМШ им. Дунаевского. Учился в Музыкальном училище им. Гнесиных (класс Русина). Работал в Ансамбле скрипачей Сибири, затем в Малом симфоническом оркестре под управлением Владимира Понькина, в ГАСО под управлением Евгения Светланова, в оркестре Музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко.

Игорь и его жена воспитывали троих детей: Ивану — восемнадцать, Варваре — шестнадцать, младшему Серёже — шесть лет.

Екатерина Соседова, жена Игоря, работала вместе с ним в оркестре «Норд-Оста». Вечером 23 октября они оказались заложниками вместе.

Сразу после окончания института Игорь пришёл в Ансамбль скрипачей Сибири. А я там уже работала. У меня было двое детей от первого брака, но так уж получилось — началась наша с ним совместная жизнь. Работа и семья — вот что, собственно говоря, в ней было. Единственное, что я могу сказать — я эти годы была очень счастлива. Игорь для меня был совершенно необыкновенный человек. Он жил только для семьи, очень всех нас любил. Старших детей растил как родных. Мы были счастливой парой.

В «Норд-Ост» нас пригласили знакомые. Мы работали с самого начала, но не в постоянном составе, а на заменах. И в этом сезоне радовались, что много работы. В тот вечер мы заменяли коллег — но в этом нет ничего особенного, мы весь сентябрь кого-то заменяли. Это судьба, ничего не поделаешь. Просто этот день был единственный в неделе, когда мы работали вместе.

Когда всё началось, мы позвонили детям, сообщили, что происходит. Они уже самостоятельные. Младший, конечно, ещё не всё понимает. Да и я не понимаю. В голове не укладывается, что была жизнь — и она кончилась. Мне всё кажется, такая глупость, что всё ещё вернётся на круги своя. Но, видимо, нет...

Когда дали газ, я спала, практически ничего не почувствовала. Я спала, Игорь меня разбудил, сказал, чтобы я намочила платок и дышала через платок. Я увидела, что он тоже дышит через платок, что он уснул. Почувствовала какой-то запах, поняла, что дали газ, подумала: «Слава Богу, что он спит!» Не было мысли даже, что он не проснётся. Я в себя пришла уже по дороге в автобусе. А многие у нас даже и не теряли сознание, они прекрасно

помнят, что там происходило в зале.

А для меня самое страшное — что я осталась, и неизвестно теперь, когда я встречу с Игорем. Жизнь долгая ещё... Я знаю прекрасно, что другого такого человека я не встречу. Его просто нет. Его учительница по английскому языку в училище называла «ископаемым»: перед ней сотни учеников прошли, а он один такой. Игорь был очень красивый человек. Готов был без конца всем помогать, это я его останавливала. Скрипач был замечательный. Он свою карьеру променял на семью.

Он всё время переживал — что сейчас происходит в стране. Голова у Игоря была блестящая, он что угодно мог бы сделать. Но вот любил он играть на скрипке! Музыка любил...

Мы держались, я считаю, героически. Выпили таблетки успокоительные, какие были. Пытались шутить, кроссворды решать. Ну, а что делать? Надо же было там как-то жить. Хотя прекрасно понимали, что добром это всё равно не кончится...

Екатерина Соседова, жена (из журнала «Филармоник» № 4 2002г)

Мой сын Игорь мне очень дорог, он моя гордость.

Я вырастила его одна, потому что с отцом Игоря мы разошлись, когда сынок был маленьким. Бабушки и дедушки не было — отец мой погиб на войне, а мама умерла вскоре после окончания войны.

Игорёк посещал вначале ясли, а позже детский сад. Я инженер-теплотехник, работала в проектном институте. С детства Игорёк был очень активным: любил заниматься механическим конструктором, лепить из пластилина, хорошо рисовал, играл в шашки, шахматы, устраивал дома кукольные представления, где был сам режиссёром, актёром-кукловодом, оформителем сцены, билетёром, а зрителем была я. Когда Игорьку исполнилось три года, мы стали ходить на концерты в Большой зал консерватории по абонементам, так как вечером с маленькими детьми пускали только в БЗК. Тогда же в игровой форме Игорёк стал учиться игре на пианино. Регулярно на 5–10 минут вечером садился на крутящийся стул за пианино и вначале играл мелодии, которые показывала ему я, а позже пьесы из учебника Николаевой. Выучив ноты, играли в две руки, позже и в четыре руки.

В детскую музыкальную школу имени Дунаевского на скрипичное отделение Игорёк поступил в шесть лет. Его учитель Геннадий Иванович Михалёв считал, что у Игорька есть все данные, чтобы стать хорошим скрипачом, и часто хвалил его.

В первый класс общеобразовательной школы Игорёк поступил в семь лет и учился параллельно в двух школах одинаково успешно. Учителя общеобразовательной школы отмечали его хорошие способности, особенно к биологии и математике, а ещё его добрый, мягкий характер, его активное участие во всех трудовых делах класса и школы. Дома Игорёк помогал по хозяйству, например, вместе клеили обои в комнате, по моей просьбе сделал для балкона тумбочку, антресоль смастерил в квартире и пр. Всегда очень радовался приобретениям, например, покупке

электропроигрывателя, приёмника, велосипеда, карниза и штор на окна.

Сын был послушным, меня радовал, я была счастлива. Летом Игорёк ездил в пионерский лагерь «Лесные дали». Это был его второй дом, который он любил. У него там были друзья, приятели, там он занимался в разных кружках: авиамodelьном, резьбе по дереву, инкрустации соломкой, участвовал в конкурсах самодеятельности и получал грамоты за активное участие в жизни и работе дружины лагеря. Зимние каникулы — в том же лагере.

В подростковом возрасте Игорёк увлёкся изучением природы фокусов, поэтому записался в центральные библиотеки и много читал по интересующей теме. Его даже пригласили в физико-математическую школу, которая готовила ребят к поступлению в физический институт. В это счастливое время мы ходили в походы по Подмоскoвью, ездили отдыхать в Прибалтику, на Чёрное море, на Азовское море. С Игорьком было мне легко, спокойно.

Сын очень ответственно и добросовестно относился к делу, которым занимался, к учёбе, и в результате обе школы окончил с отличием. Игорь сам выбрал музыкальное училище имени Гнесиных для продолжения музыкального образования. Учёба в музучилище была самым счастливым периодом жизни Игоря — так он сам говорил. В училище были замечательные педагоги — Кунаков Сергей Митрофанович, Карклина Виктория Романовна, которая, любя, называла его динозавриком, потому что таких хороших ребят она не встречала больше. Жизнь в училище была творческая. Помимо учебной программы ставили спектакли на английском языке, выступали с концертами, интересно отмечали праздники, весело отдыхали с друзьями в доме отдыха МИНХ и ГП им. И. М. Губкина, откуда Игорь привозил грамоты и огромное количество фотоплёнок, сам печатал фотографии об отдыхе своих друзей. Организация всех поездок и мероприятий проходила при его активном участии. Игорь был ответственным, с его мнением считались — он был на своём месте!

А ещё Игорь любил отдыхать на озере Обстерно в Белоруссии, куда мы ездили много раз. Жили мы в палатках, Игорь ловил и коптил угрей, собирали чернику, малину, грибы. На озере Игорь освоил сёрфинг, после чего увлёкся судостроением и начал изучать катера и яхты по журналам. Музыкальное училище имени Гнесиных Игорь окончил с красным дипломом и далее поступил в педагогический музыкальный институт имени Гнесиных.

После окончания 1-го курса был призван в армию и служил в частях связи, а свободное время посвящал занятиям на скрипке и, конечно же, принимал активное участие в художественной самодеятельности, играл в эстрадном ансамбле на электрофоне. В благодарственных письмах, адресованных мне, секретарь комитета ВЛКСМ и заместитель командира подразделения по политической части, в которой служил сын, отмечали, что Игорь отзывчивый товарищ, честный, исполнительный, классный специалист, принимает активное участие в художественной самодеятельности, является редактором боевого листка, оказывает помощь в оформлении сатирической газеты, имеет поощрения от командиров и начальников, за активную общественную работу и как победитель соцсоревнования награждён ценным подарком и путёвкой по историческим местам города Дрездена с посещением Дрезденской галереи, рыцарского зала и сокровищницы. Потрясающие впечатления свои от посещения

этих мест Игорь описал в письмах. Все 90 писем от Игоря с обратным адресом полевой почты, в каждом из которых внимание, поддержка, храню как память о дорогом сыне. За время службы Игорь был премирован двухнедельным отпуском домой.

После демобилизации продолжил учёбу в институте и, окончив институт, стал хорошим скрипачом. Игорь любил классическую музыку, любил произведения Сергея Рахманинова. Играть в симфоническом оркестре было его любимым делом. В оркестре он был концертмейстером скрипичной группы. Игорь мог стать хорошим педагогом, так как очень тонко чувствовал людей и был доброжелательным, что и проявилось на педагогической практике во время учёбы в институте. Ему нравилось заниматься с детьми, у него многое получалось, дети его любили.

Когда Игорь играл в ансамбле на сцене, я была свидетелем тому, как чутко сын реагировал и подыгрывал музыкантам ансамбля. Это чувство локтя и ответственность были присущи ему. Игоря любили и уважали.

После окончания института Игорь работал в разное время в Ансамбле скрипачей Сибири, в Государственном Малом симфоническом оркестре, откуда в 1994 году в порядке перевода был принят в Государственный Академический Симфонический оркестр под управлением Евгения Светланова. В 2001 году стал работать в оркестре Московского Музыкального театра имени народных артистов Станиславского и Немировича-Данченко и параллельно с начала 2002 года в оркестре Театрального центра на Дубровке в спектакле «Норд-Ост». В это время я и родственники часто ходили на музыкальные концерты, спектакли с участием Игоря.

Для меня Игорь был самым родным понимающим человеком, я чувствовала искреннюю заботу. Он был добрым и внимательным, помогал, чем мог, старался меня радовать. Игорь многое умел делать, был талантливым человеком. Построил загородный дом по собственному эскизу. А когда было решено дом продать, покупатель очень удивился: «Как мог музыкант, а не строитель, построить такой рациональный уютный дом?» Я была счастливая мама. Игорь доброжелательно относился к родственникам, очень любил и уважал дядю Борю, моего брата, который был для него самым главным авторитетом. Борис любил Игоря, всегда помогал при необходимости. Когда Игорь решил связать свою жизнь с женщиной и её двумя малолетними детьми, мне говорили: «Какой у Вас хороший сын, ведь не всякий решится на такой шаг!» Игорь очень любил своего сына, хорошо относился к приёмным детям, и они его любили тоже.

Сейчас, когда не стало Игоря, помогает мне жить память о дорогом сыне и надежда, что мой внук Серёжа, когда вырастет, будет добрым, интеллигентным, надёжным, красивым человеком — таким, каким был его папа — мой сын Игорь.

Галина Львовна Морева, мама

ОЛЬХОВНИКОВА ДАРЬЯ

Возраст — 11 лет; Россия, г. Москва.

Даша, Дашенька, Дашута, Дарья Юрьевна...

Есть ли в гимназии человек, которому не был бы знаком этот неугомонный и неутомимый ребёнок? Светлый, добрый, отзывчивый человечек. Заводила всех классных дел. Неутомимая путешественница, любознательная и пытливая ученица, увлечённая и азартная натура. Сколько на её маленьком пути добрых дел, сколько недовершённых начинаний...

Смерть ребёнка всегда страшна. Смерть, которая постигла Дашу, в тысячу крат ужаснее. Ужаснее оттого, что все мы были бессильны, мы не могли ничего изменить, не могли ничем помочь, не могли защитить... Ужаснее оттого, что в этом ребёнке было столько здоровья, энергии и задора, что хватило бы на дюжину других детей. Ужаснее оттого, что эта смерть отозвалась болью в сотнях других детских душ, в душах людей самых разных возрастов. Оказалось, что этот маленький человечек был дорог очень многим: друзьям, своим одноклассникам и одноклассникам своего брата, учителям и родителям многих учеников гимназии.

Тринадцати дней не дожидала наша девочка до своего двенадцатилетия. Отзвенел её чистый, звонкий голосок, перестало биться такое маленькое и такое огромное сердце.

Но она жива. Жива в нашей памяти. Даша, Дашенька, Дашута, Дарья Юрьевна...

* * *

Смерть — слепая старуха. Но когда смерть приходит, оказывается, что выбирает она самых лучших, самых дорогих...

Я помню, как в среду 23 октября мы прощались с Дашей после возвращения из Костромы. Утро было холодное и тёмное, а на её лице, как всегда, играла тёплая и светлая улыбка. Не знаю, о чём я тогда думал, но уж точно не о смерти. И когда в тот же вечер я узнал о захвате заложников, в голову не могла прийти возможность того, что с Дашей может случиться что-то плохое. В таком большом мире, ей, такой маленькой, предстояло ещё столько сделать... Могло ли произойти так, что среди многих голосов, которые каждый день слышат стены гимназии, больше не будет её голоса?.. Оказалось, могло.

Я не знаю, кто прав, кто виноват, я вообще не очень знаю, что на самом деле происходило в стенах и за стенами Центра на Дубровке. Пусть об этом судят умные дяди в телевизорах. Мне же просто очень больно от того, что Даши больше нет рядом. Гимназия без неё стала чуточку меньше, но как теперь не хватает именно этой «чуточки»!

Я очень боюсь, что забудется её лицо. В эти дни я часто ловил себя на том, что старательно пытаюсь восстановить его черты. Даже самая лучшая фотография не передаст того, что даёт живое лицо, — ощущение от человека. Ощущение от неё — это всегда было ощущение радости и весёлого, очень доброго, озорства,

ощущение неиссякаемого желания жить и любить жизнь. Я очень хочу, чтобы мы все не забыли её лицо, чтобы помнили её глаза и улыбку.

А ещё я очень хочу верить, что теперь она в том месте, которое люди называют раем. Потому что она не может не быть там.

Дмитрий Карцев

* * *

Она была слишком живым человеком, чтобы не жить. Отзывчивая, открытая...

О. М. Смирнова

Всегда весёлый и очень добрый человек, готовый помочь в любую минуту...

Анна Пимкина, 6 «А»

Мы запомним Дашу неунывающей. И ещё: она была озорницей, но никогда никому не пакостила...

Наталья Тимищенко, 9 «Б»

Добрая, отзывчивая... Всеобщий любимец...

К. А. Багдамян

Бог забирает хороших людей, не достойных смерти...

Анастасия Шпичко, 9 «Б»

Очень живая, жизнерадостная, безотказная...

М. Н. Шалимова

Она останется в памяти у всех...

Ксения Шандалова, 6 «А»

*Кто-то тихо сказал: «Конец!»
Кто-то тихо шепнул: «Конец!»
Конец спокойствия в стране,
Конец многим людям и... тебе!
Тебе одиннадцать лишь лет ведь
было!*

*Пойдя туда, себя похоронила...
Ты умерла... Теперь нам остаётся
Лишь помнить о тебе –
ведь память с человеком навеки
остаётся!*

Анна Соловьева, 6 «Б»

Самый весёлый и жизнерадостный человек...

Андрей Пронин, 6 «А»

Замечательный человек, всегда всем помогала, а со своими трудностями справлялась сама...

Вера Кукутидзе, 6 «Б»

Мы должны помнить, что людей нужно беречь всегда...

Г. И. Слуцкая

* * *

Человек плачет редко. По-настоящему, через боль стиснутых зубов и боль душевную, пытаюсь превозмочь безысходность — действительно редко. Нашу душу, высушенную в стремительном беге жизни, привычную к чуть ли не ежедневным сообщениям о «чужих» трагедиях, трудно чем-либо встревожить. Наше бытовое благополучие почти непробиваемо. Но известие о случившемся 26-го октября ударило по всем так, что кроме слёз не оставалось больше ничего.

Когда умирает человек — это всегда тяжёлый удар, будь то старик или неизлечимо больной. Но когда жизнь покидает тот, кто только вступил в неё, кому ещё предстояло столь многое совершить, познать радость и разочарование, открыть любовь и обрести дружбу, — пронизывает боль, многократно усиленная, ощущаешь необъяснимое чувство вины, от которого невозможно избавиться. Как такое могло случиться? Почему не уберегли? Откуда в мире столько зла? — мучают запоздалые ненужные вопросы без ответа.

Именно так было в день, когда ушла Даша. Маленький светлый человечек, излучавший радость и дарящий тепло всему, что его окружало. Её приветливый взгляд и непосредственная улыбка были способны растопить сердца даже самых строгих преподавателей.

Даша, по-детски серьёзная и в то же время наивная и обаятельная, не была лидером в классе и не отличалась блестящими успехами в каких-либо предметах. Но в ней было то, чего так не хватает многим из нас — человеческое тепло и искренность.

Мы проводили её, но трудно привыкнуть к тому, что, войдя в класс, ты никогда больше не увидишь пары глаз, светящихся добротой. От этого очень тяжело и никуда не уйти.

Но хочется надеяться, что память о Даше сохранится не только глубоко в душе, но и отразится огоньком доброты в сердце каждого, для кого её уход не был рядовым фактом в скучной череде жизни. И мы постараемся быть более чуткими и нежными друг к другу, постараемся приумножать добро вокруг себя. Ведь это лучшее, что мы можем сделать, стремясь уничтожить зло, которого, к сожалению, так много в этом мире.

А. И. Молев

По материалам школьной газеты «Пугачёвка, 6» № 9 от 6 ноября 2002 года

ОФТАЕВА АННА

Возраст — 21 год; Россия, г. Москва.

Мы с женой мечтали иметь дочь. Маленькую, светло-волосую девочку со звонким как колокольчик голоском. И такая девочка у нас родилась. Это радостное событие произошло в Германской Демократической республике, г. Потсдаме, где нам довелось проходить воинскую службу.

Буквально с первых лет жизни Аня отличалась от своих сверстников. Она была крайне любознательна. Её интересовало всё: почему светит солнце, почему идёт дождь, где летом не тает снег — на тысячи «почему?» нам приходилось отвечать постоянно. Причём, не только

нам; она быстро находила контакт с любым человеком, будь то ребёнок или взрослый, ей было интересно со всеми. Её сердечко с детства было распахнуто навстречу каждому.

Поскольку мама профессиональный музыкант, в нашем доме музыка звучала постоянно, и это послужило для Ани причиной для учёбы в музыкальной школе, которую она окончила с отличием. А ещё была школа искусств. И тоже с отличием. Несмотря на то, что по долгу службы нам приходилось постоянно менять место жительства, переезжая из города в город, из республики в республику, у Ани никогда не возникало проблем в общении с людьми. Её любили не только родные бабушки и дедушки, к которым она с огромным желанием выезжала в р.п. Николаевка Ульяновской области и г. Тольятти каждое лето, а и все знающие её люди, она была светлым лучиком везде, где только появлялась.

Читать Аня начала с четырёх лет. В детском саду воспитательница усаживала её с детьми, и она читала им сказки. Читала быстро, внятно и с выражением. А как она любила принимать участие в праздничных утренниках! Это был природный лидер. Никогда не обижая сверстников, не гордясь и не хвастаясь, она очень тактично, но в тоже время талантливо, выполняла все роли, которые ей поручали воспитатели. Заучивала тексты, стихи, пела песни, танцевала, помогала другим деткам, у которых что-то не получалось. И всегда радовалась. Радостное лицо и светящиеся глаза — это наша доченька.

В первый класс Аня пошла в г. Чите. Учёба давалась ей легко, училась с интересом, в основном на «пятёрки»; редко полученная «четвёрка» вызывала у неё переживание, но не из-за тщеславия, а в силу огромной ответственности и требовательности к себе. У неё абсолютно не было свободного времени. Ей хотелось успеть всё: поиграть с братом, почитать книги, сделать все уроки, посмотреть последние спектакли, пообщаться с друзьями, помочь маме по хозяйству. Она активно участвовала в общественной жизни школы, отлично успевала в учёбе, её любили не только друзья, но и учителя.

Вот выдержки из характеристики Офтаевой Анны, ученицы 11 класса средней школы № 12 г. Читы: «... За время обучения показала блестящие способности по всем предметам: на городской олимпиаде по русскому языку заняла 1 место. Аня обладает исключительной грамотностью. На уроках истории её ответы

отличались зрелостью рассуждений, умением ориентироваться в политической жизни страны. Обучалась в классе с медицинским уклоном, получила углубленные знания по химии и биологии. Преподаватели Читинской государственной медицинской академии выделяли Аню как одну из способнейших учениц. На городской и областной олимпиаде по химии и биологии Аня неоднократно занимала первые места.

Отзывчивая, добрая, с огромным чувством ответственности, она пользовалась авторитетом не только среди учеников своего класса, но и во всей школе. Прирожденный лидер. В то же время — порядочность, взаимовыручка в наше время — редкие качества, присущие далеко не всем. Аня обладает этим». Школу Аня окончила с медалью. У нашей девочки с самого детства была мечта — стать врачом, которой, к нашему огромному горю, не суждено было осуществиться. Она шла к этой цели всю свою недолгую жизнь. Серьезно готовилась к поступлению в ММА им. И. М. Сеченова, наша семья была безумно рада, когда дочка поступила в Медицинскую академию, сама же Аня была просто счастлива. Появилось множество друзей и подруг среди студентов, с которыми она училась, новые впечатления. Радость и счастье навсегда поселились в нашей семье.

На первом месте среди всех увлечений и пристрастий у Ани была учёба. Ей было очень интересно учиться. Она посещала научные студенческие кружки, которые давали ей дополнительные знания, много читала специальной литературы. При этом Аня безумно боялась экзаменов. Ей казалось, что она не всё выучила, что недостаточно знает данный предмет, и накануне экзамена ужасно волновалась. И с какой радостью после сдачи экзамена звонким счастливым голосом она объявляла: «А я получила пятёрку!» Честно говоря, мы в этом ничуть не сомневались, но всё равно были счастливы не менее, чем наша дочь. И вот что удивительно, Аня в экзаменационный день начинала подготовку к следующему экзамену.

На четвёртом курсе она начала работать в «Норд-Осте»...

Нет в жизни большего горя, чем хоронить своих детей. Наш дом опустел навсегда. Мы не имеем права не жить, но яркого света в нашей жизни не стало. Боль не отпускает ни на минуту. Мысленно мы постоянно разговариваем с нашей девочкой, чувствуем, что она рядом.

Да так оно и есть: Аня с нами, мы также любим друг друга. Вот только обнять её нельзя, уж очень она далеко...

Мы потеряли, небо нашло. Нам больно и одиноко...

Родители

Большие голубые глаза, светлые струящиеся кудряшки... Какой она была? Каждый может сказать по-своему.

Мы были совсем детьми, воспитывались в семьях военнослужащих, вдали от родной земли. И то ли потому, что она была старше, то ли потому, что она всегда умела что-то красиво сказать, а может, и по причине того, что в школе она числилась в качестве одной из самых преуспевающих учениц, и была мечтой любого шалопая с соседнего двора, она всегда была для меня примером... Родители часто говорили: «Учись как Аня, тоже купим костюм... (или отпустим на вечер, или тоже поедешь в Китай...)».

Да, я говорю о человеке, с которым связаны многие мои детские воспоминания. Об Офтаевой Анюте. Почему-то её никогда не называли даже в третьем лице Анной или Аней, только Анютой... Почему? Наверное, потому что она действительно была любимицей у родителей, друзей, учителей.

Почему-то больше при мысли о своей подруге я вспоминаю о том, как мы дружно и весело справляли праздники. Мы частенько ходили во время предпраздничных приготовлений вокруг кухни и высматривали, чем же полакомиться. А иногда, когда я к ним приходила, Анюта отводила меня в комнату и заговорщицким тоном говорила: «Мама курник готовит, вот наедемся-то!»

Можно многое говорить, ведь друзья детства, даже после долгой разлуки, навсегда остаются друзьями. И сейчас, когда её нет, я всё равно знаю, что она мой друг! Ведь несмотря на то, что судьба дочерей военнослужащих разбросала нас по разным городам, я радовалась от всей души, когда узнавала, что она переехала с родителями в столицу, поступила в медицинскую академию, что у неё есть любящий и любимый человек.

И я помню тот момент, когда мы узнали о том, что случилось в «Норд-Осте»... Даже сейчас у меня сжимается сердце, и становится как-то больно и мучительно... Находясь далеко, в Уфе, наша семья понимала, что мы не в состоянии чем-то реально помочь, поддержать семью Анюты. Мы все сидели за компьютером в Интернете и с дрожью смотрели на монитор, где были списки всех тех, кто попал под этот рок в тот злосчастный день, и одновременно смотрели телевизор, где транслировались сводки с последними событиями в театре...

Было как-то не по себе, и даже не хотелось верить, что это произошло. Какое-то ощущение нереальности случившегося. В голове крутилось только: «Нет, этого не может быть, только не она. Почему?» Тогда же в своём дневнике я написала стихотворение об этом.

Русалина Галеева, подруга

Нам с Наташей Офтаевой довелось рожать дочерей далеко не только от своих мам, но и от Родины. Вместе со своими мужьями — военными врачами — мы служили в Группе советских войск в Германии. Жили в одном военном городке. Гарнизонная жизнь была особой: всё у всех на виду, двери квартир запирались только на ночь.

О том, чтобы друг другу не помочь, не могло быть и речи. Мудрыми бабушками и заботливыми мамами становились подруги и соседи. Вместе с другими женщинами батальона я встречала Наташу с новорождённой Анечкой из роддома. Помогала купать, пеленать этот нежный, трогательный кусочек жизни, с трепетом прикасаясь к маленьким ручкам, пытаюсь представить: какая судьба ожидает это создание с голубыми, как озёра, глазами и светлым пушком на темени. О чём-то плохом, а тем более страшном, даже и не думалось. Через пару месяцев моего мужа перевели к новому месту службы.

Повзрослевшую Анечку я увидела на портрете, который стоял в чёрной рамке на девятый день после её похорон. У неё были такие же бездонные голубые глаза и густые красивые волосы.

Она не дожила до своих двадцати двух лет. «Норд-Ост», Дубровка... Сегодня эти слова у почти у всех ассоциируются не с модной постановкой мюзикла, а

со страшными событиями, с горем, постигшем ни в чём не повинных людей, среди которых были женщины, дети. Среди которых была и Анечка. Она училась на пятом курсе мединститута. Всего лишь через год должна была стать квалифицированным врачом, избавлять людей от боли. Ей не довелось осуществить свои мечты, создать семью...

Мне невозможно представить, что испытали её родители — наши друзья. Знаю, что её отец, Владимир Ильич, как только узнал о захвате здания террористами, кинулся туда, сам не зная, как он может помочь в этой ситуации, что сделать? Помочь, к несчастью, он так и не смог. Как, впрочем, этого не смогли сделать и другие...

Верна истина: не дай Бог родителям пережить своих детей. Анечка была светлым человеком. Так говорили её отец и мама, брат Илья, однокурсники и друзья. Сколько уже лет прошло, а душевная рана по-прежнему саднит, не заживает. Да и как она может зажить? Наверное, лечит только время. Хотя для тех, кто потерял любимого человека, это — слабое утешение.

Впрочем, слабое оно и для всех нас.

Арефьева Е. В.

В конце января 2002 года я случайно оказалась в «Норд-Осте». Меня привела туда знакомая, чтобы порекомендовать на работу в театральную буфет. Это было большое счастье для студентки 2-го курса. Во-первых, появилась возможность дополнительного заработка, а во-вторых, работать в месте, где каждый день — праздник, где люди прячутся от серых будней, где никогда нет тоски и печали — в ТЕАТРЕ. Анюту трудно было не выделить сразу из всего нашего коллектива, она была не такой, как все, — всегда улыбалась, за любую работу бралась с рвением и выполняла безукоризненно. Всегда была очень ответственной, лидером, что действительно восхищало и безудержно манило к этому прекрасному человечку. Это потом мне стало ясно, что такая безукоризненность достигалась во всех её начинаниях: учёба и окончание с золотой медалью школы, музыкальная школа и медицинская академия им. Сеченова и т. д. Так мало лет, но уже так много всяческих побед. Всегда она была умницей, лидером, примером, ЛУЧШЕЙ.

23 октября 2002 года в 19:00 начало спектакля, на работе надо быть в 17:00. Я пришла раньше, она залетела в последние минуты (никогда не опаздывала). О, счастье, сегодня мы работаем вместе, в одном баре (всего в фойе театра было 4 бара). Мы не виделись 3 дня — это целая вечность, столько всего надо успеть рассказать, а есть всего 1 час до 18:00, когда в театр зайдут первые гости. За неделю до того дня она была на свадьбе своей подруги, запомнила все мельчайшие детали, рассказывала с упоением, как будто это была её свадьба.

Такая счастливая беспечность, подобно эйфории, царила в тот день на работе — вот, наверно, единственно верный признак надвигающейся беды.

К тому моменту мы были знакомы уже 9 месяцев, и могу сказать точно, что никогда её не видела более прекрасной и красивой, как тогда...за несколько часов до трагедии.

Всё произошло молниеносно, сразу после начала 2-го действия спектакля, как в кошмарном сне. Когда нас застали террористы в фойе, мы собирали оставшиеся продукты, Анюта сдавала выручку в комнате напротив. Нам не хватило каких-то

15 минут... А дальше началась другая жизнь длиною в вечность. Да, 3 дня — это бесконечно мало, чтобы жить, и бесконечно много, чтобы умереть. Как и любая другая жизнь, она имела свои эпизоды: хорошие и плохие, но это была жизнь, и другой нам тогда не надо было. Я могу много говорить о том, что было там, внутри, но это будут мои мысли, мои переживания. Анютины последние мысли остались с нею. Очень сильно переживала, так как всегда была эмоциональным человеком, много обращалась к Богу и к маме, вспоминала своих родных и говорила, как бы обращаясь к ним. Был эпизод, когда Аня, я и Маша (мы работали вместе и до конца сидели рядом) решили писать предсмертные записки, нашли салфетки, ручки и каждый на минуту задумался, потом мгновение — строка, ещё мгновение — вопрос — «ЗАЧЕМ? От нас ведь не останется ни мельчайшей частицы, что говорить о бумажной салфетке?» Я и Маша тут же отказались от своей затеи и разорвали салфетки. Анянина записка была найдена в кармане джинсовых брюк. Вот её последние слова: «Мамочка, папа, Илюша и бабуля, простите меня за всё, я вас очень люблю. Как прекрасна жизнь, жаль, что понимаешь это только перед смертью».

Вот уже почти 5 лет прошло. Но рана всё так же болит, может, уже не так кровоточит, а просто терзает тупой и бесконечной болью. И ты часто приходишь к нам, любившим тебя, в самых прекрасных и чистых образах. Вот и сейчас я чётко вижу одну и ту же картину — тебя, летящую по стеклянным лестничным пролётам того самого ДК, где мы были живы, а значит и счастливы... Светлые кудри, голубые глаза, манящая улыбка... и ты поёшь, конечно поёшь, ты ведь всегда пела...

Ольга Осипова, подруга

ПАНОВА МАРИЯ

Возраст — 26 лет; Россия, г. Москва.

Я знала, что у меня обязательно будет девочка. Когда Маша родилась, она была очень спокойным ребёнком. Около трёх месяцев мы даже не замечали, что в доме есть грудной ребёнок. Часто смеялись, когда она не просыпалась на очередное кормление, зажимали ей нос, чтобы она открывала рот.

Когда Маша подросла, её можно было оставить одну и не волноваться — она была спокойная и сообразительная. С трёх лет мы с нею ездили в Лужники в секцию фигурного катанья. Она без капризов переносила эти поездки.

В пять лет Маша перешла в школу Олимпийского резерва в секцию спортивной гимнастики. К сожалению, через два года ей пришлось уйти из секции, потому что руки были маленькие, накладки не помогали, а кровавые мозоли мешали ей писать. Повзрослев, она часто жалела об этом.

У меня было такое впечатление, что Маша всегда знала, чего она хочет от жизни. Всю жизнь она была мне опорой и помощницей. Благодаря Маше даже из самых сложных ситуаций находился выход. Ей было всего 12,5 лет, когда родилась моя

младшая дочь Ольга. Мне нужно было выйти на работу, чтобы кормить детей, и Маша с двух месяцев была младшей сестре вместо няни. Оля именно Маше впервые сказала «мама».

Маша была неплохой хозяйкой, умела готовить, вязать. Её «фирменное» блюдо было шарлотка. Такой высокой, пышной, вкусной ни у кого не получается. А какие танцы мы устраивали втроём! Для сестры Ольги Маша и по-прежнему самый любимый человек, пример для подражания, и мама, и сестра, и подруга.

Маша не была первой ученицей в классе, но одноклассники к ней тянулись. Даже выпускной вечер отмечали у нас.

После окончания 9-го класса Маша пошла работать, и в её неполные 27 лет трудовой стаж составил почти 12 лет. В коллективе её уважали за её доброту, приветливость, неконфликтность, готовность помочь каждому. Она работала и продолжала учёбу в вечерней школе.

В 2003 году Маша должна была закончить школу. Учителя, подруги до сих пор не верят в её смерть.

Татьяна Лукашова, мама

Мы все её любили и уважали за открытость души, честность и огромное желание быть необходимой родным и друзьям! Мы все её будем помнить и, возможно, ещё встретимся там, за облаками!

Прости нас за то, что не сберегли тебя, наша любимая Маша!!!

А.С. Симонов

Я очень часто думаю о Машке, когда я о ней думаю — всегда улыбаюсь, улыбаюсь потому, что она была светлым человечком, она умела дружить, она обладала редким даром — она умела прощать. Мы много времени проводили вместе, много шутили, строили планы на будущее, мечтали.... Невыносимо больно, что Маши больше нет, и улыбка исчезает с моего лица, я понимаю, что всегда теперь буду думать о Машке в прошедшем времени. Больно, что ушёл друг, что ушёл такой молодой, полный сил и желаний человек!

Анна Моница, подруга

ПАНТЕЛЕЕВ ДЕНИС

Возраст — 26 лет; Россия, г. Санкт-Петербург.

23 октября 2002 года Денис возвращался из очередной московской командировки. Был уже куплен билет на Санкт-Петербург, и оставалось несколько часов до поезда. В метро, в театральной кассе предложили билет на современный мюзикл.

Всё, казалось, складывалось удачно...

О захвате Денис позвонил коллегам по работе, никого из родных он беспокоить не стал. И так было всегда — он берёт своих близких...

Он шёл по жизни так легко, ему всегда сопутствовала удача, и всё, за что бы он ни брался, получалось наилучшим образом.

Денис очень много читал, любил рисовать, профессионально занимался плаванием в школе Олимпийского резерва. Окончил физико-математическую гимназию, Государственную морскую академию им. адмирала Макарова, аспирантуру, где прошёл предзащиту кандидатской диссертации, работая начальником отдела новых технологий. Ему прочили прекрасные перспективы, и в этом никто не сомневался...

У Дениса были настолько ясные глаза, лучистый взгляд и милая приветливая улыбка, что у многих это осталось в памяти навсегда. Если бы вы знали, как он радовался рождению дочери, и всё время всем повторял: «У меня родилась дочь-красавица!» И мы надеемся, что она вырастет ещё и умницей, вся в Дениса. За свою короткую жизнь он побывал во многих странах, работая на судах российских и иностранных компаний, а в последнее время часто бывал в командировках.

Мы до сих пор не верим, что нашего Дениса нет, он просто надолго уехал и обязательно вернётся...

Родители Дениса

Я помню Дениса ещё курсантом. Он никогда не лез вперёд, а просто учился, и учился очень хорошо. Последнее время мы чаще встречались по его диссертации. Очень интересная работа. Знаете, он из немногих молодых людей, с кем мне удавалось говорить на равных, а иногда чувствовал, что он знает уже гораздо больше, чем я. Я помню, как в сентябре он прибежал ко мне, светился от радости: «Николай Иванович! У меня дочка родилась!» Я его ещё спросил тогда: «Ты, наверное, сына хотел, наследника?» А он улыбнулся широко и ответил: «Да что Вы! Дочка даже лучше!»

У него было всё для счастливой наполненной жизни...

Н. И. Денисенко, профессор, доктор тех. наук, научный руководитель Дениса

Очень трудно писать и говорить о Денисе в прошедшем времени «жил, мечтал, умел, радовался», и не столько потому, что трагически оборвалась его жизнь в тот страшный день, а скорее, или точнее сказать, потому что она только начиналась! Всё главное его ждало впереди — интересная и очень необходимая для всех его работа, счастье быть любящим отцом, сыном, братом и настоящим другом! В свои 26 лет он, пожалуй, успел многое сделать — заложить основу для перспективной работы в области практической экологии, написания и реализации ряда проектов по восстановлению окружающей среды в различных регионах нашей страны (в том числе и в Чеченской республике). Активно работал в развитии партнёрских отношений с коллегами из других стран — Финляндии, Швеции, Англии...

Блестящие способности, отличное образование, интеллигентность и скромность, умение определяться с выбором достойной цели в жизни — всё это заметно выделяло Дениса среди сверстников. Благодаря этим качествам он являлся настоящим лидером в коллективе, был заслуженно уважаем коллегами по работе.

Всё это перечеркнул ужас трагедии на Дубровке! Жизнь Дениса и многих других оборвалась...

Мы разделяем горе семьи, родных и близких. Мы помним Дениса и тех, кто был с ним рядом в те роковые дни и также безвременно ушёл от нас...

Р. С. По просьбе коллег и друзей именем Дениса названо новое специализированное судно для ликвидации аварийных разливов нефти в порту города Санкт-Петербурга.

Евгений Бугаев, экс-руководитель департамента экологической безопасности ОФО «ЭКО Феникс Холдинг»

Очень не хочется говорить о Денисе, что я его помню, хочется сказать, что я его знаю, как настоящего друга. Знакомство в начале учёбы в ГМА, 5 лет совместного обучения, дальнейшие отношения — в нашей дружбе было многое: и приятные события, и курьёзные случаи, и смешные ситуации, о которых мы могли бы ещё долго вспоминать с улыбкой. В своей дружбе Денис очень много отдавал другим, ничего не требуя взамен, поэтому с ним было легко и весело. У меня, как и у каждого человека, были сокровенные мысли и чувства, которыми я мог поделиться только с ним. Это очень важно, чтобы у каждого в жизни был такой друг! Денис был очень разносторонним человеком: это и «вечный двигатель» — вечно куда-то спешил, бежал, постоянно находился в водовороте событий, дел, мыслей, и в то же время непринуждённый интеллектуальный собеседник. Было ощущение, что он торопится жить, боится чего-то не успеть. В последнюю нашу встречу ничто не предвещало скорой трагедии — мы отлично проводили время с нашими семьями; Денис делился со мной своими планами и надеждами, заражая меня оптимизмом, и я не сомневался, что они вполне осуществимы. Очень жаль, что от нас уходят именно такие молодые, жизнерадостные, перспективные ребята и классные друзья.

Я узнал о смерти Дениса не сразу; тогда очень трудно было поверить в это, и до сих пор у меня ощущение, что надо перезвонить ему, т. к. в последний раз он почему-то не поднял трубку.

Сергей Морозов, однокурсник и друг

ПЕТРОВА ТАИСИЯ

Возраст — 73 года; Россия, г. Москва.

Петрова (Трушина) Таисия Александровна родилась в 1929 году в Егорьевском районе Московской области. Росла и училась в Ликино-Дулёво Орехово-Зуевского района. После окончания поступила в Ленинградский институт, по окончании осталась в Ленинграде, работала в инженерно-строительном институте и прожила там основную часть своей жизни.

Дед наш играл на скрипке, был регентом в церкви (руководил церковным хором). Она унаследовала

музыкальные способности, хорошо пела, танцевала, была заядлым театралом. В студенческие годы покупала абонемент на прокат фильмов с участием мировых звезд. Она очень любила Дину Дурбин (Deanna Durbin).

Вела очень активный образ жизни. В школе, где училась её дочь, была бессменным председателем родительского комитета и ещё целый год после окончания школы дочерью по просьбе директора продолжала им быть.

Она была очень красивая женщина и обладала необыкновенным обаянием. Всегда была душой компании, умела сплачивать людей вокруг себя.

В начале перестройки её постигла ужасная трагедия. Её дочь Юлия с четырёхлетней дочкой уехала в Израиль и там умерла непонятно от чего. Тася очень любила свою внучку, и Кристина её просто обожала. С большим трудом привезли ей внучку обратно. Кристина забыла русский язык. Ей было 14 лет, когда Тася погибла. Сейчас она живёт в Санкт-Петербурге с отцом и другой бабушкой. Тася приехала в Ликино-Дулёво обратно к своей 80-летней маме, когда вышла на пенсию, оставив дочери квартиру в Ленинграде. В нашем городе о ней ходили легенды. Она была очень умная и неоднозначная женщина.

Вся жизнь её была экстравагантна, и смерть тоже. Одна из наших родственниц сказала: «Всю жизнь горела ярким пламенем и умерла так же».

Ей часто снился один и тот же сон — что она хочет убежать от кого-то, но не может. Накануне отъезда он ей приснился опять. И мне тоже приснился ужасный сон (и не один). Я тогда не стала ей рассказывать, но они сбылись.

Татьяна Павловна Телина, двоюродная сестра

ПЛАТОНОВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ

Возраст — 18 лет; Россия, г. Москва.

Когда я была маленькой, мне очень хотелось братика. И вот 22 июня 1984 года родился Павел. Он родился чуть раньше положенного срока. Мама говорит, что родился быстро и был очень маленьким, но я его запомнила розовощёким карапузом, почти лысым, с толстыми ножками и ручками.

В детстве всякое бывало — то играли и не могли наиграться, то ссорились и не разговаривали часами. Строили домики для моих кукол, делали скоростные трассы для его машинок.

Однажды ему что-то очень хотелось заполучить от меня. Паша подошёл ко мне, обнял и говорит на ушко: «Ну, пожалуйста, я ведь твой СЕСТРЁНОК». Так он и остался для меня любимым СЕСТРЁНКОМ. Он понимал меня как сестра, хоть всегда оставался братом.

Вечерами рассказывали страшные истории друг другу. Мы никогда не предавали друг друга! Никогда не выдавали друг друга родителям, если знали, что кто-то провинился! Собирали вместе марки. У каждого был свой альбом, а марки в них были почти все одинаковые, потому что ему хотелось

иметь то, что есть у меня, и наоборот. Недавно перелистывала эти альбомы — у меня было больше кошек, у него драконов, а все остальные марки в двойном экземпляре.

Каждое лето мы с братом ездили в «Пионерский лагерь». Спартакиады и зарницы — было интересно, весело. До сих пор мы храним все награды спортивных соревнований — грамоты за призовые места по настольному теннису и бегу на короткие дистанции. А когда брат подросток, помогал отцу с постройкой дома на даче.

Брат любил компьютерные игры, любил проводить время с друзьями и подругами. Друзей было очень много! Вовка, Денис, Андрей, Сергей, Максим — всех и не упомнишь. Но эти ребята до сих пор приходят к нам в гости. Рассказывают о себе и о нём — как росли и выросли, как шалили и учились, как встречались с девчонками. Они все уже выросли, у кого-то появились семьи и дети, а у нас остались лишь воспоминания о Павле.

Брат любил слушать музыку, разную музыку. У меня осталось огромное количество записей. И когда мне грустно, я включаю его музыку, и мне становится легче.

Из книг он любил Лукьяненко со всеми «Дозорами». Думаю, что ему бы хотелось посмотреть фильмы по этим книгам, ведь фильмы вышли позже, в 2004 г. Из фильмов ему очень понравился «Амели». Мы смотрели фильм на компьютере в не очень хорошем качестве, удобно усевшись в креслах со всякими вкусняшками — печенюшки, пряники, горячий чай и конфеты. Теперь это мой самый любимый фильм.

Когда подросли, стали гораздо ближе друг к другу. Говорили обо всём — обсуждали взаимоотношения между людьми, делились самым близким и сокровенным, о чём болит или радуется душа и сердце, строили планы на будущее...

Павел окончил 9 классов школы № 1028, получил аттестат в средней общеобразовательной школе «Новый век», а в 2002 году поступил в Московский педагогический государственный университет на курс социологии. Мне кажется, к своим 18 годам он ещё не определился, кем хочет стать. Хотел быть и программистом, и социологом, и психологом, но одно знаю точно — он старался быть **ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ**. Добрым, заботливым, любящим. Таким он и был!!!

Когда родилась моя дочь, помню, он пришёл ко мне в палату с цветами и всякими вкусностями. Он был такой взрослый, высокий, красивый, гордый — он стал **ДЯДЕЙ!** Первое слово, которое сказала моя дочка, было **ДЯДЯ!**

Как же недолго это продолжалось!.. Я не хотела, чтоб он в тот вечер куда-либо шёл. Я просила его отнести в прокат кассету с каким-то фильмом и взять новую, но он сказал что у него есть дела, и ушёл... Сказал, что отнесёт завтра, но завтра не настало...

Память о нём всегда будет в моём сердце и моих воспоминаниях, в воспоминаниях наших родителей, его друзей, в их сердцах! Я это точно знаю!!!

Наталья Платонова, сестра

ПЛАТОНОВ ПАВЕЛ ЮРЬЕВИЧ

Возраст — 33 года; Россия, г. Москва.

Его первый телефонный звонок раздался ещё до того, как страна узнала из теленовостей о захвате террористами в заложники зрителей мюзикла «Норд-Ост». Это был звонок не личного характера. Павел Платонов, оказавшийся в числе восьми сотен тех самых заложников, набрал номер телефона человека, который знал, во-первых, как распорядиться переданной Павлом информацией, и, во-вторых, что делать дальше в сложившейся ситуации. Это была первая и наиболее конкретная, а значит, и бесценная для спецслужб информация непосредственно из захваченного терро-

ристами Театрального центра на Дубровке. По сути дела, иной информации оттуда не поступало. Да, были ещё опросы заложников, которым удалось сбежать, впечатления посетивших захваченный театральный центр всевозможных парламентариев и переговорщиков...

Но Павел Платонов не просто регулярно сообщал важнейшую информацию. Ежесекундно рискуя собой, он работал по поручению профессионалов спецслужб, людей, руководивших операцией по освобождению заложников. Павел Платонов искал ответы на вопросы, прежде всего интересовавшие спецназовцев, которым предстоял штурм.

В первые сутки он выходил на связь довольно часто, практически каждые полчаса, в дальнейшем — чуть реже. Когда террористы, что-то заподозрив, отобрали у него мобильный телефон, Павел находил возможность посылать SMS-сообщения с чужих телефонов. Последнее сообщение от него поступило за несколько минут до начала штурма...

По словам руководителей операции и спецназовцев, штурмовавших Театральный центр на Дубровке, информация, которую сообщал Павел, оказалась бесценной. Она помогла не только принимать правильные решения, но и сохранить жизни сотен заложников и освобождавших их спецназовцев.

Указом Президента Российской Федерации за мужество и отвагу, проявленные при исполнении гражданского долга в условиях, сопряжённых с риском для жизни, Павел Юрьевич Платонов награждён орденом Мужества (посмертно).

*Из статьи Сергея Колесника «С чего начинается Родина»,
журнал «Братишка»*

ПРЕДОВА-УЗУНОВА ЭМИЛИЯ

Возраст — 43 года; Австрия, Вена.

Гражданка Австрии болгарского происхождения Эмилия Предова-Узунова приехала в Москву на IX международную выставку парфюмерии и косметики «INTERCHARM-2002». Пришла на мюзикл со своей бывшей учительницей. Остались 2 дочери — 12 и 16 лет.

Человек, уходя из жизни, живёт в умах своих любимых, друзей и коллег, и чем их больше, тем дольше он будет жить. А у ЭММИ их было огромное количество по всему миру и во многих странах.

Она для нас с самого начала нашего знакомства была олицетворением и воплощением неугасимой любви к жизни и всем окружающим её людям, жизненного задора, огромной веры в светлое будущее и всё хорошее в нашей жизни. Сердце моё разрывается, а сознание до сих пор отказывается признать и осознать, что ЭММИ нет среди нас — этого вулкана жизни, этой светлой, солнечной, постоянно улыбающейся, полной энергии, огня и задора, готовой в любой момент прийти на помощь и подставить своё плечо, радующейся жизни и каждому её дню, дарящей свою любовь и доброту друзьям и близким, по-настоящему деловой и лучезарной Личности с большой буквы. Для нас она навсегда останется символом надежды и огромной, нескончаемой любви ко всем окружающим, настоящей веры в жизнь. Об этом я говорю с чистой совестью. Эти слова и мои чувства разделяют все мои коллеги, которые знали и имели честь быть знакомым с ЭММИ. Единственной и неповторимой ЭМИЛИЕЙ...

В нашей памяти она навеки остаётся улыбающейся, полной душевного задора, искромётной, нестигаемой женщиной, а кроме того человеком, который никогда не сдаётся ни перед какими трудностями, и всегда верит в свою удачу и победу.

Виктор Каниболоцкий

Мне и в голову не могло прийти, что такой день когда-либо наступит! Я и представить не могла, что жизнь Эмми будет так жестоко оборвана. Я до сих пор не могу и не хочу в это верить!

Эмми была очень важным человеком в моей жизни. Познакомившись с ней, я очень многое открыла для себя и очень изменилась.

Удивительно, но наши жизни были настолько взаимосвязаны.

Эмми была потрясающей личностью. Её не утруждали мелочи нашей повседневной жизни. От её улыбки всегда исходили доброта и теплота, она гордилась своими детьми, мужем и друзьями. Она всегда была полна энергии, энтузиазма, и в ней всегда присутствовала сила воли. Её сердце было переполнено любовью к её близким.

Первостепенными для неё были: **её муж, её дети, её дом, её профессиональная целеустремлённость, её друзья и родственники.**

Для неё было важно быть окружённой любовью.

Я никогда не забуду её слова «Никогда не жди, что кто-то сделает что-нибудь

для тебя. Иди и делай сам». «Если тебе одиноко, когда ты вдали от своей семьи и друзей, организуй вечеринку! Не вздумай сидеть и стонать, что тебе плохо!» Это была позиция её жизни, которой она беспрекословно следовала.

Она любила красоту во всём: обстановка в доме, её внешний вид, её дети, её отношение к жизни и людям. Она была очень общительной, любой, кто начинал с ней разговаривать, чувствовал себя легко и непринуждённо.

Дружба — это вообще очень странная штука. Люди сталкиваются посредством иногда очень неожиданных обстоятельств.

Эмми, оба Дмитрия и я были одноклассниками в школе г. София. Но поистине близкими друзьями мы стали, когда жизнь закинула нас в один большой квартал в Младост 4 (отдалённый район г. София). Встретились мы так: гуляя в маленьком парке напротив нашего квартала, я и она оттолкнули коляски с нашими малышами (как обычно мы веселили наших малышей), и коляски врезались друг в дружку. Мы даже не имели понятия о том, что мы соседи.

Постепенно выяснялось, что у нас с ней много общего помимо внешнего сходства: мы обе замужем за мальчиками из нашего класса с одинаковым именем Дмитрий. Они оба работают в международной торговле. У нас у обеих дети почти одного и того же возраста и похожие интересы к книгам, путешествиям, изучению языков. Одним словом, мы наслаждались общением друг с другом. Я всегда восхищалась её энергией, непреодолимой жадной познания.

В то время как мы с Дмитрием переехали в Лондон, Эмми с Дмитрием переехали в Вену, но, конечно же, мы не перестали общаться. Каждый раз, когда Эмми и Дмитрий приезжали на каникулы в Лондон, мы обязательно встречались. Мы делились опытом, как жить в другой стране и стремительно строить свою карьеру, удачно вести дела и какие усилия нужно вкладывать в воспитание наших детей.

Мы с Дмитрием разделяли любовь Эмми к путешествиям и исследованию новых местностей и культур. Бывало, мы целыми вечерами предавались воспоминаниям о далёких странах и людях, живущих там. Вы даже представить себе не можете, насколько упоительно и непринуждённо она доносила да нас всё ею изведенное. Да, такова была Эмми. Всегда умеющая рассказать что-нибудь интересное, позитивное и смешное!

Я всегда буду помнить ту незабываемую неделю, когда мы отправились кататься на лыжах. И хотя я сломала ногу, я с большим удовольствием наслаждалась компанией Эмми. Это были самые счастливые каникулы в моей жизни! Мы ни на секундочку не переставали смеяться.

Эмми, Божидар, Венета, оба Дмитрия и я были неизбежно близки в тот завершающий период времени. Мы никогда не скучали, и даже когда я валилась с ног, Эмми была полна энергии. Её коронными словами были: «Ты же приехала отдыхать, а не спать, не так ли?» Её принцип: не спать, как буквое дерево, а веселиться, танцевать, ходить на прогулки, играть в карты, ходить в сауну, то есть отдыхать в ритме НОН-СТОП!

Да, такова была Эмми. И я буду помнить её всегда полной энергии и спешащей сделать как можно больше дел, всегда находящей время и доброе слово для каждого.

Наша последняя встреча была в начале лета в Лондоне, когда она приехала

на выставку. Она остановилась у нас, это был тяжёлый период в её жизни. Ей необходимо было решиться на перемены в её жизни, сосредоточить всю свою интеллектуальную энергию, опыт и знание применительно к семейному бизнесу. Ей пришлось уйти с работы для совместного с Дмитрием дела. Она поделилась со мной, насколько волнительно и в то же время нервно для неё это было.

Эмми была современной женщиной, построившей свою карьеру исключительно на трудолюбии, целеустремлённости и непоколебимости в своих решениях. Она была превосходным лингвистом. Она любила русский язык и русскую культуру, любила английский язык и переводить на английский язык. Она выучила один из самых сложных (по крайней мере для меня) языков — немецкий. Она была удивительной!

Я буду помнить её невероятное единение с супругом Дмитрием. Они были образцовой семьёй, единение душ, сердец и тел. Её любовь к Дмитрию и детям была просто безграничной.

Эмми была любима и окружена преданностью и заботой, которая не имела границ. Она была сильной и храброй женщиной, одним словом — борец по жизни. Несмотря ни на какие трудности, она никому никогда не жаловалась и пыталась справиться с ними сама. Если же у кого-то были какие-либо трудности, она тут же мчалась на помощь, не жалея ни времени, ни энергии, ни сил. Благодаря нашей с ней дружбе моя жизнь переполнена жаждой жизни.

Уже не будет другой такой же, как Эмми, но мы благодарны судьбе, что знали её, что её жизнерадостность коснулась нас, а её доброе сердце всегда было открыто для нас. Сегодня мы прославляем её жизнь и достижения, так как должны проститься.

Прощай, мой друг, прощай.

Lili Mirtcheva

Эмми была настолько энергичной, позитивной, отзывчивой, находчивой и в то же время очень милой женщиной, что даже не верится, что её с нами больше нет. Даже подумать страшно, что кто-нибудь может погибнуть, столкнувшись с таким трагическим и бессмысленным эпизодом в своей жизни, и тем более если ты так молод.

На протяжении этих дней страха, надежды и опустошения я не переставал думать о ней. Мне вспоминались только счастливые и восхитительные моменты. От нашего первого ужина в Шератоне, где она подшучивала над всем, что пишут, и до последнего моего визита. И затем новая квартира в г. Вене, ради которой им с мужем пришлось немало поработать. Эмми была «золотым человеком», но её больше нет.

Я полагаю, многие из нас, на самом деле многие, потеряли самого любящего и близкого друга. Но её муж и девочки потеряли часть себя. У Эмми хорошие дочери, и если они вырастут хотя бы наполовину такими же замечательными, какой была их мама, её муж на самом деле будет гордиться ими.

Rob Whitford

ПРИСЯЖНОВА ЕЛЕНА

Возраст — 47 лет; Россия, г. Москва.

Родилась 5 декабря 1955 г.

Образование: высшее, инженер — экономист.

Генеральный директор ЗАО «ПМК «Универсал».

Елена Петровна — человек очень непростой судьбы. До 1991 г. жизнь складывалась как и у всех простых советских людей. Школа, институт, общественная работа в комсомоле и профорганах, семья, работа в строительных организациях на должностях мастера, инженера, руководителя структурных подразделений.

Но вот грянули роковые 90-е годы, рухнул десятилетиями устоявшийся уклад жизни, однако Елена

Петровна сумела в эти годы вместе с группой единомышленников не дать развалиться предприятию, на котором она проработала практически всю свою жизнь. Месяцами сидя без зарплаты, она и её друзья продолжали строить дома в Москве и Подмосковье, сохранили рабочие места и производственные мощности, обеспечивали своих рабочих и сотрудников жилой площадью.

А жизнь продолжала наносить безжалостные удары: в 1999 г. умер муж. В 2001 г. погибла дочь. Но Елена Петровна не сломалась. Несмотря на горечь тяжёлых утрат, она оставалась любящей дочерью (на руках престарелая больная мама), заботливой и внимательной к своим друзьям и близким.

А судьба готовила свой последний удар. В тот ненастный октябрьский вечер она вместе с двумя сотрудниками её предприятия пошла на просмотр мюзикла «Норд-Ост» и... из всех троих не вернулся НИКТО. Елена Петровна, её подруга Аня Шифрина и инженер Володя Радченко погибли в день штурма. Представители самой мирной профессии на земле — строителей — они пали, как солдаты на Чеченской войне.

Юрий

ПРОХОРОВА ЛЮДМИЛА

Возраст — 64 года; Россия, г. Москва.

Людмила Исааковна Прохорова — Людочка, как мы её всегда называли, — была коренной москвичкой, рождённой здесь 12 сентября 1938 г. После окончания школы она поступила в одно из самых престижных и «закрытых» учебных заведений Москвы — МВТУ им. Н. Баумана. «Закрытых» потому, что в это «чёрное» время представителей не всех народов с радостью допускали к поступлению в такие вузы. Поступить и учиться в МВТУ было нелегко, но Людочка была человеком настойчивым и целеустремлённым.

Став инженером, она много лет проработала на одном из московских авиационных предприятий в ОКБ гл. конструктора О. Успенского, а затем в вычислительном центре. Она была увлечена своей работой, и мы часто с ней беседовали на технические темы, так как работали в родственных организациях.

В эти же молодые годы Люда встретила свою судьбу — Бориса Максевича Прохорова, они поженились, и у них родилась дочь Наташа. Людочка стала заботливой и любящей женой и доброй, ласковой мамой.

Люда с Борей регулярно ходили в Москве в театры, на концерты, в музеи. Особый интерес они проявляли к спектаклям театра им. Е. Вахтангова. Любили путешествовать, ездить на природу. Мы с ними часто встречались в Москве, куда мы приезжали из Ленинграда-Петербурга, где мы жили, а Люда, Боря и Наташа любили бывать у нас в северной столице, чтобы любоваться красотами нашего города, пригородами и музеями.

Все, кто знал Людочку Прохорову, и мы — её родные, соседи по дому, бывшие сослуживцы (последние годы она уже была на пенсии) любили её за весёлый нрав, за доброту, за обязательность и готовность оказать помощь и поддержку любому человеку, который в этом нуждался. У них всегда был открытый дом, и все, даже не очень близкие знакомые, приезжавшие в Москву, были у них дома на Большой Полянке желанными гостями.

Мне помнится, когда в юности она прочитала роман В. Каверина «Два капитана», она полюбила его главных героев. И вот девушка из интеллигентной московской семьи, почитательница красивых и смелых людей, Людочка навсегда запомнила девиз: «Бороться и искать, найти и не сдаваться», и не только запомнила, но порой и действовала по правилу каверинских героев. Когда в Москве начали готовить постановку мюзикла «Норд-Ост», в основу которого положен сюжет романа, созрело желание обязательно побывать на этом спектакле. И вот в тот роковой день Люда с Борей оказались в Театральном центре на Дубровке. Из скупых фраз Бори мы знаем, что даже здесь, в зале, она подбадривала сидящих рядом, и казалось, что она спасётся.

Борис, к счастью, выжил после этого ада, потом долго лечился. В первые сутки после штурма их дочь Наташа нашла папу в тяжёлом состоянии в одной из больниц. Первый его вопрос был о Люде, о ней он ничего не знал, ведь террористы в зале в какой-то момент их рассадили. А маму Наташа разыскивала вместе с братом Люды Георгием три дня. И опознали только по особым приметам, так как узнать её было невозможно. А мы, находясь за океаном, всё это время надеялись на чудо, что Люда жива. Увы — чуда не произошло. И сегодня, спустя восемь лет, невыносимо больно это сознавать и заново всё переживать.

Прошло восемь лет с того трагического события на Дубровке. Нам, родным Людочки, остаётся только вспоминать этого светлого и дорогого нам человека и просить Б-га воздать должное тому, кто принимал решение о штурме с применением газа, в результате чего погибли 130 заложников. Эта трагедия ничему не научила власти, потом был Беслан, и т. д.

Леонид Сандлер, двоюродный брат

ПУЗИКОВ ДМИТРИЙ

Возраст — 26 лет; Россия, г. Москва.

Пузыков Дмитрий Дмитриевич, родился 16 апреля 1976 года в Москве. В 1993 году окончил авторскую многопрофильную школу-центр эстетического воспитания № 622 Таганского района города Москвы. В 1999 году — Московский энергетический институт (Технический университет), факультет электронной техники.

Дима... Димочка... Ты — самый лучший человек на этом, да и на том свете тоже. Был таким и всегда останешься. И все мы тебя очень-очень любим.

Заботливый сын и отец, любящий муж, успешный бизнесмен. Он не умел унывать, даже когда было совсем плохо, Дима всегда говорил мне: «Потерпи, родная моя. Мы любим друг друга. Мы вместе. Всё образуется». Но в тот ужасный день 23 октября не образовалось.

В то самое мгновение, когда террористы ворвались в зал, Дима как-то сразу всё понял. Он крепко-крепко прижал меня к себе, как будто хотел защитить. Когда нас начали рассаживать, он обнял меня, поцеловал, провёл рукой по моим полным слёз глазам и прошептал, что очень любит меня, чтобы я уходила, если террористы будут отпускать женщин, и, если с ним что-то случится, взяла его фамилию — Пузикова (в браке я оставила девичью фамилию), и чтобы берегла нашего сына. А потом мы встречались только взглядами...

Впервые мы встретились в институте, сидели за одной партой. Украдкой обменивались взглядами, а потом всё закружилось с головокружительной быстротой. И вот мы уже муж и жена. После окончания института вместе работали, занимались информационными технологиями, затем организовали собственное дело. Всё вместе и всегда вместе.

Говорят, что люди быстро устают друг от друга, — это неправда. Видеть друг друга 24 часа в сутки было для нас счастьем. Мы были единым целым, жили одинаковыми мыслями, делами, поступками. Даже сейчас, когда его уже так невыносимо долго нет рядом, я все свои дела и поступки оцениваю и с его точки зрения тоже. Диму всегда окружало много друзей, он был на редкость общительным человеком, весёлым, остроумным, очень легко сходилась с людьми и высоко ценил настоящую мужскую дружбу.

Дима умел быть требовательным с подчинёнными, но всегда нежным и любящим дома. А ещё романтичным. Однажды проснувшись утром в свой день рождения, я не нашла мужа дома, но, выглянув в окно, увидела на асфальте тротуара своё имя, выложенное из роз, и счастливого, улыбающегося Диму рядом. А ещё он очень любил маму, брата, нашего сына Артёма, лес и шум моря на закате... И саму жизнь...

Такие люди, как Дима, не могут умереть, они живут в нас — тех, кто их любит и помнит...

Наталья Пузикова (Морозова), жена

РАДЧЕНКО ВЛАДИМИР

Возраст — 49 лет; Россия, г. Москва.

Володя окончил Харьковский строительный институт и был высококвалифицированным специалистом в строительстве. Он всегда познавал всё новое и новое в своей отрасли, и поэтому от простого прораба дошёл до главного инженера. Сколько объектов производственного и непроизводственного значения было построено с его участием и сдано в эксплуатацию — просто не сосчитать. Очень многому Володя научил меня в строительстве, а также составлять сметы. Даже пришлось самой домик на даче достраивать, и всё получилось

неплохо. Вот что значит — был хороший учитель!

Если человеку нужна помощь — и тут рядом Володя. Он всегда тебе поможет. Он любил сделать человеку приятное и полезное, не жалел на это времени и сил — разве это можно забыть?

Как Володя любил жизнь! Да, именно любил. Всё живое в природе, каждый листик на дереве, каждую птичку, выпорхнувшую из гнезда, каждую звёздочку на небе — он всё любил. Биология, астрономия, физика, химия, радиотехника, рыбалка, строительство... Можно перечислять, и не хватит страниц. Кажется, нет такого, чего бы не знал Володя. С ним можно было всегда поговорить на любую тему, он был хорошим собеседником.

Володя очень любил природу. До сих пор скворцы заселяются в скворечник, который сделал Володя, хотя этот домик уже давно перекопился. А трясогузкам, поселившимся у нас на участке, он давал имена. Мы их тогда назвали Стелла и Степан. Я никогда бы не додумалась дать имена птичкам. Персидская кошка Катя обожала Володю. Кошка чувствовала внимание к себе и порой считала, что она в доме хозяйка.

Рыбалка была одним из любимых увлечений Володи. Когда мы ездили на реку Ока, он на мели рукой хотел поймать щуку, но не удалось. Зато на речке Цна Володя поймал щуку на спиннинг, потом долго радовался и гонял её в тазу. Вкусная тогда получилась уха.

Володя любил играть в игры: шахматы, шашки, нарды и т.д. Он научил меня играть в нарды. У меня неплохо получалось, поэтому Володя иногда злился, если я выигрывала.

В астрономии он был просто ас. Он знал каждую звёздочку наизусть и мог показать, в каком месте она расположена. Иногда Володя был как взрослый ребёнок. Его любимая мечта — сделать телескоп, чтобы на небе можно было самую маленькую звёздочку увидеть, но не успел.

Володя, ты навсегда останешься в наших сердцах, и источник любви не иссякнет, ибо он бесконечен.

Лариса Пирулина

РОДИОНОВ ДМИТРИЙ

Возраст — 18 лет; Россия, г. Москва.

Дима был хороший малый. Он пришёл к нам в десятом классе и совсем не казался чужим. Очень общительный и весёлый человек, сразу влился в нашу компанию. Он располагал к себе поразительным чувством юмора: раньше я не встречал людей, способных так искренне и от всей души смеяться, и над собой тоже! Больше всего мы с друзьями любили рассмешить его, что было очень просто сделать, а потом сами заражались его смехом. В смехе этом чувствовалась сама жизнь, переливающаяся через край. Нам всем этого очень не хватало, как взрослому не хватает порой той лёгкости и радостного

открытого взгляда на мир, которые есть у ребёнка. А Дима помог нам, поделился, хотя, наверное, он сам этого не осознавал.

Несмотря на раздражительность и вспыльчивость, он не мог долго злиться на людей. Дима был добрым и умел поддержать человека в трудную минуту, умел проявить участие. Меня это очень поразило в нём — 16-летнем подростке. В один из таких тяжёлых моментов он сумел понять и поддержать меня, хотя я его об этом не просил. Просто он тогда оказался рядом, и сам понял всё. Это было совершенно неожиданно для меня, потому что ни один из моих друзей не мог или не хотел помочь мне в такую минуту. И тогда я понял, что он тоже был одинок, мучился этим внутри себя, но в то же время он сумел воспитать себя в заботе о близких, о маме. Наверное, он чувствовал личную ответственность за душевный покой своих родных и научился его оберегать. В этом была его зрелость.

Кирилл Зенин, друг

РОЗГОН СВЕТЛАНА

Возраст — 20 лет; Россия, г. Волоколамск.

Родилась 28.10.1981 г., погибла 26.10.2002 г.

Вся короткая её жизнь прошла перед моими глазами: как появилась на свет долгожданная наша дочь. Тогда мы были студентами. Помним её первые слова, шаги. Сколько радости было, когда она пошла в первый класс!

Света росла весёлым, смышлёным, общительным ребёнком. Вокруг неё всегда было много друзей и подруг. Она всегда всего хотела добиться сама! Занималась рисованием, лепкой, но больше всего любила играть различные роли. Мы с мамой так и говорили:

«Артистка ты наша!»

Окончила школу, поступила в г. Волоколамске в техникум экономики и права. Ходила заниматься в народный театр при районном доме культуры и сыграла главную роль в драме «Эй, кто-нибудь!»

У Светы всё было впереди, и она старалась всё взять от жизни, как будто чувствовала, что не успеет...

Окончила техникум, поступила в г. Москве в институт. Была «заводилой», весёлой и жизнерадостной девушкой. Всегда помнила о нас и о младшем брате Юре. Училась и работала, хотела быть самостоятельной.

Она всегда говорила: «Папа, в Москве есть такой мюзикл, где на сцену садится самолёт. Моя мечта — сходить на этот мюзикл».

И вот наступило 23 октября 2002 года. Мы находились с сыном дома, а наша мама лежала в больнице. По телевизору в «Новостях» увидели, как захватили театр на Дубровке, и сразу почувствовали, что наша Света находится там. Мы с сыном Юрой стали звонить Свете, но её телефон не отвечал. Утром мы позвонили её другу Алексею, и он сказал, что Света с подругой находится в театре. Света просила Алексея не сообщать нам — даже в такой момент дочь думала о нас.

В ночь с 24 на 25 октября 2002 г. около 5 часов утра раздался телефонный звонок. Это звонила Света. «Папа, ты всё знаешь! К нам относятся хорошо, нас не бьют. Только ничего не говори маме!» Это были её ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА, которые мне запомнились на всю жизнь!

СВЕТА, НАША РОДНАЯ, ЛЮБИМАЯ, мы тебя ВЕЧНО БУДЕМ ПОМНИТЬ и ЛЮБИТЬ!!!

Родители

*Есть связь – прочнее связи нет! –
Двух душ между собой.
И есть глаза, чей яркий свет
Так долго был со мной.*

*Благословляющим теплом
Он исцеляет дух
От бесполезных слёз о том,
Чей взор уже потух.*

Эмили Бронте

Через 2 дня ей должен был исполниться 21 год... Ужасные ночи и дни — вот что подарила ей судьба в канун её совершеннолетия по-американски. А подарки, приготовленные друзьями и близкими, остались навеки не подаренными и не распакованными.

А ведь как прекрасно всё когда-то начиналось! 28 октября 1981 года в одном из родовых нашей огромной страны раздался детский плач...

Света была необыкновенным человеком. Её жизненному оптимизму можно было позавидовать, и было чему поучиться. Что бы ни случилось в жизни, она всё воспринимала мужественно. Света была душой любой компании. Не каждый смог бы заговорить с посторонним человеком в общественном транспорте, а она могла. Света не просто разговаривала — она дарила каждому человеку веру в счастье и заряжала оптимизмом.

От мамы ей достались необыкновенно красивые глаза... Глаза, в которых можно было утонуть, как в океане. Порой заглянешь в её глаза, и кажется,

начинает кружиться голова. Голубая бездна. Глаза, в которые хочется заглянуть снова и снова... Не каждому человеку дано так любить жизнь, как любила её Света. Света именно жила. Каждый день она проживала, как последний. Она пыталась успеть ВСЁ, но многое так и не успела...

Очень сложно смириться с тем, что жизнь забирает у нас таких замечательных людей. В каждом прохожем ищешь знакомые черты. Кажется, что ещё денёк-другой — и вновь раздастся её звонкий смех. Светин смех...

Милая моя подружка, ты жива в моём сердце и будешь жить в нём вечно!!!

Галина Кобернюк, подруга

РОМАНОВА ОЛЬГА

Возраст — 26 лет; Россия, г. Москва.

Оля родилась вечером 13 мая 1976 года. Весна в тот год было холодная и дождливая. Была сильная гроза... Когда я ходила беременной, моя сестра сказала — если родится девочка, назови её Ольгой, красивое имя. Так и родилась Ольга Романова в гром и молнию. И погибла в гром.

Ребёнком она была спокойным, я с ней горя не знала. В год пошла в ясли, потом в садик, потом в школу. В 10 лет она уже помогала мне, чем могла — чистила картошку, лук, пыталась делать уборку в доме, как умела...

Однажды пришла домой с синяком. Спрашиваю — откуда он? Она говорит, что во дворе обижали девочку, а она заступилась. Вот так она всегда, всем пыталась помочь... Подружки бегали, рассказывали свои секреты, проблемы — всем поможет, всех рассудит. Она была душевной, друзья называли её Ромашкой.

Училась в школе и 9 лет в том самом Доме Культуры по классу фортепьяно. Стала думать, куда поступать. Сначала хотела в медицинский, потом передумала и пошла на кондитерскую фабрику «Красный Октябрь». Проработала там 7 лет. Работы не боялась, всё у неё спорилось...

Жили мы скромно. Оля никогда не жаловалась, лишь однажды спросила, можно ли, когда будут деньги, купить кожаную куртку. Оля мечтала, чтобы на столе всегда были фрукты, овощи и красная икра. Я её ещё пожурила: богато жить хочешь, а она мне — не всегда, но иногда нужно.

Сейчас я понимаю, что это наказ мне был, поэтому иногда и собираю богатый стол: фрукты, разносолы и красную икру.

Оля поработала на почте, а потом нашла работу в Л'Этуале. Там и закончилась её трудовая деятельность и её жизнь одновременно...

Оля любила детей, любила животных. У нас дома две кошки — Даша и Кнопка. Кнопка выпала из открытого окна, когда Оля мыла окна, она очень переживала. Это было в августе. 21 октября я купила ей такого же котёнка — она радовалась, как маленькая. А 24 — она погибла...

В тот день они опоздали на автобус и метро, поэтому ночевать отправились к сотруднице. Уже там узнали, что Дом Культуры захвачен. Ольга сорвалась и поехала домой. Приехала поздно, взволнованная, возбуждённая... Мы сели с ней, поговорили и решили укладываться спать. Я думала, что она пошла в ванную, а она, одетая — к двери. Говорила, что пойдёт и поговорит с ними — пусть выпустят хотя бы детей. У них же тоже дети, они должны понять. Говорила — я здесь выросла, я знаю все ходы и выходы, я пройду и поговорю...

Я ругала её — ну какая она защитница! Это ведь не мальчишки со двора, которых похлопаешь по плечу — они и успокоятся. Она ушла... Закрывает дверь ключами и ушла...

А они её не поняли, приняли за шпионку ФСБ, расстреляли в упор.

После Олиной гибели начали выпускать детей... Когда приехали на опознание, нам вывезли каталку. На её лице был чёрный пакет — врач сказал, что зашивать там нечего. Мы её опознали по этим ключам и по ботинкам. А крестик остался... Олю хоронили только 30 октября — раньше нам не дала разрешение прокуратура (случай криминальный). На похоронах было много народа — друзья, одноклассники, коллеги, священник. Её жених Руслан не смог надеть ей кольцо на палец, положил его в гроб. Он сказал, что это он приготовил для неё, и с ней оно и останется.

Через четыре года после трагедии в день смерти на могилу Оли приехал Батюшка Николай из Храма Русь Державная г. Жуковска, чтобы отслужить панихиду. Батюшка сказал, что он запишет Ольгу к мученикам Романовым, потому что она такая же мученица. С тех пор на могилу Оли приходят паломники. О том, что происходит после смерти, мы не знаем, но я чувствую — Оля со мной, она оберегает и предупреждает меня. Мне часто снятся сны, где Ольга что-то мне подсказывает. Был канун её дня рождения — мне снится, будто она мне жалуется, что спина болит от банок (медицинских). Прихожу на кладбище, а там очень много цветов, и все стоят в банках.

А. И. Романова, мама

РЯБОВА АЛЕКСАНДРА

Возраст — 32 года; Россия, г. Москва.

Саша была желанным ребёнком. Она росла очень спокойной, беспроblemной, рано начала говорить. Свекровь шутила, что таких, как Саша, можно десяток воспитывать.

Саша была дружелюбной, наивной, доверчивой девочкой. После восьмого класса решила стать педагогом и перешла в школу с педагогическим уклоном. В достижении своей цели была настойчива и самостоятельна — каждый день ездила в школу с тремя пересадками. Она не была отличницей, но училась хорошо, была усидчива. Её любили и учителя, и подружки.

Но самые тесные отношения были между нами — она мне была и дочерью, и подругой, иногда даже брала на себя роль мамы, и я её слушалась.

После первого курса института Саша вышла замуж. Я была противницей её замужества, говорила, что не буду помогать, если родится ребёнок, а она мне в ответ: «Не надо, я всё сама сделаю». Рождение сына Алексея не помешало Саше успешно окончить педагогический институт.

Из-за маленького ребёнка Саша не пошла работать по специальности, а была вынуждена искать работу со сменным графиком.

Всё своё свободное время мы проводили вместе. Отдыхать всегда ездили вместе — Саша, Алёша и я. Нас чаще принимали за сестёр. Саша даже обижалась, если Алёшу считали моим сыном.

В зале театра Саша успела написать мне прощальную записку, которую я храню вместе с её паспортом.

Елена Простомолотова, мама

САВЕЛЬЕВ СЕРГЕЙ

Возраст — 47 лет; Россия, г. Москва.

Родился 19 августа 1955 года в Москве. Отец шофёр, мама повар, в семье было ещё четыре ребёнка.

Музыкой начал заниматься в духовом оркестре Дворца пионеров, с которым ездил в «Артек» и «Орлёнок». Окончил музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова, затем институт имени Гнесиных (класс И. П. Мозговенко). Работал солистом и инспектором оркестра в Театре Оперетты, в Детском музыкальном театре Наталии Сац, симфонических оркестрах под управлением Павла Когана, Вероники Дударовой, Радио и телевидения и других.

Из журнала «Филармоник» № 4 2002г

САВЕЛЬЕВА ГАЛИНА

Возраст — 34 года; Россия, г. Москва.

Савельева Галина Викторовна родилась в Москве. В 1975 году пошла в школу. Окончила 10 классов. По окончании школы поступила в Педагогический институт. По окончании института в течение 15 лет работала учителем русского языка и литературы в 577 школе в Москве. Всю свою недолгую жизнь посвятила обучению детей. Была очень чутким, добрым, честным и заботливым человеком. В свой

выходной день пошла вместе с учениками на «Норд-Ост» и не вернулась... Это моя родная тётя! Самая любимая, самая родная...

Я до сих пор каждый день вспоминаю о том, как мы с ней жили, какими проблемами делились, как вместе отдыхали, разговаривали по вечерам...

У неё много было планов на будущее, она очень любила свою работу, своих учеников... Для неё работа как второй дом была... она очень переживала за своих учеников, но мы её постоянно поддерживали! Она очень ценила своих родных, друзей, коллег!!! Любила очень собак, завела себе собаку, ухаживала за ней... Но тут она её оставила...

Мы постоянно навещаем тётю, поздравляем со всеми праздниками!

Люблю тебя, ТЁТЯ, очень сильно, жалко, тебя с нами нет рядом, нам очень плохо без тебя!!!

Любим! Помним! Скорбим!

Ирина, племянница

САПОЖНИКОВ БОРИС

Возраст — 59 лет; Россия, г. Москва.

Борис Петрович был очень жизнерадостным, энергичным и оптимистичным человеком.

Он пользовался безграничной любовью и уважением своих родных и сослуживцев.

Всем до сих пор не верится, что трагическая смерть оборвала жизнь такого замечательного и удивительного человека.

Мы всегда помним и скорбим.

*Дочери Юлия и Ирина,
жена Галина*

САФРОНОВА ОЛЬГА

Возраст — 24 года; Россия, г. Москва.

Я была непосредственным начальником Ольги. Это был ещё такой нераскрывшийся бутон, она так многому хотела научиться. Ольга была очень исполнительной. В период, когда мы проводили выборы, она не уходила, пока 10 раз не заглянула в кабинет и не спросила: «Моя помощь не нужна?»

Конечно, в силу своего возраста она была очень мечтательной. Её мама всегда просила меня быть с ней постороже, держать в узких рамках. У неё были

насчёт Ольги грандиозные планы, хотела, чтобы её дочь достигла больших успехов. Это понятно — она же была единственным ребёнком.

У Оли была необычная внешность: тёмные волосы, молочный цвет кожи и светлые глаза. Она была очень доброжелательной. Ольга любила кататься на роликах в парке. Иногда даже моя дочь с ней каталась.

В тот день перед концертом у меня было странное предчувствие. Мы готовили документы к собранию. Ольга до этого отпросилась у меня на концерт, но, когда надо было уходить, я стала её уговаривать остаться и доделать работу. Не знаю, что мной руководило. Я даже пообещала, что завтра куплю ей билет на этот же мюзикл, но она не послушала...

Надежда Ивановна, коллега

Мы с Ольгой подружились на работе. Она была такой весёлой! Когда я оставалась на ночные дежурства, она всегда приходила вечером попить со мной кофе и поболтать. Мы часто проводили выходные вместе, у нас были общие друзья. Ольга жила рядом с парком Сокольники и любила кататься там на роликах. Это было одно из её увлечений, причём у неё неплохо получалось. Ещё она любила водить машину, хотя прав у неё не было. Её молодой человек иногда разрешал садиться за руль своей машины. А я всегда её ругала, говорила, что очень рискуешь, но она вообще была рискованной.

Прошло, конечно, много времени, но я помню нашу последнюю встречу. Я пришла на дежурство, а она уже уходила на концерт. Она шла по лестнице вся в чёрном, я её окликнула довольно громко. Но она не обернулась. Ничего, подумала я, завтра увидимся, и она мне всё расскажет. Но не пришлось...

Наталья, подруга

СЕНЧЕНКО СЕРГЕЙ

Возраст — 27 лет; Россия, г. Москва.

С Сергеем мы познакомились на съёмках реального телешоу «Гарем», которое снимал СТС.

С первого взгляда он показался эксцентричным и обаятельным — ему нравилось производить на людей хорошее впечатление. Одно время он был одним из солистов дуэта «Джей Пауэр», но потом из-за разногласий с продюсером ушёл из него. Тем не менее на съёмках «Гарема» его все звали Джей.

Он отлично играл в шахматы и постоянно обыгрывал всех участников и съёмочную группу. Он любит спорт, увлекается футболом и даже имеет какой-то взрослый

разряд, хотя с виду на спортсмена вовсе не похож.

После возвращения со съёмок, когда мне негде было жить, он пригласил меня в свою коммуну — однокомнатную квартиру, которую Сергей снимал вместе с двумя своими друзьями. Если он не играет или не сочиняет музыку,

то слушает её. Я не меломан, и мне не очень нравится электронная поп-музыка в стиле «Доктора Албана», но меня его творчество не раздражало. Он умеет сделать так, чтобы такая музыка не казалась пошлой.

У него есть чувство юмора, он очень открытый и весёлый, но главная его черта, по-моему, — это азарт. Я надеюсь, что Джей свой азарт сохранит — сейчас это ему нужно, как никогда.

Алексей Юдников (написано 25 октября, когда Сергей еще был жив)

Сергея Сенченко, участника программы «Гарем», идущей на канале СТС, друзья увидели в новостях, показанных через несколько часов после штурма «Норд-Оста». Вокруг суетились санитары, на лице у Сергея была надета кислородная маска. Ребята обрадовались — нашёлся! — и поехали искать его по больницам, принимавшим заложников. Но в списках поступивших его нигде не было. Тогда отправились в 4-й морг. Врачи показывали фотографии погибших. На одной из них был именно он, Сергей Сенченко.

Он родился в Красноярске, вскоре с семьёй переехал в Анапу. В Москву Сергей перебрался семь лет назад. Это был человек-юла, «заводной апельсин», он успевал повсюду. Писал музыку, не зная ни одной ноты, и при этом сумел создать успешную группу. Танцор, дававший уроки самой Анжелике Варум. Влюблял в себя женщин на раз. Его маленькая квартирка на улице 1905 года всегда была полна друзей. Однажды кто-то предложил ему пойти в «Гарем».

Лучшей его подругой в программе стала Лариса Шальнева. На отборочном туре в бассейне Серёжа подошёл к ней: «Какая у Вас улыбка!» Девушка сразу растаяла. «Я в жизни своей не видела более чуткого человека. Он так умел слушать». На «Норд-Ост» Сергея пригласила ещё одна участница «Гарема» — Маша Шорстова. В мюзикле она играла Катю Татаринovu. После того как в зал ворвались террористы, Маша и ещё несколько артистов закрылись в гримёрке и потом сумели выбраться через окно. А Сергей стал заложником. Первый раз он позвонил по мобильному своему другу Алексею Иванову примерно через час. Просил передать, чтобы не было штурма. Просил, чтобы были выполнены все требования террористов. «Иначе нам не жить». Потом, пока у него не отняли телефон, ложился на пол под кресло и опять выходил на связь. «Он часто впадал в депрессию, я делал всё, чтоб его успокоить», — говорит Алексей. Последний раз Сергей Сенченко звонил другу в пятницу в 8 часов вечера. «С питанием у нас всё наладилось, вода тоже есть, только вот с туалетом проблема». И отключился. Жить ему оставалось несколько часов.

Сергей не был очень здоровым человеком, страдал воспалением верхних дыхательных путей, недавно перенёс ангину, поэтому выжить под смертельным газом шансов у него было крайне мало...

Жизнь надо воспринимать как сказку, которая может в любой момент кончиться. Это была любимая фраза Сергея Сенченко. Сказка кончилась. Ему было 27 лет.

«Московский Комсомолец»

Я занималась у Сергея в школе танцев. Это было ещё до «Гарема». Именно он научил меня танцевать, хоть и шутил, что это невозможно... Он был очень

весёлый, талантливый, общительный. И очень-очень хотел достичь успеха, стать знаменитым, и он бы им стал!!! Работоспособность и амбиции, в хорошем смысле слова, были у него колоссальными. Когда я увидела его фотографию среди погибших на странице МК, я долго не могла в это поверить. Но, увы... очень-очень жаль... Светлая память тебе, Серёжа.

Юлия

СЁМИН СЕРГЕЙ

Возраст — 40 лет; Россия, г. Москва.

Однажды летом 1984 года ко мне подошла моя дочь Анна, студентка 4-го курса МИСИ, и, смущаясь, сообщила, что собирается выходить замуж, что её избранник — сокурсник по имени Сергей, и что завтра он придёт ко мне просить её руки.

Чему быть, того не миновать. На следующий день вечером раздался звонок, и передо мной предстал мой будущий зять. Невысокий, стройный, симпатичный, со вкусом одетый и, конечно, с большим букетом цветов (большие букеты в дальнейшем сопровождали всю семейную жизнь Анны и Сергея).

За ужином я узнал, что Сергей родом из Череповца, что ему 23 года, что он уже отслужил в армии, что его мама учительница, а отец — строитель, по стопам которого он и решил пойти.

Сергей мне сразу понравился, и я с удовольствием дал своё согласие на их брак. Потом, как положено, было сватовство, а затем и многолюдная, в основном молодёжная, и очень весёлая свадьба.

А в феврале 1986 года у Сергея и Анны родилась дочь Сашенька.

В доме появился хозяин — твёрдый и ответственный. Чтобы кормить семью, он перешёл на вечернее отделение и пошёл работать на стройку. Затем, по окончании института, Сергей и Анна стали работать в проектных институтах инженерами-строителями.

Но грянула перестройка. Появились первые кооперативы, и Сергей «ринулся» в предпринимательство.

С этого момента у него и его семьи началась совсем другая жизнь.

Он выбрал нелёгкий вид деятельности — малозтажное деревянное строительство. На этом поприще полностью раскрылись его способности и лучшие его качества. Время было трудное, люди теряли работу, и к Сергею в фирму шли его бывшие сокурсники — профессионалы и просто люди, которым он доверял. С самого начала новой деятельности он стал единоличным лидером и непререкаемым авторитетом для всех сотрудников. Но при этом в его поведении полностью отсутствовало высокомерие и чванство. Он выслушивал мнение многих, но решение принимал единолично и был твёрд и целеустремлён в осуществлении этих решений. Благодаря умной и взвешенной политике

Сергея, фирма успешно росла и развивалась, переходя из кооператива в ИЧП, из ИЧП в ООО, но везде имея одно название — «Анна».

Почему я так хорошо знаю о деятельности фирмы? Да потому, что в 1994 году я, инженер-строитель, был приглашён Сергеем в фирму, став его заместителем, а за мной последовали мой брат, наши жёны и дети, ставшие раньше или позже инженерами-строителями.

Обычно родственные отношения сотрудников губят фирму, но не в случае фирмы «Анна», где непререкаемый авторитет Сергея, его слово были законом для всех сотрудников, в том числе и для родственников.

Мало того, что мы проводили с Сергеем бок о бок 5 дней в неделю, мы и выходные проводили вместе, так как наши дачные участки находились напротив друг друга.

И вот здесь он становился совсем другим человеком. Весёлым, непосредственным и, как сейчас говорят, «отвязанным». На даче были весёлые продолжительные застолья, Сергей играл на гитаре и прекрасно пел. Салюты следовали по любому семейному поводу. А с каким удовольствием он делал подарки, недешёвые, но всегда со вкусом. Как-то само собой получилось, что Сергей стал заниматься благотворительностью. Фирма регулярно отчисляла (и продолжает отчислять) дотации на семейный детский дом, а взамен получала вкусные пирожки и булочки к чаю. Помощь от фирмы получал и Совет ветеранов одной из дивизий Красной Армии.

Сергей и Анна решили укрепить свои семейные узы не просто штампом в паспорте, а более серьёзно — венчанием в церкви в Архангельском переулке. Потом, после трагических дней, Сергея и отпевали в этой же церкви. Жизнь, казалось, будет счастливой и долгой-долгой. В 1998 году у Сергея и Анны родился сын Иван.

Только теперь, издалека, осознаёшь, насколько идеальная у них была семья. За 17 лет совместной жизни Сергей приучил Анну к рыбалке, а Анна сделала из Сергея заядлого театрала.

Вот и тогда, 23 октября, они уходили из офиса раньше обычного, чтобы не опоздать на «Норд-Ост»... Около 9 часов вечера раздался звонок Анны, который перевернул всю нашу жизнь. Три дня прошли как в кошмарном сне, а 26-го мы узнали, что Сергея больше нет с нами.

Сотни людей приходили прощаться с Сергеем в офис фирмы: друзья, родственники, просто знакомые из Москвы, Петербурга, Череповца, Сургута.

Сергея нет с нами, но он есть в своих прекрасных детях, в своей фирме, во главе которой стоит Анна, в памяти каждого, кто знал Сергея.

И эта память будет в нас до конца.

Е. А. Киссин, отец Анны

По моим воспоминаниям Сергей в детстве был «живым», подвижным мальчишкой. Всегда находился в центре внимания, был заводилой в любой компании. Живость характера, изобретательность притягивали к нему как магнит всех, кто его знал. Из увлечений — а в детстве их у Сергея было множество: хоккей, футбол, музыка — больше всех приносила беспокойство родителям пиротехника. А нам, мальчишкам, было интересно запускать самодельные

ракеты, взрывать петарды. Не обходилось и без походов к врачу, но, к счастью, без особых проблем. Это своё увлечение он не бросил и в зрелом возрасте, довёл запуск фейерверков почти до профессионального уровня — ему нравилось доставлять людям радость, восторг.

Сергея часто нам с братом Евгением ставили в пример: аккуратность во всём — начиная с тетради до порядка в комнате, внимательность к родителям, справедливость, честность.

Серёжа сам учился хорошо и охотно помогал мне. Я помню, как, учась в 8 классе, получал много «троек» по органической химии и не понимал материал совсем, а он за два дня доступно и просто объяснил мне всё. И к концу года у меня была твёрдая «пять».

И у Евгения, и у меня встречи с Серёжей в детстве ассоциируются как праздник. Иногда родители оставляли нас ночевать друг у друга, и в эти дни мы засыпали поздно, придумывая различные предлоги, чтобы побольше пообщаться, и ждали следующих выходных, когда можно будет вновь увидеться, и Сергей придумает обязательно что-нибудь новое и интересное.

Много разных забавных случаев происходило в детстве. Их всех и не вспомнишь, но его весёлый характер, доброта и заботливость к нам, младшим, радость, которую он дарил всем, остались у нас в душе на всю жизнь.

Многих лихие 90-е заставили измениться — подчиниться порой несправедливым законам рынка. Но Сергею удалось сохранить свою доброту к людям, отзывчивость к чужой беде, справедливость, щедрость. Все эти черты, присущие ему с раннего детства, прошли огранку временем. И всё тот же весёлый огонёк в его глазах смотрит на нас и с детских, и со взрослых фотографий, заставляет нас улыбаться сквозь слёзы, вспоминать прошлое и мечтать о будущем, сверяя свои поступки с его жизнью.

В. Г. Волынкин, брат

СИДОРЕНКОВ ЮРИЙ

Возраст — 29 лет; Россия, г. Москва.

Юра был единственным, любимым и долгожданным ребёнком. Родился он на Украине, в прекрасном городе энергетиков Зеленодольске 4 мая 1973 года спустя 15 лет совместной жизни его родителей без детей.

Юра рос скромным, душевным и дружелюбным мальчиком. С самого раннего детства его окружали друзья. Как и все дети, прошёл детсад и школу. В 1989 году переехал жить в Москву, где окончил 11 класс и поступил учиться в Московский энергетический институт, который окончил в 1996 году.

Работал по специальности на ТЭЦ-26 Мосэнерго. Быстро преодолевал ступени профессионального роста, снискал уважение и авторитет у друзей и коллег. В институте встретил

свою первую и единственную любовь Светлану, которую ласково называл «Солнышко». Он очень любил её и был верен ей до последней минуты своей жизни.

Когда Юра понял, что пустили газ, он снял свой свитер и стал закрывать им лицо своей жены, спасая её от смерти. Светлана осталась жива.

В жизни Юры было всё: любовь, уверенность, надежда, движение к цели, удача, а в 29 лет всё вмиг оборвалось. Остались только любовь да свет и тепло его души.

*Ты от нас теперь далеко,
Но и сейчас в ночной тиши
Звездой сияет ясноокой
Нам добрый свет твоей Души!*

...После освобождения заложников родные, друзья, коллеги по работе долго и тщетно искали Юру по больницам и моргам города Москвы, стучались во все двери. Его не находили ни среди живых, ни среди мёртвых. Нашли Юру безымянным на 10 день поисков в больнице № 70 города Москвы.

Похоронили 8 ноября 2002 года на Николо-Архангельском кладбище рядом с пятью другими великомучениками, погибшими на «Норд-Осте».

Светлана, жена

СИМАКОВ АЛЕКСАНДР

Возраст — 29 лет; Россия, г. Москва.

Шура. Сашок. Александр Владимирович.

Родился 12 ноября 1972 года. Через две недели после «Норд-Оста» ему бы стукнуло 30...

Шура был моим другом. И это не просто слова. Потому что всё самое доброе, светлое, надёжное, красивое, что есть в слове ДРУГ — всё это я имею в виду, когда пишу о Шуре.

У Шуры было отличное рукопожатие, а это сейчас редкость. Люди здороваются по-разному: один сунет вам вялый плавник вместо руки, другой — наоборот, норовит все кости раздробить. А настоящее рукопожатие, крепкое и дружественное — редкость. Почему-то мне показалось это важным. Шура был необычным человеком. Вам придётся поверить мне на слово, потому что так можно написать про любого человека, и тем не менее я говорю чистую правду. В компаниях, где мы вращались, было много обычных пацанов и девчонок. А Шура от всех отличался. Он совершенно не пил. Был довольно скрытен. Склонен к созерцательности. Подолгу не жил дома — прятался от армии... И что-то такое в нём было, какое-то дружелюбное величие и самодостаточность. Я чувствовал себя рядом с ним немножко разгильдяем,

смотрел на него снизу вверх... Что неудивительно при его двухметровом росте.

Шура любил горы. Он был альпинистом, а также сноубордистом. Ездил в горы постоянно, по-настоящему болел этим.

Во второй половине 90-х надоело прятаться от военкомата, жить у друзей, пересчитывать копейки. Шура занялся промальпинизмом, потом создал свою фирму, постепенно начал зарабатывать приличные деньги. Весной того злополучного года купил машину, старенький Passat. Мы вместе катались ко мне в деревню.

Он жил, особенно в последние годы, как бы это сказать... Жадно, охотно, открыто, всё время пробуя что-то новое, благо появилась некоторая финансовая свобода.

Шура не был ангелом. У него были свои, как сейчас говорят, тараканы. Я вообще не считаю, что «о мёртвых либо хорошо, либо никак». Потому что дороже всего живая память о живых людях, со всеми их особенностями. Иногда Шура меня ужасно раздражал. И дело тут не только в моей раздражительности — он раздражал намеренно, а потом с интересом юного натуралиста наблюдал, как я закипаю подобно чайнику. И я вспоминаю сейчас моменты своего раздражения, своей злости на Шуру, с той же теплотой и любовью, как и любые другие, может быть более весёлые моменты нашей жизни. Хочется быть честным, особенно по отношению к тем, кто уже не может возразить.

А ещё Шура был влюблён в мою дочь. И это тоже правда. Моя старшая дочка (ей в тот год стукнуло 3 года) была нормальным ребёнком — то весёлым, то капризным... Шура проводил с ней время часами. Нас с женой это поражало: ну сколько можно времени уделить чужому ребёнку? Полчаса, час? А Шура мог просидеть с Машкой день, не вылезая из комнаты. И ведь неподдельный интерес у них был друг к другу! Мы с лёгкостью могли оставить Машку ему как няньке, даже иногда так делали. Им было хорошо вместе.

...Мы не говорили ей специально, но через несколько дней она вдруг поняла САМА, что Шуры больше нет. Слышала разговоры дома, телевизор, радио. Одни только телефонные поиски чего стоили... Одному богу известно, какое горе пережила она.

...Тем летом нашу Машку записали в детский сад, и мне в качестве трудовой повинности было поручено вкопать во дворе садика громадные сварные качели. Тоже, видать, чей-то папа постарался. Мы с Шурой полдня долбили грунт лопатами, ставили эти качели, выравнивали, заливали цементом опоры. Четыре года простояли эти качели как памятник Шуре, на них качались дети... А минувшим летом их снесли, установили там что-то другое.

Илья Гинзбург, друг

СИМОНОВ ДЕНИС

Возраст — 20 лет; Россия, г. Москва.

Тяжело и больно писать о Денисе в прошедшем времени, ведь для нас до сих пор он просто ушёл по делам из дома и вечером, как обычно, обязательно должен вернуться назад.

Так получилось, что Денис у нас был и остался единственным сыном, нашей надеждой и опорой, той искоркой настоящего счастья, которая, наверное, бывает у каждого только один раз в жизни.

Родился Денис в Москве в далёком теперь 1982 году. В школьные годы увлёкся компьютерами и компьютерной техникой. Сначала, как многие, компьютерными играми, а затем, благодаря природным способностям

и склонности к математическим дисциплинам, серьёзным программированием. Всё это предопределило его выбор дальнейшей профессии — стать инженером-программистом, поступив для этого в МВТУ им. Н. Э. Баумана на факультет информатики и систем управления.

Денис был очень разносторонним человеком, несмотря на сложный и напряжённый по учёбе вуз, серьёзно занимался плаванием. За четыре года учёбы успел стать Чемпионом Университета, заняв 1 место на кубке МВТУ по плаванию, вошёл и оставался до самого конца членом сборной Университета по плаванию. Вообще вода и всё, что с ней связано, было его стихией. Друзья даже сравнивали Дениса с дельфином. Помимо плавания он очень любил водный туризм. Прошёл многие километры на байдарках по озёрам Карелии, обожал рыбалку.

У Дениса было и осталось много друзей, что, как нам кажется, связано с его исключительной надёжностью и честностью во взаимоотношениях с людьми.

15 сентября 2002 года мы очень весело отпраздновали его 20-летие. Было много гостей, хороших пожеланий на будущее, очень много перспектив. Но...

Денис со своей девушкой должны были пойти на мюзикл в другой день, но по стечению обстоятельств поменял билеты на среду — 23 октября. Утром ушёл на занятия в институт, а поздно вечером мы услышали объявление о захвате. Потом через некоторое время позвонил он.

— Мам, мы тут сидим. Слышали, наверное, уже.

До последнего момента хотелось верить, что наших близких не оставят в беде, и во главу угла будет поставлено только сохранение всех невинных человеческих жизней. Не случилось.

Погиб наш единственный сын. Наша кровинка, наша надежда, наше будущее...

В сердце остались огромная рана и боль на всю оставшуюся жизнь.

Спасибо друзьям Дениса. Они помнят его. И благодаря этому нам кажется, что он рядом с нами. Нам так легче.

Симоновы Ирина, Дмитрий (мама и папа).

Я дружил с Денисом десять лет, т. е. к тому моменту ровно половину жизни.

Как бы это громко ни звучало, но именно дружба с Денисом оказала сильное положительное влияние на мою будущую жизнь. Всё, собственно, и началось с того, что в школе меня принудительно посадили с ним за одну парту, чтобы он положительно повлиял на меня. Так и произошло. Правильно говорят, что противоположности притягиваются. Сначала Денис невольно заставил меня лучше учиться, потом у нас оказалось много общих увлечений.

К концу школы нас уже, наоборот, пытались рассаживать из-за того, что мы постоянно что-то обсуждали. Денис был очень целеустремлённым человеком, он знал, чего он хотел, учась в старших классах. Он определил для себя, чем он хочет заниматься в жизни (специальность и вуз), упорно шёл к цели и достиг её.

Талантливые люди талантливы во всём. Уже будучи студентом, Денис увлекался культуризмом и плаванием и, надо сказать, за короткий срок достиг очень приличных результатов. Особенно запомнилось, как после первых для него институтских соревнований, после своего заплыва, Денис поднялся к нам на трибуну и вместе с нами смотрел на награждение победителей.

Он был немного расстроен, потому что в тот раз не очень удачно выступил, смотрел не с завистью, а скорее со спортивной злостью в глазах... и негромко сказал: «Да... Было бы неплохо попылиться на пьедестале». Последующий год он упорно тренировался, иногда даже во вред основной учёбе, но следующие соревнования он выиграл!

Денис мог запросто разложить по полочкам душевные переживания, «поставить диагноз» и прописать лекарство. Он любил говорить: пойми, что тебе сильно хочется, и сделай/достигни этого, чтобы потом не жалеть.

«Норд-Ост»... Когда в СМИ пошла реклама нового мюзикла, основной упор делался на то, что на сцену садится настоящий бомбардировщик. Я очень хотел посмотреть, как это будет реализовано, а Денис тогда посмеялся и сказал: «Все хотят посмотреть. Это попса — хотеть то, чего хотят все». Тогда я тоже посмеялся, и как-то решили проигнорировать это театральное событие...

Когда закончился штурм, и по телевизору объявили, что не пострадало ни одного заложника, с души упал камень...

Потом появилась информация о том, что многие находятся в больницах без сознания... Все ждали, что вот-вот Денис объявится, позвонит. Просто невозможно было поверить, что абсолютно здоровый, крепкий парень может так долго не приходиться в себя!..

Люди генетически боятся смерти. Не знаю, почему. Думаю, больше всего пугает не именно факт смерти, а уход в неизвестность. Мне больше не страшно — там меня встретит мой лучший друг.

Денис всегда был яркой личностью. Такие люди притягивают к себе окружающих. Не один я могу уверенно говорить, что Денис был моим лучшим другом. Говорят, что первыми этот мир покидают самые талантливые из людей. Видимо, они нужны для более важных дел Там... Но вот только здесь без Дениса стало очень неуютно.

Бадиков Сергей

Денис был человеком, которого невозможно забыть. А ещё — невозможно сказать «был».

Человек редкого благородства души, редкой доброты.

Наверное, я знала его не так хорошо и не так долго, как большинство его друзей. Может быть, кто-то сочтёт, что слова, которые я сейчас говорю — пусты. Но это действительно не так.

Когда я вспоминаю Дениса, то мне всегда хочется улыбнуться, потому что этот человек связан в моей памяти с неповторимым ощущением света.

Я помню, как часто он смеялся, шутил, каким остроумным был человеком.

Я помню, как иногда чувствовала, что вызываю у него недовольство, но он никогда не показывал этого, потому что был человеком очень воспитанным.

Я помню, как в компании мы часто подтрунивали над смертью, потому что она была для нас чем-то далёким, чем-то, что случится не с нами.

И уж точно не с Денисом.

Я помню, каким ответственным был Денис, помню, что он всегда выполнял свои обещания, даже если ему было неудобно это делать.

Я помню, что он был Человеком — с большой буквы. Он был одним из тех редких людей, про которых говорят, что они — лучшие, и ни у кого эти слова не вызывают протеста или отторжения. И я знаю, что у всех друзей и знакомых Дениса всё то, что было и будет написано здесь, не вызовет чувства наигранности, фальшивости. О таких людях, как Денис, говорят хорошо не только после смерти, говорят хорошо всегда. Вот только не всегда успевают.

Когда погиб Денис, я столкнулась с горем людей, намного более близких ему, чем я. И я думала, что моё горе — по сравнению с их горем — это капля в море. Я думаю так же и сейчас, хотя умом понимаю, что горе — это не то чувство, которое можно измерить.

Сейчас, когда я пишу эти строки, как и в день трагедии, меня охватывает чувство беспомощности, чувство невероятно сильное. Неужели я — человек, Человек! Неужели я уже ничего не могу сделать? Почему?

Сейчас мы можем только помнить. И мы помним — улыбку Дениса, его смех, ту радость, которую он дарил нам, ощущение, что на него всегда можно опереться, всегда попросить о помощи — и он не откажет.

Мы помним его свет.

Для всех нас — тех, кто знал Дениса — этот удар, заглушаемый безжалостным ходом времени, до конца не будет заглушен никогда.

Таня Осипова

СИНЕЛЬНИКОВ ПАВЕЛ

Возраст — 21 год; Россия, г. Москва.

Павел — бесконечно радостный, светлый, позитивный человек, всё время стремящийся знать, уметь больше. Ему всё безумно интересно, он всё время пытается сделать, попробовать, увидеть что-то новое.

У Паши отличное чувство юмора, его можно слушать часами. Помню, один раз он опоздал на встречу на пару часов. Я думала, что обязательно сейчас выплесну на него всё своё недовольство, но когда Паша зашёл в кафе, где мы с друзьями его ждали, и начал о чём-то с ними беседовать, я сидела и думала: «Говори, говори», — балдела, и сразу же простила. А чего стоит история о «Мартини» из малюсеньких кружечек для

кофе. Хотя, я, наверное, что-то не то вспоминаю...

С ним было очень спокойно, таких мужчин сейчас очень мало. В Паше был тот самый мужской стержень, та сила, то ощущение крепкой опоры и надёжного тыла, что делает просто мужчину настоящим. Очень галантен, вежлив, воспитан, умён, твёрд в своих решениях. Помню, говорил, что никогда не будет участвовать в студенческой самодеятельности, что на сцене должны быть только профессионалы. Не знаю, кому удалось его уговорить, но когда он всё-таки выступил в роли Павла Палкина (пародия на игру «Кто хочет стать миллионером» с медицинским уклоном), в зале не смолкали овации.

Паша выбрал профессию врача-стоматолога. После 2 месяцев работы, сидя на кухне, уже рассказывал ноу-хау по технике удаления зубов. Он ничего не умеет делать плохо, везде старается достичь совершенства. Ещё безумно любит сыр. Однажды на стоматологической выставке на одном из стендов раздавали пармезан в стаканчиках. Я отдала ему свою порцию, и Паша, как ребёнок, получивший любимую сладость, казалось, был бесконечно счастлив с крошками сыра на подбородке.

Пашка... Пишу, а пальцы не слушаются, слёзы застилают глаза, сердце бешено стучит. Прошло больше 4 лет, а всё так же больно, только боль другая — глубокая и тупая, и чувство безысходности оттого, что невозможно изменить, предотвратить, не пустить. Невозможно поверить, что больше не увидеть его безумно обаятельную улыбку, не услышать любимый голос, не увидеть так узнаваемую походку. Но я, наверное, не права, что пишу эти тяжёлые слова.

Он был разный, он был яркий, он был добрый, он был нежный, он был настоящий, не идеальный, но ЕДИНСТВЕННЫЙ. Был и остаётся в моём сердце.

Александра Харьковца

Мы сидели за одной партой, смеялись, хотели, верили, любили, строили планы и мечтали. Мечтали поступить в институт, открыть свой бизнес — маленькое кафе с плетёными креслами и большим экраном. Мы поступили в институты, стали специалистами — врачами, психологами и экономистами.

Встречались по выходным и на каникулах, всегда смеялись, учили друг друга, лечили друг друга, продолжали строить планы, катались на лыжах, купались в море и продолжали мечтать: «Ещё чуть-чуть, и мы станем взрослыми и сможем осуществить любую мечту!» НО в один момент всё оборвалось, и больше нет лучшего друга, просто нет, и нет мечты... Но я знаю, он всегда со мной, он смотрит на меня откуда-то с неба и оберегает меня, а я продолжаю вспоминать в ответ на моё: «Паша, ну я устала», его задорное: «Михайлова, да на тебе пахать надо!»

Екатерина Михайлова

СКОПЦОВА ЕВГЕНИЯ

Возраст — 38 лет; Россия, г. Москва.

Говорят, что когда умирает человек, вместе с ним уходит целый мир. Я думаю, что жизнь многих людей, знавших и любивших Женьку, оскудела на вселенную. В ней было столько радости, света, человеческой доброты и мудрости, что отсутствие её — остро, почти физически — ощущается и сейчас, спустя годы после того, как её не стало.

Есть такая категория людей, которые как будто рождены быть героями: смелыми, сильными, красивыми — такими, какими мы все мечтаем быть в детстве. Такими, с которыми мы всегда стремимся подружиться в юности, чьей близостью бесконечно дорожим в зрелости, с кем мечтаем легко и без сожалений встретить старость. Именно таким человеком была Женька.

Невозможно в двух словах рассказать о вселенной. Наверное, каждый, кто пишет здесь о Своих погибших, мучается от недосказанности, невозможности передать всё то, чем были для нас эти люди. Какая она была? Удивительно красивая — той яркой, солнечной, упоительной для глаз красотой, которая не оставляет равнодушными ни мужчин, ни женщин. У неё было потрясающее чувство юмора, острый ум и добрый язык. Она умела побеждать и не боялась проигрывать. Любой из нас отдал бы всё, чтобы она была жива.

Татьяна Перекатова, сестра

Женя была лучшей подругой, всё понимающим человеком... Добрая, отзывчивая, простая в общении, она всегда была внимательна к окружающим людям.

Она в последние годы работала «на износ», очень уставала — нужно было детей «поднимать», ведь Женя одна их растила. Но всегда была готова прийти на помощь — утешить, выслушать, выручить словом и делом.

Она была горожанка — коренная москвичка, но отдыхала душой только на природе: в лесу, на Волге или на даче. Как будто сил набиралась у земли. Вспоминается последнее лето перед случившейся трагедией. Женя работала

в Москве, но каждые выходные приезжала в Дубну, и мы с ней на велосипедах ехали на дачу. Покопаемся на грядках, польём, прополем, потом сядем на солнышке и говорим, говорим обо всём... Иногда и затынем, знаете, так по-бабски — от полноты души — песню какую-нибудь. У Женьки любимая была: «И я помню, давно, учили меня отец мой и мать: Лечить — так лечить! Любить — так любить! Гулять — так гулять!»

Столько было сил, планов, надежд. Я очень благодарна судьбе за то, что свела меня с Жекой, но так горько, что её убили! Так её не хватает!

Ирина Егорушкина, подруга

Жека ... Удивительной жизнерадостности был человек. Приходя к нам в гости, да в общем в любое другое место, она создавала вокруг себя такое, знаете, позитивное движение. Без какой-либо мудрёности или важности происходящего. Просто в кайф было всё вместе с ней: погулять по зябкой ещё весенней Дубне, похохотать над неловким или дурацким жестом кого-то из нас или выпить вино-водочных рюмок.

Вместе с тем, в Женьке был отчётливо виден внутренний стержень, она жила в согласии с собой. Она очень любила своих детей, и как бы срослась с ними всеми частичками души. Говорят, последние её слова были именно: «Позаботьтесь о Лёне с Люсей».

Михаил Красносельский, приятель

...Для нас она всегда была просто Женей, а для подруг по команде Жека. Умная, красивая девушка, от природы талантливая, она была создана для фехтования. У неё была превосходная координация, скорость, да ещё и к тому же левша, что всегда было дополнительной трудностью для соперниц.

Она пришла в «Динамо», в школу фехтования, рано, в 10 лет. Да и куда ей было ещё идти, когда её тетья — Раствоворова Валентина Ксенофонтовна — заслуженный мастер спорта, олимпийская чемпионка как раз набирала группу новичков. Женя быстро сумела войти в юношескую сборную Москвы, а затем попала и в сборную СССР.

Она дважды стала победительницей Спартакиады народов СССР, неоднократно выигрывала первенство страны и много различных соревнований как у себя дома, так и за рубежом.

Те, кто видели её на фехтовальной дорожке, всегда удивлялись её активной, можно даже сказать, агрессивной манере ведения поединка, ведь в жизни она была милой, улыбчивой и очень обаятельной девушкой. На сборах и соревнованиях именно у неё в номере собирались подруги по команде и просто фехтовальщицы.

С ней всегда было о чём поговорить, и она всегда могла выслушать собеседника и даже дать какой-то совет.

Арская Надежда Александровна, директор фехтовального клуба «Динамо», чемпионка мира, заслуженный мастер спорта

СОКОЛОВА МАРГАРИТА

Возраст — 32 года; Россия, г. Сургут.

Маргарита родилась в г. Казань 3 августа 1970 г. В 1987 году окончила школу и поступила в Казанский химико-технологический институт, ныне Казанский государственный технологический университет.

Мы познакомились с Риточкой в начале 1990 года и осенью уже сыграли свадьбу. После получения диплома училась в аспирантуре и работала в институте стажёром-исследователем. В 1994 году переехала в г. Сургут и поступила на работу в ООО КБ «Сургут-нефтегазбанк», где и работала до октября 2002 года.

Работая в банке, Рита заочно училась во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте, после завершения курса обучения получила диплом экономиста.

За этими сухими и краткими строчками скрывается огромная жизнь, полная счастья и неприятностей, любви и разлуки, побед и неудач. Описать эту жизнь, наверное, невозможно даже в огромной книге, тем более на страничке Интернета. Рита всегда рядом со мной, рядом с нашим сыном Андреем, которому уже 10 лет. Всегда мы с Андреем чувствуем её жизнерадостность, огромную любовь, нежность, заботу, тепло её сердца и заботливых рук. И, конечно, постоянно болит сердце от этой огромной и непоправимой потери.

Горе невозможно забыть или отложить в сторону, оно всегда с тобой. Такая короткая Жизнь течёт, полная пустых слов, дел, никчемных желаний, удовлетворения прихотей и потребностей, но самое главное и ценное, к сожалению, понимаешь, потеряв любимую. И это главное заключается в огромном, передаваемом счастье находиться рядом с любящими тебя людьми, общаться с ними, ощущать тепло их души, сердца, тепло и ласку их прикосновений.

Сергей Соколов, муж

СОЛОДОВ ГЕННАДИЙ

Возраст — 34 года; Россия, г. Москва.

Он жил на Зелёной улице в г. Люберцы, я по соседству на Колхозной. Я проходила мимо магазина «Комфорт», когда меня окликнул молодой человек. Так мы познакомились с Геней.

Мы долго дружили, в 1996 году мы поженились, а в 1998 г. родился сын Дмитрий. Гена окончил радиотехническое училище в г. Люберцы и 10 лет отработал в Люберецком телеателье мастером по ремонту телевизоров.

С 2000 г. он начал работать в мюзикле «Норд-Ост»

в должности инженера-светотехника. Всё освещение мюзикла лежало на нём. 23 октября 2002 года была его смена. Гена был захвачен террористами вместе со зрителями мюзикла. Связи с ним у меня не было, так как телефон Гена оставлял в раздевалке.

После штурма 26 октября кто-то мне сказал, что Гена жив. В больницах по спискам мы его не нашли, и лишь 28 октября после звонка в прокуратуру я узнала, что Гена погиб.

Все 6 лет я не могу смириться, что его нет с нами, а боль не утихает ни на минуту...

Ольга Солодова, жена

СОЛОНИН ЭДУАРД

Возраст — 53 года; Россия, Краснодар.

Есть такие люди, о которых говорят: хороший друг, прекрасный сын, любящий супруг, прекрасный отец, любимый брат, надёжный коллега, добрый и «светлый» человек. А бывают люди, которые совмещают все эти качества в одном лице. Таким «светлым» человеком и был Солонин Эдуард Тимофеевич. О таких говорят: «настоящий мужчина».

Он был музыкантом. Для одних Эдик, для других Эдуард Тимофеевич, и много других имен было у него... Много было у него всего: любви, друзей, переездов, неудач, открытий, планов. Как у всех нас.

Эдик был обыкновенным счастливым человеком. В том смысле, что умел делать близких счастливыми. А ему самому человеческого счастья-то достало? Любимая жена Ира, с которой ни много ни мало, но тридцать лет было прожито; любимый сын Спартак, вышедший весь в отца.

Ирину повел под венец, как только той исполнилось восемнадцать, и родители отказать «неугодному» жениху уже не могли. Эдик парень был с характером, да ещё и профессии какой-то несерьёзной — трубач! Молодая семья уехала из города и несколько лет скиталась, как тогда говорили, «по периферии». Жили в колхозных клубах, временках, комсомольских уголках. И, наконец, нашли свой дом в маленьком городке с нежным провинциальным именем Тихорецк, где Эдик много лет будет руководить юношеским духовым оркестром, а Ира станет директором Дворца культуры. И двадцать лет спустя, вернувшись в Краснодар, они так и будут собираться на все праздники с друзьями и коллегами из Тихорецка, которые подарят Эдику на его 50-летие снятый ими фильм об их молодости.

В Краснодар вернулись в трудные времена: 1990, духовые оркестры и дома культуры никому больше не были нужны, а семью кормить надо. Да и Спартаку через год поступать в университет. Эдик был настоящим мужчиной, и просто

нашёл Работу. Нелюбимую, непростую, но семья продержалась.

10 лет он проработал ночным таксистом, выслушал тысячу и одну историю жизни, успел на сотню поездов и авиарейсов, опаздывал на свидания и ездил на красный свет. А дома его ждала самая желанная и единственная Ирочка, накрывала горячий завтрак вместо ужина, мимоходом целуя сына, убегающего в университет: главное, чтобы не опоздал, на экономфаке не шутят!

А потом сын сам стал настоящим мужчиной: жена красавица и умница, отличная карьера, приглашение работать в Москве. Эдик вздыхал: только внука не хватает.

Внук будет. Елисей, с дедушкиным взглядом. Папина и мамина гордость и бабушкина головная боль на каникулах. Только чуть-чуть опоздал познакомиться с дедом — тот новости не дождался всего три месяца. Случилось ЭТО.

Это была простая человеческая жизнь, искренняя, полосатая, щедрая, неповторимая. Это была жизнь хорошего и любимого столь многими человека.

Почему-то в жизни часто бывает так, что из неё рано уходят самые лучшие, самые достойные, самые «светлые» люди. Так случилось, что тебя нет с нами, Эдуард Тимофеевич. Это всегда невыносимо больно — терять любимого родного человека. Невосполнимая утрата. С этим трудно смириться. Но ты живёшь в наших сердцах, в сердцах твоих родных и близких, друзей и товарищей. В памяти навсегда останется та история нашей жизни, в которой был ты. Мы любим тебя и помним, ты — навсегда с нами.

Твои родные и близкие

СОПРУНОВ МАКСИМ

Возраст — 41 год; Россия, г. Москва.

Для путешественника Сопрунова поход в театр стал походом высшей категории сложности.

Не только горы, но и театру уже ассоциируется с боевиками. И всё же вероятность того, что Максим Сопрунов встретился бы с кавказцами где-нибудь в горах, была больше: он виртуозно сплавлялся по сложным горным рекам. Сопрунов — один из основоположников современной российской каячной школы, участник и руководитель многих походов высшей категории сложности. На «Норд-Ост» 42-летний инструктор водного туризма пошёл с женой Еленой, с которой познакомился на турслёте, и подругой жены. Подруга

сейчас — в 7-й больнице, Елена — в реанимации Боткинской, Максима похоронили на прошлой неделе.

О том, как жили погибшие заложники, мы сейчас узнаём от их близких. Но в этом случае сохранились воспоминания самого Максима — в Интернете есть его дневник с описанием одного из походов — сплава по реке Коксу в Казахстане.

Из рассказа мамы Максима Жанны Кирилловны:

— Первый раз он позвонил сразу после захвата. Сказал, вооружённые люди велели тем, у кого есть мобильники, дозвониться до родных, чтобы они сообщили на телевидение: если будут предприняты какие-то силовые акции, то за каждого пострадавшего террориста будут расстреливать по 20 заложников. У меня был телефон «Времечка», я позвонила.

*Река с простым названием Жизнь —
Ты для иных непроходима,
Но мне пройти необходимо
Твои стальные рубежи.*

Из дневника Максима Сопрунова:

«После завтрака, оставив травмированного и женщин в лагере, вышли за оставшимися наверху катамаранами и каяком. Управились с этим делом за 1,5 часа. Собрали катамараны и спустили их на воду. Далее день проходил в тягучем безделье. До обеда купались, спали, ловили рыбу (5 штук). После обеда ходили на просмотр порога, который фактически заканчивается за левым поворотом реки, в 50 м ниже устья Тентека. В лоции Лифанова сразу за устьем препятствие называется Мини-камикадзе (каяк в пороге перевернулся)...»

Из рассказа мамы Максима:

— Они сидели на 11-м ряду, места 33, 34 и 35. Один раз он позвонил и сказал: «Мама, мне плохо». Я отправилась на НТВ, на передачу «Свобода слова». Когда мне дали микрофон, я напрямую обратилась к господину Бараеву с просьбой решить судьбу моего сына, поскольку он диабетик, плохо себя чувствует и нуждается в лечении.

*Река с простым названием Жизнь —
То, словно море, широка ты,
То обнажают перекаты
Камней щербатые ножи...*

Из дневника Максима:

«Вышли, как обычно, поздно. На протяжении 1 ч. 10 — несложные шиверы и порожки сибирского типа, образованные выходом коренных пород в русле (красноватые скалы). Далее горы сходятся, шиверы усложняются, вода становится более мощной, падение увеличивается... Долина опять расширяется, горы отступают. Стали на левом берегу на ночлег. Вечером, отбиваясь от множества советчиков, Гриша пёк блинбургеры. День был очень жаркий. На левом берегу растительности мало, и спрятаться от солнца можно только под тентом. Вода в реке стала теплее».

Из рассказа мамы Максима:

— Сын с женой работали в солидной фирме. После штурма их коллеги ездили, искали Максима двое суток. В воскресенье появился слух, что он лежит в хорошем состоянии в 13-й больнице, и его вот-вот должны выписать и даже

просили прийти с вещами. Но в тот день я проснулась, и мне сердце говорило, что он неживой. Поэтому, когда я поехала в 13-ю больницу, у меня с собой уже были фотографии, чтобы отправиться с ними на Петровку. Альбом сын забрал себе (он жил отдельно), и у меня были только любительские снимки плохого качества — на байдарке, с веслом. В больнице сына не оказалось, и я поехала на Петровку.

*Река с простым названием Жизнь
Одoleвает понемногу.
И вот — два пенящихся рога!
Мне их ни в жизнь не пережить...*

Из дневника Максима:

«Далее на протяжении 1,5 км река простая, не выше 3-й категории. На обратном пути разведали хороший малинник. Малина только начала поспевать. Часть группы побывала на пасеке в гостях. Угостились горячими лепёшками, а также молоком и мёдом (за деньги). Обещали утром зарезать барана. Ужин включал в себя вышеперечисленные лакомства и жареные грибы. При беседе с хозяйкой выяснилось, что место, где лёг каяк, называлось Иудино место. Несколько лет назад где-то здесь погиб каякер из Питера».

Из рассказа мамы Максима:

— На Петровке мне сказали, что Максим — в морге в Измайлове. Я приехала туда. Мне на компьютере показали изображение. Я узнала сына — вытянутое лицо, брюнет. Открыли дверь, я подошла, сказала: «Сынок, спи спокойно, любимый. Тебе будет вечная память». Он закутан был до подбородка. На виске — ссадина. Похоже, что удар был пистолетом по касательной. Это не ушиб. При Максиме не было документов. А он с детства был приучен ходить с документами. Видно, боевики забрали.

*Река с простым названием Жизнь
Не так длинна, как мы хотели б,
К тому ж житейские метели
В лёд заковать её взялись.*

Из дневника Максима:

«Не доходя до следующего ущелья реки, остановились на низкой лесистой полке левого берега. Столь ранняя остановка была вызвана двойным праздником в группе. Во-первых, полное прохождение Казана и Чёртова ущелья Коксу завершено, во-вторых, юбилей одного из участников похода. Поэтому решено было сходить вверх по реке, где мы заметили юрты чабанов. У юрты мы обнаружили несколько чабанов, собравшихся на свой праздник. Приняли нас очень тепло. Мы обменяли основную веревку на барана, а потом наблюдали за ходом местных развлечений (скачки, козлодрание). Праздник затянулся далеко за полночь».

Из рассказа мамы Максима:

— Похороны назначили на 30-е. Я поехала в морг попросить разрешения

присутствовать при омовении. Иначе я до конца жизни не отделилась бы от мысли, в каком виде он ушёл в тот мир. Но мне не разрешили. Как я поняла, начальство запретило им открывать тела даже при опознании — можно было показывать только лицо, а приметы они должны были проверять сами. Похоронили мы его на Преображенском кладбище. На поминках я попросила друзей Максима спеть его любимые песни. Съездили за гитарой, привезли её, спели три бардовские песни, в том числе визборовскую «Милая моя», но у всех голоса были севшие. Решили, что петь будем на сороковинах.

*Река с простым названием Жизнь
Не так проста, как показалось.
Пораньше б знать,
Что нам досталось, —
Хотя бы за руки взялись.*

*В тексте использованы слова песни барда Валерия Бокова «Река».
Юлия Ларина, «Московские новости»*

СТАРКОВ АЛЕКСАНДР

Возраст — 39 лет; Россия, г. Москва.

Родился 1 июля 1963 года в г. Павловске Воронежской обл. После окончания техникума мелиорации служил в пограничных войсках Советской Армии. После демобилизации работал в органах МВД г. Москвы (патрульно-постовая служба). В 1990 году заочно окончил лесотехнический институт. Последнее место работы — ГИБДД СЗАО г. Москвы.

Мы знакомы с Сашей с раннего детства. Я приехала в деревню в гости к тёте, а он жил в соседнем доме. Я помню, как Саша со своим другом бросался в меня яблоками через забор.

После смерти моей мамы отец уехал жить к тёте, и я приехала проведать их во время каникул. Так мы с Сашей встретились снова спустя пятнадцать лет, но теперь уже между нами не было «яблочной войны», а появился интерес друг к другу. Сразу же при знакомстве я подумала, что этот парень будет очень хорошим мужем — таким надёжным показался мне Саша.

Я вернулась домой, его призвали в армию. Мы переписывались почти два года, но потом переписка прервалась. Однажды я поняла, что хочу найти Сашу, и послала открытку. Эта открытка путешествовала за Сашей по всему СССР, нашла его, и наша переписка возобновилась.

После службы в армии Саша вернулся домой, пригласил меня в гости. Я пообещала приехать после экзамена, и он неделю каждый день с букетом цветов встречал автобус в надежде, что я приеду.

После окончания института меня направили работать в Челябинскую область, и он поехал за мной. Мы поженились. Для Саши семья была главным в жизни. Родилась дочь Лиза. Она росла болезненным ребёнком. Я помню, как во время её болезни мы с Сашей ночами сидели под окнами больницы.

Саша работал в милиции, поэтому очень редко бывал дома. Зато свободное время с удовольствием проводил с детьми, никогда не поднимал на них руку. Дети любили и уважали его, слово отца всегда было решающим. У Саши были «золотые руки», мог многое сделать сам, учил этому сына. Все вместе мы строили дачу.

Саша был общительным, доброжелательным, физически сильным человеком с хорошим чувством юмора, любил и уважал своих родителей. Нам нравилось проводить время в кругу друзей.

Его работа была опасной. Однажды я спросила — легко ли убить человека? Саша ответил: «Очень трудно. Бывает иногда, что пьяный лезет с ножом, можно было бы применить оружие для самообороны. Но как подумаю, что у него есть родители, жена, дети, что его смерть принесёт им горе — рука не поднимается».

В те страшные дни в «Норд-Осте» Саша больше молчал. Я помню всё, что он говорил. Особенно мне запомнилось, как во второй день Саша рассказал, что примерно полгода назад видел сон — мы сидели в театре, а вокруг страшные люди в чёрных масках. Я тогда спросила: «А как закончился сон?» Он ответил: «Всё вокруг покрылось туманом...»

Тамара Старкова, жена

СТАРКОВА ЕЛИЗАВЕТА

Возраст — 16 лет; Россия, г. Москва.

Лиза была очень спокойным, весёлым, жизнерадостным ребёнком. Она начала рано говорить. Ей очень нравилась буква «Р», в 1,5 года она с удовольствием кричала слова «рама, карась».

Лиза очень любила танцевать, и с 6 лет занималась хореографией. В детстве часто ссорилась с младшим братом, даже дрались, но когда повзрослели, стали дружными. Она часто помогала брату выполнять школьные домашние задания.

Лиза была заводилой в кругу друзей. Таких людей обычно называют «душа компании». Но при этом она была легко ранима — на любое замечание или обидные слова у неё появлялись слёзы на глазах. Лиза огорчалась из-за того, что не может ответить достойно на грубость, теряет и плачет. Она интересовалась религией, часто задавала вопросы и ходила со мною в церковь.

Лиза нравилась многим мальчикам, и мальчики нравились ей. Она часто меня спрашивала о том, как узнать, что этот человек — твоя «половинка», как

отличить любовь от увлечения, сможет ли она не ошибиться и найти свою настоящую любовь.

Она мечтала быть стилистом-парикмахером. Лиза окончила курсы парикмахеров в 14 лет, и к Новому 2002 году я попросила её отрезать мне косу. Лиза сделала мне красивую модную стрижку.

В том же году затеяли ремонт в её комнате. Перепачкались в цементе, а она вдруг говорит: «Врач должен лечить, повар варить, а маляр белить». Но мы всё-таки закончили ремонт. Лиза сама покрасила плитусы и подоконник в голубой цвет, а потолок сделали как звёздное небо. Эти звёзды в её комнате светят мне до сих пор...

Тамара Старкова, мама

ТАГУЗАЕВА ЮЛИЯ

Возраст — 54 года; Россия, г. Москва.

Родилась 17 августа 1948 года.

С Юлей мы знакомы с 14 лет. Её отец был военным, и после перевода в Москву она пришла в наш класс. После окончания школы Юля поступила в МИСИ, а я в МИЭМ, но наша дружба продолжалась. Мы поженились ещё до окончания института. В 1972 году Юленька подарила мне сына Сергея.

После окончания института Юля начала работать в институте Мосинжпроект сначала инженером, потом ведущим инженером. Ей предлагали должность руководителя группы, но Юленька отказалась, характер не тот.

Она была весёлая, общительная, с открытой душой. У Юли было много подруг, мы ходили к ним в гости, они к нам часто приезжали. Она любила театр, поэтому с удовольствием ходила с подругами на спектакли.

Юленька очень любила готовить, и мне казалось, что вкуснее еды, чем готовит она, нет. Мы любили путешествовать вместе, объездили полстраны. А ещё одно общее увлечение — это сад. У Юли почему-то совсем не росли помидоры, зато урожай огурцов был самым лучшим. Она знала моё пристрастие к малине и поэтому доверяла мне собирать только клубнику.

Нам нравились разные фильмы — Юля любила детективы, а мне нравились боевики. Но мы не ссорились из-за этого — я всегда уступал Юленьке. Я её очень любил, поэтому даже когда она была не права, я всё равно уступал ей, соглашался с ней всегда.

Мне нравились овчарки, но Юля боялась больших собак, поэтому мы завели пуделя. А потом купили кошку, потому что Юля очень любила кошек. Однажды она поехала покупать гардероб, а вернулась с котёнком-персом. Потом ещё одного котёнка Юленька нашла во дворе — так у нас стало 3 кошки в доме. Юля очень любила животных и до последнего дня кормила бездомных кошек.

Когда сын вырос и отделился от нас, мы решили переделать квартиру. Идеи были Юленькины, а в жизнь эти идеи воплощал я своими руками. Но жить нам вместе в этой обновлённой квартире не довелось.

Константин Тагузаев, муж

ТЕЛЕНКОВА ТАТЬЯНА

Возраст — 45 лет; Россия, г. Орехово-Зуево.

Теленкова Татьяна Васильевна родилась 22 октября 1957 года, работала в гостинице «Советская» г. Орехово-Зуево. Мать четверых детей.

Добрая улыбка и приветливый характер Татьяны Васильевны были визитной карточкой гостиницы, в которой она долго работала. Она умела ладить со всеми: и с сотрудниками, и с гостями, приезжающими в город. Даже самые «привередливые» из них «таяли» перед этой обаятельной женщиной. Она всегда старалась помочь, но если приходилось отказывать, делала это так тактично, что это принималось как объективная необходимость. Татьяна Васильевна

была стержнем большой и дружной семьи: у неё было четверо детей. С годами, когда они повзрослели, Татьяна стала для детей верным другом. С ней дети делились своими проблемами и своими секретами, советовались, как поступить в сложных ситуациях. Она была их «надёжным тылом».

Родственники

ТКАЧ ГЕРМАН

Возраст — 25 лет; Россия, г. Мурманск.

Герман был поздним и желанным ребёнком. С трёх лет посещал детский сад, затем школу. Учился всегда хорошо.

После окончания школы в 1994 г. поступил в Мурманский Морской колледж им. Месяцева. В 1998 году успешно его окончил, получил специальность судоводителя. Ходил в море на рыболовецких судах вторым помощником капитана. В коллективе сына уважали и ценили за трудолюбие, порядочность и добросовестное отношение к своим обязанностям.

У Геры были друзья. В основном он поддерживал хорошие отношения со своими одноклассниками. Они вместе учились, все получили морскую специальность. Ходили в море,

а между рейсами, если удавалось, вместе проводили время.

В 2000 году, придя из очередного рейса, Герман решил отдохнуть. Взял путёвку в Турцию. Там он познакомился с девушкой. Она была из Москвы, и звали её Жанной. Они полюбили друг друга и стали встречаться. После каждого рейса встречались в основном в Москве и вместе проводили время. Так получилось и в тот роковой 2002 год, когда Герман с Жанной пошли посмотреть мюзикл «Норд-Ост», который широко рекламировался в то время.

Во время второго отделения спектакля произошла трагедия — зрители оказались заложниками террористов. В результате проведённой операции мой сын погиб, не дождавшись какой-либо помощи. Его девушка Жанна находилась в состоянии клинической смерти, но вовремя оказанная медицинская помощь спасла ей жизнь.

Мы его по-прежнему любим, помним и скорбим. Герман всегда с нами.

Мама, папа, брат и все родственники

Мы познакомились в Турции на отдыхе в 2000 году. Если бы знать тогда, что для Германа это знакомство будет роковым.

Но людям не дано предугадать своё будущее.

После Турции у нас завязались дружеские отношения, смс-переписка. Потом Герман приехал в Москву, ко мне. Тогда всё обошлось, но мы поняли, что расставание — вещь сложная...

Потом в Мурманск полетела я. И опять... Я даже поменяла билет на день вперёд, чтобы подольше побыть вместе. Я не совру, если скажу, что со дня знакомства (ну не будем считать Турцию) мы виделись раз 5. (Герман ходил в море на 3 месяца, иногда на полгода). Но когда я очнулась в больнице и вспомнила его (не сразу, у меня была ретроградная амнезия), у меня было ощущение, что знала его лет 5. В тот, последний раз, он пришёл из очередного рейса, и по рассказам его мамы, Р. В. Ткач, сразу рванул в Москву. 23 октября он должен был лететь обратно, домой. Но так распорядилась судьба, что мы опять не могли расстаться и поменяли его билет. Опять же какое-то странное стечение обстоятельств, что я, уже однажды посмотрев этот мюзикл, решила удивить его и предложила сходить на «Норд-Ост». И мы купили билеты на 23 октября...

Когда я очнулась в больнице, я долго не могла понять, как я здесь оказалась. Память возвращалась постепенно, сначала я говорила, что была там с подругой, потом, когда вспомнила, пришёл ужас. Я помню, как, лёжа в больнице, пыталась звонить в Мурманск с мобильного телефона, но ничего не получалось. Потом меня отправили в «Голубое», что-то вроде реабилитационного центра. Я очень не хотела ехать, а причиной тому было то, что я ждала возвращения домой, мечтала залезть в интернет и узнать хоть что-то о судьбе Германа. Но меня отправили, можно сказать, силой. Со мной поехала моя сестра, и она же сказала мне о судьбе Германа.

Сейчас мне жутко вспоминать те дни. Лёжа в больнице, я даже не догадывалась, что Раиса Васильевна, мама Германа, была в Москве, общалась с моей сестрой, забирала его тело, чтобы похоронить...

Я только думала, что же я ей скажу...

Сейчас, по прошествии уже стольких лет, мне даже не хочется думать

о «Норд-Осте», но там погибли люди, наши близкие, память о которых должна быть жива всегда, поэтому, когда я слышу «Норд-Ост», я вздрагиваю и память возвращает туда, в тот зал, где мы сидели, ожидая спасения, надеясь на лучшее, и в тот момент, который я ещё помню, все ещё были живы...

Жанна Володина

ТОВМАСЯН ЛЮДМИЛА

Возраст — 44 года; Россия, г. Челябинск.

Это была удивительная женщина — яркая, красивая. Она очень любила жизнь, искренне радовалась каждой счастливой минуте, цветку, лучику солнца, хорошему настроению окружающих. Ей хотелось видеть счастливые лица, улыбки, создавать вокруг себя красоту. Не случайно она избрала профессию художника-модельера обуви, и её коллекции отличались вкусом и изяществом.

Ещё она любила дом, в котором её стараниями тщательно был подобран каждый предмет, каждая вещь, дом, где каждый уголок хранит тепло её души.

Ну и, конечно, она любила свою семью, обожала и гордилась своими детьми, переживала, когда кто-нибудь заболел, или у кого-то случались неудачи. Мы с удовольствием собирались вместе вечером после работы, делились впечатлениями о прошедшем дне, радостями и печалью, и для каждого у неё были добрые слова. В то же время она была сильным человеком, с честью выходила из трудных ситуаций, всегда сохраняла присутствие духа.

Любительница новых впечатлений, всегда подходила с большим энтузиазмом к проведению времени на природе. Вечерние прогулки, походы, отдых на озере, на море. Всё это успокаивало и вдохновляло её, было для неё своеобразным источником жизненной энергии.

Она старалась научить своих детей видеть эту красоту. Стремилась показать жизнь в природе, красоту в распустившемся цветке, в тех вещах, которые многие не замечают. В ней сочетались качества тонкой, хрупкой, изящной натуры и сильного, непоколебимого человека. Всё это придавало ей своеобразный шарм. Такие люди делают наш мир лучше и богаче.

Очень трудно передать боль той утраты. Иногда хочется обратиться к ней по поводу текущих событий, рассказать ей о чём-либо... Увы, теперь это можно сделать только мысленно. Но память — светлая память — навсегда останется в наших сердцах.

Семья Товмасын

Людмила Владимировна Товмасын работала в Корпорации «Уралобувь» с 3 апреля 2000 г. Эта обаятельная, жизнерадостная женщина была любимицей

всего коллектива. Лёгкий позитивный настрой, её энергетика передавались с первой минуты общения. Именно к ней можно отнести выражение «Свет в окошке».

В нашей организации Людмила Владимировна работала стилистом. Работу свою любила. О тенденциях моды, о правильном выборе обуви для покупки и многих других темах печатались её интересные статьи.

Большая работа с её стороны проводилась с поставщиками обуви, т. к. наш регион отличается резко континентальным климатом, поэтому наше предложение жителям города и области должно соответствовать по многим параметрам.

Людмила Владимировна была очень внимательной и отзывчивой. Ярким примером тому служит её поступок при освобождении первой заложницы Сухаревой Натальи, которая ждала ребёнка. Об этом факте уже много написано, и за этот поступок Людмила Владимировна была представлена к награде посмертно.

День её трагической гибели, 26 октября 2002, для нашей организации памятная дата. Ежегодно в этот день зажигаются поминальные свечи рядом с портретом Людмилы Владимировны. Все, кто знал её, встречаются на кладбище, чтобы почтить память.

В нашей памяти Людмила Владимировна останется всегда лучезарной и любившей жизнь женщиной. Чистые, светлые воспоминания об этом удивительном человеке в сердце каждого, знавшего её. Через год после трагической гибели её горячо любимой дочерью Елизаветой при поддержке тех людей, для которых трагедия в «Норд-Осте» — не просто свершившийся факт терроризма, а собственная боль, небольшим тиражом была выпущена книга «Светлой памяти Людмилы Товмасян».

Коллектив сотрудников ООО Корпорация «Уралобувь»

ТОЛМАЧЁВ АЛЕКСАНДР

Возраст — 27 лет; Россия, г. Москва.

Дорогой мой сын, безгранично любимый мальчик, красивый, талантливый, добрый, всеми любимый, родился 19 мая 1975 года, погиб в самом расцвете сил. Он так любил жизнь!

В 1992 году окончил школу с углубленным изучением английского языка, затем Московский Государственный Университет Инженерной Экологии (бывший МИХМ), факультет химической и биологической техники, учился в аспирантуре и работал в НПО «Техновакуум», имел научные публикации.

Он был удивительно разносторонним человеком: кроме совершенного знания английского учил французский язык, великолепно разбирался в литературе, знал и любил философию,

историю. Ещё школьником участвовал в районной и городской Олимпиадах по истории, где занимал 1-е и 2-е места. Хорошо знал английскую и шотландскую поэзию, читал в подлиннике. Учась в институте и аспирантуре, преподавал там английский язык, занимался физикой и химией со старшеклассниками в подшефной школе, старался, чем мог, помочь семье в то трудное время.

Его страстью был парусный спорт, яхты. Летом работал тренером по парусному спорту в студенческом яхт-клубе, участвовал в соревнованиях.

У него не было врагов. На поминках, которые проходили в его родном институте, были все: друзья, руководство института и фирмы, где он работал, и великое множество студентов и преподавателей. Выступавшие, вспоминая, каким был Саша, единодушно называли его солнечным мальчиком, таким он был образцом доброты, отзывчивости, источником любви и радости для окружающих.

Г. А. Толмачёва, мама

В парусном спорте Сашу интересовало абсолютно всё, все виды парусных судов. Он никогда не приходил на готовое — любил взять самую старую лодку и довести её до ума. Это позволяло ему хорошо разбираться во всём, что касалось парусного спорта. С увлечением тренируя студентов, Саша испытывал большое удовольствие от того, что мог передать им свои знания и опыт. Поэтому он пользовался у них любовью и уважением. Саша не терял самообладания и уверенности в любых ситуациях, личным примером учил студентов находить выход из самых сложных положений.

Он был как бы нашим стержнем, с ним было легко, свободно. Мы, друзья и яхтенная команда, всегда чувствовали его доброжелательность, желание мира и порядка в коллективе. На Сашу всегда и во всём можно было положиться. Все яхтсмены на нашей базе любили его, иногда чрезмерно используя его доброту и желание помочь (особенно этим пользовались девушки). У Саши было обострённое чувство справедливости. Он чувствовал, как его слова и поступки могут отразиться на товарищах, и поступал в соответствии с этим. Надо добавить, что Саша был весёлым человеком, любил и умел отдыхать и веселиться. Всегда находил для компании интересное дело, которым увлекал всех.

В своё последнее лето Саша сильно разбился на скутере — ему пришлось взять на себя основной удар, чтобы не пострадала пассажирка. Однако надо было готовить яхту к спуску на воду. Он на костылях приехал на базу и стал работать наравне со всеми. Была жара, и мы поливали его из ведра, так как он не мог вместе с нами купаться.

Вот уже пятое лето идёт без Саши. Мы строили много планов о дальних походах по нашей неповторимой Волге, о её маленьких чудесных городках... Как жаль, что им не суждено теперь сбыться! Наша яхтенная жизнь непоправимо изменилась. Никто и ничто не сможет заменить Сашу — нам очень его не хватает, и мы всегда помним о нём. До сих пор во всём видны результаты его работы.

Всё на нашей яхте напоминает о нём, в том числе и его личные вещи, памятная табличка, на которой написано новое название яхты — «Саньч». Это имя

мы хотим присвоить яхте в память о Саше. Мы любим его и бережём память об этом ярком, необычном человеке.

*Яхтенная команда А. Толмачёва: Адамов Евгений, Богомолов Игорь,
Поплавская Ольга, Сургучёв Олег*

Мы любим и помним тебя, наш воспитанник 45 школы, Саша Толмачёв.

Ты рос пытливым и любознательным. Ни одной железки, винтика-болтика, пропустить не мог. Всегда хотел найти им применение. Фантазёр и исследователь школьного двора и этажей, ты искал себе дело. Если в школьном музее технические неполадки, нужны твои золотые руки. Если у Натальи Михайловны премьера, ты осветитель. Целыми днями ты пропадал в школе, а как она без тебя, никак нельзя. У тебя был дом, брат, родные, близкие и друзья. И потрясающий талант — любить людей. Большие и маленькие так тянулись к тебе, и ты платил им тем же. Горько сознавать, что спектакль в «Норд-Осте» стал тебе памятником. 27 лет. Это очень мало для жизни и много, чтобы сказать тебе: «Ты вырос настоящим человеком!»

*Так думает о тебе Елена Арсентьевна Балаева, твой старший друг
и учитель по изобразительному искусству.*

Вы знаете, есть такие люди, от которых исходит положительная энергия, с ними так легко и приятно общаться и, несмотря ни на что, они всегда позитивные и бодрые духом. Они заботливые дети, отличные коллеги и надёжные друзья! Саньч был именно таким человеком. К нему всегда можно было обратиться за помощью, он был добр и внимателен к окружающим, терпелив, и с ним всегда было интересно общаться. Он много знал, много умел и с удовольствием делился этим с окружающими.

Он мог запросто предложить поехать кататься на коньках после лекций на вечернем отделении после долгого тяжёлого трудового и учебного дня. Он мог позвонить и поделиться впечатлениями от только что прочитанной интересной книги. Он мог предложить выйти на яхте в сильнейший ветер, чтобы показать, как лучше управлять ею, потому что без него меня просто не выпустят на воду. Он объяснял парусную теорию по нескольку раз, терпеливо рисуя палочкой на песке розу ветров. Он ВСЕГДА был таким! И он ВСЕГДА останется таким в нашей памяти и в наших сердцах.

Это ужасно несправедливо, когда из жизни уходят молодые люди, когда столько ещё не сделано и не сказано.

Печатаю эти строки, а самой до сих пор не верится, что Саньч погиб. Он всегда будет с нами, потому что такие светлые и добрые люди не могут быть забыты.

Хочется выразить глубочайшие соболезнования родным и близким!

Светлая память Саньчу!

Елена

С Сашей мы были знакомы ещё со школы, с первого класса. Как-то сразу нашли общие интересы и быстро подружились. Сидели за одной партой. Списывали друг у друга. В частности, мне плохо давалась литература, и я часто

списывал у него сочинения, которые он, в отличие от меня, писал с лёгкостью. Он всегда был лёгок в общении, всегда с открытой душой и желанием оказать любую помощь и поддержку. Саша был невероятно энергичным человеком, всегда был лёгок на подъём. Он никогда не мог высидеть на месте, если знал, что где-то происходит что-то интересное и без него. В нём всегда присутствовал дух авантюризма. Его всегда переполняли невероятные идеи, которые он непременно пытался осуществить и претворить в жизнь.

Часто вспоминаю, как мы вчетвером — Саша, Сан Саныч, Дима М. и я — перегоняли «Красный химик» из Хлебниково в Московское море на остров «Б». Замечательное было время, остались незабываемые впечатления. Всё это так сильно врезалось в мою память, как будто было вчера, а на самом деле с тех пор прошло уже 15 лет.

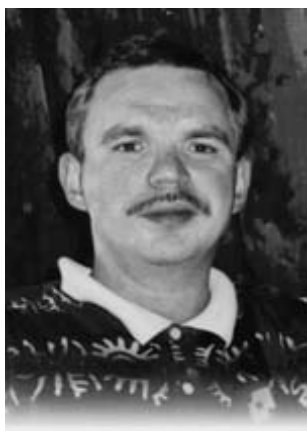
До сих пор не верится, что он ушёл, что его нет рядом. Кажется, вот-вот раздастся телефонный звонок, и Саша предложит какую-нибудь очередную авантюру. Сегодня Саше исполнилось бы 32. И сегодня, в день его рождения, хочется сказать:

— Мы никогда не забудем тебя, светлая тебе память. Ты всегда останешься в наших сердцах таким же открытым, простым и жизнерадостным, каким ты был, останешься хорошим сыном, хорошим братом, надёжным и преданным другом. И тебе всегда будет 27.

Андрей К.

Александр Толмачёв стал сотрудником НПО «Техновакуум» после собеседования. Сразу. Нам тогда нужен был инженер, обладающий подготовкой в нескольких областях знаний, и Александр оказался как нельзя кстати. Его собственный творческий потенциал, базовое инженерное образование МИХМ, английская спецшкола, навык работы на компьютере позволили ему в очень короткое время «войти в тему» и вести самостоятельную научно-инженерную работу. В круг задач, с которыми он работал, входило проведение моделирования химических процессов, подготовка технических предложений, ведение действующих проектов. Кроме того, через него осуществлялись все контакты с иностранными партнёрами и заказчиками (Центральная Европа, Северная Америка, Мексика, Индия). Притом, что круг жизненных интересов Александра был очень обширен, он прекрасно ладил в коллективе и, несомненно, был его составной частью. Его уход был тяжело переживаем всеми нами, как у Высоцкого: «...вдруг заметил я — нас было двое. Для меня будто ветром задуло костёр, когда он не вернулся из боя...» Это здорово, что нам была подарена такая возможность, прожить часть жизни рядом с ним. Спасибо!

Александр Реутов, коллега

ТЮКАЧЁВ АЛЕКСАНДР

Возраст — 37 лет; Россия, г. Москва.

Тюкачёв Александр Валентинович родился 12 мая 1965 года в городе Архангельске. Учился в школе в городе Ровно на Украине, окончил её в 1982 году с золотой медалью. С 1982 по 1986 год учился в военном училище связи в г. Орле. После окончания училища служил в рядах Советской Армии. В 1992 году уволился из рядов вооружённых сил, работал директором ЗАО «Аспект». Женат, воспитывал двух дочерей.

Александр любил жизнь, был жизнерадостным и ответственным человеком, надёжным сыном, отцом и мужем. Хорошая память о нём родных, близких, друзей и знакомых навсегда останется в наших сердцах.

*Ты ушёл внезапно и так рано,
Обжигая болью нам сердца!
Нет! Нет! Нет! Всегда ты вместе с нами,
И будешь жить в наших сердцах!*

Ангелина Владимировна Тюкачёва, мама

УСВАЛИЕВА ЕВГЕНИЯ

**Возраст — 19 лет; Россия, г. Красногорск
Московской области.**

С Женей мы познакомились на первом курсе института. И мне сильно повезло в том, что мы стали друзьями.

К ней всегда можно было обратиться практически по любому вопросу и получить на него единственно правильный ответ.

Мне в ней нравились её начитанность и её понимание жизни. Она никогда не смеялась над чужими ошибками и очень близко к сердцу принимала любые неудачи, которые случались в её жизни. Особенно это ярко проявлялось в учёбе во время сессии.

Алексей Миняев, однокурсник

Ты была таким необыкновенным человеком! Никто не может относиться ко всем окружающим людям с теплотой в сердце, только ты одна это могла. Ты была другом для всех! Ты была нашим психологом, всегда могла понять и поддержать. В свои 19 лет ты была очень мудрой. 19 лет — возраст

любви и наслаждения жизнью... В твои 19 лет кто-то посмел сделать выбор за тебя, кто-то решил, что ты своё уже прожила. Как же это жестоко. За что? Почему?

Словно кошмарный сон, но невозможно проснуться. Только боль в сердце напоминает, что это реальность...

Галина Кобернюк, подруга

УСТИНОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА

Возраст — 11 лет; Россия, г. Москва.

Катя родилась 12 декабря 1990 года. К её рождению готовились не только родители, но и мы, дедушки и бабушки. Радости не было предела, когда она родилась.

Это было прекрасным событием для нашей семьи. Мы все её любили, и она относилась ко всем нам с ещё большей любовью. Катя была спокойной дружелюбной девочкой. Первая улыбка, сказанное слово, первый поступок — всё вызывало у нас радость и гордость за неё.

Начиная с первого года жизни, она каждое лето приезжала к нам. Когда Катя у нас жила, то много интересного мы узнавали от неё. Она обладала не по возрасту широким кругозором. Своими рассказами Катя увлекала нас в мир прекрасного, неизвестного, в мир звёзд. Она любила живопись, природу. У неё с детства получалось собирать необычные букеты-композиции, и она их с удовольствием дарила. Она очень любила животных. Мы заводили с ней мышек, хомячков, цыплят. Трудолюбивая — она всегда была чем-то занята. Любила вышивать, занималась бисероплетением, подолгу могла читать и рисовать. Ей всё давалось легко, но, тем не менее, к каждому делу Катя относилась ответственно. Нарисованный ею портрет мамы висит у нас на стене.

Ей большое удовольствие доставляло бывать на нашей даче. Даже такая работа, как прополка грядок, радовала её. Как нежно и аккуратно она собирала клубнику, вишню и другие дары земли.

Конечно, какое лето без игр и друзей! Катя привозила с собой ролики, но когда выходила с ними на улицу, то дольше всех сидела на лавочке, так как на роликах катались подружки. Свои действия она объясняла тем, что, мол, у них нет, а я потом дома, в Москве, покатаюсь. На городских соревнованиях она заняла первое место на роликах в своей возрастной группе, и ей вручили ценные подарки.

У неё было много подруг, ведь она была открытой общительной девочкой. А однажды она спасла тонущую сестрёнку своей подружки, хотя сама ещё не очень хорошо умела плавать.

Нравилось нам посещать городской парк, кататься на аттракционах

и поесть вкусного мороженого. Ходили на концерты разных артистов. Вечерами часто устраивали чаепитие с танцами. Нам было весело, радостно вдвоем, мы любили друг друга. Мне нравилось для неё шить, вязать, а для кукол мы делали это вместе. Кате очень нравилось готовить. Всегда помогала печь пироги, печенье, делать вареники и пельмени.

Она очень любила своих родителей, она не уставала придумывать для них приятные сюрпризы. Они постоянно получали подарки и в будни, и в праздники.

Ей большое удовольствие доставляло принимать гостей. Когда я в 2002 году приехала за ней в Москву, чтобы увезти на лето, она сама приготовила и накрыла на стол, а мне сказала, чтобы я не волновалась, не беспокоилась и берегла своё здоровье.

Катя писала рассказы, я их перечитываю, когда грущу. Нам писала письма. Мы с ней переписывались на немецком языке. В детском саду она учила французский, но в школе выбрала английский и немецкий языки. Она была очень способная. Но главный её талант — это умение, желание любить и получать удовольствие от заботы о близких и друзьях. Как-то она ездила с классом по путёвке и привезла всем подарки. На мой вопрос — что же купила себе — она ответила, что на себя ей не хватило денег. У меня тогда непроизвольно потекли слёзы благодарности.

У Кати были на всё большие планы: на учёбу, на выбор профессии. В своих планах она большое место уделяла заботе о родителях, бабушках и дедушках. «Норд-Ост», современный «Бабий Яр», сделал своё чёрное дело. Он забрал Катю, забрал быстро и без спросу, оставив боль утраты и ПАМЯТЬ об этой необыкновенной светлой одиннадцатилетней девочке.

Аллея роз, которая рядом с нашим домом, где мы почти каждый день гуляли летними вечерами, всегда напоминает мне о Кате.

Александра Рощупкина, бабушка

ФАДЕЕВ ЯРОСЛАВ

Возраст — 15 лет; Россия, г. Москва.

Написать о сыне... Кратко, несколько строк. Раньше я бы сказала, что это невозможно. Сын, любовь, счастье сливаются воедино. Разве можно обозначить моё счастье какими-то рамками? Оказывается, можно! Оказывается, в жизни всё не так. После материнской любви, которую в моём случае совершенно точно можно назвать «слепой», прозрение наступило слишком жёстко, явственно и коротко...

Вот они рамки — гранитная табличка и две даты: самого счастливого дня 18 ноября и самого... последнего 26 октября 2002 г.

Как рассказывают о ребёнке — первая улыбка,

первое слово, первый шаг, первая книжка. А у нас с тобой, Ярослав, всё как всегда — необычно! С конца... Самое дорогое — это последнее слово, когда Ярослав, сидя в зале в этом «плёну», вспоминал всех близких и думал не о себе, а как «там» всем тяжело — и ни одного слова о себе, о том, что ему душно, хочется пить, есть и, конечно, просто страшно. «Мама, ты боишься?!» — Да сынок, очень боюсь, боюсь жить без тебя... И не могу жить без тебя.

Мы всегда были рядом. Ярослав всегда находил нужное слово, чтобы успокоить, убедить, почувствовать силу и не растеряться. Мог, в свои неполные 16, как взрослый, уверенно и просто взять за руку, когда слова бесполезны. Вот и в этот раз, последний жест твой, сын, оказался намного дороже первого шага, который ты сделал в детстве. Ты просто обнял сестру, которая старше, но слабее, взял меня за руку и... закрыл от всего страшного и плохого, закрыл своим мужеством. И все твои опасения, что ты «какой-то не такой», и тебя считают неуверенным и слабым, стали бессмысленны. Ты только поверь мне теперь...

Ярослав очень любил Москву, свой родной район, улицу. Не стану перечислять все любимые места — их слишком много, как много любимых театров и выставок. Мы очень любили ездить по ночному городу. Днём не всегда есть время всё рассказать друг другу, а ночью, в дороге... Чаше я выкладывала перед сыном, как перед судьёй, все свои доводы или претензии. Это был такой способ преодоления кризисов. Его подросткового и моего «среднего возраста». «Ночной город — лучший психолог!» — говорил Ярослав.

В свои неполные 16 Ярослав был взрослым, слишком взрослым человеком. По-взрослому переживал свои и мои трудности. Очень глубоко и серьёзно, пусть даже самые мелочи. Кому-то пустяк — обмануть, не предупредить, не заметить. А для него очень важно не обидеть. Как глубоко и ранимо он воспринимал не только слова, но и интонацию. Громко сказанное замечание оставляло болезненный след. Ну просто не умел он воспринимать ничего поверхностно. Если радость, удача — всё солнце, свет. Если что-то плохо — темно, серо...

Да, сын, всё так, ты не такой как все, единственный, лучше меня, лучше и чище многих, очень многих. Тяжело было жить с таким ранимым сердцем. Его способность воспринимать добро и зло удивляла друзей и родных. Но порой трудно было передать все свои ощущения, мысли — один человек внутри, другой снаружи. Всё меняется с возрастом, только если этому не мешает смерть...

О нём... что он успел... Ярослав окончил музыкальную школу. «Как многие другие», — скажете Вы. Нет! Он стеснялся играть для посторонних, даже в школе, когда просили сыграть, не решался. Я, глупая, ругала его за это, за что прошу теперь запоздалого прощения. А музыка ему очень была нужна! Как он играл своей девушке Ксюше... Это был такой секретный разговор без слов. Его тоже прервали... 26 октября. Остались ноты — любимый Моцарт и Рахманинов. Но теперь я знаю, в чём смысл всех многочасовых занятий. Пусть один раз сыграть, но не для всех — любимому человеку.

Он много читал и очень хорошо рассказывал понравившееся. Передавал голоса героев, наделяя их жестами, как в театре — так интересно.

Я часто просила его почитать вслух, и уж если уговорю... Последним нашим

совместным чтением был «Гамлет» Шекспира. Увлёкшись, он читал 3 часа подряд без остановки. Сейчас эта книга на его столе... Я боюсь взять её в руки и открыть, боюсь, потому что она будет «молчать».

Как молчат все музыкальные диски и кассеты, которые он аккуратно поставил на полки. Он интересовался не только классикой. Все его друзья всегда могли быть уверены, что Ярослав знает не только название последнего хита популярной группы, но и год её образования и место рождения солиста... Он не любил говорить, кто нравится ему больше, но никогда слепо не подражал музыкальной моде. Не буду раскрывать его секреты и я. Скажу только, что неожиданно мы открыли для себя бардов: Кукин, Городницкий, Митяев. Ярославу очень нравилась песня Олега Митяева «В осеннем парке», песня про войну, про молодого парня. Послушайте её — он не случайно её выбрал, это я теперь так думаю.

Занятия большим теннисом принесли ему и мне столько радости! Несмотря на непростые тренировки. Но если увлекаться чем-то, то серьёзно — считал сын. И болельщиком за наших спортсменов-теннисистов он был настоящим, преданным. Мечтал, чтобы они выиграли Кубок Дэвиса! И наши выиграли... Только сообщила я ему об этом уже на кладбище. Не дожил... И все радовались без моего сына. А мне от отчаяния хотелось писать Кафельникову, Сафину, что не знают они Фадеева Ярослава, 15-летнего мальчика, который обклеил всю свою комнату плакатами с портретами теннисных кумиров.

Я и это письмо пишу только затем, чтобы люди узнали, каким был один из убитых, ни в чём не повинных детей. Чьей судьбой распорядились и поставили точку 26 октября 2002 года...

Какое счастье — иметь такого взрослого сына.

Какое горе — разговаривать с ним только по фотографиям, которых даже много для такой короткой жизни...

Ирина Фадеева, мама (www.nordostjustice.org)

ФИНОГЕНОВ ИГОРЬ

Возраст — 32 года; Россия, г. Москва.

Написать свои воспоминания о Брате тяжело даже по прошествии четырех лет с момента его гибели. Да и тяжело кратко описать человека, о котором ты достаточно много знаешь, с которым ты провёл всю свою жизнь.

Игорь родился 16 сентября 1970 года и был старше меня примерно на 3 года и 8 месяцев. Он был единственным моим родным братом, и фактически его интересы во многом определяли и мою жизнь: его обучение в музыкальной школе, увлечение фотографией и киносъёмками, спортом в полной мере повлияли и на мои интересы. А ещё в нашем детстве была

простая пустеющая русская деревушка, затерянная на окраине Пензенской области. У родной тётки, ставшей нам второй матерью, мы проводили почти все летние каникулы. У нас было очень тёплое, счастливое детство.

Не знаю, где он научился, но уже тогда он умел делать всё — имел «золотые руки», и, конечно, многому учил меня.

Были ещё в его жизни и секция фигурного катания в первых классах школы, и увлечение химией, боксом, плаванием, тяжёлой атлетикой, программированием, а в последнее время фантастикой, психологией, философией, историей, внедорожниками и путешествиями в близкую сердцу российскую глубинку. Читал очень много и очень быстро. В своё время даже кому-то отдал телевизор, чтоб не отвлекаться. «Жестокие споры» об оценке прошлого страны возникали постоянно, тем более с появлением новых трактовок истории. С помощью философии и психологии мы пытались сформулировать смысл жизни, понять себя и своё место в мире. Игорь не был религиозным человеком — история России навсегда лишила его уважения к российской духовной элите. При этом вера в христианские ценности, заложенная в него мамой на абсолютно прагматическую материалистическую основу, создали в нём необъяснимый коктейль из жёсткой и совершенно беспощадной логики и необъяснимой непреодолимой, зачастую разрушительной для него самой веры в добро и справедливость.

Окончив школу, Игорь поступил в МАИ, но, отучившись первый курс, зачем-то пошёл служить в армию. До сих пор я не понимаю, как родители допустили это. Годы были сложными, и на его долю выпали и Нагорный Карабах, и Нахичевань, и Цхинвали, и Приднестровье. Добившись почётного крапового берета и став спецназовцем внутренних войск, Брат находился в горячих точках в целом более года. А мы каждый вечер садились у телевизора, когда передавали фамилии погибших в тех краях солдат.

Нам повезло — осенью 1991 года Игорь вернулся домой живым и здоровым. Правда, службу в армии никогда не хотел вспоминать. Видимо, было отчего.

Той же осенью, пройдя «круг» (это когда с тобой по очереди бьются без перерыва 10–15 бойцов), Игорь был принят на службу в Отряд милиции специального назначения криминальной милиции ГУВД г. Москвы (ОМСН — не путать с ОМОНОм), где и продолжил службу до самого «Норд-Оста».

Я не могу вспомнить, когда он перестал меня воспитывать, так сказать, физически, когда установился прочный диалог. Наверное, когда я был в классе третьем или четвёртом — точно уже не помню. Дальше всё у нас было как-то уж идеально. Я никогда не пытался оценить наши взаимоотношения — просто мы понимали и просто доверяли друг другу. Это было особенно важно, потому что отчим вернулся в прежнюю семью в конце 1991 года. Ориентироваться в жизни нам пришлось самим, а мама, при всей её к нам любви, не понимала нас до такой степени. Чтобы понять друг друга, нам было достаточно посмотреть в глаза... Можно было не договаривать... Это было — как дышать чистым воздухом — ты считаешь, что это нормально, так должно быть и так будет всегда...

Игорь не любил спектакли (книги занимали его во сто крат больше), но не мог же он отправить смотреть «Норд-Ост» свою девушку одну. Так они и пошли — Игорь и Лена. Так и просидели они под дулами бандитов в 9 ряду

на 31 и 32 местах до самого штурма. Когда увидели и почувствовали газ, пытались защититься от него тряпками, а через 15 минут Лена отключилась.

Мама в то время болела. Я не сказал ей, что Игорь в заложниках, солгал, что он успел выбраться и дежурит со своим отрядом на Дубровке. Тогда я больше боялся террористов, чем штурма. А больше того мы боялись, чтобы братишка не наломал дров, не полез на рожон, как в 1993 году — когда, спасая молодого раненого парня, вынес его с линии огня почти из-под колёс обалдело палящего по всему, что движется, БТРа. Медали тогда, как обычно, получили вместе с ним все, кто мог. Не боясь ни смерти, ни начальников (многих из которых постоянно раздражал), вёл себя так на службе и в жизни — не желал он прогибаться. Мы очень надеялись, что Лена остановит его в нужный момент, особенно в момент штурма.

Игорь позвонил в дежурную часть ОМОН, как только террористы захватили зал, и его братья по оружию, не дожидаясь команды, стали собираться в полном составе на выезд по 1-ой форме, по максимуму. Через несколько минут они уже брали под контроль проходы здания ДК. Они были готовы сражаться, но дали отбой, и операцию взяла под контроль ФСБ... Как ребята потом жалели, что не врубилась с ходу в бой, не спасли Игоря, да и зал не был ещё минирован. Но кто же тогда знал, что нас ждёт...

Смогли встретиться с Игорем его однополчане, а потом и я, только 26 октября в 7 морге. Маму на кладбище врачи привезли в инвалидном кресле — её болезнь отступила, но неожиданно открылось внутреннее кровотечение.

Я не помню, что и как было потом. Его друзья взяли на себя все хлопоты по организации похорон. Я помню только, как много людей пришло с ним проститься — столько людей я видел на линейках у школ 1 сентября, да и то не всегда. Игорь, видимо, так относился не только ко мне, но и к очень-очень многим людям, которые не смогли не прийти проститься с ним. До сих пор я не понимаю, когда он успел так тронуть сердца такого количества людей. Теперь я чувствую, что я не знал о Брате очень многого.

До сих пор к нашей маме несколько раз в год приезжают его друзья: вспоминают Игоря, поддерживают, помогают и гостинцами, и деньгами — о телефонных звонках я уж не говорю.

А мы только сейчас смогли начать листать старые семейные альбомы с фотографиями Игоря. Смотреть видеозаписи, читать его дневники, стихи — до сих пор не готовы.

25 октября, находясь в заложниках, щадя меня, Игорь по телефону направил сообщение Маше Румянцевой — его однокласснице, которая в дни захвата была с нами: «Если что — простите».

Но сможем ли мы простить себя, быть чисты перед памятью наших родных, смотреть в глаза близким и друзьям, если люди так и не узнают, что было в «Норд-Осте», если соотечественники так и не узнают героев и предателей «Норд-Оста» поимённо, не воздадут каждому по заслугам?

Павел Финогенов, брат

ФРОЛОВЫ ВЕРА И ЕВГЕНИЙ

Возраст — 31 год и 34 года; Россия, г. Москва.

О ЖЕНЕ И ВЕРЕ ФРОЛОВЫХ

Женя родился в 1968 году, в понедельник, 12 августа. Он был вторым сыном у меня, у молодой мамы — в 23 года уже двое сыновей. Женька был желанным и любимым ребёнком, как, впрочем, и первенец Андрей. Мальчишки как-то быстро незаметно выросли... ясли, сады, пионерские лагеря, школа № 912 в Волгоградском районе, любимые учителя:

историк Разжаб Муслимович, математик Нина Максимовна, порой чересчур строгая классный руководитель Нина Ивановна.

Школа, уроки, дискотеки, любимая игра в футбол — всё быстро промчалось, кончилось детство. Вот и школьные годы позади, год трудового стажа до армии, два года службы прошли в Азербайджане.

Пришёл домой в конце 1988 г. Отдохнул с месяц — и на работу. Не сидеть же на шее у родителей в 20 лет! Работал на ВЦ Госбанка СССР оператором ЭВМ, окончил вечерний техникум по своей специальности.

Шло время. Женя познакомился с Верой, они полюбили друг друга, решили пожениться. К сожалению, к тому времени Верочка, Женина жена, потеряла своих родителей. Жила одна, работала в НИИ. Смерть мамы её сильно потрясла, и в результате нервный срыв, депрессия. В этот период Женя поддержал Веру, помог справиться молоденькой девушке с первым в жизни ударом, с первым потрясением. Были свидания, посещение театров, встречи с друзьями, а там и свадьба. Как водится, она была шумной, весёлой.

Молодожёны были хороши, и, казалось, счастье будет бесконечным. Но счастье продлилось семь с половиной лет. И за эти годы они успели оставить свой след на земле.

Верочка и Женя успели и построить красивый дом, и разбить, хоть и небольшой, но замечательный сад, где есть и яблони, и вишни, и сливы и, конечно же, много-много разных цветов: розы, лилии, георгины, ирисы, флоксы, циннии, ромашки и т. д. И самое главное и ценное их сокровище — двое замечательных сыновей Саша и Миша.

Женя с Верой были хорошими родителями, они очень любили своих озорных мальчишек. Своё свободное время старались проводить с детьми. Ездили и в цирк, и в зоопарк, и на выставку, и на аттракционы. Частыми были прогулки в парк Кузьминки — зимой на санках, снежокатах, летом — всей семьёй с друзьями на шашлыки. И дети везде с ними, везде вместе. А какие чудные поделки мастерил Женя вместе с Сашей из конструктора Лего! Миша

только смотрел — ведь он был ещё совсем мал. С мамой дети делали милые ёлочные украшения, как в далёкие 70–80 годы.

У старшего сынишки Саши накрепко привилась привычка доводить начатое дело до конца, привычка к чистоте и порядку. Желание детей помогать нам, деду и бабушке, в домашней работе, в огороде — всё это передалось от их родителей. Очень много фотографий в семейных альбомах, где дети, это чётко видно, радуются жизни с мамой и папой.

Женя много работал, зарабатывал, чтобы ни дети, ни жена ни в чём не испытывали недостатка, чтоб в доме было больше техники, ведь Жене хотелось, чтобы Вера не сильно уставала, а как известно, домашний женский труд незаметен, но достаточно тяжёл.

Молодость, огромная энергия, любовь к детям, к мужу давала Верочке новые силы, чтобы в доме был порядок, муж и дети накормлены, чисто одеты.

В дни рождения и другие семейные праздники к Жене с Верой приходило много гостей, молодёжь — это Верины подруги с детьми, мужьями, Женины друзья, старший брат — тоже со своей семьёй. На всех гостей хватало угощения. Готовили Вера с Женей вместе кучу разных салатов, других блюд. К чаю Вера всегда пекла печенье, своё фирменное. Было и очень вкусно, и весело.

Когда приобрели дачный участок, забот ещё прибавилось. Начали строить дом и обустраивать земельный участок. В общем, труд, труд и труд. И в основном всё вдвоём. Через 2 года подросли плодовые деревья, давал урожай огород.

Вера любила трудиться на земле, а потом делала заготовки на зиму: и соленья, и варенья, и маринады, — всё это делалось с душой, с большим желанием, чтобы всем понравились её «припасы», как любила повторять Вера. А сколько собирали грибов и сушили, замораживали и мариновали! Женя только успевал всё отвозить домой в Москву. Вера была очень добрым человеком. Раздавала потом свои заготовки и родственникам, и подругам.

Хороший, красивый дом был построен к октябрю 2002 года, и со следующего сезона в 2003 году (как же они этого ждали!) можно было спокойно и счастливо проводить всё лето на даче с детьми.

Но жизнь распорядилась иначе.

23 октября я пришла вечером к Вере и Жене, чтобы остаться на время спектакля с внуками. Вера дала последние указания — чем покормить мальчиков и во сколько их уложить спать. Была среда, Мише на следующий день идти в садик, а Саше в школу. Когда малыши уснули, мне позвонил муж и сказал: «Включи телевизор...»

И начались дни неизвестности, ужаса, ожидания и, конечно, надежды, что всё закончится хорошо, что с террористами договорится наше правительство, президент, и все заложники, в конце концов, измученные, измождённые трёхсуточным голодом, издевательствами террористов, живыми вернутся домой к своим семьям: кто к родителям, кто к мужьям, кто к жёнам, кто к детям. Но наши дорогие Женя и Верочка не вернутся к нам уже никогда.

Мой Женечка и Вера умерли в один день и почти в один час, прямо как в старых сказках, где молодые клянутся в вечной любви до гроба. Так случилось, только не в сказке, а в жизни, когда смерть настигла молодых, полных

жизненных сил, планов на будущее «практически здоровых» людей. И это ужасно, это несправедливо, это дико, в это невозможно поверить, но это так.

Саша и Миша вдруг осиротели и никогда уже не произнесут дорогие каждому человеку слова «Мама» и «Папа». Мы с мужем тоже осиротели, не стало любящего сына и любимого брата у Андрея и Юрия, надёжного и верного друга у многочисленных Жениных друзей. Не стало Верочки, нашей весёлой, доброй, милой невестки, любимой мамочки Саши и Миши.

На душе пустота и отчаяние. Внучата такие маленькие. О боже, хватило бы сил, а главное здоровья, их вырастить.

После трагедии прошло 5 лет. Боль утраты дорогих и любимых детей не утихает, она засела острой занозой в наших сердцах и будет терзать, мучить нас всю нашу жизнь.

Хочется, чтобы эти немудрёные воспоминания о Жене и Вере прочитали их дети, их друзья и подруги, чтобы вспомнили их улыбку, смех, голос, их теперь вечно молодые лица.

Лариса Николаевна Фролова, мама Жени

Фролов Евгений Владимирович родился 12 августа 1968 года. В театре был вместе с женой, Фроловой Верой Викторовной. Погибли оба, остались два малолетних сына — Саша и Миша.

Каким он был?

Он был лучшим человеком, которого я когда-либо знал в своей жизни. Сейчас это трудно описать, как-то оценить, кому это интересно, кроме нас, родственников и знакомых, кому довелось с ним общаться.

Пожалуй, никто не знал его так хорошо, как я. Около 20 лет детства и юности, затем более 10 лет работы вместе. Плюс общие интересы и общие друзья. Мне кажется, его нельзя описать, его надо было знать. Он никогда ничего не делал напоказ, никогда ни у кого ничего не просил, ни перед кем не унижался, ни перед кем не заискивал. В нём не было фальши. Поймал себя на мысли, что перехожу на штампы. Он не был штампом — он был весёлый, прямой и добрый.

Если бы все люди были бы хоть немного похожи на него, то мир был бы — рай. Я учу своих детей быть похожими на Женю, никого не обидеть ни словом, ни делом. И уметь прощать, он всегда всем всё прощал и не помнил зла. В общем, он был счастливым человеком, которого вдруг не стало.

Андрей Фролов, старший брат

Фролова Вера Викторовна родилась 20 мая 1971 года. В театре была вместе с мужем, Фроловым Евгением Владимировичем. Погибли оба, остались сиротами два малолетних сына — Саша и Миша.

Вера. Верочка. Верунька, как смириться с тем, что вас с Женей не стало?

С самого рождения мы жили с тобой рядом, в соседних подъездах — ты в третьем, я в четвёртом, вместе играли в прятки, казаков-разбойников, дочки-матери, прыгали в классики, в резиночку. Потом — школа, ты в 1-м «Г», я в 1-м «А», но детская площадка — общая для всех классов. Потом ваш класс расформировали, и ты попадаешь к нам в 4-й «А». И с этого времени

мы всегда вместе. Зимой на лыжах в Кузьминках, в таких нелепых шапках-ушанках, летом обычно разъезжались — ты на Украину к родне, я — в пионер-лагерь, но всегда очень ждали, когда после расставания опять встретимся. А как любили кататься на коньках в «коробочке» во дворе дома! Уже вечер, темно, светят только фонари, мальчишки закончили играть в хоккей и ушли, а мы вдвоём катаемся под музыку, которую сами себе и напеваем, представляем себя фигуристками, «отрабатываем прыжки», падаем, сами над собой смеёмся. А ещё любили, взявшись за руки, скакать по снежным тропинкам и петь «Вместе весело шагать», «Лесной олень» и ещё какие-то детские песенки. Кто ещё тогда был с нами? Кажется, Наташа Митрофанова или Марина Кирпиченкова. А когда стали постарше, то собирались у Вероники и пели песни. Вероника играла на пианино (она одна умела играть), а мы пели! Помнишь нашу любимую тогда песню? «Я не буду ждать тебя на берегу, извини, я жить так больше не могу...» Какая ты была весёлая, сколько тогда было смеха до слёз! Помню и наши нелепые детские ссоры. И чего мы ругались? Ну какая разница — стая галок или ворон пролетела тогда над нашими такими беззаботными головами. Не знаю почему, но я всегда мирилась с тобой первая. Сейчас думаю, что это было знаком, что тебя надо оберегать... что будет беда... и тебе придётся столько страдать... и хотя бы в этой мелочи надо уступать тебе, щадить тебя... А тогда чем мы только не увлекались. Ходили в кружки макраме, вязанья, танцев. Ты была всегда умницей, и всё у тебя в руках спорилось, а я удивлялась, как у тебя хватает терпения вязать все эти шапочки, носочки, шарфики, и всё ты доводила до конца. И такой же ты осталась, когда стала женой и мамой. Помню, как приехала первый раз к вам с Женей на дачу, и была поражена твоими цветниками и грядками! Сколько ты всего выращивала, а потом солила, мариновала! Как вы с Женей обустроили дом! Всё у тебя как-то ладилось и удавалось. Твой дом, твои дети, твой муж — всё это твоя забота, твоя любовь, твоя жизнь. А ты — любящая и любимая жена, замечательная мама, прекрасная хозяйка.

Всегда думала, что ваша семья, это как из сказки «И жили они долго и счастливо, любили друг друга...», но не думала только, что продолжение этой фразы случится так рано — вы так молоды, ваши детки такие маленькие, и вы такие счастливые!.. И «умерли в один день» — страшно и непоправимо!!!

Ты — всегда отзывчивая, готовая прилететь на помощь, и люди вокруг отвечали тебе тем же. Много всего было в нашей жизни, в нашей дружбе. Помню день вашей свадьбы. Мы с мужем приезжаем пораньше, чтобы помочь тебе сделать причёску, а ты чуть не плачешь — покрасилась и пережгла волосы, они как солома, не укладываются. После наших усилий цвет твоих волос неожиданно становится розовым, и этот оттенок тебе очень идет. Ты — настоящая невеста! И настроение прекрасное — красоту ничем не испортишь!!!

Август 2002 года, до трагедии два месяца. Мы с мужем и сыном у вас на даче. Прохладно, сидим с тобой, укутавшись в пледы, на улице. Потом ты говоришь, что очень хочешь, чтобы завтра же крестили твоих мальчиков. Но мы остаться не можем, мужу завтра на работу, всё успеем, ведь не последний раз видимся. Но это был последний раз. Мы только созванивались, а встретились лишь на кладбище. И ты уже больше не улыбалась, а я уже не слышала твоего смеха,

не видела таких задорных и знакомых огоньков в глазах, не чувствовала теплоту твоего присутствия. Моя самая близкая подруга и её муж погибли. И только слёзы и звенящая тишина были вокруг, а потом оцепенение, когда уже не чувствуешь происходящего, когда каменеешь от горя и боли...

Кладбище в Кузьминках, памятник, на котором вы, «унесенные «Норд-Остом», улыбаетесь, и ваши глаза следят за мной, когда я иду к вам. А все события разделились на «до» и «после» 26 октября 2002 года.

Вот, мои дорогие, время бежит, детки ваши растут, бабушка с дедушкой стараются изо всех сил, растят их, воспитывают, одаривают своей любовью и заботой. Но как же им не хватает вас, их мамы и папы! Да и всем нам, вашим близким, оставшимся здесь. Как вы там? Мы вас помним и очень любим.

Лена Малиновская

ФРОЛОВА ДАРЬЯ

Возраст — 13 лет; Россия, г. Москва.

Даша Фролова была ученицей того самого класса частной школы «Золотое сечение», который чуть ли не всем составом пошёл на «Норд-Ост». Даша была самой младшей. Одноклассникам — по 14–15 лет, а Дашеньке — 13. Отличница, самая большая непоседа в классе...

Когда «Норд-Ост» захватили, Дашиному дедушке удалось прорваться через первое оцепление, он хотел заменить собой внучку, но милиционеры остановили пожилого человека...

Погибших в ДК детей разместили во 2-ом морге. Но об этом родные узнали лишь спустя сутки.

Они надеялись на лучшее. Дашина мама, Татьяна, смогла дозвониться до самого Шойгу. Тому удалось найти сотрудника МЧС, который помнил, что на руках выносил похожую девочку из зала. Очень похожую, в такой же одежде. И живую. По всевозможным «горячим линиям» твердили, что среди мёртвых Даши нет. Родные думали, что она в реанимации — среди тех, кто до сих пор не пришёл в себя. Теперь уверены — Дашенька была мертва ещё тем же утром.

— Опознали девочку учителя школы лишь через сутки. Наверное, она умерла самой первой, — говорит Дашина бабушка Антонина Павловна, по щекам её текут слезы. — Она здоровая была, только худенькая. К тому же не ела ничего со среды. Много ли ей этого газа потребовалось? В морге сказали: «Нос прямой, брови дугой, европейский тип лица. Знаете, она на вас похожа. Очень красивая была ваша внучка».

В прошлую среду Даша с утра пошла в школу, там же, после уроков, сделала домашнее задание. Ближе к вечеру позвонила маме, спросить на всякий случай, можно ли ей пойти с классом?

— У тебя же насморк, — ответила мама Татьяна. — Может быть, ты домой пойдёшь?

Но Даша решила пойти вместе со всеми.

За сутки до гибели Даша позвонила отцу.

— Всё нормально, пап! Нас покормили, даже дали бутерброды и попить, — успокаивала девочка отца...

— Нас больше всего возмущает, что мы двое суток метались в неизвестности, а власть с экранов телевизоров твердила только одно: среди мёртвых детей нет! — рвется сердце у родных.

— Нет больше нашего цветочка, — плачет бабушка. — Теперь наша жизнь потеряла смысл: мы молились Всевышнему, чтобы дожить до того времени, когда Даша станет большой.

Девочке нравилась география и исторические романы. Общительная, в совершенстве говорящая по-английски, она проводила целые экскурсии даже с незнакомыми иностранцами. Однажды Дашенька пообещала папе — завязтому рыбаку — купить ему остров: «Ты там сможешь рыбку ловить!»

— А в последнее время Даша просила на день рождения собаку. Говорила, что хочется иметь рядом кого-то тёплого, к которому можно было бы прижаться и поговорить...

Родители не успели выполнить желание дочери. 14 лет Даше исполнилось бы в феврале.

Ольга Демидова, «Московский Комсомолец» от 30.10.2002

«Мы не умрём. Только не надо больше войны». Москвичка Татьяна Фролова, мама 13-летней Даши, погибшей от газа, прочитала это предсмертное послание дочки только сейчас. В феврале 2004 года.

— Я чувствовала, знала... Что она должна была что-то мне оставить, — говорит Татьяна твёрдо и чётко, потому что она очень волевой человек.

Её Даша написала эти слова на своей левой ладони. И судмедэксперт зафиксировал их в первом посмертном описании тела.

Его бумага легла в уголовное дело, и её тут же засекретили. Мать об этом знать не имела права — так за неё решили следственные органы.

Анна Политковская, «Новая газета» от 26.02.2004

ХАЗИЕВ ТИМУР

Возраст — 27 лет; Россия, г. Москва.

Родился 11 сентября 1975 года в Москве. Окончил Российскую академию музыки имени Гнесиных. Работал в оркестре Министерства обороны. В «Норд-Осте» играл с начала постановки.

Тимур родился одиннадцатого сентября... Наваждение какое-то... Родился в день теракта и умер в день теракта... Год назад он нашёл эту работу. Как говорится, «халтурку», которая стала в результате основной, потому что деньги в основном были там... Мы, конечно, радовались...

Мы с ним познакомились в Швейцарии, в совместной поездке. Это была любовь с первого взгляда. Я когда его увидела, сначала решила: «Таня, даже и не думай о нём — такого человека у тебя никогда не будет...» А потом всё завертелось, закружилось, и стало ясно, что он — совершенно родной человек. Что мы и песни одни и те же любим, одну и ту же музыку слушаем, читаем книги одни и те же, и что мы с ним во всём похожи... Три недели катались по Европе на автобусе, попали в эту сказку... Когда вернулись домой, уже решили, что поженимся. Поняли, что нам никого, кроме друг друга, не нужно. Решили выждать какое-то время — пока он доучится, пока я институт закончу. Два года встречались, а потом Соня решила, что ей пора родиться. А раз она так решила, и мы тоже решили: пора. Мы с Тимуром жили душа в душу. Те мелкие неурядицы, какие у нас случались, и которые в масштабах нашей семьи казались громадными, — какая же это была мелочь, какой мизер по сравнению с тем, что бывает в семейной жизни! Меня наши неприятности просто смешили, я ему всегда говорила: «Знаешь, у нас с тобой такие цветочки, у людей такие ягоды...»

Мы с ним вообще никогда не ссорились, ничего подобного не было. Настолько подходили друг другу по душевным качествам, что это просто исключительный случай. Сонечка у нас родилась, тридцатого января ей будет три года. А уж какая у них была любовь! Как он Соню любил, как она его любила! И я любила эту любовь, любила, что они друг друга так любят. Я их любовь в семье просто культивировала. Если Соне что-то надо было доказать, Тимур за меня всегда горой: «Мама сказала, значит надо так сделать». И я то же самое: «Раз папа сказал, значит надо». Никогда мы друг друга перед ребёнком не подставляли, держали авторитет друг друга перед ребёнком. И она это очень сильно чувствовала, а сейчас чувствует утрату... Цепляется за меня, как за соломинку: «Мама, не уходи, останься...»

Тимур был очень целеустремлённой личностью, очень упорно занимался своей профессией. Я его в этом поддерживала. Утром он уезжал в армию, днём шёл к родителям заниматься, а вечером — в «Норд-Ост». И где-то в одиннадцать, половине одиннадцатого приезжал домой. Я говорила ему, что он не умеет отдыхать. Мы решили, что накопим денег, и в следующем году поедem куда-нибудь отдохнуть.

О таком человеке любая женщина может только мечтать. Он был такой потрясающий домостроевец — знал точно свои мужские семейные обязанности. У нас было чёткое разделение труда: он делает своё, а я своё — и каждый был доволен.

Его всегда волновали политические вопросы, он переживал за то, что у нас в России происходит, говорил: «Почему же мы, русские, терпим, что с нами так обращаются?!» Я его спрашивала: «Кто-кто тут русский?» — смеялась, потому что он татарин. Мне иногда кажется, что Тимура сгубила его фамилия.

Я его нашла в седьмой больнице вечером в субботу. Нас пропустили через кордон на улице — с трудом, но пропустили. Мы пришли в реанимацию, вышел милиционер и сказал, что сейчас узнает. Вернулся, на животе автомат, — и прямо мне в лоб: «А он умер!» Ни врач ко мне не вышел, никто. Они нас там явно не ждали. Очень некорректно поступили, конечно... Я просила прокурорских работников, которые там были: «Дайте хоть с телом проститься, его же сейчас порежут...» Они сказали — «Нет, будет экспертиза». И не пустили. А при этом ещё сидят и ухмыляются: «Как-как фамилия? Хазиев? А, чеченец что ли?»

Мне стало настолько плохо — я просто не знала, что им сказать! У них в руках его документы, прописка, бейдж «Норд-Оста», в конце концов, — что он музыкант... И говорить при этом мне: «Чеченец!» — это такое кошунство... Но это ещё не всё! История, как говорится, продолжается. Оказывается, когда мы вышли из больницы, в семь — половине восьмого вечера, в это время сюда, в нашу квартиру, ломилось человек двадцать: милиция, ФСБ, не знаю ещё кто. Решили на всякий случай проверить — не террорист ли он! Ворвались к нашей соседке, начали ей трепать нервы. Она им доказывала, что здесь живёт молодая семья, москвичи, муж — музыкант... Просто кошмар!

О том, как всё началось, я узнала случайно. Тимур знал, что я вечером не смотрю телевизор, он позвонил маме и попросил её позвонить мне и сказать, что он придёт домой попозже... Заботился обо мне, надеялся, что я хоть эту ночь посплю. Он позвонил мне один раз. Сказал, что террористов человек тридцать, есть женщины. Я плакала, сказала, что очень его люблю. Мне бы кричать туда: «Только вернись, только вернись!» Толком так ничего и не успела сказать.

Мне потом ребята рассказали, что впереди сидела какая-то девчонка, она замёрзла — он ей отдал свою куртку, дал телефон, чтобы она могла позвонить. У неё потом этот телефон отобрали. Зная Тимура, я уверена, что если ему доставалась какая-то вода, он наверняка и воду отдавал.

Когда начался этот штурм — я знала, что-то такое происходит, — всё время молилась... И тут я увидела каким-то периферийным зрением, как Тимур, в тёмных джинсах, в своём свитере меня к себе как будто манит немножко — посмотри на меня — а сам не заходит в эту комнату... И прямо слышу его голос: «Со мной всё, всё будет хорошо...» И всё пропало... И я подумала: всё хорошо... А потом — как же, если я его видела, наверное, его душа уже вышла из тела!.. И тут у меня звонит телефон, и мне из оргкомитета говорят, что штурм уже прошёл, и людей вывозят автобусами... А вечером я его нашла.

Татьяна Хазиева, жена, из журнала «Филармоник» № 4 2002 г.

Вся жизнь москвича Тимура Хазиева была связана как с музыкой, так и с Домом культуры шарикоподшипникового завода на 1-й Дубровской улице — сюда он ходил с детства, в музыкальную студию «Лири»; здесь и смерть нашёл, поступив в оркестр мюзикла, арендовавшего именно этот ДК.

У родителей, Тукая и Розы, раньше была поблизости комната в коммуналке, и два их сына — Эльдар (старший) и Тимур (младший) — учились в ДК игре на аккордеоне. Педагоги советовали Тимурову продолжать занятия — талантливый был мальчик, и когда после десятого класса пришло время выбирать, он, за год (!) пройдя курс музыкальной школы по ударным инструментам, поступил сначала в училище духового искусства, четыре курса которого осилил за три года, а потом и в Гнесинский институт — о чём мечтал. Педагог звал его «рафинад» — имея в виду, что рафинированный, утончённый, палочки барабанные держал по-особенному, аристократично... Однако параллельно с Гнесинкой Тимур много работал — в духовом и симфоническом оркестрах Министерства обороны. Успел съездить с ними на гастроли в Норвегию, должен был играть и в Испании, но поездка была намечена на жизнь, которая планировалась после 23 октября.

...Когда и Гнесинка осталась позади, Тимурову предложили поиграть ещё и в оркестре «Норд-Оста». Это была его третья по счёту работа, но он согласился. Потому что семья, маленький ребёнок, Таня пошла воспитательницей в детский садик (с соответствующей зарплатой, будучи актрисой и режиссёром) ради Сонечки.

Можно, конечно, не верить ни во что — ни в мистику, ни в предчувствия. Но...

— За месяц до теракта Тимур перестал спать, — рассказывает Таня. — Я проснусь под утро, а он сидит. Спрашиваю: «Ложись, ну что ты маешься?» А он: «Тревожно мне что-то...»

В семье считали, что Тимур просто очень устал. Его день начинался рано-рано: он вёз Сонечку с Таней в садик. Оттуда сразу к родителям — позаниматься, его инструменты стояли тут: последнее время разрабатывал левую руку и радовался, что у него «всё пошло». Позанимавшись, опять вскакивал в машину и ехал на репетицию военного оркестра, а уж оттуда отправлялся на «Норд-Остовский» спектакль. Возвращался домой ближе к полуночи, и с раннего утра всё закручивалось заново. Говорят, он производил впечатление человека, который очень спешит жить. Почему? Ведь только 27?.. На этот вопрос теперь никто не ответит. Как и на другой: почему 23 октября Тимур оказался в «Норд-Осте»? Опять мистика...

— Была среда, — рассказывает Таня. — Мы так установили дома, что это — наш семейный выходной. По средам в «Норд-Осте» обычно играл другой ударник, но он упросил Тимура о подмене, потому что его девушка категорически потребовала в этот вечер быть с ней.

Спасла парня... А мой подменил и погиб.

*Из статьи Анны Политковской «Судьба барабанщика»,
«Новая газета» №10 от 10.02.2003 г*

ХРАМЦОВ ФЁДОР

Возраст — 47 лет; Россия, г. Москва.

Родился 17 июня 1955 года в г. Москве. Вторым ребёнком в семье, где было пятеро детей. Отец шофёр. Родители хотели, чтобы сын играл на аккордеоне, но поскольку в музыкальной школе места были заняты, Фёдор попал в класс трубы к Алексею Алексеевичу Волчанскому. Учитель стал для него вторым отцом, Федя старался на него во всём равняться. Затем была учёба в Музыкальном училище имени Ипполитова-Харитоновна, Консерватории, знакомство с будущей женой Валей. Много лет работал в оркестре Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. Немировича-Данченко, затем

в театре «Новая опера» — со дня основания. В «Норд-Осте» — с начала постановки. У Фёдора Ивановича Храмцова остались сын Александр (двадцать семь лет) и дочь Ирина (двадцать лет). Двое внуков — Михаил (пять лет) и Маша (два с половиной года).

Жена Валентина Храмцова — программист. В последнее время они жили отдельно, но были в хороших отношениях, постоянно общались.

Мы с ним первый раз встретились в метро, познакомил его друг. Через год после нашей свадьбы появился сын, Сашка. Я училась, он мне не дал оставить институт, крутился, работал, и уже после того, как я получила диплом, поступил в консерваторию. Жили так: сначала я в институт, мама на работу, он хватал Сашку, кое-как заворачивал, верёвочками связывал, вёз его к своей матери. Или к моей везли на работу — она работала главным бухгалтером в роно. Привезёт — мама на совещании. Он говорит сотрудникам: возьмите ребёнка, присмотрите. Пока учился, всё время работал. Дочка родилась уже после того, как Федя окончил консерваторию, в 82-м году. Её он очень баловал, пока была маленькая. Купал только сам — я ждала, когда он приедет после спектакля, сердился, если начинали без него. Она просто его копия. Федя говорил так: «Сашка это экспериментальный образец, а Ирка — опытный».

Федя — очень общительный человек, компанейский, лёгкий на подъём. В юности мечтал иметь машину. Когда мы купили «копейку», это было для него такое счастье — исполнилась мечта! Много с ней возился, всегда всё делал сам. Сашка подрос — всё время был в гараже с отцом. Как мы в первый раз перебирали двигатель — тут есть что вспомнить! Все вместе — они и меня заставили. В театре он многим помогал ремонтировать автомобили — мы шутили над ним: «Федя, если что, вторая профессия у тебя есть». Когда он привёз машину из Японии, через год продал, ему было с ней неинтересно — нечего делать.

Работать в «Норд-Осте» Феде очень нравилось, с удовольствием репетировал. Когда мы узнали, что произошёл захват, сначала была надежда, что Федя в «Новой опере». Дочка звонила от подруги, плакала: «Мама, он там!» Старались

к нему прозвониться. У нас телефон не умолкал — друзья, родственники, все спрашивали: «Где Федя?» Мы сами ничего не знали. Наконец, ему удалось дозвониться к другу, друг перезвонил нам. Сашка сразу поехал на Мельникова. Дочка из гостей приехала туда в два часа ночи. Федя дозвонился до меня, сказал, что всё очень плохо, закладывают взрывчатку — в общем, попрощался. Просил: «Не держи на меня зла». Я ему сказала: «Ты что, о чём ты говоришь! Всё будет хорошо».

В последний раз он позвонил мне в пятницу, часов в пять утра. Сказал, что требуют митинг, чтобы все шли и требовали прекращения войны в Чечне. Попросил, чтобы я позвонила Толику Сёмкину, пусть найдёт ему на вечер замену в театре Маяковского — «Я, скорее всего, не успею»... Вот такой он... Сказал, что всё очень плохо, что не надеется выйти, что мы вырастили хороших детей, он ими гордится.

Валентина Храмцова, жена, из журнала «Филармоник» № 4 2002 г.

ЧЕРНЕЦОВ ДАНИЛА

Возраст — 20 лет; Россия, г. Москва.

Данила родился 9 ноября 1981 года в Москве. В шесть лет в детском саду педагоги отметили его музыкальные способности и предложили обучение в школе № 122 с углубленным изучением музыки и хорового пения.

В 1998 году Данила блестяще окончил в этой школе общеобразовательное и музыкальное обучение. За эти 11 лет в составе московской капеллы мальчиков под руководством заслуженного деятеля искусств Нинель Давидовны Камбург он побывал на гастролях в Англии, Германии, Италии, Болгарии, Югославии. Мальчики много пели в московских церквях.

В том же 1998 году Данила поступил в Государственный строительный университет на дневное отделение факультета ПГС (промышленное и гражданское строительство). Сессии сдавал хорошо, и с первого до последнего курса работал, помогая матери-пенсионерке.

26 августа 2002 года женился на однокурснице. Свадьба проходила в училище на ул. Мельникова, 2 — в этом училище в октябре был штаб по спасению заложников. 23 октября 2002 года он был на работе в театре на Дубровке и попал в число заложников, 26 октября при штурме Данила погиб.

Он погиб на взлёте своей жизни. Он так хотел жить, работать, мечтал иметь детей... И пел — всегда и везде!

Зоя Чернецова, мама

Мы сидели с Данилой вместе, в 4 ряду, практически около сцены, он был одет в форменную одежду работников мюзикла. Постоянно шутил, поддерживал женщин, вселял своим присутствием некое спокойствие, насколько это

возможно в данной ситуации. Потом, через некоторое время, он решил перестать к своим друзьям, мы все вокруг очень просили его остаться, не уходить от нас... Но он ушёл... ушёл из жизни. Потом, в суматохе и ажиотаже дней после теракта, мы узнали, что Данила погиб... Светлая ему память, а маме его выдержки, она воспитала настоящего мужчину и хорошего человека!

С уважением, Екатерина Лунева

ЧЕРНЫХ ДМИТРИЙ

Возраст — 39 лет; Россия, г. Тула.

Дмитрий, Дима, Димуля...

О нём можно много писать и говорить, но нет таких слов, которыми можно было бы описать этого удивительно доброго, скромного, жизнерадостного, нежного, замечательного Человека — моего любимого мужа! С детства мечтала, как любая девчонка, о принце и счастливой семейной жизни на долгие-долгие годы до самой смерти. Всё сбылось, кроме долговечности счастья, видимо, слишком были счастливы...

Дима родился 28 марта 1963 года в г. Мценске Орловской области. Познакомились мы с ним в школе, в 9 классе. После окончания школы с отличием в 1980 году Дима уехал в Тулу, где поступил в Тульский политехнический институт, а я — в Московский технологический. Стали переписываться, на студенческих каникулах встречаться. Постепенно школьная дружба переросла в любовь. После четвёртого курса поженились и по окончании институтов по распределению остались жить в Туле.

Сами создавали свою семью, не позволяя родственникам вмешиваться в наши отношения. В начале нашей семейной жизни было много разных трений, каждый пытался навязать другому свою точку зрения. Но, благодаря любви и доверию, со временем научились чувствовать друг друга на расстоянии, разговаривать только взглядами.

В 1986 году родился наш сын Андрей — главная радость и гордость мужа. Дима был очень нежным и любящим, но в тоже время требовательным отцом. Всё, что ему доставало в родительской семье, он постарался сделать для сына. Дима всегда хотел вырастить Андрея сильным и здоровым, сделать его жизнь счастливой. Сын знал, что если папа что-то пообещал, то обязательно сдержит своё слово. Что такое потерять любимого отца в 16 лет, мне известно не понаслышке. В девятом классе я потеряла отца в автомобильной катастрофе, и пережить эту потерю мне помог Дима, с которым мы тогда только начинали дружить.

С раннего детства и по сей день сын стремится во всём быть похожим на Диму. Авторитет отца для него незыблем. В той или иной ситуации он часто задаёт себе вопрос: «А как бы поступил папа?».

Дима был очень общительным и обаятельным человеком, с которым всегда было интересно. Это был Человек-Праздник, который любил дарить подарки больше, чем получать их. Люди так привыкли к его доброй улыбке, что когда он не улыбался при встрече, они сразу начинали расспрашивать, не случилось ли чего-нибудь.

Восхищала его постоянная жажда учиться. Он читал каждый день одновременно несколько книг совершенно разного жанра. Всё время хотел учиться чему-то новому, освоил много специальностей. Он был как «ходячая энциклопедия», т. к. использовал любую свободную минуту для своего саморазвития. К нему можно было обратиться по любому вопросу и получить исчерпывающий ответ.

В девяностых годах он вместе с приятелем организовал свою фирму, очень много работал, поздно возвращался домой. Появилась возможность путешествовать, что являлось для нас троих огромным удовольствием.

В последнее время Дима вёл курсы психологического тренинга «Симорон», на которых люди приобретали спокойствие, уверенность в себе, пытались разрешить свои проблемы через улыбку и доброжелательное общение. Я ходила вместе с ним на курсы и видела, как люди искренне радовались, когда муж входил в зал и своей улыбкой заряжал их.

Дима посещал психологические курсы М. Норбекова в центре «Помоги себе сам». В Туле он мечтал создать психологическую школу. Для этого несколько раз ездил в Москву за консультациями в «Институт человека», который занимает отдельное крыло в ДК шарикоподшипникового завода.

23 октября Дима поехал в командировку на выставку в Москву со своим коллегой. Вечером того же дня он отправился на семинар в «Институт человека», хотя не планировал туда идти. После занятий участники семинара пошли к выходу, но дверь оказалась закрытой. Дима пошёл вместе с приятелем искать ключи и оказался в руках террористов, а в это время омовцы взломали дверь и освободили людей, стоявших около неё.

Не желая волновать меня, но зная, что я буду его разыскивать, он несколько раз звонил моей тёте, которая живёт в Москве, в надежде, что она сообщит мне в Тулу. Но она не стала этого делать первой, дождавшись, пока я сама ей не позвонила.

Все эти страшные дни я не отходила от телевизора, очень переживала за людей, оказавшихся в заложниках, но не могла допустить даже мысли, что и мой любимый по воле судьбы тоже оказался там...

Для нас с сыном он является целой Вселенной, вокруг которой кружилось всё наше счастье. Его нет с нами физически, но в тяжёлых жизненных ситуациях мы ощущаем его постоянную поддержку...

Марина Черных, жена и Андрей Черных, сын

Как в двух словах лучше рассказать о Дмитрие? Что самое главное было, на мой взгляд, в этом, не побоюсь этого слова, удивительном человеке?

Это был настоящий Друг. Когда я вспоминаю его, то всегда на ум приходят кадры из фильма Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих», в котором замечательный артист Юрий Богатырёв сыграл роль Егора

Шилова — человека, при упоминании о котором на лицах всех знавших его суровых мужчин расцветали светлые улыбки. Они вспоминали о чём-то очень дорогом, они вспоминали о Друге, и могли сказать: «Егор — это человек, на которого можно положиться. Я за него ручаюсь». Дима был настоящий Друг.

Скажите по совести, у вас есть такие друзья? Дима был из такой породы. Человек, слово которого было — закон, человек за которого не страшно сказать: «Я за него ручаюсь!», человек безоговорочной честности и порядочности, физически не способный на подлость в любом её виде по отношению к кому бы то ни было. Вы счастливы, если у вас есть такие друзья!

Есть такое понятие — светлый человек. Это про Диму. Мне очень забавно было наблюдать, как в этом более чем стокилограммовом гиганте жила душа семилетнего мальчишки, взирающего на мир широко открытыми глазами, не забывшая к его почти 40 годам способности удивляться, не утратившая чувства сострадания, не зачерствевшая за последние годы занятия бизнесом, не загрубевшая под многочисленными рубцами от ударов Судьбы. Есть такое понятие — светлый человек...

Дима очень спешил жить. Он хотел объять необъятное. Бизнес — это для того, чтобы прокормить семью, а жил он совсем другими интересами. Книги, путешествия, попытки разобраться в том, что же такое — человек? Дианетика, психология, изучение различных религий, просто общение с людьми — он жил потрясающе насыщенной духовной жизнью. Он ничего не скопил, да он и не собирался ничего копить. Полная квартира книг и разных разностей, привезённых из путешествий. И рассказы о том, что мир так интересен и так разнообразен. Что в разных странах живут люди такие разные и всё же такие одинаковые. Господи, сколько в мире интересного, как интересно жить! Сколько я ещё не видел, сколько я ещё не узнал! Он очень спешил жить...

Дима очень любил людей. Ему было интересно общаться с молодыми и старыми — для всех он находил общий язык. Не мог только спокойно общаться со злыми людьми, есть такие люди, несущие зло. Он всё пропускал через себя, всё принимал близко к сердцу. Разделял радость и старался облегчить боль практически любого человека, находящегося рядом. Любил устраивать праздники и помогал другим, забывая порой про себя, про то, что самому нужна помощь. Он очень любил людей...

Его все любили. Если на производстве возникали проблемы, то для их «расхлёбывания» шёл Дима. И затихали накалившиеся страсти, и замолкали ненужные крики. Спокойно, с железной логикой он «разруливал» трудные вопросы, пользуясь установкой кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!» Женщины могли поплакаться ему в жилетку, зная, что он не растрезвонит об их проблемах по миру. Мужики могли разобрать с ним сложные производственные и жизненные эпизоды, зная, что он никому не посоветует дурного. А с детьми, а с детьми он был просто большой, смешной ребёнок с громоподобным смехом и улыбкой на «32 зуба». Его все любили...

Такого не бывает — скажете вы. Ваш Дима очень похож на сказочного принца из забытой давным-давно сказки. Я бы тоже так подумал. Но что мне делать, если я ЗНАЛ этого «принца», и был его другом. Я ничего не придумал, мало того — я не рассказал ещё много-много хорошего об этом, не побоясь

этого слова, удивительном человеке. Просто в жизни всегда есть место чуду — чуду быть ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ. И тогда каждый день окрашивается всеми цветами радуги, и ты понимаешь, что жизнь, несмотря ни на что, прекрасна, и что она имеет смысл хотя бы потому, что ты оставляешь след. И этот след может быть светлым и чистым, а может быть измазан грязью — право выбора за тобой. Дима выбрал свою, светлую дорогу и прошёл её с честью до конца. Такого не бывает, скажете вы...

Я улыбаюсь. Я снова вспоминаю Диму!

Алексей Першин, друг

ЧИЖИКОВА ЛИДИЯ

Возраст — 52 года; Россия, г. Коломна.

Чижикова Лидия Алексеевна родилась в г. Коломна 23 октября 1950 г. Лида в семье была единственной и любимой дочерью. После школы поступила в радиотехнический институт в г. Рязань. После его окончания по направлению работала инженером-конструктором на КБМ г. Коломна. Проработала там 29 лет, проектируя сложные разработки. Была лидером в своём коллективе, её ценили и уважали как доброго, отзывчивого человека и знающего специалиста. После гибели по решению коллектива её рабочий стол долгое время был свободным, и на нём всегда стояли свежие цветы.

Лиду мы знаем как весёлого, жизнерадостного, порядочного, замечательного человека, она всегда была рядом в трудную минуту. Не было такого человека, с которым была бы в ссоре. Она была способна сопереживать и делать добро, не требуя ничего взамен. Когда у её дяди случился инсульт с потерей речи, она долгое время помогала ухаживать за ним. Но, мы считаем, главной её чертой была любовь к жизни, семье, родственникам и друзьям.

Лида бережно относилась к своей семье, стараясь оградить её от неприятностей и огорчений. Когда ей на работе предложили руководящую должность, связанную с командировками, она отказалась в пользу семьи. Лида была хорошей женой и прекрасной матерью. Своей дочери она была самым мудрым и близким другом и помощником. Света отвечала ей тем же.

По жизни со своей Лидушкой мы были очень близки. Всегда рядом, вели разговоры на разные темы, прислушивались к её мудрым словам, советам, вместе делили житейские трудности и радости. Она была нам не только по крови родной, но и по духу, а это дорогого стоит.

Неравнодушна Лида была и к природе: любила свой сад, где всегда был идеальный порядок; ходить в лес за грибами и ягодами. В доме было много цветов, часть которых погибла после смерти Лиды, как бы разделяя её участь.

Будучи студенткой, она ходила в турпоходы по горным рекам Карелии. Любила отдыхать на море, живя в палатках. Последний раз отдыхая на море

в августе 2002 года, она с сожалением уезжала домой, говоря: «А вдруг больше не получится сюда вернуться». Никто и не думал, что эти слова станут пророческими.

Именно ей на 52 года подарили билеты на тот злополучный спектакль, который оказался для неё последним. Её близкие уговаривали взять билеты на другое число, т. к. 23 октября 2002 г. был рабочий день, но она говорила, что тогда не получится настоящего подарка.

В этот день была очень плохая погода, замок у гаража не открывался. Муж предложил не ездить в Москву, сославшись на плохую дорогу. Но она, подобно мотыльку, летящему на свет, стремилась на спектакль. Так она оказалась на спектакле «Норд-Ост» в театре на Дубровке с мужем Валерием, дочерью Светланой, зятем Александром и мамой зятя Галиной Владимировной.

Вечером 23.10.2002 г., когда сообщили по телевизору о захвате террористами театра на Дубровке, нельзя было передать словами наше состояние и тревогу за них. Все эти дни мы находились в большом напряжении, звонили на «горячие линии», но нужную информацию мы не смогли получить.

Каким-то образом вечером 25.10.2002 г. Лиде удалось позвонить нам. Говорила быстро и кратко, она попросила выполнить некоторые поручения, как бы прощаясь с нами. А последними словами были: «Мы отсюда не выйдем», хотя по жизни она была оптимисткой. И в театре, по словам дочери, она всех подбадривала, помогая перенести все невзгоды сложившейся ситуации.

После освобождения заложников в живых мы её не нашли. И нам с этим очень тяжело смириться. Нам её очень не хватает, но «друг не умирает, лишь рядом быть перестаёт».

Мы её всегда помним, будем помнить и скорбим.

Родственники: Русаковы, Гуськовы и Царьковы

ШАЛБАНОВА ЛЮДМИЛА

Возраст — 55 лет; Россия, г. Москва.

Мама родилась 12 октября 1947 года. Ровно за две недели до её гибели мы отпраздновали юбилей.

Мама всегда была очень ярким человеком. Мало встретишь людей, которые настолько любят жизнь и излучают её всем сердцем. Вокруг неё всегда было много людей, которых она согревала своим теплом. Она всегда улыбалась, всегда была готова помочь. С улыбкой встречала трудности и невзгоды. Ещё мамуля была очень творческим человеком: пела и танцевала в оперетте, играла на фортепьяно, обожала театральные постановки. Ни один праздник не обходился без песен в её исполнении.

Среди своих подруг мама была заводилой, всё время генерировала идеи и организовывала всех на их воплощение. Так она и одна из её подруг, Юлия

(с которой они вместе пошли на злополучный спектакль и вместе не вернулись), сели за руль автомобиля в 50 лет! Маминой энергии может позавидовать даже самый непоседливый ребёнок. Всё всегда спорилось у неё в руках. И нас успевала воспитывать, и работать, и учиться, и развлекаться, и хозяйской она была превосходной.

С маминой гибелью жизнь перевернулась. Никогда нам не забыть тех страшных дней ожидания, когда время остановилось для нас и ещё множества людей.

Когда мы с братом были маленькие, нам, как, наверное, и всем детям, казалось, что мама всегда будет рядом, никогда не состарится, никогда нас не оставит. Теперь мы словно обнажённые стоим на ветру и никогда больше не сможем прижаться к маминой груди, рассказать о своих проблемах, услышать добрый мягкий голос, не сможем поделиться с мамой своими успехами и услышать её похвалу, и увидеть радость и гордость в её глазах.

Теперь у нас дома висит мамин портрет и такие стихи:

*Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идёт бессмертье косяком.*

Шалбановы Алёна и Андрей, дети

ШАРОВА ЕЛЕНА

Возраст — 19 лет; Россия, г. Москва.

Шарова Елена Олеговна родилась 30 августа 1983 года в г. Москве. Детство прошло в подмосковном городе Химки, окончила химкинскую гимназию № 16. Студентка педагогического колледжа № 5 г. Москвы. Ей исполнилось только 19 лет, мечты стать педагогом начальных классов остались мечтами.

Добрая, отзывчивая, готовая выслушать и прийти на помощь друзьям в любой момент, отложив все свои дела.

В проекте «Норд-Ост» — со дня премьеры. В течении последнего года Театральный центр на Дубровке был работой и домом. Каждый день после учёбы спешила

в театр. Грустили и радовались, переживали и любили вместе с героями мюзикла...

Оказавшись в беде, надеялись на помощь и защиту, верили до последней минуты, что их освободят. Но...

Прошло почти шесть лет, а кажется, что только утром ушла учиться и вечером в театр.

Каждый вечер прислушиваешься к шагам в подъезде и стуку двери, но только чужой... Жизнь оборвалась, не начавшись. Погибли молодые, только начинающие жить.

Писать очень больно, и неправда, что время лечит.

Светлана Шарова

Полтора года назад мы с приятельницей пошли на мюзикл «Норд-Ост». Войдя в вестибюль Театрального центра на Дубровке, мы машинально протянули билеты девушке в малиновом жилете.

— Не узнаёте? — с усмешкой спросила контролёр.

— Ленка Шарова! — вскричали мы. — Не ожидали тебя встретить так далеко от Химок!

Лена Шарова окончила гимназию № 16 на год раньше нас. Нельзя сказать, будто в школе мы с ней были близкими подругами, но тем не менее тепло общались. Когда мы не могли справиться с какими-то заданиями, в первую очередь бежали к Лене. Мы были убеждены, что «Шарова знает всё».

Высокая, статная, с тяжёлым пучком светлых волос, Лена казалась старше своих лет и словно излучала уверенность. За эту «взрослость» в педагогическом училище, куда Лена поступила после школы, однокурсники называли её «тётушкой».

Когда ровно год назад, вечером 23 октября по телевизору передали страшную новость о захвате террористами заложников в «Норд-Осте», у меня сжалось сердце: ведь там Лена! В этот день утром мы повстречались на автобусной остановке и вместе ехали до Речного вокзала. Лена говорила, что этим вечером, как обычно, отправляется в Театральный центр на Дубровке... Это означало, что она пробудет там до конца спектакля. Теплилась надежда: вдруг Лена в этот страшный день ушла с работы пораньше, не застав того момента, когда на сцену выскочили боевики? Домашнего телефона Шаровой я не знала, справиться о ней было не у кого. Через неделю в «Московском комсомольце», где публиковались списки опознанных погибших, появилась коротенькая строчка: «Шарова Елена Олеговна. 19 лет. г. Химки».

Р. Марьина, химкинская газета

— Привет, тёзка! — так обычно встречала меня Лена в фойе Театрального центра на Дубровке. Всегда улыбчивая и очень позитивная, она так и осталась в моей памяти — с волосами, лихо забранными на затылке, в красной капельдинерской жилетке и с задорной улыбкой на лице. Мы виделись довольно часто, и ни разу я не видела Лену грустной. Таких людей называют солнечными. С ними хочется находиться рядом, глядя на них, собственные проблемы становятся мельче или исчезают вовсе.

До сих пор не верится, что Лены нет. Она рядом, где-то незримо я ощущаю её тёплую энергию. Хочется, как раньше, помахать рукой и крикнуть: — Привет, тёзка! Нам тебя не хватает!

Елена Маленкина

ШИФРИНА АННА

Возраст — 61 год; Россия, г. Москва.

Анна Тэвильевна Шифрина — это моя мама. Я не умею думать о ней в прошедшем времени... потому что не может быть так, чтобы её нигде не было... Она есть всегда, сколько помню себя, лет, наверное, с четырёх... С самого начала — большая, весёлая, нежная, смеющаяся, красивая, сильная... очень сильная и очень добрая. Мама смеётся, печёт пирог, утешает, сочиняет со мной стихи, варит кофе и снова смеётся. Шьёт мне карнавальный костюм из своего вечернего платья ишивает на него свои «взрослые» малахитовые бусы, снова варит кофе всем соседкам сразу, полночи объясняет мне, как решать алгебру (даже в конце года, начиная с первого параграфа учебника), не выдерживает — злится, смеётся, укладывает меня спать и предательским каллиграфическим почерком записывает решения задач в тетрадку пяти(!)классницы. Она работает, всегда, много и тяжело. Приползает поздно вечером, забирает меня, последнюю из продлёнки, целует, просит прощения, на всякий случай не проверяет дневник... Кормит меня и троих соседских мальчишек одной куриной ногой и ещё чем-то страшно вкусным, создающим основной объём блюда. У мамы едят все, даже дети, которые не едят принципиально.

У нас едят даже манную кашу, бутерброд с салом или горячее молоко с нарезанными и утопленными в нём кусочками бородинского хлеба. Мама не уговаривает и не шантажирует, она только смеётся и очень вкусно ест сама... ест то, что остаётся от ужина, после троглодитки-меня, соседских мальчишек, заглянувших на сигаретку мам этих мальчишек и любимого племянника, неожиданно забежавшего между институтом и свиданием. (В общем, лет до четырнадцати, глядя на маму, я искренне считала, что в яблоке самое вкусное — огрызок и шкура, а в котлетах — то, что подгорело).

Мама курит вечернюю сигарету с соседкой, выслушивая очередную семейно-горестную исповедь, обнимает её, говорит: «Да ладно тебе, Анька, все мужики — сволочи, и наш с тобой — не исключение» — смеются обе, снова пьют кофе, мама раскладывает карты и там, как всегда: «Всё хорошо, Анька!» «И вообще, не переживайте, девочки — скоро выйдет солнце!» — любимая мамина присказка и заодно — способ восприятия окружающего и окружающих.

Каждые выходные мы уезжаем к бабушке и дедушке на Новокузнецкую. Дедушке почти девяносто, бабушка много лет прикована к постели,

нас очень ждут. Мама открывает дверь своим ключом, зажигает везде свет, целует дедушку, обнимает бабушку — и сразу всё оживает: она кормит нас с дедушкой чем-то невероятно вкусным (не исключено, что это гречневая каша с молоком), протирает полы, смеётся, моет и причёсывает сразу повеселевшую и раздурманенную бабушку; ловко, анекдотом, отвлекает дедушку от проверки моих школьных знаний, что-то печёт, отправляет меня угощать соседей этим чем-то, смеётся, ложится в кровать «приспать» меня, для эффективности читая мне что-то из «Нового мира» — увлекается и засыпает первая.

А вот мы дома, и у нас очередные гости, откуда они только не приезжают: Волгоград, Питер, Целиноград... И все — друзья, и тут уже совсем весело: мама встречает, обнимает, смеётся, кормит, ругает за подарки и хвалит за новую причёску, работает как фабрика-кухня... неиссякаемые шутки, кофе и водка. Она переползает спать ко мне на диванчик, но появляется там редко — хочется общаться и кормить... В выходные ознакомительные выгулы гостя в театры и на вернисажи — гость в восторге, я прыгаю на одной ноге от ощущения свободы и праздника, да и мама, кажется, совершенно счастлива...

Так идёт жизнь, ну почти так, с поправкой на моё взросление и несносный переходный возраст. Но и тут у мамы «включается» чувство юмора... Сколько всего я слышу от неё в тот период: и то, что у меня «не очередь поклонников, а парад уродов», и то, что «только дураков тянет на красное и блестящее», и уж, конечно, мама с моим гипотетическим первым мужем даже знакомиться не собирается! «А какой смысл? Он же сбежит через три дня, обнаружив в кровати первый огрызок яблока!!!» И самое главное, неизблемое — «девочка должна ночевать дома!» Ещё много метких и таких точных выражений, но обижаться невозможно — и мы обе смеёмся, и уже вместе сочиняем хлёсткие прозвища каждому участнику моего «парада». (Все они, кстати, нежно любили маму).

Ссорились всерьёз мы нечасто, но когда силы и чувство юмора всё-таки покидали маму, она грозила: «Всё, уеду от тебя в Орджо (посёлок с морем в Крыму — любимое место мамино отдыха), куплю козу и уйду с ней в горы... и делай здесь, что хочешь!» Поскольку колоритный этот сценарий повторялся периодически, то «пугательную» свою функцию перестал выполнять достаточно скоро и только смешил слушателей — уж больно нелепой и фантастической представлялась эта картинка... Сильно позже я увижу живьём многое из того, что рядом с мамой считала нелепым, фантастическим, чудовищным и несправедливым, и уже поэтому невозможным...

... А дальше... дальше было 23 октября 2002 года, и слово «Норд-Ост», на которое я так и не научилась не вздрагивать, и три страшных дня ада, пронизанного одной единственной мыслью и одной надеждой на чудо. В то, что случилось потом, я не верю и не умею научиться. Я верю в то, что мама, как и собиралась, уехала в Крым, купила козу и ушла с ней в горы Орджо. И теперь всё в этой картинке для меня гармонично и осмысленно. Хотя бы потому, что когда я, сидя на кухне с чашкой кофе и сигаретой, смеясь, раскладывая очередной подруге очередные карты, я совершенно явственно слышу и повторяю мамино: «Не переживайте, девочки — скоро выйдет солнце!»

Татьяна Шифрина, дочь

Мы были молоды. Не распрощавшись до конца с подростковым нигилизмом, вчерашние дети, мы не подпускали к себе никого постороннего. Заслужить наше доверие смогли лишь самые достойные, только их мы были готовы пустить в свой мир.

Одним из немногих взрослых друзей, сумевших подобраться к нам на близкое расстояние и приручить, была Анна Тэвильевна. Наверное, это неудивительно, если принять во внимание поразительное сочетание лучших человеческих чувств и качеств, которыми она согревала окружающий мир, с помощью которых подбирала ключи к нашим недоверчивым душам, и которым мы учились у неё, как у достойнейшего учителя — жизнелюбие, гостеприимство, чувство юмора, сочувствие, открытость, радость, доброта и любовь.

Принято говорить, что люди ценят только то, что теряют. Здесь это не так. Мы всегда любили Анну Тэвильевну, когда она была с нами. Когда её с нами не стало, к нашей любви добавилась ужасная боль утраты. Непереносимо тяжело, грустно и по-детски обидно, что мы потеряли настоящего друга.

Проходят годы. Но по-прежнему хочется повернуть время вспять, не допустить того, что случилось. Это невозможно. Что же нам остаётся делать? Ответ очень прост. Стараться быть такими людьми, которыми бы она гордилась. Это — лучшая память, которую мы можем воздать нашему Другу и настоящему Человеку, Анне Тэвильевне Шифриной.

Артём Казанович

«Анюта» — так называли её все: родные, соседи, друзья... Она относилась к тому типу людей, о которых говорят: «Хорошего человека должно быть много!» И её действительно было много. При этом она удивительно легко и быстро двигалась, обладала способностью превращать в родных почти всех людей, с кем общалась: соседей, сотрудников, знакомых...

Её большое сердце принимало боль и радость большого круга друзей и родных, и друзья становились родственниками, а родственники друзьями её друзей. Большое чувство юмора делало общение с ней интересным и очень привлекательным и на её собственные недостатки позволяло смотреть с улыбкой. Например, она очень любила опаздывать... на работу, в гости, на встречи, при этом, когда ей говорили: «Ну как можно так опаздывать на работу?!», она отвечала: «Начальство надо воспитывать!» И, кажется, ей это удавалось.

А родных она тем более к этому приучила. И мы знали, что на день рождения она появится ближе к торту... и тогда — праздник продолжается. Она живо и увлекательно рассказывает о своих рабочих делах, и никто за столом не остаётся невовлечённым в дела строительной фирмы...

Однажды, приблизительно за год до «Норд-Оста», Анюта была за что-то на меня так обижена, что ещё весной пригрозила не прийти на мой июльский день рождения. Прозвучало это вполне серьёзно и очень неприятно. Когда наступил мой день рождения, гости собрались, и все спрашивали про Анюту, я говорила всем, что её не будет... Настроения не было, на душе скребли кошки, и вдруг... часов в девять вечера раздался звонок в дверь. На пороге Анюта с огромным букетом цветов (она очень любила дарить цветы и вообще... дарить). Вплывает в комнату, сбрасывает с плеч шёлковую шаль (она очень

красиво их носила)... С этого момента и начинается веселье — всё становится на свои места. Словом, Анюта — человек-праздник, добрейшая душа, принимавшая участие в жизни колоссального количества людей: друзей, сотрудников, родных, друзей дочери.

Уже после гибели Анюты, в годовщину трагедии, на площади напротив ДК, там, где стояли фотографии погибших, стояла и фотография нашей Анюты. Ко мне подошла молодая женщина, сумевшая вынести газовую атаку спецназа и выжить той страшной октябрьской ночью. 23 октября 2002 года она была на работе, продавала в фойе ДК напитки и сладости и попала в заложники вместе с актёрами и зрителями мюзикла. Мне она сказала, что специально пришла и ждала у Анютиной фотографии её родственников или друзей, чтобы рассказать им о том, как эта малознакомая ей тогда немолодая, усталая женщина своим юмором и добрым отношением к людям помогла ей пережить те страшные события.

Тамара Бердышева

Меня не было в Москве в эти дни... Когда по информационным агентствам прошло первое сообщение: «захват заложников в театре российской столицы», я ещё не понимала, что трагедия на Дубровке станет моей личной трагедией.

Анна Тэвильевна никогда не была для меня просто мамой моей подруги. У них на Преображенке я чувствовала себя как дома с самого начала. И это конечно было заслугой Анны Тэвильевны... «Тэвильны» — как мы все её про себя называли. Полуопущенные веки, бархатный голос (только она умела говорить «Лирушка» как-то по-особенному тепло) и улыбка. Даже тогда, когда улыбаться совсем не хотелось.

Тэвильна всегда много работала, иногда плохо себя чувствовала. Она приходила вечером с огромным количеством пакетов. Садилась на своё место за столом на кухне и говорила: «Так, дайте мне пару минут отдохнуть и тапки. Татка, ты гуляла с Тигром?» А дальше — неизменный кофе, сигарета и разговоры до утра.

Сигареты! Мне трудно было представить, что вот так я могу сидеть и болтать с собственной мамой — противницей курения. У Тэвильны был другой подход к проблеме «отцов и детей», и меня он восхищал. Неизменные чувства такта и юмора — вот, пожалуй, те черты характера Анны Тэвильевны, которые так сильно мне импонировали.

Как-то Татка уехала в Крым. Тэвильна её проводила, вернулась домой и обнаружила, что дочь забрала и свои ключи, и мамины. «Прихожу я домой, ищу ключи, вижу, что их нет,— рассказывала потом Тэвильна с улыбкой,— и понимаю, что оказалась я наедине с вечностью». Вот это «наедине с вечностью» я помню до сих пор.

Дальше был вызов службы спасения. На вопрос «Есть ли в доме звери?» Анна Тэвильевна ответила: «Есть, Тигр, но он добрый!» Добрый Тигр. Только вхожие в семью Шифриных знали, что Тигр — это вовсе и не тигр, а добродушный чёрный пес...

Дни рождения Татки. Как же Тэвильна всегда переживала, что ничего не будет готово в срок. Хотя, по давно сложившейся традиции, все знали,

что съестное донесут со всех этажей, а комната Татки убрана мной же накануне. Тэвильна хотела, чтобы всё было «как у людей». Я не знаю, КАК у людей. Но все праздники на Преображенке проходили так тепло и весело, что народ продолжал гулять ещё несколько дней.

Мы очень сблизились после Таткиного замужества. Тэвильна переживала. Но как ненавязчиво, с каким достоинством! Мы могли говорить часами по телефону. В какой-то момент я даже перестала понимать, кто же именно мой друг, что именно тянет меня на Преображенку.

Когда я получила приглашение поехать на работу в Лион, был собран совет (моей мамы в это время в Москве не было). Весь «преображенковский клан» стал меня в голос отговаривать. Все, кроме Тэвильны. Когда мы с ней остались одни, именно она первая сказала: «Поезжай, это хороший шанс, хотя нам без тебя, конечно, будет грустно». И я уехала.

Меня не было в Москве в эти дни... Поэтому мне «легче» обманывать себя тем, что просто в суматохе московской жизни я всё никак не могу найти время, чтобы приехать к Тэвильне на кофе и сигаретку. Но когда-нибудь ведь это произойдёт. И я уверена, нам будет о чём поговорить.

Альбина Лир

Я переживала, что недостаточно часто бывала на Преображенке, недостаточно много общалась с Тэвильневной. Но те несколько раз — настолько яркие... мы приезжали в гости — на дни рождения. Всегда до последнего момента у хозяев было ощущение, что ничего не успеется, и Анна Тэвильевна была таким сочетанием паники и спокойствия: с одной стороны, гостей нечем кормить, с другой — ещё можно успеть переодеться и предстать потом настоящей королевой.

У моей старшей дочери день рождения в тот же день, что и у Анны Тэвильевны. Но ни одного общего дня рождения отметить не успели — Варьке исполнился год уже после «Норд-Оста». А до него, в начале октября, был день рождения Тани — и я ужасно рада, что успела всё-таки Варю познакомить с А. Т. А когда она подрастёт, я ей расскажу, с каким человеком она родилась в один день.

В общем, неважно, как часто виделись. Самое яркое в памяти — не отдельные чёткие картинки, не подробные примеры. Хотя и они есть.

День рожденья Тани, еды полно, гостей полно. Танина подруга, так, сама с собой разговаривая: «Неужели совсем нет сладкого?» — и Анна Тэвильевна идёт печь пирог.

Ночует подруга Таньки, только легли, но по будильнику встает, чтоб позвонить бабушке, сказать, что едет на пару — и плачет потом («Я соврала бабушке!»), а Анна Тэвильевна (с каким весельем и иронией она должна была за этим наблюдать!) её утешает.

В нашу «школу для детей беженцев» Анна Тэвильевна привезла щедрый подарок — огромный заварной чайник и кучу чашек. И среди них — разных, с цветочками и без — одна сиреневая с надписью «Ольга». Лично мне. Как я была горда!

Не картинки, а образ — человек, с которым всегда есть чем и зачем

поделиться. И ещё — часто ловлю себя на том, что про какие-то проблемы думаю: вот Анна Тэвильевна могла бы сказать мне, что и как теперь делать...

Ольга Лавут

Впервые я увидел её осенью, в середине октября. Анна Тэвильевна Шифрина уютно и прочно сидела на уютном и прочном диванчике в углу кухни. Прихожая, кухня, дочь, племянник и горячий ужин — вот пять элементов, пять точек приложения её усилий, которые прямо с порога говорили мне, гостю: всё, что делает эта женщина, она делает хорошо.

Еда глоток за глотком прогоняла мерзлоту из тела; Анна Тэвильевна расспрашивала нас о жизни с интересом и живостью человека, который знает и любит людей. Я выпил рюмку водки и ясно почувствовал: вот ради этого стоит жить в Москве. Стоит холодным пасмурным октябрьским днём толкаться в транспорте, видеть, как предзимняя депрессия сводит лица прохожих в агрессивные гримасы, стоит ходить в джинсах, по колено забрызганных грязью. Ведь только тогда ты сможешь по-настоящему затосковать, и только тогда сработает этот чисто московский эффект: в одну минуту ты, соприкоснувшись с человеческим теплом, вот как у Анны Тэвильевны, воспаришь, и всё твоё существо охватит чувство любви и радости жизни. Серьёзно, без дураков.

Мы дружили несколько лет. Анна Тэвильевна всё время помогала образовательному центру, где мы с её дочерью Таней учили беженских детей (в основном чеченских) школьным наукам. Я бывал у неё несколько раз в году, почему-то всегда осенью — то это был её день рождения, то день рождения Тани, то просто гости. А может быть, я приходил именно осенью потому, что бессознательно стремился снова испытать чисто осенний «эффект Анны Тэвильевны», эту квинтэссенцию добра и смысла, побеждающую холод, серость и угрюмость.

Когда Анна Тэвильевна попала в заложники, тоже была осень. Длилось это, как известно, три дня. Всё время лил дождь, ледяные капли стекали по голым чёрным веткам деревьев, по лобовому стеклу моих жигулей, в которых я прожил все эти три дня, по каскам спецназовцев из оцепления. Мы бессмысленно толкались в маленькой школе около «Норд-Оста» — кризисном центре для родственников заложников. Иногда я отлучался по каким-то делам, ездил по улицам, иногда ходил пешком — я видел, чувствовал, как страшно изменился город. В тот год в Москве не было надежды, никаких шансов выиграть борьбу со стихией, со злом — внутри и снаружи человеческой души.

После того, как всё кончилось, после того, как по родимому пятну мы нашли её на вторые сутки поисков в морге, после того, как похоронили и помянули, я продолжил обычную жизнь. Я ездил по городу и ходил по нему пешком. Я и сегодня езжу и хожу пешком; и сегодня — снова осень. И сегодня, как и во все дни, прошедшие со времени «Норд-Оста», я точно знаю одну важную вещь.

Да, город навсегда изменился. Я начал с того, что сказал: в Москве стоит жить ради таких людей, как Анна Тэвильевна. Их остаётся всё меньше и меньше, и вообще человеческое пространство стремительно схлопывается; его сминает та же равнодушная рука, которая допустила «Норд-Ост», допустила Беслан и допустит, похоже, ещё многое. Но я не уеду. Я чувствую,

что именно мы, оставшиеся, должны сохранять и нести тепло, полученное от прошлых поколений, от тех, кто даже в самые лютые советские зимы всегда создавал вокруг себя этот неповторимо московский человеческий эффект.

Я называю его «эффект Анны Тэвильевны».

Илья Колмановский

ШОМАХОВА ЕЛЕНА

Возраст — 35 лет; Россия, г. Москва.

Любимая наша дочь, Шомахова Елена Владимировна, родилась в Москве 10 ноября 1966 года, когда я с мужем училась в Московском технологическом институте пищевой промышленности. Врачи восхищались, какой спокойной и ладненькой, кудрявой и улыбчивой родилась и росла наша девочка. Алёнка всегда щебетунья, солнышко и плясунья, что-то напевает или говорит нараспев и в рифму. Когда мы были в Казахстане в гостях у мамы Вали, бабушки Алёнки, знакомые говорили, что быть ей акыном. После московской учёбы мы увезли нашу доченьку в далёкий сибирский город Северск, что в Томской области.

Учёба в школе, как и в детском саду, привлекала к ней много друзей и подружек. У Алёнки всегда была длинная коса, ребятишкам нравилось гладить и заплетать её длинные пышные волосы.

Алёнка занималась спортом, посещала музыкальную школу, играла на гитаре. В нашем доме не закрывалась дверь, потому что школьные друзья сообща готовили уроки и очередные праздники, оформляли стенгазеты, бегали на тренировки.

Леночка училась в Томском политехническом университете, решила, как и родители, стать инженером-механиком роботизированных производств, после окончания поработала в нашем славном городе Северске по специальности.

Со своим мужем она училась в одной группе, у них на 4 курсе родилась дочь. Через 5 лет дочь и зять решили поехать на родину Артура в Нижневартовск, где жила мать мужа.

У моих дорогих детей и на новом месте дела пошли хорошо. Поступили на заочное отделение института, получили специальность экономиста банковского дела, начали работать по новой специальности. Вскоре обзавелись новыми друзьями, в Нижневартовске жизнь оказалась более динамичной.

Столица нашей Родины Москва всегда привлекала мою дочь, она самостоятельно ездила в столицу к родственникам ещё обучаясь в школе. Зять часто ездил в Москву в командировки, купил квартиру в Москве, из Нижневартовска семья дочери перебралась в Москву после рождения сына.

Елена в Москве начала работать в Центробанке, пригодился опыт работы

в расчётно-кассовом центре в Нижневартковске. Уезжать из Нижневартковска было трудно, у дочери сложилась карьера, хорошие тёплые отношения с коллегами по работе.

Дружная семья Елены успешно трудилась в Москве. Как и в прежние времена, путешествовали по миру, кроме того, еженедельно выезжали в Рязанскую область в город Спасск-Рязанский, где поселилась после отъезда из Нижневартковска свекровь.

В Москве у Елены появилось новое интересное занятие — разведение цветов, в Спасске — разведение садовых и огородных растений. Наша Леночка умела подбодрить, обогреть, одарить своим вниманием, любовью всех близких, друзей, знакомых. Когда она приезжала с ребятами в гости, всё приходило в движение, начинали происходить интересные события, срочно хотелось всё поменять в жизни к лучшему.

Трагические октябрьские события 2002 года, которые обрушились на нас как страшный сон, обернулись непоправимым несчастьем, невыносимой болью, с которой мы, близкие и родные люди нашей Леночки, живём и поныне.

Как мы пережили те страшные дни, когда моя дочь и внучка были в театре на Дубровке, и последующие похороны нашей дочери Елены, трудно даже вообразить.

Елену похоронили в полюбившемся ей городке Спасске-Рязанском, что под Рязанью, в месте, которое природой и близостью реки очень похоже на Северск.

Родители

ЩЕГОЛЬКОВ ДМИТРИЙ

Возраст — 27 лет; Россия, г. Раменское.

Чемпион Москвы по бодибилдингу 1995–96 гг. среди юниоров.

Дмитрий родился 23 октября 1975 года в подмосковном посёлке Кратово. Там же он учился в школе. Дмитрий был простой, открытый, добрый, очень настойчивый парень. В школе он учился хорошо, занимался спортом. В четырнадцать лет он увлёкся бодибилдингом, занимался в качалке молодёжного клуба «Дружба». Друзья в шутку называли его «Арнольд-дом». Дмитрий был замечательным, любящим сыном, верным другом.

Время шло, Дмитрий окончил школу и поступил в Малаховский институт физкультуры. Учась и работая, Дмитрий регулярно посещал тренировки. Он был фанатом культуры тела в самом красивом смысле этого слова. В восемнадцать лет Дмитрий начал выступать на соревнованиях по бодибилдингу, занимал сначала четвёртое, а потом и третье места. А в двадцать лет завоевал первое место по Москве в своём весе среди юниоров.

В последние месяцы жизни Дмитрий работал в Москве тренером в зале Дворца спорта ЦСК. Казалось, что он уже подошёл к заветной цели, но трагедия, произошедшая на спектакле «Норд-Ост», унесла жизнь 27-летнего парня. Он был бы с нами и многого ещё мог бы добиться, если бы не эта трагедия.

Друзья, родственники до сих пор не могут смириться с потерей, произошедшей шесть лет тому назад.

Рыжкова В. П., мама

ЭЛЬМУРАДОВА ИРИНА

Возраст — 45 лет; Россия, г. Лобня.

Эльмурадова (Беляева) Ирина Фёдоровна родилась 9 декабря 1956 года в посёлке Некрасовский Дмитровского района Московской области. Окончив в 1974 году среднюю школу, поступила в Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана, которое окончила в 1981 году по специальности гидропневматика и гидропривод. В апреле 1979 года вышла замуж за Эльмурадова Руйиддина Дильмурадовича. В 1980 году у них родился сын Алишер, а в 1992 году — второй сын Ильяз.

В 1981 году Ирина была принята на должность инженера Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации. В данном институте она проработала до 1997 года. В январе 1998 года она переходит на работу в ОАО «Аэрофлот-российские авиалинии». Трагическая смерть оборвала жизнь замечательной, красивой женщины, матери двоих детей. Её знали как прекрасного человека, грамотного специалиста, верного и надёжного товарища.

Рассказ старшего сына Алишера:

Мама была удивительным человеком, её жизненной энергии хватало на семью, работу и друзей. Она была всегда подтянутая, красивая, в хорошем настроении, готовая помочь любому. Отличная хозяйка, очаровательная женщина, самая лучшая мама и преданная жена.

В нашей семье трое мужчин — папа и я с младшим братом, и к каждому из нас она находила подход, спланивала нас. Для каждого она находила время, каждому из нас была опорой и надёжным другом. Она очень любила театры и путешествия. Посещала все премьеры и объездила практически весь мир. Помимо семьи была ещё и работа, где её ценили, уважали и любили. Вот уже на протяжении шести лет в день её смерти у её могилы собираются не только родственники, но и коллеги. Незадолго до трагедии я женился.

В 2005 году у меня родился сын — её внук, которого она не успела увидеть. С её гибелью наша семья осиротела, мы потеряли самого любимого и близкого человека.

Семья Эльмурадовых

ЮФТЯЕВА НАТАЛЬЯ

Возраст — 38 лет; Украина, г. Керчь.

Наша мама, в девичестве Науменко Наталья Александровна, родилась 9 ноября 1963 года в Крыму, в городе Керчь. С 1-ого класса по 11-ый училась в 19 школе с английским уклоном. После окончания школы уехала учиться в Харьков. Поступила в станкоинструментальный техникум в 1981 году, а окончила в 1984. Специальность называлась «оператор станков с ЧПУ».

С нашим папой Юфтяевым Евгением Александровичем она познакомилась ещё в школе. Долго дружили, и в один из её приездов домой на каникулы поженились.

31 декабря 1984 родилась уже я, а 7 августа 1985 и мой брат Женька. Сейчас, уже имея свою семью, могу сказать, что они очень сильно друг друга любили. Папа называл её «Натульчик» и «Симона-Кошка». Кстати, 28 октября 2002 года исполнилось бы 18 лет со дня свадьбы отца и мамы. Двух дней не хватило, чтобы отметить «совершеннолетие» их совместной жизни. Жили они, как и все в то время, сначала в общежитии, а затем получили свою квартиру. Мне тогда было 8 лет. Мама работала бухгалтером в молодёжном центре «Митридат».

Тогда же и произошла, как я до сих пор считаю, знаменательная встреча (или знакомство) с директором этого центра Черноморченко Юрием Ивановичем. Благодаря их знакомству наша мама и оказалась на небезызвестной для многих «Барзовке». «Барзовка» — это такое место под Керчью, где и по сей день находится большой палаточный летний лагерь. Нам повезло — мы жили рядом и имели возможность проводить там всё лето. Многие талантливые люди приезжают туда — барды или те, кто умеют петь и играть на гитаре. Никто из нашей семьи не обладал таким талантом, и я до сих пор благодарна Юрию Ивановичу, что он подарил всей нашей семье возможность бывать там. Именно оттуда и появилось у мамы множество друзей.

Наша мама была удивительным человеком и настоящей женщиной. Она была очень преданным другом, умела выслушать, пожалеть, чужое горе воспринимала всегда как своё собственное. Мама была интересным собеседником, её брат вспоминал — стоило маме заговорить, все сидели, открыв рот. А ещё она была по-настоящему красивой внешне. У неё всегда было очень много поклонников.

Потрясающая жена, любящая мать — она никогда не ворчала, не била и не ругала нас, своих детей (хотя, на мой взгляд, были времена, когда следовало бы). Аккуратная хозяйка, очень мудрая, тонкая натура. Она старалась не осуждать никого, ошибки обычно искала в себе. Я не знаю других женщин, у которых было бы так же много подруг, как у мамы.

Со своей свекровью (моей бабушкой) была в отличных отношениях, называла мамой и очень любила её. Наша бабушка была серьёзно больна. Я помню, когда наша бабушка умирала, женщина-врач «скорой помощи» сказала, что есть шанс — если сделать укол в сердце, то, возможно, бабушка сможет ещё пожить. Правда, вряд ли она будет ходить, разговаривать, скорее всего будет «овошем» лежать. Врач спросила у мамы: «Стоит ли?» И мама ответила: «Испробуйте всё. Я так хочу хотя бы ещё раз в мамины глаза посмотреть». Но не вышло. Бабуля умерла, а мама потеряла, я уверена, очень близкого и родного человека.

Мама любила читать. Она читала много и с удовольствием, была достаточно эрудированной. Мама никогда не стеснялась спросить, если не знала чего-то, и нас учила тому же. Она очень любила отгадывать кроссворды. Это было её хобби — могла разгадывать их часами в гостиной на полу, обложившись атласами и энциклопедиями. Мы были очень близки. Я искренне считала, что она моя самая близкая подруга, у меня от неё не было секретов.

В 2000 году наш папа уехал в Москву работать, а через год забрал и всех нас. Мама устроилась на работу в «Норд-Ост» — помогла её подруга, с которой они познакомились в «Барзовке», Елена Сысуева. Мама работала там продавцом сувенирной и полиграфической продукции. Её ларёчек был расположен на первом этаже. А на втором этаже в таком же ларёчке работала Елена Виноградова. Они с мамой очень подружились, и в тот злополучный день их захватили там, на втором этаже. Так они и просидели вместе рука об руку 3 дня. Тётя Лена, слава Богу, осталась жива, но долго лежала в больнице.

На похороны к маме приехало очень много друзей. Так много, что когда её отпевали, в храм все не поместились. Шёл дождь, а люди ждали своей очереди на улице, чтобы попрощаться с мамой...

Екатерина Юфтяева, дочь.

ЯКУБЕНКО ЕЛЕНА

Возраст — 46 лет; Россия, г. Москва.

Не могу говорить о маме в прошедшем времени. Она в картинах, которые меня окружают, в доме, который построила своими руками. Она в пламени свечи, которую я часто зажигаю как оберег моего семейного очага. Она, как икона, была помощницей в родах долгожданных внуков.

Как у мамы, у старшего сына волнистые волосы и голубые глаза. Он проявляет большой интерес к рисованию, как бабушка. Я не могу это объяснить, но на даче сын просит, нарисуй мне, я, готовя обед, отвечаю — попозже, некогда сейчас, на плите горит.

Потом подхожу, спрашиваю, что нарисовать, а он отвечает — не волнуйся, мам, мне уже бабушка всё нарисовала.

Может, я зря посвящаю сыновей во взрослую жизнь, но они знают, что бабушка погибла и стала звёздочкой на небе...

Екатерина, дочь

Я хочу рассказать о своей дочери — Елене Якубенко. В 1956 году родилась двойня — Оля и Лена в семье Таракановых Александра Алексеевича и Тамары Григорьевны. В нашей семье уже была дочка Наташа, которой было 4,5 года. Таким образом, в один день мы стали многодетной семьёй.

Нашему счастью не было предела, девочки росли здоровенькие, окружённые заботой и любовью. Учились хорошо, занимались фигурным катанием, с 6 лет пошли в музыкальную школу, старшая дочь, Наташа, — на отделение виолончели, а Оля с Леной — по классу скрипки. Леночка обладала абсолютным слухом, но с ранних лет её любимым увлечением было рисование. Приходилось бороться с ней, доказывать, что надо окончить музыкальную школу, а затем уже идти в художественную школу.

Но произошло событие, которое помогло осуществить её мечту — учиться рисованию. 1970 год — юбилейный год, 100 лет со дня рождения В. И. Ленина. Был объявлен конкурс по школам Москвы на лучший рисунок. Совершенно неожиданно для нас Лена заняла 1 место. В Центральном доме пионеров на Ленинских горах ей вручили Диплом 1 степени. По совету учителя рисования и жюри пришлось оставить занятия музыкой и отдать её в художественную школу.

Училась увлечённо и по окончании художественной школы поступила в Театральное художественное училище на костюмерное отделение, которое она успешно окончила. Рисование стало её профессией. За свою короткую жизнь она оставила большое количество картин. Она оформляла школы и детские сады, лагеря и дискотеки. Как же великолепно она оформила часовню в скиту на разъезде Дубосеково!

Леночка была одарённым человеком, она не только рисовала хорошо, очень увлекалась музыкой, литературой, театром, часто посещала выставки, ездила на экскурсии, много путешествовала. Она и своих 2-х детей приобщила к искусству. Семья наша большая и дружная. И Лена была общительной, гостеприимной, любила гостей, имела много друзей. Она не умела ссориться, была очень заботливой дочерью, сестрой, матерью и любящей тётёй своим многочисленным племянникам и племянницам. Лена любила жизнь, людей, животных, природу.

Она спешила жить и многое успела. Вырастила детей, сыграла им свадьбы. Выстроила дачу, куда любила приезжать и зимой, и летом, которая необычна своей архитектурой, внутренней отделкой. Лена всё делала своими руками, расписала стены, потолки, двери, сшила шторы, оформила интерьер. А ещё с 3-х месяцев до последнего дня жизни, 6 лет была бабушкой, няней своей внучатой племяннице, полностью отдаваясь ей и испытывая огромное удовольствие.

19 октября — день рождения Лены и Оли. И Лена получила в подарок билет на мюзикл «Норд-Ост», на котором она мечтала побывать.

23 октября она ушла в театр, к счастью, одна, а дочь и зять отмечали 3-х летнюю годовщину своей свадьбы. Она обещала вернуться к чаю с тортом. И вдруг звонок: «Меня не ждите, я в заложниках...» И с 23 по 26 октября вся семья, друзья, родные день и ночь дежурили за оцеплением. После штурма начались ещё более страшные испытания, поиски её сначала по больницам, затем по моргам.

Какого-то известного человека спросили, что такое счастье, он ответил: «Счастье — это когда нет несчастья».

В нашей семье начался новый отсчёт времени. Лены нет, но она в то же время с нами. Как было пережить это горе нам, родителям? И я не знаю, как мы остались живы. Это горе не лечится временем, к сожалению. После смерти Лены мы с мужем стали инвалидами в полном смысле этого слова. Потерять дочь в полном расцвете сил и здоровья, творческих планов — это невыносимо тяжело.

Когда предложили написать о дочери, то стала в тупик, ведь это всё слова, фразы, а как передать ту боль, горечь, страдания и днём, и в бессонные ночи? Это не выразить никакими словами.

Тамара Григорьевна Тараканова, мама

Моя двойняшка Лена... за год до этих страшных событий, в наш с ней день рождения 19 октября, получаю от Лены письмо с поздравлением:

«Оля, поздравляю тебя с 45-летием! Как ощущения? У меня — ужасные. Даже не знаю, что пожелать, видимо, хорошего настроения, остального, видимо, не дождёшься. Остаётся радоваться тому, что имеешь, а лучше тому, чего не имеешь...»

Помню, последняя фраза меня тогда поразила и врезалась в память, я с недоумением вчитывалась в эти строчки, подчеркнула их маркером — это так не характерно для весёлой, смешливой сестры!

Через год, 19 октября, за 4 дня до беды, по телефону поздравляем друг друга с нашим общим днём рождения, счастливые, весёлые и... опять сжалось сердце, когда Лена радостно сообщила, что идёт на спектакль, и было странным это неприятное ощущение, тем более, что для меня и Лены театр был как часть жизни, мы там «восстанавливались», это была наша среда обитания. Мы тогда долго болтали по телефону, Лена волновалась: «Оль, ты все деньги проговоришь!» (из другого города), а я не могла наговориться. Это был последний наш разговор.

В детстве мы с ней устраивали детские праздники — спектакли с соседскими детьми, что-то рисовали, шили, придумывали. У Лены был свой мир — весной мы с ней подолгу рассматривали проталинки, она видела в этих узорах дворцы. Могла любоваться каплей росы. На даче мы валялись на траве в полуденном зное, Лена любила разглядывать облака и рассказывать, на кого они похожи, потом это всё перенесётся в её картины, где обязательно в листве дерева вдруг увидишь чей-то профиль, или в валунах и скалах на её картине

угадывается морда любимой собаки — южно-русской овчарки. А какие стихи она сочиняла на утренники детям в саду и школе, затейница — газеты быстро на ходу придумывает, рисует, всех организывает, тормозит, куда-то зовёт, то на концерт, то на выставку, детей без усталости везде с собой везёт не только своих двоих, но и ещё 2–3 племянников прихватит. На предпоследний день рождения подарила мне свою картину с взлетающим журавлём или аистом, очень похожим на ту птицу, что теперь на стелле на Дубровке. А весной на крышу Ленинского дома на даче прилетели аисты, мы замерли от такого чуда... Ни раньше, ни потом мы такого не видели.

На первую годовщину гибели в Тушинском выставочном зале её детьми была создана и проведена выставка Лениных работ, о которой она мечтала при жизни... И ещё... на иконе, которую она написала для часовни в Дубосеково, Лена изобразила моих двух младших детей с Ангелом-Хранителем, теперь она нас охраняет. За год до гибели я получаю от Лены видеозапись со свадьбы её сына, Лена в камеру обращается ко мне, улыбается, машет, раскинув руки: «Оля, я жива!» Так она у меня и стоит перед глазами. Я потом только поняла, что потеряла не просто сестру-двойняшку, а часть себя...

Ольга, сестра-двойняшка

Якубенко Елена — моя младшая сестра, моложе меня на 4 года, но с годами разница в возрасте постепенно стиралась, и мы стали хорошими подругами.

Лена жила интересно, полноценно, сохраняя способность радоваться и удивляться, хотя её жизнь не назовёшь лёгкой. Она обладала удивительной работоспособностью и успела много сделать хорошего и доброго в жизни. А именно: вырастила двоих детей, честных и порядочных. Была любящей и заботливой дочерью, сестрой, женой, другом. Доброжелательная, мягкая, женственная, отзывчивая — она обладала весёлым нравом, тонким юмором, с ней всегда было радостно, она заразительно смеялась и умела с оптимизмом воспринимать жизнь во всех её проявлениях. Она прекрасно рисовала, её картины украшают не только наши дома, но и общественные учреждения, вырезала по дереву, отлично шила, вязала, выращивала цветы, любила работать на дачном участке, построила там дом, причём многое делала своими руками.

Этот уютный дом на даче стал местом, где собирались все вместе родные и друзья на выходные, дни рождения, устраивались торжества. Лена очень любила приглашать и принимать гостей. Сидели допоздна у костра, слушали музыку, танцевали, разговаривали, спорили, шутили. Лена была душой компании, спланивающим всех нас звеном, часто забегали соседи на огонёк, друзья её детей любили бывать у Лены, было уютно, тепло и весело, надёжно и хорошо рядом с Леной всем. Нам очень часто вспоминаются эти счастливые, весёлые дни и вечера.

А сейчас, спустя 6 лет, на этом же месте слышу звонкие детские голоса у костра — это четверо маленьких внуков Лены радуются беззаботной жизни. Лена очень мечтала о внуках, но не успела их узнать. Кажется, она рядом, и хочется верить в чудо, что она их видит, оберегает, любит, смотрит с облаков на нас всех и чувствует, как мы без неё тоскуем. Она всегда в наших сердцах и памяти.

Наталья Торопова, сестра

ЭПИЛОГ

«Норд-Ост» — это горе, сплотившее всю страну! «Норд-Ост» — это непрекращающаяся боль в наших сердцах! Прошло много лет, но память хранит те страшные моменты, пережитые каждым из нас! Эта трагедия — напоминание народам всего Мира о том, что терроризм можно победить только совместными усилиями.

Я бесконечно благодарен всем, кто принимал участие в освобождении заложников. Всем тем, кто пришёл к «Норд-Осту» и предлагал свою посильную помощь, — это дело чести и совести всех живущих на Земле.

***Один из тысяч принимавших участие в освобождении заложников,
Почётный гражданин Москвы, Народный артист СССР Иосиф КОБЗОН***

Почти девять лет прошло с ужасающих и трагических событий октября 2002 года. Для обычных людей, жизнь которых не затронул захват «Норд-Оста», это может показаться долгим сроком. Но для тех, кто потерял там своих близких, это всё ещё ощущается словно происшедшее вчера.

Тот трёхдневный захват изменил их жизнь навсегда. Спросите любого из родственников погибших, и они скажут Вам, что жизнь для них разделена на «до» и «после» теракта.

Те, кто не был связан с этой трагедией, не могут даже близко представить себе страдание семей жертв. Те, кто погиб, ушли навсегда, но они живут в долгой памяти и любви своих семей.

Мы никогда не должны забывать тех, кто погиб, невинных жертв, которые по трагической случайности оказались не в то время и не в том месте. Но перед лицом такой трагедии тяжелее всего тем, кто пережил эту потерю — простым людям, которые с 2002 года с вдохновляющей храбростью, достоинством и силой справляются с этой невообразимой болью. Моё сердце с ними.

***Марк ФРАНКЕТТИ, московский корреспондент
английской газеты «Sunday Times», один из тех,
кто вёл переговоры с террористами о спасении заложников***

... Даже война справедливее по отношению к людям, чем терроризм. Терроризм — война без правил, жертвами которой становятся женщины, дети, мирные люди, война без предупреждения. Терроризм возникает как результат неоконченной войны, когда никто не победил, и никто не признал поражения. Высшая форма несправедливости особенно чувствуется, если ты вовлечён непосредственно в события, что и произошло со мной во время захвата театра на Дубровке.

Я столкнулась лицом к лицу с таким человеческим горем... Конечно, никакая помощь государства не сделает людей, ставших жертвами необъявленной войны, счастливыми...

Остаётся только надежда на справедливость, на человеческую память. Для этого нужны такие книги.

***И. ХАКАМАДА, российский политический и государственный деятель,
кандидат экономических наук, писатель, радиоведущая, телеведущая***

Чем дальше от нас в историю уходит трагедия «Норд-Оста», тем меньше её стараются вспоминать большинство граждан. И только родственники и близкие 130 погибших никогда не забудут тот кошмар, который происходил в октябре 2002 в Театральном центре на Дубровке.

Думаю, что рано или поздно правда о теракте на Дубровке будет обнародована, а виновные наказаны. Это нужно, чтобы подобные трагедии не повторялись впредь. Вечная память погибшим...

Борис НЕМЦОВ, российский политик, государственный и общественный деятель, бизнесмен

Кто сможет залечить раненые души матерей, отцов, братьев и сестёр!..

Мы, ставшие жертвами теракта в Волгодонске в 1999 году, как никто другой понимаем боль и страдания, с которыми живут жертвы «Норд-Оста». Вечная память всем погибшим, терпения и сил выжившим и всем, кого коснулась эта трагедия.

Ирина ХАЛАЙ, председатель РОО «Волга-Дон»

Книга о трагедии «Норд-Оста» — это важный и необходимый вклад в мирное будущее нашей страны, где жизнь человека будет цениться как самое ценное и неотъемлемое.

Элла КЕСАЕВА, сопредседатель ВОО «Голос Беслана», г. Беслан, Северная Осетия

Мы, семьи погибших при терактах 11 сентября, хотим сказать вам, что мы понимаем и разделяем вашу боль.

Сколько бы лет ни прошло, боль потери не утихает. Возможно, мы научимся жить с этой болью, но никогда не сможем понять, почему это должно было произойти.

Мы должны поддерживать друг друга и находить успокоение в близких, друзьях и тех, кто стоит рядом с нами. И повторять: «Мы никогда не забудем!»

Общественная организация «Семьи погибших при терактах 11 сентября», США, Нью-Йорк

Со страниц этой книги на нас смотрят светлые, живые лица — «до срока с небес оборвавшихся звёзд». Они должны были ещё жить. У каждого были планы и мечты, но чья-то злая воля решила иначе.

Тем, кто потерял в «Норд-Осте» близких, я желаю здоровья и сил жить дальше, чтобы сохранять память о тех, кто ушёл от нас. Вы должны помнить, что вы не одиноки в своём горе, тысячи и тысячи людей разделяют вашу боль. А я обещаю, что вместе с вами сделаю всё, что в моих силах, чтобы эта трагедия никогда не была забыта.

Наталья ПЕЛЕВИНА, драматург, автор спектакля «В твоих руках», общественный деятель

Эта книга мужеству тех, кто прошёл через «Норд-Ост», и памяти тех, кто оттуда не вернулся.

Мы, как и многие другие, переживали эти события, всякий раз тревожно наблюдая за сюжетами с места трагедии. Так хотелось верить, что все останутся живы, так хотелось верить, что будет чудо. Но...

***Игорь ТРУНОВ, адвокат потерпевших при теракте
во время мюзикла «Норд-Ост»***

«Правда обязательно торжествует, но почему-то потом». Вся правда о Дубровке будет сказана тогда, когда она станет гражданской необходимостью, когда к ней отнесутся не как к информационному поводу, а как к тому, что будет сопоставимо со скорбью и болью тех, для кого имена, перечисленные в этой книге, — сама жизнь.

Эта книга — шаг к тому, чтобы вписать имена погибших на Дубровке в тот бесконечный список людей, память и боль о которых должна была бы скрепить народ.

***Григорий ЯВЛИНСКИЙ,
советский и российский политический деятель,
экономист, Доктор экономических наук.***

Александров Алексей
Aleksandrov, Alexey

Алякин Александр
Alyakin, Alexander

Анисимова Елена
Anisimova, Elena

Антонова Лариса
Antonova, Larissa

Богачёва Людмила
Bogachyova, Lyudmila

Богданова Ирина
Bogdanova, Irina

Бондаренко Валерий
Bondarenko, Valeriy

Борисова Елена
Borisova, Elena

Бурбан Григорий
Burban, Grigoriy

Васильев Константин
Vasilev, Konstantin

Войнова Тамара
Voynova, Tamara

Влах Геннадий
Vlakh, Gennadiy

**Волков Александр
Volkov, Alexander**

**Волкова Елена
Volkova, Elena**

**Воропаева Татьяна
Voropaeva, Tatiana**

**Герасимов Аркадий
Gerasimov, Arkadiy**

Гончаренко Жанна
Goncharenko, Zhanna

Горохолинская Юлия
Goroholinskaya, Yulia

Грибков Денис
Gribkov, Denis

Гришин Алексей
Grishin, Alexey

Дивин Андрей
Deveen, Andrey

Евлампиева Валентина
Yevlampieva, Valentina

Жаботинский Юрий
Zhabotinskiy, Yuriy

Жирова Наталья
Zhirova, Natalya

Жулёв Владимир
Zhulyov, Vladimir

Забалуев Александр
Zabaluev, Aleksander

Захаров Павел
Zakharov, Pavel

Заяцкая Наталья
Zayatskaya, Natalya

Ипатова Елена
Ipatova, Elena

Иванова Любовь
Ivanova, Lyubov

Иванова Ольга
Ivanova, Olga

Карпов Александр
Karpov, Alexander

Кириченко Светлана
Kirichenko, Svetlana

Кирьянова Наталья
Kiryanova, Natalya

Киселёв Анатолий
Kiselyov, Anatoliy

Кобозев Антон
Kobozev, Anton

Кочат Евгений
Kochat, Yevgeniy

Когос Алла
Kogos, Alla

Кононова Галина
Kononova, Galina

Кунова Светлана
Kunova, Svetlana

Кузьменков Сергей
Kuzmenkov, Sergey

Кузнецова Светлана
Kuznetsova, Svetlana

Лавров Дмитрий
Lavrov, Dmitriy

Лаврова Ирина
Lavrova, Irina

Литвинов Константин
Litvinov, Konstantin

Магерламов Олег
Magerlamov, Oleg

Маленко Наталья
Malenko, Natalya

Мартынов Виктор
Martynov, Viktor

Медведев Вадим
Medvedev, Vadim

Миловидова Нина
Milovidova, Nina

Михайлов Максим
Mikhailov, Maxim

Митин Максим
Mitin, Maxim

Молофеев Алексей
Molofeev, Aleksey

Морев Игорь
Morev, Igor

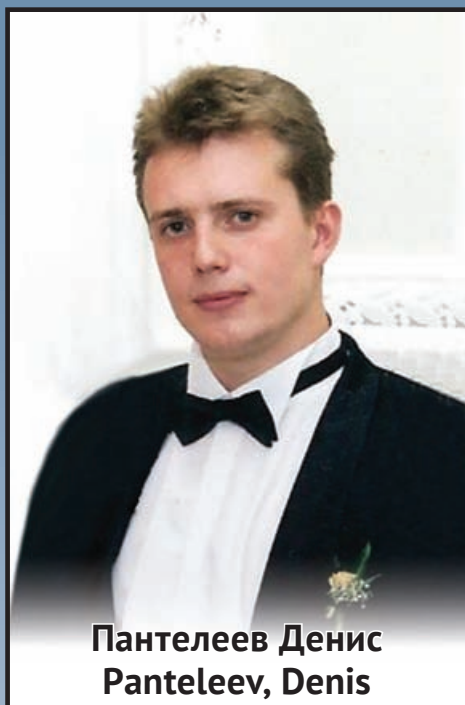
Офтаева Анна
Oftayeva, Anna

Ольховникова Дарья
Olkhovnikova, Darya

Панова Мария
Panova, Mariya

Пантелеев Денис
Panteleev, Denis

Петрова Таисия
Petrova, Taisiya

Присяжнова Елена
Prisyazhnova, Elena

Прохорова Людмила
Prokhorova, Lyudmila

Пузиков Дмитрий
Puzikov, Dmitriy

Радченко Владимир
Radchenko, Vladimir

Рябова Александра
Ryabova, Alexandra

Родионов Дмитрий
Rodionov, Dmitriy

Романова Ольга
Romanova, Olga

Розгон Светлана
Rozgon, Svetlana

Сапожников Борис
Sapozhnikov, Boris

Савельев Сергей
Savelyev, Sergey

Савельева Галина
Savelyeva, Galina

Сёмин Сергей
Syomin, Sergey

Сенченко Сергей
Senchenko, Sergey

Сидоренков Юрий
Sidorenkov, Yuriy

Симаков Александр
Simakov, Aleksander

Симонов Денис
Simonov, Denis

Синельников Павел
Sinelnikov, Pavel

Скопцова Евгения
Skopstova, Yevgeniya

Соколова Маргарита
Sokolova, Margarita

Солодов Геннадий
Solodov, Gennadiy

Солонин Эдуард
Solonin, Eduard

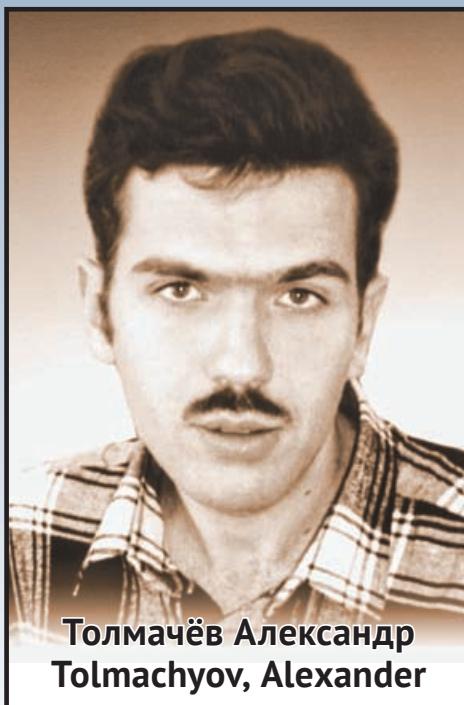
**Сопрунов Максим
Soprunov, Maxim**

**Ткач Герман
Tkach, German**

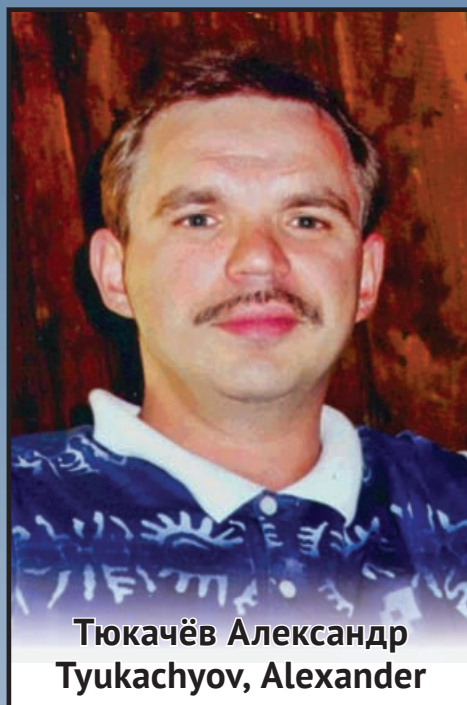
**Тагузаева Юлия
Taguzayeva, Yulia**

**Толмачёв Александр
Tolmachyov, Alexander**

Товмасын Людмила
Tovmasyan, Lyudmila

Тюкачёв Александр
Tyukachyov, Alexander

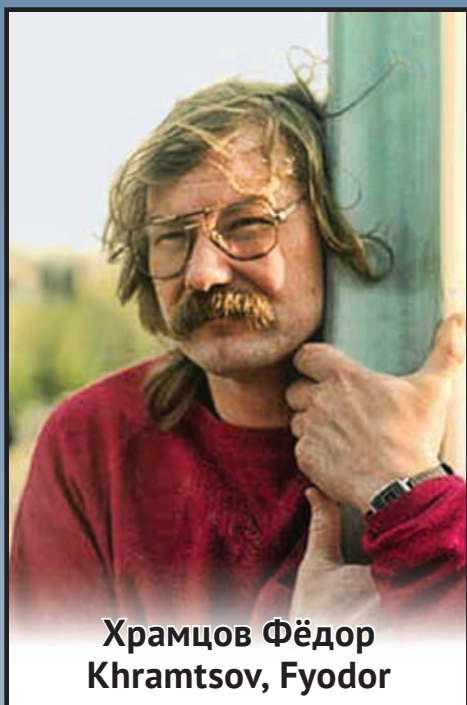

Устиновская Екатерина
Ustinovskaya, Yekaterina

Усвалиева Евгения
Usvaliyeva, Yevgeniya

Храмцов Фёдор
Khrantsov, Fyodor

Чернецов Данила
Chernetsov, Danila

Черных Дмитрий
Chernykh, Dmitriy

Чижикова Лидия
Chizhikova, Lidiya

Шалбанова Людмила
Shalbanova, Lyudmila

Шарова Елена
Sharova, Elena

Шифрина Анна
Shifrina, Anna

Шомахова Елена
Shomakhova, Elena

Щегольков Дмитрий
Shchegolkov, Dmitriy

Эльмурадова Ирина
Elmuradova, Irina

Юфтяева Наталья
Yuftyaeva, Natalya

Якубенко Елена
Yakubenko, Elena

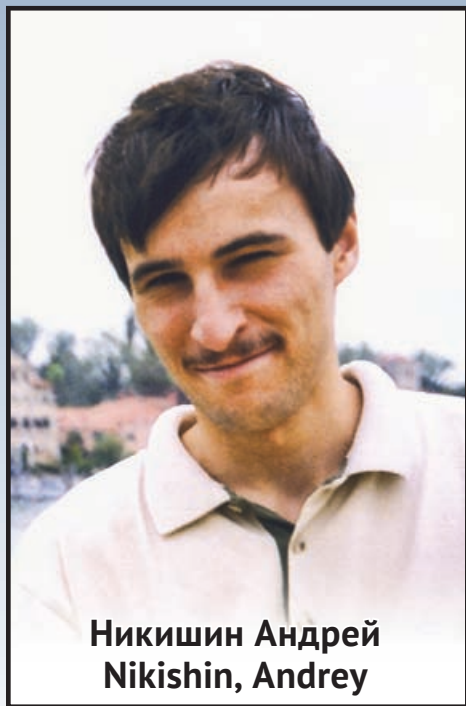
Фролова Вера
Frolova, Vera

Фролов Евгений
Frolov, Yevgeniy

Барановский Сергей
Baranovskiy, Sergey

Никишин Андрей
Nikishin, Andrey

Литвинов Борис
Litvinov, Boris

Литвинова Галина
Litvinova, Galina

Летяго Александра
Letyago, Alexandra

Букер Сэнди
Booker, Sandy Alan

Кораблёв Владимир
Korablyov, Vladimir

Кораблёва Наталья
Korablyova, Natalya

Курбатова Кристина
Kurbatova, Christina

Куриленко Арсений
Kurilenko, Arseniy

Старков Александр
Starkov, Alexander

Старкова Елизавета
Starkova, Elizaveta

Елисеева Клара
Yeliseeva, Klara

Предова-Узунова Эмилия
Predova-Uzunova, Emilia

Закарян Мясник
Zakaryan, Miasnik

Митрофанов Алексей
Mitrofanov, Alexey

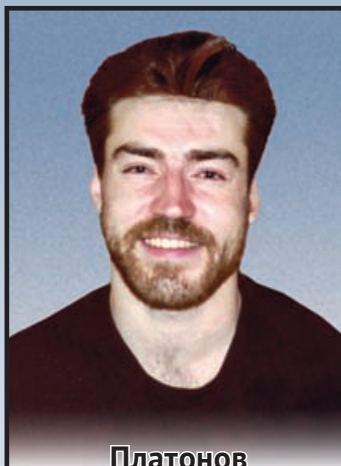
Платонов
Павел Павлович
Platonov, Pavel
Pavlovich

Сафронова Ольга
Safronova, Olga

Теленкова Татьяна
Telenkova, Tatiana

Платонов
Павел Юрьевич
Platonov,
Pavel Yurievich

Dear reader,

Of current events there is a subject that has been largely forgotten today, one of the worst terrorist attacks in modern Russian history: the seizure of hostages during the musical 'Nord-Ost'. Thank you for opening this book, for not being indifferent, and for your concern about the fate of these people.

The Book of Memory is but a small fraction of what we have been able to do for the 130 persons who were killed at Dubrovka, October 23-26, 2002. A person lives on in the memories of friends, relatives, colleagues. We have collected their reminiscences, as well as the stories of sympathetic journalists.

The victims were diverse: from the very young to gray-haired elders; funny, talented, busy, dreaming of a career or finishing one with dignity. They all still live in the pages of this book and in the memories of the survivors. We hope they will live in your memory as well. .

“Dubrovka struck deep sorrow.

“Hope came and melted away. As the hours passed, nerves grew more and more tense, like an over wound mainspring. At any moment everything could break loose with the most unpredictable of consequences, or must end, strong-willed, with a final fullstop. Nerves were on edge, and time was stretched to the limit. I confess, that for me the grief and tragedy were personal.

“I think that during those days I changed a lot on the inside. Today, nine years afterward, the pain has not passed: instead it comes with an even more acute sense of guilt for the slain, and the suffering and tears of the hostages and their families and friends.

“Apologizing for not having rescued the victims has become the rule for me whenever I go to church. It became a necessity, as did empathy with their families and friends, so that those who experienced this horror would not run into bureaucratic indifference, or simple human incomprehension.

“Dubrovka today is a symbol of grief and woe for all of Moscow, but I am certain that we must live with this grief and carry the memory of the dead so that the pain of this tragedy never dulls, but instead encourages active remembrance.

“I am genuinely pleased that this book, which will also become a memorial, was written. It will unite the victims’ families, friends, and loved ones. It will make one family out of all honest and decent people, of everyone who chooses life, love, and goodness — all that is priceless and eternal.”

L. I. SHVETSOVA, Deputy Mayor of Moscow for social policies

“What is ‘Nord-Ost’ for me?

“Unbearably anxious days. These were days of unprecedented unity of the entire country. They were holy days when the whole nation, regardless of belief or form of worship, prayed for the salvation of your lives, while I, not knowing any of you, like millions of Russians I slept only fitfully, and for days I watched the unfolding tragedy and prayed: do not let there be an assault...

“Your loss, and your pain, is our common loss, and our common pain. I think the whole country would want to help you, and not leave you there alone. On those dismal memorial days every church holds memorial services and the people — I watch this every year — the people cry over your loved ones, and your children and your parents, as if they were their own. The whole country suffers because we were unable to help you and protect you, and to come to your aid in your most dire need and save you all!

“And now, ‘Nord-Ost’ is also this book. It is all of you, so beautiful and full of the love of life.”

***Karina MOSKALENKO,
attorney for the victims
of the terrorist attack on the musical ‘Nord-Ost’***

“We live in a world where war has long been one of the fundamental factors of life. Unfortunately, our society cannot understand this. Awareness arrives only with the next act of organized violence, and then once again comes relaxation. This should not be the case! The memory of those killed at the hands of the terrorists is in our hearts.

“We, the officers of ‘Alpha’ group, are no strangers to this. Since 1980, we have been constantly involved in wars, local conflicts, and special operations. What we experienced at ‘Nord-Ost’, however, will forever remain an open wound in our hearts.

“To rescue people in distress and destroy criminals is our professional task, our military duty.

“Forgive us, we did everything we could.”

On behalf of the International Association of Veterans of the ‘Alpha’ anti-terrorism unit, Alexander Mikhaylov, reserve colonel, section leader in directorate ‘A’ during the ‘Nord-Ost’ crisis, and Yuriy Torshin, reserve colonel, section leader in directorate ‘A’ during the ‘Nord-Ost’ crisis

“No longer is ‘Nord-Ost’ a wind direction or course — it is now the name of one of the greatest tragedies of our country. How peaceful it sounds: northeast. Yet, how difficult and deadly: ‘Nord-Ost’.

“One wishes not only to remember the dead in this book, but for a strong, effective memorial, which would be to never forget the heroes from the audience and security forces. To never forget our Anna Politkovskaya and Roma Shleynov, who dragged water into the auditorium...”

Dmitriy MURATOV, editor in chief of ‘Novaya Gazeta’

This tragedy not only touched Russians: the whole world watched the event live on television. Among the hostages were 912 people from 22 countries: Armenia, Australia, Austria, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, France, Georgia, Germany, Great Britain, Israel, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia, Moldova, Netherlands, Russia, Switzerland, Turkmenistan, Ukraine, United States, and Yugoslavia.

As a result of the assault, citizens from seven countries were killed: Austria, Belarus, Kazakhstan, Netherlands, Russia, Ukraine, and the United States.

Sixty-seven children were orphaned, losing their fathers and mothers. Hundreds of persons were poisoned and suffered psychological distress. Many acquired a number of other serious illnesses, and some are disabled for life.

No one from among the leadership of the intelligence and law enforcement agencies was ever held accountable for the terrorist attack, or for the deaths of those 130 people.

The electronic version of the book is available at
<http://www.nord-ost.org>.

The texts preserve the copyrighted punctuation, spelling and word formation.

ALEXANDROV, ALEXEY

Age 23; from Solnechnogorsk, Moscow District, Russia.

I met Alexey in the early childhood. His mother, Lyudmila Alexeyevna Alexandrova, was my kindergarten teacher. He often came there, and we played football together. That is how we met.

We lived in neighboring buildings, and our families were friends since I was five. We visited them several times a week. I, of course, went because of 'Lyokha', since whenever he showed up things got happy, interesting, and we would always do something. One could not get through the holidays without him — he would perform magic tricks,

drawings, and contests. He charged up people with his positive energy. I have never met a more buoyant, cheerful person.

He was attentive to all around him, courteous with older people, and gallant with the ladies (he taught me to take a lady's coat upon arrival and to be polite — and this was when he was but 14 years old), he always rescued and helped others. He was a hard-working person. I remember how on our school holiday we worked on city improvement projects together. He always helped his mother around the house.

Alexey loved his mother very much. On March 8th, her birthday, he always gave her something. If he did not buy something, then he would make something surprising for her. Every holiday was special to him. In many of his qualities he remains to this day the person I hold up as my example.

At 15 he entered the trade school for becoming a pastry chef. He loved this job, and at home would experiment in the kitchen.

At 18 Alexey got his draft notice. He was one of the few who wanted to join the army, to fulfill his duty to the nation, to become a real man, a defender of the motherland (I am repeating his words). He was very worried when there were some problems with his call-up.

We saw him off to the army with tears in our eyes, but he was happy. He served in the strategic rocket forces. Oh, how he made his mother happy when he sent her a videocassette. There he was, a soldier, sitting with the boys, so happy and playing on the guitar, sending his greetings and, of course, saying that all was well, and the "de-mob" was soon.

Two years passed unnoticed, but what a joy the meeting was! 'Alyosha' came home on my mother's birthday. We were at his family's house, everyone was gathered together, and then there was a ring at the door. I opened up and I see flowers and simply could not believe my eyes — 'Lyokha' was standing there! He always loved surprises.

After the army he began a new, adult, conscientious life. Alexey took culinary courses by correspondence, and then went to work in a restaurant. We had been there before, since it was on our way to school.

He was an open person who drew others to him. Someone reminded me how on the very first day of meeting him, they invited him to a wedding. He had not been

working at his job long, and already all his coworkers were going to visit him at his dacha. And so passed two and a half years.

He was a person who had many plans and ambitions, and, more importantly, Alexey made them happen. Who knows what he could have done if things had turned out otherwise. I think that, not just in my heart, but also in the hearts of all those who knew 'Lyosha', he will remain a bright, kind, and sympathetic person. He loved life, and every moment of it, with all his heart.

Written by Sergey Savelyev, his friend

I had wanted another son, and was very anxiously awaiting him. I thank God that he sent such a person to me. I was never ashamed of him.

He grew up sociable and cheerful, and loved his brother. I always told my sons: "two brothers is a strong thing". My husband died young, when Alyosha was only a year and eight months. My sons always helped me out. Alyosha told me: "Mamochka, I don't begrudge you a thing." And now he helps me still in a way. Alexey wanted to become a real man, and entered the army happily. He completed his service successfully. After the army he worked as a cook and studied at the culinary college. Later he wanted to enter the Plexanovsky institute and study English and work as a chef on cruise ships.

He wanted to see the world. He was also an avowed fisherman, and knew every reservoir in our region. More than anything, Alyosha wanted to meet a nice girl and start a family. And his dream came true. He said: "There really are such girls!" After two dates he invited Yulia to that musical. They say that just before death a person is happy. He passed away while asleep.

Written by Lyudmila Alexandrova, his mother

ALYAKIN, ALEXANDER

Age 54; from Moscow, Russia.

Alexander Alyakin was born on July 31st, 1948, in the Ulyanovsk district, and graduated from the Moscow meat and dairy institute as a milk industry technologies engineer. His whole life was dedicated to the food sector. He became an outstanding specialist and the author of many large projects in food plants throughout Russia and outside the country. He was a gentle and caring son and brother, a true friend, and an attentive and loving father and husband.

My sister and I were mostly brought up by mama, of course, but the feeling of a father nearby, of having a man in the house was very much there. The smell of his big daddy hands, his leather gloves, and his work briefcase — he always had that marvelous odor of eau de cologne about him. And his driving techniques! I will never forget those moments on Friday evenings when we would hear through the dacha window the Moskvich horn honk, and my sister and I would race each other to the car and stick

our noses in all the bags, always with the same question: “What tasty things did you bring?” And disheveled and happy from our attentions, papa would enter the house followed by an aromatic cloud smelling of watermelon or honeydew.

I was daddy’s favorite, and we understood each other. I heard that it is rare that this happens between a father and a daughter, especially when she starts considering herself grown up. Dad was always reserved and objective in his emotions. Whenever I had a significant success in something, such as being accepted into the institute, he would simply say “not bad” or “you earned it” in a peaceful and even voice, but for me it was as if wings had sprouted from my back out of happiness. We played games. Papa taught me to play chess and ‘Cities’, and drew my portraits in felt-tip pen.

The last time we were together was when he was directing the last stages of work for the renovation of their apartment. For almost 30 years papa had dreamed of having his own apartment with mama in Moscow, and that it should be built in the way he considered “correct”.

That night we had a long and personal talk, perhaps the most serious and frank discussion of my entire life. We talked about literally everything. We shared our plans with each other, our opinions, and even argued a little. When we bid each other farewell in the corridor, I hugged him very tightly, and for some reason there were tears on my cheeks. We just stood there like that for about ten minutes, without a word. I was so very happy that we could talk about things so honestly and openly.

Before ‘Nord-Ost’ came, there was this big advertising campaign going on. a poster said that every evening a real bomber plane would land on the stage. “Now how about that!” I thought, standing in front of the poster in the subway car. Back then I could not even imagine that the musical advertised on the poster in front me would soon cut my life in twain.

We never even knew that he was THERE.

On October 24th, the institute where I was studying (and, by the way, where my parents and sister also studied) cancelled classes because of its proximity to the theatrical center. It was a gloomy day, and so I went home and lay down to sleep.

We did not find out that papa was at ‘Nord-Ost’ until October 25th. a colleague of my sister could not hold back, and told us. Papa, it seems, did not want us to worry. He only let his business partner know, and asked him not to tell us anything. Mama has a weak heart, and my sister and I, in his opinion, were too sensitive. We only thought he was away on a business trip.

Mama went to the theatrical center right away, but I kept trying to call papa on his cell phone, and after a few tries a man with an accent answered. He told me that papa had drunk a bit and was now sleeping, but tomorrow he would come home. He asked me not to worry.

But ‘tomorrow’ was the day of the assault. Mama and my sister drove from hospital to hospital, and as the youngest I had to stay home by the telephone, and follow the news on the television set. They often showed a clip with the president’s commentary, and among the general words I only heard one phrase: “We couldn’t save everyone, please forgive us.” Every time I heard these words I started to cry. I thought, such strange words — “forgive us”. But the whole time I was sure that these words were not meant for me, but just for everyone else.

Before papa’s arrival I decided to bake a pie, because when I thought that when

mama finally did locate him, he came home from the hospital and he would like some pie. He always loved the pies I baked. But the pie did not turn out right, and they found papa in the Botkin morgue. And then everything was just like as it was for everyone else...

Written by his daughter Olga

ANISIMOVA, ELENA

Age 46; from Moscow, Russia.

Elena Anisimova graduated from the Moscow state teaching institute, specializing in Russian language and literature. She worked as a middle school teacher for ten years, and then for 14 years taught Russian to foreign cadets at the Kuibyshev military academy of engineering.

We think about Lena all the time, and I still remember her, as she was when she was little. My mother took care of 'Lenulya', and taught her to read and took her to the theater. At five years of age she could already read books, and since her early years Lena was always 'playing a teacher'. So, her choice of a profession was no accident and she turned out to

be not a bad one.

Lena was smiling and happy, and knew how to rejoice in life, she hurried, perhaps, because she feared that she would not succeed, and so all her students and friends, who were in contact with her, received positive emotions from her.

As a daughter she was ideal, and as a mother to her sons she was good. Lena would kiss Seryozha so much, and many said that one should not be so gentle to a boy, but he grew up into an affectionate and very good fellow. And there is her other son, Egor, who would say: "if only things were fine with mama, then everything for us would be in order". One evening at the dacha, on Lena's last birthday, we were all sitting in conversation, and Egor arrived late from work. Everyone said to him: "Toast, make a toast!" He got up and said: "To the best mother in the world!"

The memory of you is bright, my darling daughter!

Written by her mother, Albina Georgievna Ivannikova

Lenochka! Dearest! You were our clever girl!

We remember you as one so young and fresh, when you came to our school after you finished teaching school. You looked like a senior in high school. But with such zeal, desire, and persistence you took on this difficult tasks. And everyone soon found out that this school was yours. Two or three years later you were no longer simply a teacher, but a teacher and a creator.

You were a talented teacher, and a remarkable person. Your students fell in love with you, and they even played this game with you: the Queen and her subjects. The subjects would not disobey — they showed only unconditional obedience. But obedience not out of duty, or out of fear of punishment, but obedience out of respect and love.

They adored you and believed that all that you taught them was what they needed to know and understand. You taught them literacy and culture, you taught them goodness and light. And they will carry this light and goodness to others for the rest of their lives. We are certain that you will forever be in the hearts of your students. As you are in ours.

You could calm down anyone, helping them with advice and deeds. Your heart was kind, sympathetic, and generous. People like you, Lenchka, are impossible to forget.

We still cannot believe that you are no longer with us. We cannot! One wishes to think that they simply have not seen you around for a long while, and that you, Lenchka, are still just as kind, pretty, and full of life as before. Within all of us lives and sounds your unique, gentle, and enchanting voice, and your sincere and infectious laughter.

You are always with us.

***Written in the name of School #1229 by A.S. Titova, Y.N. Sutyryna,
O.P. Galkina, and E.I. Povolotskaya***

It was almost forty years ago. a girl with curls on her head and serious gray eyes entered class 4A — Lena Ivannikova. The girl proved to be magnificent, cheerful, and a big thinker. Together we went sledding on the snow hills in the schoolyard, sliding on our haunches, our backs, sideways, even trying to slide standing up but without success. Later we would run over to her house, eat her grandmother's pastries, and play 'school'. Lena knew that she would become a teacher of the Russian and literature, and so she kept a grade book that was almost like the real thing — thick, and with a list of the classes she had made up. We had fun pretending that she was a teacher trying to control a bunch of pranksters.

It was long ago... Lena and I were such good friends.

Written by her classmate, Vera Ilina

When I remember our class, I remember Lena not just because she was always ready to help, but what especially enchanted me — her laugh. When she laughed it was impossible not to laugh with her, and so many problems were easier to solve.

We, her classmates, grieve with her relatives the loss of such a spontaneous, jolly, cheerful person who was pleasant and easy to be with. Let the earth for her be like goose down, and let her traits come out in her sons.

Written by her classmate, Marina Meshkovskaya

Not everyone is destined in life to find true friendship, a friendship that starts in childhood and continues forever afterwards, to the last breath. a friendship that at first connects parents, then later draws children closer, and, I hope, continues with the grandchildren. a friendship that fears neither distance, nor family circumstances, nor a long break in contact.

I was very lucky in life: God gave me the chance to find such a friendship and meet an extraordinary person — Lenchka Anisimova. This meeting took place almost 45 years ago, when her parents and my parents were on vacation in the sunny Crimea. The meeting long ago became legendary in our families and almost immediately and

over the long years made all of us — grandmothers, parents, and children — extremely close.

This is like when people, who not long ago were strangers, suddenly find profoundly common interests and attitudes. As I understand it now, Lena was the ‘electrical charge’ that struck us in childhood, and something shorted out inside our hearts. This short circuit during the subsequent years caused us all to feel, worry about, and understand one another with just half a word after a long separation.

Lenochka was an emotional youngster in childhood, happy and friendly. Back then every summer Lena and I, together with our grandmothers, lived in a summerhouse not far from Novosibirsk on the bank of the river Ob. We lived in one cottage practically as a single family. The memories of that time still hold a feeling of bliss and joy...

But then came separation. Lena’s mother was transferred to Moscow, while we remained in Novosibirsk. Our meetings became rare, and childhood friendship grew weak.

It was all the more amazing that, in our adult years, the realization came to us of the need for a renewed contact, for spiritual interdependence. This was helped by close proximity: from Moscow to Nizhny Novogorod, where we now live, it is only a few hours’ ride. Like our parents did before, our families befriended one another. Our children also became friends. We got together for vacations and holidays, and our joint New Year’s celebrations became a fine tradition.

In her adult years Lena still had an innocent directness and emotionalism that enhanced her inner organization, profound intellect and erudition, charm, and sparkling humor. Her gaiety and passion for life guided us all, and furnished us with happiness from contact with her. Her hospitable dwelling on Chistye Prudy became our preferred meeting place, and like a second home.

It seemed that it would always be like this. No, it seemed like it would become even better and more wonderful. We made short-term and long-term plans together, and life and fortune were smiling on us...

Why does brutal fate destroy people at the very moment of their ascension, when they were on the threshold of happiness, at such a wonderful time? Why this grotesque injustice?

It is a profound, irreplaceable loss. a loss for all of us. For me it is the loss of a great part of my soul and my life, a loss that will be impossible to mend or restore.

Only the memory remains, the memory of a good and reliable friend, a remarkable and beautiful person, the memory of happiness and joy because Lenochka was with us. And terrible pain and bitterness from her loss.

Written by Vladimir Zubovsky

Dear Lenochka, my sunny one!

You always met me with a smile and warmth, and not just me: you were equally pleasant and kind to everyone. I especially remember when we met at the summerhouse. I was always struck by your connection with your mother: love and closeness, constant concern and interest. If only everyone could have such a daughter! Your love and concern for the boys helped them grow into good fellows. Your mother has something to be proud of, and everyone noted your knowledge and professionalism. From

being the best schoolteacher, to a senior instructor in the academy, this is high class! You taught so many children in the institute and gave them their start in life. They still call up asking about you.

Your memory will always be in my heart.

Written by Aunt Ella

The years have passed, but the pain of loss did not disappear.

You look down from your portrait with your head slightly tilted.

You left us suddenly, and forever,

Leaving behind all who loved you...

Time relentlessly flies, and each day takes us farther from those tragic events at the theatrical center on Dubrovka. Our Lena died during those horrific days.

Lena worked in the Russian department at the V.V. Kuybyshev Academy of Military Engineering for about 15 years. She came to the academy when she just over 30 years old. She already had experience in secondary school, and her new specialty — Russian for foreign students — was something completely new for her. After a while, having rapidly understood the peculiarities of this specialty, Lena worked out her own systematic methodology.

Young, charming, very energetic and talented, she left no one indifferent. The world revolved around her. Many young instructors in our department learned their teaching methods from Lena. The heads of the academy got her to work with especially difficult groups.

Lena taught the Russian language to foreign students from various countries: Syria, Ethiopia, Yemen, Algiers, China, the GDR, and others. After the collapse of the USSR this list filled with students from foreign countries nearer at hand: Armenia, Georgia, Kyrgyz, Tajikistan, etc.

Many graduates long remembered their instructor and whenever possible sent her greetings, congratulations, and souvenirs.

After a number of years, Lena joined the admissions board for the Academy of Military Engineering, for Russian language. Starting that September she began instruction of graduate students. Lena was an instructor by vocation, improving her craft from year to year. I remember a day when the Russian cadets were attending a course in our discipline, and, when the last exercise was completed, they all stood up and applauded their senior instructor, E.L. Anisimova.

Lenochka was known at the academy as one of a few woman drivers.

After Lena's death, for a long time the Russian language department could not get used to her loss. She took away with her something very valuable and important, so much so that the department could not right itself before the closing of the academy.

Written by former chairman of the Department of the Russian Language of the Academy of Military Engineering, G. Kuzmina

When I remember the story of our friendship, I get surprised: there was not a single quarrel or a single misunderstanding. And this is not because you always think well of those who are gone. Somehow Lena knew how to not offend or take offense. My dear departed mother once said, with a nuance of envy and admiration: "Yes, Lena is a diplomat." It always seemed to me that this was not entirely a flattering characteristic, but

now I understand that my mother, in general, was correct. a special turn of the mind and great tact allowed our friend to avoid unpleasant conflicts.

A priest once told me of the vital role of humor in everyday, domestic situations: “Otherwise one can become evil.” Lena knew how to describe a situation, its participants, and, most importantly, herself in an amusing way. She was not afraid of looking funny. I remember her shining eyes, her infectious laugh, and quick voice. She knew how to find the comical side to something unpleasant, and in so doing disarm evil.

Once we were studying Dale Carnegie and his lesson on how to be pleasant to everyone. One piece of advice: be sincerely interested in your collocutor’s interests, and then he is yours. For Lena this interest was completely sincere. She always wanted to know how were things with our relatives, coworkers, and friends, even those whom she knew only through conversation. I was amazed by her memory for the circumstances and characters of people she knew only from stories.

Her love of life was expressed in a desire to participate in everyone’s life with sympathy and joy. They say that such people have “an easy character”. Lena’s life was not easy, but she was always easy to be with. This is a great gift from God, a talent for enjoying life and making people happy. I believe that those terrible torments of her last days ended easily for her, and she passed into the world of eternal bliss where she was met as one of their own.

Written by her friend and classmate, Elena Pominova

“A bright person.” These words relate completely to Lena.

I remember September 1st, 1974, a sunny auditorium, and us, yesterday’s school-girls who were now college freshmen. I turn around and see shining, wide-open eyes, and a wide smile. That is when we became friends. Her smile and laughter would accompany us forever.

She managed to get excellent grades and had many friends, as well as being a wonderful daughter and granddaughter.

We loved “secrets”. Lenka was wise and skillful, and knew how to give voice to my emotions.

She was an outstanding student and became a high-class professional. At first she worked in a school, then later in the Russian language department of the Kuybyshev Academy. And always: students, students, students.

It is an astounding gift, being able to give yourself to other people: to loved ones, friends, colleagues, and students. It was as if everyone received a charge from her positive energy. When talking with her, your soul would be at ease, and your strength would increase. She had her own grief, fatigue, and disappointments, but for others she was always straight, smiling, and sparkling.

Lena, Elena, Elena Leonidovna. Dear teacher. She taught so that you wanted to learn.

I will shut up about the personal, spiritual, and divine. I miss her, as always. a lot!

Written by a fellow classmate, Irina Ilyina

Four of us became friends at the institute: Lena Ivannikova (Anisimova), Ira Ilyina, Lena Pominova, and Lyuda Artyomenko. This, perhaps, is not very common — four at once. But it turned out that way, and from the first day of class we drew together and

became inseparable, always together. And in all that time not once did we quarrel. There were some tiny annoyances, certainly, and misunderstandings, but intrigues or protracted arguments that end relationships, like girls have, these never happened with us. I remember now that a lot of this was thanks to Lena, her uniquely easy character, her skill in rounding out corners, avoiding offense, and forgiving a lot.

Once Lena Pominova described her accurately: “the good genius of our foursome.” When you are young, more than anything else you want to make friends, to love, to be understood and needed by someone. We learn this in time, but Lena already knew this at 17 or 18 years of age. She was generously blessed at birth with many talents.

She was always modest, remaining in the shadows, and seemed demure, imperceptible — almost a “nobody”. But she had personality — bright, original, created with an unusual mind while at the same time very thin, soft, and intelligent. She was considered plain, and thought about herself as such, but suddenly she was one of the first in the class to marry, and brought lots of attention to herself. Everyone looked at her. I remember a lot, but some fragments are hard to put together. Personally, I remember Lenka in different ways. By the way, she never opened up all at once, but in stages and unexpectedly. For example, once I caught looking at me with a fixed, very attentive stare. A little later she asked me if something had happened. Then I understood how observant and sensitive this person was. I was really in a bad state but was hiding it with jokes and assumed gaiety, and I thought that I was getting away with it. But this beauty! Her final blossoming occurred, in my opinion, already after graduation when she had gone to work at a school. That is where her talents developed. I remember how lively, vividly, and with her characteristic humor, infectious laughter, and cheerfulness she told about the school, the children, their parents, and the other teachers. “Imagine,” she said with shining eyes. “Everyone loves me. Everyone!” How could one not love her? She made people fall in love with her; she struck them with her nature and drew them to her. Children, I am sure, adored and honored her.

“But here I’ve just finished the lessons on Block,” said Lena. “You know, they like him: they gave me 5-7 and 10 poems to memorize.”

— How did you manage this?

— It wasn’t hard. When it was the first lesson on Block, I stood in front of the class and said: ‘Now I will read my favorite poet, A.A. Block, and you just listen’.

“And I read, without a break, 40 poems, everything that I know and love. And afterwards they also began to learn. They were absorbed in who could learn the most.”

As a little girl Lena dreamed of becoming a teacher, and only of Russian language and literature. She always played school. She had pretend students with composition books and exercises, and a journal with their grades. She was absorbed in the process of grading compositions when some postcards from a friend of her mother’s, Albina Georgievna, fell into her hands. Lena read them, corrected the mistakes, and most importantly, with strictness and at times mercilessly, graded them. On one she wrote a big fat ‘2’ (‘D’), and added in brackets: “A Mess!!!”

Sometime in our second year of college we started a homemade newspaper with the ironic name of “The Blue Stocking”. We published, so to speak, only a single issue. We called ourselves “The Blue Stockings”, unmarried maidens who secretly dream of weddings, of happy family lives, but thus far we suffered failures and disappointments on the personal front. “Well, so what?” we said. “While we don’t have anyone

(boyfriends or husbands), we are ‘The Blue Stockings’. But we treasure each other and our friendship very much.”

‘The Unbreakable Union’ — is what we called our country back then, and so too we thought of ourselves. No matter what happens we would always be together. Of course, none of us even thought about death. And Lena left first. Her life turned out to be short, and tragically torn away. It is hard to reconcile myself to this. But, if you consider how much good this marvelous person, our friend, managed to do for people, it was not in vain!

It is a pity, and still painful, and impossible to believe. I miss Lenka. But nevertheless our foursome, our union, is unbreakable. I am convinced that death does not separate loved ones. Our communion with them never ceases. Everyone knows this. Everyone whom Lena loved, and who loved her, can confirm: not a day has passed since her death that she has not reminded us of her, that she has not let us to know: I am here with you.

Dear Lenka! Le-e-e-na! Eternal memory to you, eternal peace!

Written by her friend and classmate, Lyudmila Artyomenko

Dear Lenka,

You did not have to pass away in order to learn how much people adored you.

Now when you are far away, I am sure, you still feel this love.

You were a big part of my life, we have been close friends since 1982.

We worked in the same school, we had our “dachas” in the same place — Monino, we even started thinking about our second children at the same time. Your Seryozha was born on October 13, 1984, and my Nadya was born on November 30. You were the first one I called from the hospital to share the news. Later when our families visited each other, and we used to put our babies across the sofas and could talk for hours. I still remember the tiniest sneakers you bought in Czechoslovakia for my 2-year old Nadya.

I remember a day when our moms stayed with the babies in Monino, and they let us go to the movie theater. It was a rainy day, and we were running across the potato field with our boots and umbrellas feeling absolutely happy.

We needed each other. I was, probably, the only person in Moscow who did not mind it when hot water was turned off in June. Why should I? It was a good chance to visit you because you had hot water at this time. You used to cook your famous pelmenys and treat me with all kinds of the tastiest stuff which was so hard to get at that time.

I cannot forget our trip to Riga with the schoolchildren aged 12 to 17, when we stayed in a dom otdykha and there was a new French comedy on. We were so scared that the children might be lost, and the movie theater seemed to be a very safe place, and you said “Everybody will go!” When the movie started we realized that it was a big mistake, because there were many sexual scenes, but it was too late. The audience was laughing, and we were dying with laughter. We just imagined that the children would share this movie with their parents and they would say, “Elena Leonidovna told us to go”.

I remembered our performances in school, and though we worked with senior classes, and all of them had to go to the Preparatory courses, they could not deny

you when you said, "Please, for my sake, go over the song again" And they did it over and over for you.

I am sure that you were a wonderful starting point in their life and a powerful driving force.

It just occurred to me that we never quarreled. I remember you every day. I still wear the clothes and the jewelry you gave me as presents, your voice is still in my ears, I even hear your intonation. I often think, "What would Lenka say to that?"

Life is so unfair! a big tragedy happened almost five years ago...

*Yours, Tanya Ignatenko,
Los Angeles, 2007*

Five years have passed... All of us grow old, but Lenchka will remain as before. All of us are mortal, but it is impossible imagining that she is no more, that she has left us so early, so suddenly, like a blown-out candle. She was so bright and warm with her smile and sparkling eyes.

Thus she remains in her portraits, and in our memory. What I write about Lenchka is not a eulogy, but my feelings about a her as a person who had everything: character, pain, joy, work, problems that needed solving, love for her family, her feminine striving towards happiness, and the skill to take a lot upon herself every day.

It cannot be said that she lived her brief years in ease. Everything she did — education, family, career — was obtained through enormous diligence, and with pleasure. It is because of this, perhaps, that people were drawn to her, and it was nice to be with her. We, friends of her mother, knew what a great granddaughter, daughter, and mother she was. She knew how to make friends and meet those entering her home with such goodwill. This was instilled in Lenchka by the love with which her grandmother and mother surrounded her since childhood.

She was my friend's daughter. I never thought about how she managed day in and day out to find enough strength and time for her successful career. It just all made us happy. Those who were closest to her know better, but I was always astonished by her remarkable, unbreakable connection to her mother. They were both young, fascinating women, and friends. Both of them charming women, joyfully laughing, warm, and open to contact with broad smiles.

Lenchka had this since birth and because of her upbringing, and her mother because of the presence of such a daughter. Both of them were presented with all kinds of surprises in life. This spiritual unity, Lenchka's love of life, added strength in times of misfortune, and helped the family withstand, survive, and even to live on after she had gone.

One cannot think about what happened without pain. Why did fate so ordain, why was this bright life so abruptly and unbearably torn away? These difficult "whys" will forever remain with those who knew and loved Lenchka.

It is bitter for all who made it out of 'Nord-Ost', but the bitterest was that it was impossible to prevent how it ended, or to return everything to the way it was. After the grief, this is most difficult thing to live with. She was named Elena for good reason. She was a beautiful person each day, whether it was a good day, or a bad one. She was someone who lived her life, and the time fate allotted to her, honestly and commendably. She knew how to be happy, and how to love.

Her daily concern for her children and her mother was so great that, even now, believe it or not, it is almost as if she sends assistance from over there, and they still live under the protection of her care.

Five years have passed. The boys have become men; they have their professions and their futures. Everything is going just the way their mother would have wished: at work, in school, supported by Lenchka's friends and Grandmother, they remain the center of the family.

I beg forgiveness if I seem too lyrical, but I am an elderly woman who knew Lenchka at a good time, and so I cannot write otherwise. Her voice will always ring in my memory: "How do you do, Aunt Valechka!"

When I pass by the monument near that "terrible place" in Moscow, I always think how her soul flew away like a little stork, and that she remains at her home and meets all who enter with those shining eyes from her portrait.

She was bright, and bright she remained.

Five years have passed, and so it will always be.

Written by a friend of Elena's mother

I first met Elena Leonidovna over the phone. It was the summer of 1989. On the night before my entrance exams for the philological department at Moscow State University, I discovered that I had not completely mastered questions related to late-20th century literature, which at the time was called modern Soviet literature. I had a remarkable literature instructor, but she put her stress on 19th century literature. She did not consider modern Soviet literature, the literature of social realism, as part of the classics. Discovering these gaps in my knowledge on the eve of an important test, I turned to my mother for advice. Mother called up her colleague, Elena Leonidovna, about whom I had already heard a great deal. Then she handed me the receiver. I do not remember exactly how long we talked, an hour or an hour and a half, but at the end of our conversation I had the impression that I had read all these works myself, and read them closely, so well had Lenchka explained each work's contents, problems, and artistic peculiarities. I was amazed at how quickly and clearly a young instructor could present such information, information that I would have had to study for a long time.

I remember at the end of the telephone call I complained to Lenchka that I feared questions on Dostoyevsky, and to this she replied that Dostoyevsky was one of her favorite authors. All her students at school loved and understood the works of Fyodor Mikhailovich. "At the beginning of the lesson I flew into the classroom with the words: 'Dostoyevsky awaits,'" Lenchka said. I immediately imagined this young, beautiful, talented pedagogue swiftly entering a class in which silence suddenly reigns, and dozens of burning eyes stand ready to heed the words of their dear teacher.

After the telephonic consultation I tried to imagine what this woman, so interesting on the inside, must look like. When we finally met my impressions exceeded my expectations. Shapely and young, swift and inspired, happy and cheerful, ready to consult at anytime, day or night, this is how I remember her, and perhaps, so do all who knew her.

That telephone conversation was the beginning of our friendship. I recall that a feeling of bliss, such as on a holiday, would seize me every time I met Elena Leonidovna.

We never stopped laughing. Lenchka was like an actress, a master storyteller and comedienne. She was never afraid to laugh at herself, and it was always with humor and light self-irony that she told of events in her life, even some not so peasant ones.

After getting to know Elena Leonidovna, I began to call her Lenchka. Whenever I would call, even when she was very busy, she always found time for me. You could share everything with Lenchka. After talking with her all your problems seemed insignificant. In addition to a gift for being an teacher, perhaps she also had a gift for being a psychologist or even a psychic.

It seemed that our friendship and mutual contact would continue our whole life.

Time gradually erases the memory of those horrible days of October 2002, when the whole country with sinking heart followed the events at the theatrical center on Dubrovka. I remember how, while bouncing my newborn son in my arms, I could not leave the television set and I listened carefully to every latest bit of news. I was certain that it would all turn out okay, and she would certainly return. After a little while she would tell us what had happened to her, how she always found herself in the thick of things.

I do not wish to believe that Lenchka is no more. For me she is still alive and has just gone somewhere far away, and this is why I cannot see or talk with her. There has not been a single day that I have not thought about her. Elena Leonidovna left an indelible track in my soul, and in the soul of everyone who had the good fortune to know her...

Written by Irina Rogotskaya (Kuzmina)

Greetings, our dear Elena the Beautiful!

It does not twist the tongue to speak with you as one who was left this world and everything here. Even if I tell myself a thousand times that you completed your earthly journey and went to a world that is much more humane and incomparably less brutal than ours, it is excruciatingly difficult to believe that you have left us forever.

It has already been five years since that unlucky day, but my memory clearly reproduces before my eyes images of those events.

I remember, as I gather with loyal classmates at the latest annual class reunion.

Yes, our traditional meetings... After all, it was your idea and initiative for us (your first graduating class, if I am not mistaken) to gather together once a year. To come together not just somewhere (for example, in that same school), but at your home, in that olden region not far from the Kursky, in an apartment that seemed so immense. You met us so warmly and hospitably that all of us, I am certain, considered ourselves full-fledged members of your family, for at least once a year. Our meetings were always so warm, domestic, and unconstrained. Everyone brought some delicacy with him or her, or a little alcohol, and, most importantly, news: about themselves, about their life, and about those who could not attend. It was always so pleasant knowing that, besides your parents' home, there was a house somewhere that you could come to, where they were always happy and where everyone likes to hear what has been happening in your life. You told us how your class supervisor borrowed this idea. They showed a video of one of our class reunions. Everyone looked so grown-up who were sitting down to tea, but there, after a few remembered instances from those long ago school days, suddenly their eyes begin to look so playful, and shining with childish glee!

So there we were, gathered together at the latest reunion, but then I hear from someone the awful news: our Elena is among the spectators taken hostage over there at 'Nord-Ost'. It is like thunder from a clear sky. Every television or radio report about developments at 'Nord-Ost' suddenly cease being simply alarming, as if they were about strangers who had come to grief, even if they lived nearby in your city, even if you could theoretically find yourself in their shoes. Now, however, those same reports contain information about someone close to you, and you greedily snatch each report, wildly agitated, trying to read between the lines. With a prayer, and hope that it all ends well, but when it is finally over, there was still hope that our Elena would turn up among the living. But... it did not turn out that way.

You always were a bright, sunny person. Life seethed around this beautiful and spectacular woman, this talented pedagogue. You always approached lessons nontrivially; you always had something interesting to add to the dry school material. You also had an informal approach to Russian language, and never taught lessons with a tired look. Each lesson always hit some special nerve, or reached some culmination. You even knew how to handle our bilingual students. Some you handled with strictness, and some, the opposite, with personal charm. You made them learn our great and mighty language. They learned these sentences, so difficult to compose and subjugate, and where to put the stress on the word "pah-zvah-NEET"! None of us will ever forget those rules and exceptions, just as we will never forget you.

You introduced us to theater. We did not simply go to the theater, but, with your assistance, we put together shows for the school. In a word, you were one of the very few Rays of Light in that gray, monotonous kingdom that was the Soviet school system.

And now you are no longer with us. Apparently the Lord summoned you to his banners, since who would he call, if not the best of us, to stand with Him there?

I remember a year before 'Nord-Ost' when you enthusiastically told us of being in Jerusalem, in the Holy Land, about how you stood before the Wailing Wall and walked the path of Jesus to Golgotha. You described it so clearly and emotionally that it was obvious that the pilgrimage had left a deep track in your soul.

I do not believe that people leave us forever. I feel that you are with us, just like before, and I feel how you assist us from above. Yesterday we held our latest class reunion. It was very painful for us that it has been five years in a row that you have not been there. We tell our wives and children about you, and we will always remember our dear Elena Leonidovna.

Written by a graduate of School #81, Andrey Bogush

ANTONOVA, LARISSA

Age 54, from Klin, Moscow District, Russia.

Larissa Mihailovna Antonova (Nazarova) was born on June 15th, 1948, in the city of Reutov in the Balashikhinsky region of the Moscow district. In 1955 she entered first grade in School #8 in the city of Klin. In 1962 she became a member of the Komsomol. In 1963 she finished eighth grade and entered School #1. In 1964 she entered Night School #1 and went to work filling prescriptions at Pharmacy #45. In 1966 she finished 11th grade and entered the Moscow energy technical school. In 1968 she married for the first time and that same year her daughter Natalya was born. In 1975 she found work at Klin Refrigeration. In 1977 her first marriage

ended, and a year later she married Gennadiy Alexandrovich Antonov, with whom she remained married for the rest of her life.

She went to that unlucky show with her daughter Natalya. Natalya came back... came back to her family, to her children, and this is how it should be — children should not depart life earlier than their parents.

I did not immediately grieve after it happened. For a long time I could not get it into my head that mother was no longer with us. Not so abruptly...it seemed absurd. For six months it seemed to me that a door would open and she would walk in; she was only gone for awhile, but not forever...

It is well known that “grief does not arrive alone”. After a long period of great stress and grief, after his second heart attack, she was followed by her husband, my father.

Written by her son, Denis Antonov

APSHEVA, SVETLANA

Age 38; from Moscow, Russia.

On October 26th, 2002, the life of this 38-year-old, intelligent, beautiful, and amiable woman was senselessly ended. She spent her last days at the theatrical complex on Melnikov Street in Moscow, among the hostages seized by terrorists on October 23rd.

Svetlana Hasenovna Apsheva had only just started to work at the Russian Red Cross as head accountant. a person with such a soft, warm character and such a wide range of professional knowledge, and a strong work ethic, does not require long to have a great effect on her new work mates, and to occupy an honored place in it.

Svetlana Hasenovna was born into a military family in Nalchik, and graduated from the KBGU (Kabardino-Balkarsk state university) with honors in accounting. She later attended a different college at this same university

and received a doctorate in law. Seventeen years ago she moved to Moscow and worked as a senior accountant in the central department of the 'Knowledge' society, then later as financial director and legal economist in a number of commercial establishments. While working she raised a daughter, Zhantina, who was born in 1986.

Our deepest sympathies go out to her daughter, parents, and all the relatives and loved ones of our co-worker, who so tragically lost her life.

***Written by her colleagues at the Russian Red Cross,
for the Russian Red Cross magazine ROKK #6, 2002***

Svetlana Apsheva graduated from the college of economics and jurisprudence at KBGU. She worked for several Moscow firms, but in her last years she was chief accountant for the Russian Committee of the Red Cross.

Svetlana's daughter, a student in a Moscow university, was supposed to go to the musical 'Nord-Ost' on October 23rd. On that evening, however, the girl had to be at the institute, and so her mother and her mother's friend Fatima Shakova went instead.

At about 11 p.m. Zhantina received a call from the Red Cross and was told that her mother was among the hostages. Svetlana later called her daughter several times, asking her not to worry and not to say anything about what was happening to her grandparents, who lived in Nalchik.

Svetlana Apsheva for several years worked for a Russian-German firm that employed many former residents of Chechnya. They contacted the most famous representatives of the Chechen Diaspora living in Moscow, but the hostage-takers in the theatre center would not listen to them. The terrorists would not communicate with representatives of the Russian Red Cross, either. Employees of the International Committee of the Red Cross in Russia made attempts to free Svetlana, but these were also unsuccessful.

Zhantina received the last phone call from 'Nord-Ost' in her apartment on the night of October 25th. At first she heard the voice of one of the terrorists. Svetlana later came on the line and asked her daughter, once again, not to worry. "I love you, and I'm proud of your!" These were her last words.

According to Zhantina, she searched for Svetlana, along with her father and workers from the Red Cross, in every hospital, and called everywhere: "I got a call from our acquaintance, a colonel in the interior ministry, and he said that there was one more number where I could get information. It was hard getting through, and later they asked me to describe what Mama was wearing. I told them. a little later they told us that a woman matching her description was in Morgue #11 and that we could come identify her. Papa and Mama's girlfriend went to the morgue. On the death certificate that they gave them at the morgue, in the line for the cause of death it stated: 'cause to be determined'."

On the evening of October 28th, the body of Svetlana Apsheva was brought to Nalchik by airplane. On the 29th she was buried in the new Moslem cemetery at Strelka.

In 'Newspaper of the South', October 31st, 2002

BARANOVSKIY, SERGEY & NIKISHIN, ANDREY

Age 46 (Sergey) and 20 (Andrey); from Moscow, Russia.

Lena and Sergey lived together only a year and a half. That was how long they were married.

Lena met Sergey in 1969, at summer camp. They were 14 back then, and were friends ever since, all through the rest of their lives. When Lena married Vladimir Nikishin, an avid skier like herself whom she met in the mountains, Sergey called her up and said: "I congratulate you, but either way, someday you'll be mine,

because I love you." Back then they were not yet 21, but their parallel lives for the next 18 years had just begun.

Lena gave birth to Andrey and put everything into his upbringing. Sergey finished the military language institute with degrees in English and Farsi, and ended up in Afghanistan at the end of the 1970s, when the war began. He remained there 6 years, except for short holidays back home.

"I didn't feel romantic love for him," says Lena. "He was just a friend, a very dependable and trustworthy one. I could always count on his support. He came to Moscow on vacation, was accepted into our family, he even helped out Vladimir when he had some difficulties. But Sergey never got married all this time. Sometimes he said that he was waiting for my divorce, that he was faithful to me."

Lena taught chemistry in high school. Andrey grew up, and developed a gift for languages and science. From 6th grade on Lena and her mother helped the boy prepare for entrance exams at Moscow University. Andrey was a thorough student: if he was learning about mineralogy, the whole house was full of his collections and stacks of books. He memorized all the Latin names of various rocks. "How are you able to do this?" asked Lena. "I like it, so therefore I remember them quickly," replied Andrey.

"And then we fell on hard times," remembers Lena. "Andrey was preparing for the university, but we had no money for supplemental courses. Vladimir wasn't earning anything, and he had taken to drinking. Then he started seeing another woman. I understood it all, but I didn't have the time or strength to deal with it. And then Sergey came to the rescue. He was now a lieutenant colonel in the reserves, and had started a business. He gave me money for Andrey's tutors, while Vladimir carried on like it didn't concern him."

Andrey finally was accepted into the college of chemistry at Moscow University, and went to a professor to determine which discipline he should pursue. The professor asked: "After school do you plan on moving to the West? Or do you want to work here? That's what your field will depend on. Andrey answered: "I will stay here." Then the professor smiled and said: "I get 100 dollars a month." Andrey returned home and said

to Lena: "He is a true scientist. He has nothing and needs nothing other than pure science. That is what I want." Andrey chose the field of macromolecular bonding, that is, pure science. Such a specialization allowed him to choose either pharmacology or cloning.

It the latter days Andrey spent less time at the university. Lena asked him why, and he answered that he already knew it all. Likely, being such a deep and fundamental person, he already learned a lot while preparing for admission, and while a student he heavily occupied himself with English and German. He attended a branch of the Goethe Institute in Moscow, and took English classes. Two years in a row he travelled to England and Ireland. The English language was easy for him, and he defended his thesis at the Moscow University in English, hoping for a serious career in science. Everything was going well.

When Andrey turned 18, Vladimir left the family and started another one. It was his latest love, but Lena's patience had finally given out. Lena recalls: "I talked it over with Andrey, and he told me: 'Let him go, he doesn't treat us well'.

And so it was Sergey's time. His aid to Lena, the school teacher, became permanent. He was ready to do anything possible to make her life care-free. Lena, for the first time, felt protected. No longer did she have to bear her heavy burden alone.

"Of course, I thought that, if Sergey showed up, it would be uncomfortable for Andrey, so once again I opened up and told him: 'This is Sergey, who loves me'. And Andrey just answered: 'I know, because everyone knows this'. And so we got married. I was so scared starting things over again, but Andrey gave his blessing."

The first thing Sergey told Lena was that they needed to buy a different apartment in her building, one meant for a different family. Otherwise he couldn't live like a real man in hers. At that time an old 5-story building was being torn down nearby, so they decided to build their new home there. From scratch.

A happy period of planning, projects, and ideas began. They promised themselves that, just as soon as everything was done, they would throw a big, fun wedding and house-warming party at the same time. Sergey had Georgian roots and he did not believe in spending family holidays in restaurants. He said that in their new apartment they would celebrate for a whole week.

"Everything was done in the apartment. On October 22nd we carried furniture to Andrey's room, cleaned, and at 10pm that night in our new house we made our toasts, and the fellows who were moving the furniture drank with us and wished us a long life in our new home. On the 23rd I went and got tickets for 'Nord-Ost'. Sergey came and got me at work. I chilled a bottle of wine, fried some meat, but Sergey said: 'There's no time. We'll come back after the show and sit down to eat'. We were in a good mood, and had no forebodings about what was to come. Just a feeling of happiness and the start of a new life."

Between the two acts Sergey went out onto the street to smoke, but Lena and Andrey wandered about the foyer. They worried a little when after the second call Sergey still stood outside.

"We were in the 4th row, in the best seats. When it all began, Andrey and I began to tremble, but Sergey turned to stone and said right away: 'No one will save us'. I told him that it couldn't be, that Putin learned his lesson after 'Kursk', that they'd save us now. But Sergey repeated: 'No, no one needs us'. My trembling passed, but I didn't cry.

I tried to calm down Andrey, but he told me: 'I'm not afraid to die'. Sergey repeated that, when it was all over, we'd get a real church wedding, and we wouldn't wait for our house-warming. A Chechen woman came over and pointed a pistol at Andrey. I tried to block her, but they wouldn't let me. No matter how hard I tried to seat Andrey between me and Sergey, they told me: 'You must sit between us, we'll protect you'. Sergey had all his documents and officer's identification. I offered to hide them in my boot and toss them in the toilet when I got the chance, but he refused: 'No. I won't disgrace my rank, I'll keep my documents, come what may'."

Andrey noticed the gas first, and said that it smelled like something sweet. Lena wet some handkerchiefs. First for Andrey, then Sergey, then the last one for herself. All that she remembers was putting her hand up to her face. Then she blacked out...

Later Lena watched video stills from the hall after the operation. She and Sergey were no longer there, but Andrey was still sitting alone in the 4th row of the empty hall. He sat, with his head lolling to the side. They had not dragged him out because he was very large, over six feet tall, and heavy.

At the nearby War and Labor Veteran's Hospital, to where he had been taken, Andrey Vladimirovich Nikishin's death was marked at 8:20am on October 26th. According to medical documents, he was delivered there already in a state of cardiac arrest at 7:40am, two hours and forty minutes after the gas attack. The distance from the theater to the hospital is no more than 200 meters.

"I didn't wake up until I was in the hospital. They told me: 'It's okay, it's all over'. I said: 'But where's my husband? My family?' They said: 'Everyone was saved'."

Lena was brought into the intensive care unit. When she came to, she did not have any sense of tragedy that was to come...

"And then two women arrived. One of them asked: 'What would you do if you found out that both of your family members have died?' And I noticed that the second woman was yanking at the first's skirt. At that moment the door opened, and my mother came in. I just asked: 'What? Both?' and Mama answered: 'Yes, both.' I turned to stone. I practically didn't cry. It was such a horror that even tears couldn't come."

Lena buried Andrey and Sergey next to each other, and reserved a place next to them for herself.

Written by Anna Politkovskaya, Novaya gazeta #79 October 29th, 2002

BELOUSOVA, LYUBOV

Age 28, from Perm, Russia.

Born in Perm on April 30th, 1974. Worked as specialist in the accounting division of Perm Petroleum Works.

It was a shock... The morning news about the seizure of the theater at Dubrovka was horrible enough... People had gone there to relax, to get pleasure from the show, but as a result... And then they tell you that your loved one, a person whom you saw every day, who every morning you sit at the table next to, with whom you talk about work and chat about the daily matters, with whom you share your problems and ask for advise and assistance, is there... And now you start to remember, to understand how much a single word can hurt people, wound and ruin...

Lyubov... Lyubov Belousova... When you are 27 years old you always think only about the good and the pleasant, you remember the happy times in the past and make plans for the future... To fall in love and get married, then later have a little son and daughter, and to be together forever and never part... And that mother and father would be healthy and happy and to help them around the house, the garden, the yard...

A zeal to learn new things, her self-realization and the acknowledgement of those around her, her constant work to get ahead in her studies at the difficult international business college at the university, all this demanded that she give it her all, and have lots of self-discipline. Lyuba had it all. She succeeded at everything: she managed to look like a cover girl, kept up with her studies and her work, and never forgot her friends.

But fate ordered otherwise... Her life was torn away before it ever had a chance to begin, and grief entered our home... The death of a loved one is hard for all around, but when it is YOUR child who dies from a trip to the theater — it seems insane and absurd... You just cannot get it through your head, it is impossible to understand... It is unjust, harsh... And now there is only emptiness...

Lyuba is no more, no more Lyuba-Lyubashka-Lyubanchik... She remains in our memory, and in the memory of those who loved her, those to whom she was dear and close, and that is how it is and how it shall be while we are alive, while she lives in our memory...

Written by the Belousov family

HER EXPRESSION WAS SOMEWHAT SAD

Larissa Seleznyova, chief of investment planning for one of Perm's businesses, recalls Lyubov Belousova: "The rhythm of her life was very fast." Lyubov and Larissa worked in the same office. "In the mornings she went to work, and every evening she went to school: she was studying English. I can't imagine when Lyuba had time for the salon, the stores... She also went to school on Saturdays, or went with her parents to their weekend house and helped with the garden."

According to Seleznyova, Lyuba dreamed of moving to Moscow, and so she was

leaning a foreign language, which is a requirement for work in one of the companies in the capital city. One cannot even count the girl's talents. "Lyuba's first degree was as a food technologist," said Larissa. "I still remember her pirozhki and sweet rolls, which she did not merely cook from a recipe, but invented on her own."

"Lyuba was brought to the plant by her father, who back then was working as deputy director of production," recalls former director Raisa Rutskina. "We agreed that if she couldn't handle the work, then she had to leave immediately. But this never happened. Lyuba quickly mastered it and became an irreplaceable part of the team. She often remained here after work." Lyuba Belousova was sent to Moscow for a seminar. "I remember how she brought the documents to me for signature," continued Raisa. "On leaving the office, Lyuba turned around, and her expression was somewhat sad."

Written by Mikhail Danilovich in 'The Perm News', October 24th, 2008

BELYANTSEVA, INNA

Age 59, from Moscow, Russia.

Inna Mikhaylovna Belyantseva (maiden name Dmitrova) was a native Muscovite. She was born and grew up on #10 Novo-Basmanaya Street, which is now the arbitration court. She started school in 1950 at Middle School #618 in Moscow. After 7th grade she entered the Moscow technical school for light industry, from which she received her degree.

Her whole life she was a sociable and loyal friend, and different people shared their personal joy and grief with her. She was able to not just comfort, but provide good advice.

Since childhood she enjoyed classical literature and for many years she attended the studio of artistic expression in the Central Home for Children Railroad Workers.

Also since childhood, she loved to sew her own creations, and embroidery. She worked for many years as the private tailor for E.N. Gogoleva, renowned artist of the USSR.

Inna Mikhaylovna dedicated her life to the upbringing of her son Pavel, celebrating his successes at school, work, and his acceptance as a professional singer-songwriter.

October 23rd, 2002, was the birthday of her daughter-in-law, who was newly arrived from the USA. Pavel's wife is also named Inna. Inna Mikhaylovna arranged a cultural program for Pavel's wife, Inna Anatolyevna — with a trip to the musical 'Nord-Ost'.

Relatives, friends, and loved ones remember Inna and cannot believe that all this really happened.

Written by her brother, Konstantin Dmitrov

BOGACHYOVA, LYUDMILA

Age 55; from Minsk, Belorussia.

August 12th was Lyudmila's 55th birthday.

Her story was closely followed by many Minsk residents, especially by her older sister Inna Borisovna, also of Minsk, and colleagues from the factory in Minsk where Lyudmila had worked as a design engineer for twenty-six years.

All knew her as a person with the kindest of hearts, who never held a grudge, even last March when she was laid off, and had to move in with her sons in Moscow.

Lyudmila's oldest son Dmitriy Bogachev was one of the directors of the musical 'Nord-Ost', and is already well known as the producer of the 'Songs of our Century' project.

Her middle son Kiril is a musician in the Russian presidential orchestra, and was a violinist at the ill-fated musical. Her youngest son Alexey works in Moscow as a designer and often helps his brothers. Even 10-year-old Paulina, her oldest son's daughter, was a dancer at the show. Out of pure chance, none of her children was working or performing at the musical on the day it was taken over by Chechen terrorists. "Knowing my sister as I do, how she was such a kind and sincere person," recalls Inna Borisovna, "I think that, like the faithful mother she is, she took all the misfortune of that day upon herself."

Perhaps there had already been a sign of misfortune to come: when Lyudmila left Minsk for go live with her sons, her dog Toby ran away.

When she was a schoolgirl, Lyudmila Borisovna Bogacheva performed in plays, the most famous of which was 'Little Red Riding Hood'. Little Lyuda and her classmates put on a show for the Minsk Officer's Home. Alas, the finale of that musical was a happy one, as happens in fairy tales where good always triumphs over evil. It should be no surprise that Lyudmila made sure all over her sons had a musical education. And now Minsk bids her farewell...

Written by Yuriy Svyatokum in 'Vecherniy Minsk', October 29th, 2002

BOGDANOVA, IRINA

Age 30, from Reutov, Moscow District, Russia.

A leading specialist in children protection services in the Perovo region of Moscow, Irina Viktorovna Bogdanova died tragically in her 31st year of life.

Irina Viktorovna completed the Moscow State Academy of Applied Biotechnology as a chemical technology engineer. Since childhood, however, Irina dreamed of fighting against crime, and started her career with the Interior Ministry in the Perovo region. For six years she worked as chief inspector of youth-related crimes, ending her service with a rank of captain of police.

In March of 2001, Irina Viktorovna arrived at the Perovo department of children and youth protection. Her colleagues at work remember her as a responsive, kind, and humble person, who put her soul into her job.

During her short time at the department, Irina Viktorovna managed to accomplish quite a lot, assisting relationships between children and their parents, and participating in all the regional events. Her relatives, friends, teachers, and work colleagues will remember her always.

Valentina Ivanovna Kuznetsova, biology teacher at School #1: “We all remember Ira — a well-raised girl, bright and with a argumentative nature. She was a good organizer of her fellow students and came up with interesting ideas for debates. She was elected chairman of the student council, and they were not wrong in their choice — she took charge of all important matters and new undertakings. Irochka was captain of the school basketball team, a silver medal winner in this sport for the Moscow region. She was on the basketball team of Reutov. Her warm, affable smile always won over whomever she was talking to, and this is how we’ll always remember her... Let grateful memory shine upon her name.”

“I went to school with Ira for ten years,” recalls Natalya Zhukova. “She was not just a good and diligent student, but a loyal friend. Irina would come to your aid at a difficult time and help you find your way out any difficult situation. We never argued, as girlfriends often do. There was never a reason to. Irina was a girl with the kindest of hearts, and didn’t like conflicts. She always had good relations with the teachers and her classmates. She was warm and respectful towards her parents, and worried about their health and all their problems. She shared their joys and sorrows, and always tried to help them. One still hates to believe she is gone.”

Irina Nadezhda Chvanova, former trainer and presently director of the Child and Youth Sport School: “Irina Bogdanova studied at our school from 1981 to 1989. She was in the girls’ group that was born in 1972. She was an amazingly active, capable, and responsible girl. She managed to do everything: studied well in school, and never missed her training at the Sport School. There wasn’t anyone who didn’t love her. Very sincere, she was always the heart of the group. The whole basketball team, which she played on until graduation, revolved around her. Perhaps Irina’s most remarkable quality was her sincerity and love of every living thing. The girl was always trying to

help others. On holidays or birthdays the basketball team arranged tea parties. Irina brought to the table tasty things that she'd baked herself. Her team always had the highest ratings and was the silver prize winner for middle school girls in the Moscow district."

Raisa Alexandrovna, her mother: "Irina was my hope, and my joy. She had a bright future, but then this tragedy. Until the very end I trusted that my daughter was alive. Even when I knew the truth. I have lived all these years without her in suffering, in torment night and day. Let grateful memory shine upon her name!"

Written by a coworker, her friend, and her relatives

BONDARENKO, VALERIY

Age 40; from Khimki, Moscow District, Russia.

On October 26th, 2002, while a spectator at the musical 'Nord-Ost', our only son, Lieutenant Colonel Valeriy Viktorovich Bondarenko, died during the hostage rescue operation.

He was only 40 years old, and of these he dedicated 23 years to service in the armed forces of Russia. He made the choice to become an officer in childhood, and knew about service not from books, but from real life, having traveled with his parents (his father was an officer) from military bases in the cold far north to Central Asia.

Through his love of hard work, his discipline, and responsibility for his command, he earned the authority and respect of his commanders and subordinates alike. At twenty years of age, after finishing the Ryazan command communications school, 'Valera' became deputy company commander. At 33 he headed a separate unit in the camp, for the purpose of reinforcing law and order, discipline, and security.

In the full bloom of his abilities, the life of Valeriy was torn asunder senselessly and quickly, despite all attempts to save it.

Forgive us, Valerochka, because we could not protect you. You will always be with us...

Many friends and comrades of Valeriy, who were scattered throughout Russia by their duties, did not know about his death, since our mass media discussed the tragedy at 'Nord-Ost' very little, and then with great care. Five years since the days of the tragedy there are still more questions than answers.

They say that time heals, but this is a wound that defies healing... Under conditions of grief, suffering, and insults, we find consolation and rejoice in the successes of our only grandson, Anton, a student at the college of law at Ryazan University (RUDN). We worry about his health, and, most of all, about his safety.

We receive support from our loved ones and relatives, and the graduates of School #8 in the city of Khimki, where Valeriy studied, and from his friends from

the institute and the service. We make a low bow and give thanks for their kindness, compassion, and sympathy. Your attention and care is very important to us.

Written by his parents, Viktor Grigorevich and Larissa Petrovna Bondarenko, and his son, Anton Valerevich Bondarenko

BORISOVA, ELENA

Age 40, from Moscow, Russia.

Lenochka was born in Moscow in 1962. She was a talkative, merry, and inquisitive little girl. During childhood they called her 'Alenka the little flower'. With the years she bloomed into a beautiful rose.

She took part in all school festivals and knew how to attract both parents and teachers, whether in the audience or as participants with the children. She had an absorbing nature and was always surrounded by a crowd of classmates, and later boyfriends, who were attracted by her charm and a fascinating smile, that was both a bit ironic and somewhat mysterious, as well as her unyielding character and merry disposition.

Lena successfully finished the G. B. Plekhanov Institute of Economics in Moscow. The institute did not wish to part with this capable and industrious student, and so after graduation Lena was offered work in the department. Her responsible and conscientious attitude towards work, and sense of purpose, allowed her in a short time to achieve her goals while still managing to be a good mother for her son and tender daughter to her parents.

During the 1990s and 'Perestroika', being a leader by nature, Lena decided to try out a new quality in herself — to start a business together with her husband. The first results of this new field of endeavor were successful, and everything seemed to be just beginning to go well. Everything was still yet to come...

The events at Dubrovka put an end to all these plans and destroyed the future. The tragedy did not spare our family. After three-day captivity and the ensuing 'gas chamber', Lena was brought to a Moscow hospital. Unfortunately, the physicians proved to be powerless and were unable to save her.

Thus died a beautiful woman, never having enough time to realize her full potential, unable to finish what she began. Her son was orphaned, and we lost a daughter.

Blessed memory, dear Lenochka. We will remember you.

Written by her relatives

BOCHKOV, ALEXEY

Age 25, from Moscow, Russia.

'Alyosha' was born in the snowy month of December, in 1976. We waited a long time for this baby, and, when he entered our home, happiness entered as well. Four years later his sister Katyusha was born. 'Lyosha' was unusually kind and caring, and perhaps because of this the age difference did not fight with the sister, and they got along surprisingly well. We always tried to do things together. We went to the movies a lot, read books aloud, traveled to all the ancient Russian cities around Moscow, and built a summerhouse on the Yegorevsky marshes. It was there that our children grew up.

Since his early years Alyosha loved to help his father, who was no stranger to any job. By age twelve he knew how to do a lot on his own and was a superb assistant. Together with his father, they would fix our dear Moskvich car and other small repairs. They built a brick house and a well, and planted trees. There was excellent at fishing around the summerhouse, and mushrooms simply grew everywhere there, so from age nine Lyosha became an inveterate fisherman and mushroom hunter. We keep his rod and reels as souvenirs. Since age six he also was absorbed in chess, and played well. In second grade he taught everyone — he would bring his chess set to school, while at home he arranged chess battles. Later he played less frequently, preferring to study classic chess moves.

He did not have a lot of friends, but they were long-term ones, still from kindergarten, elementary school, and childhood at the summerhouse. Perhaps because of this we are still very close to these boys. They helped us look for Lyosha during that nightmare. They were the ones who found him.

He had one remarkable friend, Yuriy Katagoshchin. The most talented and handsome boy around! In 10th and 11th grade he and Lyosha were very close friends and always together. 'Yura' entered the geographic college at Moscow State University, but got sick the first semester. Within a year he was gone. Alyosha suffered a lot from this tragedy. Every year on Yura's birthday he gathered up classmates and they brought flowers to Yura's mother.

Alyosha graduated from the Moscow highway institute with a real man's specialty — road construction machinery maintenance. He received an offer from a large construction company, and three months later he was sent to Novorossiysk on what was in 1998 the largest construction project in Russia, the Tengiz-Novorossiysk Caspian sea pipeline. He was very proud and with pride he described the huge scale of the project, and he brought home many photographs. This was for Alyosha an outstanding school of life, where he was one with demolitions experts, oilmen, and experienced engineers and mechanics. When he returned he was all grown up, a man with experience behind him. Later there were work-related trips to Siberia, the far North, to the Urals, and to Sakhalin, where they were starting the Sakhalin-2 project. Six months before the tragedy he was made chief mechanic for the firm. I worried about him outranking all those extraordinary men in Novorossiysk, the mechanics who had taught and helped him.

Yuriy Alexeevich Zolotov, the company's chief mechanic who was replaced by Lyosha, told me after the funeral that for eight years he had been looking for an apprentice to take over his job, and had found one at last (in Alyosha). He had very much wanted to meet the family in which such a remarkable fellow grew up.

He had a favorite girl, but in May of 2002 they parted ways. Alyosha suffered greatly from the breakup, even withdrawing within himself a bit. Later, however, he got over it and began to meet with his friends more often. By August he said to me: "You know, mom, it turns out that there are still some good girls out there!" When he was 17 he had promised: "I'm going to get married early so that when the kids are grown I'll still be young." It never came to pass, however. He was never able to present us with grandchildren.

He loved the movie 'Forest Gump', but during the last October of his life he watched "Emily" several times. Katyusha and he watched every episode of the American series "The Simpsons", and even named the dog after its main character, Bart.

Words will never suffice to describe the feelings that fill the heart when your 4 year-old son washes diapers in secret ("because mama is tired"), or when your 7 year-old child before leaving for school warms up some soup so that you can eat when you dash home for 10 minutes on your break, or when this 11 or 12 year-old boy gets up at 6 am on March 8th (International Women's Day) to bake his mother and sister a cake and then gets his friends to bake cakes for their mothers, or when your already grownup son comes back from a get-together with classmates and shares his impressions, in a whisper. He alone of the whole family would not leave you when you are sick. This was our glorious son, our 'Alyoshenka'.

I have an incredible husband, a wonderful daughter, and two sisters, but that remarkable warmth that you get from a son, for some reason it is gone.

Dozens of times every day I think about our little boy, this good, bright, and dear boy whom we all need so very much. For a long time I wanted to hear a ring at the door, open it, and there would be my Alyosha — tall, stately, handsome... Sometimes I wake up at night and try to convince myself that all this was only a nightmare.

Of course, many mothers and fathers already know this. Going to your children's graves is eternal suffering. My husband and I often go to see him, and we bring fresh flowers, and light candles... And we try to come to peace with it.

Written by his mother, Elena Nikoaevna Bochkova

BOOKER, SANDY ALAN

Age 49; from Oklahoma City, USA.

It was just a few minutes past midnight December 28, 1952, in Albuquerque, New Mexico that Sandy Alan Booker blessed George and Jean with his arrival, and took control of their household. But it didn't take new parents long to realize they were supposed to be in charge, not this little bundle of joy with blue eyes and a demanding manner. Sandy's father was in the Air Force, which enabled Sandy to see some of the world and meet many people. Upon his father's retirement, the family settled in Midwest City, Oklahoma in 1968. Sandy finished growing up there, graduation from Midwest City High School and attending Rose State College.

Sandy developed a variety of talents in the work field. They ranged from Chief-cook & bottle washer with McDonalds, to donut baker with Dunkin Do-Nuts, to installing sound systems for Cox Radio and Sound Systems, and financial advisor with Wadell & Reed. He finally settled down as an electrical engineer with General Motors.

In the 18 years with GM, he made many friends. Sandy also ventured into the real estate market, acquiring rental property, most of which was near a college. Maintaining the rentals added more talents to his list, and led him to meet and have many experiences with the young and old students of different backgrounds.

He loved to ski, but his favorite recreation was Martial Arts, wherein Sandy excelled in Judo. Sandy eventually married, and was blessed with a daughter, Deborah... his pride and joy. He spent every possible free minute with her, teaching her judo, skiing, and how to drive.

His marriage did not work out and he spent many years living alone. After a period of time, he desired to start a new life filled with happiness and love. In 2002 thru a friend, he was put in touch with Svetlana and her 13 years old daughter Sasha. After many e-mails, telephone calls and visits, his dream of new life was becoming a reality. Svetlana accepted his proposal, and plans were made for the three to come to the States and start their new life in Oklahoma City. But Fate had other plans.

Before they were to leave Russia, they went to see the stage play Nord-Ost. However, Chechen rebels stormed the Moscow theater and held the audience hostage. The Russian Special Forces in an effort to free the hostages, pumped a toxic gas into the theater, and approximately 130 people perished, including Sandy and Sasha, his fiancée's daughter.

When news of the Chechen terrorists and the deaths of the hostages were published, the Booker family received many condolences from across the United States, and even from Taiwan. Several newspapers and television stations also expressed their sympathy and concern.

Sandy's death showed that in his 49 years he had touched the lives of many, some only for a few hours, but he made an unforgettable impression on them. The sympathy and concern from the public was over-whelming, and revealed Sandy's character and his personality. One man wrote that it was his pleasure to have met and know Sandy

for only a few hours. That he was a very confident and generous man, with a big heart, and a fearlessness and manliness he hoped to reflect in his own personality.

A co-worker told how Sandy helped him rewire his house, and Sandy would not take any pay for helping him. Others wrote of his many personal traits, and they were treasured by all who knew him... Full of energy, intelligent, fun to talk with, enjoyed a good laugh... even at his own expense. Other said he was kind considerate, never knew a stranger, willing to help and didn't mind volunteering. He was a good co-worker and encouraged others.

Sandy was a Christian. He loved the Lord as well as his family and friends. The Lord took him home October 26, 2002. His father preceded him in death. He is survived by his mother, Jean; his daughter, Deborah; his sister, Bonny; and his brother, Ricky. He was also a half brother, David, as well as nieces, nephews, and cousins. He is missed very much by all who knew him; he touched so many with kindness and generosity.

The Booker family extends their thanks and appreciation to every one for their concern and sympathy in the loss of Sandy.

Written by his mother, Jean Booker

One winter three years ago, at a ski resort in the Colorado town of Crested Butte, a man approached me from our Oklahoma City Ski Club: "Hi! I am Sandy Booker. They tell me you're Russian! Is this true?"

And we struck up a conversation. About the 'Iron Curtain', presidents, Russian traditions and culture. As they say here, 'easy going' Sandy immediately endeared himself to me. It turned out that his life was interesting in many ways. He was a great skier, had a good command of judo, and worked in Oklahoma City for several years as an instructor teaching teenagers the art of self-defense. Since his youth he had tried many professions, and was even a gold prospector once. Out in the desert of Arizona he had a piece of land where there were only the thorns, rocks and rattlesnakes, and there he went and dug. Eighteen years ago, he became interested in electronics. He worked at a GM factory as an electrician responsible for assembly-line robots. He was fond of computers and collected them.

The following year, we were together again on a bus carrying ski fanatics to the Colorado slopes. We skied in a group, waiting for each other on the steep slopes. Sandy was always in the lead, and full of energy. He flew like a bird down the hillocks, and fearlessly challenged the 'double-black diamonds', the most difficult ski trails. He said he loved extreme sports. That time he asked me: "Will you help me with Russian? I want to learn it," but he would not say why. He mentioned that he spoke Spanish and Japanese, and knew some German and French phrases. With languages he was training his mind, and he said that in general he was inquisitive. I told him: "Okay, I'll help!"

Sandy phoned a few months later, and we began. He seized the Russian language on the fly, and all the while searched for analogies in other languages. He would note: "This word is consonant with Japanese, while this one with Spanish." He was very fond of talking about different topics, and could talk for hours. In addition, he liked to teach me about computers, local life, and even politics. Gradually we became friends and began to share lessons learned. I taught him Russian, and he gave me 'lessons in

American life' and other information. I marveled at his performance, memory, and level of activity. He was constantly perfecting himself. He even studied language at work, during breaks and when it was a slow shift. He said he was interested in Russian literature and had read Turgenev, Tolstoy, and Solzhenitsyn, and that he loved music, especially classical.

Our lessons were on weekends, because Sandy worked evening shifts. Sometimes he came to my home, and sometimes I went to his. He lived in an old district near the center of town. His house looked unusually picturesque: from ground to roof it was entwined with green ivy and stood between the huge trees. Inside, there were only the necessities of life, and striped cat named 'Tiger'.

On Saturdays, we met halfway, at in his favorite cafe, 'Panera Bread'. There we had lessons with a coffee theme, and he was terribly pleased. He loved to pronounce aloud the names of dishes in Russian. Sometimes he went there with his daughter Deborah, a slim, beautiful girl, a teenager who lived with her mother: Sandy's ex-wife. On Fridays, Sandy would keep Deborah for the weekend.

In addition to working at the factory, he had other occupations. He bought and rented out houses, and so he was kept busy with repairs. Sometimes he came to lessons all smeared with paint and in work clothes.

At one of the lessons, Sandy said he wanted to marry a Russian woman. They say that Filipino and Russian women make the best wives in the world. He was attracted to Russia, and in deference to his future wife he had decided to learn the language of her country. He said that he was in correspondence with an inhabitant of the Crimea, to whom he was introduced by the Russian wife of a friend from a neighboring state. Sandy planned to go to the Crimea to meet his potential bride, a woman with two daughters, 15-year-old twins. Sandy dreamed of a big family.

After returning from the Black Sea coast, Sandy said that they got along and had asked the immigration service for a bridal visa, but in the process of further correspondence with this Crimean woman, he found out that for some reason the woman had sought advice from a fortune-teller and shown her all Sandy's letters. She thought it over, and a few months later changed her mind about getting married.

Oklahoma City is a deserted town. People here can only be found in stores or gas stations. Sandy's evening schedule did not allow him to go to places where there was a chance of finding a future spouse. In addition, after his main job, he was constantly busy with his rental houses: something always needed to be repaired, changed, or redone. Only the Internet remained.

I got Sandy to promise me that he would introduce me to his next choice. Later he called up and said: "Listen, it takes so much time to search on the Internet! Can I place an ad in Russia? I don't want to go through any American agencies." I recommended the Moscow newspaper 'Hand in Hand', the most widely circulated.

The result exceeded all expectations. In the first week, Sandy got more than two hundred letters from the former USSR, including Latvia, Lithuania and Estonia. Thus he found Svetlana Gubareva, and in time it turned out that Sandy had made a wonderful choice.

Svetlana worked as an engineer in a large factory in Kazakhstan and lived in the city of Karaganda with her 13-year-old daughter, Sasha. At the beginning of their correspondence, she had difficulty with English, and Sandy with Russian, but both

progressed rapidly in their studies. At the outset they used translator programs on the Internet, and said it gave them indescribable pleasure, since the computer sometimes gave funny translations. They wrote each other every day. Sandy admired Svetlana, her intelligence, tact, and humor. He also liked her daughter Sasha, who also studied English and was good at drawing. During their correspondence, we spoke several times with Svetlana over the phone, all three of us at once.

In May of this year, Sandy was planning on going to Russia to see his future wife 'in the flesh'. They decided to meet halfway, in Moscow. Sandy asked Svetlana to bring her daughter.

Sandy returned to Oklahoma City a happy man. His intuition did not fail him, and all three got along very well. He immediately set about getting Svetlana a fiancée visa. He hoped that his new family could come later this year, for Christmas. He was excited, and said that now he would work even harder: "I'll have two daughters, and I need to save up money for their education!"

That was in June, and since then I barely saw Sandy, only a couple of times when he was showing another house he was repairing. Even smeared with paint, plaster, and all sweaty, he would manage to squeeze in a Russian lesson!

We exchanged occasional phone calls and short emails. I asked how things were going with the visa for Svetlana, and Sandy replied that he was still waiting. Our last conversation was at the end of September.

On the eleventh of October, I went on vacation to New York. There I learned about the tragedy in Moscow, but I never could have guessed that one of the hostages was Sandy! When I got back, friends asked if he was my friend, and I replied: "As far as I know he wasn't planning on going to Moscow. The name must be a coincidence." The next day, however, the radio reported: "Sandy Booker from Oklahoma is one of Moscow hostages," and I realized: it was Sandy. Could it be that Svetlana was invited for an interview at the American embassy, and Sandy went to support her? As I later learned, that is what happened.

December 28th will be Sandy's birthday. He would be fifty.

*Written by Lyudmila Shropshire-Rusakova (Oklahoma),
In 'Chaika' # 22 (38), November 15th, 2002*

BURBAN, GRIGORIY

Age 39; from Odessa, Ukraine.

Grigoriy Burban is my father. Both of us loved each other very much. Every summer we would go on vacation. The days we spend together were the most wonderful ones. My Dad wanted me to get a good education and be a good specialist in computer science. He was very happy and proud when I won two times in a row the Los Angeles Science Fair. He wanted me to grow up strong and healthy, practice swimming and tennis. We loved to play tennis together. Whenever I had problems he always helped me. Even though he was usually busy on business trips he still made time to come to my birthdays. Those days were very special in our home. He promised to come to my next birthday, but now I know that he will never come. I lost my Dad and my friend.

Written by David G. Burban, son (www.nordostjustice.org)

Our son followed the principle of “hurry to do something nice”; it was his norm of life, business, and hobbies. He did not know how to say ‘no’. When people asked him for help, he said, “I’ll try,” and as a rule he did help.

Like many young people these days, ‘Grisha’ was trying to find his niche. His plans included a ‘beautiful business’ so that the world of art was more accessible to many, and so that people were nicer. He never succeeded, however. One more thing: he was certain that one could agree and about everything, and he considered this to be the most dependable way to achieve a goal: “There’s nothing you can’t agree on, you just have to know how, and want to do”. And Grisha knew how, possibly because he was equally comfortable at home and overseas. He always brought home a mass of new ideas and friends from every trip.

In 2003, shortly after the tragedy, we received a letter: “I have written a poem about your son from the materials posted on the www.nordostjustice.org web site. I am sending this to you. I hope that it is close to whom he really was.”

*How can one put pain into words,
How can one describe him, who he was,
He who is no longer with us, –
A good son and father,
Sincere and friendly,
Though he worked night and day,
Without respite, he was always ready
To help people
With a kind word, or a deed,
And he never lived long enough to turn
gray...
And orphaned his son*

*And parents.
One cannot hold back the tears when all
over
The memories assail...
So heavy, so unendurable,
So impossible to express:
And yet the planet turns,
And matters travel their usual paths
Yet he is no more...
Only his memory lives forever.*

Tamara Fayfer

Back then we were still in shock from our grief, and never really thanked to the author who was able to describe our son in a few verses, to tell about his indomitable energy

and desire to help others. Now we would like to give thanks, and a low bow, to the author. Excuse us, but, as they say, better late than never.

“Never”... this, perhaps, is the most awful word of all. You cannot even exist with it...

Written by Lyuba and Mark Burban, his parents

CHERNETSOV, DANILA

Age 20; from Moscow, Russia.

Danila was born in Moscow on November 9th, 1981. At six years of age the teachers in kindergarten noticed his musical abilities and offered to send him to Musical school #122 for in-depth study in music and choir.

In 1998 Danila finished this school with honors in general and musical studies. During these 11 years he was a member of the Moscow boy's choir under the direction of Ninel Davidovna Kamburg, the celebrated artist. Danila traveled with the choir to England, Germany, Italy, Bulgaria, and Yugoslavia. The boys sang quite often in the Moscow churches.

Also in 1998, Danila entered the state university of construction, in the college of industrial and civil construction. He did well, all the while, from the first class to the last, helping his retired mother.

On August 26th, 2002, he married a girl in his class. The wedding took place at the institute on Melnikov Street #2, the same building that would serve as the hostage rescue headquarters in October. On October 23rd, 2002, he was at work in the Dubrovka Theater and was taken hostage, dying on the 26th during the assault.

He died just as his life was setting out. He so wanted to live, to work, and he dreamed of having children. And he sang — always and everywhere!

Written by his mother, Zoya Chernetsova

CHERNYKH, DMITRIY

Age 39; from Tula, Russia.

Dmitriy, Dima, Dimulya...

One can write and say a lot, but there are no words that could ever describe such a kind, humble, gentle, and remarkable person who was so in love with life. My loving husband! Like every girl, since childhood I had dreamed of my prince, and of a happy family life that would last many, many years all the way to death. It all came true, except for the long period of happiness: apparently we were too happy...

Dima was born on March 28th, 1963, in the city of Mtsensk in the Orlovsk district. We met in 9th grade. After finishing

school with honors in 1980, Dima left for Tula where he had been accepted into the polytechnic institute there, while I went to the Moscow Technological Institute. We wrote to each other, and got together during school holidays. Little by little our school-time friendship blossomed into love. After our fourth year of institute we married, and after graduation we were both assigned to Tula, where we continued to live.

We started our own family, not allowing our relatives to meddle in our relationship. There was a lot of various frictions at the beginning, the kind where each partner tries to force their point of view onto the other, but, thanks to love and trust, we learned in time to feel each and to speak with only our glances.

In 1986 I gave birth to our son Andrey, who was the greatest joy and pride of my husband. Dima was very gentle and loving, but he could also be a demanding father at times. All that was missing from his parents' family, he tried to do for his own son. Dima always wished for Andrey to be strong and healthy and that his life would be happy. Our son knew that, if papa promised something, then papa would definitely keep his word. I know firsthand what it meant to lose a loving father at 16; I lost my father in an automobile accident in 9th grade, and it was Dima who helped me make it through this terrible loss back then when we first became friends.

From early childhood to even today, our son has strived to be like Dima in every way. For him, his father's authority is unshakeable, and he often asks himself in one or another situation: "How would papa handle this?"

Dima was a very sociable and charming person, and it was always interesting to be with him. He was a holiday person who loved to give presents more than he liked receiving them. People grew so used to his kind smile that, if they ran into him and he was not smiling, right away they would ask if something had happened.

I was delighted by his constant thirst for knowledge. He would read several books at a time, books of completely different genres. He always wanted to learn something new and had mastered many specialties. He was like a 'walking encyclopedia', and used every free minute for his own self-development. You could come to him with any question and get an exhaustive answer.

During the 1990s he and some pals started their own business and worked hard, returning home only late at night. When the opportunity to travel presented itself, all three of us got great pleasure from it.

Lately Dima had taken courses in psychological training, called 'Simoron', in which people gain peace and self-assurance, and try to solve their problems, with only a smile and benevolent conversation. I attended some classes with him, and saw how the people there were sincerely happy when my husband entered the hall and charged them up with his smile.

Dima attended M. Norbekov's psychological courses in the self-help center. He dreamed of starting a psychological school in Tula, and with this aim in mind he traveled to Moscow several times for consultations at the Institute of Man, which is a separate wing of the Ball-bearing plant's theatrical center at Dubrovka.

On October 23rd, Dima went on a business trip with a colleague to an exhibition in Moscow. That evening he went to a seminar at the Institute of Man, though he had not previously planned to go there before. After classes the participants in the seminar headed towards the exit, but the door turned out to be locked. While most remained standing by the door, Dima and his friends went looking for the keys. They ended up

in the hands of the terrorists, while OMON police commandos broke into the theater to rescue the others who stayed behind.

Not wishing to worry me, but knowing that I would be looking for him, Dima called my aunt in Moscow several times, in hopes that she would contact me in Tula. But she did not do this, and waited until I called her first.

All during those awful days I almost didn't step away from the television. I worried terribly for the people who had become hostages, but I could not even imagine that my dearest husband, due to a twist of fate, could have also ended up there...

Dima was for my son and I the whole universe around which our happiness revolved. Even though he is no more, during the difficult times of our lives we still feel his constant support.

Written by his wife Marina Chernykh, and their son, Andrey Chernykh

How best to tell about Dmitriy? That the main thing is that he was, and I am not afraid to use the word, an extraordinary person.

Dima was a true friend. When I remember him, I always see the scene in that Nikita Mihalkov film, 'He is one of the crew among strangers, and a stranger among his own', in which the remarkable actor Yuriy Bogatyrev plays Egor Shilov. Whenever certain harsh and austere men thought about Egor, smiles would break out upon their faces. They recalled something very dear, and remembered a Friend, and would say: "Egor is a man you can count on. I'll vouch for him." Dima was a true Friend...

Tell me, cross your heart, do you have any such friends? Dima was one. He was a person whose word was law, a person about whom you were not afraid to say: "I'll vouch for him!" He was a person who was unconditionally honest and decent, and he was not physically able of doing anything underhanded to anyone. You are truly lucky if you have such friends!

There is this understanding of what a person of light is. This is Dima. It was very amusing for me to observe inside this more than 100-kilo giant the heart of a 7 year-old boy, a boy who viewed the world through wide-open eyes, and never lost in his almost 40 years the ability to be amazed, never lost the feeling of compassion, never became hardened by his years as a businessman, nor became coarsened by the scars of a multitude of blows from Fate. This is what it means to be a person of light...

Dima was in a hurry to live. He wanted to seize what could not be seized. Business was what he engaged in to feed his family, but he lived with completely different interests: books, travel, and his attempt to understand what it meant to be a person. He studied dianetics and psychology, learned about different religions, and simply talked with people. In so doing he lived a remarkably full spiritual life. He did not accumulate a lot, but he never intended to. He had an apartment full of books and all sorts of things that he brought home from traveling, along with stories about how interesting and diverse the world was. Stories about how different the people were in various countries, and yet how similar. His attitude was: Lord, so much is interesting in the world, and it is so interesting to live like that! How much more I have yet to see, how much more I have yet to find out! Dima was in a hurry to live...

Dima loved people a lot. He was interested in talking with both young and old, and he found common ground with everyone. He could speak peacefully with evil people, that is, those who are carrying evil inside. He let it all in, and carried it close to his own

heart. He shared joy, and tried to alleviate whatever pain it was that bothered another, at times even forgetting that he too needed help. He loved people a lot...

Everyone loved him. If some problems occurred during production, it would be Dima who went to straighten them out. The overheated passions would cool down, and unneeded shouts would become quiet. Calmly, and with iron logic, he answered the hard questions using Leopold the Cat's from the Russian cartoon maxim: "Boys, let's live as friends!" Women could come cry on his shoulder, knowing that he would not trumpet their problems to the world. Men could come to him for advice on complex work of life episodes, knowing that he never advised anything stupid. But with children — with children he was a big, funny kid with a thunderous laugh and a smile 'on all 32 teeth'. Everyone loved him...

You say that there is no one like this? That Dima is too much like a fairy tale prince from some long-forgotten story? I would also think this, but what can I do if I KNEW this 'prince' and was his friend? I did not invent anything, and what's more, there is a lot that I have not told about him, and I am not afraid to use the word, extraordinary person. There is always a place for miracles in life, the miracle of being a GOOD PERSON. Each day you paint with all the colors of the rainbow, and you understand that life is not just beautiful, but it has a point, because you leave your mark on it, and this mark can be bright and pure, or perhaps smeared with mud — it is your choice. Dima chose his own bright road, and traveled it, with honor, to the end. You say that there is no one like that...

I am smiling, because once again I am remembering Dima!

Written by Alexey Pershin, his friend

CHIZHIKOVA, LIDIYA

Age 52, from Kolomna, Moscow District, Russia.

Lidiya Alexeevna Chizhikova was born in Kolomna on October 23rd, 1950. 'Lida' was the only girl in the family. After school she entered the radio-technical institute in Ryazan. After graduation there she worked as a construction engineer at the KGM factory in Kolomna. She worked for 29 years on many complex projects. She was the leader of her group and was greatly valued and respected as a kind, attentive person who knew her specialty. After her death her group decided to leave her workbench empty for a long time, placing only fresh flowers there each day.

We know Lida as a merry, cheerful, considerate, and remarkable person, always there at a difficult time. There was no one with whom she had a quarrel. She was able to share your worries and do a kind deed without asking anything in return. When her uncle had a stroke and lost the ability to speak, she cared for him for a long time. We consider her greatest trait, however, her love of life and family, relatives, and friends.

Lida related to her family with great care, trying to protect it from problems and

disappointments. When she was offered a management position, which would mean a lot of work-related travel, she refused because of her family. Lida was a good wife and a beautiful mother. To her daughter she was the wisest and closest friend and helper. And to Lida her daughter Sveta was the same.

We were very close to 'Lidunka' throughout our lives. She was always there, talking about various things, and we listened to her sage advice and shared our everyday difficulties and joys with her. She was not just a relative to us by blood, but in spirit, and this is even more dear.

Lida liked nature: she loved her garden, which was always maintained idyllically. She loved to walk in the woods, to collect mushrooms and berries. There were many flowers at her house, some of which died after Lida's death, as if sharing her fate.

While still a student she took excursions along the mountain streams in Karelia. She loved to relax at the sea while sleeping in a tent. The last time she vacationed at the sea, in August of 2002, Lida returned home with regrets, saying: "What if I never return here again?" No one even thought that these words would be prophetic.

For her 52nd birthday we got her tickets to the ill-fated show, which was to be for her the last. Her loved ones tried talking her into taking tickets for a different date; the 23rd was a workday. She said, however, that then it would not be a real birthday present.

It was very bad weather that day, and the garage door lock just would not open. Her husband said they should not drive to Moscow because of the bad roads, but, like a moth flies to the flame, so too did she strive to reach the play. Thus she happened to be at 'Nord-Ost' in the theater on Dubrovka, with her husband Valerian, her daughter Svetlana, son-in-law Alexandr, and her son-in-law's mother Galina Vladimirovna.

It would be impossible to describe our feelings and worries when they first broadcast the news of the siege of the theater on Dubrovka on the evening of October 23rd, 2002. For those days we remained under huge stress, calling the hotlines but never receiving the needed information.

Somehow Lida managed to call us on the evening of the 25th. She was quick and abrupt, asking us to fulfill a few requests for her as if bidding us farewell. Even though she was by nature an optimist, her last words were: "We aren't going to get out of here." Her daughter said that at the theater she kept everyone's spirits up, helping them to make it through the adversities of the prevailing situation.

We did not find her among the living after the hostages were freed, and this is very difficult to get used to. We miss her a lot, but "a friend does not die, they merely cease to be next to us."

We will always remember her, remember and grieve.

Written by her relatives, the Ruskovs, Guskovs, and Tsarkovs

DEVEEN, ANDREY

Age 21; from Moscow, Russia.

Andrey died at a time when his life seemed to be at its best. He had success in college (he was in his fourth year at the Moscow physics institute), and studied Aikido where he met many friends and fellow enthusiasts.

Andrey read a lot, studying psychology so that he could freely converse with all types of people and prepared himself for a good family life. He once told me: “Mom, I need to learn a lot so that I can answer whatever question my child might have.”

While he was still in elementary school the other boys picked on him, though he was no weakling. One day I told him to fight back, but he replied: “Mom, what

if I break his arm?”

In childhood he was very sad that he could not make friends in school, and so, while growing up, he began to read a lot about cooperation between people. Whenever he was asked to help, he always hurried to give assistance.

After school he entered the Moscow institute’s prep school, and his relationships with his classmates got better. He organized the purchase of flowers for girls on the holidays, and was very attentive to them. He got good grades, took part in the math and physics Olympiads, and after graduation he was accepted into the Moscow institute without having to take the entry exams.

Gradually everything began to come together well. Andrey was especially happy when he was practicing Aikido. He was in a marvelous group, and it was like his second home. His teacher David said that he had never before seen such boys who could accomplish so much in only two years. This fighting technique requires not so much strength as it does power of the mind. Andrey met many remarkable people in this group. Vladimir Solovyev, director of the TV program ‘On to the Barriers’, also worked out with them.

Andrey began teaching Aikido to 10-12 year olds, and he would return home happily, saying: “They are so wonderful.” All his thoughts and plans revolved around Aikido, and he treated his teachers David and Oksana with great respect.

He wanted to get to know everything in life: from interpersonal relationships to cooking. He loved the tea ritual and tried many different kinds of tea, from green to black, explaining how best to prepare and pour them.

But he never reached to peak of happiness.

One hundred and fifty people came to Andryukha’s funeral. I looked at him and said: “You lived only 21 years, but so many came to see you off on your last journey.” Friends even came from Germany.

I found out a lot about him after his death. It is true that parents do not really know everything about their children. Because of everyday worries and work we spend so little time together, rarely opening our hearts to each other, and so later we regret it when it can never be returned.

Our family was faced with the worst of tortures — the loss of a child and a brother.

No one really knows what awaits us in the afterlife, but one wishes to believe that there will be life after death.

Written by his mother, father, and sister

Andrey and I met at the weekend house when we were both five years old. The following eleven years we spent every summer together.

Many funny events are connected with this time. One day, for example, after a period of heavy rains when the drainage ditches were overflowing with water, we decided to go 'sailing'. For "boats" we used our boots! We sent our boots through a pipe that went under the road. We were able to catch mine, but Andrey's sank, and he had to return home barefoot, but a month later we found the missing boot about a kilometer away.

Another time, while riding bikes, we decided to cross a puddle on high speed. The puddle, it turned out, was very deep. I was a bit quicker than Andrey and managed to jump off my bike in time, but Andrey did not make it... There were a lot of adventures like this, but time already erases much from memory.

'Andryukha' was a great fellow! Happy and industrious, he was always ready to help you at a difficult time. In later years, it is true, we rarely saw each other, and talked mostly on the phone. Perhaps it was because we lived rather far from each other, and of course as you grow up your interests change. I regret it now.

It really is true that you begin to realize how dear a person is to you only after you lose them. You start to regret all the things you never managed to do together, and how rare you saw each other...

I unexpectedly found out the Andrey was gone when I came home. My first sensation was shock. It was difficult to believe that the one who was connected to your happiest years, your childhood, is no more...

Andrey will remain forever in my memory.

Written by Anton Kisin

Some time ago a young man came to my dojo and said "Sensei I have read many books about Aikido and in particular about Master Gozo Shioda, please may I join your classes" and nearly every day since that time young Andrey has trained at my side.

Some months ago Andrey said "Sensei I wish to become your Deshi, I realize that I cannot become a deshi in the real sense but I will do the best that I can".

Andrey did his best to become a true deshi and Aikidoka of Yoshinkan he watched my every moment to try and sense my needs, I remember each morning as I arrive at the dojo for training Andrey would always be there before me waiting for me to arrive so that he could carry my bags from my car to the dojo. And how one day he said to me with such pride "Sensei, I have studied from several books on how to fold the Hakama now I have learnt several ways to beautifully fold your Hakama, at the recent seminar here in Moscow with Kancho Inoue Sensei every coffee and lunch break would find Andrey standing outside the room where Kancho rested between training, and one lunch time I said 'Andrey, please go and eat lunch. he says 'I can't sensei maybe you or Kancho will need something, and I must study Nakano Sensei to learn how to be a true deshi'.

Sadly Andrey, his Mother and Father went to see the musical 'North East' and as the

world knows the theater was subjected to an act of terrorism as result of this Andrey died, and his funeral took place on Saturday 2nd November 2002. All of Misogikan students came to say good bye to this young Aikidoka who was an inspiration to all.

Andrey's dream was to earn the black belt of Yoshinkan, technically he was already at this standard and was to take his examination in the new year. Prior to his coffin being sealed and in the time when every one could say their last farewells to him, I posthumously awarded him his Shodan and with his Mothers permission placed my black belt in his coffin from all of us who love Aikido.

Written by David Eayrs, Misogikan

ELMURADOVA, IRINA

Age 45; from Lobnya, Moscow District, Russia.

Irina Fyodorovna Elmuradova was born on December 9th, 1956, in the village of Nekrasovsky in the Dmitrovsky region of the Moscow district. She graduated from high school in 1974 and entered the N. E. Bauman technical institute in Moscow. She graduated from there in 1980 with a degree in hydro-pneumatics and hydraulic lines. In April of 1979 she married Ruidin Dilmuradovich Elmuradov. In 1980 their son Alisher was born, and in 1992 their second son Ilyaz.

In 1981 Irina was assigned as an engineer at the state civil aviation scientific research institute. She worked there until 1997.

In January of 1998 she went to work at Aeroflot Russian Airlines, Inc.

This tragedy cut short the life of a remarkable, beautiful woman, and mother of two children. She was known as an excellent person, a competent specialist, and a loyal and reliable friend.

OLDEST SON ALISHER'S STORY:

Mom was a unique person, her vital energy sufficed enough for family, work, and friends. She was always upright, beautiful, in good spirits, and ready to help anyone. She was an excellent homemaker, a charming woman, the best of mothers, and a devoted wife. There are three men in our family — father, my little brother, and I, and she always found common ground with us. She found time for each of us, and was a supportive and reliable friend.

She loved the theater and traveling very much. She attended all premiers and traveled almost the entire world.

Besides family she also had work, where she was valued, honored, and loved. It has already been six years and on the day of her death her grave is covered with flowers not just from her relatives, but her colleagues as well.

I got married not long before the tragedy. In 2005 I had a son, the grandson that she was never able to see.

Her death has made our family orphans. We lost someone who was our most loved and dear of people.

Written by the Elmuradov family

FADEYEV, YAROSLAV

Age 15; from Moscow, Russia.

I am writing about my son. Just something brief, a few sentences. Not so long ago I would have said that this was impossible.

I do not know who I am writing to. To you, my son? To others? To myself?

My Son, my love, my happiness. It all merges into one. Is it possible to place limits on happiness? Boundaries? Apparently, it is. Life is not straightforward. On the heels of motherly love, which in my case was definitely blind, came a rude awakening, sudden and unexpected.

A granite slab with a set of dates. The first date is the happiest: November 18th, 1986. The last... the last date is October 26th, 2002. These ARE 'boundaries' to happiness.

When talking about a child, people usually describe that first smile, that first word, the first step, and the first book, but with Yaroslav everything is different. My description begins from the end, because most precious to me are his last words. While we were imprisoned in the theater, Yaroslav still thought about us, his loved ones, and others. He was even more concerned about those 'on the outside' than he was about himself. He did not utter a single word about his discomfort, or the stuffy air, or his thirst, or even his fear.

"Mama," he asked me. "Are you afraid?"

Yes, my son, I am very afraid. I am afraid to live without you, for I cannot.

It seemed like we had been together forever. Yaroslav could always find a word of support for someone. To convince, to pacify, to comfort and reassure them. Not yet 16, he would sit quietly and hold my hand on those days when words were just not needed. His heart was wise beyond his years.

Your last steps, my son, were more precious than your first steps in childhood: you went over and hugged your sister. She was older than you, but suddenly you were so much stronger. Then you took my hand, and those doubts you once had, when you were unsure of yourself and felt that you were too weak, that you were not as good as the other boys, those all dissolved in an instant as you shielded us and tried to protect us from everything that was ugly and frightening and cruel.

Yaroslav loved Moscow. It was his city. He loved his neighborhood, and his street. I am not going to list all of his favorite places, because there are too many, his favorite theaters and exhibitions. We used to drive around Moscow in the evenings. It was a good time to share our problems and voice our concerns. I often presented my reasons and arguments for him to judge. This was our method of managing his teenage and

my 'mid-life' crises. "The city at night is the best psychologist," said my son. Not quite 16, Yaroslav was like an adult inside, and took an adult approach to dealing with both his and my problems. He gave serious and thoughtful consideration to the most minor occurrences. While some teenagers may lie, or talk back to, or just not pay attention to their parents and others, Yaroslav always took care not to hurt someone. Words moved him easily and deeply, as did the tone of a voice. A harsh word, or a loud one, would cause him pain. He would not take anything lightly. Happiness and joy meant sunshine. Bad news — darkness and gloom.

Yes, my only son, you were not like other boys — you were better. You were better than me. I know it was difficult for you to live with such a sensitive heart, but you managed somehow.

Friends and relatives found Yaroslav's ability to distinguish good from evil surprising. At times it was difficult for him to explain all those thoughts and feelings that were buried inside.

This changes with age, Yaroslav. If one gets to live that long.

A bit more about him. What did he accomplish? Yaroslav graduated from the school of music. "Like many others," you could say. No! He was too shy to play for other people. Even at school, when friends asked, he would not dare. I scolded him for that, but now I ask his forgiveness. He needed the music! Oh, how beautifully he played for Ksusha, his girlfriend. It was like his secret language, without words. On October 26th, 2002, his conversation was interrupted. Mozart and Rachmaninov remain behind, and now I understand the reason for his hours of practice. He wanted to play just once. Not for everyone, not for a crowd, or friends, but for one special person.

Yaroslav was an avid reader, and a good storyteller. He impersonated the characters, like an actor would.

I often asked him to read out loud.

Shakespeare's 'Hamlet' was our last book together. Whenever he was engrossed in reading, he would not stop for 3 hours straight. Now the book lies on his desk. I am afraid to pick it up and open it. I am afraid, because now it will be silent. Like his CDs and cassettes that he placed on the shelves are silent.

Classical music was Yaroslav's only interest, and all his friends knew that he could not tell them the title of the latest hit, or the name of some band, or where the singer was born. He did not talk about his likes and dislikes, and did not blindly follow what was in fashion. I will not disclose his secrets, but quite unexpectedly we discovered albums of the Russian bards of music: Kukin, Gorodnitsky, Mitayev. It seems that Yaroslav loved Mitayev's song 'Fall in the park', a song about war, about a young fellow. I listened to it, and now I think that it was not an accidental choice.

Tennis lessons brought us a lot of joy, in spite of the rigors of lessons. Yaroslav took his hobbies seriously, and was a true fan of our tennis players. One night he dreamed of them winning the Davis Cup, and they did. I told him about it...at the cemetery. Yaroslav did not get to live, and even though everyone rejoiced at the victory, my son could not. I wanted to write to Kafelnikov and Safin to tell them about a 15-year-old boy named Yaroslav Fadeyev, who pasted their posters all over his room.

I have decided to whom I am writing this letter. I am writing it to you, the people, to tell about just one of the many innocent children whose fates were decided on October 26th, 2002.

It was such a great happiness to have a son who was so grown up, to have someone to talk to. It is devastating to only have his pictures to talk to, the many pictures that he left behind in his short but wondrous life.

Written by his mother, Irina Fadeyeva (www.nordostjustice.org)

FINOGENOV, IGOR

Age 32; from Moscow, Russia.

To write down my memories of my brother is difficult, even four years after his death. Yes, and it is difficult to describe a person whom you know so well in mere words, a person with whom you spent your whole life.

Igor Finogenov was born on September 16th, 1970, and was about 3 years and 8 months my senior. He was my biologic brother, and many of his interests had an effect on my life: his music studies, his hobbies in photography, cinematography, and sports — all these became my interests and hobbies as well. Back when we were kids, we grew up in a simple, half-empty Russian village, somewhere on the edge of the Penza region. Our aunt was like a second

mother to us, and we spent almost every summer vacation with her. We had a warm and happy childhood.

I do not know where he learned it from, but even back then he knew how to do everything — he had “golden hands”, and, of course, taught me an awful lot.

In first grade he was in the figure skating section, and later he entertained himself with chemistry, boxing, swimming, heavy athletics, computer programming; in his later years he read science fiction, psychology, philosophy, history, and about travels through the heart of the Russian land. He read a lot, and quickly, too. Once he even gave away his television so that he would not be distracted. Many “fierce arguments” occurred with regards to our nation’s recent past, especially with the appearance of new treatises on Russian history. With the help of philosophy and psychology, we attempted to formulate the meaning of life, and to understand our place in the world. Igor was not a religious person — his study of Russian history had destroyed his respect for the ecclesiastical elite. Therefore, a faith in Christian values, implanted by our mother in his absolutely pragmatic and materialistic core created an inexplicable cocktail of harsh and completely merciless logic, and an unexplainable, insurmountable faith in goodness and justice, which was often destructive to his own self.

On finishing school, Igor entered the Moscow Institute, but for some reason left after the first class, and went to serve in the army. I still do not understand how our parents allowed this. Those were some dangerous years, and he found himself in hot spots in Nagorny Karabakh, Nakhichevan, Tskhinvali, and Pridnestrov’e. He earned the right to wear the beret of an elite army unit and became a member of the interior ministry’s special forces. I remember how the family would sit in front of the television in the evenings, listening to the names of those killed in action in the places

where my brother was serving.

We were fortunate — in the fall of 1991 Igor came home alive and well, though he never wanted to talk about his service in the army. Obviously, he had his reasons.

That same autumn, after passing through the “gauntlet” (when you have to fight 10 to 15 soldiers in a row without a break), Igor was accepted into a special operations unit of the Moscow police department, where he served right up until ‘Nord-Ost’.

I do not recall when it was that he ceased to teach me as older brother, and when it was that we established a solid dialogue. Perhaps, it was when I was in 3rd or 4th grade. Later, everything was ideal. I never tried to evaluate our relationship — we simply understood and trusted one another. It was very important, since our stepfather had returned to his old family at the end of 1991. We had to orient ourselves in life to one another, while our mother, though she still loved us as much as she could, never understood us at this level. My brother and I could pass volumes of information between each other with a simple look in the eye. We could get by without words. It was like breathing fresh air — you just knew that it was normal, as it should be, and as it always would be.

Igor did not like musicals (he preferred books to plays a hundred times more), but he could not refuse to watch ‘Nord-Ost’ with his girl. That is how they went — Igor and Lena. That is how they sat there under the gun barrels of the bandits, in the 9th row, in seats 31 and 32, right up until the storming of the theater. When they noticed and felt the gas, they tried to protect themselves with handkerchiefs, but Lena lost consciousness after 15 minutes.

Mother was sick at the time. I did not tell her that Igor had been taken hostage. I lied, and said that he was able to escape and was on duty with his unit at Dubrovka. At the time I was more afraid of the terrorists than of a hostage rescue operation. More than anything, we were afraid that he would do some crazy heroic thing, as he did in 1993, when he saved a wounded fellow by yanking him out of the line of fire almost from under the wheels of a burning BTR. He did not fear death or supervisors, many of whom he was always irritating, but he conducted himself at work and in life as one who would not bow down. We were hoping that Lena would stop him from doing something foolish, especially when the moment of the assault would come.

Igor called his unit’s command post when the terrorists seized the theater, and they were able to go on alert, draw weapons, and arrive at the scene even before orders came from higher up. They were the first to take charge of the situation and close the approaches to the theater complex. They were ready to fight, but received orders to disengage, and the whole operation was then taken over by the FSB. Igor’s mates were disappointed that they did not go in and save him and the others, in those minutes before the terrorists could set their explosives all over the theater. Who knew back then how everything would turn out?

Igor’s comrades, and later myself, were only able to see Igor on October 26th, in Morgue #7. Physicians brought mother to the cemetery in a wheelchair — her illness had seemed to lessen, but then internal bleeding began unexpectedly.

I do not remember what happened afterwards. Igor’s friends took care of all the details of the funeral. I only recall how many people came to bid him farewell — many even from first grade. Igor, obviously, was not only a good friend to me, but to many, many others. I still do not understand how he could have touched the hearts of such

a huge number of people. I have a feeling that there was a lot I did not know about my brother.

Igor's friends still come visit our mother: they talk about him, they are supportive, bring gifts and money. I cannot even begin to say how many calls we receive.

Only now have we been able to begin to look through the old family albums with Igor's pictures. We still are not ready, however, to look at videos, or to read his diaries or writings.

On October 25th, while still a hostage in the theater hall, Igor sent a message to a former classmate, Masha Rumyantseva. She was with us during the days of the hostage crisis, and Igor text-messaged her instead of me in order to spare me the worry. He wrote: "If there was something — please forgive me."

Yet, can we forgive ourselves, can we feel alright in the heart before the memory of our relatives, can we look into the eyes of their friends and loved ones, if people still do not know what went on at 'Nord-Ost'? If our compatriots still do not know who were the heroes and who were the traitors there? If we have not rendered to each in turn their just reward?

Written by his brother, Pavel Finogenov

FROLOVS YEVGENIY & VERA

Age 34 (Yevgeniy) and 31 (Vera)

Yevgeniy Vladimirovich Frolov was born on August 12th, 1968. He was at the theater with his wife, Vera Viktorovna Frolova. They both perished, leaving behind their two young sons, Sasha and Misha.

Zhenya was born in 1968, on Monday, the 12th of August. He was my second son. I was a young mother — at age 23 I already had two sons. 'Zhenka' was a wanted, and well-loved child, in general he was like

his older brother Andrey. The boys grew up suddenly and unexpectedly — crèche, kindergarten, and pioneer summer camp. They attended School #912 in the Volgo-grad Region, where among their favorite teachers was their history teacher Razzhab Muslimovich, and mathematics teacher Nina Maximovna, as well as their sometimes too strict class director Nina Ivanovna.

School, lessons, discothèques, and his favorite sport — soccer, it all dashed past so fast, and then childhood was over. Once the schooldays were behind him, he did two years of military service in Azerbaijan.

He came home at the end of 1988, took a month off, and then went to work. He could

not live off his parents at the age of 20! He worked at the USSR Bank as a computer operator while completing night school.

Time passed. Zhenya met Vera; they fell in love, and decided to marry. Unfortunately, at the time 'Verochka' (Vera) had been orphaned. She lived alone and worked at the government research institute. Her mother's death left her very shaken, and as a result she suffered from depression. During this time Zhenya gave Vera support and helped the young girl cope with her first big blow in life. There were dates at the theaters, parties with friends, and later the wedding. Vera turned into a loud and happy girl.

The young couple were happy, and it seemed that their happiness would be endless, but it only lasted 7 ½ years. But during this time they managed to leave their mark on this world.

Verochka and Zhenya succeeded in building a lovely home with a small but amazing garden where there were apple, cherry, and plum trees, and, of course, many different flowers: roses, lilies, dahlias, irises, phlox, zinnia, daisies, and so forth. But most of all, their most prized possessions were their two remarkable sons, Sasha and Misha.

Zhenya and Vera were good parents and loved their two mischievous boys very much. They tried to spend all their free time with the children. They went to the circus, the zoo, and to exhibitions and shows. They often went to Kuzminki Park — in the winter there was ice skating and sledding, while in the summer the family would go there to barbecue with friends. The children were always by their side, they went everywhere together. What marvelous creations Zhenya and Sasha would build out of Legos! Misha, however, could only watch — he was still very small. With their mother the boys made Christmas tree decorations, like we used to do back in the 1970s and 1980s.

Sasha, the oldest boy, had the habit of seeing a task to the end, and was very clean and orderly. They inherited from their parents a desire to help grandfather and grandmother with their housework and in the garden. There are many pictures in the family photo albums where one can see how much the children loved life with their mother and father.

Zhenya worked a lot, but he only worked so that neither the children nor their mother would lack in anything, and worked to buy appliances for the house. Zhenya did not wish for Vera to be overwhelmed in household chores, which everyone knows are rarely noticed but rather difficult.

Youth, a huge amount of energy and great love her children and husband, all this gave Verochka the strength to keep the home in order, and her husband and children well-fed and neatly dressed.

On birthdays and other family holidays, many young guests would come to celebrate with Zhenya and Vera: Vera's girlfriends with their husbands and children, Zhenya's friends, and his older brother also with his family. There was always enough for everyone. Vera and Zhenya together would whip up a bunch of salads and other dishes, and for tea Vera always baked cookies, her specialty. a very happy and tasty time was to be had by all.

Their toils increased when they bought a plot of land in the country. They began to build a cottage, and to work the soil. In general it was work, work, work, and mostly just the two of them, but within two years they had fruit trees, and their garden was producing.

Vera loved to work the land, and for winter prepared canned fruits and vegetables, jams and jellies. She put her heart into it and wished for everyone to enjoy her “supplies”, as she loved to call them. And how many mushrooms did they gather, dry, freeze, and marinate! Zhenya could scarcely manage to get it all back to their apartment in Moscow. Vera was a very kind person, and would share it all with relatives and friends.

Their nice, pretty house was finished in October of 2002, and they expected to spend the whole next summer with the children at the dacha, in peace and happiness.

But life decided otherwise.

On the evening of October 23rd I went to their apartment to babysit the grandchildren while Vera and Zhenya went to the show. Vera gave me her last instructions — what to feed the boys, what time to put them to bed. It was Wednesday, and Misha had to go to kindergarten the next day, while Sasha had to be up for school. Just as the boys had fallen asleep, my husband called and said: “Turn on the television...”

And so began the days of uncertainty, horror, waiting, and, of course, hope. Hope that it would all end well, hope that an agreement could be reached between the terrorists and our government and the president. Hope that, in the end, all the hostages, tormented and emaciated by their three-day famine and the mockeries of terrorists, would return home alive and in one piece to their families, to their parents, husbands, and wives, and to their children. But our dear Zhenya and Verochka were never to return to us.

My Zhenechka and Vera died the same day and at almost the same hour, just like in old fairytales where young couples swear eternal love to the grave. And thus it happened, only it was not a fairytale, but real life where death touches the young who are full of life and plans for the future, “practically healthy” people. And it is horrible, it is unjust, it is uncivilized, it is impossible to believe, but this is how it is.

Sasha and Misha were suddenly orphaned and are never again to pronounce those words most dear to every person: Mama and Papa. My husband and I were deprived of a loving son, Andrey and Yulia lost a brother, and Zhenya’s many friends lost a true and loyal friend. My husband and I lost our happy and kind daughter, the loving mother of Sasha and Misha.

There is emptiness and desperation in our hearts. The grandchildren or so small... Oh, Lord, give us the strength, and, most of all — health, to raise them.

It has been five years since the tragedy. The pain of the loss of dear and loving children does not end; it has become a sharp splinter in our hearts and will torment and torture us for the rest of our lives.

One hopes that these simple recollections about Zhenya and Vera will be read by their children and friends so that they could recall their smiles, laughter, voices, and their faces, which are now forever young.

Written by Zhenya’s mother, Larissa Nikolayevna Frolova

What was he like? He was the best person I have ever known in my life. Right now it is very difficult to describe him, to evaluate him. Who would be interested in him besides us, his relatives and acquaintances, those who were fortunate enough to know him?

Perhaps no one really knew him as well as I did. Almost twenty years of childhood

and youth, then ten years of work together, plus all our interests and friends in common. It seems to me that one cannot describe him; you would have to know him. He never did anything just for show, never asked anyone for anything, never debased anyone or fawned over them. There was nothing false about him. I catch myself now thinking about stamps... he was not a stamp, but upright, happy, and kind.

If everyone could be a little bit like him, then the world would be a paradise. I am teaching my children to be like 'Zhenya' (his nickname), to could never offend anyone in word or deed, and knew how to forgive. He always forgave everything, and never remembered the bad. In general he was a happy person, who one day suddenly was no more.

Written by Zhenya's older brother, Andrey

Vera. Verochka. Verunka, how can I accept the fact that you and Yevgeniy are no more?

Since birth we lived next door, in adjacent stairwells: you were in the third stairwell, and I was in the fourth, and together we would play hide and seek, cops and robbers, mother and daughter, hopscotch and jump rope. Then we went to school: you were in class 1-G, and I was in 1-A, but we shared recess. Then in the 4th grade, your class was split up and you joined mine, and we were together ever since. Wintertime we went skiing at Kuzminki in our ridiculous hats with earflaps. In the summers you usually went to relatives in the Ukraine, while I went to summer camp, but we always waited impatiently after separation until we would meet again.

How we loved skating on the 'box' out in the yard! In the evenings, it was already dark and the only light was from a streetlight and the boys were done playing hockey and had left. Then we both would skate to music that we sang ourselves. We pretended to be figure skaters "working on our jumps," and we would fall down and laugh at ourselves. And we loved to hold hands and skip along the snowy trails, singing: "It's fun to walk together" and "The forest deer" and even some children's songs. Who else was with us back then? It seems that it might have been Natasha Mitrofanova or Marina Kirpichenkova, and when we got a little older we would go to Veronika's house for songs. Veronika would be on the piano (she was the only one who knew how to play), and we would sing! Remember what our favorite song was back then? "I will not be waiting for you on the beach, sorry, I can't live like that anymore..." You were so happy that you laughed yourself to tears!

I remember our silly childhood fights, but what was it that we fought about? Who cares if it was a flock of crows or jackdaws that flew over our carefree heads? I do not know why, but I always made up with you first. Now I think that it was a sign that I needed to protect you... that there would be troubles... and you would have to suffer... so I could at least yield to you these little things and spare you...

What were we not into back then? We went to macramé and knitting circles, and dances. At the ball you were always the best, and everyone fought to get you in their arms. I was always surprised at your patience in knitting all those caps and socks and scarves, and how you always finished whatever you started. You stayed that way when you became a wife and mother. I remember the first time I came to see you and Yevgeniy out at your weekend cottage, and how amazed I was at your flowerbeds and gardens! You grew so much produce, and then salted and pickled it all! What a home

you and Yevgeniy put together! Everything you did somehow went right and was a success: your home, your children, your husband — these were your sole cares, your loves, and the meaning of your life. You were a loving, and beloved wife, a wonderful mother, and a wonderful hostess.

I always thought that it was as if your family was straight out of a fairy tale: “and they lived happily ever after, loving each other, and....” I never expected that the continuation of this phrase would happen so soon. You were so young, your kids were so small, and you were so happy! “...They died the same day.” This is terrifying, and irrevocable!

You were always quick to respond and ready to fly to the rescue, and people around you responded in kind. A lot happened in our lives and in our friendship. I remember your wedding day. My husband and I came early so that I could help you do your hair, but you were almost crying because you had dyed your hair and overdid it and it was like straw and you could not do anything with it. After our efforts, your hair suddenly turned pink, and this shade really went well with your complexion. You were a real bride! And your mood was great: nothing can spoil beauty!

August 2002, two months before the tragedy. My husband and son and I were visiting you at your weekend cottage. It was cool out, and you and I were sitting outside, wrapped in blankets. Suddenly you said that you wanted to get your boys baptized the next day. We could not stay: my husband had to be at work, but I said we could do it some other time, it was not as if this were the last time we would see each other.

But it was the last time. After that, we only talked to each other on the phone, and never got together until the cemetery. No longer would I see your smile, and no more would I hear your laughter or see that provocative and familiar twinkle in your eye, or feel the warmth of your presence.

My closest friend and her husband had died. All I had were the tears in my eyes and a ringing silence. Later I grew numb, and no longer felt what was happening, because the grief and pain turned my heart to stone...

At the cemetery in Kuzminki, your portraits smile from the headstone. You are both “gone with the Nord-Ost,” and you and Yevgeniy watch me whenever I come visit you. Everything now is divided into before October 26th, 2002, and after.

Well, my dears, time flees. Your children are growing up. Your grandparents are doing their best at raising and educating them, and they bestow them with their love and care. But they miss you, their mom and dad, so much! As do all of us, your loved ones who remain. How are you there? We remember you, and love you very much.

Written by Lena Malinovskaya

FROLOVA, DARYA

Age 13; from Moscow, Russia.

Almost all of Dasha Frolova's class at the Golden Profile private school attended the performance of 'Nord-Ost'. Dasha was the youngest. Her classmates were 14 and 15 years old. Little Dasha was only 13. She was a straight-A student, and yet the biggest fidget in her class...

When 'Nord-Ost' was taken over by the terrorists, Dasha's grandfather was able to break through the outermost police cordon. He wanted to take his granddaughter's place, but the police stopped the elderly man...

The dead children from Dubrovka were placed in Morgue No. 2, but relatives did not find this out until two days later.

They kept hoping. Dasha's mother, Tatiana, was even able to phone Emergency Ministries chief Shoiga, who was able to find the servicemember who remembered carrying a girl who looked like Dasha from the theater hall. Very similar, and in the same clothing. And alive. All the hotlines assured the Frolovas that Dasha was not among the dead. Her relatives thought that she might be in intensive care with those who still had not yet regained consciousness. Now they are certain that little Dasha was already dead that morning.

Teachers from Dasha's school identified her a day later. "She was perhaps the first to die," says Antonina Pavlovna, Dasha's grandmother. Tears stream down her cheeks. "She was healthy, but very thin, and hadn't had anything to eat since Wednesday. It shouldn't have taken a lot of gas. At the morgue they said to me: 'Straight nose, arched brows, European facial type, she looks a lot like you — your granddaughter was very pretty'."

On the last Wednesday of her life, Dasha went to school in the morning, and after classes did her homework. Towards evening she called her mother at home, to make sure that it was still alright to go with her class to the play.

"You have a cold," her mother reminded her. "Maybe you should just come home?" Dasha, however, wanted to go.

A day before her death, Dasha called her father. "Everything's okay," she tried to calm her father. "They fed us, and even gave us sandwiches and something to drink."

"What outraged us more than anything, was that for two days we didn't know anything, while the authorities on TV kept saying that there were no children among the dead!" Dasha's grandparents say.

"Our little flower is no more," cries grandmother. "Now our life has no meaning. We prayed to the Almighty so that we could live just to see Dasha grow up."

The girl liked geography and historical novels. She was very sociable, and could speak perfect English. She even gave tours to foreign visitors. Once little Dasha promised to buy her father — an inveterate fisherman — his own, private island: "There you can fish to your heart's content!"

Recently Dasha asked for a dog for her birthday. She said that she wanted to have someone warm nearby, whom she could hug and talk to...

Written by Olga Demidova, 'Moskovskiy komsomolets', October 30st, 2002

Tatiana Frolova was not able to read her daughter's last words until four months later, in February of 2004.

"I felt it. I knew that she would have left me something behind," says Tatiana. She speaks in a steady and distinct voice, because she is a very strong-willed person. On the palm of her left hand, Dasha wrote: "We won't die, but we don't need war anymore." The pathologist recorded this during the autopsy.

This document, in turn, was classified as confidential criminal case material. The investigative organs decided that neither Tatiana Frolova, nor anyone else, needed to know Dasha's last words.

Written by Anna Politkovskaya, 'Novaya gazeta', February 26st, 2004

GERASIMOV, ARKADIY

Age 23; from Moscow, Russia.

Arkadiy attended college, and after graduation he attended the finance academy and worked as an economist for one of the government agencies.

His whole life he was very kind and good-natured, always trying to help those around him. From his college days and after graduation he would meet with boys from younger classes and go on outings and kayaking with them, and in the evenings they would tell stories in front of the campfire. Arkadiy's friends and teachers say that it is difficult to overestimate his influence on the upbringing of these boys. At work he was valued as a conscientious and knowledgeable specialist, who after only a short time on the job was already promoted. It was his second time at 'Nord-Ost' — he only went again in order to show his favorite musical to his friends and teacher.

The loss of such a person and others no less significant to our country should not pass unnoted.

Written by his father, Andrey Gerasimov

From 2002 to 2003, those who taught and went to school with Arkadiy created an album, titled: "About our Arkadiy". The following is but a fraction of the materials from that album, which is available in full on the website of Moscow School #1314.

1992. First time in 8th Grade

Together with my students, I walked through the doors of the school for the first time. The students are so different!

Arkadiy immediately attracted my attention: small, disheveled, and with a charmingly good-natured smile, he could just not sit still. It turned out that this would be a problem, sitting through an entire ninety-minute session. And so we decided that whenever he got tired, we would go saunter up and down the hallway so that he could rest and be able to continue his class work. He would leave the classroom, make

a couple of passes up and down the corridor, then return. It helped him concentrate. By the second half of the year he no longer needed these “promenades”, and gradually he got used to the 1 & ½ hour lessons. But somehow I still remember.

He did very well. Somehow, all at once, he was among the favorites, and even though it is perhaps it's not right for a teacher, I could not hide my sympathies. He aspired to be to do so much and participate in everything. He was interested in everything, and most importantly he was not afraid to ask questions. He wanted to understand things.

I called him Hare. When and why I called him that, I do not remember, but this appellation became for me, and for him, familiar and dear right away. And even in class he was called Hare. They say that nicknames are a bad thing. Perhaps, but Hare did not offend Arkadiy. There was something “white and fluffy” in his attitude toward people, and this attracted them to him like a magnet.

1993. The first major act of an grown up.

Have you ever tried at age 14 to explain to an adult teacher that they are wrong? And have you ever had the courage to do so on behalf of the entire class? Honestly, I would not have been able to do this. But Arkashka could! None of the brightest students resolved to do this, only he did, dear Hare, and for the first time I realized that this person would never betray you during a difficult moment, that he was ready to stand by you.

1994 to 1995

I remember many outings. a waterlogged summer and our first attempts at kayaks. The first failures, but a great desire to learn how to operate those boats! Even back then, on these outings, Arkashka's most valuable quality was manifested: he would get up before anyone else and make a fire. Whoever's been camping knows how hard it is in the morning to climb out of a nice, warm sleeping bag, and leave the tent and go out onto the dew. And even more dear than the warmth that a fire brings is the warmth a Friend gives you. Hare was always ready to share his warmth, by tossing his jacket onto your shoulders, or saying a few words at a difficult moment, or by just smiling.

1996. Senior year

I remember a feeling that I had nothing to do at work. If you do not count scribbling on paper, then as the class teacher I did almost nothing. The boys were older, and they knew what to do and how to do it. They did not need a teacher! And I distinctly remember how frightened I was at the thought that the day of graduation was coming, and that I would not see them anymore. They would be leaving.

In 11th Grade there was a free day when there was no class scheduled, but the guys came to visit me at my home and drank tea in my kitchen. That is where the real work took place, as I now understand. These Teacher Fridays were scheduled far in advance. They would come in groups, or one by one, but always with some painful question. Hare was prepared to live in my kitchen in Perovo! He found everything interesting and important, but as always he would tactfully ask whether he was intruding if he came over to talk (especially if I was with someone). Then he would just come by later, if possible. And his first question was always: “Well, how are things? Do you need any help?”

The saddest celebration for me was graduation night. If someone is dear to you,

then you are afraid of losing him or her. I do not know how it happened, but I was afraid to lose them all! They had become family. Even though (in my mind) I understood that they were starting a new stage in life, one no less interesting, and that they would have new friends and eventually move away, I still did not want them to leave!

All that summer, while they were taking their graduation exams, I was glued to the telephone, waiting for their scores and the results of their enrollments. I was particularly worried about the boys: they had military service hanging over their heads. But the summer ended and all 19 geniuses became college students, confirming their brilliance. It was the best gift for a teacher.

August, Lefortovo Stadium.

Irina Yevgenyevna and I are occupying ourselves with archery and do not expect to see anyone. Arkadiy suddenly appears, happily smiling and obviously plotting something. He solemnly announces that he pronounces this day my birthday, which it was not! On this occasion he gave me a gift — a charming little mouse with a heart, and he offered to celebrate this day. We — two Irina's give a rapturous squeak, collect our things, and then Andrey drives up in his "Zaporozhets" to take us home. This is simply out of the realm of fantasy: we are all going in one group back to Perovo to have a party! It was on August 20th, and ever since then I have a birthday that brings me joy, and this is only thanks to Hare.

August 31st, a day before the new school year.

When the classroom was all tidied and mopped for September 1st, suddenly tears welled up in my eyes: tomorrow I will come to class and I will not see a smiling Hare? I do not know how this could be! I do not want this!

September 1st, 1996, 8:30 in the morning.

Acidly I arrive at the school, giving everyone I meet a rubbery smile. I get to the 4th floor and walk into the classroom and there IN THE FRONT ROW SITS HARE SMILING WITH a HUGE BOUQUET OF FLOWERS!

He was able to give people real celebrations on a regular day. He created them with his pure heart so that they always turned out bright and cheerful.

After High School.

They are gone! They stayed with me, sharing their joys and sorrows. They helped me to grow the next class! These words refer especially to the beloved trinity: Arkadiy, Andrey and Kostya. Gradually they changed from graduates into my true friends. They were always with me in difficult moments, and it was impossible to separate one from the other: they were one, indivisible trinity. They complemented each other so that they seemed to be one organism. And if for some reason one of them was not there, his absence was acutely felt. It was hard on all of us while Kostya was in the army, and so his discharge was a gift for all of us.

But each of them was an independent person.

Arkashka had an amazingly well developed ability to see things through another's eyes. I never had to tell him that things were going bad. He could see it even when I was trying to hide it. Somehow he would quietly appear beside me and do what was needed, and then just as quietly vanish, as if nothing had ever happened. You could trust him with the most sensitive requests, knowing that, intuitively, he would do everything that needed to be done, and better than anyone else.

Hare became not just my friend, but a friend of my family as well. On those days

when I was on duty at school and could not pick up Olga, after his studies at the institute he would pick her up at Kursk Street and take her home to Perovo. You have to agree that few would do this. And so he ended up with his own key to our apartment, and I was happy knowing that my daughter would be all right. If I needed to dig potatoes — Hare was ready to help. If I needed to pick apples — here too he was ready with a backpack and sacks.

One autumn when I thought up a traditional class camping trip for a couple of days in the Moscow region, I asked: “Who wants to go to the forest?” I heard a counter-question from Nastyushka: “Is Hare going? Then I’ll go, too!” We did not go camping because of the forest fires, but it turned out that Arkadiy was loved by my new class, despite the significant difference in age. He continued to be concerned with issues related to life in our school, and he wanted to maintain the school spirit he had cultivated. The school spirit lived within him. It was always warm and bright around him, and whenever Hare came to the school and walked down the hall smiling, many people’s moods were uplifted.

When we were sitting there at the Dubrovka Theater, it was not scary because we were together. Hare as always told jokes and tried to keep our spirits up. It was obvious that everything was very serious, and I thought that if we were destined to finish our earthly journey here, then we would all leave life together. It was scary, but it is not in our power to argue with destiny. But if it all were to end well, then we would all get out of there, and remember it later as only a bad dream.

But fate had other plans, the kind I could never imagine in my very worst nightmare.

WHY?? FOR WHAT??

They told me at the monastery that he was the most worthy of us all, and so the Lord called him. And that we needed to examine our lives in order to be worthy as well, and that this nightmare was a sign to us that we have still not done the most important things that must be done in this life.

Written by Irina V. Chernina, school teacher

I knew Hare for a long time, probably, as long as I can remember. He was always our friend, and only now do I realize that my mother would never trust just anyone to pick me up at kindergarten. I always liked that it was not just my mom or dad who came for me, like the other children. Dryusha, Hare, Shura (Sasha Ryabov) and Crocodile (Kostya) came for me with a car! There were sometimes other guys, but rarely. Crocodile was very serious. He was silent and at first I was afraid of him (after all, one just does not call someone a crocodile), but I liked him. I was never afraid of Hare. He was so good, so cheerful, and always saying something funny. I called them all ‘dad’. And when the other children asked who were all those people who came for me, I explained that all of them were my dads! My friends tried to prove to me that a child cannot have so many dads, but I tried to convince them that they could! And Hare was the best. Always, whenever I saw Hare, he was smiling, and I felt happy, too, despite the fact that just 5 minutes before he came I was sad.

I remember one summer when my mother went out to Lefortovo with Irina, for archery practice. To be honest, I was bored with them. They were interesting, but I wanted to run away somewhere and my mom would not let me. When Hare came, I

was very happy because now I knew that I would not be bored anymore. He told me funny stories and anecdotes, and time went by faster. At the end of practice suddenly he asked if he could try archery, too. I was quite upset that now he would forget all about me. But it was very fun. He was hilarious and commented on his feelings while stringing the bow, so much so that I laughed all the time. And then when we all went home, Hare proudly carried two bows on his shoulders, even though they were quite heavy. My mom called him her squire.

If other graduates came to see my mother, they all tended to talk to her, but only Hare would look in my room, and at times he would even play with me. For my birthday grandfather gave me a big crocodile, and I named him Koska in honor of one of my dads, and happily I showed it off to anyone who came by. It was really a wonderful crocodile! When Arkadiy saw it, he was completely delighted! I so much liked the way he played with him and laughed, just as if he was little, like me. He opened its mouth and snapped its teeth and growled. It was not scary. On the contrary, it was very fun and interesting.

In October of 2002, when we went to see Nord-Ost in a big group, all our seats were in the same row. I decided to sit with Hare, because he was always a lot of fun. He had already seen the show and could explain whatever I did not understand. So it happened that my mother and I were on opposite ends of the group. The play was wonderful! There were such joyful songs and dances.

When at the beginning of the second act the shooting began, out of fear I clung to Arkadiy and clutched his arm. He hugged me and said: "Fear not, little bird. I'm with you. Everything will be all right." But I was still scared, because I had never heard automatic fire before. So, hand in hand, we sat there until the terrorists announced that they were going to release the children. I did not want to leave, and I asked him: "Can I stay?" But he sent me to my mother. I snuck over to her and sat down on her knees and hugged her neck and said that I would not leave, that I was scared. But my mom said in a stern voice: "Go!" and literally pushed me away. When I was walking down to the stage I saw the women in black, and they had such scary eyes. We were led out of the auditorium in formation, and at this moment his words flashed into my head: "Fear not, little bird. I'm with you. Everything will be all right."

We were led out into the street, but we were not given our jackets. It was cold, but I did not notice. Tears were rolling down my cheeks, and I was thinking about all those who were still in the auditorium. We were met by a policeman and put into a police van so that we would not freeze. Some children were crying. The older ones tried to calm and somehow assist the younger children. After some time the van door opened and into the opening popped the head of Vovka Khoteenkov. I went outside to him, and he asked me: "Who was there in the auditorium, besides Irina Chernina? I listed everyone. He told me that they would not let me go with him, because they were releasing the children only to their relatives. Then Vovka called up my dad and sent me back into the van so that I would not freeze. After some time, he again looked into the van and said that my dad was coming for me. Soon reporters with cameras arrived. One of them gave us a piece of paper and asked us to write down our names and surnames while another at this time was filming us. Then the driver came, got into the van, and drove us somewhere. He unloaded us at a school where we had to wait for our parents. Almost everyone's parents had already arrived, but my dad had still not come. Finally I

saw him, and I was very happy. He hugged me and I burst into tears, because I thought about my mother and the guys who were still there. After that an investigator interrogated me, and then Irina Yevgenyevna and Kostya picked us up and drove us home.

At home we watched TV. To every command to go to bed, I answered that I could not sleep, but soon father sent me to bed anyway. The next day Katya (my best friend) and Sergey Leonidovich came to my home to visit. They told me that the whole school was worrying about my mom and the guys. Katya soothed me, and I told her how terrible it was there, and how Arkadiy said to me: "Fear not, little bird. I'm with you. Everything will be all right." The next day instead of Katya, Sonya came over to support me, and she stayed overnight.

The next morning Sonya and I woke up because Sanya looked into our room and said: "The theater has been stormed!" We ran to the kitchen to watch the news on TV.

Then we rang up hospitals. We found mom first, and in my heart it felt a little easier. Then we found Andrey and I was almost relieved, confident that we would soon find Arkadiy. I remember how he told me: "Fear not, little bird. I'm with you. Everything will be all right."

The next day my mother came home. I was very happy, but we were all focused on finding Arkasha. The boys did not put the phone down and they would always be calling someone and passing on information. The list of hospitals got shorter and shorter, but somehow we still could not find him.

For a long time I could not believe that he was gone. Even when they buried him, I could not believe that it was true. I thought that he was just sleeping, because he promised that everything would be all right.

This summer they sent me and some other children who were at Nord-Ost on a trip to Greece. Arkadiy once told me how he had lived in Greece when he was little. He liked it a lot. And while I was there I often thought about him. I really wished he could be there with me. It would have been a lot of fun.

Written by Olga Chernina, 9th grader

My friend is sitting on the bench in class and swinging his legs. I do not know that his name yet, or that his name will later be Hare. He is my best friend, but all that I knew back then was that it was September 1st and we are both going to be attending this school.

My friend is studying the map and looking at the compass. Our whole class is sitting in a swamp. This is our first outing, and the class knows that we could have chosen an easier path, but Hare chose this route.

My friend is drawing. He draws men, monsters, and bunnies. It does not matter to him that this is a seminar on understanding the lectures of Gromyko. It does not matter, because no one understands them.

My friend is chopping firewood. He likes to chop wood. He does it for fun, to relax, to recharge, and to unwind. He does it to get warm and so that everyone can get warm. So that it will be cozy.

My friend sings. He sings loudly and with gusto. He can even sing the songs the words to which I do not know. I love to sing with him.

My friend opens the champagne. He does not know how to do it, none of us know

how to open champagne — we only know that the cork has to fly out, while the wine, if possible, stays in the bottle or a glass. We are graduates and this is graduation night and we are having fun.

My friend is fixing a car. We like to fix cars. We like to disassemble and reassemble various mechanisms, because we are boys. In our group there is no automobile that Hare could not fix.

My friend is packing his rucksack. He loves going camping — in a large group, in a small group, in the company of close friends, and sometimes alone. He loves to walk, or kayak, or drive, to just outside of Moscow, or to the Caucasus, or to Karelia. We are getting ready to go to the Altai on a catamaran.

My friend is drinking beer. Only with Hare do we get together to drink beer. Suddenly I realize that we have not seen each other in a while and that I have a free evening and I want to talk with him. He sits opposite me with a beer mug, and we are talking, talking about anything, about the weather, about cars, about camping, while in my heart there is warmth and calmness.

My friend is working. Well, to tell the truth, he is doing my work. Sometimes he comes to my job and helps me when I am stuck. He likes what I do, and in my heart this makes me proud.

My friend is laughing. He laughs easily, and joyfully. He finds jokes on the Internet and sends them to all his friends and relatives so that they too could have a good laugh. He finds a pretext for a joke even in the toughest of situations. I have seen him sad, and tired, but never does he lose his sense of humor. I sometimes recall one of our outings: he is walking on freshly fallen snow, through thick branches, confidently and firmly. We are used to overcoming difficulties.

He has died, and I have nothing with which to counter this.

Written by Andrey Chulichkov, class of 1996

I cannot believe that Arkadiy is gone from us!

He was always with us, he is still here, and always will be!

I remember when 'Arkasha' with his classmates took us out on a fieldtrip. It was our first one, and we were still little 8th graders who did not understand a thing. He was wearing a military uniform with what seemed to me back then was a huge backpack. He was big and confident and out in front, and he gave us confidence. We still did not know each other very well, but this big man added confidence to our every step! Along the way he got the car started by pushing it, and he joked and made everything fun as only he could! I knew for sure that everything would be great. Great, and a lot of fun, because in his heart there was more than enough warmth and kindness for all, even for those he did not know!

He always seemed big, as big as the sun on a summer day! His presence warmed everyone around him, and we basked in his rays! Whenever he appeared, there was always a genuine sense of joy and happiness, mixed with gratitude for being able to meet a 'sun' such as Arkadiy! Once we were going to go to an air show, but at the last minute everyone else said they could not go, and so I went to the designated rendezvous with this feeling that the outing was ruined. There, underneath a column, I found Arkasha. He was reading a book. He said that we would both have more fun without a lot of people in the way, and that is how it turned out. We spent a memorable day

full of bright emotions and feelings and a colorful carnival of colors. All of this would never have been possible without this person!

He was a very good FRIEND! Whatever was going on, he would always run over and help, and do everything he could to solve any problem, and he did so with his characteristic irony, enthusiasm, and a real passion. So much so that sometimes it seemed that it was really his problem, no matter whose it was! Only he knew how to do this.

He gave us sparks from his gigantic heart, and the sparks that fell into our hearts began to sprout like a tree: a tree of thanks from us to him.

Written by Vladimir Khoteenkov, class of 2000

About Hare

I have been trying to do this for a while... And now I just do not know what to write... How can I write in the past tense about a person who still exists for me? Well, everyone who thinks that I am wrong can just forgive me, but I am going to write about him in the present tense!

First of all, for me Arkadiy is not Arkadiy, but HARE! He is kind of person who can come visit just after calling and asking: "Can I come over?" As a rule, I see no reason to tell him no, though recently we have rarely seen each other.

What is 'Hare' like? He knows how to deal with anyone, and likes giving presents without occasion, simply because the weather today is nice.

I do not know how to describe him as a person at all. After all, he is an entire world. What reminds me of 'Hare'? He was the first graduate I met on September 1st (at the start of classes ceremony), and he is probably the one who linked our classes. I cannot remember if we ever went on a single fieldtrip without him... It is somehow hard to imagine, but even if we did, I think he was with us in spirit.

I am trying to remember specific instances... I remember mostly funny things. When we were getting ready for 11th grade graduation, 'Hare' spilled water on me, but instead of crying out, I started laughing like crazy, and we laughed together.

My favorite fieldtrip story was about how 'Hare' and Alla Alexeyeva at three in the morning were looking for her pills in our small 3-man tent. First, they woke me up, and then they turned everything upside down, later they could not get to sleep because the pills were right next to her the whole time.

Then there was that little ditty by 'Ivasi' (Ivashchenko & Vasiliev) that he slightly altered to better match reality: "Ach, Arkadiy Andreevich in stripes..."

It seems to me that my house has a bunch of things that are in one way or another connected with 'Hare'. They are evenly spread about the entire apartment, but now it is difficult to say whether they were lent or given to me.

I do not know how to finish this. I can tell these stories for hours, but when I try to write them down they lose their charm.

P.S.

*I know that I am not rooted to my chair,
And that life has not driven me into a corner,
And it is out of the question that I drop this matter
But I am a little short of time...*

Written by Natasha Vasilyeva, class of 2000

Arkadiy?

At first I did not know him personally, but this is a man to whom you need no introduction. You just get used to him, and learn about him. I just saw him, and I have no idea how it happened, but somehow it was as if we had known each other for ages.

‘Hare’, ‘Sun’?

Later I got to know him better, after he had already finished school and found somewhere to work. He still came around, so solid looking in his jacket and coat. He was just like an adult, and working. I got scared: perhaps with his changed style he himself has changed? But no, he remained the same, and no matter how much his professional colleagues loved him, they could never change him.

‘Arkasha’?

He was with me when I went to see ‘Nord-Ost’ for the first time, and we liked it so much! It was so beautiful, and it was such a wonderful evening.

But then it what happened was frightening... and insane.

But we got through it. It could not be any other way, since he is forever and he is with us forever. He helped so many people and was ready to do anything to make things better for someone... We must go on, because he would want that to see that everyone was okay.

It already seemed that everything had passed, but then Alena Nefedova called and said that Irina Chernina needed help. All the writings of his friends and other people, a bunch of photos and pieces of paper with handwritten messages, my God... I never thought that it would be so hard. After sitting half the day with Yevgeniy Moroz back at the school, we did not even get half of it done. So back home, alone... All these people... How can there be so many that all love him?

Please excuse me for any silly mistakes that I may have possibly made. It is hard to write. For the hundredth time I struggle with this desire to cry, but I try to smile. After all, he loved it so much when people around him smiled, and he was always smiling himself.

Written by Lena Krasnova, class of 2000

GONCHARENKO, ZHANNA

Age 32; from Podolsk, Moscow District, Russia.

One day our company had an opening for a secretary, so we went about interviewing several candidates for the position.

When SHE walked in, smiled and said hello, we suddenly had this feeling that we had known her for a long time. Her simple, yet honest, answers, as well as her graciousness and courtesy, prompted us to select her for the job. And that was the first time we met Zhanna.

Zhanna was a purposeful, patient, and benevolent person, and this allowed her to quickly master her profession, as well as win the respect of her partners and colleagues.

She related to work responsibly and conscientiously, and had the ability to learn quickly, which allowed her to work her way up to the position of operator, then later to manager, and later still to the head of the wholesale department.

She was dependable: she never left matters undone, and shared her knowledge and know-how generously with her colleagues, this allowed them to increase the quality of work, and, in so doing, to benefit the company. She was the first to offer to participate or assist others when complicated situations arose.

Even when she had to refuse a client, she knew how to do it in such a way that the client took it well, and agreed with her argument.

When we found out about the hostage-taking, and that Zhanna was among the hostages, we were very worried, but until the very last moment we believed nothing bad could happen to Zhanna. There are not a lot of people like Zhanna. One can compare them with the warm spring sun — you await them with impatience and hope, and rejoice at every meeting and strive to prolong it as long as possible.

From all over the country we received an endless number of letters, telegrams, and verses expressing sympathy for the loss of Zhanna. Zhanna's memory still lives inside our hearts. There is a picture of Zhanna standing in the sales department where she first started as a secretary — it was the opening there that gave us our chance to meet Zhanna.

Every year we gather together on the day of her loss, and truly understand the depth of our loss. We realize how lucky we were to have known Zhanna, and to have worked alongside, and together, with her.

Written by a coworker

GOROHOLINSKAYA, YULIA

Age 33, from Moscow, Russia.

My daughter, Yulia Yevgenyevna Goroholinskaya, was born in the city of Dmitrov on January 5th, 1969. She had a normal childhood — crèche, kindergarten, and school. Yulia finished eighth grade concurrently with art school. After school she graduated from the art institute.

Since childhood Yulia had participated in sports — track and field, skiing, and parallel bars. I purchased tours, and we traveled together. Yulia managed to get the ‘Tourist of the USSR’ badge by crossing the Caucasian mountain ridge at the Klukhorsky Pass. She continued to travel after growing up — she went to France, Spain, Italy, and China.

My daughter was kind and attentive and always helped me out. Whenever I called, she would drive to Dmitrov in her car.

Yulia married Sergey Alexandrovich Goroholinsky. Her son was seven when she died, and now he is already 13. My daughter’s husband was also a hostage, but, thank God, he survived.

Years pass, but the pain of this loss remains. My dear daughter, for you the Heavenly Kingdom!

Written by her mother, Nina Ivanovna Chepovskaya

Yulia Yevgenyevna Goroholinskaya was born in the city of Dmitrov on January 5th, 1969. On graduation from middle school she was admitted to and completed the art institute in the city of Verbliki in the Moscow district, receiving the artistic specialty of porcelain painter.

Yulia married in 1992. In 1995 she had a son, Sasha. When she died her son was only 7 years old and had just started the first grade of school.

‘Yulechka’ was a very inquisitive and curious person. She completed the school of topographic design and had some interesting contracts, which she regarded very seriously, giving fully all of her creative talents. She also took computer-programming courses and helped her husband at work. She loved to travel and had been to many foreign countries with her family.

Yulia was an interesting, delicate woman who could play well the guitar as well as sing. She was a fine and thoughtful mother to her son.

Yulechka was a tender and considerate daughter who assisted her sick mother in Dmitrov.

It is a great pain that such a talented and talented person is gone so early at the age of only 33, with so much left undone. She was never able to realize the fullness of her capabilities, was not able to raise her son who is now 13 and is in 7th grade doing well in foreign language classes. She would never see her grandchildren. People are correct when they say that the Lord takes the best.

We, your relatives, grieve for you, and remember you.

For you the Heavenly Kingdom and Eternal Rest.

Written by her relatives

GRIBKOV, DENIS

Age 30; from Moscow, Russia.

Denis was born on July 28th, 1972. His childhood was spent in the green, wide-open spaces of Bibirevo, where there is room for boys to ‘maneuver’. On summer days, Denis and his friends would ‘disappear’ out in the yard, but my maternal ‘long-range voice’, which his classmates loved to mimic, could find him no matter what corner he was hiding in: “Denis, don’t leave the yard!” Denis did not like this, since he was trying to be independent, but by 11 o’clock at night he was always home. “My ‘Dinya’ (Denny),” as I affectionately named him.

Excelling in every subject, Denis would be very upset if he received a ‘4’ (a ‘B’). At parent-teacher conferences, the class leader had little to say: “smart boy” and that was all. As his mother, however, I never let up, just to be safe.

Although he was a ‘four-eyes’, and in his school pictures he was always in the front row, he still had a lot of friends. The other boys often came over to our place. “Mom, we’re here!” Denis would report. He would call them to the table and joke (from an old Soviet comedy film): “Tea, coffee, drugs, weapons?” The games would begin, as well as the racket, and, if it was a weekend or in the evening, these games often involved his father. In the evening he often played chess with his father, while on the weekend the whole family went to the movies.

Books never sat on the shelf — Denis “swallowed” classics, pop science literature, and history books.

I often worked Saturdays, but if she happened to be home on the weekend, father and son never allowed housework to ‘sour’ her mood: “We’ll do it all!”

Denis taught himself to draw (more than anything he loved pencil sketching) and do embroidery. He was fond of aquariums and wood burning art. One of these he dedicated to me on March 8th (International Woman’s Day). It was a large piece of wood, a meter square, and he made it in secret so that she would not see it before the holiday. When winter came, Denis would get up on his skis and skates. When he got bigger, he learned to play the guitar. At home were heard him play not just Vladimir Vysotsky, ‘Mashina Vremeni’, Yuriy Loza and other chansons, but classical music as well.

His happy family was not always able to spend vacations together. Denis went to the sea at Anapa with me as my ‘bodyguard’, and there he learned to swim, but during the summer the family more often went into the woods in the Kalinin region with a tent.

Denis was the ‘heart of the party’ at school and out in the yard, but did not like summer camps. “Mom, take me home!” he would already ask after a week. He lasted only a day at summer school: “Better just to lock me up at home!”

It so happened that during his last years of school, his father and I left to work in Mongolia. Denis at the time lived with his grandmother, and had to make important decisions in life on his own. He entered college and studied energy. With his new, remarkable college friends he became interested in skiing and ‘spelunking’. ‘Dinya’ now became ‘Petrovich’. He got into the glass-blowing business, and worked for

a company called Argon out in Medvedkovo. One day he brought home glass tulips that he made himself.

Despite his severe myopia (8 diopters), Denis wanted to serve in the army. He even had eye surgery at the Fyodorov clinic. One eye began to see a lot better, but Denis still received a 'white card' (disqualified from military service), and was very upset.

Denis was a close acquaintance of (murdered journalist) Vladislav Listyev. He and Vlad had many a conversation, and more than one case of beer was divided fraternally. Once Vlad, knowing of Denis's love of music, gave him a stereo. Vlad's death was a great personal grief for Denis.

When the coup took place in August 1991, Denis was eager to go defend the Russian White House (Parliament), but I laid myself down in front of the door: "I won't let you go!"

...Denis has died, but fond memories of him will live forever in the hearts of his family and friends!

Written by his mother Rauza Gribkova

GRISHIN, ALEXEY

Age 52; from Moscow, Russia.

As a result of the villainous terrorist attack on the Cultural Palace on Melnikov Street, a representative of the most peaceful of professions was killed. He was our comrade, a builder, and first assistant manager for the Directorate of coordinating resources for providing city construction programs.

The entire work biography of Alexey Dmitrievich was inseparably connected with construction in Moscow. A.D. Grishin was born on March 27th, 1955. He began his career in 1978 when he became an engineer for the metals department of the main Moscow industrial building agency, part of the Moscow city administrative department, where he arrived after graduating from the G.N. Plehanov Institute of the National Economy in Moscow and completing his military service obligation. In 1988 A.D. Grishin was named chief of the department of metals, pipes, and metallic construction for the main construction materials supplier for the Moscow construction committee. From 1996 on his work was connected with the Moscow construction resources agency, where he worked as head of project development, realization and development, for resource supply programs, as well as assistant director, and later, first assistant director, of the entire agency.

Everyone noted A.D. Grishin's intellect and high degree of professionalism, his deep knowledge of technical construction materials supply, his creative approach to work, brilliant business his personal qualities and charm, thanks to which he gained deep respect and authority among the Moscow builders and suppliers of material resources.

The bright memory of Alexey Dmitrievich Grishin will remain forever in our hearts.

Written by his coworkers at the complex for city architecture, construction, development, and reconstruction

I personally knew Alexey Dmitrievich. He was a very humane person, a rare combination of humaneness, professionalism, and the ability to solve problems honestly, simply by taking into account all sides of a problem. Those who knew him know I am not lying. Let him know, where he is now, that he is remembered. Eternal memory.

Written by Sergey Ivanovich Petrov

IVANOVA, LYUBOV

Age 53, from Kubinka, Moscow District, Russia.

On April 13th, 1949, Lyubov Nikolayevna Ivanova was born in the village of Kubinka in the Odintsovsky region of the Moscow district. Her father, Nikolay Vasilyevich Ivanov, was a peasant, and her mother, Anna Matveevna Ivanovna, was a housewife.

She attended Kubinka Railroad School #129 from 1956 to 1966. From 1967 to 1984 she worked at various times as warehouseman, senior storekeeper, and economist for the all-union office of Transtorgsnab (trans trade supply). From April 2nd, 1984 to her death, L.N. Ivanova worked at the material and technical supply service for the Moscow

Metro as a materials economist. In 1987 she graduated with honorable mention from the correspondence course of the all-union railroad transport technical school. Her specialty was bookkeeping. Lyubov Nikolayevna came to our department in 1987. She had worked on the railroad before this.

Such was the fate, that Lyuba never met a real man, and so all her activity was directed towards work. She worked in providing the Moscow Metro with fuels and lubricants.

Lyuba had a good, friendly relationship with her coworkers in the department. Though her character was a times a bit explosive, she was easily appeased. She was very serious about work, thoughtful, and purposeful. She could not stop halfway into a project — Lyuba went all the way, and, as a rule, attained the desired result when necessary. But then, you would not recognize her after the job was done: she became merry, sociable, and always interested in trying something new. She visited museums, exhibitions, and traveled a lot (times were good in the Soviet days!).

Lyuba loved the theater very much. The whole year we had been preparing to see the 'Nord-Ost' show. She wanted to see the "real" airplane in the theater, but we never did. We were offered tickets for October 22nd, but Lyuba had an appointment at the hairdresser's and would not miss it — and this was pure Ivanova. If she promised to meet someone or had an appointment somewhere, nothing could make her change

her mind. Sometimes I think that this trait of hers played an evil trick on her: we became hostages.

I was very worried, knowing her character, but Lyuba behaved very calmly, was stable and without hysterics. This was not easy for her. I have to say that the people we sat with on the lower balcony during those three terrible days acted very courageously, without any hysterics.

Lyuba loved life very much, and she spoke about this on the morning of October 26th, 2002, before the assault that we knew nothing about. We talked and cried, and bid each other farewell, thinking that it was the end...

When our colleagues found out that we were stuck at Dubrovka, they were very worried: they stayed glued to their televisions and phoned all the hospitals and morgues. For some reason they were more worried about Lyuba than me, because she had problems with her naso-pharynx.

I was luckier than Lyuba. Once again I understood that we all go according to God's will, and to each is prepared that which will happen, and our fates are pre-determined.

Written by her friend and colleague, V. V. Konchenkova

Lyuba was born into a hard working, hospitable, peasant family. This is why, when she was working, she gave it her all, and, if she was at a celebration, it was a huge feast. She truly had an immense Russian soul!

Lyubasha was the youngest of five children, the baby of the family. Everyone spoiled her, of course. Lyuba's mother had her at 44, and between Nadezhda, her oldest sister, and Lyuba were almost twenty years difference. It turned out that Nadezhda and Lyubasha never got married. They were both loners. They were good friends, and cared for each other and the whole family.

Lyuba tried to do everything "like you're supposed to": she got good grades and worked honestly. If she wanted something, then she strived to get it. She loved to travel.

We searched for her among the living, but found her in the morgue. She was buried back at her homeland, in the Kubinka cemetery in the Moscow district.

Written by her sisters, Nadezhda and Tatiana

Lyuba... Lyubasha... That's what we called her. Люба... I still cannot believe that she is not with us. She was so remarkable, and a bit whimsical. When Lyubasha comes to me in my dreams, I ask her: "Are you back? Are you with us?" I wake up and I cannot understand what happened.

She was like a second mother to me: caring, cheerful, and understanding.

Why did you leave us so early? We will never forget you.

Shining memory... Eternal memory...

Written by her niece, Olga Rusanova

IVANOVA, OLGA

Age 34; from Moscow, Russia.

Olga Germanovna Ivanova was an unusually bright and candid person. Working in the welfare department for the Veshnyaka regional authority, she dealt with the problems and cares of the handicapped, people in very large families, people who found themselves in difficult situations in life. She held out a helping hand to one and all, and never remained indifferent to another's misfortune and pain.

Olga loved children, and to her two daughters she was the most loving mother in the world. The oldest girl, 13 year-old Anyuta, was with Olga at Dubrovka, but just as soon as there was a chance to save her, Olga literally shoved the girl into a crowd of frightened children, which the terrorists were going to release. This saved the girl's life. Later she made a couple of calls on her cell phone to her mother, risking to get the terrorists enraged. Olga worried more about her children than herself, and asked her mother to calm the girls and care for them until she could return.

It was not just her daughters' stress that mattered to Olga — she could not remain indifferent to any little person's misfortune, even if it was the child of a complete stranger needing help. Late one autumn they found a homeless woman frozen to death under the Vykhino train station platform. By some miracle her two small children, a brother and sister, had survived. We found out that they had come from Ulyanovsk. Though it was not her responsibility, Olga could not turn away. She went to visit the children while they were hospitalized in Moscow, bringing them candy and toys. Later, not trusting the children to anyone else, she personally took them by train to Ulyanovsk, to enroll them in the orphanage. Parting with the children took a long time. Olga could not bear to leave them behind, and while they clung to her as tightly as their little arms could manage, tears flowed down Olga's cheeks. She would give anything on earth in order to not see a child's grief.

When they buried Olya, many, many people came to bid her farewell. They could not remain indifferent to this tragedy, either. It seemed as if there was a sea of humanity mourning and crying over this bright person. From her photograph, Olga looked back at us, smiling and beautiful and young — forever!

Written by her coworkers

IPATOVA, ELENA

Age 19, from Severoonezhsk, Russia.

Lena was born on July 19th, 1983, in the city of Onega in the Arkhangelsk district. She was an inquisitive, sincere, and attentive child, always worrying over her little brother and helping out her mother and grandmother. She was the life of her class at school, getting good grades and dreaming of going to college in Moscow.

In the year 2000 her dream came true, and she took the entrance exams for the Moscow state university of mining. She was accepted to attend by correspondence. During her first semester Lena lived and worked in the village of Severoonezhsk. She passed her tests, but that summer she decided that it was not for her and entered the Moscow institute of

aviation, this time as a resident student.

Lena also did well here, becoming a resident assistant and helping those in her group. Since her student allowance was so small and not wanting to burden her parents, Lena worked two jobs,

During her second year Lena got a job at 'Nord-Ost'... I never knew about it. When the terrible tragedy occurred on October 23rd, 2002, nothing gave away the family tragedy to come. On the 24th Lena's mother, my sister, called, and only then did I find out that 'Lenochka' was among the hostages...

I still cannot believe that my dear niece is gone... She was and is always with us... Bright, dear, and loving... Irreplaceable.

Written by her aunt, Lyubov Mikhaylovna

KARPOV, ALEXANDER

Age 31; from Moscow, Russia.

*I'd like to take off into this sky
And look into the eyes
Of those who avoid the answer!
And break myself against the cold sky,
And fall and chill. To die
And be done with the songs of summer.*

A. Karpov

Once upon a time there was a certain boy named Alexander Karpov.

He attended the geography department at the Moscow teaching institute, taking from there good English and unique knowledge of heraldry, as well as love for the Beatles, Ireland, languages, folk music, and Tolkien. He sat down at a table to sling some ink, tried it out, and went to the Arbat and sang

in English with a guitar in his hands and a harmonica on his sleeve. He dreamed that someday he would have his own band.

In early 1995, our creative association started to form, under the slogan: “If we don’t help ourselves, nobody will.” It was decided to gather in a single ammo clip all of our singer-songwriter friends and ‘get her done’: organize a big music festival full of obscure names. That was the first time someone brought up Shurik, so we called him up and he happily agreed, since he was fairly sick of his usual random work.

The festival went on with due sound and fury, and we all became the group “32nd of August”. We did not limit ourselves to one festival, and so we staged a number of performances for our associates. Karpov by that time already had a lot of good songs, and he performed them everywhere.

First there was his song ‘Tale’, with which he would start every performance. It is a song of greeting, as well as serving as his business card. Then there was his poisonous ‘Reflections of a rocker visiting with members of an HSC (homemade song club)’ — which you just had to love him for, as well as other songs. Shurik often humorously described his early misadventures when he took on an assembly, singing the Beatles and Irish folk music, until adherents of the genre drove him away in disgrace. Or about how he tried to perform something of his own in front of his rocker friends, and they insulted him for his “HSC intonation.” Getting kicked in the butt from all sides, Karpov was more than comfortable in a group whose members prided themselves on being different, and carefully erasing every boundary they could find in the genres of sing-songwriting.

His dashing and wonderful ‘Balcony over the park’ was an elegy-sketch, and, finally, his song-patter ‘Breakwater’ was a sobriety test: it became an instant hit even before the execution of its last lines. After every concert people would come up to Karpov and ask him to dictate the words.

From 1996 on, we began an active concert life, going to every music festival, participating in every competition, and playing wherever possible. Gradually the duo ‘White Karpov’ formed (Igor Belyi and Alexander Karpov, ‘belyi’ in Russian meaning ‘white’ in English — ed). We could not bring ourselves to call it a full-fledged duo, since that implies not simply singing and playing music, but something more that requires reflection and creating work cooperatively. We had a fun and lazy time of it, and every successful concert for us was just like another rehearsal. We alternated between his songs and mine, and played or sang accompaniment to each other as the mood dictated. Many songs were later developed further with secondary guitar and vocal parts.

At the same time, Shurik was writing new things, fiddling with the group, and working in various places: he sold umbrellas, was the coordinator for a Jewish cultural center, translated women’s romance novels, and worked as a translator in the oil fields in Turkmenistan... His most famous songs refer to this period.

‘The Long Road to Dublin’ is another of his business cards that explains what Ireland meant to the author. It is still performed at many festivals as a master, and contestants love it for the rare joy of being inside the song.

‘Beer Barrel’ is a natural Irish pub song, allowing one to dance around in a circle, splashing foamy beer.

The poignant and radiant song ‘St. Petersburg’ (“But here that just isn’t...”) is one

of the best songs about Petersburg that I have ever heard.

The very long African song 'Macumba' used to drive people in the auditorium to hysterics. 'Letter from a young black boy to his faraway Soviet pen pal' is its full name.

The soul of any company, and a wonderful storyteller, Karpov at any moment could start writing anecdotes, observations, and jokes. I volunteered to work on his website, but after a short while I realized that I was running the risk of getting completely wrapped up in his texts, and that it is utterly impossible to leave anything out: everything is important. There are articles, essays, jokes, plays in verse, tales, stories, palindromes, limericks, Mitkovsky folios (on the 1980s St. Petersburg art underground — ed), and a huge collection of drawings, cartoons, caricatures, and illustrations for his texts.

Around 2001, Karpov's old dream came true: he found his group. More precisely, it found him. It was the group 'Ruadan', and back then it was little known. They played Irish folk, and desperately needed a leader. With Shurik they began a new phase in life, and had concerts, projects, and recordings.

In 2002, Karpov went to his favorite city, Kazan, where he gathered up his musician friends and recorded their only studio album, 'The Road to Dublin'.

That summer, somehow he magically got a job doing a Moscow-level translation, namely the musical 'Chicago', which Filipp Kirkorov was bringing to the stage. Shurik was shut off from life for almost the whole summer, "sitting like Sydney" at home, sometimes calling me up and telling me about certain intricacies of the Chicago accent. When the musical went on stage, his pride knew no limit. Karpov invited everyone, several times, to the first showings, and he walked with a strut like Gogol after that.

In October 2002, Shura was ready to go to 'Nord-Ost', which everyone was buzzing about. After a lot of time conflicts, he got a pair of the last tickets, and with his wife, Sveta, he went to see this work by 'Ivasi' (Ivashchenko & Vasiliev). This was on October 23rd. What happened next is known to all: the terrorists, the stifling auditorium, bursts of gunfire overhead, and the mysterious gas that switched off some people's lives for a while, and other's — forever.

They found Shurik after three days of frantic searching. Sveta survived.

It is clear how, for a long time, no one could understand or believe that it could be true. It seemed that everything from now on was going to be different, colorless, and pointless. I disagreed, and so I started to put together a book about him.

Eighteen months later, in March 2004, the book came out and we sold it at memorial concerts in every city where Karpov performed, we even took it to the town of Grusha. Now, however, the books are all gone, and we are not planning a reprint. We made a film about Karpov from his surviving recordings, and a couple of new albums.

The website of Alexander O'Karpov, as he liked to call himself in the Irish fashion, is: [HYPERLINK "http://karpov.hole.ru" http://karpov.hole.ru](http://karpov.hole.ru)

Written by Igor Belyi, singer-songwriter and friend of Alexander Karpov

I wish to express my deepest sympathy and heartfelt condolences on the tragic death of Alexander.

I did not know Alexander personally, but my wife Lisa and I, along with many

members of the American community in Moscow, attended the musical 'Chicago' and marveled at the brilliant rendition of this famous show into the Russian language. Alexander was not only a gifted translator, but a lover of music, the arts and the English language. I hope it is some consolation to his family and friends at this difficult time to know that through his work, Alexander brought so much joy into the lives of so many people.

On behalf of the entire Embassy community, our thoughts and prayers are with you.

Sincerely, Alexander Vershbow, Ambassador

Something horrible happened to Sasha. I often think about it, honestly, and if I was not so pragmatic and, at times, cynical, I would try to figure out even more as to why it happened to him. It is impossible to understand, and difficult to believe, but our short acquaintance is actually a strange story, and, unfortunately, a fateful one.

It was strange how it all came about. I was driving somewhere and on the radio I heard an interview with (Filipp) Kirkorov, about how he was going to put on the musical 'Chicago'. I adore this musical, and immediately I called him up. We decided that, given the complexity of the text, and the humor, it might be more than his writers could handle, so we would need a good translator, and not just simply a translator, but someone with the skill to rewrite the prose. Lenny Kaganov suggested talking with Sasha. He knew him well, and admired him back when he was one of the writers over at the 'OSP-studios' comedy show.

Back then the practice of translating musicals was not yet so extensive, and I thought: Why not Sasha? So I called him up. I remember that he was terribly surprised. He said he was sitting at work, translating some technical description of a certain gadget, and when I phoned he was trying to find something funny about the process. Later, he told me that he could not even understand who it could be that was calling, or why, and what in the world they could possibly want from him. When I told him that Kirkorov was coming to pick him up that evening, I think he was completely stunned.

We tested his limits, and for a long time he had trouble believing what was happening. When he started to believe it, I think it was then that he realized it was now really his story, a story that he found both pleasant and interesting, and one into which he would pour his heart and soul. So he went to work on it, though more with Filipp than me, and I did not interfere much. Only later, when we were sitting and correcting the final version, choosing from two scripts — one by Sasha and the other by Filipp's writers — I remember that I was pleasantly surprised by all his formulations, many of which were very subtle, and how everything was absolutely rhythmic, musical, subtle, and preserved the right intonations and puns. In general I got a pleasant sensation out of his text, and I clearly sensed his potential and his interest in the whole process, as well as his willingness to work hard. Back then I still did not know that he wrote, translated, and performed songs...

Later there was the premiere, where we met up with Sasha and Sveta, and we were all happy about this marvelous twist of fate... But fate later coiled about in such a way that we got a look into the eyes of a serpent.

Misha and I went to 'Nord-Ost' about a week before the capture. We liked it a lot.

It is perhaps highly likely, though I cannot remember for sure, I may have even advised Sasha to go see this musical, because he just had to study this creative work, in fact it was overdue and beckoning. He said he certainly would. That was the last time I talked with him.

He could have become a very popular writer. I often think about it. That is all I can do, think about it.

Written by Tatiana Lazareva, television personality

It was not by chance that Alexander Karpov was among the hostages at 'Nord-Ost'. He was the translator of 'Chicago', a musical whose producers included Alla Pugacheva and Filipp Kirkorov. He was attracted by this genre in its size and scale, so of course he could not not see the work of his colleagues?

I met Alex's parents while they were standing by the gates of Clinical Hospital No. 13, along with the relatives of other victims. They already knew that Alex's wife Svetlana was there, but they could not find Alex. That evening I called Alex's father, Sergey Nikolayevich, on his cell phone.

"Alex is dead," he answered in a detached voice. "He was in the morgue at Botkin Hospital."

Yesterday morning Alex's mother, Tatiana Ivanovna, called the paper. "You wanted to know about Alex? Come on over." That evening I was in the Karpov home.

"Svetlana said that Alex conducted himself quietly and with dignity," said Tatiana Ivanovna. "They waited until the last minute and hoped for help. They believed, naturally, that they'd make it. They held each other's hand to the last, and fell asleep together. Sveta woke up, but Alex didn't..."

He was carried out among the last, probably because he was so big.

A poster with a picture of Alex hangs near the elevator in the stairwell of their apartment building. Friends — other bards — wrote on it: author and performer of songs, literary humorist, and soloist with the Celtic music ensemble. Alex wrote hundreds of songs and humorous essays. He was a splendid translator, translating everything: romance novels, mysteries, the rock opera 'Jesus Christ', and even scientific articles.

In childhood they considered Alex a prodigy.

"He learned to read very early, and the doctors advised us to hide some books from him, especially serious literature with scientific tendencies, so that such early reading didn't influence his psyche," recalled Tatiana Ivanovna. In this regard, Alex wrote a funny story called 'The Tale of how Karpov did not turn out a child prodigy'.

He had many other, not so serious, talents. For example, his friends say that he could instantly recite an entire phrase backwards. All this was training. It was his desire to subordinate a word so that the lines he was writing would read easily and smoothly.

He started on the biggest job of his life, but only completed the first step.

"When I was selecting a translator for 'Chicago'," said Filipp Kirkorov, "and Tanya Lazareva from OSP-Studio brought Alex, I was astonished. He made no financial demands, but immediately set to work. For me the human factor is in the first place, and I immediately understood that I could work with Alex, that this was an amazing person. He was like a big child. Everyone who worked on 'Chicago' loved him. The

Americans respected him, because there were a lot of slang expressions in 'Chicago', and Alex adapted them to Russian magnificently. When there were questionable moments, he didn't sleep all night, but by morning he had ready such convenient, easy to sing phrases that they seemed to have been sent to him by God himself. It was 100% Alex's credit that we were able to bring the musical to audiences. We had other jobs for Alex, and wanted him to translate the famous Broadway musical 'Victor-Victoria'."

"Did Alla Pugacheva know that Alex was among the hostages when she went to 'Nord-Ost' (while the hostages were still being held)?"

"Yes, Alex was among those who Alla Borisovna wanted to exchange herself for, but it never worked out."

"You know," continued Filipp, "Not long before his tragic loss he sent me a strange email. There was a drawing of Alex lying on the sofa with his eyes closed, with his arms behind his head and he was curled up into a ball, and it was a very sad essay, as if he sensed something bad. I was getting ready to send him a reply: 'To Alex — what's with you? We still have work to do!' but I put it off, as always, until later... We were shocked at what happened."

Alex has two brothers, Nikolay and Ivan. His family refers to him as 'Brother-1' (after a Russian gangster movie).

"I was approaching my stairwell," wrote Alex in one of his mini-stories, "and I'd forgotten my keys. I called on the intercom, and unexpectedly I hear my brother's voice: 'Hello? Please excuse me but I can't open the door right now. Please leave a message at the sound of the tone'."

One has the feeling that he will return to the door again, and leave a message...

Alex's friends bought Svetlana a cell phone and inputted all their numbers for her — 300 in all.

Memory is in the records and photographs, they wrote on his poster. Memory is in the strings of our guitars. Memory is in our hearts...

Website of A.Karpov

KHAZIEV, TIMUR

Age 27; from Moscow, Russia.

Timur Khaziyev was connected with music, and the Dubrovka theater. He was born in Moscow on September 11th, 1975. He graduated from the Gnesin Institute, and worked in the Russian defense ministry orchestra. He had been a member of the orchestra at 'Nord-Ost' since the first day.

Timur was born on 9/11... It is like some kind of a hallucination; he was born on the day of a terrorist attack, and died in one. A year before the tragedy he found this work, what they call 'moonlighting', mainly because there was money to be made there. At the time, we were happy to get it...

We met in Switzerland, while on a school trip, and it was love at first sight. When I saw him, at first I decided: "Tanya, don't even think about him, you'll never get such a guy." But later everything whirled about, went spinning, and it was clear that he was the one for me. We loved the same songs, listened to the same music, read the same books, and were very similar in many ways. For three weeks we jaunted about Europe on a bus, and it was like a fairy tale. When we returned home, we had already decided to get married. We understood that we did not need anyone else. We decided to wait awhile, until he finished his studies, and until I finished the institute.

For two years we went out, until Sonya decided that it was time for her to be born. Since she had made her mind up, so did we: it was time to get married. Timur and I lived in perfect harmony. Those tiny squabbles that would happen, which we always thought of as huge, were truly insignificant in comparison with happiness we had in our family life! These unpleasant times made me laugh, and I always said to him: "You know, we have such 'flowers', while other people have such 'nasty berries...'" In general we never argued; nothing of the sort ever went on. We were so alike in our hearts that these were exceptional events. Sonya was born, and will be 3 on January 30th. What a love they had together! I loved this love, I loved that they loved each other so. I cultivated their love in this family. If I had something to tell Sonya, Timur always backed me up: "Mama said to, so that means that it must be done." We never cut each other down in front of the child — we always backed up each other's authority. She felt that strongly, and now she feels the loss... She grasps at me, like a drowning man does at a straw: "Mama, don't leave, stay here..."

Timur was a very purposeful person, and stubbornly occupied himself with his profession. I supported him in this. In the morning he would go to the army orchestra, during the day he would go to his parents to practice, and in the evening — to 'Nord-Ost'. Somewhere around eleven, or half-past, he would come home. I told him that he needed to take a break. We decided that we would save a little money and next year go somewhere on vacation.

A woman can only dream of such a man. He was a remarkable husband, and took seriously his family obligations. Work was divided precisely: he would do his part, and I would do mine, and each were satisfied.

He always worried about politics, he was concerned about what was going on in

Russia, and said: “Why is it that we Russians put up with how they treat us?” I asked him: “Who’s the Russian here?” and laughed, because he was a Tartar. It never seemed to me that Timur would be ruined by his surname. I found him at Hospital #7 on Saturday night. We were allowed through the police cordon on the street — with difficulty, but they let us in. We went to the intensive care ward, and a policeman came out and said that he would find out for us. He came back, with an assault rifle hanging on his belly, and said it right to my face: “He’s dead!” No doctor came out, no one. Obviously they had not expected us. They did things incorrectly, certainly... I asked some people from the prosecutor’s office, who were hanging around there: “Please, let us at least say farewell to him, before they cut him up.” They said: “No, not before the autopsy,” and they would not let us in. They sat there, and chuckled: “What was his name? Khaziev? Some kind of a Chechen, or what?” I felt ill, and did not know what to say. They had his documents in their hands, his army pass, and ‘Nord-Ost’ backstage pass. They knew he was a musician... And that they would dare to say in front of me: “Chechen!” — this was such blasphemy. But that was not all! The story, as they say, continues. It turns out that when we left the hospital at seven, or half past seven at night, twenty men broke into our apartment: the police, FSB, and who knows who else. They decided to check things out — just in case he was a terrorist! They grabbed our neighbor and gave her the third degree. She proved to them that it was just a young family living there, Muscovites, the husband was a musician. What a nightmare!

How it all began, I found out by accident. Timur knew that I do not watch television in the evening. He called mom and asked her to call me and say that he would be home late... He worried about me; he hoped that I could at least get some sleep that night. He called me one time. He said that there were 30 terrorists, some of them women. I cried, and said that I loved him very much. I wanted to shout: “Just come back, just come back!” — but I was not able to get anything out. Friends said later that in front of him sat a young girl, she was cold, and he gave her his jacket, and telephone so that she could call. The terrorists took the phone away from her. Knowing Timur, I am certain that if he had anything to drink, he would have given it away as well.

When the assault began, I knew that something was going to happen, and I was praying the whole time... And here I saw something in my peripheral vision, something like Timur, in dark jeans, in his sweater, and it was if he was beckoning me to look at him, but he would not come into the room... And right then I heard his voice: “Everything will be alright with me...” And he disappeared... And I thought: all will be well... But later, well, if I had seen him, it meant, perhaps, that his soul had already left his body! And then the telephone rang and they told me that the assault was over, that people were being taken away in buses... That evening I found him.

*Written by his wife, Tatiana Khazieva,
“Filarmonik” #4, 2002*

The entire life of Muscovite Timur Khaziyev was connected with music, and the Dubrovka theater, also known as the House of Culture of the Moscow Ballbearings Factory. He had been there since childhood, studying at the ‘Lyre’ music studio in the same House of Culture, and here, while a member of the orchestra performing for ‘Nord-Ost’, he died.

Timur’s parents, Tukai and Roza, used to live in a communal apartment near the

theater hall, and their two sons Eldar and Timur learned to play the accordion at the House of Culture on Dubrovka. The teachers advised the younger son, Timur, to continue his studies — he was talented. After 10th grade, he passed the musical course for percussion instruments in a single year, and entered the course for wind instruments, which he completed in only 3. Later he attained his dream of attending the Gnesinski Institute. His teacher there called him ‘Rafinad’, meaning that he was very refined, holding his drumsticks in a special, almost aristocratic manner. Parallel with his studies at the Gnesinski, however, he performed with the symphony orchestra of the Ministry of Defense. He performed with them in Norway, and was supposed to play in Spain, but because of October 23rd, this trip was put off forever...

When he was done with the Gnesinski, Timur was offered a spot in the orchestra for ‘Nord-Ost’. It was his third job, but he agreed: he had a family, a tiny child, and his wife Tanya had taken a low-paying job at their daughter’s kindergarten, instead of continuing her career as an actress and director.

Of course, one can, perhaps, not believe in mysticism, or in forbodings. But...

‘A month before the terrorist attack, Timur started sleeping poorly,’ Tanya recounts. ‘I’d wake up in the morning, and he’d be sitting there. I’d ask him: ‘What’s bugging you?’ and he’d say: ‘Something is making me scared.’

His family decided that Timur was just tired. His day always began early: he’d take Sonya and Tanya to the kindergarten, then over to his parents’ place to practice. His instruments were there: lately he had sprained his left arm, but was happy that it was better. He’d practice awhile, then once again he would jump in his car and drive to the military orchestra for practice, and from there to the ‘Nord-Ost’ musical. He would return home close to midnight, and early the next day it would start all over again. They say that he gave one the impression of a person who was in a hurry to live. Why? He was only 27... But no one can answer this question. Nor another: why was Timur even at ‘Nord-Ost’ on the 23rd of October? Once again, mysticism...

‘It was Wednesday,’ explains Tanya. ‘This was supposed to be our family day off. On Wednesdays a different drummer worked at ‘Nord-Ost’, but he asked Timur to switch with him, because his girlfriend just had to be with him that night. She saved the fellow... But mine switched shifts, and died.’

Written by Anna Politkovskaya in ‘Novaya gazeta’ #10 February 10th, 2003

KHRAMTSOV, FYODOR

Age 47; from Moscow, Russia.

Fyodor Khramtsov was born in Moscow on June 17th, 1955. He was a second child of five. His father was a chauffeur. The parents wanted their son to learn to play the accordion, but there were no open classes in this instrument at the music school, so Fyodor ended up in Alexey Alexeevich Volchansky's trumpet class. The teacher became like Fyodor's second father, and the boy tried his best to emulate him. Later Fyodor studied at the Ippolitov-Kharitonov music institute, then the Moscow Conservatory, where he met me, his future wife. For many years he was in the orchestra at the Stanislavsky & Nemirovich-Danchenko Music Theater, then later began with the New Opera Theater from its very found-

ing. He was with 'Nord-Ost' from the very first show. Fyodor Ivanovich Khramtsov is survived by his 27-year-old son, Alexander, and 20-year-old daughter, Irina. He has two grandchildren: five year-old Mikhail and two and a half year-old Masha.

I met him the first time in the subway. I knew a friend of his, a year after our wedding, our first son, Sasha (Alexander), was born. I was still a student, and Fyodor never let me quit the institute. He worked and did odd jobs, and only after I had graduated did he enter the conservatory. That is how we lived: first I went to the institute, mother went to work, and Fyodor took Sasha, grumbling and tied up in some string, to his mother's. Or they would come to my mother at work — she was the head accountant at RONO. He would come in, and mom would be in a meeting. He would tell the office workers to take the child and watch him awhile. While he was studying at the conservatory, I was working all the time. Our daughter was born only after Fedya (Fyodor) finished there, in 1982. He spoiled her a lot, when she was little. Only he could bathe her. I would have to wait for him to come home after a show, and he would get angry if we started without him. Irina was a copy of him: Fedya would say that Sasha was the experimental version, while little Irka was the proven one.

Fedya was a very sociable person and ready for anything. In his youth he dreamed of owning a car. When we bought a 'kopeck' sedan, he was so happy, it was a dream come true! He worked on it a lot, and did everything himself. Sasha grew up, all the time in the garage with his father. The first time they rebuilt the engine, now that was something to remember! Everyone together, they even dragged me into it. At the theater he helped a lot of people fix their cars, and we would joke: "Fedya, if anything happens, you've got a second profession to fall back on." When he brought home a car from Japan, he sold it in less than a year: it just was not interesting, since there was never anything to fix on it.

Fedya liked working on 'Nord-Ost' a lot, and went to rehearsals with gusto. When we found out that they had been taken hostage, at first I hoped that Fedya was still at New Opera. We tried to call him. Our phone didn't stop ringing — friends and relatives were all asking: "Where's Fedya?" We did not know anything. He was finally able to call a friend, and his friend called us. Sasha went to Melnikov right away, and our daughter who had been staying with friends, went over there at two in the morning.

Fedya finally got through to me, and said that everything was awful, that they were setting up bombs — he pretty much said farewell. He asked me not to remember the bad times, and I told him not to worry, all would be fine.

The last time he called was on Friday, at five in the morning. He said that they were demanding a meeting, and that everyone must go out and demonstrate for an end to the war in Chechnya. He asked me to call Anatoliy Semkin, to find a replacement for him at the Mayakovsky Theater. “I’m not going to make it,” he said. That is the kind of man he was. He said everything was looking bad, and there was no hope for escape, but that we had raised two good children, and he was very proud of them.

*Written by his wife, Valentina Khramtsova
“Filarmonik” #4, 2002*

KIRICHENKO, SVETLANA

Age 52; from Moscow, Russia.

Svetlana Vitalyevna Kirichenko was born on April 8th, 1950 and was a very intelligent and energetic lady. At 52 she was still an elegantly beautiful woman.

Accursed fate ordered that her work colleagues talk her into going to the ill-fated musical, ‘Nord-Ost’. She had not wanted to, and on the way to Dubrovka she accidentally missed the subway stop for Dubrovka, and suggested just tossing away the tickets and leaving. But they talked her out of that.

She was a strong person. She kept convincing other hostages that all will be good in the end, and helped calm them. She negotiated with the terrorists and convinced them to take the coat check receipts from the wardrobe and bring some of the freezing hostages their coats. She had some water, and when the gas started entering the hall, as a chemical engineer she knew what was up and what she needed to do. She tore up some handkerchiefs, moistened them, and handed them out to those around her, explaining that they needed to cover their mouth and nose. For five or six minutes, while she was still standing, she was able to make a few dozen of these masks. Because of this extra exertion, she took in more of the toxic gas than those sitting peacefully in their seats. All around her survived, but the doctors could not save her.

They buried her at the Moscow Hovansky cemetery on October 30th.

Svetlana! Wherever you are now, give us your courage!

We will not forget you. We are proud that you were our comrade. Farewell!

Written by Colleagues

The management and the union committee of the Russian Ministry of Energy with deep sorrow announce the tragic death of chief business specialist Svetlana Vitalyevna Kirichenko, who died as a result of the terrorist attack on the Theatrical center

on Dubrovka in Moscow.

After graduating from the I.M. Gubkin institute of petroleum and gas industries, Svetlana Vitalyevna Kirichenko worked for more than 20 years for the petroleum products distribution systems, Glavneftesnab and Rosnefteprodukt.

Since 1992 Svetlana Vitalyevna has been working for the Russian energy ministry and its directorate branches. Since January of 2001 she has worked tirelessly in the business directorate of the Russian energy ministry (Minehnergo).

The admirable human qualities and professionalism of Svetlana Vitalyevna Kirichenko won her the respect and authority in both the business office and central headquarters of the ministry.

During the last hours of her life, Svetlana Vitalyevna showed her best qualities, and courageously overcoming the tragic events, she found within herself the strength to support people around her.

The memory of Svetlana Vitalyevna Kirichenko will remain with us forever.

*Written by the management and the union committee
of the Russian Ministry of Energy*

KIRYANOVA, NATALYA

Age 70, from Moscow, Russia.

Natasha's father was born into a large peasant family, and was the editor of several youth publications in Moscow. He died young, when Natasha was only 16, because of injuries received in the military. Her mother was an amazing woman with luminous eyes who was born during imperial exile, but despite her hardships, throughout her life she retained a sincere optimism and genuine love for others. Natasha inherited these wonderful traits.

During her school years, Natasha was actively engaged in junior school volleyball under the guidance of the most outstanding athletes of the time. The small girl's physical did not meet the minimal requirements for volleyball — she had been affected by the conditions of the wartime evacuations and post-war deprivation. Natasha, however, showed tenacity and persistence in achieving her goals. These qualities, together with her innate intelligence, helped her later in life solve many problems.

Soon she began playing first-string on the 'Dynamo' junior team, and participating in Moscow and all-Union championship games. In 1950, Natasha graduated with honors from one of the most prestigious schools in Moscow, where she studied with the children of the country's leadership. Her familiarity with them allowed Natasha to help bring justice to many of her friends.

Where did she go to continue her studies? As a reliable volleyball hitter and excellent basketball player, she was invited to join the Moscow University sports club, but there was another prestigious institution that caught her eye — the Moscow

Aviation Institute. Though she was inclined to science, other things outweighed, and soon she was playing for the 'Science' sports team, which was closely connected with the aviation institute's sports club. As a gold medallist, after her interview she was accepted to the college of aircraft construction without even having to take an exam. Thus began a new stage of Natasha Shcherbakova's life.

September 1st, 1950. The manufacturing workshops of the Moscow Aviation Institute, where the future chief designers and leading makers of aircraft during the second half of last century, with hammers and chisels in their hands, are working chunks of metal that are yet far from resembling aircraft parts. Suddenly I hear the voice of the pretty girl from a nearby bench: "Tie the back of my lab coat for me, please... And now let me tie yours." So we struck up a friendship, a friendship that transformed into love, and then, three years later, into a family. 2003 would have been our golden wedding anniversary.

During those years, the aviation field was one of the most prestigious. It was highly paid, and many sought entry into it, but only the best and most talented were allowed in. For new student Natasha, the first years were very hard, because she often had to interrupt her studies due to participation in high-level sports. The friends she very quickly acquired helped Natasha, and they supported her in her 'struggle' with the dean's office. During those years, sport was very popular and the stadiums were always overflowing during matches. Sports leaders were national heroes. During basketball and volleyball games, the faculty and other spectators were literally packed like sardines into the aviation institute gym. You could hear: "Natasha, cut off the motor students!" And Natasha — the hall's favorite — scored goals from the center of the floor. Intercollegiate sports meetings were big occasions, and whenever Natasha was in the game during a difficult battle, the hall was jubilant.

Trainee Kiryanov looks at his volunteer assistant — his wife — in her red sweater with the reindeer motif. She is a champion of the Soviet Union, and a college favorite. Why did he involve her in this? Natasha does not share his worries: "We are comrades, you never know what we'll have to deal with, so let's get to work. Time's wasting and we still need to catch the last showing of the new movie." This was a manifestation of her sense of camaraderie, her willingness to put her shoulder to it, and help others. Her selfless response to a call for help was all part of her nature, and Natasha's nature never changed throughout life.

After several evenings, the work is complete. The site foreman inspects the riveted panels, approves the work, then squirms a bit, flipping some papers over... It turns out that he never bothered to fill out a work order or arrange payment, so he gets out of this difficult situation by pulling a crumpled banknote from his pocket. Oh well, sometimes that is how it goes...

Studies pass as normal, interrupted by special periods: examinations. For Natasha and myself, an exam is not just an analysis of lecture materials, but also an opportunity after the test to go somewhere with a group, to swim or visit a kebab place, or go skiing in a nearby park, and always with much joking and fun.

At the college, Natasha found an announcement about the organization of a bureau to design a glider. Faculty and students were invited to participate, and pay was guaranteed. Kiryanova the co-ed was very interested in this proposal. We both

joined other students, and we were soon incorporated into the glider construction bureau. B.N. Sheremetyevo, at the time famous for his gliders, led the team. He was a highly intelligent man, with refined manners. The team was small, and almost all male. Natalya was instructed to develop the control wires for the Sh-2 glider, and this was her first familiarization with the world of aviation and getting acquainted with its creators, spirit, and traditions.

After many years of similar work, the finale of “honored aircraft builder” N.V. Kiryanova’s activities would involve the design of the flight controls for the Buran spacecraft. G.E. Lozino-Lozinsky, the head of the department of design development and general designer, commissioned her to design Buran’s vertical stabilizer, and supervise the pasting of heat-insulating tiles onto the tail-fin, as well as perform an enormous amount of testing of the object in space.

Natalya’s vast experience, her ability to make complex decisions, manage a team, and work closely with subcontractors and industrial organizations, were significant contributions to the creation of the Buran spacecraft.

For more than forty years, Natalya Kiryanova worked within this great group. She was awarded high honors, including the rare title of honored aircraft builder of the USSR.

Written by her husband, Lev Kiryanov

Natasha Kiryanova (before marriage Shcherbakova) stood out in our class because of her sporting bearing, independent thinking, and complete lack of that foppery typical of Moscow students, especially residents of the city center. There were not many girls in the college, especially athletes, and under these circumstances a volleyball player from the ‘Dynamo’ sport club could quite well have turned her nose up at our team. This did not happen, however, and for those years Natasha participated on the aviation institute’s team, all the way to her senior year, and she was a key player. I can tell you this, since I was engaged in sports with that department at the time.

This is not the only thing that I wished to remember about her, however.

She was a very serious person who could focus her will and choose an optimal solution, no matter what branch of industry she belonged to. Here are two episodes, about which she told me herself.

During an out of town trip by train, a heavy part fell on Natasha’s head. The result was a concussion, and a physician’s temporary ban on continuing her education. She continued to successfully engage in studies, however, and overcame the trauma.

Another case was a humorous colleges anecdote: during an exam (I cannot remember what year exactly, but it was during the first or second year), everyone was at his or her desk in front of the department, preparing to answer. At a distance of 4 or 5 meters was a poster on which in fine print there was the answer to a question on the test. You could not get close to it, but Natasha, sitting at her desk, was able to, by focusing, read the text and give the correct answer. For a few days afterward, she had one big headache. The fact that she also chose as her partner for life such a quiet, thoughtful, smart, and well-balanced man as Lev, says a lot in her favor.

And my final recollection:

In April 2000, we were collecting money for the upcoming class reunion. I was in the hallway of the metro station, and across the hallway I see a joyful Natasha Kiryanova, running over to the group of former aviation students, happy to see those with whom she once studied. It is very painful that she is no longer with us.

Let her memory remain always.

Written by a classmate, Dmitriy Lebedinsky, in Moscow on June 5th, 2007

KISELYOV, ANATOLIY

Age 48; from Moscow, Russia.

Lyudmila Kiselyova showed me the photograph. “So tell me,” she asked. “Can such a man really die?” In the picture stood a well-built, handsome man who looked much younger than his 48 years. He resembled an American film hero, a mix of Tom Cruise, Kevin Costner, and Gary Cooper.

“He was extraordinary,” she said. “Just read what he wrote.” Many women say the same about their loved ones, especially if their loved ones are no more: extraordinary. Reading the text, and most of all, the labor of his life, Equitology, one can repeat Lyudmila’s word: extraordinary.

He was a handsome boy, then later a student. First at the Nevelski nautical school in Vladivostok, then later at the Makarov naval academy in St. Petersburg. He was a navigator who sailed all the seas and oceans, and later a researcher at the oceanographic institute. Anatoliy Kiselyov was an inventor, a hunter, a fisherman, and an artist who was drawn into the philosophic games of Georgy Shchedrovitski. Anatoliy Kiselyov was keen on philosophy, a thorough student of Hegel, Bacon, Locke, and other foreign luminaries, as well as our own Marab Mamardashvili and Evald Ilenkov. At work his nickname was ‘Hegellian’, while at home he was ‘the walking encyclopedia’. He wrote a book — Equitology.

Equitology is a word invented by Kiselyov, derived from the Latin *Aequitas*, which means steadiness, proportionality, and equality before the law. It is the study of symmetry in social systems as a subsystem of physics. Months at sea, days alone with nature while hunting or fishing, and hours at work when he was shut off from all vanities, allowed his mind to speculate, to look at matters without preconception, in a new, fresh way. It was almost as if from childhood he had been searching for a truth that would seem shocking, and, at first, far from comprehensible.

Lyudmila Alexandrovna and I spoke for many hours.

- Even though we lived together 30 years, I was always in love with him.
- Did you feel something?
- No, I just watched.
- Why did he go to ‘Nord-Ost’ alone?

— You decided this because I only talk about him? No, we were together there, but for some reason only I survived.

— Did you often go to the theater?

— Not often, because almost every free Saturday he went hunting — I can't tell you how much he loved hunting. Look at his bookcase: books on hunting, guns... I often stayed home. The boys are grown. One's 30, the other's 28, and they have their own places. So to keep me happy he agreed to go to that musical.

— You never went hunting with him?

— Very rarely. He was happy when he was leaving and coming back. Preparing for the hunt, everything was the best: wife, kids, equipment. When he'd come home, he'd say: 'I was sitting in the tree stand, and I was snug as a mouse, warm in the snow.' It was warm because his feet were in mukluks that he made from Elk hide. We always had meat at home, even when we were poor. He knew how to cook game. He even made me a blouse, and for the kids, how many trousers and coats he made? He could do everything. He knew how to be happy. I don't remember when I talked him into going. The ticket lady said: 'We only have seats in the 22nd row'. I asked if this was all the way in the back, but she said: 'I don't know'. I said: 'I don't want to be in the last seats'. Well, it turned out we were.

— How did you meet?

— I graduated from medical college and worked as a nurse. I then went into the fog. In the literal sense of the word. I went with a biological expedition to Sayansk. When I got there, I sat down at the bank of a mountain stream for two hours. I just couldn't tear myself away. It was a valley straight out of a fairy tale. Later, some kids came, and Anatoliy was with them. I was working with the entomologists, and they were with the zoologists. They were high school students who were hired for the summer. I was 25, but Anatoliy was 16, just out of 9th grade. I'd been married and divorced. I always think about how fortunate it was that we met. Later, a girlfriend of mine invited me over, she had graduated from the Biology College of Moscow University and was going on an expedition to Zeysk. She wrote: 'You'll be an idiot if you don't come to Baikal — he's right here'.

“The whole group got together, then broke up. Only he and I were left. I had a very strict supervisor, and she told me that I had to ask Anatoliy's parents for permission to see him. When I told him this, he frowned: 'I decide these matters myself'. I was afraid of my supervisor, so I bought a ticket to Moscow, to get away. I got a telegram from my friend again, she said that she'd meet me at 3 o'clock by the main post office in Irkutsk. So I went to a village where I could catch a bus to the train depot, and Anatoliy was there. He asked me where I was going, and if he could accompany me. We took a train to Irkutsk, together. We couldn't find my friend — she had met two young men and had gone to Olhon island. She later married one of them.”

— And how was Baikal?

— Baikal was like a movie, but it was awkward for me. We only had one sleeping bag, and no tent. No food — they only had one rusted can of herring and some spaghetti in the store. He found a grotto, and we slept in it. Our love story began when I got his first letter in Moscow.

— A declaration of love?

— Yes, but a special one. It shocked me. After the letter something happened.

I got ready to go on an expedition, it was still winter, yet it still seems to me that those winter days smelled of spring. We started seeing each other, and began a torrid love affair. He was just finishing 10th grade and had to go back to Vladivostok for his exams. I wanted to go with him, but I got a letter from his mother: 'Lyuda, leave my child alone'. Everyone was against me: my mother, his mother. His mother and little sister came over to talk me out of it, to leave him alone. It was terrible, but that was later. When he left, I went kind of crazy. It seemed to me that he was everywhere, just beyond every corner, behind every tree, past every creek. When he died, it was the same way. At the time I thought that we'd live together a year or two, but we stayed together for life.

— While sitting there in the theater hall, you were afraid of dying?

— Two times it was very frightening. Once, when they put two chairs on stage and began to strap explosives to the backs, and one of them brought a canister and sat it on a chair.

The other time was when they began to set up the bomb in the hall, five rows from us. I started to tremble. I tried to think of something to calm myself down, and I said: 'Anatoliy, we've already had a good life. Just look at how many young people are here'.

— Was he afraid?

— I don't know. He always said that there was nothing worse than death. In 1995 he travelled to Izmail, he went on board the ship to see to the unloading of some cargo. There was a woman there, who the captain said was the wife of a sailor whom they always listened to regarding the future. Suddenly she grabbed Anatoliy's arm and started to say something rapidly. He got interested, and asked her what had happened to him on October 11th, 1994. She told him that he met a UFO, but had behaved badly, aggressively, and that he should say sorry to them next time. He really had seen a flying saucer while out hunting. It flew out from the forest, and was so close that he was shocked, and so grabbed for his rifle.

— It that all that she told him?

— No, not all. She said that he had little time left to live. When he came home and told me about the woman, I started to cry, and I asked how much time was left, ten years? He said: 'Dream on', but never said how long.

— When the gas was released, did you lose consciousness?

— I came back from the toilet and saw that the whole hall was asleep, and that there was some kind of light-blue haze over the hall. I thought that there was a fire, so I wet my shawl and scarf. I held out the scarf to Anatoliy, and he reached for it sluggishly, without opening his eyes. I don't remember anything else. I woke up at the Sklifosovsky hospital.

Written by Olga Kuchkina in 'Novaya gazeta'#12, February 17th, 2003

KOBOZEV, ANTON

Age 28; from Moscow, Russia.

Born on March 14th, 1974, the oldest son in a large family. He was a graduate of the October Revolution Music School and Gnesiniy Institute, and worked for the New Opera Theater. He also had a directing degree from the Ural Conservatory. Married for two years, he had a 13 month-old son named Vladislav.

Our parents had known each other for many years. My mother and father knew Anton since he was fifteen. We got to know each other three years ago, while I was still in high school. He was nine years my senior. a year later, on November 12th, 2000, we got married. We were together for only two years, such a short time... Vladik

was born on October 1st of 2001, and Anton was so happy to have a son. We wanted more children, since I was also the oldest child in my family, with six sisters and a brother.

I was rocking the baby when it all began, and no one told me about it. My sister Natasha had been watching television and ran to tell my parents that the 'Nord-Ost' play had been taken hostage. They decided not to tell me about it. I had tried to call Anton, but he would not answer the phone. About ten o'clock he called me. At half-past ten I went to my parents' place, and my youngest sister Olechka said: "Poor Anton, poor Anton..." I could not understand — why was he poor? He called me up, asked us to pray... he said that it would be okay, but that was nonsense. He tried to calm us down, so that we did not worry so much. He called several times. When he called on Thursday night his voice was very low — I did not know if someone was standing over him with a machine-gun, or if he was not feeling well. At 5 in the morning on Friday he called, and he sounded very cheerful. He told Mother that they were going to blow up the theater tomorrow, and asked for the priest's telephone number. Mother called me to the phone, and he told me: "Liz, don't worry, it's a long time away."

When he left home the last time, I thought: what if it is the last time I ever see him? I walked him to the door, watched him from the window, called him on the cell phone and said: "I love you." And he told me: "I love you." And all this while I could still see him through the window, and see that he was talking with me.

Anton was a very kind and sympathetic man. Everyone got along with him. We lived with my parents for awhile, like one big family, and my parents treated him like their own son. At the wedding, his friend asked him how he would be able to stand it, since he too had experienced something similar. Anton told him: "You know, I'm used to getting along with people." We had no conflicts, just little things. He loved little Vladik so much. On that last day, he had the morning off and they played together. The night before, Vladik had said "Papa" — for the first time.

Anton did not have full-time work at 'Nord-Ost', but was a replacement for the flute-player who went on tour with a show in Italy. She even asked him to go

work instead of her, since the working conditions at 'Nord-Ost' were better, but Anton did not want to be away from home for a whole month. He did not say that he would not go, he just let it be, and so it turned out that she left and he went to work at 'Nord-Ost' each day. He had asked for the day off, and the theater agreed, but Anton could not get hold of the other flute-player the night before, so he went to work anyway.

A girl who was there told me that Anton was numb from all the events, and they tried to raise his spirits, called out to him, but he would not even turn his head. It was as if he had lost his will to live!! It was strange... he was deep in prayer, asking that his life be spared, but most of all, that his soul be saved! What they said about him losing his will to live, I will never believe that, because he was cheerful when he called me up, he wanted to live.

Anton had an asthma-like allergy. He could not undergo general anesthesia, and this gas, from what I understand of it, is a kind of general anaesthetic. Two girls who were seated next to him both survived. All of this has only strengthened my faith, but I would still like to know what went on, and what it was that he died from. There needs to be discussion on this. People need to know, society needs to know what really went on, because there is just too much speculation and lies. People should know everything.

I now know that the crossing from one world to the next is very close... And no one knows when it will happen to him. Anton is dead, but I cannot say that I have no husband. I have a husband, and I love him. I feel his presence all the time.

*Written by his wife, Elizaveta Kobozeva,
"Filarmonik" #4, 2002*

KOCHAT, YEVGENIY

Age 35; from Moscow, Russia.

Yevgeniy Kochat was born in Krivoi Rog, Ukraine, on July 2nd, 1967. His mother was a music teacher. He finished the music academy in Chernovtsy, and then served in the Soviet Army in Nagorny Karabakh from 1987–89. Later he entered the Gnesin Institute in Vladimir Tonka's class. Vladimir Berlinsky taught the quartet class. After finishing the institute, he worked as concertmaster for a violoncello group in the 'Seasons of the Year' chamber orchestra, and as assistant concertmaster for the 'Russian Kamerata' orchestra, as well as the orchestra for the Bakhovsky Center.

'Filarmonik' #4, 2002

Perhaps this is already becoming the rule, that fate does not spoil her talented children. But when evil destiny lays its hand on such bright persons such as Zhenya, this is too much...

Zhenya was one of my brightest students. You can tell a lot about this fellow from what he did during his four years of instruction. He grew from an unskilled, constrained child with complexes, into a creative and thinking personality... But nothing in life came easy for him.

He and his brother grew up in a teacher's family, and were raised by his mother alone. She gave all her love and did all she could ('Nord-Ost' took his mother soon after his death there)...

I remember during the fourth course of music school when we went for an audition by Professor Kolesa at the Lvov conservatory. When we told her the repertoire we had brought along, we were received very skeptically, but after we played her irony turned to surprise. She recommended that Yevgeniy attend Moscow (university). But here fate's evil hand touched him — he had to enter the army instead. The representative of the government commission who gave the final exams at the school went to the draft board to ask for a deferment, but it was no use. Yevgeniy did not just serve, but was immediately sent to a 'hot spot' — Nagorny Karabakh.

He did not like to talk about those two years of service. He was very laconic in his letters, and only a good deal of time after the fact did he mention that he was wounded in the leg, and that they had sent a musician to serve two years in the artillery. This was the first mark that the Caucasus left on his life. The other, at 'Nord-Ost', turned out to be fatal...

Only a musician can understand how difficult it must have been for him to sit down once again with an instrument after the army, but in a year Zhenya became a student at the Gnesinsky, afterwards — brilliant success. Zhenya was considered one of Moscow's best young cellists.

He and I got together each time he came home to Chernovtsy. He was already a successful young man engaged in his favorite work, with a loving wife who

was also a musician. She also accompanied him through all the circles of Hell at Dubrovka, and, in spite of everything, survived. He would talk about work with great interest, and, in particular, about the orchestral musical and the tough competition he went through in order to work there. It would have been better, however, had he never gone through all that.

Now, remembering his last trip home and our frank conversations, I analyze every word, and it is as if Zhenya had cut all strings and finished up everything. He donated his music and record library, which his family had collected for years, to the school. He also got his mother moved to Vyshgorod by Kyiv so that she could be closer to her oldest son.

Yevgeniy was a person of wide interests. He loved the mountains, and every time he came home he went up into the Carpathians. He took his wife Sasha with him, and once climbed all the way to Goverla. He gave me an album of photographs from these hikes. It is the viewpoint of a man who knew how to see that which is beautiful in life.

And thus he shall remain in our family's memory. For us he was a loved one — tall, handsome, and always smiling. But he comes and calls no more.

Written by Igor Kadyuk, Yevgeniy Kochat's violoncello instructor

“Everything about a person should be beautiful: their face, clothes, and thoughts

And so it was with Yevgeniy Dmitrievich (Kochat): his face, his soul, everything!

A light, bright personality with an improbable charisma and sense of humor, he radiated warmth and energy, which, like a magnet, attracted musicians to him. His ability to communicate, and his optimism and enthusiasm made the orchestra's atmosphere one of confidence and dependability: one was always comfortable around him. An orchestra is a complex organism; each part has a function that assures their vital activity. Yevgeniy was the soul of the orchestra: at rehearsals he could magnificently combine patience and kindness and yet be demanding and to his colleagues.

The world of music was his life, his oxygen. He breathed by it, receiving it like a magic gift from nature, which he tried to share with the audience. ‘A talent from God’ — this is Yevgeniy. a solo performance by him in the concert cast a spell, the virtuosity of his playing caused unique enjoyment. With the first notes the unity of performer and listener takes place, distances disappear, boundaries between stage and concert hall are erased — spectators instantly are immersed in a wonderful land where ‘the magical violoncello is at first hysterically happy, then alarmingly gentle’. It told of beauty and the joy of life, of eternal truths — love, compassion, and self-sacrifice.

Yevgeniy's musical endowment was not limited to talented performances of known works; he created his own arrangements, and wrote several interesting instrumental jazz pieces. ‘Zhenya’ dreamed of starting his own quartet, and was preparing a repertoire...

October 26, 2002, was a day of mourning day for our orchestra, ‘Times of the Year’. We were orphaned on this day: at the very start of his journey, Yevgeniy's life was cut short. a dependable friend with whom it was possible to

‘go reconnoitering’, an excellent musician who generously gave the listener of ‘the wonderful moments of visions of pure beauty’.

A low bow to you, Yevgeniy Dmitrievich... Bright is the memory of a bright person! We remember!

Written by his colleagues from the orchestra of ‘Times of the Year’

Zhenya (Yevgeniy) was in my music literature class, and was my favorite student. He had an opinion about everything, and though it was not always easy with him, it was never boring. Tall, handsome, clever, and ironic, he was the leader of his course. He was respected for his decency, honesty, and commitment to the profession: one could sense an inner dignity about him.

During the state examinations, he played brilliantly. He seemed to be fortune’s darling, but everything turned out otherwise. Fate was always putting him to the test: in the army, and afterwards. When he was in the army, he would write to me, and I would write back. He never complained about anything, but later I happened to find out what horrors he experienced as a soldier in the ‘hot spots’.

Zhenya was always in the thick of cultural and historical events. We were all happy for him when he got into the ‘Gnesinka’ (the Gnesin Institute of Music), and were proud of his success. Whenever Zhenya came to Chernivtsy, he would always come see me, and we would talk for hours. He was a wonderful storyteller, deep, and a real musician. He had wisdom about life, and sometimes I even thought he was older than me. He brought his wife Sashenka along ‘for inspection’ once. They looked so touching side by side: frail, little Sasha and big, strong Zhenya... Here they are just sitting together at ‘Nord-Ost’ on the last day of his life...

I still have Zhenya’s presents: several books about art, records, and, most important, a cassette recording of a concert by the string quartet that he founded. He was proud of it, and that is where Sashenka played.

On my piano is Zhenya’s portrait, from which he looks at me, as always, with irony.

I really miss him.

*Written by Irina Medrish,
teacher at the Chernivtsy School of the Arts*

KOGOS, ALLA

Age 64, from Belgorod, Russia.

She was born in Moscow in 1937 and graduated by the Sechenov Medical Institute in Moscow. In 1960 she moved to Belgorod together with her husband, Josef Grigorevich Kogos, a new graduate of the Moscow Institute of Transportation Technology.

The entire work life of A.Y. Kogos was connected with a single enterprise — the Belgorod Citric Acid Factory (later Citrobel, Inc.), where for 40 years, right up until the tragic events of 2002, she was in charge of one of the main production facilities.

Alla Yakovlevna's high levels of professionalism, competence, and responsibility were noted through many awards, including medals from the government, such as the Work Achievement and Veteran of Labor awards. She was an experienced and proficient specialist in her field, a person with a wide horizon and multiple interests. She distinguished herself through her education, intelligence, culture, and the way she handled others with respect.

I was always proud that mother was a Muscovite, despite living in Belgorod for more than forty years. Moscow, with its unique society and culture had formed her on the inside, giving her its inexhaustible interest in life in all its manifestations. Remaining in Moscow were the people who were the closest to her — her mother, and her brother with his wife and two nephews, as well as many relatives and friends. Because of this invisible link, mother used every chance to get together with them, and, of course, with her dear city, from which, it seemed, she gained her special strengths in life.

Mother was a production worker, a chemical engineer, but also had a feel and understanding for arts. She loved the theater, almost able to professionally distinguish the finest nuances of the stage. She read a lot, and through some surprising manner, despite her other duties, she always knew what was going on in our country and abroad, in the world in general.

Mother was very musical in nature (I am grateful that I inherited this trait!), but she never sang loudly, as they do around the table, but scarcely audible, when busy with other things.

Together with my father, she decorated their apartment very comfortably. It will always remain in my memory as the only place on earth that I felt fully protected.

Mother was a reserved person, quietly and confidently reaching decisions, and this confidence infected everyone who was nearby. I do not remember her ever fussing or being weak at any moment. When father died, she asked that he be left at their house for the night, and she sat up and spoke to whom until the morning about everything that could not fit into their long years together.

Mother was very charming, beautiful, and preserved attractiveness regardless of age and until the very end. I never saw her hurriedly dressed. She always took care of her appearance. Through the years she managed to keep the feel for all things modern. She knew how to talk as equals with younger people and me. We frequently celebrated my birthdays together in the country, and recall those out of town trips in May as the

happiest moments of my life.

Mother became a grandmother relatively late in life, and the birth of her long-awaited grandson Konstantin, named after my father, became for her a big moment. New plans for life, dreams, and hopes were connected with it. Life went by, and many happy things occurred. 'Kostik' was a great student, active in sports, and our next dream became Moscow. We hoped when 'Kostya' would enter one of the capital's colleges, that grandma would return to Moscow and live with him. How interesting and happy we pictured the new future to be! But mother was not destined to celebrate her grandson's victories in prestigious mathematical Olympics, or see 'Kostya' on his graduation night, or experience pride at his gold medal and successful acceptance into the Moscow Institute of Physics, one of the hardest colleges in the country to get into. They missed out on a lot of joyful moments together.

During those fateful events there was a lot that was almost mystical. When mother was in Moscow, they found a dead bird on her office windowsill. Even now, I recall with tightness in my chest the evening before the calamity, when due to some confluence of circumstances our whole family had gathered at the home of 'Misha', mother's brother Mikhail. I was to fly to Germany on business, and so we had an unplanned get together, as if a heavenly power had wished us give us a chance to be together one last time. It was such a remarkable family evening! Oh, how warm and happy we were together! Adding to the joy was mother's nephew 'Yasha', who had two tickets to the famous musical 'Nord-Ost', which mother planned to see with him. If we could only have known that this unexpected joy were to turn into such an irreplaceable loss...

I found out about the events at Dubrovka when I called Mikhail in Moscow. He said: "Terrorists took hostages during the show. Alexey and Mama are there." I understood that tragedy had arrived. Returning from Germany, I immediately went to where the relatives of the hostages were gathering. There were hundreds just like us, lost, suffering, and praying. We hung on every word of the officials and whatever information we could get. The first lists breathed hope into us, which was justified — Alexey was alive! But mother's name was not on that, or any other list, and never did turn up... We did not wish to reconcile ourselves to the terrible thought even then, when together with the families of other hostages; we were invited to identify the missing from photographs.

We had no strength left to cry. It was simply that one life had ended, and another began — without mother.

Written by her son, Gregory Kogos

Several times a year the doorbell in our Moscow apartment would ring with uncommon impatience, and behind the door would be happy Allochka Kogos with a smile on her beautiful face.

This was a friend of Mila's from her school days, when we lived in neighboring apartment buildings. They grew up together, and only separated when Allochka married and moved with her husband to Belgorod.

But Moscow always drew her back. Her mother lived there, as did her brother and his family. And Mila.

"I don't have any friend like you in Belgorod, Milochka," said Alla. "And I never will," She added with regret. "And we don't have any theaters like Moscow does."

In time, however, she got used to Belgorod. She became an authority at the factory — her factory. They respected her as an efficient engineer. Her son grew up there, and he acquired a family, and presented her with a grandson. The young grandmother could not hide her enthusiastic love for the little one.

Everything was going well in her family. On some important occasion Allochka put on a magnificent party and invited her dearest guests from Moscow: her mother, her aunt, and Mila, and they all came and their presence made Alla happy. The guests were also pleased at the reunion, the reception, the comfortable apartment, and the shining, well-dressed, beautiful mistress of the house. Allochka's husband also emphasized the joy of the party in every way.

Life, however, does not always consist of holidays alone. Misfortune burst out. After a major heart attack Kostya, Allochka's husband, became disabled for several years, their last years together.

It was a difficult time. But even then, after leaving her husband in the care of her daughter-in-law, Allochka would escape to Moscow to visit her mother. And during these short visits the doorbell in our apartment would most certainly ring.

Allochka bore the death of her husband heavily, but with fortitude. She buried herself in work, spent a lot of time with her grandson, and — most importantly — she traveled to Moscow on every holiday and vacation.

I should have acquainted the reader, at the very beginning, with Allochka, and mentioned her exceptional love of the theater. Whenever she showed up in Moscow, her first order of business was to ask Mila about premiers that were showing, and her handbag would then fill with theater tickets. She often went together with friends, but after we left our absence deprived her of such company, and — most importantly — contact with a friend such as Mila. Allochka was often bored and would call up my oldest daughter in Ufa to find out how things were for us in our new home (in the US), and complain of her loneliness. And we would get sad from such distant greetings.

Time passed unnoticed. Life changed. The world changed. There were bombings in Israel and in the Moscow metro. The entire planet was shaken on September 11th. But something such as terrorists taking hundreds of peaceful spectators hostage in a Moscow theater, where they had gone to see the famous musical 'Nord-Ost', was the atrocity the world has never known.

Those of us here, in America, tearfully worried about our compatriots in Moscow. Grief fell upon the families of those whose loved ones were in the theater on Dubrovka that evening, and never returned home.

On November 24th, 2002, Mila called Belgorod in order to wish her friend a happy birthday. She was unable to reach her at home, and so she called up Allochka's brother.

...And then from the other room I heard a terrible cry, and Mila's sobbing: she had just found out that her best friend, our Alla Kogos, was among the 130 spectators who died from gas at that terrible tragedy in the theater at Dubrovka.

All of Belgorod went to Allochka's funeral, but we still cannot believe that our dear, kind friend is gone.

Written by Lelya Khaikina, from the novel "Fleeting encounters"

KONONOVA, GALINA

Age 52, from Moscow, Russia.

My mother, Galina Vasilyevna Kononova, was born into a simple family on February 5th, 1950, in the city of Kostkova, Novgorod district. She finished 11th grade, then attended technical school and the Novgorod State Teaching Institute.

After the institute mother was certified as a middle school mathematics teacher. She married, moved to Moscow, and I was born in 1985.

For some time mother worked in her profession, then moved to work at the Krasniy Bogatyr factory until it closed. After this she got work at the municipal housing department. In the late 1990s she was offered a job at the Bogorod

regional directorate, where she worked until the end of her life.

Mother was always a highly skilled, responsible colleague, and was valued and respected for her attentiveness and kindness to her work associates, neighbors, and friends. She was ready at any time to give valuable advice or assistance. Whatever mother set her mind on she accomplished spectacularly, whether it was needlework or cooking.

She was my closest and most dependable friend, someone I could tell anything to, and who understood me. It has been almost six years that she has been gone, but I still cannot believe it, since she was always there...

Written by her son, Vladimir Kononov

KORABLYOV, VLADIMIR

Age 55; from Moscow, Russia.

Vladimir Korablyov was born in 1947. He graduated from several military academies, and worked in a host of African countries, including Mali, where he was a military attaché in the embassy of the USSR from 1983 to 1987. From 1991 to 1997 he was a military attaché in France. From 1992-2002 he was the Russian military advisor to the OBSE in Vienna. He received many awards and decorations, including the military order of "Service in the Armed Forces". The Russian Orthodox Church also awarded him the order of "Daniel Moskovsky" for his work in reviving the Russian Church in Paris.

The sad news of the death of Volodya Korablyov and his daughter Natasha in the theatrical center on Dubrovka left shaken all who knew and loved this intelligent, educated, and hospitable Russian fellow.

I happened to work with him in Africa and France. He was a very open and frank

officer, despite his special responsibilities. His affability completely destroyed the axiom of the swaggering and inaccessible Soviet-Russian diplomat, and even more so the anecdotal military man of the Soviet era.

Volodya spoke a minimum of five languages, and was very well read. He also had a deep appreciation and love of the arts. He knew to meet and regard people not by the clothes they wore, but by their character, and he was drawn to people without regards for his own self-interest, but just in search of interesting and pleasant human contact.

Volodya was a religious officer. He was well known in his parish in the Paris suburb of Vanve, at the Holy Trinity, Holy Martyrs, and Russian Confessors Orthodox church. He made an unconditional contribution to strengthen the authority of the cathedral and his parish, and Volodya enjoyed a long-lasting friendship with the church's former director.

Vladimir Borisovich attended 'Nord-Ost' with his wife Lena and daughter Natasha. When his son Daniel arrived at the hospital after the assault on the theater, only Lena remained among the living. It was a tremendous loss, since not long before this tragedy the family had suffered the deaths of Volodya's daughter in law and tiny grandson.

Colonel Korablyov was a military attache in France and still had many friends in Paris and the rest of that country. I am now appealing to those friends of his who are perhaps reading these lines. Let us remember our dear friend and his daughter as martyrs. We lost Volodya, a man who decorated and ennobled this not always so enjoyable existence of ours, an existence where a man who passed through the carnage of African flash points unscathed, lost his life at the theater in his own capital city.

Written by Victor Onuchko in 'Courrier Parisien', #5, 2002

KORABLYOVA, NATALYA

Age 26; from Moscow, Russia.

My little daughter, my kin!

Gentle and frail, she gave me strength and confidence in every bitter and complex situation in life.

So much talent was given her by destiny: figure skating, music school and dance studios, and languages. French was like a second native tongue to her, and she studied under a native French teacher in a special school, and later in the Alliance Francois lyceum in Paris. She also knew English, Spanish, and German, and had done an internship in London.

While studying at the Sorbonne, 'Natoosya' sometimes came from her classes and reported that she once again had to produce her Russian passport, to prove that she was not French, but Russian.

The Russian artist Georgy Shishkin, renowned in France, sketched her portraits. He named the series 'Feminine Tenderness', and exhibited them in galleries in Versailles and Monaco, where we admired our little daughter with pride.

In the United Arab Emirates, Natalya's portrait wearing traditional Russian head-wear was called Grad Kitezh and opened the exhibition, and was sold after it was over. With the proceeds from the sale, the artist bought an apartment on the bank of the Seine in Paris.

Continuing her studies at Moscow's Friendship of the Peoples University, our daughter worked for the office of a Swiss firm. For her excellent work on her diploma, which occupied an honored place in the competition, Natoosya had her studies for her master's degree paid for, and received her master's degree that summer, three months before 'Nord-Ost'. Her dossier was sent to the international offices of UNESCO in Geneva, and she had so much to look forward to in the future...

The happy fiancée of a Swiss businessman... They met on the steps of the cathedral of Christ the Savior, where he was to go on an excursion where Natoosya was the translator. "And lightening struck us," he told me, as we walked along their favorite Moscow spots AFTER the tragedy...

For her 25th birthday her fiancé organized a trip to Brazil, so that he could celebrate her birthday several times while they crossed through time zones. It seemed that so much happiness lay ahead...

But at her 26th birthday, Erik, bitterly sobbing by her grave, unashamed of his masculine tears, placed on her thin finger a wedding band, and bid her farewell before her last road to Eternity!

"Our little sunbeam" is what our family called Natoosya. "Little boat" (Korablik), is what her friends called her. My solar boat has sailed away FOREVER. What a terrible word!

A horrible anguish, which does not wish to change to bright sorrow...

Written by her mother, Elena Korablyova

KUZMENKOV, SERGEY

Age 47, from Moscow, Russia.

Sergey graduated from the department of elementary particle physics in 1978. He received his degree at the OIYI (Joint Institute of Nuclear Research), at the neutron physics laboratory on a topic related to biophysics. His hometown was the village of Kasplya in the Smolensk district. He entered the physics department after graduating from renowned Kolmogorovsky boarding school #18.

'Seryozha' Kuzmenkov was a classmate, but for two and half years we studied in different classes and were in different groups. He was in the first class, in group #13 (later #23 and #33). After finishing general studies we chose the same specialty and ended up in the department of elementary particle physics, which was headed by the legendary — and I am not afraid to use this word — Academician Bruno Pontecorvo, or as we called him, Bruno Maximovich, who was sung about by Vysotskiy and trained by Enrico Fermi. Bruno Maximovich had

been living in the Soviet Union for more than a quarter century and spoke Russian with a strong Italian accent, but he pronounced scientific terms in the international language of physics: English. He was, like all truly great persons, simple in conversation, accessible, and commanded a marvelous sense of humor.

Our department, together with the department of theoretical nuclear physics, was headed by Academician D.I. Blokhintsev, and was based in Dubna at the well-known OIYI. We spent the last two years of our training there, from the middle of our fourth year onward, learning the basics of our scientific work. We rarely crossed paths with the rest of our classmates, who were training at other departments out of Moscow. Our dissertations were being done in different scientific research establishments, and so in the evenings we got together with other residents of the Dubna student hostel. Everyone lived here, even the Muscovites. Though three decades have passed, I still warmly recall those times in Dubna.

Unfortunately, I did not know Seryozha Kuzmenkov during those glorious days. We met soon after graduation, then lost track of each other. He was at our 20-year college reunion, which I was unable to attend. I made it to the 25-year reunion, and there we raised our glasses to him. We did not let our glasses touch, however (Russian tradition of remembering the dead). It had been only a little more than three months since that tragic October 2002.

From his picture I noticed that he had changed quite a bit on the outside, but he was still the same bright, humorous, quick-witted 'Batya' ('Pops' was his nickname even during the first courses, obviously in contrast to his boyish looks — he was one of the youngest in the classes).

Written by Nikolay Shalygin

KUZNETSOVA, SVETLANA

Age 36, from Perm, Russia.

Born in Polazna on April 3rd, 1966.

Worked as division head for the economics section of Lukoil-Perm.

SHE CHANGED THE WORLD AROUND HER...

Svetlana Kuznetsova, who also died six years ago, spent her last years working in Perm. The girl surprised her colleagues. "When it was lunch time," recalled Elena Ovsennikova, a division chief for economic planning at another business in Perm, "Sveta would take off like a shot and run to do everything she's planned for the break. She could've stayed here until after work, but she had to do what she'd

planned as soon as possible."

"It's rare that professionalism, career goals, and good relations with others is combined in a person," continued Natalya Marina, another of her former colleagues. "For our birthdays she gave us collars and handkerchiefs, which she had knitted

herself. She was never able to have a family, unfortunately. She wanted it a lot.”

“She loved life, and was one of those people who takes a big bite out of it,” added Tatiana Bochkaryova, another fellow worker.

“Right before Svetlana left for Moscow she got her driver’s license, furnished an apartment in Perm, and learned English,” recalled Elena Ovsennikova.

On her time off before her trip to Moscow for a training seminar, Svetlana went into work. She wanted to finish things. She had scheduled her trip to last a month. Her colleagues said that she wanted to go very much, and said that at long last she would have a chance to relax.

Written by Mikhail Danilovich in ‘The Perm News’, October 24th, 2008

KUNOVA, SVETLANA

Age 34, from Moscow, Russia.

She was born February 15th, 1968, in the city of Moscow. In 1985 she graduated with honors from Middle School #6. Along with her general studies, she finished music school in the violin. That same year she entered the Mendeleev Chemical Technical Institute in Moscow. During her studies at the institute she worked under T.E. Tsupak, PhD candidate. In recognition of her work at the institute she received a trip to Hungary in 1989. She graduated in 1991 with a degree in electrochemistry.

After graduation she was sent to the TEhMP television factory. That same year she married, and on March 26th, 1992, her daughter Natalya Kunova was born. After finishing her work-study at the factory, she found work as a senior consultant in one of the fashion boutiques in Moscow, “Interoptika”, and worked there until her death on the awful day of October 23rd, 2002.

One must mention that Svetlana was very creative in raising her daughter, as well as being a remarkable mother she was for Natasha like a girlfriend or an older sister, and dedicated all her free time to her. Svetlana and her daughter traveled overseas a lot, both on vacation and in the dance troupe which Natalya joined. Svetlana passed on not just her taste for fashion, but introduced her to culture, bringing her along to the theater and concerts, to every possible art exhibition. Everything was done for the sake of 10 year-old Natasha’s education (for this was the age when Svetlana died). Who could have thought that one day she would not return from a visit to the theater.

We have a large family, and Svetlana was literally one of the brightest, most pure, and kindest of people, the kind about whom they say is “a person with a great big heart and soul”. There was never anyone whom she did not want to help or rescue from grief. She was very kind and everything she set her mind to she finished with an “A+”. No matter what difficulties in her life, she knew how to conquer these, to make it through the hard times, and move ahead, never looking back.

Besides this, Svetlana was a strikingly beautiful and elegant woman. She understood

fashion and how to dress fashionably. She also knew how to select luxury items and interiors. She furnished her home with love, and even taught us. She was a true interior decorator. She was always out ahead of us, and dragging us along. Everyone compared themselves to her, and wished to be just like her, but, alas, such people as her are born but rarely, while they die, strangely enough, very early. You never have a chance to say everything you wanted, or do the things you wanted; whatever you have done you never get out of life all the beauty and joy, when suddenly it is all over. For our whole family those days have become the blackest and most terrible. It seemed that there were no forebodings, but there were signs nonetheless. Several days before the tragedy, Sveta had a strange dream. She told no one what it was, but afterwards she called all her friends and asked if anything bad had happened to them. Then she assumed that something bad had not happened to someone else, but was to happen to her. The second sign, to which she paid no attention on that day, was her daughter's desire not to go to "Nord-Ost". Natasha resisted in every way possible, and tried to talk Svetlana out of going, but Svetlana refused, because she wanted very much to take her loving daughter to that musical.

That day Svetlana and her daughter became hostages of Chechen terrorists at Dubrovka. Through some miracle Natasha made it out — when they began to release the foreigners' children, Svetlana handed her a cell phone and told her to go with the other children. a Chechen woman let the daughter go into the corridor and out onto the street, almost undressed, without any outer clothing and only in a blouse. a boy walked with her down the hallway, and his mother unfortunately also died. Later Natasha called grandma and grandpa and home, and they came and got her at the theater building on Dubrovka.

They say that time flies, but such a wound is impossible to heal. It has been six years since the day of her death, the senseless and absurd death of our Sveta, but we will never cease remembering her. Continuing to grow up is Natasha, her daughter, to whom Sveta gave all, and who took from her mother all the best. Yes, she is already 16, and for the last six years she has lived without her MOTHER! Only Natasha knows how much she misses her mother, but she holds on and is growing up a good girl to the joy of grandma and grandpa. She gets good grades and studies at the music, English, and art schools, and took up dancing. We thank the Lord that she was not taken with Sveta, and that Natasha is still with us, because it means that a little piece of Svetlana still lives among us, bringing us joy and giving us the strength to live on. I think that if Sveta were still alive, she would be very proud.

Written by her niece, Ekaterina Bugakova

KURBATOVA, KRISTINA

Age 13; from Moscow, Russia.

It has been more than a year that our family has been living without Kristina, although I would hardly call this living; it has been a year of unending misfortune and pain. My father keeps trying to find out the truth, and is constantly writing letters. Letters to the district attorney's office, or to the Attorney General, or the lawyer, or anyone he can. My mother? My mother... She just cries.

I did not just lose my sister at 'Nord-Ost'. I lost much, much more. I lost a part of my heart, my best friend. Everything that was dear and clean and bright and beautiful died along with her.

When we were growing up and had our little quarrels, Mom used tell us: "You girls should be best friends, because Dad and I aren't going to be here forever, but you'll live hand in hand, helping each other." And now?

What is it all about now?

Kristina always had lots of friends. She was almost everybody's favorite. Everyone who knew her liked her, and a smile never left her pretty face. She had an amazing ability to live in peace and harmony with everyone around her, and with herself. It was not just her classmates and friends who got along easily with her, but even my friends, who were much older than her, they enjoyed talking with her. Conversation with Kristina was always interesting, and inspiring.

Kristina used to spend her free time reading books and learning the computer, just like many children her age. It felt like she lacked free time — it always seemed like she never had enough. Now it seems to me that she was trying to grab a hold of life, to do as much as she possible could quickly, as if she knew that there so many things that she would never be able to do.

She was only thirteen. Thirteen!

She dedicated a year and a half of her life to the musical 'Nord-Ost'. Six months before the premier she went through the casting 3 times, and finally landed the role of the play's main character: Katerina as a schoolgirl. Kristina was so proud! She was even more happy when they told her that she would be starring the first night. All of us, our parents and I, worried so, but Kristina performed perfectly, and the rest of that year she almost lived on the stage. Sometimes we could not believe that it was our Kristina up there, but Katerina Tatarinova, the heroine from Kaverin's novel 'Two Captains' that was the inspiration for the play. Our family even met New Year's at the theater, just as Kristina wished, because the theater became for her a second home, and the actors there were like a second family.

Three days before the siege of the 'Nord-Ost', the theater was celebrating the first anniversary of their premier. It was a real festivity, with music and laughter and joy. Kristina was happy, and we were happy to be with her and near her. We had always been together, and many remarked that we were such a happy and devoted family.

There is a Russian superstition that grumpy old ladies often use to scold children: do not laugh too much today, or you will surely cry tomorrow. It turned out that we would pay for our happiness, and the price was very, very high.

October 23rd, 2002, crossed out everything: the past, and the present.

What was Kristina thinking about, sitting there during the siege? Was she hoping, and waiting for help? Did she believe, as everybody did, that it would turn out all right? Her friends told us later, that when gas attack started, when everyone noticed the gas, Kristina tore up her skirt and handed out pieces of cloth to the other children to cover their mouths and to breathe through it. My beloved sister. She could not have done otherwise.

It is simply too hard for me to think about it, about how nobody did anything to save her. She was denied the most important of things — her right to live. Why? What for? Whose evil will was done? My parents are searching for answers. Grief and sorrow will now dwell in our house, forever. I can only thank God that Kristina was in my life for a little while. Her memory is all that remains, and that can never be taken away from me.

Written by her sister, Anastasiya Kurbatova (www.nordostjustice.org)

KURILENKO, ARSENIY

Age 13; from Moscow, Russia.

Arseniy. He is my son. He is my son, and I do not wish to speak of him in the past tense...

It is a hot June day when you come into the world, June 15th, 1989. You are big — 4 kg 50 grams (8 lbs 15 oz)! a serious boy with knit brows. The image of your grandfather, my father, Igor Saslavsky.

What a great happiness it is to get up at 5 a.m., to don a white hospital scarf and carefully hide my hair under it, to wash my breast and then wait for them to bring in my little miracle for his feeding! You already know that I am your mama, a mama who loves you more than anyone else in the world, a mama who will put her

whole soul into you, and all her strength, a mother who will never let you get hurt. You are under my wing and under my protection!

Do you remember the first time you went on stage? You are four years old, the show is 'Hambrinus' at the Nikitsky Gates Theater, and the scene is 'The Jewish Pogrom'. It is a scary scene, and you are terribly frightened and tell me that you do not want to act anymore. Later you think it all over and decide that you can cope with your worries and fear and it all turns out all right. Everything always turns out all right for you: you make friends with everyone, with boys and girls, with the big and the small, and you get along in any company, not scorning anyone or discriminating.

It turns out that all by yourself, without anyone's help, you get into the troupe of the musical 'Nord-Ost'. To the surprise of the physician from the Botkin Hospital, you rid yourself of the growths on your vocal chords, and end up playing the lead child role in the musical, the role of Sanya Grigorev as a boy.

And how you played it! I tell you after the show that I am so proud of you! I am so happy that I was able to do this. Your father, however, cannot say a word after the show, because there is no words to express it. He is simply stunned; he never expected such a thing. He is also proud of you, my dear son!

Everything turns out all right for you... Except that you do not manage to stay alive, to leave the captivity that fetters your body and holds you hostage there. But one cannot take the soul prisoner, it is impossible, it is Freedom, Love, and it takes flight, your soul frees itself, my dear, my darling, my innocent baby.

You and Kristina leave this world together, a world where your life was but small change for those who pursue their interests at this awful “show” of theirs. You both leave a world where the most valuable thing that can ever be, Life, God’s gift to us, is now devalued and destroyed.

Kristina is the girl you tell me about the last time we speak, the girl you buy earrings for but decide not to give them to her without a reason, and so you keep them as a surprise for her birthday. All these expectations, hopes, and dreams, all of life... is in the past now.

And I am crying bitterly, and the tears dim my eyes. There is a lump in my throat, but I know that there is no such thing as death, because you cannot kill something so beautiful, so cherished, so dear, and so priceless!

Written by his mother, Victoria Zaslavskaya

LAVROV, DMITRIY

Age 31, from Zhukovskiy, Moscow District, Russia.

Dmitriy Nikolayevich Lavrov was born on April 24th, 1971, to a serviceman’s family in the city of Zhukovskiy. His father worked as an engineer at TsAGI, the Central Aerodynamics Institute, while his mother was a radio technician for the LII (test flight institute — ed.) a city was built near these institutes outside of Moscow, which became the center of aviation research in Russia, but during the Soviet days it was kept secret, and little was known about it, even to Muscovites.

Like many Soviet-era boys, Dima went to kindergarten.

He grew up a bright and curious boy, starting sports at age six with figure skating, even before beginning elementary school at 7. He did not distinguish himself in his classes at first, but he studied well, was a hard worker, and independent for his age. Dima did what was generally accepted as domestic duties, and he tried to do these well. Also at this time his interest in technology started to show. At first there were complex electro-mechanical toys: vehicles, a submarine, a toy train. Later there were do-it-yourself kits of model airplanes, tanks, and cars. In middle school Dima built his first crystal radio set. He loved to build things and figure things out on his own, and read a lot of technical magazines. His favorite subjects in school were physics and math. In high school Dima decided that after graduation he

would attend college, and his confidence led to victory in the city school math and physics Olympics, as well as in studies at the Moscow technical institute preparatory courses. His love of reading helped him master a mass of information, but Dima was not the classical 'bookworm': he still loved to ride around on his motorcycle, listen to music, and train for sports. At the same time, he continued to pursue figure skating and finished his master's degree in sports.

On receiving his diploma, Dima took the entrance examinations for Moscow state university and the Moscow physics technical institute (MFTI). Passing both examinations, he chose MFTI. a branch of this institute, FALT, was in his hometown, preparing science specialists for aviation research institutes. Becoming a student at MFTI meant the first step on the path to this science. During the Soviet days, graduates of FALT were highly regarded for the level of their training, because many young scientists came from the hallowed halls of this institute. Six years of education passed quickly, but when Dima finally graduated it was a time of change in the nation, which caused a sharp change in his life. 'Perestroika' was moving full-speed ahead in the country, and he had to choose: either he would rely on the government, or use his own resources to create his future. Dima chose the latter and started working for a small construction company that fellow classmates from the institute had founded.

Once again he had work to do, and had to learn a lot. It was a new profession: he had to communicate with strangers and direct subordinates, all of which required new knowledge. Little by little Dima became acquainted with this new world, the world of business. In 1994 Dima got married, and within a year the young family of Dima and Oksana saw the birth of their charming daughter 'Nastenka' (Anastasiya). The young couple's life entered a new phase, and the next seven years were happy ones with caring for the little daughter, and family joys and hopes for an even better future. They dreamed of a new apartment where they would have room for yet another child. It was not merely a dream, for Dima soon went to work for a company that made plastic windows, called 'New Attic Windows' where he worked as the company's finance officer. After working here a little longer than three years, he became one of its directors. Everyone at work called him Dmitriy Nikolayevich, but they called him by his patronymic not because of his position, but because of his personal qualities. Alexander Onoprienko, the general director of the firm, summed up the opinion of all Dima's colleagues:

"Everything in him was balanced, and he never fell into a state of gloom, but charged everyone with his positive energy from the very beginning. In speaking with friends, Dima always added good mood, excitement and fun. Dima was an astonishing person, the kind you always wanted to live next to. Kind, happy, buoyant, and never, ever mean. Dima, people always wanted to be with you because you are the pivot, which attracts other people to the orbit of your life. You knew how to give everyone a little bit of happiness. You were a remarkable colleague, work comrade, and director. Making an enormous contribution to our general work, giving your all, you helping everyone. You taught us and provided us with an example, and supported us in the difficult times. You knew how to love and be loved. It is a terrible tragedy that the shrapnel of evil struck the best of us. Dima, a person is still alive while the memory of him yet lives. You will live a long time, for you are simply impossible to forget."

These words were pronounced during the solemn minutes of our parting with Dima. On October 23rd, 2002, Dima and his wife Oksana went to Moscow to see the musical 'Nord-Ost', leaving their daughter with his parents. That evening during intermission, Dima called his mother and told her enthusiastically about what they had seen, and offered to buy his parents tickets to the show. He also warned them that they might be a bit late getting home. A few minutes later, there was an emergency announcement on television, reporting the capture of hostages at Dubrovka. In those first minutes the elder Lavrov, on hearing the news, hoped that it had nothing to do with their children, but when Oksana called, the terrible fear became reality. Time stopped as the hours of waiting drew out. Dima and Oksana were in the 14th row, but the terrorists forced them to move to the center of the auditorium, next to a 50 kg bomb. They held out, with no hysterics, and periodically sent SMS (cell phone text messages – ed.) in which they reported that all would be well, and that their parents need not worry. Later, communications ceased altogether. What they went through in the theater remains a secret, since no reliable information has ever been given to relatives by the authorities. It is not known exactly when the gas was administered into the theater before the assault. According to Oksana, they managed to see the gas, but the next moment Dima, then she, lost consciousness. Oksana awoke in City Hospital #13, but no one knew anything about Dima. For two days, while no lists of the rescued hostages were published, Dima's parents clung to the hope that Dima was still alive somewhere. For days Dima's friends hid the tragic news from Oksana and Dima's parents.

On October 26th, at 7:20 a.m., an ambulance crew received a young man at the theatrical center. He showed no signs of life, and, after ascertaining his death, the ambulance crew transferred him to the Lyublin morgue. From a passport and driver's license found in the pocket on the deceased's jacket, it was determined that he was Dmitriy Nikolayevich Lavrov.

Dima's life ended while he was in full bloom – he lived 31 years, 6 months, and 1 day.

He was buried in the city of Zhukovskiy, in the churchyard at Ostrovtsy.

Written by his parents

LAVROVA, IRINA

Age 21; from Moscow, Russia.

Irina Mikhaylovna Lavrova was born in Moscow on June 28th, 1981.

She graduated from high school with honors in 1998, and a year later entered the Second Medical Institute (RGMU).

When 'Nord-Ost' happened, she was in her fourth year of medical school. She would have been an outstanding physician; it was as if God had chosen her for the profession. When we would call her 'our doctor', she would say: "I'm still not a doctor, I'm just a doctorette." With her around, things were always easy, and during our family's hard times she was like a rock, supporting me, in spite of being only 16 years old.

When they broadcast the terrible news on television, I could not even think that anything bad could happen to her. She was there with friends, and her dearest one, a man she was preparing to spend the rest of her life with. He protected her as best as he could, but later blamed himself for not being able to save her.

Three days of searching ended at the morgue. I do not remember very well what happened after that. I only remember that there were a lot of people at her funeral. There were her fellow medical students, and even classmates from high school, and here I saw how many people were not indifferent to Ira. Everyone loved her and trusted her with their secrets and worries, and she could always find the right words for them.

There is a theory that people, once they leave this world, move to a parallel one where all those desires that they never were able to fulfill here on earth, are at last granted. I would like to believe this. I hope that she is happy in that other world, and has finished all that she could not manage to finish here. Kind and bright — such was her soul.

Written by her mother, Alla Lavrova

Ira was an amazing person — interesting, absorbed in many things, and a very good friend. She always knew what she wanted and had clear principles that she never deviated from. For example, she wanted to be a good, perhaps not simply good, but the best physician she could possibly be. Patiently and stubbornly she pursued this goal. She wanted a nice family, and right away, from the first date, she looked for the man with whom she could be happy.

"I know how to choose a friend once and forever." Truly, she knew how to read someone's heart at a glance, and know if they were similar. She was a devoted friend. From the start of our acquaintance she took over my "mentorship", perhaps because she was a bit older than me or more likely because she always tried to take care of everyone.

She always spoke warmly about her relatives. She cared about her mother, for whom she was the only means of support, and worried over the future of her little sister and the health of her grandmother. I think that in the course of time she would have

become the head of the family, allowing her mother some respite.

One would like to write more, but it is all too personal. Sometimes she would make a mistake, but she was always someone who loved and was loved.

Written by a friend, Natasha Shuykova

LETYAGO, ALEXANDRA

Age 13; from Karaganda, Kazakstan.

Happiness is a philosophical concept, and every family has its own HAPPINESS. Happiness in our family was SASHENKA.

Sasha was born on July 16th, 1989, in the city of Karaganda, in Kazakhstan.

We awaited her birth with such impatience. We were filled with a feeling of happiness and pride, which comes with giving birth to a new person on Earth. a new time began in our family, the time of Sashenka's growing up.

We were joyful at her first little tooth, her first baby steps, and her first word. a feeling of pride enveloped us when Sasha, at 3 years of age, learned the alphabet and

read her first words.

From an early age she was a life-loving and cheerful child. Everything interested her. First, she loved having books endlessly read to her, and then she began to read herself. She especially loved to read books about history, or about great journeys. Inspired, Sasha would tell all about countries and their cities, about museums, music that she loved, theater, and painting. It was always interesting to discuss her new knowledge with her. Through Sasha's prism of perception, everything became so bright, so unforgettable, and so new. We delighted in all of it with her.

Sasha wrote stories, poems, and thought up games. Her great passion was computer.

Sasha's appearance was that of a tender, frail little girl, but she adored bicycle riding, roller skating, and skateboarding. Riding bikes with adults, she traveled about the entire city. She loved nature, and loved riding to our dacha. And, of course, she loved animals, especially cats, dogs, and horses.

But the most amazing love that Sasha had was for people. Even at 13 years of age, she already had a strong, winning personality, which was never indifferent, and knew when to bear responsibility for others. Her classmates said: "Sasha had lots of friends, and she never quarreled with anyone, ever. We called her the 'lawyer', because she'd solve not just our class conflicts, but other class's issues too; we followed her advice, and even her decisions. She knew how to solve any problem. Because of this, she was greatly respected in the school."

And certainly, one cannot fail to speak about her love for her parents and friends. Somehow, she loved each one of them in her own way. She was so tender, and in this so very, very strong. We looked on her as our own child, and a friend. She would find

a warm word for everyone, and wanted to care for all of us all in our old age. We were very happy with her.

We have now been deprived of our happiness. They took away our Sasha. Now all that remains is the pain of loss, and the MEMORY of this amazingly bright, thirteen year old girl.

Who will answer for this??

No one wants to answer!

Written by her aunt, Roza Ischcenko

I started to write about Sasha several times, but it just never turned out right. I would start to remember, and tears would begin to flow...

I remember when Roza came to our house with little Sashenka. For some reason Sasha didn't want her picture taken, but she loved to take our picture. While we were busy in the kitchen, she played outside with the animals and swung on the swing set. She was a child without problems, never demanding much attention, and could find something she loved doing. Both Kolyas loved to carry her around or simply play around. She dragged Kuzya the cat around until he was half-senseless, while Jerry the dog let Sashunya do anything she wanted to him. We put Jerry on a chain, because we were worried about the child, but it turned out to be pointless. Sasha went and saddled up the dog, and lay on him, while Jerry just put up with it all, and never even tripped her with his chain (as he always did to me).

Sasha often still stands before me. There was one time when we'd gone to her parents house to get jars and such from the cellar. Back then they had a cat named Dasha who would jump around on the bags we'd prepared, while Sasha hung by her arms from the doorframe. Kolya joked with her — how fair-skinned and blue-eyed she was, with long hair. He asked if she had any boyfriends or not. But in 2002 Sasha had her hair cut short and we asked why she had cut off such pretty long hair. Later we came to the opinion that it was no big deal, but better before.

Remember how we worried about Sasha, that she'd catch a cold, and didn't let her go to the aquapark? It was August 29th, 2002, just before school began. On that day we went to the restaurant 'Alladin', Roza and Sasha and me with her godmother Yulka. Secretly we'd arranged a "feast for the belly". It was great — the girls found it interesting and we all had a good time. What did we not try that day! Salads and french fries and cakes and beverages...

Yulka cried when she found out Sashenka was gone...

I often think how it would have been, if...

Perhaps it's better not to think.

Written by Galina Bublik

Sasha and I sat at the same desk, and took the same way to school. She was a very cheerful, and happy girl. When I first came to this school as a new student, she was one of the first to accept me into her crowd, and she helped me join the group. She was a modest girl with a huge heart. She was my first friend in that new school. She was a wonderful person who would help others. She will always remain in my memory, bright and cheerful.

Written by Aldanysh Mamalinova, a classmate

LITVINOVS, BORIS & GALINA

Age 55 (Boris) and 47 (Galina); from Orekhovo-Zuevo, Moscow District, Russia

‘Borichka’ was an angel in the flesh, and a person of unusual spiritual and physical beauty. It rarely happens that a person has such a huge number of positive qualities. He could do EVERYTHING! His only assistant and inspiration in every matter and idea was always Galya. ‘Borya’ built a large, two-floor home with his own hands. He had golden hands, and did such great remodeling jobs for us (his friends)! You can talk forever about their family,

and how they loved having guests! Galya would set such a beautiful table on any given family celebration, and even when someone just came over for a minute and ended up staying longer.

Written by Sofia Slavutskaya, a coworker, 2009

LITVINOV, KONSTANTIN

Age 50; from Moscow, Russia.

The Mitin cemetery proved to be the first of churchyards, which were to accept the numerous victims of the terrorist attack on ‘Nord-Ost’. Yesterday [2002-10-29] the funeral of Konstantin Litvinov was held here. He was a colonel, the commander of one of the military units in Moscow. He was a fellow who gave his whole life to the army, yet died in an undeclared war in the center of the capital.

“He was a real colonel: smart, courageous, businesslike, caring, yet at the same time a demanding commander,” say those who served with him. “He loved sports and music.”

On that fateful evening he went to the musical with several comrades. They survived, but he was carried out of the theater without a pulse.

The funeral was very creative. Several busloads of relatives and friends came to see him off, and there was an honor guard and a military band. Pillows holding the medals of the deceased were carried before the coffin. After the coffin was lowered into the ground, the honor guard fired thrice.

His wife, Vera Andreevna, and his two adult sons, Maxim and Denis, accompanied

Litvinov on his last journey. The sons held themselves bravely, neither crying nor sobbing. The wife, to the very last, could not seem to believe that her husband was no longer with us. During the funeral she ran her fingers over her husband's clenched hands, and cried only when the time came for the farewell kiss.

"All those days, while the terrorists were holding people at the theater, there was no news from Konstantin," said Nina, a close friend of the Litvinov family. "It turned out that he left his cell phone at work that night. We all were going crazy with worry; we searched for him wherever we could. We called all the numbers the authorities gave to relatives of the hostages, went to all the hospitals and morgues. At last Denis, the younger son, called Hospital #29, and went to Morgue #6 located there. Among the computer printouts of pictures of the unidentified bodies, he recognized his father. Afterwards he identified the body."

The medical certificate given to the Litvinov family reads: "cause of death was not determined". The autopsy was performed but the forensic diagnosis has still not been made available to members of the family.

The Litvinovs have lived in Mitin seven years, and so they picked a place close to home for Konstantin's grave. The administrator of the cemetery told 'MK' that a grave application had only come in the evening before, and so the churchyard workers had to work hard. By midday they had dug a grave in the most prestigious spot, right by the entrance, and laid fresh pine branches and hung red and black funeral cloth. The city paid for everything.

They had even prepared in time a white marble headstone, on which were engraved the deceased's name, and dates of birth and death. This July Konstantin Litvinov had turned 50.

In newspaper 'Moscow komsomolets', October, 2002

MAGERLAMOV, OLEG

Age — 36, from Krasnodar, Russia.

He was a graduate of the Kuban Medical Institute with a master's degree in medical sciences. He worked as a staff physician in the department of endoscopic gynecology in Krasnodar city hospital #2. He was a talented surgeon and brilliant specialist of endoscopic gynecology who gave their health back to thousands of women.

He received the Medal of Courage posthumously.

Oleg, or, as all those older than him knew him, 'Olezhek', grew up an only child. His sister Sasha was not born until 1987 when he was already in his third year of medical school.

Even though no one spared the affection on this dark-haired little boy, he did not grow up spoiled. On the contrary: even in childhood he clearly demonstrated a personality of openness, kindness, and aversion to conflict.

He found schoolwork to be easy, like everything in life, or so it seemed. He was the type of person who did not like to discuss his problems, or complain. If something good happened, then he would certainly share his joy with everyone with a talent for describing it all colorfully. It is possible that this is why he had a reputation as a happy and fortunate fellow. Good fortune, however, had to be earned. Oleg was not one to cram for tests at the last minute, but he had a remarkable ability to concentrate his efforts and attention. Several days before a test he ceased going out with friends and all other amusements. He would lock himself behind closed door with books. Such was his concentration while he was mastering all necessary information. Once he got his excellent test scores, however, then nothing and no one could interfere with his having fun.

And, indeed, life was excellent! There was so much to enjoy: rock music and the martial arts, handball and literature. Everything that he liked was the very best, the most staggering, and the most exquisite. His enthusiasm was infectious. Being with him was always interesting and so he always had lots of friends at home, at school, in grandma's village, and later at the institute and everywhere in life. He never found it necessary to fight for the leadership of a group, because a group without him was simply boring.

Oleg's friends loved him, and continue to love him. I have the impression that his main need was a desire to share joy with his loved ones. When you went to visit the Magerlamov family, you could almost always find one of his friends there, since there were so many. Oleg won people's hearts with remarkable ease and they would remain friends for many years. He also gave to life to people in a real way. Not just to his children, Dasha and Olezhek, who are so much like to him. Dasha inherited his kindness and aversion to conflict, while Olezhek has Oleg's looks and quick mind. Oleg also helped infertile women receive the world's greatest gift from Our Lord, the ability to become mothers. He chose the field of gynecology, and was a superb physician and a splendid surgeon. It was due to my Uncle Oleg that I too decided to become a doctor.

While I was a medical student, I was very impressed by Oleg's use of endosurgical

intervention. It was truly impressive and beautiful, and to a certain extent looked quite easy. Only later, when I began to perform these operations, did I find out how “easy” it actually was, and how much talent and hard work it takes to make it that way. For Oleg everything was always easy and beautiful. His patients loved him, for one could not help but love this tall, dark-haired beauty of a doctor who lavished his “girls, beauties, young hens, and so forth” with care, attention, and always emitted a positive attitude suggesting confidence in their cures.

He performed many operations. These were not only physically taxing, but spiritually draining as well. Oleg, however, was always cheerful, sharp-witted, and attentive. He was forever able, and I personally consider this a unique ability, to note any change in one of his lady colleagues, such as a new hairstyle, or jewelry and such, and he would mention it. If he liked it he would lavish it with praise, and if not, he could cheerfully critique it without causing offense. Almost five years have passed, but the entire hospital staff misses Oleg. His portrait yet hangs in the offices and at the nurse’s station. Quite often, and always on the day of his death, fresh-cut flowers stand by these pictures.

Oleg lived a short life, but a brilliant and valuable one. There is some logic to his boiling vitality, his active nature, and his breadth of interests and enjoyments. It was as if he never feared failure or would be unable to accomplish something important. Oleg succeeded at a lot of things. He healed many patients, made his contribution to medical science with his master’s thesis, and even in the auditorium at ‘Nord-Ost’ he assisted the hostages as best he could, and was posthumously awarded the Medal of Courage.

His home was full of people during those difficult days of ‘Nord-Ost’. Although everyone was terribly distressed and worried, they stayed cheerful in order to calm Oleg’s wife Inna. Everyone did not just hope, but was completely certain he would make it out of there, that nothing would happen to him. It is awful, but when reliable sources passed information about the storming of the theater, we were not just encouraged, but unequivocally glad: Oleg was alive and in the hospital. Everyone rejoiced. Inna and two of Oleg’s close friends flew to Moscow and went looking for him. But Oleg was not in one hospital, or another, or a third... Later it was one morgue after another, and they found him in one of these. It was an intolerable tragedy for the frail and childish defenseless ‘Innochka’, for Oleg’s sick father, and all his friends and loved ones. We had already rejoiced, and everyone was thinking about how they would hug Oleg and what they would say to him, which joke would be the funniest and most fitting. He would have simply laughed; he loved a good joke and had an excellent sense of humor. Perhaps, after what he had gone through, he would not have had the strength to smile, but we will now never know.

Now only the memory remains. Everyone has his or her own. Everyone has his or her own tiny piece of the warmth and light that Oleg so generously gave while he was alive.

All of Oleg’s friends, and especially his loved ones, miss him a lot. It seemed that it would get easier as the years pass, but the pain still remains. The only thing that comforts me is the faith that we will meet again. It is possible to put up with a little wait in order to meet such a well-loved person as Oleg.

Written by his nephew, Alexey Zhuyko

I was a patient of Oleg Alamdarovich (Magerlamov) in 1994, when I was 19. He was Oleg Alamdarovich from Timashevsk, and so everyone who knew him or his father came to him for help. My mother was no exception. You know, they sometimes use the term “doctor from God”, and this was Oleg Alamdarovich. Anyone who was ever in his ward simply adored him. He always had a smile, and was cheerful and full of energy. He would explain everything and calm you down. And you cannot even count how many women were able to become mothers thanks to him!

I again turned to him during my pregnancy in 1996. Oleg Alamdarovich was always happy when one of his old patients came to him. He immediately remembered my diagnosis, did an exam, gave the appropriate advice, and we agreed that I should come back two weeks before term. I did not make it — we had scheduled it for a Saturday, but I delivered on that Thursday. I did not see him again, but I heard from others that he was still working.

When I found out that there were doctors among the hostages helping others, I knew immediately who it was — he could not do otherwise.

Written by Natalya Z. from the city of Timashevsk

MALENKO, NATALYA

Age 20; from Moscow, Russia.

I met Natasha Malenko while I was working as a photographer. We met in a place where I rarely set foot — the subway. It was not out of some romantic notion that we made this acquaintance, but because she looked like she would make an ideal photo model. Not in the sense that she was beautiful (which she was), but she had what I could only describe as a photogenic face. It turned out that she was a ballerina, and I cannot describe how this physical exercise helped us in our work.

Many are of the opinion that beautiful women, especially blondes, are stupid. I do not believe that this is true, since Natasha was an extremely intelligent, creative girl with rich inner world. Surprisingly, in her this all was combined with a high capacity for work, responsibility, and what is even more fantastic: a good, gentle, and friendly personality. I cannot ever remember quarreling with her for any reason. We would argue (by the way, this is also proof of her intellect, since you cannot find anything to argue about with an empty headed person), but we never fell into conflict over anything.

Natasha had big plans... I was skeptical about a few of them, but I must admit that Natasha zealously strived to achieve the goals she had set. We planned a big project once: we wanted to have her presented to David Hamilton, and she was going to sing for him (she was even capable of this)... but, you all know what interfered with these plans.

For a long time I could not believe that Natasha was dead. I know that this sounds banal, but that was what it really seemed to me. Each time I thought about who I would

call up for a photo shoot, I remembered Natasha, and only after a few seconds would it occur to me that she was no more. I was always trying to call her up. At times the thought would flash through my head, “something’s wrong, Natasha hasn’t called in awhile,” and bewilderment at such evil injustice would soon follow.

I could not phone her mother, even though I understood that she really needed some help in what she was going through. I just could not accept Natasha’s death...

Now time has passed, but I still think about Natasha a lot. With nostalgia and thankfulness for that remarkable time when we were able to work together.

Written by Alexander Lebedev

Natoulya! My closest and dearest little person!

When you were still alive, I only lived for you, for your joy, your successes, and your sorrows. And I still live for you, or perhaps it would be better to say, that I live for my memories of you, because without you my life has lost all meaning.

For me you are still the beautiful little girl with the doll-like figure, becoming wiser and more talented through the years, but always happy and buoyant, spiritual and sociable, hardy and diligent. You stand before me even now: sometimes singing, sometimes playing the guitar, and sometimes dancing in front of the mirror.

Natasha loved ballet and loved the stage, and she could not imagine life without them. From age five to twelve she studied choreography under T.I. Vasileva, the renowned Polish artist, and later she attended the Duncan school, studying vocals.

Natasha’s interests were many: she took karate (and earned a yellow belt), and completed a three-year course in English. After finishing middle school she entered the teachers college, choosing as her specialty “corrective teaching and special psychology”. She planned to receive a secondary degree in economics.

Natasha always told me about what was happening, and about her friends. We often laughed ourselves to tears over her stories. They were so lively, happy, and she made such faces while telling them. Now tears flow from my eyes in rivers. When she was alive, I, perhaps, laughed for the last time.

The neighbors called her “princess”, and the teachers called her “the bright girl”. During the last year of her life, Natashenka completed her senior year and worked in the music groups “Russkie” and “J Jay Power”. She gave concerts on the best stages in Moscow, including the Kremlin concert hall. Natasha had a calling for show business. In her short time on earth she was in three music videos and sang songs on the “J Jay Power” album. She was also on the XXXL second dance album, and was pictured on the cover. This was all before that tragic day at “Nord-Ost”.

Natasha loved life. She was in a rush to live. She wanted to do so much. In an interview with journalists, one asked what was the greatest desire of each member of the group was. Natasha answered: “I want to live a long time, and be forever young!” Her life, however, ended tragically and unexpectedly. She was able to realize only a tenth of her grandiose plans.

One day Natasha said to Dima, her young boyfriend: “If I die young, have them bury me in a wedding dress, like God’s bride.” My husband and I carried out her wish.

After Natasha was gone, over the years friends and acquaintances of hers would still call. They had been as shocked as we were, and also worried about what happened.

Natoulya! I miss you so much. My strongest desire is to hug and kiss you, and never,

ever let you out of my arms. You will always be my best and dearest daughter and friend! To you the Heavenly Kingdom, my most tender and gentle, most bright and beautiful, my only daughter!

*Written by your 'mamoulka' (as you used to call me),
Valentina Nikolayevna Malenko*

October 26th, 2002, is forever imprinted in my memory. More precisely, all those days, from the 23rd to the 26th. We were a big group at the university; we were a combined group of 50. In 2002, we were 4th-year students, each with their own life, concerns, and some even had children.

A very vibrant, cheerful, and sincere girl was in our group — Natalya Malenko. We became friends when we sat for an exam together. She was very interested in life, but all the more so in the concept of LIFE. By our 4th year she had already started to work, though it never interfered with her successful studies.

I remember how happy she was when she came in on the 23rd, and said: “Look, I finally get to go to ‘Nord-Ost’! I’ve wanted to see this so much!” We were happy for her. We could not believe what happened later that day, or the next 3 days. Back then we thought: “Natasha is going to come back and tell us what happened there.”

Natasha never came back. She died following the assault. She spent a week in intensive care, came to her senses for a few hours, managed a smile for her mother, and left... The doctors said there was something about her allergies...

Her elderly parents had no money to bury their only child, their beloved daughter. They did not start paying any money to the relatives of those who were killed until more than a week after everything happened. Back then we all got together and collected the necessary amount, and they buried her. This is, perhaps, the only time we ever got together for something outside the university.

I remember at the cemetery how we all huddled together like sheep... in a sort of shock. In everyone’s eyes was written in large letters: “THIS COULDN’T HAPPEN TO HER.”

I remember a few days before our last meeting, she asked me about my baby, about how I was able to combine my studies with raising a daughter. In general, we talked about a lot back then. At the end of the conversation, however, she said, so very quietly: “You know, it seems to me that I’ll never get married and I’ll never have children.” This is etched in my memory.

She was only 20 years old. This person had an amazing brilliance to her. People like her live according to the motto: “Do not miss life”.

It still seems to me that we simply graduated and flew off, everyone according to their own business, and she is still alive somewhere, maybe to the south of Moscow, and ever so brilliant... it is merely that we are all so busy. I remember her. I think she is up there, looking at us, from some star, and she is surely smiling, yes...

Written by Alexandra, a classmate

Natasha was awesome. People like her are never forgotten, even if they just flash past us in our lives.

You could just watch her from a distance, observe her, and never look away. Wherever she was, all eyes were directed towards her. I was in the same group with her

in school. For most of this time we were not close friends, we just talked now and then, but about a year before the tragedy we got to be close. Then we talked a lot. I remember how we both went together to some production center for her audition. She had asked me to come along for company. I know that there was a succession of girls, every day, but her song, even from the first verse (it was immediately clear that she had quite a voice), and her vibrant dancing, impressed the producers and they invited her to join them for further work.

Another vivid memory I have is Natasha playing the guitar, singing, and she was like (the female rock star) Zemfira. She is just sitting on a radiator in a corridor of the university... the girls and I, there were about 15 of us, we are just quietly listening...

I clearly remember that other day: I am sitting and waiting for classes to start... Natasha flies into the hallway, as always in a good mood and with a smile. She starts telling me that she is going with some friends to a musical. She invites me: "Come on, it'll be fun." "No," I say. "I don't like musicals." That was our last conversation.

When I found out what happened, I prayed for Natasha to the very last, hoping that she would make it out. She had recently gone on a diet, and perhaps because of this her weakened organism could not fight for her life.

I have awful memories of the funeral... a huge number of young girls, boys, all crying around the coffin of a beautiful young woman in a white dress... a sea of flowers... it is terrifying.

Unfortunately, I have no photos of Natasha. I have quite a lot of photos from my college days, but not a single one with Natasha. All I have is the cover of her cassette as a reminder of the beauty, talent, character, and what this girl could have achieved, had none of this have happened.

Written by Olga, a fellow student

I got to know Natasha back when we were in high school. I had transferred to a teacher prep class in October 1998, and she had been there since the beginning of the school year. I remember that day, when I came into a new class, and she immediately came over and started talking with me. Later we studied for the college entrance exams, went to prep courses, and worried before the tests! She was always ready to help in word and deed, was an extraordinarily kind and cordial little person! She was also insanely beautiful, radiant, and cheerful. I still very clearly remember her face, her smile, and her laugh... I even have dreams about her!

Natasha always had a sea of fans, admirers, and friends. I remember how once we were standing outside on the steps of the college during break, and some guys who were complete strangers approached us. They started talking with us, and one of them could not keep his eyes off Natasha. He later told her that she looked very similar to Sharon Stone. We laughed, since Sharon Stone was Natasha's favorite of actress.

I remember that fateful day. Natasha came to the university, beautifully styled in a white jacket, and so dazzling and happy. I remember when we were on the first floor, and she was leaving and I stood and watched her go. Even then I was wondering: "Why am I looking at her for so long?" It turned out that it was to be the last time.

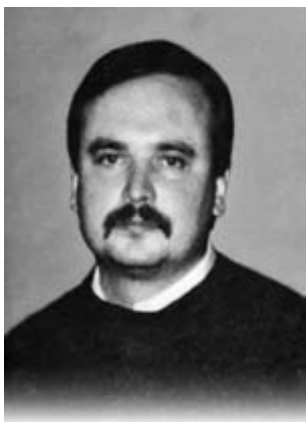
Later came those intense three days while they were in captivity, and the long days of waiting while she was in the hospital, and hoping that she would make it through it all and recover... but miracle did not happen.

The funeral, tears, and pain will remain forever in my memory! I still cannot believe that such a thing could happen to her!

Now I visit her grave, and there is a lump in my throat when I see the portrait of such a beautiful, young girl smiling at me from the black stone!

Natasha, we still love you very much, and we will remember you always! The kingdom of heaven to you! We will pray for you.

Written by Anya, a classmate

MARTYNOV, VIKTOR

Age 39; from Moscow, Russia.

Born on November 1st, 1963, the youngest son in large, working-class family. He began his music studies in his hometown, but graduated from the Moscow Conservatory's music school, and later the conservatory itself in 1989, in V.V. Petrov's class. He worked in various orchestras, under Vladimir Onkin and Veronika Dudarova, as well in the military symphonic orchestra and others. For the last year he worked exclusively at 'Nord-Ost', as first clarinet.

What kind of a musician he was can probably best be explained by other musicians. He would say of himself: "We play any music in any condition." I can only state that he was a beautiful husband, a remarkable father. He raised our son Nikita beautifully. He lived for his family, helped in every way, and tried to remedy everything that he could. He let me stay home with the baby. He was a happy man, always the life of the party. He adored singing, and was always joking. When he would show up somewhere, everyone would begin to smile and enjoy themselves. The neighborhood kids would gather around him, and play basketball and football with him. When Nikita would go to school, they would ask him: "Nikita, is your dad coming out?"

Our 19th wedding anniversary was on September 24th, 2002. October 26th is our son's birthday. Viktor died on the day of his son's birth, and his funeral took place on his own birthday, November 1st. And such were the course of circumstances.

It was our closest friend Marina who first heard of what was going on at 'Nord-Ost'. She called us up but would not say anything, she just tried to find out from me what I knew. "Did Dad call?" 'Dad' would always call up between acts. "He called at half-past eight, said that is going okay," I said. Well, since everything was okay, Marina thought that she had misunderstood the broadcast. Nikita's friend later called for him, and a half-hour later Viktor himself called us. He said

few words to our son, then told me that it was all very serious, that they were asking the authorities not to storm the theater... But his voice was peaceful, as always — as if he wanted to calm us down: nothing serious, we'll get out of this. Later he called at 12 noon, and as before his voice was peaceful. He said that everything was okay, that they had just eaten, and that his only request was that they did not storm the theater, because everything had been mined — the walls, the chairs... The last time he called was on October 25th, at 5:22 AM. He said that he could not talk for very long, the cell-phone batteries were low, and he asked us not to worry about him. His voice was dismal. Don't worry, everything's okay — he could not say anything else. But I could tell by his voice that they had it very rough there. And that was it. You can imagine what state Nikita was in. He was ready to go there, to run after these terrorists... Marina spent a long time talking him out of it, the place was cordoned off, anything could happen, and his father would be much more relieved if he could call and know that we were at home.

Later, they told me that he was sitting in the center of the theater hall, right in front of a huge bomb. They said that he kept up everyone's spirits, helped them hold out and stay calm. Knowing him as I do, it could not have been any other way...

After the storming of the theater, we kept our hope alive until the very end. We had not even thought about looking for him in the morgue, we were afraid to talk about it. I still cannot believe it; it is as if he left on tour, like he did so many times before.

So many musicians who knew him called us, the telephone never stopped ringing. Now the pain is ours, and we will live with it for a very long time.

It is just not possible to believe that such a terrible event could happen here in Moscow. I have so many questions, and no one can give me answers! How did all this come about?! Was he carried out of the theatre dead or alive? Did anyone try to give him first aid? What did he die from? Will we ever know?

I just cannot imagine how I can go on now. We were together all our lives, he worked and lived for us. He did all that was possible to do. Why did he not come back? He stayed there, and that is all...

*Written by his wife, Nadezhda Martynova
"Filarmonik" #4, 2002*

MEDVEDEV, VADIM

Age 38; from Bolshevo, Moscow District, Russia.

‘Vadik’ Medvedev did not attend school with us for very long. He transferred to our school when we were already in high school. There are such people, however, who are big in their presence. It is as if they fill the vacuum with conversation, they can joke when necessary, or take another in check if they started lashing out, and in so doing clarify and relieve a tense situation. Vadik was one of these. You will not believe it, but when we started figuring out how long he was with us, we could not do it. It seemed as if he was always here.

With his infectious laughter, his guitar, his songs, and his stylish suspenders, Vadik was “real”. Real in the sense that he hid anything, or his likes and dislikes. While we were in school we never thought that we would be a friendly class. We realized this when we graduated.

After graduation we went to the Crimea for several days. Several classmates got together spontaneously and bought ticket, and off we went! We decided to live with some acquaintances, like “savages”. In those years it was difficult getting food, and in order not to go hungry, we agreed that in the morning one of us would go to the store and buy dairy products — milk, buttermilk, sour cream, and cultured milk. In the 1980s Crimea was famous for its fresh dairy products in glass jars and bottles, which for some reason were not sold in Moscow. Naturally, no one loved “standing watch” for hours in line instead of lying on the beach. When it was Vadik’s turn to “stand watch”, it was a real spectacle.

He showed up on the beach carrying all sorts of bags and shouting: “Here’s the milk! Who wants sour cream?” Crowds of vacationers headed over towards him, clutching their wallets, while we raced after them saying that the boy was merely joking. Nonetheless, this was all very entertaining, even though it happened many times.

Vadik also loved to photograph himself against of background of foreign cars, making a collection of “Me and ...”. In those days foreign cars were relatively rare in Moscow.

He loved to sing to the guitar. One day, as a joke, he even offered to start his own ensemble — someone on the piano, himself on the guitar, while the drummer, well, we would find someone.

He adored his wife and kids. At all our school reunions he would show off his family photos. His family was the object of his pride. After “Nord-Ost” we showed each other pictures of Vadik. We never planned this; we simply brought these black and white snapshots and looked at them in silence.

Anyway, we cannot believe that he is gone, because his laughter, his voice on the telephone with the official question: “Well, when are we getting together?” — still sounds so clear. But while people remember, life goes on.

Written by his schoolmates.

I had known Vadim since our first class at the military academy. We were in the same study group and military formation. In 1986, after graduation from the academy, we both ended up at the military science research institute. Fate once again ordained that we were to be together — in the same department and laboratory, and we even shared a room in the dormitory. And I even helped with his wedding.

We were completely different. He was emotional and I am calm. In a word, we were fire and ice in one flask. Naturally we chaffed each other a bit. On his suggestion we made a complaint book for our room, and whoever wanted to could write whatever he was not unhappy about in it, but most of the entries were our own. If one of us was in a bad mood or displeased with something, there would be an entry in the book with an explanation for the reason why. The other could write something in return or make suggestions. It was a rather interesting method of depressurizing. Among our friends and acquaintances there were legends about this miracle book.

Of course we were just oversized children and we got away with a lot. At work Vadim was always the life of the party because he could always come up with an interesting song or a story. He had, therefore, lots of friends and pals.

When we needed to create programs for our end-users and had to make overnight trips (from eight at night until eight in the morning, wasting two and half hours on the road each way), even then he could cheer us up with all kinds of jokes. For example, he programmed into a mainframe computer some cartoons with rhymes, and he would periodically run these to help our spirits.

He was a good family man, and a good father. In the 1990s, when they started to pay officers a lot less than they had in the Soviet days, his wife had to go to work. Vadim and the children tried to get all the chores done before his wife got home. He taught their sons to be independent and help out their mother. It proved to be useful, because now their sons have to be independent.

At every class reunion we remember Vadim. The first toast is always to him.

Written by his classmate, Vladimir Zhuravel

I do not remember when exactly they decided to beat me up. It happened during the first semester of the first year, when our views of the world were essentially different. Of course, none of us ever doubted for a moment, for example, that man descended from the ape, or that sooner or later the victory of communism would arrive, or that the study of Marx is omnipotent simply because it is correct. One did not learn otherwise back in 1981, at the Kharkov Supreme Military Command Engineering Academy for Strategic Rocket Forces.

It was only that our musical preferences differed so much that the only method by which we could explain who was better, (the rock group) 'Time Machine' or (the Italian pop singer) Adriano Celentano, was to engage in brutal combat. Since other lovers of the Italian pop scene could not be found, it was proud solitude that I insisted on my views. There was one sympathizer among us, Sasha Metelev, but since he was not participating in the vicious musical persuasions, the commanding general of the enemy, 'Vadik' Medvedev, decided that only I alone deserved a beating.

At that time Vadik had a small, well-disciplined and well-trained army, consisting of the trustworthy Dimon Valeev and the not-wise-in-years Vitka Masalov. They were

joined by a temporary ally, the constantly-in-search-of-music Shura Olkhovik. Shura was temporary, because, in general, he could not care less about the ensemble 'Time Machine' or the singer Celentano, but he loved to fight, especially in a group that exceeds in number its enemy.

One must add that the fighting spirit of the Vadik forces, which had risen in defense of this outrage against the honor of their favorite rock group, was always high. Had I a comparable army, then this battle could have been quite serious. It could not, however, be avoided. We were all excruciatingly wounded by the taunts that had been issued due to our youthful maximalism. I should have thought things out better — I dared to compose ugly rhymes and prose defaming Vadik's music group as a whole, and each of its members individually. It goes to reason that they were most annoyed by my descriptions of culinary and grooming habits, but the rest found a mark as well. I am certain that, back then, not a single living soul from the group 'Time Machine' ever dreamed that such passions seethed among us. Just as I am sure that the faraway A. Celentano would never have suspected that his work could become a cause of conflict among Red Army servicemen in the Soviet city of Kharkov, the location of which he probably did not even know.

And so, the Council of War in Fili, or to be more accurate, in the Supply Room, took place, and the day of battle was assigned. The decision was made to offer me a chance to either refute my heresy or defend the honor of myself and Adriano in honorable combat. Vitka sent a messenger under a flag of truce, and his kindly tone reported that they would now beat me up. Shura Olkhovik observed my reaction while standing at some distance, wringing a not-too-fresh handkerchief in his hands. To give into weakness and refuse the prospects of being beaten meant permanent disgrace for the entire five years of our forthcoming studies, and so I meandered despondently to Vitka. To tell the truth, I was not doing very well.

Upon seeing the faces of those who had come to find me, Vadik and Dimon, I understood that, in view of their basic decency, they too were not especially fond of the prospect of four against one, although letting me go without at least a pair of hard knocks would indicate to real men an unusual act of cowardice. There was a pause. Someone definitely had to start first, but five well brought-up boys from good families stood opposite each other, unable to begin.

I do not recall who started it, and I do not know how the battle would have ended had classmates not discovered us at its beginning. I can nevertheless assert that my close acquaintanceship with Vadik Medvedev began right at that very moment, and it was very close — we had managed to get in a few blows on each other. It seems to me now that something from this battle, I do not know how, laid the groundwork for forming a long friendship.

But for years since that day we managed to discuss everything that it was possible to talk about, and only the two things that we never managed to agree on were the works of 'Time Machine' and Adriano Celentano.

Written by his classmate, Dmitriy Borisov

MIKHAYLOV, MAXIM

Age 35; from Kaliningrad, Russia.

Maxim managed to do quite a lot during his 35 years of life. In Kaliningrad he was known as a talented actor, musician, and radio journalist.

From early childhood he appeared in plays at the Literary theater which his father — Albert Sergeevich Mikhaylov — managed for 30 years. Maxim later wrote poems and songs for the theater. A whole generation of Kaliningrad residents grew up listening to his radio programs, and he was a famous figure in our city — he and his friends wrote a whole series of songs, such as the Kaliningrad football team's song. In 1998, Maxim

Maxailovich was made head of the FM station 'Baltic Wave', where we met while I was working as a journalist in the information service.

In September of 2001, we had a son, whom I named Maxim in honor of his father. I remember how I was feeding my baby in the maternity ward when I saw those awful pictures of the New York World Trade Center's destruction on television. It was like a disaster film... Back then I thought what a frightening world my little son had entered! If only I had known back then that terrorism would very soon come to our own home.

We arrived in Moscow the night before, on October 22nd. Maxim was on a business trip, while my older son and I went for a tour of the capital. The trip was right on the eve of the fall school holidays. For all of the 23rd we wandered around Moscow: we visited two museums, Red Square, the Kremlin. We bought tickets to the musical Nord-Ost in the Metro station. There was not much time until the show began, so we rushed to drop off our son at the hotel, then went to find the theater.

During those three days, I often gave thanks to God that I left my son at the hotel. On the evening when the hostages were taken captive, relatives from the Moscow suburbs came and took care of him.

Those two days and three nights that we spent in the hall of 'Nord-Ost' were the longest of our lives. We thought about our children, our parents, and friends...

I do not remember the storming of the theater, there are fragments missing from my memory. I only found out about my husband's death while reading a newspaper on the airplane home... My relatives had been waiting to tell me the worst news after I had arrived home.

It's been two and a half years, but the questions, of why and what happened to us, and how my husband died, had not decreased in number. Just as with all the 'Nord-Ost' hostages, the cause of death was not documented.

Last year of Maxim Mikhaylovich's life was one of the most successful. Two of his wishes came to pass: he had a son and headed a private radio station, but so much is left that he was never able to do!

Written by his wife, Alena Mikhaylova (www.nordostjustice.org)

“My biggest deficiency is that I’m too fair,” said Maxim Albertovich (Mikhaylov) during our first work meeting right after his appointment as general director of our radio station. Using his leather belt, he imprinted this ‘deficiency’ on the rear end of everyone lucky enough to work with him.

We were not friends in the truest sense of the word: we were bound by work. It was not some dry work relationship, but rather a sort of artistic affinity. He was my creative mentor, someone who saw something in a 16-year-old boy and tried to develop it.

I did not want to write something sad and pathetic, or wallow in tears from the memories and quote idiotic phrases, such as ‘death snatched him from our ranks’, because Maxim Albertovich would have been the first to give me a knock for it. I will just say that a part of him remained in everyone who worked and conversed with him. Sometimes, especially when I respond loudly with a vigorous word to someone’s stupidity, I find a bit of him in me.

Written by Sergey, a colleague

Very often Tanya and I remember how all of us over at ‘The Wave’ surprised Max on his birthday! Early that morning, we went into his office and put a sign on his desk that read: Journalist’s Breakfast, and next to it a copy of ‘Pionerskaya Pravda’. On top of the paper were cooked fish in tomato sauce, processed cheese, a hunk of bread, a glass of vodka, and old-fashioned cigarettes! And behind his chair we hung a wall newspaper, like in the old days! Then we sat and waited, and glanced out the window. Here he pulls up in his big Ford.

We run out of the room and hide down the hall, behind a corner. He comes in, and we freeze. He opens the door and enters his office. There is a pause... and then out in the corridor we hear this truly loud and sincere and genuine laughter ring out! Before anything else, this laughter, cheerful with childlike sincerity, is how we remember Max, and that is good. He is in our hearts forever.

Written by Boris, a colleague

MILOVIDOVA, NINA Age 14; from Moscow, Russia.

Nina was our first-born, and the support and friend of her mother. They had the same interests, the same things, and sometimes the neighbors mistook them for one another. When her brother Maxim was born, she became like a second mother to him. He called their mother: “MA-MA”, while Ninochka was “MA”.

Ninochka studied mathematics in a good Moscow school, and attended the music school as well. She traveled with the school choir all over Europe — the choir of the Mamontov children’s art school participated in many international competitions. Sometimes I felt bad for Nina, that she had so

little time to herself.

Ninochka was never a “hothouse flower”. In the summer she went on trips — descending into caves and kayaking down rapids. In the winter Nina skied and swam. ON THAT DAY, she went to the musical just after swimming.

Our children grew up independent and we trusted them. Five years ago their mother was hospitalized after being burned, and it was upon the nine year-old shoulders of this little homemaker Nina that the burden fell. She did not miss school, but was able to do the housework and help her little sister. Years later, we could trust the two girls to watch their two year-old brother while we went to see the musical. On October 23rd, however, we sent our daughters to see this fairy tale about Russia, the musical ‘Nord-Ost’. Nina read Kavernin’s book, “Two Captains”, the night before, and was ready to explain the historical moments reflected in the spectacle to her little sister.

It was too bad that Ninochka grew up so early and looked much older than her 14 years. After the capture of the theater, when the terrorists decided to release the children, she led her little sister out (and in so doing, saved her), but the terrorists made her stay in the hall.

Nina never knew that she would soon have another little sister — Nadezhda (Hope). We explained to our son that Ninochka, his “MA”, was now working as a star in heaven. He believed this — after all, she was often gone from home for many days: concerts, competitions, off on excursions with her class. It still seems to us that she is somewhere nearby, supporting us.

She was never able to create anything, to become complete, to fall in love — she was only getting ready for all that. It is possible that her talents might not have found fertile ground, might not have blossomed. But we are certain of this: she would have been a TRULLY GREAT PERSON and a GOOD MOTHER. And this is already a lot, isn’t it?

PS: While the representatives of the operational headquarters were talking about the absence of children among the dead, our daughter’s body had been hidden in a bus that never left the square. From their report: “on 26.10.2002 at 13:00 at the theatrical center on Dubrovka, the body was removed for examination from the #11 bus license #R980TO99RUS”.

Written by her parents, Olga Milovidova and Dmitriy Milovidov

MITIN, MAXIM

Age 20; from Cheboksary, Russia.

Maxim was born on February 9th, 1982, in the city of Cheboksary. He grew up a well developed, and obedient little boy. He never cried and was not even capricious. In school he got 4's and 5's (B's and A's), and several times he participated in the school 'Olympics' in various subjects, taking honors and awards. After 8th grade he was accepted to the Chuvashsko-Turkish school, through intense competition — 25 students had applied for each place. He attended school with great pleasure, and showed a keen interest in languages.

Maxim also graduated from music school, studying piano and the accordion, and was a good singer, participating in shows where he played the main roles, as well as the Azamat dance ensemble. He loved chess and participated in sports. At 14, to increase his stamina, Maxim would pour cold water over himself according to the Ivanov method.

After the Turkish school, Maxim applied right away to three institutes of higher learning: the College of Foreign Languages at Chuvashky University, the FSB academy, and the Moscow military university. Every school accepted him, but he selected the latter, since he wanted to study Eastern languages.

At Moscow he was outclassed, but soon overtook his classmates by a wide margin. One foreign language teacher, who had mastered 14 languages, said that he was ready to leave the university, but, upon meeting Maxim, he decided the stay. He gave individual lessons to the cadet so that the young man would not lose interest in his studies. According to the teacher, never before had he seen such a gifted student. The English-language instructor at the military university used to call Maxim "the extraterrestrial". She was amazed at Maxim's kind and sympathetic character, and his many interests, since he enjoyed books, theater, and sports. "Young people like this are very rare," said the teacher.

Maxim's range of interests was really unusually great. With great pleasure, he would go to the theater, museums, and even automobile shows. He knew backwards and forwards all the different makes and models, and their characteristics, just as if he had memorized a multiplication table. Since 3rd grade, Maxim did translations. He had long-term pen pals in Greece and Trinidad-Tobago. They probably still do not know why he stopped writing.

The last time Maxim came home to Cheboksary was during summer vacation in 2002; to his parents he seemed to have grown up. The young man shared his plans with his loved ones: he said that he would travel to Greece during his next vacation, then later to another country, and so on, every year. He very much wanted to see the world. Maxim was in a big hurry to live, as if he wanted to do everything, to bind the boundless. Maxim never offended anyone, not even in word. On the contrary, he always tried to help others. They say that such a type is "a bright and open person", from whom only positive energy flows.

On October 23rd, 2002, for success in his studies, Maxim was given a ticket to

the musical 'Nord-Ost', which was playing at the theatrical center on Dubrovka. At the beginning of the second act terrorists took the audience hostage. Sitting next to Maxim was Kseniya Lomina. We know about the last days and hours of Maxim's life from this woman, who said: "Maxim conducted himself like a real man. He remained calm, self-assured, and showed strong self-control. He helped the people sitting nearby, and never let their morale fall. He did crossword puzzles and demonstrated his outstanding knowledge. There were children nearby, and in order to get food and water from the gunmen, one had to raise their hand and ask. The children were afraid to talk with the captors, so Maxim did this for them. I was very frightened that the gunmen would blow us up and shared my worry with Maxim. To this he replied: all right, just so long as we aren't handicapped. I had a cell phone, and I offered it to Maxim so that he could call home, but he refused — he didn't want to upset anyone."

Maxim Mitin could have left the auditorium; after all, the gunmen released foreigners and Muslims. With his complete knowledge of English and Turkish, he could have pretended to be one of these. But Maxim stayed; he did not want to abandon those alongside him in the auditorium. In their time there they had become friends, and supported one another as best they could. Maxim, apparently, decided that leaving his comrades in misfortune would have been betrayal on his part.

Written by Vera Fomylina, in newspaper "Cheboksarskie novosti"

MITROFANOV, ALEXEY

Age 29; from Moscow, Russia.

Alexey Mitrofanov was born on December 2nd, 1972, in Moscow. His father was an assistant professor at the Moscow Aviation Institute (MAI) and his mother an engineer-economist. He was the second child in the family.

Alexey also attended the MAI, and, after graduation, he was a certified aircraft propulsion systems engineer-mechanic.

He and his wife Anna Bessonova were raising two children: son Pavel, born in 1998, and daughter Tatiana, born in 2002.

Alexey grew up a many-faceted child. Already at 8, in addition to his school studies, he started attending the music school in MAI. Like his father, 'Alyosha' chose the accordion. In six years he graduated from the music school, and, having mastered the accordion, he began learning the guitar.

In the 5th grade he added sports to his studies and music school, and while at the MAI Alyosha played handball for the school team. His coach was attracted not just by Alyosha's desire, persistence, and physical ability, but because Alyosha was a left-handed player, a valuable ability in this sport. Since childhood Alyosha enjoyed fishing, seizing upon the various styles of fishing, including wintertime ice fishing.

The family had a 'Victory' automobile, and, like all boys, Alyosha loved mechanics. Already at 9 he began to drive, and this passion became almost a second profession for him, leading him to attend the MAI.

Like all 'mayovtsy' (MAI students), he was interested in anything to do with flying. After the institute Alexey completed flight training at the flight test institute in Zhukovsky. He experienced complete rapture on the Yak-18 aviation trainer at the MAI aerodrome near Volokolamsky.

Alexey completely understood the complexities of automobile mechanics. His friends and acquaintances highly treasured his knowledge, and often invited him along as an expert when buying a car. Almost no purchase was made without his advice.

Alexey was not big on words, but he had a great sense of humor. He was the soul of the party and knew how to tell a good joke or a ditty.

In 1994 he met his future wife, and they were soon married. At Anna's request Alexey was baptized, and a little later they had their marriage blessed in church. Soon they had a son, then later a daughter.

Just before the tragedy, Alexey's father went to see the musical 'Nord-Ost' with his friends and his oldest grandson. The scene where an airplane appears on stage made a big impression, and when Alexey's father told everyone about the show, Alexey became interested as well. It is possible that his interest led to his being at the show on that fateful day, since he was never much of a theater buff before this.

At 'Nord-Ost' a wife lost her husband, and children their father. Retired parents lost a son. As the Russian saying goes: "No calamity in the world is more terrible than to bury ones' own children."

*Written by his parents — Anatoliy Alexeevich Mitrofanov
and Galina Ivanovna Mitrofanova*

MOLOFEEV, ALEXEY

Age 21; from Voronezh, Russia.

On October 26th, 2002, in his twenty-second year of life, interior ministry lieutenant and fellow student of our course, Alexey Sergeevich Molofeev, tragically died. He was yet another victim of the terrorist attack on the theatrical center by the bearings factory (on Dubrovka).

Alexey Sergeevich Molofeev was born in the city of Voronezh. In 1998 he graduated with honors from high school there, and in 2001 completed the fireman's technical training course of that city, also with honors. Students and faculty only had positive remarks about him. While studying at the Voronezh firemen's school, A.S. Molofeev often

encouraged the faculty through his efforts in his studies and his active participation in the school programs. After finishing the technical school, Alexey worked for a short while as duty chief at fire station #22 in the Voronezh district.

In 2001 interior ministry lieutenant Alexey Sergeevich Molofeev entered the government fireman's academy, where he performed extremely well. Timely and successfully, he managed the heavy course load, receiving only the highest marks. In recognition of his high academic and service achievements he was awarded the V.M. Maximchuk Scholarship.

Together with his classmates he flawlessly performed duties in interior ministry squads, and several times participated in protecting the public order in Moscow.

He was a humble person, sociable, benevolent, and full of initiative. He was able to assist at any given moment. He was always courteous, tactful, responsive, obliging, and punctual. He participated in the life of the school and was the soul of the student body.

Written in his memory by the faculty and student body

We met at a rink in the summer of 1999. Like young people do, we discussed the crisis of modern art while tumbling about on our roller skates. Easily and unforced, he spoke in the manner of intellectual humor, completely without arrogance or affectation, but with a knowledge of the subject. I remember that it seemed that he was not like a Voronezh native, but was very different from the local mediocrities.

We became friends and began to skate together. I know that many would say: "In the 21st century there is no friendship between a boy and a girl", and even I thought so until I met him. Now with impossible warmth I remember how he built our relationship as only a real man could.

'Lyoshka' always was unusually tidy and militarily efficient. He was a real erudite, like those whom they always call "the life of the party". He could talk about any topic. One always had a feeling of absolute safety around 'Lyoshka', of being protected, of spiritual and psychological comfort. Strong, responsible, independent, and goal-oriented, while still being gentle and caring. The world did not seem so spoiled and nasty when he was around; there was this inexplicable feeling of reconciliation, peace, and hope for the future, a better future. At parties with him, I often thought how lucky

his mother must be to have such a son, how lucky the girl he loved must be, and what a beautiful husband and father he would be.

He introduced me to my future husband. We have a daughter now, and when she grows up, I do not know how I will explain to her that she can only read about real men in books these days.

Written by Yulia Silina from the city of Voronezh

Alexey remains for me, and, I think, for many of those who knew him, a bright and pure person. He commanded a rather rare quality for these times — he knew how to be a Real Friend. His candor and sincerity, his sympathy and understanding, were very conducive to conversation. If one of his friends had something bad happen, Alexey would always be there to help. It was obvious that ‘Lyosha’ knew how to value his friends, and treasured them.

Alexey was a person who very much enjoyed living. He literally energized others with his positive power. When next to him it seemed that there were no unsolvable problems, and even the greatest difficulties seemed not so very big after all. ‘Lyosha’ loved life and tried to make it better, more pure, more beautiful, and more meaningful. This showed in everything he did — in his passion for sports, in his clothing, in his relationships with people, and in his studies. Nothing truly beautiful and esthetic could remain unnoted by him.

Of course, the harmony that ‘Lyoshka’ strived to bring into his life was a reflection of his rich internal world. Despite his young age, one could learn from him — his concept of purpose, his self-discipline, his high moral standards (how old fashioned this sounded). Those lessons I learned from him still help me orient myself in life.

Thank you, ‘Lyoshka’. You will always be with us.

Written by Alexey Demin from the city of Voronezh

I still remember the moment I met ‘Lyosha’: he and a friend were carrying armfuls of advertising leaflets, insistently suggesting that all I needed for complete happiness was to purchase the goods listed, all the while laughing loudly. So I was introduced to one of the brightest people of my life.

One could write a book about him, called: “Narrative of a real person”, because he was the embodiment of that title. He was a remarkable person in every respect.

He was a person who always got what he wanted. He entered the institute in Moscow without anyone’s help, and was working after his studies in hopes of opening his own business.

I rarely saw a son who cared for his mother not just in words, but also in deeds. He did hundreds of different things when others could not find the time.

He was a great person for his friends — the sunny favorite of our roller-skating group where we spent quite a bit of time.

He was sincere, honest, and a person with a strong spirit. He will always remain my best friend.

Written by Galina Koval from Voronezh

MOREV, IGOR

Age 39; from Moscow, Russia.

Igor Morev was born in Moscow on August 22nd, 1963. He began to learn the violin at Dunaevsky children's music school, then later at the Gnesin Music Academy under Rusin. He was a member of the Siberian violin ensemble, then later with Vladimir Ponkin's symphony orchestra at the Maliy Theater. Later, he joined the national symphony orchestra under Yevgeniy Svetlanov, and the orchestra of the Stanislavsky & Nemirovich-Danchenko Music Theater. Igor and his wife were raising three children: 18-year-old Ivan, 16-year-old Varvara, and 6-year-old Seryozha (Sergey).

Right after finishing the music institute, Igor joined the Siberian violin ensemble, where I had been working. I had two children from a previous marriage, but we decided to start a new life together. Work and family, this is basically what we lived for. I can say that those years were very happy. Igor was a very unique person. He lived only for his family, and loved us all very much. He raised the older children as his very own. We were a very happy couple.

Some acquaintances invited us to join 'Nord-Ost'. We were there from the very beginning, but not as part of the permanent troupe, but as temps. We were happy to have a lot of work that season. We were taking the place of colleagues that night, but there was nothing surprising about that, all through September we had been replacing someone. It was just Fate, and you cannot do a thing about it. It was just that that day was the only one that week when we would be working together.

When it all began, we called the children, and told them what was going on. They were already very self-sufficient. The youngest one, of course, still did not understand. I still do not understand, for that matter. I just cannot get it through my head how it all turned out, that there was a life, and then it ended. It all seems to me so ridiculous, and that everything should return to normal, soon. But, obviously, it will not...

...When they sent in the gas, I was asleep, and felt practically nothing. I was asleep, Igor woke me up and told me to wet a hankie and breathe through it. I saw that he was already doing the same, but he fell asleep. I noticed some kind of a smell, and understood that it was gas, and thought: "Thank God he's asleep!" I could not imagine that he would not wake up. I came to in a bus somewhere on the way to the hospital. Many of us never even lost consciousness, and some remember everything that went on in the theater.

The most terrible thing for me is that I am alive, and do not know when I will see Igor again. Life is still so long... I know that I will never meet another person like him. There just isn't anyone like him, anywhere. His English teacher at the academy called him "gemstone": she had seen hundreds of students, but there was only one Igor. He was a beautiful person. He was ready to help everyone in

every way — I was always the one putting the brakes on him. He was a remarkable violinist, but put his family before his career.

He always worried about what was happening in our country. He had a shining intellect, and could do almost anything. He so loved to play the violin! He loved music...

We conducted ourselves, I believe, heroically. We took what pills we had to calm ourselves. We tried to joke, and do crossword puzzles. What else was there to do? Somehow we had to live there, though we understood well that things were not going to end well.

*Written by his wife, Ekaterina Sosedova,
"Filarmonik" #4, 2002*

My son Igor is very dear to me. He is my pride.

I raised him by myself, because I separated from Igor's father when my son was little. He had no grandparents, as my father died during the war and my mother shortly afterwards.

Igor first attended a day nursery, and then later kindergarten. I am a heating engineer, and used to work at a design institute. Since childhood, Igor was very active: he loved to build mechanical things, sculpt clay, and he could draw very well. He liked to play checkers, chess, and he put on puppet shows at home, where he was the director, actor, puppeteer, scene designer, and ticket collector, while I was the audience. When Igor was three, we got season tickets and started going to concerts in the Great Hall of the Conservatory, since in the evenings young children were only allowed in the Great Hall. Soon Igor began to take 'pretend' piano lessons. Regularly for 5 or 10 minutes in the evenings he would sit on the spinning chair in front of the piano, and at first he would play tunes that I taught him, and later he started playing from the Nikolayev piano lesson book. He learned the notes, and we played together, at first with one hand each, and later with both hands.

Igor was enrolled in the violin department of the Dunaevsky Children's Music School when he was six. His teacher was Gennadiy Mikhalev, who believed that Igor had everything he needed to become a fine violinist, and often praised him.

Igor entered first grade at seven, and attended lessons at two schools with equal success. His teachers noted his good abilities, especially in biology and mathematics, as well as his kind, gentle nature, and his active participation in class and schoolwork. At home Igor helped with household chores. Once, for example, he helped me paste wallpaper, and at my request he made a balcony locker and fixed the entrance hall of the apartment, among other things. He was always very good with gadgets— a music player, bike etc.

My son was obedient, and tried to please, which made me happy. During the summers, Igor went to Forested Distances summer camp. It was like a second home, and he loved it there. He had friends there, chums, and he took part in the various activities: model aircraft, wood carving, straw weaving, and he participated in competitions and received certificates for his active participation in the life and work of the camp. He also spent the winter holidays in the same camp.

During adolescence, Igor became interested in the studying nature's wonders, and so he joined the central library and read a lot on his topics of interest. He was even invited to the physics and mathematics school, which prepares children for entry to the Physics Institute. During this happy time we went hiking around the Moscow region, and took vacations by the Baltic and Black seas, as well as the Sea of Azov. I felt at ease with Igor, and calm.

My son had a very responsible and conscientious attitude towards whatever work in which he was engaged, and towards his studies. As a result he graduated from both regular and music school with honors. Igor chose the Gnesin music college to continue his musical education. Igor said that studying at the music college was the happiest period of his life. The school had excellent teachers such as Sergey Mitrofanovich Kunakov and Viktoriya Romanovna Karklina. Karklina loved him and called him 'Little Dinosaur', because you just do not see good guys like him anymore. Life in school was creative. In addition to the curriculum, they staged plays in English and performed at concerts. They celebrated the holidays in fun, interesting ways, and he had a great time relaxing with friends at the Gubkin holiday resort, from which Igor brought home awards and a great number of rolls of film, and later made prints of their holidays himself. All trips and events were organized with his active participation. Igor was responsible, and they valued his opinion – he was in the right place!

Igor also loved vacations on Lake Obsterno in Belarus, where we went many times. We camped in tents, and Igor caught and smoked eels, collected blueberries, raspberries, and mushrooms. Out on the lake, Igor mastered surfing, and later got carried away with building boats, and started to study boats and yachts in magazines. Igor graduated with honors from the Gnesin music college, and then enrolled in the Gnesin Pedagogic Music Institute.

After the end of his 1st year at the institute, he was drafted into the army, where he served in communication units. In his free time he devoted himself to the violin, and, of course, was active in glee, playing in a pop ensemble on the electrophone. In a letter of thanks I received from the secretary of the Komсомol committee and the deputy division commander/political officer of the unit where my son served, they said that Igor was a great comrade, and that he was an honest, responsible, good professional who actively participated in amateur performances; was the editor of the military bulletin, and helped prepare a satirical newspaper. He was recommended by his commanders and chiefs for his active social work, and was the winner of a competition that awarded valuable gifts and a trip to historical places such as the city of Dresden, including a visit to the Dresden Gallery, the Knights' Hall, and the treasury. Igor wrote about his great impressions from the visits to these places. I keep all 90 letters I received from my dear son, each with the return address of a field post, and containing his love and support. During his service, Igor was rewarded with an extra two-week home pass.

After demobilization, he continued his studies at the Institute, graduated from there and became a fine violinist. Igor loved classical music, and loved the works of Sergey Rachmaninoff. His favorite thing was to play in a symphony orchestra. In the orchestra, he was concertmaster of the violin section. Igor

could have become a good teacher, as he was very sensitive to people, and was well meaning, which was manifested during his teaching practice at the institute. He liked to work with children and the children loved him.

When Igor played on stage in the ensemble, I was witness to how sensitively he played accompaniment for the other musicians. This feeling of fellowship and responsibility was inherent in him. Igor was loved and respected.

After graduation, Igor worked at various times in the Siberian Violin Ensemble and the Maliy Symphony Orchestra, from which in 1994 he was transferred to the Academic Symphony Orchestra under the direction of Yevgeniy Svetlanov. In 2001, he began work at Stanislavsky and Danchenko Musical Theater, and from the beginning of 2002 he moonlighted in the 'Nord-Ost' orchestra at the theatrical center on Dubrovka. During this time, my relatives and I often went to music concerts and performances that included Igor.

For me, Igor was my closest, most-understanding person, and I felt his genuine concern. He was kind and attentive, helped in any way he could, and tried to make me happy. Igor knew how to do quite a lot, and was a talented man. He built a country house from his own sketches, and when it was decided to sell the house, the buyer was very surprised: "How could a musician, not a builder, construct such a rationally comfortable home?" I was a happy mother. Igor had a friendly attitude towards his relatives, and loved and respected 'Uncle Borya', my brother Boris, who was his most important authority. Boris loved Igor, and always helped when needed. When Igor decided to start a family life with a woman and her two young children, people told me: "What a good son you have, since not everyone could take such a step!" Igor was very fond of his son, and related very well to his foster children, and they loved him, too.

Now that Igor is gone, what helps me to live is my memory of my dear son, and my hope that my grandson Sergey, when he grows up, will be as kind, intelligent, reliable, and handsome a man as was his dad, my son, Igor.

Written by his mother Galina Lvovna Moreva

OFTAYEVA, ANNA

Age 21; from Moscow, Russia.

My wife and I had always dreamed of having a daughter — a little, blonde-haired girl with a voice like a bell. And that is exactly the girl we got. This happy event happened in Potsdam, in the German Democratic Republic, while we were serving there in the military.

‘Anyuta’ was differed from children her age, quite literally from her first years of life. She was extremely curious and interested in everything: why did the sun shine, why did rain fall, where was it that snow would not melt in the summer — we were always having to answer thousands of “whys”. And not only us: she would quickly befriend every-

one, child or adult, whom she wanted to meet and in order to learn more about everything. Since childhood her tiny heart was open to all. Because her mama was a professional musician, music was always heard in our home, and this served Anyuta well in music school. She graduated from there with honors. She also attended art school, and graduated with honors from there as well.

Anyuta never had problems relating to other people, despite the fact that during our long service in the military we were always on the move, traveling from city to city and from republic to republic. She spent her summers with her grandparents on either side, alternating between the Ulyanovsk district village of Nikolayevka, and the city of Tolgyatti. Not only they loved her, but everyone who knew her did as well, for she was a bright ray of sunshine no matter where she appeared.

Anyuta began reading at four years of age. In kindergarten, Anyuta’s teacher would sit her down with the other children and have her read fairy tales to them. She read quickly, intelligibly, and with great expressiveness. But oh, how she loved to participate in school plays! She was a born leader. She never hurt her classmates’ feelings and was never full of pride or boastful. She was tactful, but performed the roles assigned by her teachers with great talent. She memorized texts and poems, sang songs, danced, and helped the other children who were having difficulties. And she was always full of joy. a happy face and shining eyes — this was our daughter.

In 11th grade, Anyuta moved to the city of Chita with us. She found her classes easy, and was interested in school, receiving almost all ‘5s’ (A’s). The rare ‘4’ (B) that she received caused her to worry: not out of vanity, but because of her sense of responsibility and high standards for herself. She had absolutely no free time, and she tried to manage to do everything: playing with her brother, reading, doing homework, watching the latest shows, talking with friends, and helping her mother around the house. She actively participated in after school activities, yet did very well in her studies. She was loved not just by her friends, but by her teachers as well.

Here are excerpts from the school report on Anna Oftayeva, while an 11th grade student in Chita city middle school #12: “...In her studies she has shown brilliant abilities in all subjects, taking first place in the city Russian language ‘Olympics’. ‘Anyu’ possesses exceptional literacy. In history class her answers are exceptional in

their mature reasoning and with skillful orientation to the political life of the nation. In the medically oriented classes she has received in-depth knowledge of chemistry and biology. The teachers at the Chita state medical academy selected Anya as one of their most capable students. At the city and district 'Olympics' in chemistry and biology Anyuta took first place more than once. Kind, and with a huge sense of responsibility, she was a great authority not only among her classmates, but also in the entire school. She is a born leader. Decency and providing assistance to others are rare qualities in our day, and not intrinsic to many. Anya possesses these."

Anyuta finished school with a medal.

Since childhood our little girl had but one dream — to become a doctor. To our great sorrow, it was never meant to be. Throughout her short life she pursued this goal. She studiously prepared for the I.M. Sechenov medical academy, and our family was overjoyed when she was accepted. Anyuta, however, was simply relieved. She made many friends among other medical students, and had many new impressions. Joy and happiness seemed to join our family forever.

Among all her enthusiasms and passions, Anyuta's studies were number one. She joined the science student clubs to gain supplemental knowledge, and read much of the special technical literature. At the same time, however, Anyuta was awfully frightened of exams. To her it always seemed as if she had not completely learned everything, or that she did not know the given subject well enough. The night before an examination she would worry terribly. But after taking the test, it was with such joy in her voice that she declared: "I got a '5'!" We never had any doubt, but all the same we were just as happy as our daughter. And surprisingly, on the very same day that Anyuta had taken a test, she would begin preparing for the next. In her fourth year of the academy she began to work at 'Nord-Ost'.

There is no greater sorrow in life than burying one's children. Our home has forever become empty. We have no right to stop living, but the bright light of our life is gone. Pain does not leave us, not even for a minute. In our thoughts we constantly talk with our daughter, and we feel her presence. Yes, it is so: Anyuta is still with us; we love her so very much. Only we cannot embrace her, for she is very far from us...

What we lost, heaven found. For us it is very painful, and lonely...

Written by her parents

Big blue eyes, bright flowing curls... What was she like?

Everyone can express it his or her own way.

We were just children, raised in military families far from our native land. She was always my role model, though I am not sure exactly why. Maybe it was because she was older, or always knew how to say something beautifully. Perhaps the reason was that she was the brightest and most successful of students in school, and the dream of every lazybones in the commons. My parents often said: "Study like Anyuta and we'll buy you a dress (or let you go out for the evening, or you too can get to go to China...)"

Yes, I am speaking about the person who is connected with many of my childhood memories. About Anyuta Oftayeva. For some reason we never referred to her in the third person as Anna, or Anya, but only as Anyuta. Why? Perhaps because she really was the favorite of our parents, friends, and teachers.

For some reason whenever I think about my girlfriend, what I remember most of all was how we celebrated the big events, friendship and happiness. We often went into the kitchen while things were being prepared for the festivity, to see what delights we would soon be treated to. But sometimes, when I went to her apartment, Anyuta would take me into her room and say in a conspiratorial tone: “Mama’s making kurnik (tarts), we’ll gorge ourselves!”

One can say a lot about another, since childhood friends, even after a long separation, remain friends forever. Now that she is gone, I know all the same that she is still my friend! After all, despite being taken to different cities because we were ‘military daughters’, with all my heart I rejoiced when I found out that Anyuta had moved with her parents to the capital and entered the medical academy, and that she had a loving man.

I remember that moment, when I found out what had happened at ‘Nord-Ost’...

Even now my heart skips a beat and gets excruciatingly painful...

In faraway Ufa, our family knew that we could not give any real help or support to Anyuta’s family. We all got on the Internet and, trembling, looked at the monitor, at the lists of all who, on that evil day, had been condemned to this fate. We watched TV and all its broadcasts of the latest events in the theater.

Somehow I was not myself, and could not even believe that it all was happening.

There was this feeling of what was happening being completely unreal. Just one thought whirled inside my head: “No, it cannot be, not her, why?” In my diary I wrote a poem about her.

Written by Rusalina Galeeva, her friend

I found myself at ‘Nord-Ost’ somewhere around the end of January 2002. a girl I knew recommended me for a job at the theater snack bar, and brought me there. It was a great joy for me, a second-year college student, because here I had an opportunity to earn a little extra money and work at a place where each day is a celebration, where people go to escape from their drab working days, where it is never boring or sad: the theater.

It would be hard not to immediately pick out ‘Anyuta’ from our group. She was different from the rest of us: always smiling, throwing herself into each task with zeal and completing it perfectly. She was a very responsible leader, but it was her unrestrained joy that attracted you to this beautiful little person. Later I understood that perfection reached into all her deeds — she finished high school with a gold medal for academic achievement, entered music school, and medical studies at the Sechenov Academy, etc. So young, yet already so many victories. She was an intelligent person, a leader, and an example of the BEST.

The show began at 7:00 pm on October 23rd, 2002, but we had to be at work by five. I arrived early and Anyuta came rushing in at the last minute. Normally she was never late. It was a joy, because today we would work together at the same bar (there were four in the foyer). We had not seen each other for three days, simply an eternity, and we had a lot to talk about and only an hour until six when the first guests would be arriving. a week before she had been at a girlfriend’s wedding, and rapturously she recounted the events down to the smallest detail, as if it were her own wedding.

Such a happy, carefree state, similar to euphoria, reigned that day at work. This, perhaps, was the one true sign of approaching doom.

We had known each other nine months by then, and I can say for sure that I had never seen her more beautiful than I saw her then, just a few hours before the tragedy.

Everything happened at the speed of a lightning. It was right after the beginning of the second act, and it was like a nightmare. When the terrorists found us in the foyer, we were gathering up the left over food and Anyuta had taken the night's receipts into a room on the other side of the foyer. Just fifteen minutes and we would have been gone; fifteen minutes separated us from eternity.

Three days... this is an infinitely short time in which to live, and an infinitely long time in which to die. Like any other life, it had its episodes, the good and the bad, but it was life and we needed no other.

I could write a lot about what happened there, on the inside, but this would just be my thoughts and my worries. Anyuta's last thoughts remained with her. She worried a lot, she was always an emotional person, and turned to God and her mother a lot. She talked about her loved ones and spoke to them as if they were there.

There was an incident where Anyuta and I, together with Masha, who worked with us and sat with us to the very end, decided to write our last letters. We found some napkins and pens and each of us sat thinking for a minute, then we wrote a line and then asked: "WHAT FOR? We're going to be blown to bits, so what chance does a paper napkin have?" Masha and I stopped and tore up our napkins, but Anyuta's was found in her jeans pocket. Here are her last words: "Mommy, daddy, Ilyusha and grandma, forgive me for everything, I love you very much. Life is so beautiful. It's too bad that you only understand this before death."

Five years have already passed, but the wound still aches. Perhaps it no longer bleeds, but a dull, unending pain still torments. We often dream of you, and your appearance is the most beautiful and pure. Right now I see this picture of you rushing up the glass-sided staircase of the theater where we were alive, and happy... Your fair tresses, blue eyes, and attractive smile... and you sing, of course you sing, you were always singing...

Written by her friend, Olga Osipova

OLKHOVNIKOVA, DARYA Age 11; from Moscow, Russia.

Dasha, Dashenka, Dashuta, Darya Yurevna...

Is there a person in our school who did not know this restless and untiring child? She was a bright and kind person. She took charge of all class matters. She was a tireless traveler and a curious and keen student with an enthusiastic and eager nature. So many good deeds lay on her short path, and so many unfinished beginnings...

A child's death is always terrible. The death that caught Dasha was a thousand times more horrible. More horrible because we were all impotent, we could not change a thing, we could not help in any way, we could not protect her... More horrible in that there was enough health, energy, and ardor in this child for a dozen. More horrible in that death summoned pain in hundreds of other children's souls, and in the souls of people of all ages. It seemed that this little person was very dear to very many people: her friends and classmates, and the classmates of her brother, her teachers, and the parents of many students at her school.

In 13 days our daughter was to have seen her 12th birthday. Her pure and sonorous, bell-like voice has forever ceased ringing, and her tiny, yet huge, heart has ceased to beat.

But she lives. She lives in our memory. Dasha, Dashenka, Dashuta, Darya Yurevna...

Written by School #1505 in Moscow, Russia

* * *

Death is a blind old woman, but when death arrives, it seems that it chooses the very best, those most dear to us...

I remember how on Wednesday, October 23rd, we had said goodbye to Dasha after coming back from Kostroma. It was a cold and dark morning, but, as always, there was a warm and bright smile on her face. I do not know what I was thinking at the time, but it was not about death. That evening when I found out about the theater spectators being taken hostage I could not bring myself to think of the possibility that something bad could happen to Dasha. In this big world she, little Dasha, still had so much to do... Could it happen that among so many voices inside the walls of our school, hers would be heard no more?

It turns out that it could.

I do not know who is right, who is guilty, and I do not know what went inside and outside the Dubrovka center. Let the wise men on television judge this. For me it is very painful that Dasha is no longer with me. Our school has gotten a "little bit" smaller without her, but oh how we miss this "little bit"!

I am very afraid that I will forget her face. These days I often catch myself trying to reconstruct her features. Even the very best photograph cannot

transmit what a living face does — that feel of a person. The feeling I got from her is always one of joy, and a cheerful, very kind sort of mischief, a never-ending desire to live and love life. I want very much that none of us will forget her face, and that we remember her eyes and smile forever.

But still I wish to believe that now she is in that place that people call paradise, because she could not help but be there.

Written by Dmitriy Kartsev

* * *

She was too lively a person to not live. Kind and sincere...

O.M. Smirnova

Always cheerful and a very kind person, ready to help at anytime...

Anna Pimkina, class 6A

We'll remember Dasha as never gloomy. And still: she was naughty, but never played a dirty trick on anyone...

Natalya Timishchenko, class 9B

Kind, wonderful... Everyone's favorite...

K.A. Bagdamyan

God takes the best people who don't deserve death...

Anastasiya Shpichko, class 9B

Very lively, buoyant, and steady...

M.N. Shalimova

She remains in everyone's memory...

Kseniya Shandalova, class 6A

Someone said: "The end!"

Someone quietly whispered: "The end!"

The end of peace in the nation,

The end of many people, and... you!

You were but 11 years old!

In going there, you made your own funeral...

You died... Now we only have

But a memory of you — since only memory stays with a person forever!

By Anna Soloveva, class 6B

The most happy and cheerful person...

Andrey Pronin, class 6A

A remarkable person, always helped everyone, but kept her difficulties to herself...

Vera Kukutidze, class 6B

We should remember that we must always protect people...

G.I. Slutskaya

* * *

A person rarely cries. In reality it is extremely rare that we pass through the pain of clenched teeth and spiritual pain, trying to overcome hopelessness. The soul, dried out from its gallop through life, is more used to the almost daily reports of “other” tragedies, and so it is difficult to alarm it with anything. Our everyday wellbeing is almost impenetrable, but the news about what happened on October 26th struck us all so hard that nothing more remained except tears.

When a person dies it is always a heavy blow, whether it is an old man or the incurably ill. But when goes someone who has only just begun their trip through life, someone who still has so much to do, is yet to know happiness and disappointment, to discover love and make friendships, it causes a pain much worse than with others, and you feel an unexplainable feeling of guilt that you cannot shake. How could this happen? Why did they not protect her? From where does all this evil in our world come? One is tortured by belated, unnecessary questions that have no answers.

It was so on that day when Dasha left us. She was a bright little person, illuminated with joy and giving warmth to all around her. Her friendly expression and spontaneous smile were able to warm the hearts of even the strictest of teachers.

Dasha, childishly serious and at the same time naïve and charming, was not a class leader and did not distinguish herself from others through brilliant successes in certain courses. But she had that which many of us lack — human warmth and sincerity.

We saw her off, but it is difficult to get used to the fact that, in entering the classroom, we will no longer see that pair of eyes, luminous with kindness. It is very difficult, and one cannot get around it.

But one would like to hope that the memory of Dasha is preserved not just deep in our soul, but is reflected in the fires of goodness in the hearts of all for whom her passing was not just another fact in the course of life. And we will try to be more sensitive and gentle with one another, and try to increase the goodness around us. After all, this is the best thing that we can do in trying to extinguish the evil, which, unfortunately, is in abundance in this world.

A. I. Molev

From materials in the school newspaper ‘Pugachevka 6’, 9th Ed. November 6th, 2002

PANOVA, MARIYA

Age 26; from Moscow, Russia.

I knew for certain that I would have a girl, and when Masha was born, she was a very calm baby. By 3 months of age it was hard to say that there even was a newborn in the house. We often laughed when she would not even wake up for her next feeding, and I had to pinch her nose to get her to open her mouth.

When Masha grew a bit more, she could be left at home without worry, for she was such a calm and bright little girl.

When she was 3 years old we would go to the Luzhniko sport center, where she was taking figure skating lessons. She put up with these trips without complaint. At 5 Masha entered the gymnastics section of the Olympic reserve school, but, unfortunately, she had to leave after 2 years. Her hands were very small, and even protective bindings did not prevent the bloody blisters that interfered with her learning to write. When she grew up, though, she often regretted this.

I had the impression that Masha always knew what she wanted from life.

Her whole life, she was my helper and my support. Thanks to Masha, I could find a way out of even the most complex situation. She was twelve and a half when I had little Olga. When Olya was two months old, I had to return to work to earn enough to feed the children, and Masha became her little sister's nanny. When Olya said 'mama' for the first time, it was to Masha.

Masha was a good housekeeper and knew how to cook and knit. Her 'house specialty' was sharlotka, and no one ever made such a tall, fluffy, and tasty one as she could. And such dances we performed as a threesome! Masha was her sister's favorite person, and Olya mimicked her examples. To Olya, Masha was mother, sister, and girlfriend.

Masha was not the head of her class, but she attracted many classmates to her, and they even celebrated graduation evening at our place.

After finishing 9th grade, Masha had to leave school to work, and in her short 27 years of life she put in almost 12 years of labor. At her job she was respected for her kindness, affability, peaceful spirit, and readiness to help everyone. While working, she continued her studies at night.

In 2003 Masha was to graduate from school. Her teachers and girlfriends still cannot believe that she is gone.

Written by her mother, Tatiana Lukashova

I often think about 'Mashka', and when I do I always smile. I smile because she was such a radiant person who knew how to make friends, but also had a rare gift: she knew how to forgive. We spent a lot of time together, laughing a lot, making plans for the future, and dreaming...

It is unendurably painful that she is gone, and the smile disappears from my face, as I understand that now I will always think about her in the past tense.

It is painful that a friend has gone, someone so young and full of strength and desire!

Written by Anna Monina, her friend

We all loved her and respected the sincerity of her heart, her honesty, and her great desire to be needed by her friends and loved ones!

We all will remember her, and, possibly, we will yet meet her over there, beyond the clouds!

Forgive us for not protecting you, our dearest Masha!

Written by A.S. Simonov

PANTELEEV, DENIS

Age 26; from Saint Petersburg, Russia.

On October 23rd, 2002, Denis was coming back from his latest business trip to Moscow. He already had his tickets to Saint Petersburg, and had a few hours to kill before leaving. A ticket agent in a box office in the subway suggested a modern musical.

Everything, it seemed, was going well.

Denis called colleagues from work about the seizure of hostages, but he did not worry any of his relatives. He is always that way — protecting his loved ones.

He passed through life so easily, always accompanied by good fortune and everything he tackled turned out for the best.

Denis read a lot, loved to sketch, and in school had been a swimmer in the Olympic reserve.

He graduated from a special high school of mathematics and physics at the Admiral Makarov State Academy, and was a post-graduate student. He had just finished his master's of science dissertation and was working as head of the new technologies department.

No one had any doubt about his great prospects.

Denis had bright, radiant eyes, and a kind and friendly smile, which remain forever in many people's memories.

If you had only known how happy he was at the birth of his daughter and was always telling everyone: "I have one beauty of a daughter!" We all hoped that she would grow up to be clever, just like Denis.

In his short life, Denis was in many countries, working on Russian ships and for foreign companies, and had been on a lot of business trips.

We still cannot believe that our Denis is taken from us. He simply left for a long while, and will certainly return.

Written by the parents of Denis

I remember Denis when he was still a cadet. He never crept forward, but studied and studied extremely well. We had been meeting regularly about his dissertation, and it was very interesting work.

You know, he was one of the few young persons I was able to talk with as an equal, and sometimes I felt that he knew much more than I did.

I remember how in September he came running to me, glowing with joy: “Nikolay Ivanovich! I have a daughter!” I asked him then: “You probably wanted a son, an heir?” But he smiled and replied: “Whatever do you mean? a daughter is even better!”

He had everything in place for a life full of happiness.

***Written by N.I. Denisenko, professor, doctor of technical sciences,
and Denis’s science director***

It is very hard to speak (write) about Denis in the past tense: “he lived, dreamed, knew, rejoiced...” and not so much because he tragically lost his life on that awful day, but more because it had just started!

All the important things were still awaiting him — his work, which was interesting and needed by everyone, the happiness of being a loving father, son, brother, and true friend!

In his 26 years he, perhaps, was able to do a lot — he laid the foundation of work for good prospects in practical ecology, writing and bringing into practice a host of projects to reconstruct areas in various regions of our nation (including in the Chechen Republic). He actively worked in developing partnerships with colleagues in other countries, such as Finland, Sweden, and England.

His brilliant capabilities, outstanding education, intelligence, and humility, his ability to choose worthy goals in life — all of this distinguished Denis from his peers. Thanks to this quality he turned out to be a true leader among his companions, and earned the respect of his colleagues at work.

All of this highlighted the horror of the tragedy at Dubrovka! Denis’s life and many others were torn asunder...

We share the grief of his family and loved ones. We will remember Denis and those who were with him during those fateful days and left us forever...

P. S. At the request of the friends and colleagues of Denis, a new specialized vessel for cleaning up accidental oil spills in the port city of Saint Petersburg will be named for him.

***Written by Yevgeniy Bugayev,
ex-manager of the ecologic safety department of ECO Phoenix Holding, Inc.***

Denis was a friend above all friends. I still cannot believe he is not with us.

My first visit to the beautiful City of St. Petersburg came as a result of his invitation whilst working on ships in the Port of Falmouth, UK. I first met Denis when he wanted to know where he could get a newspaper. On his return he invited me to see his work on the ship.

It was as if we had known each other for years...that was the kind of person he was; and it started a friendship which was to last. Denis was a very caring and loving person. He had that rare gift to love everyone he met, which is heaven sent; and everyone loved Denis in return.

The arrival of a baby daughter brought so much happiness to him and I remember his excitement on the telephone. Denis would call from time to time; just to keep in touch and to make sure I was alright. “When are you coming to St.Petersburg again” was at the end of nearly every call. Caring to the very end.

I agree with Denis’s parents...that he had bright radiant eyes and a very friendly smile which would remain in the minds of everyone who knew him.

In losing you the world has lost a very special person — but the memories of you will live forever in our hearts. Denis, my special friend in St.Petersburg; I will remember you always — stay close to us.

May God Bless you and keep you safe — until we meet again.

Written by Stuart Paul

It would not like to speak about Denis in that that I remember him, I would like to say that I know him as a real friend. Acquaintances in the beginning of studies in SMA, 5 years of co-education — many things took place in our friendship: both pleasant events, and funny cases, and ridiculous situations which we could recollect with a smile long time after.

Denis had much to offer for others in friendship, demanding nothing in exchange. I, as well as each person, had secret ideas and feelings which I could share only with him. It is very important, that everyone has such a friend in his life!

Denis was a very versatile person: he was like “perpetuum mobile” — eternally hastened somewhere, ran, constantly was in whirlpool of events, affairs, ideas, — and at the same time like easy intellectual interlocutor. There was a feeling, that he is in a rush to live and is afraid not to have the time to do something.

Nobody could foresee the tragedy during our last meeting — we spent a great time with our families; Denis shared his plans and hopes with me, inspiring me with optimism, and I did not doubt, that it would all happen. It is a terrible loss, that such young, cheerful, talented fellow left us.

I did not know about Denis’s death right away; it was very difficult to believe in it at that time, and even now I have a feeling that I can ring him up again, because last time he did not pick up the phone for some reason..

Written by classmate and friend Sergey Morozov

PETROVA, TAIISIYA

Age 73, from Moscow, Russia.

Taisiya Alexandrovna Petrova (nee Trushina) was born in the Yegorevski region of the Moscow district in 1929. She grew up and attended school in the Likino-Dulevo Orexovo-Zuevsky region. After graduation she attended the entered Leningrad Institute, afterwards remaining in Leningrad (St. Petersburg) for the rest of her life, working at the construction engineering institute.

Our grandfather played the violin and was a church choir director, and grandmother inherited his musical abilities, being able to sing and dance. She also loved the theater. During her student years she rented films in which world-famous stars played roles, and very much loved Dean

Durbin.

She led a very active lifestyle. In her daughter's school she was the permanent chairman of the parents' committee, and, at the request of the school remained in this position a year after her daughter's graduation.

She was a very beautiful woman, and possessed an unusual charm. She was always the life of the party, and was skilled in gathering people around her.

At the start of Perestroika she was struck by a terrible tragedy. Her daughter Julia and her four-year-old granddaughter Kristina immigrated to Israel, but while there Julia died under mysterious circumstances. 'Tasya' loved her granddaughter very much, and Kristina adored her as well. It was very difficult for Taisiya to bring her granddaughter back to Russia. Years had passed, and Kristina had forgotten the Russian language. Kristina was only 14 when Tasya died, and now lives in Saint Petersburg with her father and his mother.

When Taisiya retired, she returned to Likino-Dulevo to live with eighty-year-old mother, leaving her Leningrad apartment to her daughter. There were fabulous stories about her here in our city. She was such a clever and ambiguous woman.

Her whole life was extravagant, as was her death. One of her relations said of her: "During her entire life she burned like a bright flame, and died just the same."

She often had the same dream — that she wanted to run away from someone, but could not. The day before she left here she had the same dream, and I (and not just I) also had bad dreams. At the time I could not tell them to her, but they came true.

Written by her cousin, Tatiana Pavlovna

PLATONOV, PAVEL PAVLOVICH

Age 18, from Russia, Moscow.

When I was little, I very much wanted a little brother, and so, on June 22nd, 1984, Pavel was born. He was a little premature. Mom said he was born quickly, and was very small, but I remember him as a little rosy-cheeked, almost bald, tubby baby with thick arms and legs.

In childhood, anything can happen: we would play and never get enough of it, then suddenly get in a fight and not speak to each other for hours. We used to build little houses for my dolls, or highways for his toy cars.

Once he wanted very much to get something out of me. 'Pasha' (Pavel) came up to me, hugged me, and whispered in my ear: "Oh, please, after all, I'm your little sis." That is how he remained — my favorite little sis. He knew me as a sister would, though he was always my brother.

In the evenings we would tell each other scary stories. We never betrayed each other, and never tattled to our parents if they knew that someone was guilty of something! We used to collect stickers together, and we each had our own album, though the stickers in them were almost identical. He wanted anything I had, and vice versa. I was recently leafing through them and noticed that I had more cats, while he had more dragons, but all the other stickers were duplicates.

Every summer, my brother and I went to summer camp. Athletics and hiking was interesting and fun, and even now we kept all our awards from the sports competitions: award certificates in table tennis and running short distances. When my brother grew older, he helped dad build our country house.

My brother liked computer games, and loved spending time with his friends and girlfriends. He had so many friends! There was Vovka, Denis, Andrey, Sergey, Maxim, and I cannot remember how many others, but these guys still come visit us. They tell us about themselves, and talk about him, how they grew up and matured together, how they played around together. They talked about their studies, and how they would go on dates with girls. His friends are all grown up now, and some are married and have children already, while all we have of Pavel are our memories.

My brother loved to listen to music, all kinds of music. I still have a lot of his recordings, and when I am sad I put some of his music on, and I feel a little better.

As far as books, he loved Lukyanenko and the all 'Watchmen' series. I think he would have liked seeing the movies based on these books, but all these movies came out later, in 2004. As far as films, he liked 'Amelia'. We watched the movie on the computer, and though the quality was not very good, we had comfortable easy chairs and all sorts of snacks: cookies, cakes, hot tea, and sweets. Now this is my favorite movie.

We got even closer when we started growing up. We would talk about

everything with each other: we discussed relationships, and shared our most intimate and cherished secrets, and talked about our sorrows, or rejoiced in heart and soul and made plans for the future...

Pavel finished 9th grade at School No. 1028, and received his graduation certificate from the 'New Century' secondary school. In 2002, he entered Moscow Pedagogical University, majoring in Sociology. I think that at 18 he still had not decided what he wanted to be. He wanted to be a programmer, or a sociologist, or a psychologist, but one thing I know for sure: he tried to be a GOOD PERSON, someone who was kind, caring and loving. And so he was!

When my daughter was born, I remember he came into the ward with flowers and all sorts of goodies. He looked so grownup: tall, handsome, and proud — he was an UNCLE! And the first word my daughter said was: "Dya-dya!" (uncle).

How little time we had! I did not want him to go anywhere that night. I asked him to bring a videocassette back and rent a new one, but he said that he had something to do, and left... He said that he would bring it back tomorrow, but tomorrow would never come...

He will always remain in my heart, and in my memories, and in the hearts and memories of our parents and his friends! I know this for sure!

Written by his sister, Natalya Platonova

PLATONOV, PAVEL YURIEVICH

Age 33, from Moscow, Russia.

His first phone call came even before the country learned on the news about the terrorist hostage taking at the musical 'Nord-Ost'. It was not a personal phone call. Pavel Platonov, who was among the eight hundred hostages, dialed someone who knew what to do with the information he was sending, and, secondly, someone who would know what to do in the situation.

It was the first and most specific information that the security services received from inside the captured theater, and therefore, the most priceless. As a matter of fact, no other information was coming from there, even though we were able to question the few hostages that managed to escape, and get the impressions from various envoys and negotiators who visited the captured theatrical center.

Not only did Pavel Platonov regularly communicate vital information, even though every time meant taking a huge risk, he kept at it on behalf of security professionals in charge of the hostage rescue operation. Pavel Platonov sought information vital to the commandos tasked with the assault.

During the first days, he communicated quite often, almost every half hour, while later — a little less often. When the terrorists got suspicious, they took away his mobile phone, but Pavel found a way to send text messages from other hostage's phones. The last message we received from him came only a few minutes before the assault.

According to the operational leadership and the commandos that stormed Dubrovka, Pavel's information was invaluable. Not only did it help them make the right decisions, it also saved the lives of hundreds of hostages, as well as the commandos that rescued them.

For courage and bravery shown in the performance of his civic duty in circumstances involving great risk to life, by Presidential Decree Pavel Yurievich Platonov was awarded the Order of Courage, posthumously.

Written by Sergey Kolesnikov in the magazine 'Bratishka'

PREDOVA-UZUNOVA, EMILIA

Age 43, Austria, Vienna.

Emilia Predova-Uzunova, an Austrian citizen of Bulgarian ancestry, came to Moscow for the 9th International Perfumes and Cosmetics Exhibition, "Intercharm 2002". She went to the musical with a former teacher. She left behind two daughters, ages 12 and 16.

A person who departs from life still lives in the memories of loved ones, friends, and colleagues. The more of these that there are, the more he or she yet lives. EMMA had an enormous collection of these throughout many countries of the world.

From the very beginning of our acquaintanceship, she was the personification and embodiment of an inextinguishable love of life and of all those around her. She had a vital fervor, and enormous faith in a bright future and everything good in life.

My heart is broken and my subconscious still refuses to acknowledge or believe that EMMA is no longer among us. This volcano of life, this bright, sunny, ever smiling person, who was full of energy, fire and fervor, who was ready to come to your assistance at a moment's notice and put her shoulder into it, who gave her love and kindness to her friends and loved ones, she was a truly radiant Personality with a capital letter.

She will always remain for us a symbol of hope and the enormous, endless love of all those around her, a symbol of true faith in life.

I say this with a clean conscience. All my colleagues, who knew and had the honor to get to know EMMA, share these words and feelings. About the one and only EMILIA...

She will forever remain in our memories as a smiling, sincerely fervent, sparkling, unbreakable woman, and as a person who never surrenders no matter what the trouble, and always believes in her eventual success and victory.

Written by Viktor Kanibolotsky

I never thought that such a day would ever come. I never imagined that Emi's life would be so cruelly cut short. I still cannot accept the reality of her loss.

Emi was an important person in my life. I became a better person for knowing her.

Our lives were strangely interwoven.

Emi was a magnificent person. She was above the petty trivia of everyday life. I will remember her with a broad smile on her face, proud of her children, proud of her husband, proud of her friends. She was full of energy, enthusiasm and strength. She had heart full of love for everyone around her.

The most important things to her were

her husband

her children,

her home,

her professional integrity

her friends and her relatives.

She loved to be surrounded by love.

I will always remember when she told me that it is us, “people who make things happen. We don’t need to wait for someone else to do things for us. Just go and do it!” she said. This was her attitude. “If you feel lonely because you are abroad, away from family and friends, organize a party! Don’t just sit there and moan! And so she did.

She loved things to be beautiful: the inside her home, her appearance, her children, her attitude to life and people. Emi was a live wire, whoever came into contact with her was shaken out of their apathy or indifference.

Friendships are strange things. Circumstances bring together people unexpectedly. Emi, the two Dimiters and I were classmates in Secondary school in Sofia. But we only became really close friends when life threw us both into the big concrete blocks of flats in Mladost 4 (a remote suburb of Sofia).

Emi and I bumped into each other by accident, pushing our prams with our babies, in the small park in front of our block of flats. We didn’t know we were neighbours.

Emi and I discovered we had many things in common: apart from the obvious size similarities, we both married a boy from our class, with the same first name — Dimiter. Both worked in international trade. We both had children nearly the same age and had very similar interests in books, travel, and languages. We enjoyed each other’s company. I admired her energy and insatiable curiosity, her excitement in discovering new things that stayed with her all her life.

Dimiter and I moved to London, and soon after Emi and Dimiter moved to Vienna. But we kept in touch. Dimiter and Emi often came on trips to London and always made time to see us. We shared our experiences of living away in a foreign country and making a go of life there, building our careers, businesses, making a home and putting all our efforts into bringing up our children.

Dimiter and I shared Emi’s love for travelling and discovering new places and cultures. We used to spend evenings reminiscing of far away places and people. It was incredible how hungry Emi was for new knowledge and how unassuming her way of sharing it with others was. That was Emi. Always having something interesting to say, something positive, something funny!

I will never forget the memorable week we spent skiing, or rather they went skiing, I broke my leg and just enjoyed being looked after. It was the happiest holiday of my life! We never stopped laughing.

Emi, Bojidar, Veneta, the 2 Dimiters and I were inevitably the last people at closing time. We never got bored. I was tired, I wanted to hit the pillow but Emi was full of energy. She used to say; “You have not come on holiday to go to bed early, have you?” Her idea of a holiday was not sleeping on a beach, but very different: going dancing, going for a walk, playing cards or going to the sauna, which was a great joke in itself. Non-stop!

That was Emi. This was how I will remember her: living life to the full, rushing to try as many things as she possibly could. There was never enough time for all her endeavours! Yet, there was always time for a friend, always a good word for everyone.

Our last meeting was in London in early summer, when she came for an exhibition. She stayed with us. It was a difficult time for her. She was about to make the next important change in her life: to commit all her intellectual energy, experience and knowledge to their family business. She was leaving her job to work with Dimiter. She told me how excited she was and how nervous at the same time.

Emi was a modern woman. She built her career with hard work, perseverance and dogged determination for success! She was an incredible linguist. She loved the Russian language and culture. She loved English and the English language. She learned one of the most challenging languages (at least for me) — German. She was amazing!

I will remember her incredible partnership with her husband Dimiter. They were a model family, a marriage of minds, hearts and bodies. Her love for Dimiter and her children was boundless.

Emi was love, loyalty and care that knew no limits. She was a strong woman. She was a fighter. She was brave, too. Whenever things were difficult for her, she would not complain, she would try and deal with problems herself. Whenever someone else had a problem, she would be there for them, sparing time, energy or affection. I benefited by her friendship and her example. My life has been enriched and inspired by her love and thirst for life.

There won't be another one like Emi. But we are grateful that we knew her, that she touched our lives with her big smile and big heart. Today we must celebrate Emi's life and her achievements, as well as say goodbye.

Goodbye, my friend, goodbye.

Written by Lili Mirtcheva

Emmy was such an energetic, positive, helpful, resourceful, funny and lovely woman that it's difficult to believe she's not around any more. And difficult to think of anyone who deserved less to go in such a tragic and senseless episode, or so young.

I've been going over and over memories of her in these last few days of fear, hope and then desolation, and I haven't remembered anything that wasn't happy and delightful. From that first dinner in the Sheraton when she was making jokes about all that typing, right through to the last time I visited you in what was then your new flat in Vienna, for which you'd both worked so hard. She was pure gold. And now she's gone.

A lot of us--really a lot of us, I suspect--have lost a much-loved friend. But her husband and the girls have lost most of all. From what I've seen, they are fine girls. If they grow into women even half as wonderful as Emmy, her husband will have cause to be very proud indeed.

Written by Rob Whitford

PRISYAZHNOVA, ELENA

Age 47, from Moscow, Russia.

Elena Petrovna Prisyazhnova was born on December 5th, 1955. She died on October 26th, 2002. She had a higher degree as an economist and was general director of PMK Universal, Inc.

Elena Petrovna was a person with a complex destiny. Until 1991 her life was that of an average Soviet — school, institute, social work in the Komsomol and trade union, family, trade work in construction agencies, engineering, and finally chief of a structural division.

Then came the fateful 1990s, and decades of a carefully organized life collapsed. Elena Petrovna, however, together with a group of like-minded individuals, did not allow the firm where she had worked almost her entire life to collapse. Going for months without pay, she and her friends continued building homes in Moscow and Lower Muscovy, saving jobs and production capacities, and ensuring their workers and colleagues had places to live.

Life continued to deliver pitiless blows. In 1999, her husband died, and in 2001, her daughter as well. But Elena Petrovna was unbroken. Despite the bitterness of these heavy loses, she remained a loving daughter, caring for her sick, elderly mother, and thoughtful and attentive to her friends and loved ones.

Then fate readied its final blow. On a rainy October evening, together with two colleagues from her firm, she went to see the musical 'Nord-Ost', and... NONE of the three returned. Elena Petrovna, her friend Anya Shifrina, and fellow engineer Volodya Radchenko, died during the storming of the theater. Representatives of the most peaceful profession on earth, the builders, fell like soldiers in the Chechen war.

But I, the writer of these lines, am confident that those guilty of the tragedies at Budennovsk, Moscow, and Beslan will not escape retribution. "The ashes of Klaas are knocking on my heart"¹, and our tears for our fallen loved ones pour onto them a hundredfold.

Written by Yuri

¹ (From Till Eulenspiegel's call for retribution on the murderers of his father who was burned in the Inquisition.)

PROKHOROVA, LYUDMILA

Age 64, from Moscow, Russia.

Lyudmila Isaakovna Prokhorova — Lyudochka as we always called her — was a Muscovite, born there on September 12, 1938. After high school she enrolled in one of the most prestigious and ‘closed’ of schools in Moscow — the N. E. Bauman Technical University, or MVTU-Bauman. It was ‘closed’ because, during that ‘black’ time, they did not allow representatives of all peoples into such institutes of higher learning. To get into and study at Bauman was not easy, but Lyudochka was a persistent and purposeful person.

On becoming an engineer she worked many years at one of the aviation enterprises in Moscow, the Uspensky Aircraft Construction and Test Bureau, then later at the Computer Center. She was busy with her work, and we often talked on technical topics, as well as work in related organizations.

In those early years Lyuda met her destiny — Boris Maksovich Prokhorov — and they married and had a daughter, Natasha. Lyudochka became a caring and loving wife, and a kind and affectionate mother.

Lyuda and Boris regularly went to Moscow, to the theater, concerts, and museums. They showed particular interest in the productions of the Vakhtangov Theater. They loved to travel and go out to the country. We often met them in Moscow, when we went there from Leningrad-Petersburg, where we lived, and Lyuda, Boris and Natasha liked to visit with us in the northern capital and admire the beauty of our city, suburbs and museums.

Everyone who knew Lyudochka Prokhorova — we, her family, her neighbors, and her former colleagues (she had been retired for the past few years) — loved her cheerful nature, kindness, commitment and a willingness to provide assistance and support to anyone who needed it. They always had an open house and everyone, not just close friends, who came to Moscow were welcome at their home on Bolshaya Polyanka.

I remember that as a young girl she read Kaverin’s novel, ‘Two Captains’, and she fell in love with the protagonists. And this girl from an educated family in Moscow, an admirer of beautiful and courageous people, Lyudochka always remembered the book’s motto: ‘To strive and seek, to find and never give up’, and she not only remembered it, but sometimes even acted like Kaverin’s heroes. When the rehearsals for the musical ‘Nord-Ost’ in Moscow were announced, which is based on that novel, the desire to attend this performance grew within her. And on that fateful day Lyuda and Boris were there at the Theatrical Center on Dubrovka. From Boris’s terse phrases we know that even there in the auditorium she tried to cheer up those who were sitting next them, and it seemed that she would be alright.

Boris, fortunately, survived that Hell, but he was ill for a long time. On the first day after the assault, Natasha found her father in a hospital, in serious condition. His first question was about Lyuda, about which he knew nothing, because the terrorists at some point made them change seats. For three days Natasha searched for her mother, along with Georgy, Lyuda’s brother. They were only able to identify her by certain small details, since she was otherwise impossible to recognize. Meanwhile we, who

were across the ocean, kept hoping for a miracle, and that somehow Lyuda would be still alive. But, alas, no miracle occurred. And today, eight years later, it is unbearably painful to think about it, and experience it, all over again.

Eight years have passed since the tragic events at Dubrovka. And for us, Lyudochka's family, we can only remember this bright and dear person, and ask God to judge those who made the decision to carry out an assault with the use of gas, killing 130 hostages. This tragedy has taught the authorities nothing, because later there was Beslan.

Written by her cousin, Leonid Sandler

PUZIKOV, DMITRIY

Age 26; from Moscow, Russia.

Dmitriy Dmitrievich Puzikov. He was born in Moscow on April 16th, 1976. In 1993 he graduated from literary, multifaceted school-center for esthetic education. In 1999 he entered the Moscow Institute of Energetics (technical university), in the college of electro-technology.

Dima... Dimochka... You were the best in this world, yes, and in the next world as well. You always were and always will be. And we all love you very, very much.

He was a caring son and father, a loving husband, and a successful businessman. He did not know how to despair, even when things were very bad, Dima always said to me:

“Wait my dear. We love each other. We’re together. Everything will turn out all right.” But on that terrible day, October 23rd, things did not turn out all right.

The moment that the terrorists broke into the auditorium, Dima somehow understood it already. He hugged me so tightly, as if he wanted to protect me. When they started to seat us in different places, he hugged me, and kissed me, and ran his hand over mine. With his eyes full of tears he whispered for me to go, that if they let the women go, and anything were to happen to him, to change my last name to his — Puzikova (I had kept my maiden name) — and that I took care of our son. Later we were only able to meet each other’s glances.

We first met at the institute, where we shared a desk. We stole furtive glances at each other, and later everything began to spin about with dizzying speed. And here we were, husband and wife. After finishing the institute we worked together as information technologists, later starting our own business. We were always, and everywhere, together.

They say that people quickly get tired of each other — this is not true. To see each other 24 hours a day was, for us, happiness. We were as one; we lived with the same goals, matters, and deeds. Even now, when he has been gone for unbearably long, I judge all my deeds and acts according to his point of view as well.

Many friends always surrounded Dima. He was a rare type of sociable person, happy and sharp-witted, he found it very easy to meet people and valued true masculine friendship highly.

Dima knew how to be demanding with his subordinates, but he was always gentle and affectionate at home. And even romantic. Once, when I woke up on the morning of my birthday, I could not find my husband at home. When I looked out the window, however, I saw my name on the sidewalk, written in roses, and my happy, smiling Dima next to it. He also loved his mother very much, and his brother and our son Artyom... And the forest, and the roar of the sea in the morning... And life.

People like Dima cannot die. They live within us, within those who love and remember them.

Written by his wife, Natalya Puzikova (Morozova)

RADCHENKO, VLADIMIR

Age 49, from Moscow, Russia.

Volodya graduated from the Kharkov construction institute and was a skilled specialist in the building trade. He always kept up on new techniques in his field, and so he was able to work up from a simple foreman to chief engineer. One cannot even begin to count the number of production and non-production buildings that were built and put to use with his help. Volodya taught me an awful lot about construction, as well as drawing up estimates. When I had to build my own summerhouse it came out pretty good, and that is what I mean by him being a good teacher!

If someone needed help, there was Volodya. He would always help you. He loved doing something nice or useful for someone, and never worried about the time or effort, how could anyone forget this?

How Volodya loved life. Yes, he really did. Everything living in nature, every leaf on a tree, every little bird fluttering from its nest, every little star in the sky — he loved it all. Biology, astronomy, physics, chemistry, radio technology, fishing, construction... One can try to list it all and run out of pages. It seems there was not anything that Volodya did not know. You could talk with him about anything. Volodya loved nature a lot. The starlings still come to the perch that Volodya made, though the birdhouse has fallen down already. He named all those little wagtails that moved in with us on our plot of land. We named them Stella and Stepan. I never would have thought to name birds. Katya, my Persian cat, adored Volodya. The cat felt his attention and at times thought she was the mistress of his house.

Fishing was one of Volodya's greatest pastimes. When we traveled to the Oka River, he wanted to catch a pike by hand, but was not able. Then on Tsna Creek he caught one with the rod and reel, and was happy for a long time. He put it in the pot and it made a tasty fish soup.

Volodya loved games: chess, checkers, nardy (Russian backgammon), and so forth. He taught me how to play nardy. I started playing pretty well, and so Volodya sometimes got mad when I won.

He was simply an ace in astronomy. He knew every little star by sight and could

point to the place it was located. Sometimes Volodya was like a little grownup boy. His dream was to build a telescope that could make out even the smallest little star, but he never got to do that.

Volodya, you will always remain in our hearts, and this source of love will never dry up, since it is infinite.

Written by Larissa Pirulina

RODIONOV, DMITRIY

Age 18; from Moscow, Russia.

Dima was a great lad. He came to our school in 10th grade, but never seemed a stranger to us. He was a very sociable and happy person, and right away he had an effect on our group.

He had at his disposal a striking sense of humor: I never met anyone before who could laugh so sincerely and with all his heart, and even make jokes about himself! More than anything, my friends and I loved to make him burst out laughing. It was so easy to do, but afterward we too would be infected with his laughter and could not stop. In his laughter you could feel life overflowing its boundaries. Our class had

been missing this, just as an adult misses that time of ease, happiness, open view of the world, like when he was a child. But Dima helped us. He shared it with us, though perhaps he never even realized this.

In spite of his irritability and his hot temper, he simply could not get mad at people. Dima was kind, and knew how to support someone going through difficult times. He knew how to display sympathy. What struck me most about him was that he was a 16 year-old adolescent, yet grown up in many regards. In one of my most difficult moments, he knew just what it took and he lent me support even though I had never asked him for it. He was simply right there next to me, knowing what I was going through. I never expected this, because none of my friends could have helped me at such a moment, or even wanted to. I found out that he too was a lonely person; that he too was suffering inside. He worried about his loved ones, especially his mother. It is possible that he felt a personal responsibility for their emotional welfare and had learned to protect them. In this respect, he was quite mature.

Written by Kirill Zenin

ROMANOVA, OLGA

Age 26; from Moscow, Russia.

‘Olya’ was born on May 13th, 1976, in the evening. The spring that year had been cold and rainy, and that night there was a powerful thunderstorm. While I was pregnant, my sister said that if I had a girl I should name her Olga, because it was a pretty name. Thus was born Olga Romanova, together with thunder and lightening. And she died with thunder as well.

She was a quiet baby, and I had no grief with her. When she turned one I took her to the crèche. Later came kindergarten, then school. At ten she was already helping me — she would peel potatoes, or cut onions, and she tried to clean house as best she could.

One day she came home with bruises. I asked her: “Where did those come from?” She said that kids were hurting a girl, so she had to help. That is how she was: always trying to help everyone. Girlfriends ran to tell her their secrets and their problems. Olya would help everyone, and act as a referee. She was a very warm-hearted girl, and her friends called her Romashka (Daisy).

She took piano lessons for nine years in that very same theatre center. She was starting to think about where to go next. At first she wanted to attend the medical institute, but later she changed her mind and went to work at the Red October candy factory. She worked there for seven years. She was not afraid of work, and everything was going well for her.

We lived modestly. Olya never complained, though once she asked that, should we ever have enough money, could she buy a leather jacket? Olya dreamed of having fruit, vegetables, and red caviar on the table, I chided her: you want to live rich, but she said to me: not always, but sometimes you just have to.

Now I understand that this was her order, so sometimes now I set a rich table: fruits, pickled vegetables, and red caviar.

Olya worked for a while for the post office, then found a job at L’Etuale. It was then that her labor and life ended simultaneously.

Olya loved children, and loved animals. We had two cats — Dasha and Knopka (Button). Knopka fell out an open window while Olya was washing windows, and ran away, and Olya was very worried. This was in August. On October 21st I bought her an identical kitten, and Olya rejoiced just like a little girl. But on the 24th Olya died.

That night Olya and a girlfriend from work missed the last bus and subway train, and so they went to spend the night with another coworker. There they found out that the Theatre center had been taken over. Olga rushed home, by taxi. She got home late, all worried and hyper. We sat and talked awhile and then decided to go to bed. I thought that she had gone to take a bath, but then there she was, all dressed and standing by the apartment door. She said that she was going to go and talk to them — to make them at least release the children. I yelled at her, and said she won’t be able to do anything! I said that these were not boys from the backyard whom you

can smack on the shoulder and then they would settle down. She left. She locked the door with the key, and left.

But they did not understand her. They took her for an FSB spy and shot her.

After Olya's death, they started releasing the children.

When we went to identify her, they brought her out on a gurney. a black plastic bag was over her face. The doctor said that there was work to be done. We identified her from the keys she had, and from her boots. Her crucifix was gone.

We did not get to bury Olya until October 30th — we could not receive permission from the prosecutor's office (it was a criminal case). There were a lot of people at the funeral — friends, classmates, colleagues from work, and a priest. Olya's fiancé Ruslan could not get her ring onto her finger, so he left it in her coffin. He said that he bought it for her, and that it would stay with her.

Four years after the tragedy, on the day of Olya's death, Father Nikolay came from the Cathedral of the Sovereign Russia in the city of Zhukovsk, in order to give last rites. Father said that he would register Olga with the Romanov martyrs, because she was just such a martyr. Pilgrims still come to Olya's grave.

We do not know what happens after death, but I feel it. Olya is with me: she protects and warns me. I often have dreams where Olya is telling me something. On the night before her birthday last year, I dreamed that she was complaining to me that her back hurt from cupping. I went to the cemetery that day, and saw that there were a lot of little flowers, and they were all standing in those tiny bottles that people use for cupping.

Written by her mother, A.I. Romanova

ROZGON, SVETLANA

Age 20; from Volokolamsk, Moscow District, Russia.

October 28th, 1981 to October 26th, 2002.

Here entire short life passes before my eyes. How our long-awaited daughter showed up in this world, back when we were still college students. We still remember her first words, and steps, and how much joy there was on her first day of school.

Sveta grew up a bright, happy, and sociable child. She always had a lot of friends and girlfriends around her, and yet she always wanted to achieve things on her own. She liked sketching and sculpting, but most of all she loved playing various acting roles. Her mother and I always said:

“What an actress we have here!”

When she finished high school she entered the Volokolamsk technical school of economics and law. She acted in the folk theater at the regional ‘House of Culture’, and played the lead in the drama ‘Hey anybody!’

Sveta had everything still ahead of her, and yet she always tried to take as much from life as she could, as if she felt she that would not be here for very long...

When Sveta graduated from technical school, she entered the institute in Moscow.

She was what they called ‘a live wire’ — a girl always happy and full of life, though she never forgot about us and her little brother, Yuriy. She worked and studied, hoping someday to make it on her own.

She always said: “Papa, there’s a musical in Moscow where an airplane lands on the stage. I dream about going to this musical.”

And so arrived October 23rd, 2002. I was at home with Yuriy while Sveta’s mother was in the hospital. Yuriy and I saw the news report about the theater being captured, and we immediately knew that our Sveta was there. We tried to call her, but no one would answer. In the morning we got through to Sveta’s friend Alexey, and he told us that Sveta and her girlfriend were in the theater. Sveta had asked Alexey not to tell us: even at such a time she was worrying about us.

During the night of October 24-25, at about 5 in the morning, the telephone rang. It was Sveta. “Papa, you know everything! They’re treating us okay, they’re not beating us, but don’t tell mama anything!” These were the LAST WORDS that I heard from her, and I will remember them for the rest of my life.

SVETA, OUR LOVED ONE, OUR DEAR, we WILL REMEMBER and LOVE YOU FOREVER!!!

Written by her father

*There's communication – there's no simpler communication! -
Between two souls.
And there are eyes, whose bright light
Were with me for so long.
The blessed warmth
Heals the spirit
From useless tears,
Whose gaze is already extinguished.*

Emily Bronte

In two days she would have been 21... Terrible nights and days — this is what fate gave her on the eve of her ‘American’ coming of age. Presents, prepared by her friends and loved ones, remain forever un-given and unopened.

But how beautiful it all began! October 28th, 1981, in one of the maternity hospitals of our huge country there was the sound of a baby crying...

Sveta was an unusual person. Her optimism in life could be envied, and was something to be studied. So no matter what happened in life, she faced everything courageously. Sveta was the life of any party. Not everyone could talk to a stranger on public transport, but she could. Sveta did not just talk — she gave every person faith in happiness and charged them with optimism.

She got her unusually beautiful eyes from her mother... Eyes in which you could drown, as if in the ocean. At times you would look in her eyes and it seemed that your head would begin to spin. a blue abyss. Eyes that you wanted to look into over and over again... Not everyone is given to love life as Sveta did. Sveta lived in the proper sense of the word. Each day she lived as if it were the last. She tried to succeed at EVERYTHING, but there was a lot that she never managed to do...

It is very hard to come to peace with the fact that life has taken such remarkable

people from us. You look for familiar features in every passerby. It seems that some day will come and once again her resounded laughter will be heard. Sveta's laughter...

My dear girlfriend, you are alive in my heart and you will live there forever!!!

Written by her girlfriend, Galina Kobernyuk

RYABOVA, ALEXANDRA

Age 32; from Moscow, Russia.

Sasha was very much a wanted child. She grew up very calm, without problems, and began to speak at an early age. My mother-in-law joked that one could raise a dozen children like Sasha without too much trouble.

Sasha was a friendly, trusting, and naïve girl. After eighth grade she decided to become a teacher and transferred to a school that had classes oriented towards this. In achieving her goal she was persistent and independent — every day she had to make three bus changes to get to school. She was not the top of the class, but she did well, and was diligent. Her girlfriends and her teachers loved her, but the closest

relationship she had was with me — she was my daughter, and my friend, and sometimes even took the role of mother, and I obeyed her.

After her first year at the institute, Sasha got married. I was against it and said that I would not help her if she had a baby. She replied: “Don’t bother, I’ll do it myself.” The birth of Alexey did not interfere with Sasha successfully finishing the pedagogic institute.

Because of her small child, Sasha did not work in her specialty, but had to look for a job with flexible hours.

We spent all our free time together, and always took vacations together — Sasha, Alyosha, and me. People often took us for sisters. Sasha even got annoyed if people mistook Alyosha for my son.

Sasha managed to write me a farewell note while in the theater auditorium, and I keep it with her passport.

Written by her mother, Elena Prostomolotova

SAFRONOVA, OLGA

Age 24; from Moscow, Russia.

I was Olga's immediate supervisor. She was still an unopened blossom, and had so much that she wanted to learn. She was an achiever. During the elections she would not leave until she had poked her head in the office ten times and asked, 'is there anything else for me to do?'

Of course, given her age she was quite a dreamer. Her mother was always asking me to be stricter with her and keep her on track. Olga's mother had grandiose plans for her, and wanted great success for her daughter. This is understandable — Olga was her only child.

Olya's appearance stood out: dark hair, milk-white skin, and blue eyes. She was also very kind.

Olga loved roller-skating in the park. Sometimes even my daughter went skating with her.

On the day of the musical I had a strange foreboding. We were getting paperwork ready for a meeting and Olga had asked for time off to go to the musical, but when it was time to leave I tried to talk her into staying and finishing her work. I do not know what drove me to do this. I even promised to buy her a ticket to the same musical for the next day, but she would not listen...

Written by her supervisor, Nadezhda Ivanovna

Olga and I became friends at work. She was such a happy person! Whenever I was on, she would come by in the evening to drink coffee and chat with me. We often spent our days off together, and had the same friends. Olga lived next to Sokolniki Park and loved to roller skate there. It was one of her favorite activities and she was pretty good at it. Her boyfriend sometimes let her drive his car, even though she did not have a license. I always yelled at her, telling her that she was taking a big risk, but in general she did not take risks.

It was a long time ago, certainly, but I still remember our last encounter. I went to work and she went to the show. She was walking down the stairs all dressed in black, and I cried out rather loudly. But she did not turn around. No biggie, I thought, we will see each other tomorrow and she will tell me everything. But we never did...

Written by her friend, Natalya

SAPOZHNIKOV, BORIS

Age 59, from Moscow, Russia.

Boris Petrovich was a very cheerful, energetic, and optimistic person. He showered unlimited love and respect upon his loved ones and coworkers. None of them can believe even now that the life of such a remarkable and unique person was cut short by a tragic death. We will always remember him, and grieve.

*Written by his daughters Yulia and Irina,
and his wife Galina*

SAVELYEV, SERGEY

Age 47; from Moscow, Russia.

Sergey Savelyev was born in Moscow on August 19th, 1955. His father was a chauffeur, and his mother a cook.

He was one of four children. He began to study music in the Pioneer brass band, which he traveled with. He finished the Ippolitov-Ivanov music academy, and later the Gnesin Institute (in I.P. Mozgovenko's class).

He worked as a soloist and orchestral inspector at the Operetta Theater, in the Natalya Sats Children's Musical Theater, and in symphony orchestras under the direction of Pavel Kogan and Veronika Dudarova. He was also in radio and television orchestras.

“Filarmonik” #4, 2002

SAVELYEVA, GALINA

Age 34, from Moscow, Russia.

Galina Viktorovna Savelyeva was born in Moscow.

In 1975 she attended school. She finished the 10th grade and then entered the teaching college. After graduation she worked for 15 years as a Russian language and literature teacher at School #577 in Moscow.

She dedicated her short life to teaching children. She was a very sensitive, good, honest, and thoughtful person. On her day off she went to 'Nord-Ost' with her students, and never returned...

Author unknown

SYOMIN, SERGEY

Age 40, from Moscow, Russia.

One day, during the summer of 1984, my daughter Anna, a 4th-year student at the Moscow Institute of Construction Engineering, came to me and, awkwardly, reported that she was going to get married. Her choice was a classmate named Sergey, and he was coming by to ask me for her hand.

One cannot avoid what is destined to happen. The next day, in the evening, there was ring at the door and there, before me, stood my future son-in-law. He was not tall, but he was well built and handsome, well dressed, and, of course, carrying a large bouquet of flowers. For the rest of

their married life, large bouquets would always accompany Anna and Sergey.

At dinner I learned that Sergey was born in Cherepovets, that he was 23 years old, had finished his military service, and that his mother was a teacher and his father a builder in whose footsteps he intended to follow.

I liked Sergey right away, and it was with pleasure that I gave consent for them to wed.

Later, as a custom goes, there was the bridal shower, then a very crowded, and almost exclusively youthful and happy wedding.

And in February of 1986 Sergey and Anna had a daughter, Sashenka.

He was the man of the house, strong and responsible. In order to feed his family, he changed school for the evening classes and went to work at the construction site during the day. After finishing the institute Sergey and Anna began working as construction engineers in the design institute.

But then Perestroika thundered across the land. The first cooperatives appeared, and Sergey rushed into free enterprise.

From this moment on he and his family began a completely new life.

He chose a difficult activity — the construction of single-story wooden buildings. His abilities and best qualities became fully developed in this field.

It was a difficult time. People were losing their jobs, and former classmates, professionals or simply people whom he trusted, came to see Sergey at his firm.

From the very beginning of this new activity he became a leader and an indisputable authority for all his coworkers. But he never behaved haughty or swaggering. He listened to many other opinions, but he assumed an individual decision and was solid and goal-oriented in putting this decision into practice. Due to the clever and well-pondered policies of Sergey, the firm grew and developed successfully, and changed from a cooperative into a private company, but always under the same name: 'Anna'.

Why do I know so much about this firm's activities? Because, in 1994, it was I, a construction engineer, who was invited by Sergey to join this company, to become its assistant director, and after me followed my brother and our wives, who sooner or later also became construction engineers.

Quite often family relationships among coworkers ruin a company, but that was not the case with 'Anna', where the indisputable authority was Sergey, where his word was the law for all the workers, including his relatives.

It was not enough that Sergey and I were shoulder-to-shoulder five days a week, but we spent our days off together as well — our weekend cottages were right next door to each other.

At the dacha he turned into a completely different person. Happy, direct, and relaxed. There were happy banquets at the dacha, with Sergey playing on the guitar and singing beautifully. We held celebrations for all family occasions. It was with such pleasure that he gave expensive, yet tasteful, presents.

Sergey started to perform philanthropy. The company regularly donated (and continues to donate) to the children's shelter, and in return received tasty pastries and coffee cakes. One of the Red Army veteran's councils also received aid from the firm.

Sergey and Anna decided to strengthen their family ties not simply with stamps in their passports, but in a more serious manner — they had a church wedding at a chapel in Archangel alley. Later, following those tragic days, Sergey's funeral mass was held in this same church.

Life, it seemed, was going to be happy and last a long time. In 1988 Sergey and Anna had Ivan.

Only now, in hindsight, do I realize what an ideal family they were. In 17 years of married life Sergey made a fisherman out of Anna, and she made Sergey into an inveterate theatergoer.

And then, on October 23rd, they left the office a little earlier than usual, so that they would not be late to 'Nord-Ost'...

About 9 in the evening came the call, from Anna, which turned our lives upside down. Three days passed as if in a nightmare, and on the 26th we learned that Sergey was no longer with us.

Hundreds of people came by the office to bid Sergey farewell: friends, relatives, or simply acquaintances from Moscow, Petersburg, Cherepovets, and Surgut.

Sergey is no longer with us, but he is here in their beautiful children, in the

company that Anna now heads, and in the memories of everyone who knew Sergey. And this memory will be with us until the end.

Written by E. A. Kissin, Anna's father

In my recollections, Sergey as a child was 'lively', a boy in motion. He was always the center of attention and the leader of any group.

The liveliness of his character and his creativity attracted all who knew him like a magnet. His hobbies, and in childhood Sergey had a lot of them, were hockey, football, music, and, which more than anything worried his parents, pyrotechnics. But for us kids, his younger brothers, it was so interesting to set off homemade rockets and firecrackers. We did not get by without a couple of trips to the doctor's, but, fortunately, nothing serious. Sergey never gave up this hobby as an adult, and learned fireworks almost to a professional degree. He loved to give people pleasure.

Sergey often served as an example to my younger brother Yevgeniy and I: be careful in everything, from your school journal to cleaning your room, be attentive to our parents, as well as justice and honor.

Seryozha did well in school and helped me. I remember in 8th grade I got a lot of 3's (C's) in organic chemistry and could not figure out the material at all, but in two days he explained it all to me. By the end of the year I had a good, solid 5 (A).

Yevgeniy and me associated holidays with Seryozha. Sometimes our parents let us stay at his house, and on those nights we got to sleep very late, always thinking up various reasons to continue talking. We hungrily waited for the next weekend so that we could see Sergey and once again think of something especially new and interesting.

Many funny things happen in childhood. You recall them all; his happy character, his kindness and his caring for us, the little ones, and the joy that he gave to one and all – this remains in our hearts for our entire life.

The wild 1990s changed many people as they bowed to the sometimes-unjust laws of the marketplace. But Sergey was able to preserve his kindness towards others, always helping others in distress, not to mention his justice and generosity. These qualities were part of him even in early childhood and stayed with him through time. The happy little fire in his eyes still looks at us from childhood and adult photographs, and makes us smile through the tears, remembering the past and dreaming about the future, always comparing our behavior to his.

Written by his brother V. G. Volynkin

SENCHENKO, SERGEY

Age 27; from Moscow, Russia.

I met Sergey the first time during filming of the reality show 'Harem', which STS was broadcasting.

At first glance he seemed charming and a bit eccentric — he loved making an impression on people. He was one of the soloists from the 'J-Power' duet, but had to leave due to difference of opinion with the producer, during the filming of 'Harem', however, everyone called him 'J'.

He could play chess extremely well, and was always beating everyone in the production group. He loved sports in general, playing soccer, and is even a high-grade athlete, although he does not look like one.

Once when I had come back from a location shooting, and had nowhere to live, he invited me into his 'commune' — a single-room that Sergey and two friends were renting. Whenever he was not playing or composing music, he was listening to it. I am not a music lover, and really do not like electronic pop music in the 'Doctor Alban' style, but Sergey's work does not bother me. He knew how to play such music so that it does not seem shallow.

He had a sense of humor, and was very open and cheerful, but his biggest character trait was, in my opinion, his fervor. I hope that 'J' keeps his fervor. He needs it now more than ever.

Alexey Yudnikov

Sergey Senchenko, a participant in the STS television show 'Harem', was seen by his friends on the news, which was broadcast a few hours after the storming of 'Nord-Ost'. Medics were bustling about, and Sergey had an oxygen mask on his face. The boys were relieved — he had been found! — And so they went looking for him in the hospitals that had received hostages. He was on none of the lists of patients. They then went to Morgue #4. Physicians there showed them pictures of the dead hostages, and one of them was Sergey Senchenko.

He was born in Krasnoyarsk, but soon his family moved to Anapa. Sergey made it to Moscow seven years ago. He was a top fellow and was successful at everything. He wrote music, not knowing a single note, and was even able to start a successful group. He was a dancer who even gave lessons to Anzhelika Varum herself. His little apartment on Street of the Year 1905 was always full of friends. Then one day someone offered him a spot on 'Harem'.

His best friend from the program was Larissa Shalneva. During a swim, Sergey went up to her and said: "What a smile you have!" The girl melted. "Never before in my life had I seen such a sensitive person. He could listen better than anyone."

Masha Shorstova, another participant on 'Harem', invited Sergey to 'Nord-Ost'. She played Katya Tatarinova in the musical. After the music hall was taken over by the terrorists, Masha and a few artists hid themselves in the makeup

room, and latter were able to escape through a window. Sergey, however, was taken hostage. About an hour after the theater takeover, he called his friend Alexey Ivanov on his cell phone. He asked him to tell the authorities not to attack, and that they meet the terrorists' demands. "Otherwise we're finished." Later, while the terrorists still had not taken his phone away, he lay down under his seat and called again. Alexey said: "He was often depressed, so I did what I could to calm him." The last time Sergey Senchenko called his friend was on Friday, at 8 in the evening. "Everything is fine with the food, there's even water. But it's a problem with the toilet." Then he hung up. Only a few more hours remained for him.

Sergey was not a very healthy man, and often had infections of the upper respiratory tract. Not long before all of this he had suffered from angina, so his chances of surviving the lethal gas were extremely small...

"One should accept life like it was a fairy tale, one which can end at any moment." This was Sergey Senchenko's favorite phrase. He was only 27.

Written by 'Moscow Komsomolets'

SIDORENKOV, YURIY

Age 29; from Moscow, Russia.

After 15 years of effort, Yuriy's parents were rewarded with a loving son, who was to be their only child. He was born in the beautiful Ukrainian city of Zelenodolsk, the "city of electrical engineers", on May 4th, 1973.

"Yura" grew up humble, sincerely, and friendly boy. Since early childhood he was surrounded by friends. Like all children, he went to kindergarten and school.

In 1989 he moved to Moscow, where he finished 11th grade and entered the Moscow Institute of Electrical Engineering, graduating in 1996. He worked for Mosehnergo at Transformer Station #26. He quickly rose through the

professional ranks, gaining the respect and authority of his friends and colleagues.

While in college, he met his first and only love, Svetlana, whom he affectionately called "Solnyshko" (Sunny). He loved her very much, and was true to her until the last minutes of his life. When 'Yura' understood that gas was being used, he removed his sweater and covered his wife's face with it, saving her from death. Svetlana survived.

His life had everything: love, confidence, hope, going towards a goal, and success, but at age 29 everything was lost in an instant. Only love remained, as well as the light and warmth of his soul.

*You are far from us now,
But even now in the still of the night,
Shining like a bright star
The light of your Soul gives us a kind light!*

... After the hostages were released, his friends, loved ones, and colleagues from work long and carefully searched for Yuriy at the Moscow hospitals and morgues, knocking at every door. They did not find him among the living or the dead. They found Yuriy after ten days of searching, a “John Doe” at Moscow city hospital #70.

We buried him on November 8th, 2002, in the Nikolo-Arkhangelskoe cemetery. He was buried alongside five other comrades in misfortune who also perished at “Nord-Ost”.

Written by his wife, Svetlana Sidorenkova

SHALBANOVA, LYUDMILA

Age 55; from Moscow, Russia.

Mom was born on October 12, 1947. Exactly two weeks before her death we celebrated her birthday.

Mom was always a very bright person. You do not meet many people who are so much in love with life and radiate it with all their heart. There were always a lot of people around her, whom she warmed with her special warmth. She was always smiling, and always ready to assist. She met difficulty and adversity with a smile.

‘Mamulya’ was also very artistic: she sang and danced operettas, played piano, and adored theatrical productions.

No celebration went by without the performance of her songs.

Mom was the leader among her friends, and always generated new ideas and organized things. Once she and her friend Olya (together they went to that ill-fated show, and together never returned) decided to learn to drive at age 50!

Even the most restless child would be envious of Mom’s boundless energy. She was successful in everything she tried her hand at. She was able to work, raise a family, attend school, and entertain. And she was an excellent hostess.

Our lives turned upside down with Mom’s loss. We will never forget those terrible days of waiting, when time stood still, for us, and many, many others.

When my brother and I were small it seemed to us, as perhaps it does to all children, that Mom would always be there, that she would never grow old and never leave us. Now it is as if we stand naked before the wind. Never more can we to press ourselves against her bosom and tell her of our woes, never more to hear her soft, kind voice. We can no longer share our triumphs, hear her praise, and see the happiness and pride in her eyes.

Now Mom’s portrait hangs at home with these verses:

*I do not believe in premonitions, nor am I
Superstitious. I do not run from
Slander or poison. There is no death in this world:
All are immortal. All are immortal. There is no need
To fear death at age seventeen*

*Or seventy. There is only reality and light,
There is no darkness, no death in this world.
We are already at the seashore,
And I select the nets,
To catch immortality when it passes by.*

Written by Alyona Shalbanova and Andrey Shalbanov, her children

SHAROVA, ELENA
Age 19, from Moscow, Russia.

Elena Olegovna Sharova was born in Moscow on August 30th, 1983. Her childhood was spent in Khimki, in south Moscow. She graduated from Khimki High School #16 and was a student at Moscow Teaching College #5. She was only 19, and her dreams of becoming an elementary school teacher will forever remain dreams.

She was kind, attentive, and always ready to put her business aside on a moment's notice and lend an ear or a hand to her friends.

She was at 'Nord-Ost' since the day of its premier.

Over the last year the theatrical center on Dubrovka was her workplace and home. Each day after class she hurried to the theater. Together with the heroes of the musical, she cried and rejoiced, worried and loved...

After they fell victim to calamity, they prayed for help and protection and believed up until the last minute that they would be rescued. But...

Almost six years have passed, but it seems that it was only this morning that she left for class, and to the theater in the evening.

Every night I listen for footsteps on the stairs and a knock at the door, but it is always for someone else... a life barely begun was torn away. Young people, only just beginning to live, have died.

It is very painful for me to write this. It is a lie that time heals all wounds.

Written by her mother, Svetlana Sharova

A year and a half ago I went to the musical 'Nord-Ost' with some friends. Entering the foyer of the theatrical center on Dubrovka, we automatically held out our tickets to the girl in the raspberry-colored jacket.

"You don't recognize me?" the ticket girl asked with a smile.

"Lenka Sharova!" we yelled. "We didn't expect to see you so far from Khimki!"

Lena Sharova graduated from High School #16 before we did. We were not best friends in school, but we always conversed warmly. Whenever we could not do some assignments, we ran to Lena first. We were convinced that "Sharova knows everything".

Tall, stately, and with blond hair piled high, Lena seemed older than her years. She radiated confidence. Because she acted so grown up her classmates at the college she attended after high school called her “auntie”.

Exactly a year ago, on the evening of October 23rd, the telephone rang and I heard the awful news about the seizure of hostages at ‘Nord-Ost’. My heart was in my mouth; Lena was there! That morning we had met at the bus stop and ridden together to the metro station. Lena said that as usual she was on her way to the theatrical center on Dubrovka... That meant that she would be there until the end of the show. a glimmer of hope remained: maybe on that awful day Lena left work early, before the gunmen jumped up on the stage? But I did not know her home phone number, and there was no one to ask.

A week later ‘Moscow Komsomol’ published lists of the dead. There was a short line, reading: “Sharova, Elena Olegovna. Age 19. City of Khimki.”

Written by R. Marina in the Khimki city newspaper on October 23rd, 2003

SHCHEGOLKOV, DMITRIY

Age 27, from Ramenskoye, Moscow District, Russia

Moscow Junior Bodybuilding Champion, 1995-6.

Dmitriy was born in the lower Muscovy village of Kratovo on October 23rd, 1975. He attended school there. Dmitriy was a simple, sincere, kind, and extremely persistent fellow. He did well in school, and was active in sports. At age 14 he took up bodybuilding and worked out with free weights at the ‘Friendship’ youth club. His friends used to tease him by calling him ‘Arnold’. Dmitriy was a remarkably loving son and a loyal friend.

Time passed, and Dmitriy finished school and entered the Malakovsky gymnastics institute. After studies and work, Dmitriy regularly attended training. He was a body culture fanatic in the most beautiful meaning of the word. At 18 Dmitriy began entering bodybuilding competitions, taking at first fourth, but later third place. When he was 20 he took first place in the weight class in the junior division.

During the last months of his life Dmitriy worked in Moscow as a trainer at the TsSK sport center. It seemed that he had already found his place in life, but the tragedy that occurred at ‘Nord-Ost’ took the life of this 27 year-old young man. He would still be with us and might have been able to accomplish much more had it not been for this.

His friends and relatives are still unable to come to grips with the loss that occurred six years ago.

Written by his mother, Valentina Petrovna Ryzhkova

SHIFRINA, ANNA

Age 61, from Moscow, Russia

Anna Tevilyevna Shifrina is my mother. I do not know how to think about her in the past tense, because it just cannot be that she is not here anymore. She is forever. No matter how far back I remember, perhaps age 4, from the very beginning, she is there. She is large, merry, gentle, laughing, beautiful, and strong. She is very strong and very kind. Mom is laughing, baking a pie, comforting me, writing poems with me, brewing coffee, and again, laughing. She sews me a carnival costume out of her evening dress and embroiders it with her "adult" malachite necklace. Once again she is brewing coffee for the neighbors. It is midnight and she is explaining

algebra to me; it is the end of the year and she is beginning with the first paragraph of the textbook. She cannot hold back; she gets mad, then she just laughs and sends me to bed and with treacherous calligraphy she writes all the answers in my composition book for perfect scores. She is working, always a lot and very hard. She finishes late in the evening, picks me up, the last child there, kisses me and asks forgiveness, and does not check my grades... She feeds me, and three neighbor kids as well, with a single chicken leg, and with something tasty that makes up most of the meal. Everyone eats at mom's, even children who, as a rule, do not eat.

They even eat her porridge, or plain sandwiches, or hot milk with pieces of Borodino bread. Mom does not try to talk you into it, or blackmail you, she just laughs and eats it with gusto. She only eats what is left over after the little troglodytes, the neighbor kids and I, are all done. She watches us kids over her cigarette, watches her dearest niece who came over unexpectedly between classes at the college and a date. Until I am 14 I really believe that my mother prefers the peel and core of an apple, or a burnt cutlet.

Mom smokes an evening cigarette with the neighbor woman, listens to her latest gloomy family confessions, then hugs her and says: "Anka, all men are bastards, and ours are no exception." They both laugh, have some more coffee, and mom deals the cards, and then, as always, says: "All's fine, Anka! Don't worry, girls, the sun will soon be up!" Her favorite sayings and her way of looking at people and things.

Every weekend we went to grandma and grandpa's place in Novokuznetsky. Grandpa is almost 90, and grandma has been bedridden for many years. They treasure our visits. Mom opens the door with her key, turns on all the lights, kisses grandpa, hugs grandma, and all at once everything comes to life. She feeds us something impossibly tasty (possibly just buckwheat porridge in milk), washes the floors, laughs, then washes and combs a suddenly cheerful and blushing grandma. Deftly, with a joke, she distracts granddad from quizzing me on my school knowledge. She bakes something, sends me to bring some of this to the neighbors, then puts me to sleep by reading me something about the New World, but falls asleep herself first.

Here we are at home, with more guests. They come from all over: Volgograd, Petersburg, and Tselinograd. And they are all friends and it is merry. Mom meets them and embraces them. She laughs, feeds them, scolds them for bringing presents, and

praises someone's new hair-do. She works like a factory kitchen. She gives out endless jokes, coffee, and vodka. She comes to sleep with me on the couch, but does not stay long — she wants to talk to the guests and feed them. On the weekend we take them out to theaters and flea markets. They are in heaven and I am jumping with joy from a feeling of freedom and holiday, and yes, mom, it seems, is completely happy...

So life goes. Well, almost so. There are adjustments for my unbearable teen years. But mom's sense of humor "switches on". During this time I hear a lot: my dates are "not a line of suitors, but a parade of defectives" and "only fools reach for shiny red things". Mom, of course, does not plan on meeting my hypothetical first husband! "What's the point?" she asks. "In three days he'll find the first apple core in bed and run away!" Most importantly, there is this firm rule: "a girl must spend the night at home!" She has many well-meant and precise comments, but it is impossible to get mad so we both laugh and together we make up pithy nicknames for each member of my "parade of defectives". By the way, they all tenderly love her.

We only get into serious arguments very infrequently, but when her strength and sense of humor leave her, she threatens: "That's it, I'm leaving you and going to Ordzho (her favorite vacation spot, a Crimean village by the sea), I'm going to buy a goat and take it into the mountains, and you can just stay here and do whatever you want!" Since this picturesque scenario is repeated periodically, it loses the ability to frighten rather quickly, and only serves to make the listener laugh. This picture is so painfully absurd and fantastic...

Later I see that a lot of what I considered absurd and fantastic, and monstrous and unjust and therefore impossible...

Later... Later it was October 23rd, 2002, and the word 'Nord-Ost', a word from which I have not yet ceased to shudder. Three terrible days of Hell, pierced by only hope for a miracle. I do not believe and cannot understand what happened later. I believe that just as she had been planning, Mom has left for the Crimea, bought a goat, and went with it into the mountains at Ordzho. Now everything in this picture is in harmony, because I am sitting here in the kitchen with a cup of coffee and a cigarette, laughing, and dealing another hand of cards with another friend, and clearly I hear and repeat those words: "Don't worry, girls, the sun will soon be up!"

Written by her daughter, Tatiana Shifrina

We were young. Not completely done with our teenage nihilism, we, yesterday's children, did not allow any stranger to approach us. Only the most worthy deserved our time, and only these did we allow into our world.

One of a few grownups that knew how to get close to us and tame us was Anna Tevilyevna. Perhaps it is not surprising once you take into account her striking combination of the best of human feelings and qualities that she used to warm the surrounding world with. With the help of these feelings and qualities she had the key to our distrustful souls, and using these she taught us, this most deserving of teachers, the love of life, hospitality, humor, sympathy, openness, happiness, kindness, and love.

It is often said that people only value what they lose, but it is not so in this case. We loved Anna Tevilyevna when she was with us. When she was gone, a terrible pain of loss joined our love. It is unbearably difficult, sad, and childishly annoying to lose our true friend.

Years pass, but as before one wishes to turn back time and not allow that horror to happen. It is, however, impossible. So what can we do? The answer is simple. We shall try to be people of whom she would be proud. This would be the best memorial that we can render to our Friend and to a true Person, to Anna Tevilyevna Shifrina.

Written by Artyom Kazanovich

‘Anyuta’ — this is what everyone, relatives, neighbors, and friends called her. She was the kind of person of whom they say: “a good person there should be a lot of!” And she really was, but she could move remarkably quickly and easily, and she possessed the ability to turn everyone she talked with into loved ones, even neighbors, coworkers, and acquaintances.

Her enormous heart took in the pain and joy from a vast circle of friends and loved ones. Her friends became like relatives, and her relatives became friends of her friends. Her immense sense of humor made talking with her interesting and enjoyable, and she could smile at her own failings. She loved to come late: late to work, on visits, to meetings. When they would ask: “How is it possible to be so tardy for work?!” she would reply: “I’m trying to train the bosses!” And so, it seems, it worked.

She trained her loved ones even better. We knew that on birthdays she would show up just in time for the cake, and then the party would get started. She would tell stories about work in such a lively and amusing fashion that everyone at the table was drawn into matters at her construction company.

One day, about a year before ‘Nord-Ost’, Anyuta was so mad at me for something that even six months later she was threatening not to come to my July birthday party. She sounded completely serious and very unpleasant. When my birthday arrived, the guests gathered and asked about Anyuta, but I had to tell them that she was not coming. The mood was off and people were feeling down, when suddenly, at nine o’clock, the doorbell rang. Standing on the doorstep was Anyuta with a huge bouquet of flowers (she loved giving flowers, and giving in general). She sails into the room, tosses her silk shawl from her shoulders and at that moment the merriment begins — everything is in its place. In a word, Anyuta was the party, the most kind of hearts, the one who took part in the lives of a vast number of people: friends, coworkers, loved ones, and even her daughter’s friends.

After Anyuta’s death, on the anniversary of the tragedy, in the square across from the theater people placed photographs of the dead, and there was a picture of our Anyuta as well. a young woman came over to me. She had survived the gas on that awful night. On October 23rd, 2002, she had been at work, selling beverages and candy in the theater foyer and was taken hostage together with the actors and spectators of the musical. She told me that she had come and waited by Anyuta’s photograph for friends or relatives of the woman. She wanted to tell them how this woman, a stranger to her, even though she was older and tired, this woman had used humor and kindness to help her survive those terrible events.

Written by Tamara Tevilyevna Berdysheva

I was not in Moscow then...

When the news agencies reported the first bulletin, that hostages were seized in a theater of the Russian capital, I still did not understand that the tragedy at Dubrovka

would become my own personal tragedy. Anna Tevilyevna was never simply my friend's mother. From the very start, I felt right at home at their place on the Preobrazhenka. This, of course, was all due to Anna Tevilyevna, or "Tevilna" as we used to call her. She always had half-closed eyelids, a velvety voice (only she knew how to say 'Lirooshka' so especially warm), and a smile, even when she really did not want to smile.

Tevilna always worked a lot, and sometimes she felt sick. She came over one evening with a huge collection of packages, sat down at her place at the kitchen table, and said: "Oh, give me a minute or two to rest. 'Tatka' (Tatiana), did you take Tiger for a walk?" Later, there was her regular coffee, cigarette, and conversation until morning.

Cigarettes! I could never imagine sitting and chatting so with my own mother, an enemy of smoking. Tevilna had a different approach to the problems of "fathers and children", and I loved it. Her constant sense of tact and humor, these, perhaps, are the traits of Anna Tevilyevna's character that impressed me so much.

Once Tatka left for the Crimea. Tevilna saw her off, came home, and found that her daughter had taken both sets of keys. "I come home, look for my keys, and I see they are gone," Tevilna later said with a smile. "And I realize that I am all alone with eternity." I still remember this saying of hers, "all alone with eternity".

Later she calls the rescue service. When they ask: "Are there any animals in the house?" Anna Tevilyevna answers: "Yes, Tiger, but he's gentle." Only those who know the Shifrina family know that Tiger is not a tiger, but a good-natured black dog.

It is Tatka's birthday party, and Tevilna worries that nothing will be ready in time. Her parties have a long tradition, and everyone knows that food would be brought to every floor. I cleaned Tatka's room the day before, and Tevilna wants everything to be "just like for real people". I do not know WHAT it is like for real people, but every party at Preobrazhenka was so warm and happy that the people continued to celebrate for several days.

We grew very close after Tatka's wedding. Tevilna was worried, but in such a noble fashion! We could talk for hours on the phone. At one point I ceased to understand who was my friend and what it was that drew me to Preobrazhenka.

When I received an offer to work in Lyon, France, the council was assembled. My mother was not in Moscow at the time. The whole 'Preobrazhenka Clan' tried to talk me out of it. Everyone, that is, except Tevilna. When we were alone together, she said: "Go, it's a good chance, though of course we'll be sad without you." And so I went.

I was not in Moscow in October 2002...

So it is "easier" for me to fool myself that it is simply because of the confusion of Moscow life I cannot find the time to come over to Tevilna's for coffee and a cigarette. We will eventually get together, and I am certain that we will have something to talk about.

Written by Albina Lear

I worried that I had not spent enough time at her place on Preobrazhenka, and that I had not spent enough time talking with Tevilyevna. But those few times were so grand. We came as guests at a birthday. You know, hosts always have this last-minute feeling that they will not get everything done in time, but Anna Tevilyevna could combine panic with calm. On the one hand she had nothing to feed the guests, and on the other hand she still needed to change in order to appear as the real queen of the party.

My oldest daughter's birthday is on the same day as Anna Tevilyevna's. We were never able to hold a combined birthday celebration for them — 'Varka' (Barbara) had her first birthday after 'Nord-Ost'. (Anna Tevilyevna's daughter) Tanya had her birthday party in early October, so I am glad that 'Varya' at least got to meet Anna Tevilyevna. When Varya grows up I will tell her about the person with whom she shares a birthday.

It does not matter, really, that we did not see each other a lot. The best things in my memory are not merely separate pictures, but detailed illustrations. Tanya's birthday: there is lots of food and lots of guests. Tanya's friend is talking to herself: "Is there anything sweet to eat?" and Anna Tevilyevna goes and bakes a cake. Tanya's friend spends the night and they had only just gone to bed but she gets up with the alarm clock in order to call up her grandma and say that she is going to class. Later she starts crying: "I lied to grandma!" and Anna Tevilyevna, with much humor and irony, comforts the girl.

Anna Tevilyevna one day brought in a generous gift to our "school for refugee children" — a huge electric teapot with lots of cups. Among these various cups, some with flowers and some plain, there was a lilac-colored cup with 'Olga' written on it. Just for me. I was so proud!

These are not pictures, but illustrations of a person with whom there was always something to share. I often catch myself, when thinking about some problem: Anna Tevilyevna could have told me what to do about it...

Written by Olga Lavut

The first time I saw her it was autumn, the middle of October. Anna Tevilyevna Shifrina was sitting comfortably and solidly on a comfortable and solid divan in the corner of her kitchen. Anteroom, kitchen, daughter, nephew, and a hot supper — here were five elements, five points of her application of efforts. I could tell, standing there in the doorway, that everything this woman does, she does well.

Swallow by swallow the food chased the frost from my body. Anna Tevilyevna interrogated us about life with an interest and liveliness that only someone who knows and loves people could do. I drank a shot of vodka and felt clearly that for this it is worth living in Moscow. It is worth jostling into buses and subways on a cold, cloudy October, worth seeing the winter blues reduce passer-bys' faces into aggressive grimaces, worth going around in jeans that are muddied to knee by passing autos. Because only then does that purely Moscow effect work: a single minute after coming into contact with the warmth of a person like Anna Tevilyevna, you thaw out all over and your whole essence is seized by this feeling of love and the love of life. Seriously.

We had been friends for several years. Anna Tevilyevna helped out at the children's educational center where her daughter Tanya and I taught refugee children, mainly Chechen, elementary science. I went over to her place several times a year, for some reason always in the autumn, either because it was her birthday, or Tanya's, or just simply wanted to go. Perhaps I came over in the fall simply because subconsciously I was trying once again to feel the autumnal "Anna Tevilyevna effect", that quintessential feeling of good and good sense that conquers the cold, the damp, and the morose.

It was also the autumn when Anna Tevilyevna was taken hostage. As everyone knows, it lasted three days. It rained the whole time. Icy drops flowed from the naked black branches of trees and across the windshield of my Zhiguli where I almost lived those three days. And it dripped from the helmets of the special branch soldiers in the cordon. Thoughtlessly we crammed into a little nearby school that was being used as a crisis center for relatives of the 'Nord-Ost' hostages. At times I left on some kind of errand, driving along the streets, or walking about, and I saw, I felt, how terribly the city had changed. There was no hope in Moscow that year, no chance of winning this battle with disaster, with the evil within and outside the human soul.

After everything was over, after we identified her by a birthmark following two days of searching the morgues, after we buried her and gathered to remember her, I continued my usual life. I drove around the city, and walked about. Today as well I drive and walk around, and it is autumn once again. And today, as every day that has passed since 'Nord-Ost', I know one very important thing: the city has forever changed.

I will repeat what I said before: it is worth living in Moscow because of people like Anna Tevilyevna. There are fewer and fewer of them every year, and the space they occupied quickly collapses, wiped away by the same indifferent hand that let 'Nord-Ost' happen and Beslan and many other things, and will let many more things happen in the future. But I will not leave. I feel that we who remain must preserve and carry the warmth that we received from prior generations, from those who even in the fiercest of the Soviet winters always provided for those around them this unique Moscow effect.

I call it "the Anna Tevilyevna effect".

Written by Ilya Kolmanovsky

SHOMAKHOVA, ELENA

Age 35, from Moscow, Russia.

Our dear daughter, Elena Vladimirovna Shomakhova, was born in Moscow on November 10th, 1966, while my husband and I were still students at the Moscow food industry technical institute. The doctors were thrilled at the nice, peaceful, smiling, curly-haired girl our daughter was born and grew into. Little Alyonka was always chirping like a bird, sunny and dancing, and always singing or rhyming something. While we were in Kazakhstan staying with her grandmother, my mother Valya, friends said that Alyonka should be an Akyn, a Kazakh poet. After graduating from Moscow, we took our little daughter to the faraway Siberian city

of Seversk, in the Tomsk district.

In school, as well as in kindergarten, Alyonka made a lot of friends. She always had long hair, and her friends loved to comb and braid her long, magnificent tresses.

Alyonka was active in sports. She also attended music school and played the guitar. At home our door seemed to never close, because her schoolmates would come to do homework or celebrate events, prepare news placards for the school bulletin board, or get ready for workouts.

Lenochka attended the Tomsk polytechnic university and decided, like her parents, to become an automated production engineer and after graduation she worked here in Seversk.

She went to school with her husband Artur and in their fourth year at the institute they had a daughter. Five years later our son-in-law decided to move to his hometown of Nizhnevartovsk, where his mother still lived.

Things went well for our dear children in this new place. They were accepted into the institute's correspondence school in economics, and received degrees in banking and began to work in their new field. Soon they acquired new friends and life in Nizhnevartovsk turned out to be much more dynamic than Seversk.

But still, our nation's capital, Moscow, had always beckoned to our daughter, and while still a student she had traveled there all on her own. Our son-in-law often traveled to Moscow on business, and so he bought an apartment there and after the birth of a son our daughter moved there with the family.

In Moscow Elena began to work at the central bank, and her experience in accounts in Nizhnevartovsk proved useful. It was hard for them to leave Nizhnevartovsk, since our daughter's career was just beginning to take off and she had such a good relationship with her coworkers there.

As before, Elena and her family did well in Moscow. They traveled around the world, as well as making weekly trips to the Ryazan district to the city of Spassk-Ryazansk where her mother-in-law was now living. Elena developed a new hobby in Moscow — cultivating flowers and garden plants.

Lenochka was skilled at cheering up people. She would lovingly make a gift

of her time and attention to friends and acquaintances. When she came on a visit with her kids, everything started to move, interesting things would start to occur, and right away one wished to change life for the better.

The tragic events of October 2002 destroyed us like a nightmare. They changed everything into that irreparable misfortune, into that intolerable pain, with which we and the relatives and loved ones of Lenchka live even today.

How we worried during those terrible days when our daughter and granddaughter were inside the theater at Dubrovka, and the funeral for our daughter Elena is difficult to describe.

Elena was buried in the town she loved, in Spassk-Ryazhansk, south of Ryazan in the place where nature and the nearby river look very similar to her hometown of Seversk.

Written by her parents

SIMAKOV, ALEXANDER

Age 29; from Moscow, Russia.

Shura. Sashok. Alexander Vladimirovich.

He was born on November 12th, 1972. He would have been 30 two weeks after 'Nord-Ost'...

Shura (Alex) was my friend. And this is not just a word. Because all that is the kindest, brightest, most trustworthy, most beautiful, all that there is in the word FRIEND — all this is what I mean when I write about Shura.

Shura had a great handshake, and nowadays this is rare. People greet each other in different ways: some will plop a flabby flipper into your hand, while others do the opposite and contrive to splinter all your bones.

But a real handshake, a strong and amicable one: this is a rarity. For some reason this seems important to me.

Shura was a unique person. Since one can write this about any person, you will just have to take me at my word, but I am nonetheless speaking the purest truth. There were a lot of ordinary young guys and gals in the company that we kept, but Shura was different from everyone else. He never drank at all. He was rather secretive. He had a tendency towards contemplation. He had not lived at home for a long time — he hid out from the draft... And there was something in him, some kind of a friendly grandeur and self-sufficiency. I felt a little out of my league next to him. I had to look up to him from down below, which is not surprising, considering his height of two meters.

In the later half of the 1990s he got tired of hiding from the draft board and living with friends and counting kopecks. Shura occupied himself with the mountaineering industry, later starting his own business and gradually started to earn some decent money. In the spring of this ill-fated year he bought a car,

an old Passat. We used to drive out to my village in it.

He lived, especially in his later years, how should I put this: hungrily, readily, openly, he was always trying something new, particularly when he got his financial freedom.

Shura was no angel. He had his, as they like to say nowadays, ‘cockroaches in the head’. In general I do not believe that one has to “either speak well of the dead, or not at all”, because the most valuable is the living memory of living people with all of their peculiarities. Sometimes Shura irritated me terribly. And it was not just a matter of my irritability — he irritated on purpose, and later, with the interest of a young naturalist, he would observe how I boiled over like a teapot. I remember even now the moments of my irritation, of my anger towards Shura, with such warmth and love, as any other, perhaps happier, moments of our life. I would like to be honest, especially about one who can no longer object.

Shura was also in love with my daughter, and this is also the truth. My oldest daughter (she just turned 3 that year) was a normal child — sometimes happy, sometimes capricious. Shura spent hours with her. My wife and I were amazed: how many hours can one spend with someone else’s kid? a half-hour, an hour? But Shura could sit all day with Mashka, never leaving the room. After all, they had such a genuine interest in each other! We could easily leave Mashka with him like a nanny, and sometimes we even did this. They liked being together.

We did not tell her what had happened right away, but after a few days she suddenly understood that Shura was gone. She figured it out from conversations at home, or from the television and radio. We only searched for him by phone. Only God knows the pain she felt.

That summer before he died, we had signed Mashka up for kindergarten and I was obligated to do some labor for the school, to dig out the supports for a huge, welded swing set. For half a day Shura and I clawed at the ground, set up the swings, straightened them out, and poured cement. The swings stood as a monument to Shura for almost four years, and kids played on them, but last summer they took them down and put something else up.

Written by Ilya Ginzburg

SIMONOV, DENIS

Age 20; from Moscow, Russia.

It is difficult and painful to write about Denis in the past tense, after all, for us it is as if he just left home on business, and at night, as usual, he would definitely come home.

It turned out that Denis was and will remain our only son, our hope and our support, that little spark of true happiness, which, perhaps, one only gets once in a lifetime.

Denis was born in Moscow in what is now the distant past, 1982. During his schooldays he was fascinated with computer technology. At first, like many, he sought the computer games, but later, thanks to his innate ability and aptitude for the discipline of mathematics, he did serious programming. This all predetermined his choice of a later profession — to become a programming engineer, and enter the N.E. Bauman Moscow University of High-Technology, in the college of information and systems management.

Denis was a very multifaceted person, and, despite the complex and intense studies in school, he seriously took up swimming. During his four years of college, he managed to become University Champion, taking the first place trophy in swimming, and to the very end he was a member of the school's select swim team.

Water and all that was connected with it was his element. His friends even compared Denis to a dolphin. Besides swimming, he loved aquatic tours. He paddled many kilometers in kayaks on the lakes in Karelia, and adored fishing.

Denis had many friends, and it seems to us that this was because of his exceptional dependability and honesty in his relations with people.

On September 15th, 2002, we celebrated his 20th birthday with such joy. There were a lot of guests, many good wishes for the future, and bright prospects. But...

Denis and his girl were supposed to go to the musical on a different day, but due to a confluence of circumstances, he changed the tickets to Wednesday, October 23rd. In the morning he went to classes at the institute, and late that evening we heard the news about the hostage taking at the theater. After awhile he called. "Mom, we're sitting here. You probably heard about it already."

To the very last moment we did not want to believe that they could just leave our loved ones in the lurch; we believed that protecting all those innocent lives would be of paramount importance. That did not happen, however.

Our only son died. Our drop of blood, our hope, our future. In the heart remained only a huge wound, and pain for the rest of our life.

I say thank you to the friends of Denis. They remember him. And thanks to this, it seems to us that he is with us. It is easier for us this way.

Written by Irina Simonova and Dmitriy Simonov, his mother and father

Denis is a person that is impossible to forget. It is still impossible to write, "Was". a person with a rare nobility of spirit, and a rare goodness.

I probably did not know him as well, or for as long, as the majority of his friends.

Maybe some will consider the words I now write to be empty. But it is really not like that.

When I remember Denis I always wish to smile, because in my memory this person is connected with a unique feeling of light. I remember how often he laughed, joked, and how ingenious this man was.

I remember sometimes I felt that I was causing him dissatisfaction, but he never showed it because he was brought up so very well.

I remember how, during the campaign, we often chaffed about death, because for us it was something far off, something that would not happen to us. But not for Denis.

I remember how responsible Denis was, I remember how he always kept his promises, even when they were not very convenient.

I remember that he was a Person, with a capital 'P'. He was one of those rare people about whom they say that they are the best and no one disagrees. And I know that nothing that I write here will be looked upon by any of Denis's friends and acquaintances as something pompous or false. They speak well of people like Denis not just after death, but always. But they are not always able to.

When Denis died I met grief-stricken people who were much closer to him than I. And I thought that my grief, when compared to theirs, was like a drop of water in the ocean. I still think so, though my mind understands that grief is not a feeling that can be measured.

Now, while I write these lines, just as on the day of the tragedy, a feeling of helplessness, a feeling that is impossibly strong, seizes me. Really, I am a person. a person! Is there not something I can do? Why?

Now we can only remember. And we remember: Denis's smile, his laughter, that joy he gave us, a feeling that you could always depend on him, always ask him for help and he would never refuse.

We remember his light. For all of us, for those who knew Denis, this blow, though muffled by the pitiless march of time, will never be completely silenced.

Written by Tanya Osipova

SINELNIKOV, PAVEL

Age 21, from Moscow, Russia.

Pavel – an infinitely happy, bright, positive person, always wanting more knowledge and learning new skills. Everything was madly interesting to him, and he was always trying to do, try, and see something new.

‘Pasha’ had an outstanding sense of humor. You could listen to him for hours. I remember, once when he was a few hours late for a date. I thought I would just jump at him with all my anger, but, when he entered the café where my friends and I were waiting, and began to talk with them about something; I sat down and thought: “Just go ahead and talk.” I enjoyed it immensely, and immediately forgave him. It was a story about drinking

martinis from tiny coffee mugs, but perhaps I do not recall it right...

Being with him was very peaceful. There are not many men like him anymore. Pasha had many great qualities, that strength, that feeling of powerful support and a reliable person backing you up, as only a real man can. Very gallant, courteous, well brought up, smart, and decisive. I remember once he said that he would never participate in student plays and that only professionals should be on stage. I do not know who managed to talk him into it, but when he acted the role of Pavel Palikin in a medical parody of “Who wants to be a millionaire?” the ovations in the auditorium never ceased.

Pasha chose the dental profession. After two months, he was sitting in the kitchen telling me about how to pull teeth. He never knew how to do anything badly, and was always striving for perfection. He was also crazy about cheese. Once, at a dentistry exhibition, one of the stands was giving away little cups of Parmesan cheese. I gave him mine, and Pasha, like a child who has been given his favorite candy, looked eternally happy there with cheese crumbs on his chin.

Pashka... I try to write, but my fingers do not listen. Tears well up in my eyes and my heart beats wildly. More than 4 years have passed and it still hurts, although the pain is different. It is deeper and duller, and there is a feeling of endlessness because it is impossible to change anything. It is impossible to believe that I will never again see his charming smile, nor hear his dear voice, or watch his assured walk. But, perhaps, I am wrong to write such big words.

He was different. He was bright. He was kind. He was tender. He was for real, not an ideal, but he was UNIQUE. He was and will remain in my heart.

Written by Alexandra Kharkova

We shared a desk at school. We laughed, believed, loved, made plans, and dreamed. We dreamed of getting into college and opening our own business – a little café with wicker chairs and a big screen TV.

We got into college and became specialists: physicians, psychologists, and economists. We got together on weekends and holidays, always laughing,

teaching each other, healing each other, continuing to make plans, skiing, swimming in the sea, and continuing to dream: “Pretty soon we’ll be adults and we’ll be able to make it all come true!”

BUT in a single instant it all fell apart and a best friend is gone, simply gone, and the dream is gone... But I know that he is always with me, he is watching me from somewhere in the sky and protecting me, and I continue to remember his reply when I said: “Pasha, I’m tired.” He answered, passionately: “Mikhaylova, I will make you do it!”

Written by Yekaterina Mikhaylova

SKOPSTOVA, YEVGENIYA

Age 38; from Moscow, Russia.

They say that when a person dies, then the whole world dies with them. I think that life for many who knew and loved Zhenka (Yevgeniya) was diminished by an entire universe. She had so much happiness, light, human kindness and wisdom that her absence is felt strongly, almost physically, even now, with the passing of years since she is no more.

There is a certain type of person, who is born to be a hero: brave, strong, good looking — the kind we dream of becoming in childhood. The kind we always try to befriend in youth, whose closeness we eternally hold dear in later years, with whom we easily and without regret dream of growing old. Such a person was Zhenka.

It is not possible to describe the universe in two words. Perhaps all who write about their lost ones are tormented by those things unsaid, the inability to pass along how much these people meant to them. What was she like? She was very beautiful — bright, sunny, and intoxicating to the eye, one who left no man or woman indifferent. She had a stunning sense of humor, a sharp mind, and a kind tongue. She knew how to win, and never feared losing. Any of us would give anything for her to still be alive.

Written by Tatiana Perekatova, her sister, Moscow

Zhenya (Yevgeniya) was a best friend who understood everything. She was kind, easy to deal with, and always attentive to the people around her.

In the last few years she was running herself ragged. She was very tired — there were always children to “get out of bed”. After all, Zhenya was raising them alone, but even so, she was always ready to come and help out someone — to console, to listen, and to lend a word or hand.

She was a city girl — a native Muscovite, but her soul could relax only in the country: in the forest, on the Volga river, or at the dacha. It was as if she got her strength from the earth. I remember the last summer before the tragedy. Zhenya was working in Moscow, but every weekend she went to Dubna, and she and I would bicycle to the dacha. We would dig plant beds, irrigate and sweat,

and later sit in the sun and talk, talk, talk about everything. Sometimes we would even draw out a song like old women do — with the fullest measure of the soul. Zhenya's favorite was (from Alexander Rosenbaum's 'Duck Hunt'):

*And I recall
Long ago I was taught
By my father and my mother:
To heal in this way
To love in this way
To enjoy myself in this way..."*

There was so much strength, so many plans, and so much hope. I thank destiny for putting 'Jackie' and me together, but I am so bitter that they killed her! I miss her so!

Written by Irina Yegorushkina, her friend, Dubna

Jackie ... she was an extremely cheerful person. When she would come visit us, or in general, anywhere she was at, she formed such a positive group around herself. It was not that something complicated or important was going on, it was just that everything went great with her: a stroll around Dubna on a chilly spring day, or laughing about some ridiculous or silly gesture one of us had done, or drinking wine out of little vodka glasses.

Together with the fact that Zhenka's inner being was distinctly visible, she lived at peace with herself. She loved her children, and it is as if they became a part of her soul. They say that her last words were: "Take care of Leona and Lucy".

Written by Mikhail Krasnoselsky, a friend, Moscow

For us she always was simply Zhenya, but to her friends on the team she was 'Jackie'. a smart and pretty girl, talented in nature, she was made for fencing. She had superior coordination, speed, and she was left-handed, which is always an additional problem for her rivals.

She came to the Dynamo fencing school rather early, at the age of 10. But how could she not? Her aunt, Valentina Ksenofontovna Rastovorova, celebrated master of sport and Olympic champion, was starting a group of beginners. Zhenya quickly was able to enter the combined Moscow youth team, and later got on the combined USSR team. She was twice champion of the USSR Spartakiade, several times winning first place in the nation and many other competitions at home and abroad.

Those who saw her on the fencing runner were always surprised by her active, one could even say, aggressive manner of dueling, since in real life she was a gentle and very charming girl. At assemblies and competitions friends from her team and other fencers would gather for her number.

There was always something to talk about with her, and she always would listen to whomever she was talking to, and even give some advice.

***Written by Nadezhda Alexandrovna Arskaya,
director of the Dynamo fencing club, world champion and master of sport, Moscow***

SOKOLOVA, MARGARITA

Age 32, from Surgut, Russia.

Margarita was born in Kazan on August 3rd, 1970. In 1987 she graduated from high school and entered the Kazan chemical technical institute, which at that time was still known as Kazan state technical university.

‘Ritochka’ and I met in early 1990, and by the autumn we were already married. After graduation she continued in college as a graduate student while working as a research assistant in the institute. In 1994 she moved to city of Surgut and started working with Surgutneftgazbank, Inc. She worked there until October of 2002.

While working at the bank, Rita studied at the finance and economics institute, and on completing her course she received an economics degree.

Behind these brief, dry lines is an enormous life, full of happiness and troubles, love and separation, victories and failures. One cannot, perhaps, describe this life even in a massive book, let alone on an Internet page. Rita is always with me, together with our son Andrey, who is now ten years old. Andrey and I always feel her good cheer, vast love, tenderness, concern, and the warmth of her heart and caring hands. Of course, the heart continuously aches from the colossal, irreparable loss.

Grief cannot be forgotten, nor pushed to the side — it is always with you. Life is short, and flows along full of empty words, deeds, and measly desires, merely the satisfaction of whims and needs. The main thing is the vast, communicable happiness to be found while your are with your loved ones, talking with them, feeling the warmth of their soul, their heart, and their warm and affectionate touch.

Written by her husband, Sergey Sokolov

SOLODOV, GENNADIY

Age 34, from Moscow, Russia.

He lived on Zelenaya Street in the city of Lyubertsy, while I lived on nearby Kolhoznaya. I was walking by a store called ‘Komfort’ when a young man hailed me. This was how I met ‘Gena’.

We were friends for a long time and got married in 1996. In 1998 our son Dmitriy was born. Gena graduated from the radio technical trade school in Lyubertsy and worked for ten years as a TV repairman for Lyubertsy city television.

Starting in 2000, he began working as a lighting technician on the musical ‘Nord-Ost’. He was responsible for all lighting for the show. October 23rd, 2002, was his shift, and Gena, together with the spectators of the musical, was

captured by the terrorists. I had no contact with him because he left his cell phone in the cloakroom.

After the assault on October 26th, someone told me that Gena was alive. We could not find him on the hospital lists. It was not until October 28th, after I called the prosecutor's office, that I found out that Gena had died.

In all these 6 years I still cannot get used to the fact that he is no longer with us, and the pain does not cease even for a minute...

Written by his wife, Olga Solodova

SOLONIN, EDUARD

Age 53, from Krasnodar, Russia.

There are people, about whom they say: he was a good friend, a wonderful son, a loving spouse, a terrific father, the dearest of brothers, a dependable colleague, and a good and 'shining' person. Then there are people who combine all these qualities into one. Such a 'shining' man was Eduard Timofeevich Solonin. One can say that such a person was a 'real man'.

He was a musician. For some he was 'Edik', while for others he was Eduard Timofeevich. He had many other names... And he had a lot of everything: love, friends, travels, failures, discoveries, and plans. Like all of us.

Edik was a normal, happy person. And he knew how to make his loved ones happy. But did he achieve this same human happiness? He did with his dear wife Irina, with whom there was never too much or too little, and with whom 30 years were spent together, as he did with his dear son Spartacus.

Irina got married when she was eighteen and her parents could no longer refuse her 'unsuitable' suitor any longer. Edik was quite a character, while his profession — he was a trumpet player — was just not serious! The young family left Krasnodar and wandered around, as they say, the 'periphery' of the land. They lived at collective farms, in temporary housing, and in Komsomol dormitories. Finally they made their home in a little town with the tender provincial name of Tikhoretsk, where Edik directed the youth club's brass band for several years, and Ira became director of the local cultural center. Twenty years later, after returning to Krasnodar, they still went back to Tikhoretsk to celebrate festive events with their friends and colleagues. On Edik's fiftieth birthday his Tikhoretsk friends presented him a film they made about his youth.

Edik and Ira returned to Krasnodar at a difficult time: it was 1990, and brass bands and cultural centers were not needed by anyone, and now they had a family to feed. Spartacus was to enter the university in a year. Edik, being a real man, simply found any work he could — maybe something he did not enjoy, something difficult, but the family made it through.

For ten years he worked as a taxi driver at night. He listened to a thousand and one

stories about life, brought people to hundreds of trains and planes, got them to late meetings through red lights. Back at home waited his one and only 'Irochka', who would prepare a hot breakfast instead of a dinner, and his son would toss him a kiss as he ran off to classes at the university — cannot be late, the college of economics is no joke!

Later his son became a real man with a wife who is beautiful and smart, with a great career and an offer to work in Moscow. Edik sighed — now all he needed was a grandson.

There would be a grandson: Yelisey, with his grandfather's looks. He is the pride of his mother and father and only the holidays are a heartache for grandmother. Yelisey only just missed meeting his grandfather by three months. Because THAT happened.

It was a simple human life, sincere, with good and bad times, generous and unique. This was the life of a good man who was well loved by many.

In life, for some reason, it is often like this: the very best, the most worthy, they always depart first. And so it happened that you are not with us, Eduard Timofeevich. It will always be intolerably painful, losing our dearest one. An irreplaceable loss that is hard to accept. But you live in our hearts and in the hearts of your loved ones, friends, and comrades. Our memory will forever preserve you in the story of our life. We love you and remember you, and you are with us forever.

Written by his relatives and loved ones

SOPRUNOV, MAXIM

Age 41; from Moscow, Russia.

For Soprunov the traveler, the trip to the theater was a trip with the highest degree of complexity, as it turned out. Now the theater is not only associated with grief, but with gunmen. The probability that Maxim Soprunov would have met residents of the Caucasus somewhere in the mountains was greater than meeting them in the theatre, since he was a virtuoso at navigating complicated mountain rivers.

Soprunov was one of the founders of the modern school of kayaking in Russia, a participant and leader of many trips with high degrees of complexity. The 42 year-old instructor of water tourism went to 'Nord-Ost' with his wife Elena, whom he met on a tourist flight, and a friend of his wife's.

The friend is now in Hospital #7, while Elena is in intensive care at the Botkin Hospital. Maxim was buried last week.

From their loved ones we are finding out how the dead hostages lived, but in Maxim's case he kept his own recollections: on the internet is his diary with descriptions of one of his trips — the navigation of the Koxsu river in Kazakhstan.

From Maxim's mother Zhanna Kirillovna:

"The first time he called was right after the theatre was taken over. He said that armed people had ordered those with cell phones to call the television stations and say

that if there was any kind of armed action, then for every terrorist killed they would shoot twenty hostages. I had the phone number for 'Vremechka', so I called."

*River with the simple name of 'Life'
For others you are impassable,
But I need to get through
Your steel borders.*

From the diary of Maxim Soprunov:

"After breakfast, leaving the injured and women back at camp, we went for the catamarans and kayaks we had left back upstream. We did this for one and a half hours. We got the catamarans and put them in the water. The day after passed in drawn-out idleness. Before lunch we bathed and caught fish (five). After lunch we went to look at the rapids, which end past the left bend of the river, 50 meters under the mouth of the Tentek. On Lifanov's sailing chart, the obstacle just after the river mouth is called 'Mini-kamikaze' (a kayak flipped in the rapids)."

From Maxim's mother:

"They sat in the 11th row, seats 33, 34, and 35. One time he called and said: 'Mom, I'm not doing well'. I went to NTV and the show 'Freedom of Speech'. When they gave me the microphone, I appealed to Barayev to help my son, since he is a diabetic, and was feeling ill and needed treatment."

*River with the simple name of 'Life'
In some places wide, just like the sea,
In other places shoals lay bare
Stones like pitted knives*

From Maxim's diary:

"We left, as usual, late. For 1 hour and 10 minutes there were uncomplicated turns and at the end — some Siberian-type rapids formed from the indigenous rock in the channel (reddish cliffs). The mountains descend farther along. The bends get more complicated, the water stronger, and the rate of fall increases. The valley again widens and the mountains recede. We stopped on the left bank for the night. That evening, repelling a multitude of advisors, Grisha made pancake burgers. The day was quite hot. There were not many plants on the left bank, so the tent was the only escape from the sun. The water in the river got warmer."

From Maxim's mother:

"My son and his wife worked for a big firm. After the assault their colleagues went driving around, looking for Maxim for two days. On Sunday there was a rumor that he was in satisfactory condition at Hospital #13, and that he was supposed to be released and had even asked someone to come with his things, but I woke up that day and my heart told me that he was dead. So when I went to Hospital #13 I had photographs of him to send with them to Petrovka. My son had the photo album at his place (we lived separately), so all I had were some poor-quality photos of him paddling a kayak. My son wasn't at the hospital, so I went to Petrovka."

*River with the simple name of 'Life'
Little by little it is overpowering.
And here – two stumpy horns!
Never again in life will I experience them*

From Maxim's diary:

“For 1.5 km further along the river is simple, not more than category 3. On the way back we reconnoitered a nice raspberry patch. They were only just beginning to ripen. Part of the group went to visit an apiary. They served us hot scones and milk with honey (for money). They promised to slaughter a sheep tomorrow. Supper included the delicacies enumerated above and fried mushrooms. In talking with our hostess, we found out that the place where we'd stopped our kayaks was called Judino. Several years ago a kayaker from Petersburg died here.”

From Maxim's mother:

“At Petrovka they told me that Maxim was in the morgue at Izmailov. I went there. They showed me his image on a computer. I recognized my son — his fallen face and dark hair. They opened the door and I went up to him and said: ‘Sleep peacefully my little son, my dear. You will always be remembered’. He was covered up to his chin. There was a scratch on his temple, like a grazing hit from a pistol. It wasn't a contusion. Maxim had no papers on him, but since childhood he's been taught always to carry ID. Apparently the gunmen took it.”

*River with the simple name of 'Life'
Not as long as we would have liked,
Because the blizzards of everyday life
Imprison it in ice.*

From Maxim's diary:

“Not making it to the river's next ravine, we stopped at a low, wooded shelf on the left bank. Such an early stop was due to a double celebration in the group. First, we'd finished the complete passage of Kazan and the Devil's Ravine of Koksou. Second, it was the wedding anniversary of one of the participants. So it was decided that we'd go upriver where we'd seen some shepherds' yurts (nomadic tents). At the yurts we found several shepherds who were gathering for their own celebration. They received us warmly. We traded a whole rope for a sheep, and later observed the local entertainments (horseracing and goat baiting). The holiday lasted until well after midnight.”

From Maxim's mother:

“We set the date of the funeral for the 30th. I went to the morgue to be present at the washing of the body — otherwise I'd have gone through life never forgetting what he looked like when he left this world. They wouldn't allow me. As I understood it, the authorities would not allow the body shown even for identification — they would only show the face, and only they were allowed to verify distinguishing marks. We buried him at the Preobrazhensky cemetery. For the last rites I asked Maxim's friends to sing his favorite songs. They went and got a guitar and sang three songs, including Vizbor's 'My Darling', but no one had any voice left. We decided that we would sing at fortieth-day ceremony.”

*River with the simple name of 'Life'
Not as simple as it seemed.
We'd like to have known a bit sooner,
What we would be getting into, –
If only to join hands.*

The words are from the song 'River', by singer-songwriter Valery Bokov.

Written by Yulia Larina, Moskovskie Novosti, November 6th, 2002

STARKOV, ALEXANDER

Age 39; from Moscow, Russia.

He was born on July 1st, 1963 in the city of Pavlovsk in the Voronezh district. After finishing the reclamation technical school he served in the border forces of the Soviet army. After discharge he worked for the Ministry of Internal Affairs in Moscow in the sentry-patrol service. In 1990 he graduated from the forest technical institute by correspondence. Later he worked for the Moscow highway patrol.

Sasha and I met early in childhood. I went to the village where he lived to visit my aunt, who lived next door to him. I remember how Sasha and his friend tossed apples at me across the fence.

After my mother died, my father went to live with my aunt, and I came to visit them on holidays. And so Sasha and I met again after 15 years, but this time there was no "apple war" going on between us, but an interest in one another. Right after meeting him I thought that this fellow would be a very good husband – this is how dependable Sasha seemed to me.

I returned home, and he was drafted into the army. We wrote to each other for almost two years, but later our writing broke off. One day I knew that I wanted to find Sasha again, and so I sent him a postcard. This postcard traveled after Sasha throughout the entire USSR, and found him, and our writing was renewed.

After the service Sasha returned home and invited me to visit. I promised to come after my exams, and for a week every day he would meet the bus to his village, holding a bouquet of flowers, in hopes that I would come.

After I finished the institute, I was sent to work in the Chelyabinsk district, and he followed me there. We were married. For Sasha, family was the most important thing in life. Liza was born, but she was growing up a sickly child. I remember during her illness how Sasha and I sat under the windows of the hospital.

Sasha worked for the police, and was rarely home, but he greatly enjoyed spending his free time with our children, and never raised his hand on them. The children loved and respected him, and their father's word was law. Sasha had "golden hands" and could do a lot by himself, and he taught our son to do the same. Together we built our dacha.

Sasha was sociable, friendly, and physically strong, with a good sense of humor, and he loved and respected his parents. We liked to spend time with our friends.

His work was dangerous. One day I asked him: is it easy to kill a person? Sasha answered: "It's very difficult. Sometimes a drunk comes at me with a knife, I could use my weapon in self-defense, but then I remember that he's got parents, children, and that his death will bring them suffering, and so I don't raise my hand."

During those terrible days at 'Nord-Ost', Sasha was very quiet. I remember everything he said. I especially remember how on the second day Sasha told me that about six months ago he had a dream where we were sitting in a theater, while all around us were frightening people in black masks. Then I asked: "How did the dream end?" He replied: "Everything was covered in fog..."

Written by his wife Tamara Starkova

STARKOVA, ELIZAVETA

Age 16; from Moscow, Russia.

Liza was a very calm, happy, and radiant baby. She began to speak at an early age. She liked the letter 'R' a lot, and at a year and a half she would yell the words "rama" (door-frame) and "karas"(crucian).

Liza loved to dance, and from the age of six on she studied choreography. In childhood she often argued with her younger brother, and even fought with him, but when they got a little bigger they became friends. She often helped her brother with his homework assignments.

Liza was the "live wire" among her friends. Such people are often called "the soul of the party". But at the same time she was easily hurt — any remark or insult and she would burst into tears. Liza was upset that she could not find worthy replies to rudeness, but would just lose control and cry. She was interested in religion, and she often asked questions about it and went to church with me.

A lot of boys liked Liza, and Liza liked boys. She often asked me how to know if someone was your "other half", how to tell love from infatuation, how she could be sure she was not making a mistake, and how to find her true love.

She dreamed of becoming a barber-stylist. Liza graduated from the barber course when she was 14, and for New Years 2002 I asked her to cut my braid. Liza gave me a beautiful, fashionable hairstyle.

That year we undertook a remodeling of her room. All covered in cement, she suddenly says: "A physician should heal, a chef should cook, while a housepainter should whitewash". But we got the remodeling done somehow. Liza painted the floorboards and window frames blue, and turned the ceiling into a starry sky. These stars still shine in her room...

Written by her mother, Tamara Starkova

TAGUZAYEVA, YULIA

Age 54; from Moscow, Russia.

Yulia was born on August 17th, 1948, and I have known her since she was 14. Her father was a soldier, and she joined our class when he was stationed in Moscow. After high school, Yulia and I entered different institutes, but our friendship continued. We were married after college, and in 1972 'Yulenska' presented me with our son, Sergey.

After college Yulia worked for the Moscow engineering projects institute, later becoming a managing engineer. She was offered the position of group chief, but Yulenska refused, because it was not in her character.

She was happy, sociable, and had a sincere heart. Yulia had many girlfriends, and we were often their guests, or they were ours. She loved the theater, and so she and her girlfriends attended shows with great pleasure.

Yulenska loved to cook, and it seemed to me that no food was ever as tasty as what she prepared. We loved to travel together, and crossed half the nation together. Another hobby of hers was gardening. Yulia for some reason could not get her tomatoes to grow, but her cucumbers always turned out to be the very best. She knew my passion for raspberries, and so she would never trust me to pick anything but strawberries.

We liked different movies. Yulia loved detective mysteries, while I liked action films. But we never argued about it — I always gave in to Yulenska. I loved her very much, so even when she was in the wrong, I gave in, and always agreed with her.

I liked shepherd dogs, but Yulia was afraid of large dogs, and so we raised poodles. Later we got a cat, because Yulia loved them. One day she went to buy a cupboard, and ended up with a Persian kitten. Later Yulenska found another kitten in our commons, and soon we had 3 cats in the house. Yulia loved animals, and to the very last day of her life she was feeding strays.

When our son grew up and moved away, we decided to remodel the apartment. It was Yulenska's idea, but in real life I was the one to bring these ideas to fruition with my own hands. We never managed to live together in our new apartment, however.

Written by her husband, Konstantin Taguzayev

TELENKOVA, TATIANA

Age 45; from Orekhovo-Zuevo, Moscow District, Russia.

Tatiana Vasilievna Telenkova was born on October 22nd, 1957, and worked at the Sovietskaya Hotel in the city of Orekhovo-Zuevo. She was the mother of four.

The kind smile and friendly character of Tatiana Vasilievna was the hallmark of the hotel where she worked. She knew how to get along with everyone — with staff, as well as guests who had come to the city. Even the most ‘fastidious’ of us ‘melted’ before this affable woman. She always tried to help, but, if it was necessary to refuse something, she did it with such tact that it was accepted as an objective necessity.

Tatiana Vasilievna was the backbone of a large and pleasant family: she had four children. Over the years, when they grew up, Tatiana became for her children a true friend. Her children shared their problems and their secrets with her, and got advice on how to approach difficult situations. She was from the ‘dependable clan’.

Written by her relatives

TKACH, GERMAN

Age 25; from Murmansk, Russia.

German was a late child, but a wanted one. He started kindergarten at three, and then at six he went off to school. He did well in his studies.

After finishing school in 1994, he entered the Mesyatsev Sea College in Murmansk. In 1998 he graduated and received his nautical certificate. He sailed the seas on fishing vessels as second assistant captain. He was respected and treasured for his hard work, honesty, and conscious attention to his responsibilities.

Gerry had friends. He mostly kept a good relationship with his former classmates. They had gone to school together and had all received their nautical specialties. They went to sea, and between trips, if they could, they got together.

In 2000, after a long cruise, German decided to take a vacation. He booked a tour to Turkey, and there he met a girl. She was from Moscow, and was named Zhanna. They fell in love and started to date. After every cruise they got together, mostly in Moscow, and spent time together. It so occurred that on that fateful date in 2002 German and Zhanna went to see the musical ‘Nord-Ost’, which was being advertised far and wide those days.

During the second half of the show a tragedy happened: the audience were taken

hostage by the terrorists. As a result of the rescue operation, my son died without ever receiving any kind of assistance. His girl, Zhanna, was clinically dead, but timely medical assistance saved her life.

We still love, remember, and mourn him. German is always with us.

Written by his mother, father, brother, and all his relatives

We met while on vacation in Turkey in 2000. If only I could have known back then that our acquaintanceship would for German turn out to be a fatal one. People, however, cannot know their future.

After Turkey we became fast friends, and exchanged many text messages by cell phone. Later German came to Moscow, to be with me. Back then everything turned out okay, but then parting was a hard thing...

Later I had to go to Murmansk. And again... I even changed my ticket to a day later, so that we could be together a little longer. I will not lie if I say that ever since we met (not counting Turkey) we had only seen each other 5 times. (German went to sea for 3 months at a time, and sometimes as long as half a year). When I awoke in the hospital, I remembered him (not right away, though, I had retrograde amnesia), and I had the feeling that I had known him for 5 years.

On that last day, he had come home from his latest cruise, and according to his mother, Raisa Vasilyevna Tkach, right away he took off for Moscow. He was supposed to fly back home on October 23rd, but destiny decided otherwise; we could not bear to part and so we changed his ticket. Once again, it was a strange confluence of circumstances: I had already seen the musical, so I decided to surprise him and offered to take him to 'Nord-Ost'. And we bought tickets on October 23rd...

When I awoke in the hospital, for a long time I could not remember how I got there. Memory returned a little bit at a time, so at first I said that I was there with my girlfriend, and later when I remembered it all, horror came to me. I recall how I lay in the hospital trying to call Murmansk on my cell phone, but could not get anywhere. Later they sent me to 'Blue', some kind of a rehabilitation center. I did not want to go, because I wanted to go home and get on the Internet and find out what had happened to German. They had to force me to go. My sister went with me, and she told me about German's fate.

Now I am terrified to remember those days. Laying there in the hospital I could not even guess that Raisa Vasilyevna, German's mother, had been in Moscow, had talked with my sister and taken German's body to bury...

I thought, what am I to say to her?

Now, after the passing of so many years I do not even want to think about 'Nord-Ost'. But people died there, our loved ones, and their memory should always live, and so therefore when I hear 'Nord-Ost', I shudder, and my memory takes me there, where we sat waiting for rescue, hoping for the best, and that moment that I still remember: when all were still alive...

Written by Zhanna Volodina

TOVMASYAN, LYUDMILA

Age 44, from Chelyabinsk, Russia.

Since April 3rd, 2000, Lyudmila Vladimirovna Tovmasyan worked at the Uralobuv Corporation.

This charming, cheerful woman was the darling of the entire group. From the first moment, she transmitted to all her light, positive attitude and energy. One can truly describe her as “a light in the window”.

Lyudmila Vladimirovna worked with our organization as a stylist, and loved her work. She published interesting articles on fashion trends, the correct way to buy footwear, and on many other themes. She did extensive work with suppliers of footwear — since our area is characterized by severe continental climate

extremes, our offerings to the residents of our city and district had to meet many parameters.

Lyudmila Vladimirovna was very attentive and responsive. a shining example is her selfless act during the release of the first hostage, Natalya Sukhareva, who was pregnant. a lot has been already written about this, and because of it Lyudmila Vladimirovna was recommended for a posthumous award.

October 26th, 2002, the day of her tragic death, is a memorial date for our organization. Every year on this day memorial candles are lit next to her portrait. All who knew her meet at the cemetery to honor her memory.

Lyudmila Vladimirovna will remain forever in our memory as a radiant woman who loved life. Pure and bright memories of this remarkable person remain in the hearts of all who knew her.

A year after her tragic death, her beloved daughter Elizaveta, with the support of those people for whom the tragedy at ‘Nord-Ost’ is not just an act of terrorism, but also their own personal pain, had published a limited edition book, dedicated to “The Shining Memory of Lyudmila Tovmasyan.”

Written by her co-workers at Uralobuv Corporation, ltd.

TOLMACHYOV, ALEXANDER

Age 27; from Moscow, Russia.

My dear son, my loving boy, who was beautiful, talented, kind, and loved by everyone, was born on May 19th, 1975, and died in the very bloom of his years. He loved life so much!

In 1992 he finished the intensive English language school, then later the Moscow State University of Ecological Engineering (formerly called 'MIXI') in the college of chemical and biological technology, and as a graduate student he worked at Techno-vacuum. He published several scientific papers.

He was a surprisingly multi-faceted person. Besides a complete knowledge of English, he studied French and was very well read. He also knew and loved philosophy and history. Back as at school he participated in regional and city 'Olympics' in history, and took first and second places. He was well acquainted with English and Scottish poetry, and read them in the original. While at the institute, and as a grad student, he taught in English, physics, and chemistry to high school students at an affiliated school, and helped support our family in difficult times.

His passion was sailing and yachts. In the summer he worked as a trainer in sailing at the student yacht club and took part in competitions.

He had no enemies. At the memorial service, which they held at the institute, everyone came: friends, faculty, and the directors of the firm where he worked, as well as a multitude of students and teachers. They spoke about him, recalling what a person Sasha was, and unanimously called him 'a boy of the sun'. He was an example of goodness, kindness, and a source of love and joy for all around him.

Written by his mother, G.A. Tolmachyova

In sailing Sasha liked absolutely everything, and all kinds of sailing vessels. He never came out on a brand new ship — he loved to take an ancient boat and fix it up himself. This made him able to figure out everything related to sailing. He loved to pass on his knowledge to students and got great pleasure and entertainment from this, and for this they loved and respected him. Sasha never lost his self-control or self-confidence in any situation, and he passed this example on to his students, on how to find a way out of the most difficult situations.

It was so easy and free with him that it seemed as if he was just another graduate student. Those of us who were his friends and on his yacht team always felt his benevolence and desire for peace and order in our group. You could always depend on Sasha. All the yachtsmen at our base loved him, sometimes even exploiting his kindness and wish to assist (the girls especially). Sasha had an absolute feel for justice. He felt that his words and deeds would reflect on his comrades, and so he acted accordingly. One must add that Sasha was a cheerful fellow; he loved and knew how to relax and enjoy himself. He always found

something interesting to entertain the group with.

During his last summer Sasha had a bad scooter accident, he had to take a heavy blow in order to prevent his passenger from being hurt. At the same time, however, he had to make a yacht seaworthy. He came to the base on crutches and worked just as hard as everyone else. It was very hot, but since he could not go swimming with us because of his cast, we poured water on him from a bucket.

Here it has been five summers without Sasha. We had so many plans about future sailing trips down our unique Volga and its wonderful little cities. It is such a shame that they were never meant to be! Our life on the yacht has changed irreparably. No one and nothing can replace Sasha – we miss him so, and we are always remembering him. Everyone can still see the results of his work all around.

Everything on our yacht reminds us of him, including his personal things and a memorial tablet that carries the new name of our yacht: Sanych. We wish to use this name on the yacht to remember Sasha. We love him and will treasure the memory of this bright and unique person forever.

Written by the Alexander Tolmachyov yacht team: Yevgeniy Adamov, Igor Bogomolov, Olga Poplavskaya, and Oleg Surguchev

We love and remember you, our pupil at School #45, Sasha Tolmachyov.

You grew up inquisitive and curious. You could not pass by a piece of metal, or a nut or a bolt. You always wanted to find some use for them. You were the dreamer and scientist of the schoolyard and school floors, and you found things to do. If there were technical problems at the school museum, your golden hands were needed. If Natalya Mikhaylovna had a premier, you were her light crew.

You disappeared into the school for days, but how could it go on without you, no, not at all. You had a home, a brother, relatives, loved ones, and friends. And a staggering talent, to be able to love people. Great and small were attracted to you, and you paid them the same coin.

It is so painful to realize that the play ‘Nord-Ost’ is to be your memorial. Twenty-seven years old. It is much too short for life, but not too much to say: “You’ve grown into a real person!”

This is how Elena Arsentyevna Balayeva, your old friend and drawing teacher, still thinks about you

You know, there are certain people who emit positive energy and it is so easy and pleasant to converse with them, and not just because they are always positive and cheerful in spirit. They are caring children, excellent colleagues, and dependable friends! ‘Sanych’ was just that sort of a person. You could always turn to him for help, he was good and attentive to those around him, patient, and it was always interesting to talk with him. He knew a lot, had many skills, and, with pleasure, he would share his knowledge with others.

After an evening lecture and a long, hard day of work or school, he would suggest going horseback riding.

He would call and share impressions about a book he had just read.

He would suggest going yachting in the strongest of winds, just to show the best way to steer it, because you just could not go out on the water without him.

He explained sailing theory several times, patiently drawing the compass rose in the sand with a finger.

He was ALWAYS like that! AND he will ALWAYS remain like that in our memories and in our hearts.

It is horribly unjust when young people depart this life, when there is still so much left to do and to say.

As I type these lines, I still cannot believe that Sanych has died. He will always be with us, because such bright and good people can never be forgotten.

I would like to express my deepest condolences to his relatives and loved ones!

A bright memory to Sanych!

Written by Elena

I knew Sasha since school, from first grade. Somehow we found shared interests right off the bat and quickly became friends. We sat at the same table and copied off each other. I was particularly bad in literature and frequently copied those compositions that he found so easy. He always found conversation easy and he always had an open heart and a desire to assist and support anyone at any moment. Sasha was an unbelievably energetic person, and was always very easy going. He could never just sit in one place if he knew that something interesting was going on somewhere without him. He always had the spirit of adventure. He was always overflowing with impossible ideas that he would attempt to bring to life.

I often remember how the four of us — Sasha, San Sanych, Dima M., and I — outraced the yacht 'Red Chemist' from Khlebnikovo on Lake Moscow near Island B. It was a remarkable time, and some unforgettable memories remain. It is all so strongly engraved in my memory, as if it were yesterday, but it has actually been 15 years.

I still cannot believe that he has left us, that he is no longer here. Right now, I imagine, the telephone will ring and Sasha will suggest some new adventure. Today Sasha would have been 32. And today, on his birthday, I would like to say:

We never will forget you, a bright memory to you. You will remain forever in our hearts as the same open, simple, and cheerful person you always were. You remain a good son, a good brother, and dependable and devoted friend. And you will be twenty-seven forever.

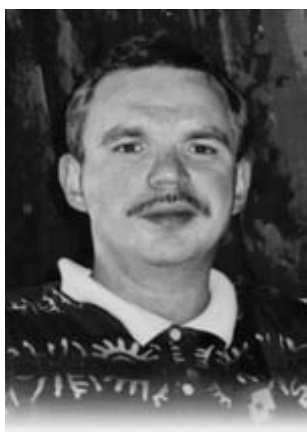
Written by Andrey K.

Alexander Tolmachyov was hired at Technovacuum, Inc. right after his interview. On the spot. Back then we needed an engineer trained in several fields, and Alexander was just the ticket. His creative potential, his basic education at that Moscow Chemical Institute and an English special school, and his abilities with the computer, allowed him in a very short period of time to "get to work"

and carry out independent scientific engineering work. Among his assignments was the modeling of chemical processes, preparation of technical proposals, and conducting actual projects. In addition, he was responsible for all contacts with foreign partners and customers (from Central Europe, North America, Mexico, and India). This was because Alexander's interests were very extensive and he got along wonderfully in any group, and, undoubtedly, was an important component of it. His loss was a terrible blow to us all, and, as in the song by Vysotskiy: "...suddenly I noticed that we were a pair. It was as if the wind had blown out the campfire when he didn't return from the battle."

It was marvelous to have the chance to live a part of life with him. Thank you!

Written by Alexander Reutov

TYUKACHYOV, ALEXANDER

Age 37, from Moscow, Russia.

Alexander Valentinovich Tyukachyov was born on May 12th, 1965, in the city of Arkhangelsk. He attended school in the Ukrainian city of Rivno (Rovno), graduating in 1982 with honors. He studied at the military communications institute in Orel from 1982 to 1986. After graduation he served in the Soviet army. In 1992 he quit the military and found work as the director of Aspect, Inc. He married and raised two daughters.

Alexander loved life and was a cheerful and responsible person, reliable son, husband, and father. His kind memory will remain forever in the hearts of his loved ones, friends, and acquaintances.

*You left so early, and unexpectedly,
Burning up our hearts with pain!
No! No! No! You are always with us,
And will live in our hearts!*

Written by his mother, Angelina Vladimirovna Tyukachyova

USTINOVSKAYA, YEKATERINA

Age 11, from Moscow, Russia.

Katya was born on December 12th, 1990. It was not just her parents who were ready for her birth, but we, her grandfathers and grandmothers, were ready as well. There was no limit to our happiness when she was born.

It was an amazingly happy occasion for our family. We all loved her, and she gave all of us in turn an even greater love. Katya was a peaceful, friendly girl. Her first smile, her first word, her first action — everything caused us great happiness and pride.

Beginning with her first year of life, each summer she came to stay with us. While Katya was living with us we learned a lot of interesting things from her. She possessed a very wide field of interests, especially for her age. Through her stories Katya carried us along into a world of the excellent and the unknown, into a world of stars. She loved painting and nature. Since childhood she managed to assemble an unusual bouquet of compositions, and she gave them away with pleasure. She loved animals very much, starting with mice, little hamsters, and chickens. She was industrious, and always occupied with something. She loved embroidery and studied bead-work. She had been able to read and sketch since very young. Everything came to her easily, but she was very serious in each endeavor. She sketched a portrait of her mother that hangs on the wall.

She got much pleasure out of being at the dacha. Even work such as weeding made her happy. She carefully gathered strawberries, cherries, and other gifts of the earth.

Certainly, what is summer without games and friends! Katya brought roller skates with her, but, when she went outside with them, she sat on the bench longer than anyone, since she was letting her girlfriends use them first. She explained her actions in that they did not have any roller skates, but Katya could go for a ride after she got back to Moscow. In the city roller-skating competitions she took first place for her age group and had valuable gifts presented to her.

She had many friends, indeed she was an open and sociable girl. Once she saved a girlfriend's little sister from drowning, even though she herself was not yet very skilled at swimming.

We liked to visit the city amusement park and go on the rides and eat tasty ice cream. We went to concerts of various artists. Frequently in the evenings we went to friends for tea and dancing. It was a happy, joyfully time for us together; we loved each other. I liked sewing and knitting with her, and together we knit things for her dolls. Katya liked to cook; she always helped to bake pies, pastry, and make dumplings and pelmeni.

She loved her parents very much, and never got tired of devising pleasant surprises for them. They were constantly getting gifts from her on workdays and holidays.

She took great pleasure in receiving guests. In 2002, when I came to Moscow to take her to the dacha for the summer, she made dinner and set the table all by herself. She told me that I should not help, that I should just relax and take care of my health.

Katya wrote stories, and I read them over and over again when I am sad. She wrote us letters. She and I copied them into German. In kindergarten she learned French, but in elementary school she picked up English and German. She was very smart, but her main talent was her desire to love and to get pleasure out of taking care of loved ones and friends. Once she went on a class trip and brought gifts for everyone. I asked if she had bought one for herself, but she replied that she did not have enough money to get one herself. Tears of gratitude flowed from my eyes.

Katya had big plans in her studies and the selection of profession. She allotted a lot of room for her parents, grandmothers and the granddads. Nord-Ost is a modern-day Babiy Yar. It did its dark work. It took away Katya, quickly and without questions, leaving the pain of loss and the MEMORY of this uniquely-bright eleven-year-old girl.

The lane of roses next to our house, where almost every summer evening we went for a walk, always reminds me of Katya.

Written by her grandmother, Alexandra Roshchupkina

USVALIYEVA, YEVGENIYA

Age 19; from Krasnogorsk, Moscow District, Russia.

‘Zhenya’ and I met during our first year at the institute, and I was very lucky that we became friends.

One could ask her for help on practically any question, and receive a correct answer.

What I liked about her was her erudition and her understanding of life. She never laughed at another’s mistakes, and took very hard all the reversals that happened in her life. This showed very clearly during our studies.

Written by a student in her class, Alexey Minyaev

You were such an unusual person! No one could relate to all around them with such warmth in their heart as only you could. You were a friend to all! You were our psychologist, and could always understand and support us. You were very wise for your 19 years. 19 is the age for love and enjoying life... At 19, someone already made a choice for you, and someone decided that you had already lived long enough. How awful this is. For what? Why?

It is just like a nightmare, but impossible to awaken from. Only the pain in my heart recalls that you were real...

Written by her friend Galina Kobernyuk

VASILEV, KONSTANTIN

Age 35; from Yeysk, Russia.

I knew Kostya since childhood. He was born on May 6th, 1967, and we lived in the same apartment building in Sarov, back when it was still called Arzamas-16.

Kostya was baptized as an adult. I know that it was a conscious decision. We grew up together during the Soviet time that is now subject to historical reevaluation, but in those days our lives were structured communally. There were always many children in the apartment's commons, and never a day passed that we did not gather together and play. Kostya from early on had this feel for justice: if the boys were fighting he tried to play the role of peacekeeper. When he grew up

it remained with him. He was always trying to extinguish conflict.

We went to school together. He was the perfect student. We had one course called 'extra reading' – not everyone liked it, but Kostya loved reading from the school bookshelf, especially books about the Great Patriotic War (WW II). He soaked up their atmosphere of achievement, and, as a result, this set him on the path of his life.

After school Konstantin entered one military academy, and I entered another. In the summer of 1986, when we were both in our second year, we got together while on vacation. Kostya, like any young man, was trying to become stronger in order to protect the Motherland. During my school years I was studying unarmed combat, and was a good athlete. But then Kostya said to me: "You know, it's all nonsense. There's this Alexey Alexeevich," and he started to explain to me something I never learned in school. As I understood it, it was the addition of 'goodness' to the martial arts, and I was very interested.

We did not meet very often, mainly only during school vacations. I wrote to him in Irkutsk where he was serving at the time. During the last few years we had been meeting in Moscow to attend seminars, and he introduced me to this Alexey Alexeevich.

I remember how, during fourth grade, Natalya Yakovlevna (Lipakina) came and invited us to join an orchestra of folk instruments. We played well, but later when she had to leave on business the orchestra was without a director. There was a school holiday and the parents were coming, so we decided that we would play. We got out the instruments and we played "Ach, my porch, my porch!" and what a cacophony it was! We screwed it up, but at least we were the center of attention.

Kostya was a cadre officer. His profession was to defend the Motherland. Whenever we met we talked how to set up units and conduct training. There was talk of an officer's duty as the defender of the nation. Kostya was the lively one in any group he was in, and attracted people with his ideas and compassion for what was happening in our Native Land.

I remember once he was invited to be a witness at a wedding, and he came

from faraway Irkutsk at his own expense. Even at the wedding, after congratulating the young people, he acknowledged his love of the Motherland. In Sarov, Irkutsk, Chita, wherever he lived during his life, they started these youth community organizations — hand-to-hand fighting clubs. The boys in these clubs occupy themselves in social service, yet they have one main interest — to learn to defend themselves and their loved ones, in the name of Good.

I remember one summer these boys came to Kostya at home and they got together by the river, and did some training out in a meadow. Kostya's mother liked fishing, but his father by this time had passed away. So we went fishing while the boys worked out, and discussed various topics. We kept returning to the topic of Russia's situation, and what could be done to defend it.

Nadezhda Stepanovna, Kostya's mother, was a retiree, and she had worked on an assembly line in the military industries her whole life. Her work was noted with government awards. Kostya's parents' relationship to work made a definite impression on him.

He leaves behind a daughter, fifteen-year-old Anastasiya. She is very much like her father. She's a perfect student, and an athlete — Kostya was very proud of her.

He loved to write to people. We often exchanged letters when we were far from each other. One time he wrote on the envelope: "Great Russia, Powerful Sarov" and the address — and the letter got to me. You get something like that and right away your mood is elevated.

He would buy books on the street that were being sold by libraries, including religious publications. I would very much like that the work Kostya began continue. Let there be a 'Konstantin Vasilev Library', or named anything else after him, as long as it carries the weight that he put into it.

Written by military officer Andrey Mikhaylovich Dushenko

Kostya's attraction to the folk arts continued throughout his entire life. As an adult, after finishing the academy and becoming a lieutenant colonel, he exclaimed: "I wish I could learn to play the balalaika!" Moreover, this was after he had already mastered the accordion and could play any song people wanted at parties. He had a very good ear for music.

Fate separated Kostya and I, but I remember very well his hands and his piercing blue eyes. He was incisive, but in a good sense: whatever he took up, he took up in a serious way. It was easy to talk with him; he was accessible, yet very deep.

His character was apparent since childhood. Over the years he began to demonstrate the true Russian soul. There was great internal strength in Kostya. He was one of few people with whom I was not afraid to be myself. I was not afraid to be stupid or funny or naïve. I could cry, sob, and laugh around him. When talking with him I could feel myself growing stronger.

Kostya and I had a break in our communication. We met again after he was already grown up and had finished the military school. It was at a function in Sarov where I also lived and worked. Watching Kostya, I could say that he had grown into a unique person.

A deep interest in the Orthodox religion and its Russian roots had developed within him. Oh how he loved Russia, how he worried about her! He felt inseparable from her. He spoke about Russia, about her destiny, and he perceived it to be something very significant. He made a contribution to the understanding of what Russia is.

It was impossible to talk with him on an everyday level. He carried in himself something larger. I am convinced that all who knew Kostya still feel his presence. It turns out that we are just now starting to collate our thoughts about our time with Kostya.

Kostya had so much sincerity, and so much goodness! Anytime, day or night, he was ready to help. One could always count on him.

Kostya was very rational: he had three degrees, and all with honors. He read a lot, and was up to date on the economic and political problems of Russia. All the knowledge he received and stored within himself, he shared. Konstantin was an absolute patriot. He believed that it was good to adopt the experience of the West, but forbidden to lose that huge potential, the human, natural, and scientific potential, that Russia possessed. He was convinced that if all Russia owned was developed and adopted, Russia would become a mighty nation. Konstantin was an Orthodox man and often talked with the priests and read spiritual literature. He believed that the most important thing of all was to properly educate our coming generation. We are rich in our traditions and our history. We must educate the children, and make books and movies about history and culture.

Written by Natalya Yakovlevna Lipakina, his former teacher

Kostya was a very cheerful person. He had great organizational abilities: when he was in Irkutsk and Chita he founded sports clubs. He participated in all theatrical productions. He knew how to make you laugh. People were always drawn to him. He always told me that we have to find common ground with everyone, and know how to comprehend and listen. We must help support each other — only then can Russia rise again. He wrote: “Honor your native land and your parents. Live according to divine laws. His love of Russia pushed him to learn hand-to-hand combat and survival. He did not recognize foreign methods of single combat. During his fifth semester of college he took part in filming a secret documentary film for the special forces on his system for survival in the forests by Krasnodar.

***Written by his wife, Natalya Prilyuk (Vasilyeva).
(From materials in an article by Marina Vasileva: ‘The life and achievements of
a Russian warrior’, 2003)***

VLAKH, GENNADIY

Age 39; from Moscow, Russia.

“Gena and I met outside our apartment building in 1984,” Galina Vlach told me. “And we got married. a year later Roman was born. He was named by his father. Three years later, however, we separated. Like they say, our personalities couldn’t get along.”

Right after the divorce, crane-operator Vlach moved to Armenia, in order to assist with the reconstruction of the cities of Spitak and Leninakan after the earthquake there. He worked there 3 years, and in 1991 he was presented with a watch and an automobile by the city of Moscow for his efforts. Yuriy Luzhkov, back then just a representative of the city mayor, personally

gave Vlach the certificate for the Zhiguli. Gennadiy, however, refused the car. According to his wife, Gennadiy felt that his co-workers in digging out the collapsed Armenian cities should also receive such awards. Gennadiy’s friends did not receive cars — just certificates of appreciation.

Vlach regularly sent the money he earned in Armenia to his son. He even sent money for their apartment, but as for himself he lived with friends. He did not drink, or smoke, and he worked out. His health was remarkable.

On October 24th, according to Galina Vlach, Gennadiy called her during the latter part of the day, and asked for his son. Galina told him that Roman was outside with friends.

The last person who spoke with Gennadiy was his friend, Alexey Landyshev:

“He called at about 10 at night, and we talked about my remodelling of my apartment. I didn’t notice anything special in his tone. Later I thought, that it was because of the television. All the stations were showing Dubrovka non-stop. So he must’ve decided that he had to save someone. What else could it be?”

According to witnesses, at 11:22 PM on October 25th, 2002, Gennadiy Vlach showed up in the theater. Within 50 minutes the terrorists had shot him. Gennadiy Vlach was one of the two people killed by the terrorists. The second was 26-year-old Olga Romanova, a consultant in the perfume department at L’Etuval fashion store. The girl came to talk the terrorists into releasing some hostages. She lived next to the theatrical center and since childhood knew all the back alleys and shortcuts. It is possible that she helped Vlach find his way through the police cordon as well.

Galina Vlach searched for her husband for about a month, combing through hospitals and morgues. Later she gave up looking: “He just left and didn’t say where he was going.”

They called Roman Vlach at home. The caller identified himself as a detective and invited Roman to come in for questioning to ‘the Dubrovka Commission’. Roman told his mother about the call, and 3 days later, after they had received official summons, they made their way to Balakirev Alley, where the commission was meeting. The Vlakhs arrived at 10 AM, and left 9 hours later.

At first they answered all the investigator's questions: who they were, what kind of a surname they had, was there any other supporting documentation that they were really named Vlach.

When Roman left to get a drink of water, the investigator quietly asked Galina how she felt about viewing pictures of corpses. "Not too bad," she replied. "They're shown on TV every day."

When Roman returned, the investigator laid before Roman and Galina 2 color photos, frontal and side views, and Galina recognized her former husband, while 17-year-old Roman — his father.

When they had gathered their wits again, they asked the investigator where the body was.

"There is no body," he answered. "Cremated. But how and where to get a hold of the ashes, we will tell you in 3 days."

The investigator gave Roman a legal document that named him as a victim, and sent the Vlakhs to Old Arbat, to the Center for Social Defense, in order to collect money for the funeral. Once there, Roman was asked to present a death certificate, and so the Vlakhs were compelled to return to Balakirev Alley. "Go sign in at the Housing Office, and get a copy from their records," advised the detectives, handing them a medical certificate that read that the cause of death of "Citizen Vlach was shock, hemorrhage, concussion, fractures, and a multitude of bullet wounds." The certificate was dated October 26th, 2002.

After getting a document from the housing office, the Vlakhs went to the Registration Office for the Khoroshevski region. There instead of a death certificate, they were given a voucher for compensation of funeral expenses, but after filling out the form, they were refused money for a pending funeral: "Funds can only be disbursed after the funeral ritual, but you've buried no one, you don't even have a coffin!" Back at the Social Defense center, they were also refused compensation, so the Vlakhs once again returned to the Dubrovka Commission. "Go to the cemetery," they were told. "Find out what kind of funeral papers they need. We'll help you."

The Vlakhs went to the Khikinski cemetery, where they asked for a certificate of cremation, but in order to get this, they had to go back to the commission yet again. In Galina Vlach's words, they made so many trips there that "we can find Balakirev Alley from the other side of Moscow with our eyes closed."

For the murder of Gennadiy Vlach by terrorists, compensation in the amount for 100 thousand rubles (\$3000) was at last paid to Roman. Now he is trying to obtain compensation for the loss of a breadwinner.

On June 30th, more than 8 months after Gennadiy Vlach's death, the director of the Khimkinski cemetery finally allowed an urn containing Vlach's ashes to be interred within the grave of Vlach's mother.

The funeral service was held in the cathedral of Father Sergey Radonezhki, in Bivirev. Father Sergey blessed a handful of soil, and said: "Strew this on the grave." Vlach's relatives left with this, in order to meet the next day in section 39 of the Kimkinski cemetery, where Vlach's mother was buried.

On Monday, when Gennadiy's relatives gathered together, his photographs were already in frames on a grave marker. His mother-in-law, Galina Petrovna,

showed some family pictures: “Here he is just born, here he is on the first day of school, his wedding pictures, with his son, with friends...”

When it was explained that Vlakh’s relatives were not even burying an urn, but a brown ceramic vase, purchased for 350 rubles (\$11), our reporter was interested in finding out what was inside.

“They never gave us the ashes. They wouldn’t even say where he was,” Galina quietly said. “We couldn’t bury it empty, so Mom and I decided to put his soccer shirt in there. He loved to play ball. Also a tea bag, and two candies — truffle and chocolate. We decided not to put any cigarettes in, however. He loved candy with his tea, but he wanted to quit smoking.”

The grave digger arrived with his shovel. He entered the flower box and started to dig. When the shovel hit something solid, the digger gets excited: “What’s that, a tomb?” a neighbor friend of Vlakh calms the worker: “There used to be a path here, a paving stone is still there.”

The little grave for the urn was dug to shovel-blade depth, and the urn was wrapped in scotch tape and laid on the bottom of the hole. Everyone in turn placed a bit of holy soil upon it, and the grave digger, after packing the urn under clay and specially purchased potting soil, stepped aside.

Here the farewell ended. Torn up carnations were placed in a jar of water and left on the grave, and artificial flowers were poked into the ground. “We’ll plant some real flowers, come autumn,” said the mother-in-law.

At that moment, from the other end of the cemetery, were heard the three rifle volleys. “This is for some soldiers being buried in section 78,” explained the grave digger. “They were killed in the Caucasus.”

Written by Sergey Topol in newspaper “Kommersant”

VOJNOVA, TAMARA

Age 56; from Moscow, Russia.

A few years ago Tamara worked as an editor at the regional newspaper Bogorodskoye, where she made a great name for herself. The paper only came out once a month, in eight color pages with a print run of 20,000, and the editorial staff consisted of just Tamara. People I spoke with at the Bogorod regional authority told me about the great influence that the paper and its editor attained. They showed me many specific examples of her keenness, and her perseverance in achieving her goals and initiatives. In her pursuit of effectiveness from the authorities the paper received lots of mail, and it was not rare for Tamara to go visit her readers at home, so

that they could explain the essence of their complaints.

Many were surprised by her inexhaustible energy. She repeated what she had done at the Stavropol paper, and sought out all the area veterans from the Great

Patriotic War (WW II) period. She gathered them together and worked hard to ensure that the regional authorities presented them with the honors they deserved. Tamara often visited schools and talked with children, and offered teachers many interesting ways to educate the students in patriotism.

I was told of an unusual instance, when Tamara helped a bum who had served in Afghanistan and spent several years in captivity as a slave. With Tamara's help, he was able to return home to Kamchatka, where he had long ago been given up for dead. But here is the paradox: after giving such immeasurable assistance to a former hostage, Tamara unexpectedly found herself a hostage, and suffered tortures no less horrible than did that soldier in Afghanistan.

Tamara's best friend said that Tamara called three times on her cell phone from the theater. During their first conversation there were still notes of optimism, and hope that the hostages would be freed. The second conversation was different – in disjointed phrases Tamara described the hell to which she and another thousand people had been condemned: hunger, thirst, sweltering heat, and the ghastly smell coming from the orchestra pit that had been turned into an open sewer. She described something especially horrifying: their mock executions by the terrorists. The terrorists commanded the hostages to lay down, as if they were going to blow up the theater. All the hostages fell to the floor and counted off the last seconds of their lives. Then the bandits sounded the 'all clear'. After a while, the terrorists repeated the command.

It is difficult to imagine what these people went through. Even more awful was Tamara's last phone call to girlfriend. Apparently it took place when the auditorium was already full of gas. Tamara asked her friend to take some money from Tamara's apartment and have her buried at the Hovrinsky cemetery alongside her mother. She even told her friend what clothes to bury her in.

Her girlfriend believes that Tamara was already dead when they carried her from the theater and sent her straight to the morgue. But her is the kicker: she was unidentified, since she had no documents on her. Regional authorities set up groups to look for her. For five days they went from to all the hospitals that had received hostages, and to morgues, until they found Tamara in the last of them.

The new Hovrinsky cemetery is in the village of Borodino. The service was held in the cemetery chapel. Speaking at her service was the regional head, A. Ruchkin, and several others. They all spoke very warmly about Tamara as an honest person, and a remarkable journalist. An huge pile of flowers grew over her grave.

Wtitten by Andrey Poputko, former editor of Stavropol Truth, from Stavropol Truth, December 12th, 2002.

She was what they call in the army "the regiment's daughter". Her father was Vladimir Voinov, a correspondent for Komsomolsk Truth in the North Caucasus. He died in an automobile accident. Colleagues from his paper looked after his daughter Tamara in every way. Like a sponge, she absorbed their lessons in how to run rural papers. It was not just through her beauty and charm that Tamara ended up on the staff of that paper's successor, Stavropol Truth. It was purely due to her professional qualities.

He creative palette was so multihued, and the subjects of her writing so extensive, that soon she herself became the yardstick others are measured by. More than anything, she pursued materials about art, literature, and creative works. Her search for original topics, people, and unusual destinies did not go unnoticed by Moscow publishers who were trying to bring young journalistic talent to the capital.

Thus Tamara and I said goodbye the first time. Today we are saying goodbye forever. An avowed lover of the theater, Tamara could not miss a single premier: neither in Stavropol, nor in Moscow, and of course she had to be at the musical 'Nord-Ost'. Though the show was supposed to run for another two years, she chose October 23rd for her visit to the theater.

Her name among the victims of the terrorist attack was a complete shock to us. All who knew Tamara Voinova met the news of her death in a state of complete stupefaction. It is hard to believe this; it is impossible to resign oneself to it. She will now forever remain in our memory as young and as beautiful as when she departed Stavropol. The tragedy in Moscow has become a calamity for all of Russia, and its black wings have touched every journalist of the old 'Stavropol regiment'.

*Written by a group of friends and published in Stavropol Truth,
November 2nd, 2002*

Her life was cut short by that same tragedy that shook the whole country – the tragedy at Dubrovka. As a reward for a job well done, Tamara received a prize from the Moscow prefecture – one free ticket to the musical 'Nord-Ost'.

She was a strong and noble person. a real journalist. The daughter of a famous 'Komsomolskaya Pravda' reporter who died in a car accident while carrying out his duties. She worked at 'Stavropolskaya Pravda', 'Socialist Industry', and 'Moscow Evening', and was one of the editors of 'Sunday'. She published various newspapers and magazines. When a new version of our magazine came out, Tamara, who never knew how to do anything by half-measures, put her heart into it and became the administrative direct, chief editor, and head writer, all in one.

Her life outside the boundaries of the profession was complicated. a remarkable daughter, she sacrificed many years of what is called "a personal life", caring day to day for her sick mother, whom she was destined to outlive by less than a year. Tamara never complained about her fate. With her love of life and massive energy, Tamara, a descendent of Stavropol Cossacks, ignited faith and hope in everyone around her. There was no one whom she would not support at a difficult time with everything that was in her power to do.

We will always remember her.

Written by colleagues. Rokk Journal, #6, 2002

VOLKOV, ALEXANDER

Age 65; from Moscow, Russia.

On April 2nd this year my little Sashenka would have been 70! Yes, only 70 years old! He was young in heart and body: handsome, intelligent, strong, happy, spontaneous, and curious like a little boy. He never stopped learning and he lived with a thirst for life, and was always making plans...

At 65 (his age at the time of the tragedy), besides his jobs as choir director for the K.S. Stanislavsky & Nemirovich-Danenko Moscow music theater and music supervisor of 'Nord-Ost', he was the coach for the Hercules sport club. Even though he had no degree in physical education, they chose him above all the other

coaches, and he was very much loved and respected by his students.

Sashenka had a knack for karate, which he began to study at 45! Sashenka could get up at 6 in the morning (for his workouts) and then head for the school to train the children pro bono. "Who'd do this if I didn't?" Sashenka said.

He was always younger than his years — athletic, strong, and handsome with radiant eyes. He was unusually well disposed towards people, and intelligent. And how he loved young people! He always tried to listen, to support, and to assist through word and deed, and there were always young people around him.

Back when he called from 'Nord-Ost', he said: "They've got to save the children! Listen — SAVE THE CHILDREN!" Sashenka was not a religious person, but he lived according to a purely Christian law — to do Good!

But, of course, the main thing in his life was music. He graduated from the Moscow state conservatory as a choir conductor, in Professor V.F. Balashov's class, and with an elective in the organ class of the great L.I. Roizman. Unfortunately he was unable to become an organist, since back then there were still too few of these remarkable instruments in our country, and he could not bring himself to remain in Hungary where he was offered work.

Sashenka worked in the music theaters of Russia as a head choirmaster. He was loved and respected by the artists, and in theater this is quite rare. He had a dream — to dedicate a requiem by G. Verdi to his parents. Sasha performed it in the theater of opera and ballet in the city of Ufa, and V. Platonov conducted it.

We lived together for 35 years. Sashenka was my husband, my most trusted friend, my love, and my rock-steady support. We worked together our whole lives and were never apart, and during our whole life together I never once heard a sharp or loud word. Sashenka was a remarkable father to our daughter Katyusha, and was the one person closest to her. Sometimes it seemed to me that she could not even take a breath without him — such was their spiritual connection.

How Sashenka rejoiced when in 2001 when our long-awaited grandson Danilka was born! Sashenka had golden hands. I do not know what he was not able to do.

Sasha wanted to teach his grandson everything that he knew, and wanted him to grow up to be a real man. How many plans he had in life! But he was destined to never fulfill them...

I was once asked: "What was the happiest day in your life together?" Without thinking, I answered — EVERY day that I lived with my husband! Thank you for this, my dear Sashenka, for the happiness of my entire life!

We are not apart even now! He is always with us! His remarkable smile, his quiet and tender voice, his goodness and LOVE!

Written by his wife, Marina Lepilina

In October of 2002 we said farewell to Alexander Geogrievich Volkov, the director of the choir ensemble for the K.S. Stanislavsky & V.I. Nemirovich-Danchenko music theater. The choir ensemble lost a remarkable man. People who knew Alexander Geogrievich admired his goodness, decency, and honesty. For many of us he was a true friend.

Alexander Geogrievich was a professional musician and worked for a long time in many theaters in our nation as a chief choirmaster and conductor.

He arrived at our theatre a relatively short time ago. On becoming director of the choir ensemble, he quickly found common ground with the artists, and for this he was much respected.

He always greeted his artists affably, soundly, and with a smile on his face. a choir is a complex mechanism that is one of the main working parts of an opera, a collection of very different people, each requiring a different approach. Alexander Geogrievich knew how to understand every one of the choir's artists, and he worried about them, supported them in all their problems, and helped them in word and deed. They loved and honored him for this. He could laugh and joke, but at times could also be rather strict. The choir affectionately called him 'Papa Volkov' among themselves, or simply 'Georgich'. The fact that they called him this says a lot.

He was a person full of light. God grant that there are many more people like Alexander Geogrievich.

Brightly shines the memory of him.

Written by theater choirmaster Alexander Rybnov

In October of 2002 a terrible tragedy tore our family asunder. Our FRIEND died. Tragically.

Sasha, Sashenka... We hoped for a miracle, but it did not come to pass.

We met in 1987, when he and his family moved to Novouralsk. Sasha, Marina, and Katyusha. They were happy and cheerful and somehow, imperceptibly, they became for us like family.

It was as if Sasha was from another dimension, a dimension where there is no place for hatred or spite. He had an enormous, kind heart, and a vast soul... a soul that was open to all.

He was madly in love with life, and it showed in his eyes. With his whole heart, he shared his love of life with everyone. He was talented and elegant, intelligent and good, attentive and tender...

Years passed, and life took us to different cities. Sasha and his family moved to Moscow, but we never lost touch with each other. We were very happy every time we got together. But, in October of 2002, we lost Sasha, we lost him forever.

It was difficult to believe. Why? For what?

After the tragedy many questions remained. We tried to find out the answers, to find those responsible and “give them peace of our mind for the future doings”. “Teach” them about the cost of people’s lives, people who simply wanted to live.

We know that Sasha left a spark on this Earth. It remains in those who knew him and were with him. Thanks to people like Sasha the world is a better place. We are infinitely grateful that fate brought us together with Sasha and his family, with a man whom we will always remember.

Written by the Dodonov family of Yekaterinburg

VOLKOVA, ELENA

Age 22, from Istra, Moscow District, Russia.

Lena was our first child. My husband graduated from the college of chemistry at Moscow University in 1980, and on October 22nd our little ‘Lenochka’ was born. My husband went straight away to graduate school, but I really wanted a daughter, and so she was born. Oh, how happy I was! All mothers believe that their children are the very best, and so did I. At a very young age Lena showed character. Once I put her in the corner and she stood there for several hours, declaring that she was not going to beg forgiveness, because she did not know how to. Lena started reading at age 5. By age 7 she had already read ‘The Wizard of Oz’. Back then it was her

favorite book, and she read it over and over.

Lenochka got straight A’s, and participated in all possible knowledge ‘Olympics’ and took home prizes. From eighth grade on she attended the physics and mathematical class at the Moscow Aviation Institute base. She graduated top of the class, with a gold medal, and entered MAI without having to take the entrance exams, since in the spring of 1997 she got first place in the math ‘Olympics’. At the MAI she studied at the 3rd college (ASU) to be a programmer. It was very difficult. We did not have a lot of money back then (nor did anyone else), but Lena never complained. Lenochka was very thoughtful, serious, goal-oriented, and a very industrious person. Each summer we traveled to grandmother’s village in the Stavropol district, and Lena knew how to do everything: pull weeds, wash clothes, cook, and even milk cows.

My husband and I were always proud of Lena. Lenochka was gifted in every way, not just able to understand physics, mathematics, and programming, but she even wrote poetry, sketched, and did embroidery. She was the best in Russian

and English, and literature. And she was also a beauty.

That year on October 22nd Lena became twenty-two. We joked that only once in a lifetime was a person 21 on the 21st of October, and 22 on the 22nd.

We celebrated Lena's birthday as a family, and Lena was going to celebrate with her student group on Saturday, the 26th. On the 23rd Lena and two girls from school went to the musical 'Nord-Ost' (row 10, seat 22 on the balcony). Fortunately her friends made it. Lena had seen the musical on June 23rd that year. She liked it very much, and said: "Mama, you must see it for sure." Somehow I never found the time, and Lena decided to go see it with her girlfriends. We live in the city of Istra, in Podmoscovy, and I work here, but on the 23rd I needed to go to Moscow. I was able to stay in the city awhile, but some strange sense of unease drove me back home. I arrived home just as Lena was getting ready to leave for the theater, and I watched her get dressed, do her make up, and in general the usual girlish preparations. After the musical Lena was going to spend the night in Moscow at her girlfriend's. I watched Lena through the window while she walked to the E-train. Had I only known that it was the last time I would see her alive! That evening my husband and I turned in, never suspecting anything, but we were awakened by a call from the mother of one of Lena's girlfriends: "Turn on the television, they've taken our children hostage". And so began Hell...

On Friday, October 25th, we had returned home after spending the entire day at the Polytechnic (note: where the relative of hostages collected to receive updates from government officials). We have another daughter, who was 12 at the time, and we could not leave her alone for the night. Once home we got a call from the grandmother of one of Lena's girlfriends, and she said that the girls had been freed and would soon be sent home. The parents of Lena's two friends were still in Moscow and said that there was no need to come to Moscow. a car was sent from Istra to bring our girls home. All night long we waited, and in the morning we learned about the assault. Back then we knew nothing about the gas, but then we learned that no one had released our girls, and to this day I do not know why they had to deceive us so cruelly. All day Saturday my husband drove from hospital to hospital in Moscow while I stayed home by the phone. All our friends called, and all of Lena's as well. They found Lena's two friends in different hospitals, but we had no idea where Lena was. On Sunday, the 27th, we spent all day at the Polytechnic waiting for information. We ignored the bureaucrats' suggestion to drive from morgue to morgue to identify our loved one. We believed that Lena was alive. Finally, towards evening, they brought in a list of victims in the hospitals, but Lena was not among these. Twice they assembled those who were unable to find their loved ones and read from a list of those identified as dead. Lena was not on those lists, either. Later, already at night, they brought in albums of photographs from the Moscow morgues. That is where we found Lena. In the photograph Lenchka looked as if she were asleep, her face was so peaceful and beautiful. Later, at the morgue, they told us that she had died at Hospital #13 on the 26th. They were never able to awaken Lenchka. We buried her on November 1st in our city cemetery, in the alley where they bury heroes of the Great Patriotic War. All the fuss and expenditures

were taken care of by the Istra city administration. It seemed to me that no one in our city remained indifferent to our grief. We thank everyone who shared our sorrow and made it easier to bear this intolerable suffering.

Every year on Lena's birthday her friends, classmates, and our friends gather together. We talk about Lena as we would about someone living, and it seems to me that she is among us, and listening.

After the funeral the police brought us Lena's jacket. Inside the coat we found my husband's business card, on which Lenochka had written this note:

"Mommy, daddy, Natashenka!

I love you all very much. That is all I am thinking about now. And about all my friends. I must tell you this because it is possible that we will never see each other again.

Forever yours, Lena."

Written by her mother, Tatiana Volkova

VOROPAeva, TATIANA

Age 49, from Moscow, Russia.

My mother, Tatiana Nikolayevna Voropaeva, was born in Moscow, in the Preobrazhenska region, on March 25th, 1953. She was 22 when she finished night school at the Plekhanov Institute of Folk Art in Moscow. Before her studies, she started working as a laboratory assistant at the IREA research institute, working in pure and applied chemistry.

Mother had many friends. Her colleagues and classmates loved her joyful, bright character, her empathy, benevolence, and her gentle and peaceful femininity. Her best friends from school and the institute maintained a close relationship with her for the rest of her

life.

After finishing the institute mother remained with the IREA as an economist, and there she met her husband to be, Yevgeniy, my father. They married on September 11th, 1976, and within a year I was born, their only daughter.

For mother family was the whole point of her life, and she considered herself complete. Father, two grandmothers, a grandfather, and me, we became the objects of her love and untiring care. During the difficult days of the 1990s, mother left her job and joined a construction company in order to earn a bit more money, and have better opportunities.

Mother and I were always girlfriends, and we shared each other's joys and sorrows. Together we skied and rode bicycles, we took vacations together at the Black Sea and country resorts. Mother could not be away from me, even for a few days. Nonetheless, she was very happy when I met my love and married him.

Mother was not your typical mother-in-law. She acted delicately, with

understanding, and a kind word. Unfortunately, our domestic joy did not last long.

It was no accident that we were at the musical on October 23rd. a young relation from the Ukraine, my second cousin, was visiting with us, and mother, as one could expect, was very hospitably planning a “cultural program”, including a walk through the center of Moscow, restaurants, and, of course, the Lenkom and Bolshoi theaters. The musical “Nord-Ost” ended up on our list.

Mother gave my cousin and me a lot of support during those awful days at the theater. Together, it was a bit easier to make it through the terror and keep the hope of rescue alive. When I awoke in intensive care at Hospital #13, I found out from my grief-stricken husband that, alas, I would never see my mother alive again...

Written by her daughter Svetlana Surova

YAKUBENKO, ELENA

Age 46, from Moscow, Russia.

I cannot speak of my mother in the past tense. She is in the pictures that surround me and in the house that she built with her own hands. She is in the flame of the candle that I often light, as if keeping the family warmth alive. She assisted in the birth of long-awaited grandsons.

Like my mother, my oldest son has wavy hair and blue eyes. Like his grandma, he is very interested in sketching. I cannot explain it, but once at the weekend house my son asked me to draw something for him. I was busy fixing dinner and answered: “Later, no time now, dinner’s burning.” Afterwards I went over to him and

asked what he wanted me to draw, and he answered: “No problem. Grandma’s already drawn everything for me.”

Perhaps I should not teach my sons such adult things, but they already know that Grandma died and became a little star in the sky.

Written by her daughter, Yekaterina

I wish to talk about my daughter, Elena Yakubenko. In 1956 twins — Olya and Lena — were born to Alexandr Alexeevich Tarakanov and Tamara Grigoryevna Tarakanova. Our family already had a four and one-half year-old daughter named Natasha, and so in a single day we became a large family.

There was no limit to our happiness. The girls grew up healthy, surrounded by love and care. They got good grades, took figure skating, and at the age of six they entered music school. Natasha took violoncello, while Olya and Lena learned to play the violin. ‘Lenochka’ had perfect pitch, but from the very beginning her favorite pastime was sketching. It was a struggle to convince her that she had to finish music before she could attend art school.

Something happened, however, that helped her dream of studying art come true. 1970 was a jubilee year, 100 years since V.I. Lenin's birth. A contest was held in Moscow schools for the best picture. Completely unexpectedly, Lena took first place. In the main building of the Young Pioneers in the Lenin Hills she was presented with a first-place certificate. Because of the advice of her art teacher and the judges, she had to quit music lessons and go to art school.

She enjoyed her studies, and after graduation from art school she entered the costume department of the Theatrical Art Institute. She graduated and sketching became her profession. During her short life she left behind a large quantity of pictures. She designed schools and kindergartens, camps and discotheques. Oh, how marvelously she designed the chapel at the Dubosekovo monastery!

Lenochka was a gifted person. She not only was able to draw, but was fascinated by music, literature, the theater, and often went to exhibitions and traveled on excursions. She traveled a lot. She introduced her two children to art. Our family had many friends, and Lena was sociable and hospitable. She loved guests and had many friends. She did not know how to argue and was a caring daughter, sister, mother, and loving aunt to her many nieces and nephews. Lena loved life, people, animals, and nature.

She was in a rush to live and did quite a lot. She raised her children and played music for them at their weddings. She built a weekend house, to which she loved to travel winter and summer. It had unusual architecture and interiors. Lena did everything with her own hands. She painted the walls, ceilings, and doors, sewed the blinds, and designed the interior. Three months before her death she was like a grandmother, a nanny to her grandniece, giving fully to her, and experiencing enormous pleasure in return.

October 19th is the birthday of Lena and Olya, and so Lena bought a ticket to the musical 'Nord-Ost', which she had dreamed of seeing.

October 23rd she went to the theater alone, fortunately, since her daughter and son-in-law were celebrating their third wedding anniversary. She promised to return for tea and cake. Suddenly the telephone: "Don't wait up, I'm a hostage..." From October 23rd to the 26th family, friends, and loved ones day and night were held captive as well. Even more terrible torments began after the assault as we searched for her, first in hospitals, then in morgues.

Someone famous was once asked what is happiness, and he answered: "Happiness is when there is no unhappiness."

A new time began for our family. Lena is gone, but at the same time she is still with us. How could we, her parents, survive this grief? I do not know how we lived through it. This grief is not healed by time. After Lena's death my husband and I became invalids in the full meaning of the word. The loss of a daughter at the height of her life and health, of her creative plans, this is unbearably heavy.

When they asked me to write about my daughter I came to a dead end, since these are just words and phrases, how can I express the pain, bitterness, and sufferings of the days and sleepless nights? There are no words.

Written by her mother, Tamara Grigoryevna Tarakanova

My twin, Lena... a year before these terrible events, on our birthday, October 19th, I received a letter from Lena with this congratulation: "Olya, congratulations on your 45th birthday! What's it feel like? For me it's awful. I don't even know what to wish for, perhaps a good mood, since I can't expect any of the rest. I'll just have to be happy with what I've got, which is better than what I don't have..."

I remember that this last phrase was striking, and it engraved itself into my memory. It was with bewilderment that I carefully read these lines, which she highlighted with a marker. They were so uncharacteristic of my cheerful, witty sister.

A year later, again on October 19th, and four days before the tragedy, we congratulated each other over the phone on our shared birthdays. We were happy and cheerful but... once again there was a lump in my throat when Lena happily reported that she was going to the show. It was strange, this unpleasant sensation, since for both Lena and I the theater was like a part of our lives, we had grown up with it, and it was part of our environment. We talked for a long time on the phone, then Lena got worried: "Olya, you're spending all your money" (It was long-distance). That was our last conversation.

In childhood she and I arranged children's holidays — shows with the neighbor kids, we would draw or sew or think something up. Lena had her own little world — in the springtime she and I would look at thawed out clearings in the snow, and she saw palaces in these patterns. She could fall in love with drops of dew. Summers at the weekend house we would lay down in the grass during the midday heat, and Lena would look up at the clouds and tell me of whom they reminded her. Then she would turn these into pictures where you see someone's profile in the leaves of a tree, or the muzzle of our favorite shepherd dog in boulders and cliffs. She wrote such beautiful poems for the other children at morning assemblies. She could put together a school newspaper at a moment's notice, with pictures, and organize it and pull it all together; or years later, going to a concert or exhibition, never too tired to take with her not just her own children, but another two or three nieces and nephews.

On our last birthday she gave me a picture she had done of a flying stork or crane, very similar to the bird on top of the monument at Dubrovka. That spring storks landed on the roof of Lena's weekend house, and we were paralyzed by this miracle, which had never happened before.

On the first anniversary of her death, Lena's children put on a show of her work in the Tushino exhibition hall. She had dreamed about this while she was still alive...

The icon that she had drawn for the chapel at Dubosekovo had images of my two youngest children with a guardian angel. Now she protects us. a year before her death, Lena sent me a video of her son's wedding, and Lena addressed me through the camera, smiling and waving: "Olya, I'm alive!" This is how she stands before me.

Only later did I understand that I had lost not just my sister, but also my twin, a part of me...

Written by her younger sister, Olga

Elena Yakubenko was my sister, and younger than me by 4 years, but as time passed this difference disappeared and we became good friends.

Lena lived an interesting, full life. She always held onto the ability to laugh and be amazed, even though one could not say her life was an easy one. She possessed an amazing vigor for work, and was able to do much that was good and kind in life. Namely: she raised two honest and orderly children. She was a loving and caring daughter, sister, wife, and friend. Benevolent, soft, feminine, and considerate, she commanded a merry disposition, a sense of humor, and it was always fun to be with her. She had an infectious laugh, and the confidence to accept life in all its manifestations. She could sketch magnificently, and her pictures decorate not just our homes, but public establishments. She did woodcuts, and sewed and knitted extremely well. She raised flowers and loved to work in her garden and built a weekend house there. She did a lot with her own two hands.

Her comfortable house became the place where friends and relatives gathered on days off and birthdays. Lena loved to receive guests. We would sit up by the fire until late, listening to music, dancing, talking, arguing, and joking. Lena was the life of the party, the one who connected us all, and neighbors and her children's friends loved to come to Lena's because it was always comfortable, warm, and gay to be with Lena. We often remember these joyful, merry days and evenings.

But now, six years later, I hear children's loud voices by the fire — Lena's four little grandchildren are enjoying untroubled lives. Lena dreamed about grandchildren, but she never was able to meet them. It seems, however, that she is still with us, and one wishes to believe in the miracle that she sees them, protecting them and loving them, looking at us all from the clouds and feeling how we miss her. She will always be in our hearts and memories.

Written by her older sister, Natalya Toropova

YELISEEVA, KLARA

Age 78, from Moscow, Russia.

Klara Mikhaylovna Yeliseeva was a teacher for almost half a century. No one will ever really know how many students she had, but without a doubt there were more than a thousand; however you measure it, a battalion or the army of a small European nation. She infected many of her wards with her love and devotion to her profession, passing onto them the teacher's pointer, and so many now continue her work.

In class, Klara Mikhaylovna knew how to strike a balance between the demands of imparting knowledge from the students and warmth and respect towards them as persons. This created a special climate in the relationship of student and teacher. She was 'tough, but fair', and so her students considered cutting her classes to be unworthy.

Klara Mikhaylovna did not limit herself to the framework of the school program — her main subject was life. Discussing eternal values, she strived to awaken within her students the ‘feeling of goodness’, to know how to defend their arguments, to never be indifferent to injustice and the sufferings of others, since this makes a person spiritually richer, morally more pure and more humane.

Her professional memory allowed her to remember all her students, and for each there was reserved a small corner in her large and kind heart. Klara Mikhaylovna was a ‘family’ teacher; it was not uncommon for her students to include two or three generations of the same family. Her wards, after fluttering away from school, would once again return in a new status: mothers and fathers of Klara’s students, and then later, as grandmothers and grandfathers of her students. Klara was like a member of these families, and together they would discuss the children’s futures.

It was always comfortable and warm in Klara Mikhaylovna’s small apartment. Her pupils knew that her door was always open, that someone was waiting and always happy to see them. There would be ‘mini’ meetings of classmates and evenings of family remembrances if both children and parents had both been Klara’s students.

‘The Meeting Place’, as her house was known, was a magnet that attracted the students of Klara Mikhaylovna from around the world. Some hurried to gladden her with news of their families, others to talk about their achievements and successes at work, or to seek advice about problems with children, or simply just to share their impressions of premiers and exhibitions.

It seemed that there would always be that way, since, like it says in the movie series: ‘the Meeting Place Cannot Be Changed’. But, on October 26th, 2002, ‘The Meeting Place’ was changed — Klara Mikhaylovna died during the gas attack on Dubrovka.

Her former student, Emilia Predova-Uzunova, a citizen of Austria, had flown to Moscow and had been to see her former teacher. She invited her to see the musical ‘Nord-Ost’, which was based on the novel ‘Two Captains’ by Benjamin Kaverin. The romantic narrative at Dubrovka ended in a monstrous tragedy: 57 hours of Hell and the ensuing storming of the building with a gas attack. Klara Mikhaylovna and Emilia never returned from the theater.

We, the students of Klara Mikhaylovna, have different destinies. Some have become physicians and engineers, others — teachers and musicians, or specialists in other professions. We have different ages and abilities, but all of us are united by a feeling of gratitude towards Klara Mikhaylovna. She was able to implant within us the stable foundation of goodness and justice, devotion and decency, persistence, and the ability, as Kaverin’s book states, ‘to fight and never give up!’

A low bow to our dear Klara Mikhaylovna. We will remember...

Written by her students

YEVLAMPIEVA, VALENTINA

Age 64, from Moscow, Russia.

She was born on January 30th, 1938. Her difficult childhood during the war and post-war years only served to strengthen her hold on life. Mom was the absolute essence of life, and everything for her was joyful and interesting, right up to her last day on earth.

After graduating from the Petrovsk village school in the Moscow district, she moved to Sterlitamak in Bashkiria. She attended the technical school there and returned to Moscow, where she entered the Polytechnic while working at the Kauchuk factory. She worked there until retirement.

Mom was an impossibly cheerful person who entertained others as well. I can still recall when she was in the choir — a pleasant, strong alto. She sang in the Russian folk ensemble at the Kauchuk factory's cultural center, and we traveled with her shows. Her heavenly blue dress with its silver embroidery will forever remain in my memory, like something out of a fairy tale.

Mom loved all kinds of art, especially music and the theater. She could never miss the beautiful musical 'Nord-Ost', which at that moment was an innovative genre for Russian audiences.

The news about the hostages being seized was a shock, as it was for everyone. When they called me about it, I simply hung up the phone. "Some kind of a prank call," I thought. I turned on the television later, and then I knew that this time evil had not passed us by. I rushed to my sister, who lived next to Mom. Almost all our relatives had gathered there when the hostages were given a chance to telephone. Mom did not waste her only call... We turned on the speakerphone... At the time we did not believe, did not have the right to believe, that we were hearing her voice for the last time...

Our parents went to the show together. For 42 years they had gone practically everywhere together, not counting their school years, which they spent in the same class. Thanks to the doctors, Dad was saved and left the hospital... But Mom never came out of her coma...

Even though it had been ten years since she retired from the Kauchuk factory, many of Mom's colleagues from work came to see her off on her last journey. One builds a reputation in 40 years... Either you have it, or you do not. Mom had it...

It has already been six years, but the bitterness of the loss has not lessened. We remember Mom and grieve for her. Even her granddaughter, who was born six months after Mom's death, knows Grandma Valya as a very kind and beautiful person.

Mamochka, we miss you very much, and we hope and believe, perhaps we even know that right now you care for us as much as you can. We all remember you and we will never forget... Your roses at the weekend house bloom even

better than before, and we hope that it is you sending your beautiful, warm greeting from that place, which we hope for you is a better world.

Written by your family: your husband Viktor, daughters Olya and Yulya, sister Lyudmila, grandchildren Maxim, Kostya, and Ksyusha, and now your great-grandson Dimochka

YUFTYAEVA, NATALYA

Age 38, from Kerch, Ukraine.

Our mother was born Natalya Alexandrovna Naumenko on November 9th, 1963. She was from the city of Kerch, in the Crimea. From 1st to 11th grade she attended School #19 there, with a special emphasis on English. After finishing school she went to study in Kharkov. She entered the machine-tool technical college in 1981, and graduated in 1984. Her specialty was called 'CPU work-bench operator'.

Back in grade school she met our father, Yevgeniy Alexandrovich Yuftyaev. They were friends for a long time, and then, during one of her holidays back home, they got married.

On December 31st, 1984, I was born. On October 7th, 1985, my brother Zhenka was born. Now they had their family and one can say that they loved each other very much. Papa called her 'Natulchik' and 'Simona Koshka'. By the way, October 28th, 2002, would have been their 18th wedding anniversary. Only two more days and they would have celebrated the 'coming of age' of their life together. Like everyone else back then, at first they lived in a hostel, then later they got their own apartment. I was 8 years old by then, and mom was working as an accountant at the 'Mitridat' youth center.

Then there occurred what I still consider a remarkable encounter (or acquaintanceship) with the center's director, Yuriy Ivanovich Chernomorchenko. Thanks to this acquaintanceship, Mom found herself in Barzovka, a place that is unknown to most people. Barzovka is a place south of Kerch where there was, and still is today, a large camping area for tents. We were lucky, because we lived nearby and could spend all summer there. Many talented people would come: 'bards' (singer/songwriters), or just people who could sing and play the guitar. No one in our family had such a talent, so I am still grateful to Yuriy Ivanovich for giving our family the chance to be there. It was there that Mom found most of her friends.

Our mom was a remarkable person, and a real woman. She was a very devoted friend, a good listener who treated another's sorrow and grief as her own. Mom was an interesting conversationalist. Her brother remembers that it was always worth listening to her. Everyone else would just sit around speechless when she talked. And she was a true beauty on the outside as well; she always had many admirers.

She was a tremendous wife and a loving mother. She never grumbled, never hit, and never swore at her children (even though, in my view, there were times when we deserved it). She was a good homemaker, very wise, and had a refined nature. She tried never to judge anyone, but looked instead for her own mistakes. I do not know any other woman who had as many friends as Mom.

She had an outstanding relationship with her mother-in-law (my grandmother), and called Grandma 'Mom' and loved her very much. Our grandmother was very ill. I remember when she died, the lady doctor from the ambulance said there was still a chance if they did an injection into Grandma's heart. She might live, but, of course, she still would not be able to walk or speak. She would more or less be a 'vegetable'. The doctor asked Mom: 'Is it worth it?' And Mom answered: 'Try everything, I want to look in Mom's eyes one more time.' But it did not work. Grandma died, and Mom lost, I believe, someone very near and dear to her.

Mom loved to read. She read a lot with enthusiasm, and was rather erudite. Mom was never embarrassed to ask something she did not know about, and she would then teach it to us. She loved crossword puzzles very much. This was her hobby. She could work at them for hours on the living room floor, surrounded by atlases and encyclopedias. We were very close. I can honestly say that she was my closest friend, and I kept no secrets from her.

In 2002 Mom went to work in Moscow, and in a year she was to send for all of us. Through a friend whom she met at Barzovka, Elena Sysueva, Mom got a job working on 'Nord-Ost'. Mom worked there selling souvenirs and printed materials. Her store was on the first floor. On the second floor was Elena's little shop. Mom and her were very good friends, and on that ill-fated day they were captured on the second floor. They sat together, hand in hand, for three days. Aunt Lena, thank God, survived, but she was hospitalized for a long time.

A very large number of friends came to the funeral. There were so many, that during the service there were too many to fit in the cathedral. It was raining, but people waited their turn outside in order to bid Mom farewell.

Written by her daughter, Yekaterina Yuftyaeva

ZABALUEV, ALEXANDER

Age 16, from Moscow, Russia.

Sanya was an ordinary fellow from an ordinary family. He was a son, brother, friend, and a good guy.

It is a tragedy that on that fateful hour he was there, where his life would be cut short. Anyone could have ended up where he was, but it was he who sat in the red armchair in the 5th row.

Life was in full swing at Moscow's School No. 319, and he was all but overwhelmed with his friends. Sanya was loved and respected by the other guys. He worked out in the gym, led a healthy lifestyle, and did not smoke.

He was a kind and caring person. He always understood and helped others when he had an opportunity to

do so.

One day he purchased a small, hairy friend with kind eyes. Coco. That is what he called him. The Staffordshire terrier was still a little puppy when he lost his master.

A lot of guys, who knew Sanya, speak of him as an open, fun and spiritual person. Sanya took joy in the people around them. His genuine smile drove the girls crazy, and his sincerity and spirit made it impossible not to love this guy.

He was a competent and responsible young man for his 16 years. He had specific goals, and would strive to achieve them, but he just did not have enough time.

He did not live long enough to reach those moments, the joy that comes at the end of school and the first steps into adulthood.

In only six months he would have stood in an auditorium with the ribbon of 'graduate' over his shoulder, and sing farewell to school. But this never happened. It never came to pass.

My memories of him are that of a person giving joy to others and cheering them up with his smile. Thoughts of the torment in which he spent the last days, hours, minutes, and seconds of his life, bring tears to my eyes. And I never even had a chance to say goodbye.

Written by Anna Zabalueva

ZAKARYAN, MIASNIK

Age 43, from Moscow, Russia.

Miasnik Hudievich Zakaryan was born on the city of Yerevan, Armenia. After schooling he was drafted into the army. On his return home, his father bought him a car. Soon he bid his parents farewell and left for Moscow. At first Miasnik worked as a janitor in a kindergarten, sweeping snow off the walks in the winter. His work was difficult, but he helped out his parents. It was not just from a feeling of son's duty, but because of his love for them.

Much time passed, and one beautiful day we met. This was the best person in the world, and he demonstrated his loyalty to his family. When a son was born to us he was ecstatic, literally doing everything for his family, just like a fairy tale. He was a very good father to our child, and the perfect husband. Many do not even know what this means. This was a happy, kind, and empathic person. He helped those in need in any way he could, and always held out his hand to those in distress.

That other world takes the best among us. And so it happened, it took away a well-loved father and husband. Innocent people suffer in terror attacks, ordinary citizens who just found themselves to be in the wrong place at the wrong time. For my family he was a HERO.

I simply dream that there would be more people like Misha.

Written by Elena Piskunova

ZAKHAROV, PAVEL

Age 23; from Moscow, Russia,.

Our Pavel was born one beautiful spring day on the 28th of April in 1979. It was a real lucky day for his parents, because their son was born on his mother's birthday.

Our Pavel was a very kind and giving person. He loved life; he loved his little brother, grandmother, and parents. Pavel graduated with honors from high school and the institute, always helping his fellow students. He could have become a good specialist.

But his life ended too early, and not of his own free will, but due to evil people, whom, we believe, the Lord will judge, since there is no forgiveness here on earth.

The most terrible thing in life is to lose your loved ones, but even worse is to lose you children. Our son died at Dubrovka. He died at the hands of the terrorists. Wounded in the head, for almost three hours he

lay bleeding until they took him from the theater and to the hospital. Once there, he was operated on, but, unfortunately, they could not save our son.

What we would like to say to you now, our son, is forgive us. We will not say farewell, because you are always with us.

Written by his parents

ZAYATSKAYA, NATALYA

Age 49; from Moscow, Russia.

Natalya Valentinovna Zayatskaya was an accountant. On October 23rd, 2002, she went with a friend to the musical 'Nord-Ost'. She died on November 24th, a month after the storming of the theater. On that day an official representative from the Moscow health department reported that the cause of death for 49-year-old Natalya Zayatskaya was 'a cerebellar hematoma' caused by a severe blow to the head. According to him, 'the woman was in very severe condition and passed away in the emergency department of the Sklifosovsky Institute. Physicians fought for her life, but, unfortunately, there was nothing that could be done.'

Natalya was buried at the Khovansky cemetery on November 26th, 2002. At exactly 4 pm a bus from 'Ritual' drove up. First they unloaded wreaths. There were very many. 'To Natashenka from her dearest', 'to Natasha from her coworkers', 'Eternal Memory'... Later they unloaded a simple wooden coffin, not covered by anything and still smelling of the woodshop. The funeral procession went through an alley leading to the cemetery.

'She was my aunt,' said a young fellow, but his voice was scarcely audible over the continuous cawing of the crows. 'Once I had a serious problem and asked my aunt for help. She did, and for this I am eternally grateful, but back then I never thanked her. I thought that I would go and buy a present and come over for tea sometime. But then that act of terror and the gas...'

The young man standing on the frozen earth stepped forward and laid carnations at the deceased's feet.

At the church service for Natalya the priest said: 'Lord, forgive her all and take her into Your Kingdom'. One of her friends wiped away tears with a shawl. I do not think that He should forgive her; she should forgive all of us for not being able to save her. Forgive us, Natalya.

From various articles in the press

ZHABOTINSKIY, YURIY

Age 48; from Rybinsk, Russia.

‘Yura’ was an intelligent and talented person. He graduated from high school with a gold medal, and from the Rybinsk Institute of Aviation Technology with the highest award, the Red Diploma. At 25 he easily completed his master’s dissertation in robotics at the Leningrad Institute of Aviation Instrumentation. As an instructor back at Rybinsk, he created a student construction bureau, called “Robo-technology”, where students cooperated with industry in preparing projects for their diplomas and further scientific activities. At 35 Yuriy got his phd. He authored 30 inventions, 3 monographs, and many articles.

During the difficult 1990s, when industries were barely hanging on, he went into private enterprise. His breadth of thought and talent as an organizer and director led him to create the ‘Volstar’ holding company, which included several different types of firms. He became the chairman of the board of directors for ‘NPF Start, Inc.’, which was on the verge of bankruptcy. He saved the company and set it on the right track. He not only generated ideas, but also knew how to realize them. Working in Moscow at the Consolidated Irkutsk Aviation Production Company, he was happy that his scientific knowledge and industry experience would finally be of use.

Despite the continuous pressure of work, Yura found time for sports, and never had problems with his health. He played tennis, went kayaking in the summer and skiing in the winter. In the early part of October 2002, he mastered underwater diving, and intended to do more of it. He loved to relax at his dacha, and in his sauna. He had brought a heap of stones from the Rybinsk Sea, bought a book on stone working, and was getting ready to build a wall (the flower borders he had done earlier), but time ran out.

Yura was a bright and benevolent person, and always ready to help. He took an active role in the destinies of people whom he met during his life. He set many of his students and coworkers on their paths through life.

He treasured friendship and loved his family. He adored his daughter Olya, but when she had a son, ‘Nikolashka’, Yura was at the height of happiness. He glowed all over, and was so very proud to be a grandfather.

It was always nice and easy being with him, and he was always smiling and joking. Even in the auditorium at ‘Nord-Ost’, when I was begging his forgiveness for buying the tickets, he answered jokingly: “Come on now, ‘Tata’. You ought to be happy – when have I ever spent three days underfoot?”

Next to us sat two girls, high school seniors (thank God I did not find them among the dead in this memorial book!) One of them had Gorky’s book “Mother” with her. Yura had read it. Whenever the girls’ nerves were giving out and they were starting to cry, he distracted them with the book. He cleverly related the events in theater with those events that would summon their courage. He joked

that he was going to adopt them and make sure no harm ever came to them. The girls would smile, and one said that now they would find it interesting to read the book.

That is what he was like, my dear husband. That is how he will always remain in my heart and my memory.

Written by his wife, Tatiana Zhabotinskaya

ZHIROVA, NATALYA

Age 39, from the Netherlands.

Natasha Zhirova was born Natalya Buchak in the closed city of Tomsk-7 on June 7th, 1963. This once secret city near Tomsk is now known as Seversk.

Eight years later Natalya's entire family in Siberia, her parents and grandparents, decided to move to the Donbas, in the eastern Ukrainian city of Voroshilovgrad.

She had the usual childhood of the Soviet child: school, music school for the piano, and Olympics reserve school in light athletics and 400-meter hurdles. Pioneer and sport summer camps, studying with well-known athletes. Hanging out with her neighborhood friends turned Natalya into a happy, sociable, and goal-

oriented girl. As was common in those days, she enjoyed literature writing, which instilled in her a romantic side that led to future happiness.

I met this madly charming, cheerful, and romantic girl on Valentine's Day, 1982...

She waited for me while I finished my military service, became my wife, bore me two remarkable children, and unselfishly provided for our family life.

To my great surprise, she still had the time and energy, without taking time away from the family, to finish college, learn a foreign language, and become a successful design engineer for an American construction company.

During her 39 years she was happy and overflowing with energy to make others happy.

Alas... on that cold morning of October 26th, 2002, following the military operation to rescue the hostages from the Dubrovka Theater, Special Forces officers (or the physicians who refused to give her timely assistance) were unable to save her life, depriving her children of their childhood happiness.

Written by her husband Oleg Zhirov

ZHULYOV, VLADIMIR

Age 46; from Moscow, Russia.

Vladimir Zhulyov was born in the city of Ramenskoye, in the Moscow district, on October 23rd, 1956. While at school there, he began to learn the violoncello. He studied at the Tsaritsino music academy, and later at the Gnesin Institute under A.Y. Georgian. After completing the institute in 1981, he served in the army. Later, he returned to the Gnesin Institute and played in the institute's opera studio, as well in symphony orchestras led by Rozhdestvensky, Almeida, in the Moiseev ensemble, among others. For a time he was with the imperial symphony orchestra of Morocco. For three years he played violoncello for the Moscow Ensemble under the

direction of Vladimir Tonkhi.

I met Volodya (Vladimir) at the Gnesin opera studio in 1985. He was seven years older than me. We shared a music stand. I was a second-year student, while he had already finished the institute and returned from the army. About six months after we first met, Volodya asked me to marry him, and a year later our daughter Ksusha (Oksana) was born. She is very much like him.

There came a time when we decided to try and work for different orchestras. The first serious competition that we played in was in Rozhdestvensky's orchestra. Volodya was hired, but I was patted on the shoulder and told that though I played remarkably, the man should be the one to earn for the family. His serious work began, and tours. There were other orchestras, and soon Volodya began to work in the Moiseev Ensemble. The musicians there were not as busy, and had a chance to play elsewhere if they wished. When Vladimir Tonkhi put together his violoncello ensemble, Volodya hurried to join him. We worked and went on tours together, and played new compositions, including works written especially for our group, for example, 'Quarterion' by Gubaidullina. In this quartet occasionally played Misha Shumsky, and Zhenya Kochat, and so at 'Nord-Ost' we were already a group that was well acquainted with one another. The theater center where 'Nord-Ost' was playing was also right next to our apartment building. Certainly, at first we were more interested in the play from a commercial standpoint, but later we enjoyed its good work atmosphere.

October 23rd, the day of the attack, was Volodya's birthday. He went to 'Nord-Ost', while I stayed home and got things ready. The television was off. Parents of some of my students called me, they were afraid that I had been at the theater, and their first words were: "Thank God that you're at home!" I ran to the television and switched it on, and within 5 minutes Volodya called on Zhenya Kochat's cell phone. They had hidden themselves in the basement. The second call was from the theater hall, he said that everything had been wired with explosives, that they needed to make concessions, or "God help us, we'll all be blown up." Those were his words. Volodya asked me, if anything happened, to take care of his mother. The next call was a day and a half later, he

said that everyone should go out and demonstrate, and do what the terrorists demanded. We did this, of course. I was called up by some official, and told not to go anywhere, convinced that it was all just a provocation. The demonstration was unsanctioned. All day we tried to organize one, but it was hard, with rain coming down continuously...

Volodya was an ingenious person, who never lost his self-control when things were complicated, and I was sure that he would never break down. I knew that he would be sitting in the front rows, with the rest of the orchestra. He was seen alive twenty minutes before the gas began. I was hoping that Volodya would make it. For three days I looked for him, running from hospital to hospital, and the endless telephone calls...

He was sent straight to the morgue from the scene of the crime, together with the Chechens. Anton Kobozev also ended up there. They would not let us identify him in person; they just showed us photographs of the body, and his personal belongings. Judging from the pictures, it was clear to me that Volodya had come to. His face was not relaxed, like Anton's, or Zhenya Kochat's. He had an expression of someone who was suffocating, like a person who was not given help in time.

It is impossible to forget...

Volodya was a person, on the one hand, who was ordinary and everyday, but on the other hand, he was exceptional. He understood my problems, and one can say that he patiently raised me like an adult. I miss this creative person: we had always played and enjoyed the music together, and consulted with each other. I will miss him, I suppose, for a very long time. Everything that happens later in life, I will compare to him...

*Written by his wife, Elena Zhulyova.
"Filarmonik" #4, 2002*

EPILOGUE

'Nord-Ost' is a grief that united the whole country! 'Nord-Ost' is an unceasing pain in our hearts! Many years have passed, but our memory preserves the terrible moments that were experienced by all! This tragedy is a reminder to the peoples of the world that terrorism can only be defeated by our joint efforts.

I am eternally grateful to all who participated in the liberation of the hostages. To all who came to 'Nord-Ost' and offered all possible assistance — this was a matter of honor and conscience for everyone living on Earth.

***One of the thousands who participated in the liberation of the hostages,
Honored Moscow Citizen and People's Artist of the USSR, Josef KOBZON***

Nearly nine years have passed since the shocking and tragic events of October 2002. For ordinary people whose lives were not touched by the capture 'Nord-Ost', this may seem like a long time, but for those who lost loved ones there, it feels as if it happened only yesterday.

Those three days changed their lives forever. Ask any of the relatives of the victims, and they will tell you that life for them is divided into 'before the attack' and 'after'.

Those who had no connection to this tragedy cannot even come close to imagining the suffering of the victims' families. Those who died are gone forever, but they live in a long memories and love of their families.

We must never forget those who died, the innocent victims who were by tragic coincidence in the wrong place at the wrong time. It was the most difficult, however, for those who had to face the tragedy and who suffered the loss: ordinary people who in 2002 with the inspiring courage, dignity and strength, coped with this unimaginable pain. My heart is with them.

***Mark FRANCHETTI,
Moscow correspondent for the British newspaper 'Sunday Times',
one of those who negotiated with the terrorists on saving the hostages***

...Even war is fairer with regards to people than terrorism. Terrorism is war without rules, whose victims are women, children, and innocent civilians. It is war without warning. Terrorism arises as a result of an unfinished war, when nobody won and no one admits defeat. The highest form of injustice is felt especially when you become indirectly involved in the events, as happened to me during the seizure of the Dubrovka theater.

I came face to face with such human misery... Certainly, no amount of state aid can make people who have become victims of an undeclared war happy...

All that remains is a hope for justice, and human memory. And for this we need books like this one.

***Irina KHAKAMADA, Russian politician and statesman,
PhD, author, radio host, TV anchor***

The farther from us the story of the tragedy of 'Nord-Ost' passes, the less a majority of our citizens try to remember it. Only the relatives and loved ones of the slain 130 hostages will never forget the nightmare that occurred in October 2002 at Dubrovka.

I think that sooner or later the truth about the terrorist attack on Dubrovka will be unveiled, and the perpetrators will be punished. It is necessary that such tragedies never happen again in the future. Eternal memory to the victims...

***Boris NEMTSOV, Russian politician,
statesman, public figure, businessman***

Who will heal the wounded hearts of the mothers, fathers, brothers and sisters?

We, who were victims of the 1999 terrorist attack in Volgodonsk, more than anyone else we understand the pain and suffering that the victims of 'Nord-Ost' are going through. Eternal memory to all victims. Patience and strength to the survivors, and all who were touched by this tragedy.

***Irina HALAY, chairman of the regional public organization promoting
the protection of the rights of victims of the 'Volga-Don'terrorist attack***

A book is about the tragedy of 'Nord-Ost' is an important and necessary contribution to the peaceful future of our country, one in which human life is valued as the most precious and inalienable of rights.

***Ella KESAYEVA, co-chairman
of the 'Voice of Beslan' public organization, Beslan, North Ossetia***

We, the families of those killed in the terrorist attacks of September 11th, want to tell you that we understand and share your pain. No matter how many years pass, the pain of loss does not abate. Perhaps we will learn to live with this pain, but we will never be able to understand why this should happen.

We must support each other and find solace in family, friends, and those who stand with us. And repeat: we will never forget!

***With a sense of grief, the public organization of families of those killed in
the September 11th terrorist attacks, New York, USA***

Looking up at us from the pages of this book are bright, vibrant persons – ‘stars that fell from heaven before their time’. They should still be alive. All of them had plans, and dreams, but someone of ill will decided otherwise.

To those who lost loved ones at ‘Nord-Ost’, I wish you health and the strength to live on and preserve the memory of those who have left us. You should remember that you are not alone in your grief, that thousands share your pain, and I promise that together with you I will do everything in my power to ensure that this tragedy is never forgotten.

***Natalie PELEVINE, playwright,
author of the play ‘In Your Hands’, public figure***

This book is dedicated to the courage of those who went through ‘Nord-Ost’, and to the memory of those who never returned from there.

We, like many others, have relived these events, every time anxiously watching the scenes from the scene of the tragedy. I so wanted to believe that everyone would remain living. I so wanted to believe that there will be a miracle. But...

***Igor TRUNOV, attorney for the victims
of the terrorist attack on the musical ‘Nord-Ost’***

They say that the truth always triumphs, but for some reason afterwards. The truth about Dubrovka will be told when it becomes a civic necessity, when it is no longer treated as merely information, but as to how it compares with the grief and pain of those whose names are listed in this book – to life itself.

This book is a step towards ensuring that the names of the dead at Dubrovka are entered into that endless list of people whose memory and pain should bind people together.

***Grigory YAVLINSKY, Soviet and Russian politician,
economist, and doctor of economic sciences***

Региональная общественная организация содействия защите пострадавших от террористических актов 'НОРД-ОСТ' выражает глубокую признательность авторам статей, поддержавших идею создания книги. Особая благодарность Карлу Снеддену и Наталье Пелевиной, авторам перевода книги на английский язык.

Книга издана при поддержке мэрии города Москвы

Regional public organization for support of victims of terrorist attacks "NORD-OST" would like to express their gratitude to all those who wrote articles for this book, supporting this very important undertaking. Deepest thanks goes to Carl S. Snedden and Natalia Pelevine, who made the English translation of this book possible.

This book was published with the support of the Moscow's Mayor's office.

Содержание • Contents

Обращение к читателю	3
Александров Алексей	7
Алякин Александр	8
Анисимова Елена	10
Антонова Лариса	22
Апшева Светлана	22
Барановский Сергей	24
Белоусова Любовь	27
Белянцева Инна	28
Богачёва Людмила	29
Богданова Ирина	30
Бондаренко Валерий	31
Борисова Елена	32
Бочков Алексей	33
Букер Сэнди Алан	35
Бурбан Григорий	39
Васильев Константин	41
Влах Геннадий	44
Войнова Тамара	47
Волков Александр	49
Волкова Елена	52
Воропаева Татьяна	54
Герасимов Аркадий	55
Гончаренко Жанна	64
Горохолинская Юлия	65
Грибков Денис	66
Гришин Алексей	67
Дивин Андрей	68
Евлампиева Валентина	70
Елисеева Клара	72
Жаботинский Юрий	73
Жирова Наталья	74
Жулёв Владимир	75
Забалуев Александр	76
Закарян Мясник	77
Захаров Павел	78
Заяцкая Наталья	78
Иванова Любовь	79
Иванова Ольга	81
Ипатова Елена	82
Карпов Александр	82
Кириченко Светлана	88
Кириянова Наталья	89
Киселёв Анатолий	92

Содержание • Contents

Кобозев Антон	97
Когос Алла.	98
Кононова Галина	102
Кораблёв Владимир	102
Кораблёва Наталья.	103
Кочат Евгений	104
Кузнецова Светлана	107
Кузьменков Сергей.	108
Кунова Светлана	109
Курбатова Кристина	111
Куриленко Арсений	112
Лавров Дмитрий	114
Лаврова Ирина	116
Летяго Александра.	117
Литвинов Борис	119
Литвинова Галина	119
Литвинов Константин.	120
Магерламов Олег	121
Маленко Наталья.	123
Мартынов Виктор	127
Медведев Вадим	129
Миловидова Нина	132
Митин Максим	133
Митрофанов Алексей	134
Михайлов Максим	135
Молофеев Алексей	137
Морев Игорь.	139
Никишин Андрей	24
Ольховникова Дарья.	143
Офтаева Анна.	146
Панова Мария.	150
Пантелеев Денис	151
Петрова Таисия.	153
Платонов Павел Павлович	154
Платонов Павел Юрьевич.	156
Предова-Узунова Эмилия.	157
Присяжнова Елена	160
Прохорова Людмила.	160
Пузиков Дмитрий	162
Радченко Владимир	163
Родионов Дмитрий	164
Розгон Светлана	164
Романова Ольга.	166
Рябова Александра.	167

Содержание • Contents

Савельев Сергей	168
Савельева Галина	168
Сапожников Борис	169
Сафронова Ольга	169
Сенченко Сергей	170
Сёмин Сергей	172
Сидоренков Юрий	174
Симаков Александр	175
Симонов Денис	177
Синельников Павел	180
Скопцова Евгения	181
Соколова Маргарита	183
Солодов Геннадий	183
Солонин Эдуард	184
Сопрунов Максим	185
Старков Александр	188
Старкова Елизавета	189
Тагузаева Юлия	190
Теленкова Татьяна	191
Ткач Герман	191
Товмасян Людмила	193
Толмачёв Александр	194
Тюкачёв Александр	198
Усвалиева Евгения	198
Устиновская Екатерина	199
Фадеев Ярослав	200
Финогенов Игорь	202
Фролова Вера	205
Фролов Евгений	205
Фролова Дарья	209
Хазиев Тимур	211
Храмцов Фёдор	214
Чернецов Данила	215
Черных Дмитрий	216
Чижикова Лидия	219
Шалбанова Людмила	220
Шарова Елена	221
Шифрина Анна	223
Шомахова Елена	229
Щегольков Дмитрий	230
Эльмурадова Ирина	231
Юфтяева Наталья	232
Якубенко Елена	233
Эпилог	237

Содержание • Contents

Dear reader...	241
Alexandrov, Alexey	244
Alyakin, Alexander	245
Anisimova, Elena	247
Antonova, Larissa	258
Apsheva, Svetlana	258
Baranovskiy, Sergey	260
Belousova, Lyubov	263
Belyantseva, Inna	264
Bogachyova, Lyudmila	265
Bogdanova, Irina	266
Bondarenko, Valeriy	267
Borisova, Elena	268
Bochkov, Alexey	269
Booker, Sandy Alan	271
Burban, Grigoriy	275
Chernetsov, Danila	276
Chernykh, Dmitriy	276
Chizhikova, Lidiya	279
Deveen, Andrey	281
Elmuradova, Irina	283
Fadeyev, Yaroslav	284
Finogenov, Igor	286
Frolov, Yevgeniy	288
Frolova, Vera	288
Frolova, Darya	293
Gerasimov, Arkadiy	294
Goncharenko, Zhanna	303
Goroholinskaya, Yulia	304
Gribkov, Denis	305
Grishin, Alexey	306
Ivanova, Lyubov	307
Ivanova, Olga	309
Ipatova, Elena	310
Karpov, Alexander	310
Khaziev, Timur	316
Khramtsov, Fyodor	319
Kirichenko, Svetlana	320
Kiryanova, Natalya	321
Kiselyov, Anatoliy	324
Kobozev, Anton	327
Kochat, Yevgeniy	329
Kogos, Alla	332
Kononova, Galina	335

Содержание • Contents

Korablyov, Vladimir	335
Korablyova, Natalya	336
Kuzmenkov, Sergey	337
Kuznetsova, Svetlana	338
Kunova, Svetlana	339
Kurbatova, Kristina	341
Kurilenko, Arseniy	342
Lavrov, Dmitriy	343
Lavrova, Irina	346
Letyago, Alexandra	347
Litvinov, Boris	349
Litvinova, Galina	349
Litvinov, Konstantin	349
Magerlamov, Oleg	351
Malenko, Natalya	353
Martynov, Viktor	357
Medvedev, Vadim	359
Mikhaylov, Maxim	362
Milovidova, Nina	364
Mitin, Maxim	365
Mitrofanov, Alexey	366
Molofeev, Alexey	368
Morev, Igor	370
Nikishin, Andrey	260
Oftayeva, Anna	374
Olkhovnikova, Darya	378
Panova, Mariya	381
Panteleev, Denis	382
Petrova, Taisiya	385
Platonov, Pavel Pavlovich	386
Platonov, Pavel Yurievich	387
Predova-Uzunova, Emilia	388
Prisyazhnova, Elena	391
Prokhorova, Lyudmila	392
Puzikov, Dmitriy	393
Radchenko, Vladimir	394
Rodionov, Dmitriy	395
Romanova, Olga	396
Rozgon, Svetlana	397
Ryabova, Alexandra	399
Safronova, Olga	400
Sapozhnikov, Boris	401
Savelyev, Sergey	401
Savelyeva, Galina	402

Содержание • Contents

Syomin, Sergey	402
Senchenko, Sergey	405
Sidorenkov, Yuriy	406
Shalbanova, Lyudmila	407
Sharova, Elena	408
Shchegolkov, Dmitriy	409
Shifrina, Anna	410
Shomakhova, Elena	416
Simakov, Alexander	417
Simonov, Denis	419
Sinelnikov, Pavel	421
Skopstova, Yevgeniya	422
Sokolova, Margarita	424
Solodov, Gennadiy	424
Solonin, Eduard	425
Soprunov, Maxim	426
Starkov, Alexander	429
Starkova, Elizaveta	430
Taguzayeva, Yulia	431
Telenkova, Tatiana	432
Tkach, German	432
Tovmasyan, Lyudmila	434
Tolmachyov, Alexander	435
Tyukachyov, Alexander	438
Ustinovskaya, Yekaterina	439
Usvaliyeva, Yevgeniya	440
Vasilev, Konstantin	441
Vlakh, Gennadiy	444
Vojnova, Tamara	446
Volkov, Alexander	449
Volkova, Elena	451
Voropaeva, Tatiana	453
Yakubenko, Elena	454
Yeliseeva, Klara	457
Yevlampieva, Valentina	459
Yuftyayeva, Natalya	460
Zabaluev, Alexander	462
Zakaryan, Miasnik	463
Zakharov, Pavel	463
Zayatskaya, Natalya	464
Zhabotinskiy, Yuriy	465
Zhirova, Natalya	466
Zhulyov, Vladimir	467
Epilogue	470

